КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ

ИСТОРІИ

ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ЗА ПЕРВЫЯ СТО ЛѢТЪ ЕГО СУЩЕСТВОВАНІЯ

(1805—1905),

СОСТАВЛЕННЫЙ ПРОФЕССОРАМИ

Д. И. Багалѣемъ, Н. В. Сумцовымъ и В. П. Бузескуломъ.

ИЗДАНІЕ УНИВЕРСИТЕТА.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Адольфа Дарре, Московская, №19.
1906.

На основаніи ст. 41, § 1, п. 4 и ст. 138 университ. уст. печатать и выпустить въ свѣтъ разрѣшается

Ректоръ университета *Л. Рейнгардъ.*

БИБЛИОТЕ[КА]
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
1808
26

Оглавленіе.

Стран.

Предисловіе V

Опечатки и дополненія VIII

ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ.

Исторія университета при дѣйствіи устава 1804 г. (съ 1805 по 1835 г.).

1-я глава. Основаніе Харьковскаго университета . . . . . 1—12

Городъ Харьковъ передъ открытіемъ университета и состояніе въ немъ образованія. Роль В. Н. Каразина и общества въ дѣлѣ основанія университета. Открытіе университета.

2-я глава. Университетское самоуправленіе по уставу 1804 года . 12—47

Уставъ 1804 года. Отношеніе къ университетамъ министерства народнаго просвѣщенія съ 1804 по 1835-й годъ, отношеніе къ Харьковскому университету попечителей Харьковскаго учебнаго округа. Дѣятельность совѣта и правленія.

3-я глава. Преподавательская и научно-литературная дѣятельность профессоровъ . . . . . 47—86

Научная подготовка профессоровъ Харьковскаго университета до назначенія ихъ въ Харьковъ. Полнота преподаванія. Курсы, читанные преподавателями, и отзывы о нихъ слушателей. Состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій. Научные труды профессоровъ.

4-я глава. Студенты . . . . . 86—101

Статистическія данныя о студентахъ. Занятія студентовъ и число окончившихъ курсъ. Литературные труды студентовъ. Правила, регулировавшія поведеніе студентовъ.

5-я глава. Просвѣтительное вліяніе университета на общественную среду . . . . . 101—115

Роль университета въ дѣлѣ устройства и управленія училищъ. Просвѣтительное вліяніе университета на общество. Университетскія періодическія изданія. Университетъ и изящная словесность. Образовательное значеніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета.

ВТОРОЙ ПЕРІОДЪ.

Исторія университета при дѣйствіи устава 1835 г. (съ 1835 по 1863 г.).

1-я глава. Университетское самоуправленіе . . . . . 116—133

Уставъ 1835 года. Дополненія и измѣненія его. Отношеніе къ Харьковскому университету попечителей Харьковскаго учебнаго округа. Дѣятельность совѣта.

2-я глава. Преподавательская и научная дѣятельность профессоровъ. 133—155

Составъ профессорской коллегіи. Курсы, читанные профессорами. Ихъ характеръ и направленіе. Ученая дѣятельность преподавателей и ихъ командировки.

3-я глава. Студенты . . . . . 155—165

Статистическія данныя о студентахъ. Научно-литературныя занятія ихъ. Правила о поведеніи.

4-я глава. Просвѣтительное вліяніе университета . . . . . 165—171

Благотворное вліяніе университета на городъ Харьковъ, на край и на развитіе просвѣщенія вообще и мѣстной культуры въ частности.

ТРЕТІЙ ПЕРІОДЪ.

Исторія университета при дѣйствіи устава 1863 г. (съ 1863 по 1884 г.).

1-я глава. Введеніе устава 1863 г. Его значеніе. Университетское самоуправленіе . . . . . 172—192

Характеръ и значеніе устава 1863 г. Статья проф. А. П. Рославскаго-Петровскаго. Попечитель К. К. Фойхтъ. Доносъ на университетъ и его правленіе. Совѣтъ о польскомъ возстаніи 1863 г. Тѣснота помѣщеній и бѣдность въ средствахъ.

2-я глава. Преподавательская и научно-литературная дѣятельность профессоровъ . . . . . 193—220

Почетные члены. Чествованіе памяти писателей. Способы замѣщенія вакантныхъ каѳедръ. Несостоявшіяся назначенія (Костомарова, Макушева и др.). Доцентура. Раздѣленіе наукъ и постановка преподаванія. Защита профессоровъ совѣтомъ. Университетскій судъ. Ученая экспертиза и общественно-просвѣтительная дѣятельность профессоровъ. Возникновеніе ученыхъ обществъ. Вражда партій.

3-я глава. Студенты. Инспекція . . . . . 220—242

Переписка по поводу закрытія студенческихъ кассы и библіотеки. Вопросы объ обязательности посѣщенія студентами лекцій, о практическихъ занятіяхъ, о бракѣ студентовъ. Студенческія волненія. Усиленіе инспекціи и ростъ репрессалій. Столкновеніе совѣта съ попечителемъ Максимовскимъ. Личность инспектора Ф. Ф. Рогожина. Предчувствіе предстоящаго административнаго разгрома. Ректоръ Цѣхановецкій и негласное слѣдствіе о его лекціяхъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПЕРІОДЪ.

Исторія университета при дѣйствіи устава 1884 г. (съ 1884 до 1905 г.).

1-я глава. Уставъ 1884 г. и строй университета . . . . . 244—270

Характеристика устава 1884 г. Его введеніе. Его вліяніе. Дѣятельность совѣта. Мнѣніе о гонорарѣ. Отвѣтъ совѣта (1901 г.) на вопросы министерства объ измѣненіи устава. Кураторы и профессорскій судъ. Правленіе. Инспекція.

2-я глава. Преподаваніе и преподаватели . . . . . 270—303

Положеніе профессоровъ. Выдающіяся имена. Число профессоровъ. Положеніе приватъ-доцентовъ. Замѣщеніе каѳедръ. Составъ преподавателей. Распредѣленіе наукъ. «Свобода слушанія и преподаванія» и «экзаменныя требованія» 1885 г. Регламентація. Практическія занятія и спеціальные курсы. Государственные экзамены и ихъ вліяніе. Расширеніе помѣщеній (постройка клиникъ и проч.). Развитіе учебно-вспомогательныхъ учрежденій. Матеріальныя средства университета.

3-я глава. Студенты . . . . . 303—316

Регламентація и правила относительно студентовъ. Колебаніе въ числѣ студентовъ. Студенческія работы. Студенческіе кружки. Матеріальное положеніе студентовъ. Студенческое общежитіе. Студенческія волненія, ихъ причины и мѣры противъ нихъ. Мнѣніе совѣта.

4-я глава. Университетъ и общество . . . . . 316—329

Пользованіе учебно-вспомогательными учрежденіями. Университетскія «Записки». Ученыя общества. Популяризація науки. Врачебная помощь въ день 17 октября 1888 г. Общественная дѣятельность профессоровъ. Поддержка со стороны общества. Пожертвованія. Достопамятныя событія. Археологическій съѣздъ въ Харьковѣ. Связь университета и общества.

Указатель . . . . . I—XIV

Предисловіе.

Настоящій очеркъ открываетъ собою серію изданій, предпринятыхъ Харьковскимъ университетомъ къ его столѣтнему юбилею (17 января 1905 г.). Для выработки плана изданій и ихъ смѣты, въ засѣданіи совѣта 4 декабря 1901 г., была избрана коммиссія, которая въ числѣ другихъ трудовъ намѣтила и краткую «Историческую Записку» о Харьковскомъ университетѣ за сто лѣтъ его существованія. Вотъ планъ ея, составленный проф. Д. И. Багалѣемъ и одобренный совѣтомъ (въ засѣданіи 19 мая 1903 г.):

«Содержаніе труда обусловливается его цѣлью: онъ долженъ вкратцѣ дать понятіе о заслугахъ Харьковскаго университета, какъ *учебнаго* заведенія и учрежденія *ученаго* и *просвѣтительнаго*. Соотвѣтственно этому долженъ быть ограниченъ и фактическій матеріалъ для всѣхъ отдѣловъ труда, которыхъ предполагается 4—по числу дѣйствовавшихъ уставовъ. Въ первый отдѣлъ должны войти слѣдующія рубрики: 1) Основаніе университета въ связи съ состояніемъ образованія въ краѣ до его открытія; обстоятельства его открытія; заслуги В. Н. Каразина и др. дѣятелей (Потоцкаго, Тимковскаго и т. п.); 2) университетскій уставъ 1804 года съ дополненіями и его практическое осуществленіе (въ дѣятельности органовъ университетскаго управленія); 3) общій ходъ преподаванія—профессоры и ихъ курсы, отзывы о нихъ современниковъ; научно-литературная дѣятельность профессоровъ—ея общій характеръ и наиболѣе выдающіеся представители; улучшеніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій; 4) студенты: ихъ статистика, число оканчивавшихъ курсъ, научно-литературная дѣятельность; 5) просвѣтительная дѣятельность университета: а) роль университета въ дѣлѣ развитія средняго и низшаго народнаго образованія, б) просвѣтительное

вліяніе на общество и польза, приносимая его учебно-вспомогательными учрежденіями. Содержаніе II, III и IV отдѣловъ должно быть то же, что̀ и перваго отдѣла, за исключеніемъ рубрикъ объ основаніи университета и его роли въ дѣлѣ развитія средняго и низшаго народнаго образованія. Размѣръ каждаго изъ 4-хъ отдѣловъ—около 4-хъ печатныхъ листовъ, причемъ возможно увеличеніе I и 4-го отдѣловъ на счетъ 2-го. Характеръ и направленіе труда—безпристрастное изложеніе, чуждое и панегирическаго тона, и обличенія, соотвѣтствующее основной цѣли труда и его объему. Весь трудъ долженъ быть составленъ главнымъ образомъ по печатнымъ даннымъ, причемъ основою для I-го отдѣла можетъ послужить 1-й и 2-й т. т. «Опыта исторіи Харьковскаго университета» Д. И. Багалѣя, а матеріаломъ для остальныхъ—университетскіе уставы и дополнительныя узаконенія, печатные отчеты университета, печатные труды профессоровъ, мемуары, біографіи и вообще пособія и только отчасти архивные источники (нѣкоторые документы университетскаго архива)».

Средства на осуществленіе какъ этого, такъ и прочихъ юбилейныхъ изданій, были отпущены министерствомъ народнаго просвѣщенія. Составленіе «Исторической Записки» или очерка исторіи Харьковскаго университета совѣтъ поручилъ тремъ профессорамъ—Д. И. Багалѣю, взявшему на себя обработку первыхъ двухъ отдѣловъ (періодъ устава 1804 г. и періодъ устава 1835 г.), Н. Ѳ. Сумцову, принявшему на себя составленіе третьяго отдѣла (періодъ устава 1863 г.), и В. П. Бузескулу, обработавшему четвертый отдѣлъ (періодъ устава 1884 г. до начала 1905 г.), такъ какъ, въ виду краткости времени, никто изъ нихъ не могъ взять на себя одного составленіе всего труда. Такое распредѣленіе работы между авторами обусловлено было тѣмъ, что проф. Д. И. Багалѣй и прежде занимался преимущественно болѣе ранними эпохами въ исторіи Харьковскаго университета (ему принадлежитъ большой «Опытъ» этой исторіи, доведенный пока до 1835 г.); проф. Н. Ѳ. Сумцовъ самъ выступилъ на преподавательское поприще въ университетѣ при дѣйствіи устава 1863 г., а проф. В. П. Бузескулъ и раньше занимался обработкой исторіи Харьковскаго университета за время царствованія Императора Александра III. Коллективная работа оказалась возможной въ данномъ случаѣ во 1-хъ потому, что всѣ авторы приняли одинъ и

тотъ же планъ объективнаго изложенія, а во 2-хъ и потому, что не приходилось опасаться рѣзкаго различія въ воззрѣніяхъ и въ оцѣнкѣ историческихъ фактовъ.

Въ общемъ можно сказать, что намѣченный планъ и осуществленъ. Отступленія отъ него незначительны. Между прочимъ, въ четвертомъ отдѣлѣ, въ виду близости этого періода къ нашему времени, во многихъ случаяхъ приходилось, касаясь фактовъ, не называть именъ. Что же касается источниковъ, то здѣсь оказалось возможнымъ дать больше, чѣмъ предполагалось, и воспользоваться документами мин. нар. просвѣщенія, извлеченными проф. Д. И. Багалѣемъ изъ архива этого министерства. Указанія на источники, положенные въ основу изложенія, можно найти въ примѣчаніяхъ, въ началѣ каждаго отдѣла, или періода. Объемъ книги нѣсколько превысилъ намѣченные предѣлы, но всякій знаетъ, какъ трудно на дѣлѣ въ такихъ случаяхъ соблюсти заранѣе установленную норму.

Указатель составленъ архиваріусомъ университета Е. М. Ивановымъ.

Январь 1906 г.

ОПЕЧАТКИ и ДОПОЛНЕНІЯ.

Стран.	Строка:	Напечатано:	Нужно читать:
130	16 снизу	Полюмбецкій	Палюмбецкій
138	16 »	И. Бейеръ	Е. И. Бейеръ
139	1 »	А. Д. Масловскій	А. Ф. Масловскій
142	12 сверху	И. А. Нарановичъ	П. А. Нарановичъ
143	6 »	В. Н. Лапшинъ	В. И. Лапшинъ
155	17 »	Сошальскій	Сокальскій
168	5 »	Славицкій	Сливицкій
225	17 снизу	мноія	многія
240	4 и 3 снизу	Въ указанныхъ условіяхъ, милостивые государи, заключается	Въ указанныхъ условіяхъ заключается
257	3 снизу	А. К. Андреевъ	К. А. Андреевъ
272	17 сверху	В. Г. Грубе	В. Ѳ. Грубе
279	16 снизу	Н. Н. Бѣлоусовъ	Н. Ѳ. Бѣлоусовъ
282	15 »	Н. И. Тринклеръ	Н. П. Тринклеръ
299	13 сверху	Г. О. Шульцъ	Г. Ѳ. Шульцъ

Къ стран. 272. Въ числѣ выдающихся профессоровъ Харьковскаго университета наряду съ А. А. Потебней слѣдуетъ назвать извѣстнаго слависта М. С. Дринова, имя котораго неразрывно связано съ первою организаціей освобожденной Болгаріи. Въ текстѣ проф. М. С. Дриновъ не названъ, такъ какъ тамъ поименованы лишь тѣ изъ профессоровъ, которыхъ университетъ тогда уже лишился. М. С. Дриновъ скончался 28 февраля 1906 года, послѣ того, какъ книга была уже отпечатана.

Къ стран. 310. О студенческихъ волненіяхъ въ Московскомъ университетѣ въ 1887 году см. еще статью г. Ростовцева въ «Русской Старинѣ» 1906 года, январь.

Т. Ѳ. Осиповскій

С. О. Потоцкій

В. Н. Каразинъ

И. Ѳ. Тимковскій

И. С. Рижскій

Худож. фот. К. Фишеръ, Москва.

ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ:

ИСТОРІЯ УНИВЕРСИТЕТА ПРИ ДѢЙСТВІИ УСТАВА 1804 года (съ 1805 по 1835 г.) [1]).

1-я глава.

Основаніе Харьковскаго университета.

Основною чертою въ исторіи Харьковскаго университета является та особенность, что возникновеніемъ своимъ онъ былъ обязанъ общественной иниціативѣ: виновникомъ его учрежденія былъ извѣстный общественный дѣятель Василій Назарьевичъ Каразинъ, побудившій мѣстныя сословія сдѣлать на него крупное пожертвованіе. Харьковъ въ началѣ XIX-го столѣтія представлялъ изъ себя такой незначительный пунктъ, какой самъ по себѣ отнюдь не могъ разсчитывать на учрежденіе въ немъ высшаго учебнаго заведенія, тѣмъ болѣе что такового не имѣли тогда ни Кіевъ, ни даже Петербургъ; хотя онъ былъ губернскимъ городомъ, но по количеству жителей мало чѣмъ выдѣлялся изъ ряда уѣздныхъ городовъ тогдашней Слободско-украинской губерніи, а двумъ изъ нихъ даже уступалъ: въ Харьковѣ въ 1802 году было 5373 души мужескаго пола, въ Ахтыркѣ 6309, а въ Валкахъ 5392. По внѣшнему виду въ Харьковѣ, особенно на окраинахъ, было еще много деревенскаго; нынѣшняя Гончаровка представляла изъ себя слободу, а Клочковская улица—хуторъ. Только центральная часть имѣла видъ настоящаго города. Но особенно непріятное впечатлѣніе производило на свѣжаго человѣка городское неблагоустройство. Да и что было возможно сдѣлать въ этомъ отношеніи при бюджетѣ въ 10000 р. и при весьма неблагопріятныхъ топографическихъ условіяхъ города? Однако

[1]) Исторія этого перваго періода составлена мною по 1-му и 2-му томамъ моего «Опыта исторіи Харьковскаго Университета».

Харьковъ имѣлъ будущее. Любопытно впечатлѣніе, произведенное имъ на проф. Тимковскаго, который пишетъ: «онъ только лишь выходитъ изъ состоянія дикой необразованности; если обстроится, будетъ пріятнымъ городомъ: окрестности его богаты красотою; почва земли способна для садовъ; близъ него есть глинистыя горы для кирпича; есть довольно и лѣсу». О развитіи города свидѣтельствовали его ярмарки и вообще торговля—въ этомъ отношеніи Харьковъ являлся центромъ всего южнаго района. Обороты Харьковскихъ ярмарокъ измѣрялись многими милліонами рублей (Крещенской доходили до 10 мил., Успенской—до 8). Харьковъ дѣлался постепенно и центромъ постоянной торговли. Харьковъ связанъ былъ торговыми интересами съ Великороссіей, Малороссіей, Новороссіей, Дономъ, Крымомъ, Польшей и Западной Европой; онъ игралъ при этомъ роль посредника между Московскимъ промышленнымъ округомъ и житницею юга—Новороссіей. Такимъ образомъ, и въ Харьковѣ по временамъ жизнь била ключемъ, происходилъ не только обмѣнъ товаровъ, но и обмѣнъ мыслей. Сравнительная матеріальная обезпеченность сдѣлала возможнымъ появленіе потребности въ грамотности и образованіи.

Впрочемъ, стремленіе къ просвѣщенію населеніе Харькова и всего края вынесло еще изъ первоначальной родины своей—Заднѣпровья. Тамъ наука (конечно, духовная) являлась необходимымъ средствомъ борьбы за вѣру и народность; на этой же почвѣ тамъ выросли братства съ ихъ школами и шпиталями, т. е. богадѣльнями. Братства, шпитали и школы были перенесены и въ Харьковъ. Особенное развитіе получили въ краѣ народныя школы, привлекавшія массу учащихся. Число ихъ по отношенію къ населенію почти равнялось нынѣшнему. Въ Харьковѣ уже въ 1-ой половинѣ XVIII в. было 4 такихъ школы при церквахъ, съ 19 учителями. Здѣсь обучались дѣти всѣхъ слоевъ мѣстнаго общества. Тогда же было основано въ Харьковѣ и *среднее учебное заведеніе*—Харьковскій коллегіумъ (нынѣшняя Духовная семинарія); въ немъ обучались не только дѣти духовенства, но и козацкой старшины, козаковъ, горожанъ и т. п. Программа его, въ которую входило много свѣтскихъ наукъ, стояла въ полномъ соотвѣтствіи съ его всесословнымъ характеромъ. Харьковскій коллегіумъ въ значительной степени подготовилъ почву для учрежденія въ Харьковѣ университета: его продолжительное и глубокое просвѣтительное вліяніе въ краѣ способствовало развитію сознанія о важности и пользѣ новаго высшаго учебнаго заведенія; Харьковскій коллегіумъ доставилъ и первыхъ студентовъ для Харьковскаго университета, и многихъ выдающихся дѣятелей на разныхъ поприщахъ; изъ него выросло и новое учебное заведеніе—чисто свѣтское уже—казенное училище; онъ

положилъ начало и издательской дѣятельности въ Харьковѣ; въ составѣ его преподавателей былъ такой дѣятель, который самъ изъ себя представлялъ странствующую академію или университетъ—знаменитый украинскій философъ Григорій Саввичъ Сковорода, проповѣдь котораго въ сильной степени способствовала культу науки въ мѣстномъ обществѣ. Гр. Сав. Сковородѣ стало тѣсно въ ученическихъ аудиторіяхъ, и онъ предпочелъ имъ несравненно большую аудиторію—цѣлую Украину. Его манилъ къ себѣ широкій просторъ украинскихъ степей, рощи и удолія, благопріятствовавшія размышленію, гостепріимство друзей и знакомыхъ, гдѣ онъ могъ вести свои назидательныя бесѣды о высшихъ вопросахъ жизни. И онъ нашелъ себѣ массу почитателей среди всѣхъ классовъ тогдашняго общества, создавъ благоговѣйное отношеніе къ той наукѣ, носителемъ которой онъ былъ и которая была органически связана съ западно-русской образованностью. Такимъ образомъ, это былъ странствующій учитель или, точнѣе, странствующая академія. И его проповѣдь не осталась безъ вліянія даже на учрежденіе въ Харьковѣ университета: самые близкіе его почитатели впослѣдствіи усерднѣе всѣхъ дѣйствовали и приносили матеріальныя жертвы для открытія университета. Это были трое Квитокъ, въ домѣ которыхъ постоянно бывалъ Г. С. Сковорода, Петръ Андреевичъ Ковалевскій, въ домѣ котораго онъ умеръ, Донецъ-Захаржевскій, Розальонъ-Сошальскій, Щербининъ. Среди харьковскихъ горожанъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Г. С. Сковородой находился Егоръ Егорьевичъ Урюпинъ, бывшій при основаніи Харьковскаго университета городскимъ головою, вызвавшій пожертвованіе городской думы и способствовавшій В. Н. Каразину въ его предпріятіи. Даже В. Н. Каразинъ не остался, повидимому, безъ вліянія старчика Г. С. Сковороды и выразилъ къ нему глубокое уваженіе въ слѣдующемъ отзывѣ: «мы подъ чубомъ и въ украинской свиткѣ имѣли своего Пиѳагора, Оригена, Лейбница». Рядомъ съ духовной западно-русской наукой стала замѣтно возрастать, однако, и западно-европейская просвѣтительная стихія, частью изъ ея непосредственнаго источника—Западной Европы, гдѣ пѣшкомъ странствовалъ и Г. С. Сковорода, куда ѣздилъ и его ученикъ Ковалинскій, а еще въ большей степени—при посредствѣ русской науки и литературы. Нѣкоторые стали посылать своихъ дѣтей въ Московскій университетъ, а у Сумскихъ дворянъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ литературнаго кружка Палицына уже въ бо-хъ годахъ XVIII вѣка возникла мысль объ учрежденіи университета въ Сумахъ. Тогда же появилось въ Харьковѣ казенное свѣтское училище, возсоединенное впослѣдствіи съ главнымъ народнымъ; въ 1804 году оно было преобра-

зовано въ гимназію. В. Н. Каразинъ близко стоялъ къ литературному кружку Палицына; членомъ его былъ и М. Г. Ушинскій, котораго В. Н. Каразинъ прислалъ въ Харьковъ, чтобы подвинуть къ пожертвованію дворянство. Сочувственно относился къ идеѣ пожертвованія Гр. Шидловскій, бывшій также членомъ кружка Палицына. Такимъ образомъ, В. Н. Каразинъ не стоялъ одиноко въ Харьковскомъ обществѣ: онъ опирался на многихъ просвѣщенныхъ лицъ, ему сочувствовавшихъ и помогавшихъ. Почва для открытія университета была до нѣкоторой степени подготовлена предшествующимъ просвѣтительнымъ вліяніемъ и образовательными учрежденіями. Но безъ энергичной иниціативы и дѣятельности В. Н. Каразина Харьковъ не имѣлъ бы университета. Ему принадлежитъ первая мысль объ учрежденіи въ Харьковѣ университета; онъ вызвалъ крупныя матеріальныя пожертвованія на университетъ; онъ долженъ былъ преодолѣть массу препятствій для скорѣйшаго открытія его; онъ вмѣстѣ съ другими не мало поработалъ и въ первоначальномъ устройствѣ университета; однимъ словомъ,—онъ былъ душею всего дѣла.

Уже въ началѣ 1802 года, когда Харьковское дворянство было занято мыслію объ учрежденіи въ Харьковѣ кадетскаго корпуса, онъ былъ всецѣло поглощенъ идеей устройства въ немъ университета и эту идею онъ уже сообщилъ Государю, во время одной бесѣды съ нимъ. Нужно думать, что эта идея была логическимъ послѣдствіемъ его широкихъ просвѣтительныхъ плановъ и практической дѣятельности въ комитетѣ, гдѣ разсматривался уставъ Московскаго университета. Но впереди предстояло самое трудное—добиться отъ Харьковскаго дворянства пожертвованія на учрежденіе университета, ибо только такимъ путемъ В. Н. Каразинъ надѣялся склонить мнѣніе въ пользу Харькова, который самъ по себѣ имѣлъ для этого мало данныхъ и уступалъ не только Кіеву, но и такимъ южнымъ городамъ, какъ Черниговъ. Руководился онъ въ этомъ дѣлѣ самыми чистыми побужденіями—желаніемъ просвѣщенія своей родинѣ. «Не для чего описывать пользу сего учрежденія», говорилъ онъ въ письмѣ къ свящ. Фотіеву, «и славу, которая отъ сего для нашей отчизны Украины проистекти имѣетъ. Сердце радуется, представляя вліяніе, какое произведетъ это учрежденіе на край нашъ во всѣхъ отношеніяхъ—моральныхъ, физическихъ, политическихъ. Харьковъ процвѣтетъ въ самое короткое время и будетъ имѣть честь доставлять просвѣщеннѣйшихъ сыновъ отечеству, которые во всѣ состоянія разольютъ пользу, счастіе и ту дѣятельность духа, которая творитъ прямыхъ гражданъ». На частномъ собраніи Харьковскихъ дворянъ 29 августа 1802 года, гдѣ присутствовали лица, наиболѣе

сочувствовавшія учрежденію университета (Ковалевскій, Палицынъ, Гр. Шидловскій, трое Квитокъ, Неклюдовъ, Алферовъ, Красовскій), предложено было внести на это дѣло посредствомъ открытія 20-лѣтняго банка 1 милліонъ рублей, и это постановленіе вызвано было чтеніемъ «Предначертанія о Харьковскомъ университетѣ», составленнаго В. Н. Каразинымъ. Университетъ по этому предначертанію долженъ былъ представлять изъ себя не высшую школу, пересаженную изъ Германіи, а всеобъемлющее училище, раздѣлявшееся не на факультеты, а на 9 отдѣленій: общихъ познаній, пріятныхъ искусствъ, богословія, гражданскихъ познаній, военныхъ познаній, врачебныхъ познаній, гражданскихъ искусствъ, учености, изящныхъ художествъ; кромѣ того, при немъ предполагались два низшихъ класса—школа сельскаго хозяйства и ремесленное училище. Въ пояснительной запискѣ къ своему проекту В. Н. Каразинъ привелъ теоретическія и практическія соображенія въ его пользу. Университетъ, по его мысли, долженъ былъ явиться общественнымъ учрежденіемъ въ полномъ смыслѣ этого слова, на подобіе нынѣшнихъ свободныхъ университетовъ Англіи, Америки: содержаться онъ долженъ былъ на средства общества, управляться коллегіей профессоровъ и представителями дворянства, сдѣлавшаго пожертвованія; обширности предпріятія должны были соотвѣтствовать и размѣры зданій: это былъ цѣлый учебный городокъ, который предполагалось помѣстить на Сумской улицѣ, гдѣ нынѣ Университетскій садъ и Ветеринарный институтъ; здѣсь В. Н. Каразину уступали участокъ земли въ 318000 кв. саж. за 6000 руб. Въ этомъ «Предначертаніи» сказался весь Каразинъ—съ его смѣлымъ, оригинальнымъ умомъ, грандіозными, но не практичными замыслами; у него былъ постоянно слишкомъ широкій размахъ, несоразмѣренный съ условіями живой дѣйствительности.

31 августа 1802 года состоялось оффиціальное общее собраніе харьковскаго дворянства, гдѣ В. Н. Каразинъ прочиталъ свое «Предначертаніе» и произнесъ свою знаменитую страстную рѣчь, рѣшившую и его судьбу, и судьбу дѣла. Дворянство пожертвовало на учрежденіе университета въ Харьковѣ 400 тыс. рублей. 20 лѣтъ спустя одинъ изъ бывшихъ тогда въ собраніи вспомнилъ объ этой рѣчи и не могъ безъ слезъ говорить о восторгѣ, произведенномъ ораторомъ. Рѣшено было также пригласить къ пожертвованіямъ и сосѣднія губерніи.

Одновременно съ рѣшеніемъ дворянства состоялось постановленіе о пожертвованіи Харьковскаго городского общества; вызвалъ обсужденіе этого вопроса губернскій предводитель дворянства В. М. Донецъ-Захаржевскій, а душою дѣла былъ городской голова, просвѣщенный 2-й

гильдіи купецъ Е. Е. Урюпинъ. Свое пожертвованіе городская дума мотивировала явными выгодами для города отъ учрежденія университета; пожертвованіе должно было составить въ теченіе 10 лѣтъ отъ 50 до 70 тыс. рублей. Харьковскіе войсковые обыватели, потомки бывшихъ слободскихъ козаковъ, впослѣдствіи превратившіеся въ государственныхъ крестьянъ (общества Захарьковской, Залопанской и Ивановской слободы), подражая примѣру дворянъ и гражданъ, уступили безвозмездно въ пользу университета изъ дачи, пожалованной ихъ предкамъ и обмежеванной къ г. Харькову, участокъ въ 125 десятинъ пригородной земли. Конечно, тогда земля эта большой цѣнности не имѣла, но это пожертвованіе давало возможность сразу возвести на ней необходимыя постройки; теперь же эти 600000 кв. саж. земли стоятъ милліоны рублей и обезпечиваютъ на многіе годы возможность университету расширять свои учебно-вспомогательныя учрежденія. Въ январѣ 1803 года Екатеринославское дворянство пожертвовало на учрежденіе университета 108260 р. Херсонское дворянство откликнулось на призывъ только 21 мая 1806 года, ассигновавъ на университетъ 40500 р. Подражая примѣру г. Харькова, ассигновали нѣкоторыя суммы изъ своихъ скромныхъ средствъ и уѣздные города Харьковской губ.: Валки, Богодуховъ, Ахтырка, Лебединъ, Сумы, Зміевъ, Купянскъ—въ совокупности болѣе 40 тыс. руб., и все это еще до открытія университета. Откликнулись на призывъ къ пожертвованіямъ и отдѣльныя лица: ген. Хорватъ пожертвовалъ 5000 р., Харьковскій купецъ Аникѣевъ 3000 р., губ. предводитель дворянства В. М. Донецъ Захаржевскій 500 р., Харьк. купецъ Спасскій 500 р., Харьк. куп. Каменевъ 200 р., обыватель Куп. уѣзда Юшковъ 200 р., Суровцева 150 р., калуж. куп. Мишуковъ 100 р., всего 9650 р.; графиня Подгоричани, Квитка и Павловы пожертвовали земли. Сумма всѣхъ денежныхъ пожертвованій должна была превысить 658 тыс. руб. Жертвователямъ была выражена Высочайшая признательность, а нѣкоторымъ отдѣльнымъ лицамъ, по указанію В. Н. Каразина, были выданы и награды (орденами, медалями и чинами). Нужно однако замѣтить, что въ средѣ Харьковскаго дворянства была и оппозиція противъ пожертвованія, во главѣ которой стоялъ Изюмскій предводитель дворянства Захарашевичъ-Капустянскій. Онъ проявилъ такое упорство, что обратился съ жалобою къ государю, который однако призналъ ее неосновательной, о чемъ напечатано было, по Высочайшему повелѣнію, въ Петерб. Вѣд. Деньги поступали туго: понадобились отсрочки, и ассигнованныя суммы были получены много лѣтъ спустя послѣ назначеннаго срока. Однако, въ концѣ концовъ, почти всѣ денежныя пожертвованія были внесены: Харьковское дворянство внесло всѣ 400

тыс. (мы имѣемъ опредѣленныя свѣдѣнія о 390 тыс.); Екатеринославское—не менѣе 80 тыс. (изъ 108), а можетъ быть,—и всю сумму; Херсонское, вѣроятно, всю сумму, но никакъ не менѣе 20 тыс.; купечество и города—болѣе 44 тыс. (изъ 90—100 тыс.); частныя лица—всю сумму; всего было получено не менѣе 544 тыс. руб., а, можетъ быть, и 602500 р. Изъ общей цифры 658 тыс. руб. небольшая часть этихъ денегъ была истрачена передъ открытіемъ университета на его нужды, а другая—несравненно болѣе значительная—составила спеціальный фондъ, на который впослѣдствіи были построены важнѣйшія зданія Харьковскаго университета, существующія и въ настоящее время.

Добившись пожертвованій, дававшихъ Харькову нравственное право на учрежденіе университета, В. Н. Каразинъ долженъ былъ однако преодолѣть массу затрудненій въ оффиціальныхъ сферахъ для осуществленія своей идеи. Въ Петербургѣ «дѣло Харьковскаго университета пошло въ долгій, съ разными потайными пружинами ящикъ». Вернувшись въ Петербургъ, В. Н. Каразинъ хотѣлъ передать лично Государю всѣ документы по дѣлу учрежденія въ Харьковѣ университета, но доступъ во дворецъ оказался для него закрытъ—Государь къ нему охладѣлъ—онъ долженъ былъ передать ихъ въ Главное Правленіе училищъ. Начались справки, запросы, сношенія вѣдомствъ; Министръ Народнаго Просвѣщенія не сочувствовалъ устройству университета въ Харьковѣ. В. Н. Каразинъ волнуется медленнымъ ходомъ дѣла, пишетъ горячія, несдержанныя письма Министру Внутреннихъ Дѣлъ гр. Кочубею, самому Государю, наконецъ, 24 января 1803 года состоялось Высочайшее опредѣленіе объ учрежденіи Харьковскаго университета и объ открытіи Харьковскаго учебнаго округа, попечителемъ котораго назначенъ былъ гр. С. О. Потоцкій. Но семейныя дѣла заставили гр. Потоцкаго уѣхать на время за границу (въ Вѣну); замѣстителемъ своимъ онъ оставилъ попечителя Петербургскаго учебнаго округа Н. Н. Новосильцева, а принятіе мѣръ къ скорѣйшему открытію университета онъ поручилъ В. Н. Каразину и избранному профессоромъ новаго университета И. Ѳ. Тимковскому. В. Н. Каразинъ выѣхалъ въ Харьковъ изъ Петербурга 18 февраля 1803 года и усердно сталъ работать на пользу университета: принялъ въ свое распоряженіе генералъ-губернаторскій домъ, предназначенный для помѣщенія университета (гдѣ нынѣ канцелярія совѣта и квартира г. попечителя), потребовалъ еще и вице-губернаторскій, заботился о пріобрѣтеніи большого участка земли по Сумской дорогѣ, побуждалъ къ пожертвованіямъ сосѣднія губерніи—Екатеринославскую, Полтавскую, Воронежскую, принималъ мѣры къ поступленію суммъ, поручилъ архитектору

Васильеву составленіе плановъ будущихъ зданій университета, заботился о студентахъ для университета.

Дѣло настолько подвинулось, что В. Н. Каразинъ мечталъ уже объ открытіи университета въ сентябрѣ 1803 года. Тимковскій, съ своей стороны, ровно, спокойно, въ противоположность В. Н. Каразину, но безъ устали работалъ на пользу университета: подыскивалъ земельный участокъ для его будущихъ постоянныхъ построекъ (и выбралъ тотъ самый, на который обратилъ вниманіе В. Н. Каразинъ), приспособлялъ для временнаго помѣщенія б. ген.-губ. домъ, устраивая тамъ аудиторіи и помѣщенія для профессоровъ и казеннокоштныхъ студентовъ. Тимковскій оказался въ высшей степени добросовѣстнымъ, аккуратнымъ и умѣлымъ дѣятелемъ: онъ въ одинаковой степени заботился и о важныхъ вещахъ, и о мелочахъ, которыя теперь выступали на первый планъ; отношенія его къ В. Н. Каразину были самыя дружественныя, при чемъ онъ старался смягчить нѣсколько его порывы и рѣзкій образъ дѣйствій по отношенію ко власть имущимъ. Лѣтомъ 1803 г. В. Н. Каразинъ былъ уже въ Петербургѣ и тамъ снова началъ дѣйствовать на пользу Харьковскаго университета: онъ представилъ проектъ его зданій, къ сожалѣнію, не осуществленный; затѣмъ онъ энергично настаивалъ на отпускѣ для него суммъ, при чемъ обратился съ письмомъ къ самому Государю, указывая въ немъ на явное недоброжелательство Министра Народнаго Просвѣщенія: «не взирая на всѣ мои усилія», писалъ онъ тамъ, «послѣ отъѣзда гр. Потоцкаго ни шагу не сдѣлано въ пользу этого заведенія»; не менѣе отчаянное письмо написалъ онъ и Министру Внутреннихъ Дѣлъ гр. Кочубею. Въ концѣ концовъ, В. Н. Каразину удалось уничтожить всѣ эти препятствія своимъ упорствомъ: это послѣднее сломило сопротивленіе однихъ, инертность другихъ. Къ сожалѣнію, В. Н. Каразинъ при этомъ проявлялъ большую рѣзкость, которая нажила ему много враговъ, удалившихъ его отъ любимаго дѣла. Напрасно предупреждалъ его осторожный Тимковскій, писавшій: «дѣятельность ваша есть пламень, все пожирающій,—ахъ, берегитесь,—пожирающій и васъ самихъ». Одновременно съ тѣмъ В. Н. Каразинъ попрежнему принималъ непосредственное участіе въ приготовительныхъ мѣрахъ къ открытію университета: приглашалъ на службу въ университетъ иностранныхъ ученыхъ, положилъ начало его библіотекѣ и типографіи, пріобрѣлъ замѣчательную коллекцію эстамповъ Аделунга и, наконецъ, пригласилъ и прислалъ въ Харьковъ разныхъ ремесленниковъ для производства необходимыхъ работъ. Послѣднее предпріятіе послужило предлогомъ для удаленія его отъ дѣлъ Харьковскаго университета, по Высочайшему повелѣнію

(18 іюня 1804 года). Министръ Народнаго Просвѣщенія представилъ Государю это дѣло такъ, что В. Н. Каразинъ «самъ собою, безъ всякаго дозволенія отъ начальства, вызвалъ этихъ ремесленниковъ»; въ дѣйствительности же такое дозволеніе было оффиціально ему дано. Мало того: самъ попечитель, въ отзывѣ Министру, призналъ это предпріятіе В. Н. Каразина цѣлесообразнымъ по существу и даже необходимымъ. Отстраненіе отъ созданнаго имъ дѣла было страшнымъ нравственнымъ ударомъ для В. Н. Каразина: онъ долженъ былъ, безъ всякой вины съ своей стороны, отказаться отъ любимаго дѣтища своей творческой мысли, отъ предпріятія, которое должно было принести огромную пользу краю, отъ дѣла, на которое онъ затратилъ массу энергіи и которое теперь близилось уже къ благополучному окончанію.

Но еще ранѣе—въ мартѣ 1804 г. явился въ Харьковъ и попечитель гр. С. О. Потоцкій, учредившій для ускоренія открытія университета 11 апрѣля комитетъ изъ наличныхъ профессоровъ—Тимковскаго, Рижскаго, Делявиня, Беленъ де Баллю, Осиповскаго, съ участіемъ Каразина. Съ этого момента все пошло быстрѣе: былъ на мѣстѣ попечитель, комитетъ состоялъ изъ нѣсколькихъ лицъ, работалъ по опредѣленной инструкціи и имѣлъ въ своемъ распоряженіи штатную сумму. Дѣятельность его была очень разносторонняя: она захватывала и учебную, и хозяйственную часть. Предсѣдателемъ комитета назначенъ былъ проф. И. С. Рижскій, имя котораго должно быть отмѣчено, какъ одного изъ видныхъ дѣятелей по части первоначальнаго устройства Харьковскаго университета; русскіе профессора (Тимковскій и Осиповскій), естественно, играли болѣе видную роль, чѣмъ иностранцы, незнакомые ни съ русскою жизнью, ни съ языкомъ. Наиболѣе важными дѣйствіями комитета нужно признать слѣдующія: перестройки и пристройки зданій и снабженіе ихъ мебелью, составленіе списка книгъ и инструментовъ, устройство около большого университетскаго дома сада и бульвара, устройство типографіи, покупку земли для будущихъ университетскихъ построекъ, заботы о ремесленникахъ, законтрактованныхъ В. Н. Каразинымъ, составленіе послужныхъ списковъ профессоровъ и выдачу имъ жалованья, изслѣдованіе естественныхъ богатствъ края и командировку для этого профессоровъ, пріемъ своекоштныхъ и содержаніе казеннокоштныхъ студентовъ, устройство приготовительнаго класса, устройство училища, приходъ и расходъ университетскихъ суммъ, приготовленія къ торжеству открытія университета. Къ началу 1805 года, т. е. къ открытію университета, университетъ имѣлъ уже 9 профессоровъ: Тимковскаго, Рижскаго, Делявиня, Осиповскаго, Умлауфа, Беленъ де Баллю, Стойковича, Шада,

Шнауберта;—11 адъюнктовъ: Ланга, Паки де Совиньи, Гамперле, Баренда, Калкау, Васильева, Крюгера, Гизе, Шмерфельда, Каретникова, Филипповича; лектора—Рейта;—4-хъ учителей искусствъ: Матеса, Шетфлина, Витковскаго и Сивокта. Почти всѣ эти преподаватели были опредѣлены попечителемъ Потоцкимъ и только трое—исполнявшимъ его должность Н. Н. Новосильцевымъ; Каретниковъ и Васильевъ были, повидимому, рекомендованы В. Н. Каразинымъ.

Мы могли коснуться только вкратцѣ дѣятельности В. Н. Каразина на пользу Харьковскаго университета, но и приведенные факты достаточны для заключенія, что онъ былъ истиннымъ виновникомъ его бытія. Ему принадлежитъ первая мысль объ учрежденіи университета въ Харьковѣ, эту мысль онъ высказалъ государю, связавъ ее съ пожертвованіемъ дворянства. Имп. Александръ ее одобрилъ,—и это рѣшило дѣло въ пользу Харькова, не смотря на скрытое и открытое противодѣйствіе гр. Завадовскаго. Не было бы В. Н. Каразина,—не было бы и дворянскаго пожертвованія; не было бы пожертвованія,—не было бы и университета въ Харьковѣ. Сознаніе о В. Н. Каразинѣ, какъ истинномъ основателѣ Харьковскаго университета, было ясно выражено этимъ послѣднимъ въ 1811 году. Избравъ его въ свои почетные члены, совѣтъ университета мотивировалъ это избраніе слѣдующими словами: «ad hunc virum eligendum Senatus, praeter eximias cognitiones, quibus excellit, etiam quodam grati animi sensu impulsus est, *quia ejus singulari industriae et labori inacceptis referendum est, quod universitas Charcoviae sit constituta*“ (совѣтъ подвигнутъ былъ къ выбору этого мужа, кромѣ выдающихся познаній, которыми онъ отличается, еще также чувствомъ благодарности, потому что единственно его старанію и труду нужно приписать учрежденіе въ Харьковѣ университета).

Въ 1833 году, въ виду страшно стѣснительнаго матеріальнаго положенія В. Н. Каразина, профессора собрали по подпискѣ и внесли за него 1280 р. долга, «движимые сердечною благодарностью и уваженіемъ къ нему, какъ первому, единственному виновнику основанія здѣсь университета». И можно только порадоваться, что и наше поколѣніе оцѣнило должнымъ образомъ заслуги В. Н. Каразина и въ столѣтній юбилей университета открываетъ ему памятникъ.

На второмъ мѣстѣ за В. Н. Каразинымъ мы ставимъ проф. И. Ѳ. Тимковскаго. Это былъ чрезвычайно полезный практическій дѣятель по части устроенія университета, заботливый, свѣдущій, добросовѣстный хозяинъ, вникавшій во всѣ мелочи, спокойно, ровно, безъ скачковъ дѣлавшій свое нелегкое дѣло. Особенно много труда выпало также

на долю предсѣдателя комитета по устройству университета проф. П. С. Рижскаго. Попечитель гр. С. О. Потоцкій, еще проживая за границею, много сдѣлалъ для университета: пригласилъ большинство его преподавателей, и выборъ его нужно признать въ общемъ очень удачнымъ; затѣмъ, по пріѣздѣ въ Харьковъ, онъ понесъ не мало труда, руководя дѣломъ и не рѣдко самостоятельно устраивая отдѣльныя предпріятія, внося непосредственно пожертвованія. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что назначеніе на постъ попечителя такого сановнаго, родовитаго вельможи, съ независимыми средствами и—что еще гораздо важнѣе—независимыми прогрессивными убѣжденіями, какъ Потоцкій, имѣло огромное значеніе для вновь учреждаемаго университета: оно возвышало его и въ глазахъ правительства, и въ глазахъ общества. Это были главные дѣятели, но имъ помогали и многіе другіе. Къ тѣмъ, которые названы выше, слѣдуетъ присоединить еще харьковскаго священника Вас. Фотіева, много способствовавшаго В. Н. Каразину въ его начинаніи. Еще въ ноябрѣ 1804 г. университетъ получилъ учредительную грамоту, 17-го января 1805 г. послѣдовало, наконецъ, фактическое открытіе Харьковскаго университета. Этотъ день, по справедливости, долженъ считаться *историческимъ*. Это былъ настоящій «праздникъ просвѣщенія» для Харькова, для всей Украины и даже для «полуденнаго» (т. е. южнаго) края Россіи. Мѣстное духовенство, съ своей стороны, встрѣчало чрезвычайно дружелюбно высшую свѣтскую школу. «Представители наукъ и любители просвѣщенія, присутствовавшіе на торжествѣ открытія университета, имѣли великое утѣшеніе видѣть, какъ духовенство привѣтствовало, благословляло и, можно сказать, даже чествовало водворявшуюся науку». Преосв. Христофоръ Сулима, никогда раньше не произносившій проповѣдей, нарушилъ свое молчаніе только для даннаго случая и сказалъ слово о просвѣщеніи. Ту же тему въ своей рѣчи развивалъ и ректоръ Харьковскаго коллегіума протоіерей А. Прокоповичъ, и попечитель гр. Потоцкій, говорившій на латинскомъ языкѣ рѣчь «О новомъ устройствѣ въ Россіи училищъ и ихъ пользѣ», и ректоръ Рижскій, говорившій на русскомъ языкѣ «Объ изящныхъ наукахъ», и проф. Беленъ де Баллю, сказавшій на французскомъ языкѣ рѣчь «О необходимости наукъ для всѣхъ государственныхъ званій и въ особенности военнаго». Гр. С. О. Потоцкій горячо высказывался въ пользу необходимости постояннаго, безостановочнаго движенія Россіи по пути просвѣщенія. Каждый народъ, говорилъ онъ, долженъ напрягать нынѣ всѣ свои силы, чтобы по крайней мѣрѣ не отстать отъ другихъ въ области знаній, если уже не можетъ быть впереди: остановиться—значитъ то же, что подаваться назадъ и прибли-

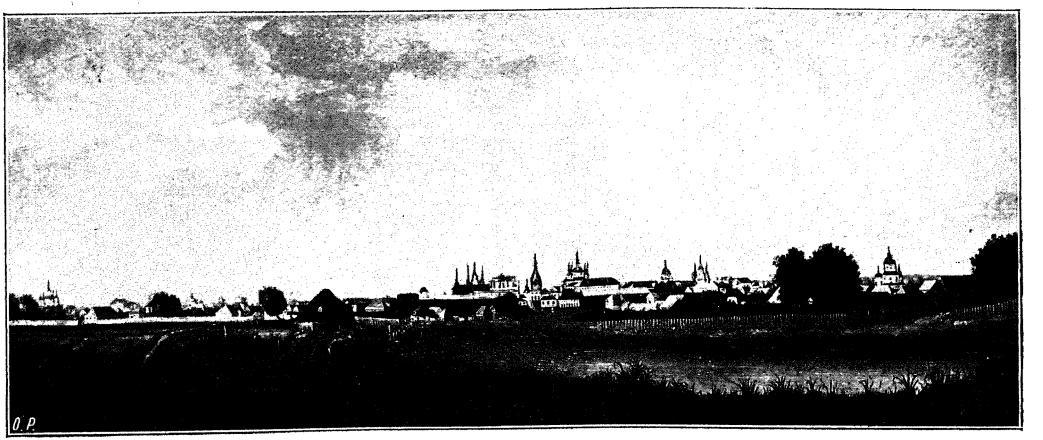
жаться къ прежнему ничтожеству. Останавливаться возможно только въ дѣлѣ завоеваній, но въ наукахъ, искусствахъ, техническихъ знаніяхъ и культурѣ—никогда. В. Н. Каразинъ высказывалъ такія же убѣжденія: «если что-либо можетъ сдѣлать Россію истинно-независимою отъ всякаго внѣшняго давленія, какъ бы громадно оно ни было, то это только просвѣщеніе». И эти благородныя мысли сдѣлались лозунгомъ всѣхъ первыхъ дѣятелей вновь открытаго разсадника наукъ. Одинъ изъ присутствовавшихъ на торжествѣ—Розальонъ-Сошальскій, человѣкъ вообще задумчивый и молчаливый—съ величайшимъ воодушевленіемъ разсказывалъ своей семьѣ о рѣчахъ и о блестящихъ надеждахъ для общества отъ просвѣщенія. Торжества открытія университета были омрачены только однимъ печальнымъ фактомъ—отсутствіемъ на нихъ В. Н. Каразина. Но всѣ присутствовавшіе вспоминали о немъ съ чувствомъ глубокой признательности. Свящ. Вас. Фотіевъ писалъ В. Н. Каразину: «самые зоилы въ восторгѣ духа искали васъ, спрашивали и признавались, что счастіемъ симъ, сверхъ всякаго чаянія, Украйна вамъ единственно обязана. Тѣ-жъ, кои вамъ преданы, коимъ сердечныя чувства и намѣренія ваши извѣстнѣе прочихъ, съ восхищеніемъ благословляли ваше имя. Итакъ, если упрямая судьба воспрепятствовала (вамъ) насладиться торжественнымъ открытіемъ предпріятій вашихъ, яко первому виновнику, то, конечно, незазорная совѣсть утѣшитъ васъ не только въ послѣдующее время, но и нынѣ исполненіемъ такого намѣренія, которое сдѣлаетъ славу и честь дальнѣйшему потомству».

На слѣдующій день университетъ приступилъ къ своей текущей дѣятельности.

2-я глава.

Университетское самоуправленіе по уставу 1804 года.

Уставъ 1804 года предоставлялъ Харьковскому университету такую широкую автономію, какой не давалъ ему ни одинъ изъ трехъ послѣдующихъ уставовъ (1835, 1863 и 1884 г.г.); онъ исполненъ былъ довѣрія къ университету и въ основу его было положено коллегіальное начало. Выраженіемъ этого довѣрія, характерною, и, къ сожалѣнію, не повторявшеюся уже болѣе особенностью его нужно признать то, что



Видъ г. Харькова конца XVIII-го вѣка.

онъ ставилъ университетъ во главѣ всего учебнаго дѣла въ округѣ—во главѣ всѣхъ среднихъ и низшихъ его школъ. Цѣль университета въ этомъ уставѣ опредѣлена такъ: «университетъ есть высшее ученое сословіе, для преподаванія наукъ учрежденное. Въ немъ приготовляется юношество для вступленія въ различныя званія государственной службы». Здѣсь, такимъ образомъ, учено-преподавательской дѣятельности придается практическая цѣль. Научной сторонѣ дѣла уставъ отводилъ видное мѣсто: особеннымъ достоинствомъ университета онъ признавалъ образованіе въ нѣдрахъ его ученыхъ обществъ и на печатаніе трудовъ ихъ для распространенія въ обществѣ опредѣлялъ особыя суммы; профессора должны были пополнять курсы свои новыми открытіями, сдѣланными въ другихъ странахъ Европы; ежемѣсячно должны были назначаться особыя засѣданія совѣта, въ которыхъ профессора и почетные члены подъ предсѣдательствомъ ректора разсуждали бы о сочиненіяхъ, новыхъ открытіяхъ, опытахъ, наблюденіяхъ и изслѣдованіяхъ, кѣмъ-либо изъ нихъ исполненныхъ. Для поощренія научныхъ изслѣдованій совѣтъ ежегодно обязанъ былъ предлагать темы для конкурса съ денежнымъ вознагражденіемъ. Той же научной цѣли должны были служить почетные члены, избираемые университетомъ; заграничные члены-корреспонденты получали даже вознагражденіе за свой трудъ. Университетскіе акты должны были являться средствомъ для распространенія научныхъ свѣдѣній въ обществѣ: здѣсь читались профессорами рѣчи, отзывы о конкурсныхъ сочиненіяхъ. Наконецъ, университетъ обязанъ былъ заботиться и о составленіи своей исторіи. Такія широкія научныя задачи ставилъ уставъ 1804 г. университету.

Другіе параграфы устава касались преподаванія. Для того чтобы обезпечить себя преподавателями, совѣтъ черезъ каждые два года долженъ былъ избирать изъ своихъ магистровъ по 2 человѣка для отправленія съ ученою цѣлью на 2 года заграницу; выражалось желаніе, чтобы профессора, въ особенности словесныхъ, философскихъ и юридическихъ наукъ установили со студентами бесѣды, въ которыхъ бы пріучали ихъ къ свободному изъясненію своихъ мыслей. Нынѣшніе факультеты назывались отдѣленіями, и такихъ отдѣленій было 4—словесное (нын. историко-филологическій факультетъ), этико-политическое (нын. юридическій), математическое и врачебное. Отдѣленія вѣдали слѣдующія дѣла: составляли распредѣленіе лекцій, производили экзамены, разсматривали рѣчи и сочиненія, назначали темы для конкурсныхъ работъ, разсматривали смѣту средствъ на нужды отдѣленія, разсуждали о предложеніяхъ, внесенныхъ деканомъ или ректоромъ. Постановленія отдѣленій вносились на утвержденіе совѣта. Такимъ образомъ,

дѣятельность отдѣленій касалась исключительно научной и преподавательской сферы, но не носила вполнѣ самостоятельнаго характера, а была подчинена контролю совѣта.

Университетское самоуправленіе было организовано такъ. Во главѣ всѣхъ органовъ университетскаго самоуправленія стоялъ совѣтъ, въ которомъ рѣшающій голосъ имѣли только ординарные профессора, и вслѣдствіе этого онъ былъ сравнительно немноголюденъ. Засѣданія совѣта были ежемѣсячныя, а въ случаѣ надобности могли быть еще и экстренныя. Черезъ каждые полгода совѣтъ общимъ рапортомъ докладывалъ попечителю о своей дѣятельности, а въ концѣ года доставлялъ общую вѣдомость; обо всякомъ же чрезвычайномъ случаѣ нужно было сообщать немедленно. Къ текущей дѣятельности совѣта относились: избраніе преподавателей, почетныхъ членовъ; изысканіе способовъ къ усовершенствованію преподаванія наукъ, разсужденія о предложеніяхъ начальства; рѣшеніе дѣлъ, переносимыхъ изъ училищнаго комитета; разсмотрѣніе тяжебныхъ дѣлъ, переносимыхъ изъ правленія, и т. п.; разъ въ годъ совѣтъ разсматривалъ всѣ денежные счета, представляемые ректоромъ за подписью кассира и бухгалтера; для предметовъ, требовавшихъ особенно внимательнаго изслѣдованія, назначались особыя комиссіи. Выборъ преподавателей долженъ былъ производиться такъ: если извѣстная каѳедра дѣлалась вакантной, то каждый профессоръ даннаго факультета имѣлъ право предложить совѣту своего кандидата и представить о немъ необходимыя данныя; если кандидатъ находился въ Харьковѣ, то самъ обязанъ былъ доставить свои сочиненія и общее разсужденіе о своей наукѣ—объ ея успѣхахъ, современномъ состояніи, способѣ преподаванія, ея представителяхъ; совѣтъ назначалъ срокъ для разсмотрѣнія сочиненій и для собранія данныхъ о нравственныхъ качествахъ соискателя, а выборы потомъ утверждались попечителемъ и министромъ. Ректоръ избирался совѣтомъ на 1 годъ, при чемъ баллотировкѣ подвергались всѣ его члены. Совѣтъ могъ удалять отъ должности всѣхъ чиновниковъ университета (не исключая и ректора) послѣ разслѣдованія дѣла въ правленіи, по большинству $\frac{2}{3}$ голосовъ и съ утвержденія начальства. Секретарь совѣта избирался изъ его членовъ.

Правленіе состояло изъ 4-хъ выборныхъ деканов и непремѣннаго засѣдателя, назначаемаго попечителемъ изъ ординарныхъ профессоровъ, и ректора, его предсѣдателя. Непремѣнный засѣдатель былъ ближайшимъ помощникомъ ректора въ дѣлахъ, касавшихся правленія и университетскаго суда, и вмѣстѣ съ тѣмъ блюстителемъ законовъ и правилъ. Правленію принадлежала исполнительная и хозяйственная

власть. Въ его вѣдѣніи находился и университетскій судъ, имѣвшій 3 инстанціи: 1) единоличный судъ ректора, какъ предсѣдателя правленія, или совмѣстный съ непремѣннымъ засѣдателемъ и такъ называемымъ синдикомъ (юристомъ-законникомъ); ректоръ могъ только заключить виновнаго на 3 дня подъ стражу; 2) коллегіальный судъ правленія, которое въ важныхъ случаяхъ могло усиливать свой составъ приглашеніемъ профессоровъ-юристовъ; въ окончательной формѣ оно могло произнести приговоръ не выше 14 дневнаго ареста; оно могло принимать жалобы и на ректора и представляло свое заключеніе попечителю; въ дѣлахъ уголовныхъ правленіе производило только первоначальное слѣдствіе и затѣмъ препровождало его въ соотвѣтственное присутственное мѣсто, гдѣ, въ качествѣ депутата отъ университета, долженъ былъ присутствовать синдикъ; 3) судъ совѣта, откуда можно было апеллировать только въ Сенатъ. Сфера прямого, непосредственнаго вліянія университета выходила однако далеко за его стѣны. Въ его вѣдѣніи были всѣ среднія и низшія училища, а также частные пансіоны въ предѣлахъ всего учебнаго округа. Среднее, низшее и высшее образованіе, по мысли законодателя, должны были находиться между собою въ органической связи; отсюда и возникла зависимость гимназій и уѣздныхъ и приходскихъ училищъ отъ университетовъ и широкая административно-педагогическая дѣятельность этихъ послѣднихъ. Университетъ обязанъ былъ прилагать особую заботу объ учрежденіи въ своемъ округѣ училищъ, о пополненіи преподавательскаго персонала ихъ свѣдущими и хорошими учителями, о снабженіи ихъ учебными пособіями, о назначеніи для нихъ директоровъ, штатныхъ и почетныхъ смотрителей. Всѣми этими дѣлами долженъ былъ вѣдать особый училищный комитетъ, состоявшій изъ 6 ординарныхъ профессоровъ подъ предсѣдательствомъ ректора. Его обязанности были очень серьезны и сложны: онъ получалъ донесенія отъ директоровъ, самъ собиралъ свѣдѣнія о состояніи училищъ при посредствѣ такъ называемыхъ визитаторовъ, т. е. особо для того командируемыхъ на мѣста профессоровъ, удалялъ отъ должности неисправныхъ, награждалъ достойныхъ, однимъ словомъ— вѣдалъ учебной и хозяйственной стороной жизни училищъ, разбросанныхъ на огромномъ пространствѣ округа, обнимавшаго тогда Малороссію, Донъ, Крымъ и Кавказъ, одно время даже юго-западный край. Съ другой стороны, университетъ стоялъ во главѣ и всей умственной жизни этого же раіона, потому что ему принадлежала цензура всѣхъ книгъ, печатавшихся въ Харьковскомъ учебномъ округѣ. Этимъ дѣломъ долженъ былъ вѣдать цензурный комитетъ, состоявшій изъ четырехъ деканов. Комитетъ могъ, впрочемъ, приглашать для отзыва

и спеціалистовъ; апелляціонной инстанціей для недовольныхъ являлся совѣтъ университета и главное правленіе училищъ (въ Петербургѣ). Въ университетскую библіотеку и лично профессорамъ можно было выписывать всѣ книги, но цензурный комитетъ долженъ былъ отмѣтить въ библіотечномъ каталогѣ тѣ изъ нихъ, которыя не могли выдаваться постороннимъ лицамъ.

Изъ этого видно, что уставъ 1804 года явился результатомъ просвѣтительныхъ, либеральныхъ и гуманныхъ началъ, которыми проникнуты были лучшіе дѣятели западно-европейскаго общества и университетовъ, а вмѣстѣ съ ними имп. Александръ. Правда, уставъ этотъ отличался теоретическимъ характеромъ и мало считался съ условіями русской дѣйствительности; но не слѣдуетъ забывать, что русскіе университеты не имѣли корней въ нашемъ историческомъ прошломъ и, такимъ образомъ, сама жизнь должна была сдѣлать ему испытаніе; огромнымъ же достоинствомъ его было то, что онъ не стѣснялъ ни университетской науки, ни университетскаго самоуправленія и, такимъ образомъ, могъ вызвать къ общественной дѣятельности всѣ живыя силы профессорской корпораціи и создать мало-по-малу добрую университетскую традицію, подъ вліяніемъ иностранныхъ профессоровъ, вызванныхъ изъ-за границы. Этотъ вызовъ иностранцевъ былъ необходимъ, особенно на первыхъ порахъ—Россія часто должна была обращаться къ роднику знаній—Западной Европѣ,—но уставъ 1804 г. сдѣлалъ въ этомъ отношеніи одну чрезвычайно справедливую и разумную оговорку: при избраніи адъюнктовъ «природные россіяне, нужныя знанія и качества имѣющіе, должны были быть предпочитаемы чужестраннымъ».

Таковъ былъ уставъ 1804 года, дѣйствовавшій до 1835 года. Но этотъ уставъ, къ сожалѣнію, очень скоро подвергся измѣненіямъ, которыя расшатали его устои и въ корнѣ измѣнили его духъ и характеръ. Всѣ эти измѣненія были вызваны тѣми перемѣнами въ отношеніи къ университетамъ, которыя происходили въ высшихъ правящихъ сферахъ и отражались также на взглядахъ и дѣятельности мѣстныхъ органовъ учебнаго управленія, а отчасти и самихъ дѣятелей университета.

Уже съ 1811 года началось въ министерствѣ народнаго просвѣщенія нѣкоторое недовѣріе къ широкой университетской автономіи. Но рѣшительный переломъ въ самомъ имп. Александрѣ произошелъ подъ вліяніемъ отечественной войны 1812 года: тяжкія народныя бѣдствія, «судъ Божій» на снѣжныхъ поляхъ русскихъ вызвали у него глубокій искренній порывъ піэтизма на мистической подкладкѣ. Но этотъ же піэтизмъ явился для многихъ тогдашнихъ дѣятелей только средствомъ для достиженія личнаго вліянія; у нихъ, вмѣсто истиннаго

Библиотека Казанской Духовной Академии.

благочестія, было только лицемѣріе и ханжество, и они старались насаждать благочестіе въ обществѣ чисто внѣшними средствами. На этой почвѣ выросъ и священный союзъ, имѣвшій своими косвенными послѣдствіями тяжкую реакцію во всей Европѣ и въ Россіи: онъ привелъ къ реорганизаціи народнаго образованія на религіозной основѣ и расширенію дѣятельности библейскихъ обществъ. Во главѣ ихъ стоялъ новый министръ народнаго просвѣщенія, смѣнившій А. К. Разумовскаго, кн. А. Н. Голицинъ; въ нихъ также нашли себѣ надежный пріютъ реакція и обскурантизмъ. Важнѣйшимъ актомъ этого періода было превращеніе министерства народнаго просвѣщенія въ министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія (въ 1817 году). Это было сдѣлано для того, «чтобы христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія». Ученый комитетъ, основанный въ это время при главномъ правленіи училищъ, поднялъ настоящее гоненіе на самые скромные ученые труды и учебники; даже прописи въ это время были приспособлены къ новому курсу; нашли «опасныя мѣста» и хотѣли уничтожить даже оффиціальный органъ министерства «Періодическое сочиненіе объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія»,—какъ вредное наслѣдіе прежней эпохи. Съ наибольшею силою реакція въ отношеніи къ университетамъ проявилась въ дѣятельности Казанскаго попечителя Магницкаго и Петербургскаго Рунича. Магницкій писалъ: «профессоры безбожныхъ университетовъ передаютъ тонкій ядъ невѣрія и ненависти къ законнымъ властямъ несчастному юношеству, а тисненіе разливаетъ его по всей Европѣ. Счастлива была бы Россія, ежели бы можно было такъ оградить ее отъ Европы, чтобы и слухъ о происходящихъ тамъ неистовствахъ не достигалъ до нея». Магницкій, видимо, забылъ драгоцѣнный завѣтъ русскаго генія, Ломоносова, который говорилъ, что «правда и вѣра двѣ сестры родныя, дщери одного Всевышняго Родителя»... «Не здраво разсудителенъ математикъ, если онъ хочетъ Божескую волю вымѣрять циркулемъ; таковъ же и богословія учитель, если онъ думаетъ, что по псалтыри научиться можно астрономіи и химіи». Усиливаясь изъ науки дѣлать орудіе для своихъ цѣлей, реформаторы, частію безсознательно, а частію сознательно, такъ же поступали и съ религіей. По словамъ Шишкова, «нравственный развратъ росъ и усиливался; ослѣпленіе, подъ самыми священнѣйшими именами благочестія и человѣколюбія, умѣло вползать въ сердца и заражать ихъ ядомъ». Изгнаніе лучшихъ преподавателей, въ которыхъ такъ нуждались наши университеты, и назначеніе на ихъ мѣсто людей малосвѣдущихъ, но прикинувшихся благонамѣренными, понизило уровень научнаго образованія... «Все зло состояло въ томъ, что чистую и святую идею религіи упо-

требляли во зло, а чѣмъ чище и святѣе идея, тѣмъ поразительнѣе ея злоупотребленіе». Общество было терроризировано и деморализировано новой системой. «Юноши», говорилъ знаменитый Парротъ, разбирая инструкцію Магницкаго, «которымъ въ каждой лекціи исторіи, физики, философіи, медицины, древнихъ языковъ и т. п. говорятъ о религіи, и только о религіи,—кончатъ тѣмъ, что почувствуютъ къ ней холодность. Что же касается до профессоровъ, за которыми постоянно слѣдитъ ректоръ съ цѣлью убѣдиться въ запасѣ ихъ религіознаго чувства, дабы выгнать ихъ, какъ скоро ему покажется, что запасъ этотъ недостаточенъ, то съ какимъ настроеніемъ будутъ говорить они о религіи милосердной, отвергающей всякое лицемѣріе и насиліе и желающей господствовать лишь любовью и истиной». Онъ вооружался также противъ излишняго надзора и находилъ, что студентъ, котораго держали, такъ сказать, въ пеленкахъ въ университетѣ, могъ сдѣлаться или негодяемъ или автоматомъ, неспособнымъ ни къ какой самостоятельной дѣятельности. Напротивъ, говорилъ онъ, нужно предоставить юношѣ свободу, подъ надзоромъ, который не стѣснялъ бы, а главное—не представлялъ бы ничего унизительнаго. А между тѣмъ все, противъ чего возставалъ Парротъ, строго примѣнялось въ дѣйствительности во всѣхъ тогдашнихъ университетахъ въ министерство кн. А. Н. Голицына.

Но и эта реакція была признана недостаточной, и главою министерства народнаго просвѣщенія сдѣланъ былъ извѣстный Шишковъ. Одинъ обскурантизмъ пострадалъ отъ другого, менѣе замысловатаго, такъ сказать, русскаго, доморощеннаго, представителями котораго были архимандритъ Юрьевскаго монастыря Фотій, митрополитъ Серафимъ, Аракчеевъ, Магницкій и Шишковъ. Первый былъ ханжа, фанатикъ и лукавый обманщикъ и заявилъ импер. Александру, что ему свыше было открыто о необходимости немедленнаго удаленія отъ дѣлъ кн. А. Н. Голицына. Шишковъ былъ настоящій ревнитель русской старины въ жизни, націоналистъ-ретроградъ. Кн. Голицынъ уничтожалъ свободу мысли; Шишковъ съ Фотіемъ стали истреблять и свободу совѣсти, противъ которой не выступалъ кн. Голицынъ. Слѣпо вѣруй, ни о чемъ не разсуждай—такова въ сущности была его программа. Онъ приготовилъ манифестъ, въ которомъ рѣзко осуждалась вся прежняя дѣятельность министерства народнаго просвѣщенія съ кн. Голицынымъ во главѣ: «истинное просвѣщеніе», говорилось тамъ, «состоитъ въ страхѣ Божіемъ и смиренномъ разумѣ»; «сколько ложныя умствованія, подъ пышнымъ именемъ любомудрія, произвели пагубныхъ для человѣческаго рода послѣдствій». Но Шишкову не удалось долго удержаться на своемъ посту: имп. Александръ не рѣшился публично осудить дѣятельность

своего личнаго друга, кн. А. Н. Голицына, имп. Николай также указалъ свой особый путь въ дѣлѣ воспитанія русскаго юношества.

Хотя восшествіе его на престолъ сопровождалось бунтомъ декабристовъ, но онъ посмотрѣлъ на этотъ послѣдній, какъ на заразу, привнесенную извнѣ,—и рѣшилъ воспитывать учащуюся молодежь въ духѣ православія, самодержавія и народности. Этотъ принципъ былъ ясно провозглашенъ министромъ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровымъ, долго занимавшимъ этотъ постъ и смѣнившимъ въ 1833 году кн. Ливена, 5 лѣтъ бывшаго министромъ послѣ Шишкова, ушедшаго въ 1828 году. Какъ видимъ, Уваровъ выдвинулъ принципъ славянофиловъ, но это не было чистое славянофильство: здѣсь господствовала идея государственности, проникавшая собою всецѣло и идею народности. Общественный элементъ совершенно исключался. «Только правительство», писалъ Уваровъ, имѣетъ всѣ средства знать и высоту успѣховъ всемірнаго образованія, и настоящія нужды отечества». Неудивительно, что, при такихъ условіяхъ, лучшія общественныя стремленія замерли и люди, истинно просвѣщенные, благородные, любившіе Россію и желавшіе ей прогресса, нравственно страдали въ это время и состояніе общества было апатичное и бездѣятельное. «Причина нынѣшняго нравственнаго паденія у насъ», пишетъ подъ 1834 годомъ въ своемъ дневникѣ Никитенко, «въ политическомъ ходѣ вещей. Настоящее поколѣніе людей мыслящихъ не было таково, когда, исполненное свѣжей юношеской силы, оно впервые вступало на поприще умственной дѣятельности. Оно не было проникнуто такимъ глубокимъ безвѣріемъ. Но власти объявили себя врагами всякаго умственнаго развитія, всякой свободной дѣятельности духа. Не уничтожая ни наукъ, ни учебной администраціи, они однако до того затруднили насъ цензурою, частыми преслѣдованіями и общимъ направленіемъ жизни, чуждой всякаго нравственнаго самопознанія, что мы вдругъ увидѣли себя въ глубинѣ души какъ бы запертыми со всѣхъ сторонъ, отторженными отъ той почвы, гдѣ духовныя силы развиваются и совершенствуются. Сначала мы судорожно рвались на свѣтъ. Но когда увидѣли, что съ нами не шутятъ, что отъ насъ требуютъ безмолвія и бездѣйствія... что солдатская дисциплина признается единственнымъ началомъ, на основаніи котораго позволено дѣйствовать,—тогда все юное поколѣніе вдругъ нравственно оскудѣло». Такова была эволюція взглядовъ правительства на дѣло высшаго образованія и она, конечно, должна была найти себѣ отраженіе и у мѣстныхъ представителей учебнаго вѣдомства.

Выразителемъ взглядовъ первой либеральной эпохи министерства въ Харьковѣ былъ попечитель гр. С. О. Потоцкій, который много

способствовалъ развитію и процвѣтанію основаннаго при немъ Харьковскаго университета. Хотя, по дѣйствовавшимъ тогда правиламъ, онъ не проживалъ постоянно въ Харьковѣ, а только наѣзжалъ туда и управлялъ университетомъ, такъ сказать, издалека, но это не отражалось неблагопріятно на университетской жизни, которой предоставлена была широкая свобода: попечитель не вмѣшивался въ детали, ему принадлежало только общее наблюденіе надъ университетомъ—но это-то и имѣло прекрасныя послѣдствія: попечитель внимательно слѣдилъ за дѣятельностію органовъ университетскаго самоуправленія, чтобы они не отступали отъ устава, не нарушали справедливости и пользы университета, разрѣшалъ возникавшія недоразумѣнія, поддерживалъ отношенія съ мѣстнымъ обществомъ и былъ авторитетнымъ и благожелательнымъ истолкователемъ нуждъ и потребностей университета передъ министерствомъ, хранителемъ и защитникомъ прерогативъ и правъ, дарованныхъ университету закономъ. Въ самые послѣдніе годы, не безъ вліянія новой министерской политики, измѣнилось и отношеніе гр. С. О. Потоцкаго къ Харьковскому университету: вмѣсто прежняго живого увлеченія мы замѣчаемъ абсентеизмъ, разочарованіе и равнодушіе; очевидно, этому просвѣщенному вельможѣ, съ независимымъ и прогрессивнымъ образомъ мыслей, не хотѣлось приспособляться къ «новому курсу»; онъ остался при тѣхъ убѣжденіяхъ, какія имѣли всѣ друзья юности Имп. Александра, въ числѣ коихъ былъ и онъ. Имп. Александръ, хотя лично и охладѣлъ къ нему, но, увольняя его въ отставку въ 1817 году, далъ ему рескриптъ, въ которомъ отмѣтилъ его выдающуюся дѣятельность на пользу Харьковскаго университета, «открытаго его попеченіемъ» и на благо другихъ училищъ округа.

Его преемникомъ былъ З. Я. Карнѣевъ, вице-президентъ Библейскаго общества, ближайшій помощникъ кн. А. Н. Голицына, вполнѣ подходившій, слѣдовательно, къ новому курсу. Образованіе его было незначительно; раньше занималъ онъ должности военныя и гражданско-административныя (былъ губернаторомъ) и подготовки къ учебной дѣятельности не имѣлъ; при назначеніи на постъ попечителя былъ уже въ очень преклонномъ возрастѣ; твердости характера не имѣлъ. Сдѣлавшись попечителемъ, З. Я. Карнѣевъ немедленно сталъ насаждать въ университетѣ тотъ піэтизмъ, проводникомъ котораго былъ его патронъ кн. А. Н. Голицынъ. Инспекторъ студентовъ со своими помощниками, по его распоряженію, долженъ былъ каждое воскресенье и праздникъ читать студентамъ и кандидатамъ передъ обѣднею въ залѣ по главѣ изъ евангелія и апостольскихъ посланій съ краткимъ объясненіемъ ихъ. Эти первые шаги попечителя встрѣтили немедленное одобреніе и со сто-

роны министра, и со стороны государя, посѣтившаго Харьковскій университетъ въ 1817 году. Впрочемъ, относительно студентовъ онъ самъ замѣчалъ, что только очень немногіе искренно ревнуютъ евангелію и богослуженію; большинство же ходитъ въ церковь, боясь взысканій; смущали его также профессора-иностранцы, которыхъ нельзя было превратить въ истинно вѣрующихъ, т. е. православныхъ. А между тѣмъ другихъ средствъ для насажденія вѣры и благочестія, кромѣ внѣшнихъ, онъ не примѣнялъ; по энергіи дѣятельности онъ при этомъ далеко уступалъ своимъ образцамъ Магницкому и Руничу. Въ одномъ изъ своихъ циркуляровъ, носившихъ характеръ душеспасительныхъ посланій, христіанское благочестіе профессоровъ и студентовъ онъ ставилъ въ непосредственную связь съ волею высшаго начальства; но высшею профанаціей чистаго христіанскаго ученія было то, что онъ прибавку жалованья профессорамъ поставилъ въ зависимость отъ насажденія среди нихъ христіанскаго благочестія. И вотъ нѣкоторые профессора, желая угодить своему начальнику, приводили на лекціяхъ кстати и некстати тексты изъ Священнаго писанія; у самого попечителя, по свидѣтельству современника, происходили собранія мистиковъ или, вѣрнѣе, людей, притворявшихся таковыми пользы ради; здѣсь бывали Дудровичъ, Байковъ, Артемовскій-Гулакъ и др. Нѣкоторые изъ нихъ, въ особенности письмоводитель его Подвысоцкій, руководили и имъ самимъ, и дѣлами округа. Попечитель рекомендовалъ особенному вниманію университета мистическую книгу Дюту «Божественная философія», переведенную на русскій языкъ его племянникомъ и преемникомъ по должности попечителя Е. В. Карнѣевымъ, изданную на средства государя. Характерно, что строгій ревнитель православія Шишковъ далъ о ней заключенію государю, какъ о чрезвычайно вредномъ, безбожномъ, богохульномъ сочиненіи. Осудилъ ее и В. Н. Каразинъ, заявившій, что изданіемъ подобныхъ сочиненій мы «переселяемся добровольно и всѣми силами въ вѣка самаго мрачнаго суевѣрія и невѣжества» и что «въ нынѣшнемъ вѣкѣ это все не можетъ имѣть другого дѣйствія, какъ сдѣлавъ религію и правительство смѣшными, умножить вольнодумцевъ и развратныхъ людей». Еще будучи вице-президентомъ Библейскаго общества въ Петербургѣ, З. Я. Карнѣевъ обратился къ Харьковскому губернатору съ предложеніемъ объ учрежденіи отдѣленія общества въ Харьковѣ. Сдѣлавшись попечителемъ, онъ позаботился, при содѣйствіи Джунковскаго и Дудровича, объ открытіи отдѣленія студенческаго Библейскаго общества. Но характерно то, что З. Я. Карнѣевъ упустилъ изъ виду то, что дѣйствительно представляло явную аномалію: каѳедра богословія была вакантна въ Харьков-

скомъ университетѣ до 1819 года, и позаботилось о занятіи ея само министерство народнаго просвѣщенія. Но несомнѣнно, что самою печальною страницею попечительства З. Я. Карнѣева является насильственное устраненіе отъ должности ректора и профессора Т. Ѳ. Осиповскаго—этого, по общему признанію, «свѣтила математическаго факультета». У власти, прикрываясь лицемѣріемъ и ханжествомъ, «стали теперь худшіе элементы профессорской коллегіи. Выходя въ отставку, З. Я. Карнѣевъ хотѣлъ навязать Харьковскому университету тотъ печальный режимъ, который господствовалъ въ Казанскомъ университетѣ при Магницкомъ: онъ предлагалъ министру примѣнить его къ Харьковскому университету, сдѣлавъ директоромъ этого послѣдняго своего письмоводителя Подвысоцкаго. Къ счастію, это предложеніе было оставлено втуне.

Но З. Я. Карнѣеву удалось все-таки оставить по себѣ нравственнаго наслѣдника Харьковскому университету въ лицѣ племянника своего Е. В. Карнѣева (1822—1825 г.), который учился въ Харьковскомъ коллегіумѣ и Московскомъ университетѣ, а потомъ служилъ въ военной и гражданской службѣ (но не по учебному вѣдомству). Онъ былъ однако болѣе энергиченъ и дѣловитъ, чѣмъ его дядя, и обратилъ главное вниманіе свое на хозяйственную часть университета и на контроль надъ преподаваніемъ профессоровъ, особенно же духомъ этого преподаванія. Но предложеніе его объ изданіи энциклопедическихъ обозрѣній профессорскихъ курсовъ было признано въ ученомъ комитетѣ министерства нераціональнымъ. Тотъ же ученый комитетъ не согласился съ его представленіемъ о реформѣ управленія Харьковскаго университета въ духѣ сокращенія его автономіи; попечитель предлагалъ, чтобы ректоръ не выбирался, а назначался начальствомъ и не только изъ профессоровъ, но и изъ постороннихъ чиновниковъ, чтобы онъ не имѣлъ права читать лекцій, хотя былъ бы изъ профессоровъ, и чтобы на немъ лежала полная отвѣтственность за университетъ, коего профессора и чиновники должны быть всецѣло ему подчинены на основаніи инструкціи, данной директору Казанскаго университета. Членъ ученаго комитета акад. Фусъ, возражая на представленіе Е. В. Карнѣева, между прочимъ, замѣчалъ, что власть ректора надъ профессорами опредѣлена уставами, по которымъ профессора не суть приказные «служители, но члены университетскаго совѣта, коего предсѣдатель есть ректоръ».... Фусъ высказался вообще противъ отступленій отъ устава 1804 г. «Вообще надлежитъ примѣчать», говорилъ онъ, «что такія частныя отступленія отъ общихъ началъ, служившихъ основою университетскимъ уставамъ, постепенно уничтожаютъ нужное однообразіе,

даже въ важнѣйшихъ частяхъ состава этихъ высшихъ учебныхъ заведеній и при томъ то, что̀ опытомъ признано полезнымъ для прочихъ университетовъ, не можетъ быть вреднымъ для Харьковскаго». Однако Е. В. Карнѣеву удалось все-таки пробить первую брешь въ самоуправленіи Харьковскаго университета: забаллотированный совѣтомъ Джунковскій былъ оставленъ, по представленію попечителя, ректоромъ впредь до усмотрѣнія».

Новый попечитель Перовскій (съ 1825—по 1830-й годъ) нанесъ университетскому самоуправленію еще болѣе тяжкіе удары. Онъ получилъ прекрасное образованіе (окончилъ Московскій университетъ) и пріобрѣлъ большую извѣстность въ качествѣ литератора (подъ псевдонимомъ Погорѣльскаго). Онъ самъ просилъ должности попечителя у государя и главною обязанностью своею выставлялъ воспитаніе молодежи въ духѣ вѣры и безпредѣльной преданности царю, «и въ этомъ», писалъ онъ, «едва ли кто его превзойдетъ»....

Ему, конечно, не трудно было проводить инструкцію, которая была дана ему Шишковымъ и въ основаніе которой была положена мысль, что «науки, изощряющія умъ, не составятъ безъ вѣры и безъ нравственности благоденствія народнаго»; затѣмъ особенное вниманіе, по этой инструкціи, нужно было обратить на внѣдреніе любви къ русскому языку, родинѣ, всему отечественному, на повиновеніе престолу и властямъ, на цензуру книгъ, въ которыхъ получили такую силу хитрые извороты разума, распространяющаго развратъ и невѣріе, ко вреду правительствъ и гражданскихъ обществъ. Хотя Перовскій и мало занимался дѣломъ и рѣдко проживалъ въ Харьковѣ, но, къ сожалѣнію, онъ свои выдающіяся способности и дѣятельность направилъ главнымъ образомъ на разрушеніе того строя, которымъ до тѣхъ поръ держался и могъ развиваться университетъ. Въ 1826 г. онъ вошелъ съ представленіемъ къ министру народнаго просвѣщенія о предоставленіи попечителю, по своему усмотрѣнію, права приглашать профессоровъ—и на это послѣдовало Высочайшее соизволеніе. Тогда же онъ ходатайствовалъ о назначеніи ректора начальствомъ безъ срока—и ректоромъ, по его представленію, былъ назначенъ Кронебергъ «до изданія новаго устава для университетовъ». Такъ же властно держалъ себя Перовскій и въ дѣлѣ выбора почетныхъ членовъ, оффиціально приказывая совѣту (чего не имѣлъ права дѣлать) избирать угодныхъ ему лицъ. Такимъ образомъ, не трогая устава 1804 г., Перовскій въ сущности упразднилъ основанную на немъ автономію Харьковскаго университета.

Преемникомъ Перовскаго былъ В. И. Филатьевъ (съ 1830 по 1833-й годъ). Это былъ человѣкъ, лишенный какого бы то ни было

образованія, а между тѣмъ онъ взялъ на себя непосильную для него задачу замѣщенія вакантныхъ каѳедръ: руководствовался онъ въ этомъ дѣлѣ главнымъ образомъ требованіями благонамѣренности. Между прочимъ, онъ стяжалъ себѣ печальную извѣстность приглашеніемъ на каѳедру философіи Чанова, не имѣвшаго никакого научнаго ценза и занимавшаго нѣкоторое время раньше должность околоточнаго надзирателя. Неудивительно, что время его управленія совпадаетъ съ наибольшими смутами въ Харьковскомъ университетѣ: при немъ въ 1833 году послѣдовалъ доносъ государю на университетъ проф. Венедиктова; министру былъ отправленъ другой доносъ на самого Филатьева; и въ одномъ, и въ другомъ были сдѣланы многочисленныя указанія на внутренніе безпорядки: авторъ второго, приведя рядъ фактическихъ указаній на неудачные выборы имъ преподавателей, заявлялъ: «таковыя распоряженія Филатьева произвели величайшее неудовольствіе во всѣхъ факультетахъ и обозначаютъ явное пренебреженіе къ существенной цѣли возложеннаго на него попечительства или сомнительную образованность». Некрасива была роль попечителя и въ дѣлѣ профессора архитектуры Васильева, отстраненнаго имп. Николаемъ Павловичемъ отъ должности за оказавшуюся въ библіотечной залѣ трещину.

Не смотря на большія строгости, проступки студентовъ при немъ увеличились. Правда, самъ Филатьевъ былъ высокаго мнѣнія о пользѣ, принесенной имъ университету, но онъ или искренно заблуждался, или желалъ такимъ образомъ получить при отставкѣ возможно болѣе наградъ. Министръ же народнаго просвѣщенія С. С. Уваровъ въ своемъ докладѣ имп. Николаю Павловичу по доносу Венедиктова высказалъ очень неблагопріятное заключеніе какъ о Харьковскомъ университетѣ, такъ и о Филатьевѣ, котораго онъ считалъ необходимымъ замѣнить другимъ способнымъ лицомъ. «Не утруждая Ваше Величество», писалъ Уваровъ, «продолжительнымъ изложеніемъ всѣхъ предъидущихъ обстоятельствъ въ исторіи этого университета, долженъ я откровенно сказать, что изъ университетовъ нашихъ Харьковскій менѣе всѣхъ приблизился къ своей цѣли и даже нынѣ начинаетъ отставать отъ прочихъ въ новомъ ихъ направленіи къ обновленію, болѣе или менѣе уже замѣтномъ въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Причины этого слѣдующія: 1) неудовлетворительное состояніе всѣхъ гимназій, исключая Полтавской; 2) духъ партій и безпрерывный раздоръ между профессорами и чиновниками во все время существованія университета; 3) неспособность высшихъ начальниковъ; 4) необращеніе вниманія на приготовленіе способныхъ учителей; 5) несоразмѣрность штатовъ съ постепеннымъ возвышеніемъ всѣхъ цѣнъ на потребности жизни; 6) происходящій ото

всѣхъ этихъ причинъ духъ унынія, слабости, небреженія къ должностямъ, со всѣми признаками моральнаго упадка». Сказавши о томъ, что и попечитель, ректоръ и нѣкоторые профессора, явившись въ Петербургъ, заявляли, что университетъ не процвѣтаетъ, Уваровъ далѣе прибавлялъ, что для исправленія всего «необходимо нуженъ начальникъ, умѣющій соединять съ твердостью нрава навыкъ обходиться съ людьми; начальникъ, поставленный довольно высоко въ общемъ мнѣніи, чтобы казаться въ глазахъ подчиненныхъ не только справедливымъ исполнителемъ воли высшаго правительства, но и ходатаемъ, и заступникомъ предъ нимъ, словомъ,—безпристрастнымъ цѣнителемъ и трудовъ, и слабостей своихъ подчиненныхъ».

Этими требованіями и обусловленъ былъ выборъ новаго попечителя, и онъ палъ на личнаго друга имп. Николая чрезвычайно богатаго, заслуженнаго вельможу, оберъ-камергера, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, члена Государственнаго Совѣта, бывшаго полномочнаго резидента-министра при Вѣнскомъ дворѣ, кавалера ордена Андрея Первозваннаго, графа Юрія Александровича Головкина. Этотъ послѣдній принялъ новую должность изъ самыхъ чистыхъ мотивовъ—изъ патріотическаго чувства, которое побуждало его посвятить закатъ своихъ дней и столь полезному для государства дѣлу, какъ народное образованіе, и тому учрежденію (Харьковскому университету), о поднятіи котораго заботился его царственный другъ, имп. Николай Павловичъ. Въ письмѣ къ ректору Кронебергу онъ, между прочимъ, писалъ, что принялъ должность попечителя, имѣя въ виду, съ помощью просвѣщенныхъ и ученыхъ мужей, составляющихъ Харьковскій университетъ, оставить по себѣ память въ потомствѣ. И дѣйствительно, не смотря на свой преклонный возрастъ, Ю. А. Головкинъ очень серьезно занялся университетскими дѣлами, проявляя постоянно истинно-отеческое попеченіе объ учащихся, заботу о нуждахъ университета и истинное уваженіе къ профессорамъ, какъ дѣятелямъ науки. Во всѣхъ его дѣйствіяхъ проявился аристократизмъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, выражавшійся въ благородствѣ мыслей, чувствъ, намѣреній и поступковъ, въ одинаково ровномъ, привѣтливомъ обращеніи со всѣми. Наконецъ, познакомившись лично съ нуждами и потребностями университета, онъ выступилъ энергичнымъ ходатаемъ за него передъ министерствомъ. Но характерно здѣсь то, что, въ противоположность всѣмъ своимъ предшественникамъ, онъ въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ не единолично и не подъ вліяніемъ какихъ-либо случайныхъ совѣтниковъ, а сообща со всей профессорской коллегіей. «Дабы поближе познакомиться съ настоящимъ состояніемъ образованія въ Харьковскомъ

университетѣ», писалъ онъ министру, «и удобнѣе узнать разныя потребности его, я употребилъ два средства, доселѣ не бывшія въ употребленіи въ здѣшнемъ университетѣ, а именно—предписалъ сдѣлать публичное испытаніе студентамъ и завелъ у себя частныя засѣданія каждаго факультета отдѣльно»; «эти засѣданія доставили мнѣ возможность лично познакомиться съ дарованіями, способностями и ученостью каждаго изъ профессоровъ». О самомъ университетѣ гр. Головкинъ вынесъ такое впечатлѣніе: «нѣтъ сомнѣнія, что университетъ имѣетъ средства къ образованію; но они нынѣ не совершенно достаточны, и, дабы возвратить ему прежнее цвѣтущее состояніе, необходимо сдѣлать многія измѣненія и расширить его учрежденія». Далѣе слѣдуютъ указанія на эти измѣненія и усовершенствованія. Съ проектомъ реформъ выступилъ также и помощникъ попечителя гр. Панинъ, назначенный на этотъ постъ еще при Филатьевѣ, въ 1833 году. Очевидно, старый режимъ требовалъ обновленія, если о немъ такъ настойчиво говорили и попечитель, основываясь на заявленіяхъ факультетовъ, и непосредственно стоявшіе у дѣла сами университетскіе дѣятели (ректоръ Кронебергъ выступилъ съ цѣлымъ проектомъ реформъ). Проектировалось освобожденіе профессоровъ отъ административной дѣятельности для поднятія ихъ научнаго уровня, улучшеніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета, учрежденіе педагогическаго института, возведеніе необходимыхъ построекъ, новое распредѣленіе предметовъ и въ частности раздѣленіе физико-математическаго факультета на 2 отдѣленія—математическое и естественное, замѣщеніе вакантныхъ каѳедръ и мн. др.

Во всякомъ случаѣ, съ назначеніемъ Ю. А. Головкина, въ Харьковскомъ университетѣ замѣчается пробужденіе, начинаетъ чувствоваться пульсъ живой общественной дѣятельности, почти было замершій при прежнихъ попечителяхъ, съ ихъ исключительно бюрократическимъ и автократическимъ направленіемъ. Къ сожалѣнію, система прежняго управленія, установившагося послѣ С. О. Потоцкаго и дѣйствовавшаго 16 лѣтъ, принесла свои плоды—привела къ ослабленію научной дѣятельности, ко всеобщему равнодушію въ сферѣ общественныхъ идеаловъ и господству узкихъ эгоистическихъ интересовъ. И тщетны были усилія гр. Головкина и гр. Панина пробудить совершенно профессоровъ отъ этой спячки, вывести Харьковскій университетъ изъ состоянія упадка, тѣмъ болѣе что и министерство не удовлетворило почти ни одного изъ тѣхъ ходатайствъ, съ которыми обращались къ нему гр. Головкинъ и гр. Панинъ: оно откладывало ихъ разрѣшеніе до общаго разсмотрѣнія новаго университетскаго устава. Такимъ образомъ, первые шаги дѣятельности гр. Ю. А. Головкина въ смыслѣ реформы до

1835 г., можно сказать, пробудили только надежды на лучшее будущее, но зато уничтожили тяжелую атмосферу для профессоровъ и студентовъ, которая царила въ немъ раньше, при прежнихъ попечителяхъ: всѣмъ стало легче жить и дышать при добромъ, гуманномъ Головкинѣ. Къ счастію, онъ еще долго оставался на своемъ посту, хотя злосчастное дѣло проф. Венедиктова—результатъ прежнихъ нестроеній—едва не вынудило его выйти въ отставку. Онъ требовалъ удаленія Венедиктова изъ Харьковскаго университета, очевидно, желая освободить этотъ послѣдній отъ безпокойнаго доносчика, но встрѣтилъ противодѣйствіе со стороны Уварова и остался только благодаря резолюціи, положенной по этому дѣлу имп. Николаемъ Павловичемъ.

Таковы были тѣ воздѣйствія, которыя оказывали на университетское самоуправленіе попечители Харьковскаго учебнаго округа сами непосредственно или посредствомъ высшаго учебнаго начальства. Воздѣйствія эти, какъ мы видѣли, были, къ сожалѣнію, преимущественно отрицательнаго характера. Ознакомившись съ уставомъ 1804 г. и послѣдовавшими отступленіями отъ него, а также съ тѣмъ вліяніемъ, какое оказывали на него представители мѣстной учебной власти, мы теперь можемъ перейти къ рѣшенію основного вопроса о томъ, какъ примѣнялся уставъ 1804 года Харьковскимъ университетомъ на дѣлѣ, или, иными словами, каково было университетское самоуправленіе въ дѣйствительности. Изучая на основаніи многочисленныхъ матеріаловъ исторію этого самоуправленія въ первыя 30 лѣтъ университетской жизни, мы замѣчаемъ, что въ первые годы, «либеральную эру» царствованія имп. Александра, оно дало прекрасные плоды—это былъ «золотой вѣкъ» въ исторіи Харьковскаго университета, а въ послѣдующую эпоху реакціи внутренняя дѣятельность университета стала ослабѣвать въ своей энергіи, напряженности и даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ клониться къ упадку.

Главнымъ органомъ университетскаго самоуправленія былъ совѣтъ. Составъ его былъ немногочисленный, и потому члены его несли дѣйствительно тяжелый трудъ. Засѣданія совѣта были очень часты. Такъ, въ 1805 году было 41 засѣданіе, въ 1806 году—40, въ 1807—48, въ 1808—42, въ 1809—42, въ 1810—39, въ 1811—53, въ 1812—49, въ 1814—47. Главною функціею совѣта были выборы, которые въ общемъ были удачны. Ректора въ началѣ выбирали только на годъ—и при такихъ условіяхъ проф. И. С. Рижскій занималъ ректорскую должность съ открытія университета въ теченіе 6-ти лѣтъ до самой своей смерти (съ промежуткомъ въ одинъ годъ, когда ректоромъ былъ избранъ Стойковичъ). А онъ былъ одинъ изъ достойнѣйшихъ членовъ профессор-

ской коллегіи, какимъ и долженъ быть ректоръ—настоящій rector magnificus—и по своей учености, и по умственнымъ, и по нравственнымъ качествамъ, и по тому уваженію, какое питали къ нему профессора, студенты и все Харьковское общество. Это почти безсмѣнное, при ежегодныхъ выборахъ, ректорство Рижскаго краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, что выборное начало, свободное отъ внѣшняго давленія и произвола, привилось къ Харьковскому университету и дало прекрасные результаты: годичный срокъ не мѣшалъ совѣту избирать постоянно одно и то же достойное лицо. Послѣ смерти его ректоромъ былъ утвержденъ на 3 года Стойковичъ, обратившійся съ личнымъ конфиденціальнымъ письмомъ къ министру народнаго просвѣщенія, который вошелъ съ докладомъ къ государю объ утвержденіи Стойковича ректоромъ на 3 года. Такимъ образомъ, онъ искалъ себѣ опоры не въ профессорской коллегіи, а въ министерствѣ. Это былъ человѣкъ огромной дѣловой энергіи и значительной научной продуктивности, которая, впрочемъ, не отличалась самостоятельнымъ характеромъ. Примыкая къ группѣ иностранныхъ профессоровъ и пользуясь ихъ поддержкою, онъ имѣлъ надъ ними то преимущество, что усвоилъ себѣ, въ качествѣ серба-славянина, русскій языкъ и легко освоился съ русскою жизнью. Къ сожалѣнію, онъ запятналъ себя корыстолюбіемъ и долженъ былъ оставить до истеченія трехлѣтняго срока ректорство, будучи изобличенъ проф. Васильевымъ въ безпошлинномъ провозѣ венгерскихъ винъ и другихъ товаровъ и продажѣ ихъ подчиненнымъ ему лицамъ и комиссіонерамъ. Въ преемники ему былъ избранъ снова достойнѣйшій дѣятель—краса и гордость математическаго факультета и всего университета, видный ученый и преподаватель, энергичный администраторъ, и, главное, необыкновенно стойкій въ своихъ убѣжденіяхъ и пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ человѣкъ. И такого высоко полезнаго для университета дѣятеля не задумался безъ всякой причины устранить отъ должности попечитель З. Я. Карнѣевъ, нанеся этимъ чувствительную, невознаградимую потерю университету и тяжелый ударъ его самоуправленію. Т. Ѳ. Осиповскій, съ его свѣтлымъ и точнымъ умомъ, съ его явнымъ нерасположеніемъ къ мистицизму, съ его прямымъ и рѣшительнымъ характеромъ, съ его твердыми прогрессивными убѣжденіями, не могъ быть пріятенъ Карнѣеву, потому что не желалъ сдѣлаться орудіемъ въ его рукахъ для проведенія новыхъ началъ въ университетѣ. Не удивительно, что при такихъ условіяхъ Карнѣевъ искалъ только повода, чтобы освободиться отъ ненавистнаго ему сотрудника. Съ другой стороны, противъ Осиповскаго велась интрига со стороны профессоровъ, усвоившихъ себѣ «новый курсъ» З. Я. Карнѣева; одинъ

изъ нихъ Дудровичъ подалъ попечителю въ видѣ жалобы доносъ на Осиповскаго и въ немъ указывалъ на его образъ мыслей, противный началамъ вѣры и священнаго писанія, и на то, что онъ попечителя и самого министра народнаго просвѣщенія публично называлъ сумасшедшими мистиками. Наконецъ, и самъ Осиповскій, будучи однимъ изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей Харьковскаго университета въ духѣ либеральныхъ идей первыхъ лѣтъ царствованія имп. Александра, съ прискорбіемъ видѣлъ, что теперь старались разрушить то, что прежде бережно культивировали, а именно—научное направленіе съ присущей ему свободой изслѣдованія. Онъ понималъ, что въ новой системѣ заключалась огромная опасность для университета, ибо она, объявивъ войну разуму, подкапывалась подъ самыя основы академической жизни, и для него, какъ представителя реальнаго направленія и какъ ректора, это было особенно чувствительно. Не удивительно поэтому, что и онъ впалъ въ возбужденное состояніе духа, проявившееся въ нѣсколькихъ рѣзкостяхъ, которыми воспользовались его враги. З. Я. Карнѣевъ придрался къ тому, что онъ просилъ о предоставленіи ему за выслугою лѣтъ пенсіи и о порученіи чтенія по вакантной каѳедрѣ астрономіи—и сдѣлалъ представленіе объ удаленіи его и отъ профессорства, и отъ ректорства въ 1820 году. Пенсію же онъ получилъ только черезъ $1\frac{1}{2}$ года, послѣ подачи имъ особаго прошенія на Высочайшее имя. Преемникомъ Осиповскаго былъ Джунковскій, вѣрный слуга попечителя, избранный въ ректоры подъ прямымъ, непосредственнымъ давленіемъ этого послѣдняго. З. Я. Карнѣевъ, ходатайствуя объ утвержденіи его, рекомендовалъ его министру, какъ человѣка, могущаго быть примѣромъ благочестивой жизни и твердыхъ правилъ христіанской нравственности. Но въ дѣйствительности Джунковскій оказался плохимъ администраторомъ, благодаря слабости характера, безличности и вообще своей ничтожности. Самъ З. Я. Карнѣевъ, оставляя должность попечителя, не рекомендовалъ оставить у власти своего прежняго ставленника. Совѣтъ университета совершенно забаллотировалъ Джунковскаго при выборахъ ректора въ 1824 г., но попечитель Е. В. Карнѣевъ исходатайствовалъ назначеніе его министерствомъ вопреки мнѣнію совѣта, который на основаніи трехлѣтняго опыта призналъ его совершенно непригоднымъ. И что же? Какія послѣдствія имѣло здѣсь нарушеніе университетской автономіи? Новый попечитель округа Перовскій въ 1826 году вошелъ съ ходатайствомъ объ устраненіи Джунковскаго отъ ректорской должности, въ виду того что онъ не выказалъ потребной дѣятельности, вниманія, соображенія и силы характера, а обнаружилъ, наоборотъ, болѣзненность и излишнюю мягкость,—и о замѣнѣ его проф. Кронебергомъ,

котораго совѣтъ избралъ еще въ 1824 году. Назначеніе Кронеберга дѣйствительно было удачное, но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что онъ былъ также и избранникомъ совѣта. По представленію Перовскаго, Кронебергъ въ 1826 г. былъ назначенъ исправляющимъ должность ректора, а въ 1827 г., по ходатайству же Перовскаго, ректоромъ до изданія новаго устава. Отдавая должное выдающемуся уму Кронеберга, его способностямъ, энергіи, настойчивости, мы должны отмѣтить у него также черты самовластія по отношенію къ профессорской коллегіи. Очевидно, и онъ, подражая автократизму попечителя, стремился осуществить принципъ «власть идетъ» и хотѣлъ поставить значеніе ректора выше власти совѣта. Попечитель видѣлъ въ немъ вполнѣ подходящаго для «новой, твердой власти ректора». Но и профессорская коллегія съ своей стороны не хотѣла примириться съ новыми порядками, упразднявшими власть и значеніе, предоставленныя ей Высочайше утвержденнымъ и не отмѣненнымъ уставомъ 1804 года. На этой почвѣ происходила глухая борьба и столкновенія между ректоромъ и профессорами (Пауловичемъ). Все это дѣлало положеніе новаго ректора очень труднымъ. А онъ все-таки былъ настоящій университетскій дѣятель, талантливый ученый и благородный человѣкъ,—и вотъ въ 1829 году онъ самъ подалъ прошеніе объ отставкѣ, прошеніе, въ которомъ звучитъ нота грусти, обиды и разочарованія. Ректоромъ избранъ былъ Дудровичъ, принявшій эту должность въ виду желанія начальства. Сохранилось чрезвычайно характерное письмо его послѣ выбора къ попечителю, ярко рисующее съ нравственно-общественной стороны его личность. «Усматривая изъ послѣдовавшаго ко мнѣ отзыва Александра Васильевича (Склабовскаго, правителя канцеляріи попечителя), что вашему превосходительству угодно, дабы я никакъ не отклонялъ отъ себя выбора, и привыкши всегда повиноваться волѣ начальства, я охотно принимаю на себя эту новую для меня должность». Спрашивается, какой самостоятельности можно было ожидать отъ такого ректора? Впрочемъ, въ 1830 году онъ умеръ, и въ преемники его совѣтъ избралъ выдающагося, заслуженнаго дѣятеля проф. Н. И. Еллинскаго (съ 1830 по 1833 г.), которому, при его слабомъ здоровьѣ, однако было трудно справляться съ тяжелою въ попечительство Филатьева ректорскою должностью и онъ вышелъ въ отставку. Преемникомъ его былъ снова призванный ко власти Кронебергъ, который могъ широко проявить свои таланты, энергію и дѣятельность при попечителѣ гр. Ю. А. Головкинѣ, выступивъ съ цѣлымъ рядомъ проектовъ, имѣвшихъ въ виду улучшеніе разныхъ сторонъ университетской жизни. Здѣсь шла рѣчь и о достиженіи полноты преподаванія, и о способахъ для поднятія

занятій студентовъ, и о средствахъ для поднятія сціентифическаго уровня профессоровъ, и о педагогическомъ институтѣ, и о гимназической подготовкѣ.

Такимъ образомъ, можно, кажется, сказать, что свободные совѣтскіе выборы ректора давали лучшіе результаты, чѣмъ назначенія на эту должность министерствомъ по указанію попечителей.

Что касается выбора другихъ дѣятелей университетскаго самоуправленія (напримѣръ декановъ), то и здѣсь въ общемъ дѣло велось, повидимому, хорошо; репрессіи реакціонной эпохи не коснулись выбора деканов. Въ должности деканов мы видимъ въ первое десятилѣтіе такихъ выдающихся представителей факультетскаго преподаванія, какъ: Шадъ, Тимковскій, Стойковичъ, Шумлянскій, Дюгуровъ, Успенскій, Гизе, Книгинъ, Беленъ-де-Баллю. Неблагопріятнымъ обстоятельствомъ нужно признать незначительный составъ членовъ совѣта. Относительно секретарей факультета слѣдуетъ отмѣтить одну характерную и пріятную особенность: на эти должности избирались всегда младшіе члены факультетовъ, но исполненіе секретарской должности не давало, само по себѣ, права на выборы въ деканы, ибо въ основу этой послѣдней должности поставлена была не служебная выслуга, а должная авторитетность въ факультетѣ, нѣкоторая способность къ веденію учебно-воспитательнаго и отчасти хозяйственнаго дѣла, пониманіе высокихъ задачъ университета и соотвѣтствующій достоинству его независимый образъ дѣйствій въ вопросахъ, касающихся чести и достоинства учрежденія и его коллегіи. Конечно, это нисколько не исключало возможности для секретаря факультета сдѣлаться впослѣдствіи деканомъ; но этого онъ могъ достичь не путемъ служебной выслуги, а проявивъ, въ качествѣ профессора, свойства, необходимыя для декана. Послѣ 1815 года профессорская коллегія сильно уменьшилась въ своемъ составѣ, благодаря уходу профессоровъ иностраннаго происхожденія, невольному удаленію нѣкоторыхъ и т. п.,—и это обстоятельство отразилось крайне неблагопріятно на избраніи деканов и другихъ должностныхъ лицъ. Въ 1820 году, напримѣръ, возможно было произвести выборы декана только на одномъ этико-политическомъ отдѣленіи, на другихъ же должны были остаться прежнія лица, потому что, кромѣ ихъ, другихъ ординарныхъ профессоровъ, могущихъ подвергнуться баллотировкѣ, не было; на этико-политическомъ отдѣленіи однажды некого было избрать въ секретари и эту должность временно исправлялъ профессоръ словеснаго отдѣленія Куницкій. Училищный комитетъ состоялъ изъ ординарныхъ профессоровъ, а во всемъ совѣтѣ было тогда только 6 человѣкъ (кромѣ проректора Джунковскаго и проф. Пильгера, ко-

торый, по слабости здоровья, ото всѣхъ должностей отказался). Далѣе идти по пути оскудѣнія было невозможно, а между тѣмъ именно въ этомъ году попечитель Карнѣевъ удалилъ Осиповскаго! Въ 1819 году также не изъ кого было выбирать деканові. Въ 1821 г. министръ народнаго просвѣщенія сдѣлалъ запросъ попечителю, не слѣдуетъ ли допускать къ занятію нѣкоторыхъ должностей экстраординарныхъ профессоровъ и адъюнктовъ. Попечитель обратился къ ректору Джунковскому, и тотъ указалъ на нѣкоторыя изъ должностей, но съ тѣмъ, чтобы на нихъ назначало само начальство, а не выбиралъ совѣтъ; о допущеніи въ совѣтъ экстраординарныхъ профессоровъ, что было бы наиболѣе цѣлесообразно, указанія имъ сдѣлано не было. Такимъ образомъ, вмѣсто ежегоднаго обновленія коллегій, предполагавшагося уставомъ 1804 года, составъ ихъ оставался прежній, потому что не изъ кого было выбирать новыхъ членовъ. Такъ было въ 20-хъ и началѣ 30-хъ годовъ. Всѣ члены совѣта, волей неволей, независимо отъ своихъ способностей, вкусовъ и желаній, принуждены были занимать должности деканові и членовъ разныхъ комитетовъ,—и, конечно, результаты подобнаго порядка вещей для интересовъ дѣла были очень печальные, тѣмъ болѣе что у дѣятелей университета эпохи реакціи не было уже той потребности общественнаго служенія, того бодраго настроенія, которымъ были воодушевлены профессора перваго десятилѣтія и которое давало имъ силы и энергію для исполненія ихъ сложныхъ и трудныхъ обязанностей. Даже и тѣ, кто дѣйствовалъ на пользу университета въ первое десятилѣтіе его существованія, теперь, подъ вліяніемъ суровой реакціи, стали вяло и апатично относиться къ тому, во что прежде вкладывали свою душу, потому что теперь нужно было работать въ пользу того, что они признавали вреднымъ для науки и университета.

Еще болѣе важною функціею дѣятельности былъ выборъ профессоровъ. Здѣсь опять мы замѣчаемъ существенную разницу между первымъ десятилѣтіемъ и послѣдующимъ двадцатилѣтіемъ. Вопросъ о замѣщеніи вакантныхъ каѳедръ представлялъ особенныя трудности для совѣта въ первые годы существованія университета, потому что русскихъ ученыхъ, которые бы удовлетворяли необходимымъ для занятія профессорской должности требованіямъ, почти не было,—и тѣмъ не менѣе совѣтъ весьма удачно справлялся со своей задачей. Заслуживаютъ величайшей признательности, во-1-хъ, его попытки привлечь въ Харьковскій университетъ выдающихся ученыхъ того времени; такъ были избраны или приглашаемы имъ—проф. Виртембергскаго университета Зейлеръ, проф. Эдинбургскаго университета Стевенсонъ, проф. Іенскаго

университета Гейнрихъ, проф. Іенскаго университета Георгъ, членъ Парижскаго національнаго института Пармантье, проф. Эрлангенскаго университета Гильдебрандтъ, проф. Геттингенскаго университета Сарторіусъ, знаменитый русскій историіографъ (на каѳедру русской исторіи) Н. М. Карамзинъ, знаменитый юристъ Цезаріэ, лейпцигскій проф. Бурдахъ, первый оріенталистъ Германіи Вилькенъ; знаменитый Вольфъ, труды котораго составляютъ эпоху въ изслѣдованіи гомерическаго эпоса, рѣшился было уже на переѣздъ въ Харьковъ и даже подалъ въ отставку у себя на родинѣ, но былъ удержанъ рескриптомъ прусскаго короля, обѣщавшаго большія выгоды ученому, которымъ гордилась Германія. Переѣзду въ Харьковъ свѣтилъ европейской науки препятствовалъ цѣлый рядъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Харьковскій университетъ не могъ имъ предложить лучшихъ матеріальныхъ условій по сравненію съ остальными преподавателями, что постоянно практиковалось въ Германіи; другихъ останавливала отдаленность и захолустность Харькова, оторванность его отъ ученыхъ центровъ Зап. Европы, отсутствіе въ университетѣ хорошихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій, незнаніе русскаго языка и русской жизни и т. п.

Всѣ эти лица не переѣхали въ Харьковскій университетъ; но совѣту въ первое десятилѣтіе удалось все-таки пригласить довольно значительное число иностранныхъ ученыхъ, въ томъ числѣ и нѣсколько выдающихся. Содѣйствіе совѣту оказывали въ этомъ дѣлѣ выдающіеся европейскіе ученые. Здѣсь съ гордостью можно указать на знаменитаго Гете, который былъ не только величайшимъ поэтомъ, но и замѣчательнымъ ученымъ и порекомендовалъ попечителю С. О. Потоцкому проф. Шада. Съ признательностью также слѣдуетъ вспомнить имена выдающихся ученыхъ того времени Мейнерса (историка западноевропейскихъ университетовъ) и Сарторія, которые взяли на себя трудъ рекомендовать Харьковскому университету достойныхъ преподавателей. Сарторій, между прочимъ, рекомендовалъ на каѳедру математики знаменитаго профессора Марбургскаго университета Гауффа.

Изъ-за границы совѣтъ Харьковскаго университета пригласилъ на разныя каѳедры слѣдующихъ лицъ: Дрейсига, Коритари, Пильгера, Дюгура, Рейта, Рейниша, Шнауберта, Якоба, Гута, Роммеля, Швейкарта и Нельдехена (мы не называемъ тѣхъ, которые были приглашены гр. С. О. Потоцкимъ еще до открытія университета). Среди этихъ лицъ было нѣсколько несомнѣнно выдающихся. На первыхъ порахъ совѣтъ особенно усердно прибѣгалъ къ выбору иностранцевъ, что объясняется крайнею бѣдностью русскихъ научныхъ силъ. Нѣкоторое значеніе однако здѣсь имѣлъ и первоначальный составъ совѣта,

въ которомъ преобладали профессора иностраннаго происхожденія; эти послѣдніе, конечно, желали, по причинамъ частью общественнаго, частью личнаго характера, усилить свой составъ. Выбирались однако при этомъ и профессора русскаго происхожденія, и, чѣмъ далѣе, тѣмъ число ихъ все болѣе и болѣе увеличивалось, и въ 1814 году уже сравнялось съ иностранными. Наконецъ, съ первыхъ лѣтъ Харьковскій университетъ сталъ пользоваться и еще однимъ средствомъ для увеличенія своего преподавательскаго персонала: приготовлялъ къ профессурѣ собственныхъ питомцевъ, число коихъ также постепенно возрастало—въ первое десятилѣтіе ихъ было 6, а въ слѣдующее двадцатилѣтіе гораздо больше.

Выборы преподавателей въ періодъ времени съ 1815 по 1835-й годъ не давали уже такихъ хорошихъ результатовъ, какъ въ предшествующее десятилѣтіе. Въ 1815 году Харьковскій университетъ лишился большинства своихъ профессоровъ иностраннаго происхожденія—они буквально разбѣжались подъ вліяніемъ реакціи противъ иностранцевъ, а на мѣсто ихъ не поступилъ ни одинъ ученый изъ Германіи или Франціи. Осталась только небольшая группа иностранцевъ, разрозненная, напуганная высылкою Шада, оторопѣвшая и, нужно сказать, опустившаяся: энергичный боецъ Пильгеръ теперь по болѣзни считался даже неспособнымъ къ занятію какихъ-либо должностей; Нельдехенъ былъ удаленъ за пьянство; Делявинь заботился только о своемъ матеріальномъ благосостояніи; Паки-де-Совиньи безуспѣшно старался получить каѳедру латинскаго языка; только Рейтъ да Лангъ проявляли нѣкоторую энергію, но ихъ выставляли въ глазахъ попечителя, какъ безпокойныхъ иноземцевъ, вносящихъ смуту въ университетскую жизнь. Славяне—Дудровичъ и Пауловичъ—чувствовали себя хорошо, потому что сумѣли приспособиться къ новому режиму, но и они лишились своего главы и руководителя—Стойковича. Во главѣ университетскаго управленія находилась теперь естественно, послѣ удаленія иностранцевъ, русская группа профессоровъ, руководимая стойкимъ, энергичнымъ, авторитетнымъ Т. Ѳ. Осиповскимъ. Но и ей былъ нанесенъ страшный ударъ удаленіемъ отъ должности Осиповскаго. Ничѣмъ не вызванное устраненіе отъ должности достойнѣйшаго руководителя университетской жизни терроризовало теперь русскихъ профессоровъ не менѣе, чѣмъ ранѣе высылка изъ предѣловъ Россіи Шада иностранныхъ. Во главѣ университета стали такіе дѣятели, какъ Джунковскій, который уже вслѣдствіе слабости и непредпріимчивости своей не могъ принимать энергичныхъ мѣръ къ пополненію состава профессорской коллегіи. Съ другой стороны, вслѣдствіе установившейся репрессіи, и самая должность про-

фессора перестала быть привлекательной, притягивать къ себѣ лучшія, болѣе талантливыя силы изъ среды русской молодежи. Совѣтъ, пораженный унынiемъ и апатiей, не могъ теперь съ прежней энергiей и воодушевленiемъ заботиться о привлеченiи новыхъ силъ въ свою среду. Въ результатѣ всего этого было оскудѣнiе числа преподавателей, отражавшееся самымъ пагубнымъ образомъ на всѣхъ сторонахъ университетской жизни, въ особенности же на преподаванiи и наукѣ. Съ 1816 по 1835-й годъ совѣтомъ въ преподаватели были избраны: Сухомлиновъ, Куницкiй, Черняевъ, Михайловскiй, Рейпольскiй, Богородицкiй, Затеплинскiй, Экебладъ, Золотаревъ, Сокальскiй, Правицкiй, Байковъ, Еллинскiй, Кронебергъ.

Въ общемъ числѣ этихъ лицъ было невелико: очевидно, Россiя бѣдна была учеными силами. Однажды совѣтъ выбралъ въ профессоры иностранца, но министръ не утвердилъ его; другой разъ иностранные профессора хотѣли было выдвинуть кандидатуру иностранца Феслера, но далѣе предположенiй дѣло не пошло. Были случаи, когда совѣтъ отклонялъ домогательства нѣкоторыхъ лицъ потому, что они не удовлетворяли должнымъ требованiямъ; такъ отвергнутъ былъ Гесъ-де-Кальве и архимандритъ Сильвестръ, желавшiй читать лекцiи въ университетѣ по латинскому языку и богословiю. Въ доказательство своихъ познанiй онъ представилъ на латинскомъ языкѣ сочиненiе: «О вліяніи латинской словесности на успѣхи всеобщаго просвѣщенiя». Домогался должности при посредствѣ попечителя З. Я. Карнѣева и министра кн. А. Н. Голицына. Совѣтъ университета оказался здѣсь на высотѣ своего призванiя: отвергъ искательство аспиранта, ибо рецензентъ, проф. Успенскiй, доказалъ, что сочиненiе его списано преимущественно съ книги Heineccii «Fundamenta styli cultioris».

Въ 1820 г. совѣтъ самъ пришелъ къ убѣжденiю, что предпринимавшихся имъ обычныхъ средствъ для пополненiя своего состава изъ среды русскихъ ученыхъ недостаточно, и выступилъ съ ходатайствомъ о разрѣшенiи вызывать ученыхъ изъ-за границы, въ особенности изъ Австрiи—славянъ, ибо не оказывалось возможнымъ замѣщать всѣ вакантныя мѣста природными россiянами, какъ того требовалъ циркуляръ бывшаго министра народнаго просвѣщенiя гр. А. К. Разумовскаго. Кн. А. Н. Голицыну понравилась идея вызова профессоровъ изъ Австрiи, потому что въ тамошнихъ университетахъ, по его мнѣнiю, царилъ лучшiй духъ, чѣмъ въ Германiи, и онъ просилъ имп. Александра возбудить этотъ вопросъ при личномъ свиданiи его съ австрiйскимъ императоромъ. Но практическихъ послѣдствiй это дѣло не имѣло: ни одинъ ученый изъ Австрiи не занялъ профессорскаго мѣста въ Харьковскомъ университетѣ.

Попечитель Перовскій приписывалъ оскудѣніе преподавательскаго персонала въ Харьковскомъ университетѣ существованію выборнаго начала; а когда дѣйствіе этого послѣдняго, во исполненіе его ходатайства, было пріостановлено и ему была предоставлена возможность пополнить его составъ, оказалось, что, хотя онъ, при назначеніи на профессорскія мѣста своихъ кандидатовъ, мало справлялся съ ихъ ученымъ цензомъ, однако въ концѣ его управленія число вакантныхъ каѳедръ было все-таки довольно значительно. Положеніе дѣлъ оказалось, по-истинѣ, плачевнымъ, потому что и совѣтъ, со своей стороны, лишенный права выбора, снялъ съ себя теперь отвѣтственность за недостаточное число преподавателей. Въ 1830 году онъ обратился за «начальническимъ» содѣйствіемъ по этому поводу къ попечителю округа, выказавъ такимъ образомъ testimonium paupertatis. И дѣйствительно: этико-политическій факультетъ былъ представленъ тогда въ сущности только однимъ ординарнымъ профессоромъ Пауловичемъ, ибо Даниловичъ былъ командированъ въ Петербургъ, а каѳедры философіи, естественнаго права, политической экономіи съ дипломатикой были вакантны. Преемникъ Перовскаго Филатьевъ также поставилъ своей главною цѣлью увеличеніе наличнаго состава преподавателей въ Харьковскомъ университетѣ, но дѣйствовалъ неудачно въ дѣлѣ выбора и не достигъ своей цѣли.

Назначены были, по выбору попечителя З. Я. Карнѣева и указанію епископа Павла, прот. Могилевскій, Перовскаго—Дорнъ, Блументаль, Брандейсъ, Мауреръ, Спасскій; по непосредственному назначенію министра нар. просв.—Даниловичъ, Криницкій; по указанію Филатьева—Чановъ, Гренбергъ, Цыхъ, Якимовъ, Степановъ, Бабичевъ, Гордѣенко. Четверо изъ нихъ очень скоро ушли изъ Харьковскаго университета. Изъ нихъ настоящую ученую силу представляли только Цыхъ и Гордѣенко; о Чановѣ и Гренбергѣ самъ новый попечитель Ю. А. Головкинъ выразился, что потеря ихъ не заслуживала особеннаго вниманія. Правильные выборы профессоровъ въ совѣтѣ были возстановлены только при Головкинѣ, и это дѣло при немъ вступило на правильный путь.

Такимъ образомъ, попытка Филатьева взять въ свои руки выборъ преподавателей для университета дискредитировала его въ глазахъ университетской коллегіи, не имѣла хорошихъ результатовъ и только внесла смуту въ это дѣло, освободивъ университетъ отъ его существенной обязанности заботиться о пополненіи его преподавательскаго состава.

Выборы почетныхъ членовъ университета въ совѣтѣ уже не представляли, конечно, такой важности по своимъ результатамъ, какъ выборы преподавателей, но все-таки и они являлись своего рода барометромъ для характеристики общаго уровня университетской среды.

Нельзя не замѣтить и въ этомъ отношеніи рѣзкой разницы между первымъ десятилѣтіемъ и послѣдующими годами. Въ первое десятилѣтіе были избраны изъ русскихъ мин. внутр. дѣлъ Кочубей (способствовавшій открытію университета въ Харьковѣ) и гр. Безбородко, акад. Палласъ, през. Ак. наукъ Новосильцевъ, членъ главн. правл. учил. Франкъ, Карамзинъ, проф. Моск. у-та Страховъ, извѣстный ботаникъ Биберштейнъ, Державинъ, Нартовъ, мин. Дмитріевъ, писатель Хвостовъ, гр. Бутурлинъ, писатель Шишковъ, харьк. пис. Палицынъ, гр. Завадовскій, б. попеч. Потоцкій, харьк. губ. Бахтинъ, б. х. проф. Якобъ, б. х. проф. Гутъ, ак. Фусъ и Озерецковскій, проф. Моск. у-та Рихтеръ, дир. департ. Мартыновъ, ак. Шторхъ, ак. Шереръ, В. Н. Каразинъ, б. х. проф. Беленъ-де-Баллю, адм. Мордвиновъ, мин. внутр. дѣлъ Козодавлевъ, Дюкъ-де-Ришелье, проф. Моск. у-та Фишеръ, проф. мед.-хир. акад. Мухинъ и Бушъ, Кочубей, полт. губ. Лобановъ-Ростовскій, ректоръ Моск. у-та Геймъ, адм. Чичаговъ, канц. Н. П. Румянцевъ, оберъ-прокуроръ Свят. Син. кн. А. Н. Голицынъ; изъ иностранныхъ ученыхъ—Шлецеръ, Шрейберъ, Цахъ, Мейнерсъ, Гайне, Гильбертъ, Шпренгель, Добровскій. Всѣхъ почетныхъ членовъ было избрано 47 (но не всѣ они были утверждены министерствомъ). Шлецеръ не получилъ утвержденія. Избирались какъ лица, пріобрѣвшія себѣ почетную извѣстность научными заслугами, такъ и государственные сановники, которые или оказали, или могли оказать услуги дѣлу просвѣщенія, а также мѣстные дѣятели, принесшіе пользу университету, мѣстной наукѣ и литературѣ. Вообще совѣтъ разумно и широко пользовался своимъ правомъ избранія почетныхъ членовъ, за небольшими исключеніями, гдѣ дѣйствовали личные мотивы или неумѣренная предупредительность по отношенію ко власть имущимъ: всякое избраніе мотивировалось болѣе или менѣе вѣскими соображеніями. Чичаговъ, напримѣръ, былъ избранъ за передачу университету огромной нумизматической коллекціи, губернаторъ Бахтинъ за пользу, принесенную имъ университету и училищамъ и т. п. Любопытно, что предложеніе о выборѣ славянина Добровскаго, внесенное Стойковичемъ, было энергично поддержано нѣмцемъ Шадомъ. Характерно, что преимущественно избирались русскіе дѣятели; а съ 1812 года вовсе перестали избирать иностранцевъ. По уставу почетные члены могли участвовать въ ученыхъ засѣданіяхъ совѣта, но фактически это не осуществлялось.

Въ эпоху реакціи въ почетные члены стали избирать не столько за ученыя заслуги, сколько во вниманіе къ рангу и общественному положенію лицъ. Кромѣ того, вмѣшивались въ это чисто совѣтское дѣло и даже прямо приказывали совѣту избирать нѣкоторыхъ лицъ

попечители округа. Начало этому положилъ еще вообще корректный гр. С. О. Потоцкій: ему пришлось сыграть видную роль въ приглашеніи профессоровъ и вступить по этому поводу въ сношенія со многими учеными Западной Европы; и вотъ онъ представилъ въ совѣтъ списокъ тѣхъ лицъ, которыхъ рекомендовалъ избрать въ почетные члены; но онъ только рекомендовалъ, а поп. Перовскій въ 1826 г. прямо предложилъ совѣту избрать въ почетные члены Сперанскаго, Орлова, Ширинскаго-Шихматова и директора департамента Языкова, изготовить для нихъ дипломы, прислать къ нему и впредь поступать такимъ же образомъ; въ 1828 г. по его же письменному предложенію избранъ былъ Вѣльгорскій. Подъ давленіемъ поп. Е. В. Карнѣева избраны были знаменитые гасители просвѣщенія Магницкій и Руничъ. Оппортюнизмомъ и угодливостью можно себѣ только объяснить выборы въ почетные члены Харьковскаго университета такихъ лицъ, какъ Аракчеевъ, Петерб. митроп. Серафимъ, шефъ жандармовъ Бенкендорфъ, а также многихъ другихъ менѣе замѣтныхъ дѣятелей реакціи и обскурантизма. Съ отраднымъ чувствомъ останавливается при этомъ взоръ только на выборахъ сравнительно небольшого числа дѣятелей: м. Евгенія, Вилье, гр. С. О. Потоцкаго, акад. Загорскаго, проф. Линде, Гете, Александра и Вильгельма Гумбольдтъ, проф. Грефе; а за нимъ слѣдуетъ длинный списокъ лицъ, обязанныхъ избраніемъ своему общественному положенію: губ. Нелидовъ, поп. Голенищевъ-Кутузовъ, б. мин. Разумовскій, нач. шт. кн. Волконскій, ген. Каменскій, вице-адм. Сарычевъ, еп. Павелъ, градонач. Шауфусъ, дир. департ. Поповъ, Лаваль, губ. Шредеръ, ген. Балашовъ, кн. Оболенскій, Булгаковъ, сен. Брозинъ, губ. Грабовскій, сов. посольства Ансильонъ, контръ-адм. Рикордъ, ген. Головкинъ, губ. Каховскій, губ. Демидовъ, губ. Бѣгичевъ, Милюковъ, Шереметевъ, губ. Никитинъ, губ. кн. Трубецкой, ген. Кутейниковъ и др. Въ этомъ спискѣ, какъ видимъ, преобладаютъ губернаторы.

Но совѣтъ занимался не только приглашеніемъ новыхъ ординарныхъ профессоровъ, а и производствомъ лекторовъ въ адъюнкты, адъюнктовъ въ экстраординарные профессора и экстраординарныхъ въ ординарные. Отъ правильнаго исхода этихъ выборовъ зависѣло многое, въ томъ числѣ и полнота состава, и научный уровень профессорской коллегіи. Насколько же удовлетворительно совѣтъ выполнялъ эту свою функцію? Не было ли здѣсь какихъ-либо вопіющихъ злоупотребленій или изъ ряда вонъ выходящихъ ошибокъ? Въ какой мѣрѣ профессорская коллегія оправдала довѣріе, оказанное ей юнымъ монархомъ, такъ искренно и глубоко въ началѣ своего царствованія вѣровавшимъ

въ живыя силы образованнаго русскаго общества? Въ первое десятилѣтіе, при полномъ господствѣ выборнаго начала, эти производства въ общемъ находились въ соотвѣтствіи съ дѣйствительными научно-педагогическими заслугами аспирантовъ. Бывали не рѣдко только формальныя отступленія отъ требованій объ ученыхъ степеняхъ: давалось званіе профессора лицамъ, не имѣвшимъ докторской степени. Но это часто было только отступленіе отъ буквы закона, а не его сущности. Наиболѣе замѣчательные профессора русскаго происхожденія—Рижскій, Осиповскій, Тимковскій—не имѣли докторской степени, и потому совѣтъ постановилъ дать имъ, а также проф. Беленъ-де-Баллю степень доктора honoris causa,—и онъ былъ совершенно правъ: это были выдающіеся для своего времени ученые и странно было подвергать «этихъ мастеровъ» своего дѣла экзамену, который требовался тогда при испытаніи на степень доктора. Совѣтъ стремился въ этомъ дѣлѣ не столько соблюсти форму, сколько составить себѣ убѣжденіе, что данное лицо можетъ быть хорошимъ профессоромъ. Съ этою цѣлью иногда, напримѣръ, дѣлалось постановленіе о посѣщеніи лекцій извѣстнаго адъюнкта, желавшаго быть произведеннымъ въ экстраординарные профессора. Въ своемъ заключеніи о достоинствѣ научныхъ трудовъ кандидата совѣтъ основывался на отзывѣ соотвѣтственнаго факультета, и такой порядокъ, конечно, былъ совершенно правильный и разумный. Производства въ экстраординарные и особенно ординарные профессора было добиться не особенно легко: совѣтъ оберегалъ достоинство университета, хотя иногда подвергался настоящей атакѣ со стороны такихъ не въ мѣру уже настойчивыхъ лицъ, какъ Паки-де-Совиньи.

Съ удаленіемъ отъ должности С. О. Потоцкаго, прямо не вмѣшивавшагося обыкновенно въ дѣятельность совѣта, его преемники—особенно Перовскій и Филатьевъ—стали оказывать значительное давленіе на преподавателей, а подчасъ дѣлали и лично отъ себя представленія объ этомъ министерству. Что касается совѣта, то этотъ послѣдній, повидимому, старался держаться по возможности прежняго способа дѣйствій въ этомъ дѣлѣ, но его положеніе затруднялось тѣмъ, что онъ былъ лишенъ столь необходимой для полнаго безпристрастія свободы и самостоятельности.

Впрочемъ, производства переходили черезъ совѣтъ и происходили обычнымъ нормальнымъ образомъ. Но сильныя возраженія въ совѣтѣ вызвали производства Дудровича и Пауловича. Чувствуя, что выборному началу наносится серьезный ударъ, нѣкоторыя лица, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, обращались со своими ходатайствами непосредственно къ попечителю округа. Такъ поступилъ,

напримѣръ, Золотаревъ, бывшій секретаремъ Библейскаго студенческаго общества. Характерно при этомъ, что онъ просилъ и за двухъ своихъ товарищей, хотя они его на это и не уполномочивали. Съ жалобою на совѣтъ къ попечителю выступилъ и проф. Архангельскій, хотя онъ и не имѣлъ докторской степени, которая бы давала ему право на занятіе должности ординарнаго профессора. Попеч. Перовскій сдѣлалъ представленіе о производствѣ въ экстраординарные профессора адъюнктовъ Робуша, Куницкаго, Филомафитскаго, Байкова, Артемовскаго-Гулака и Венедиктова, которые не имѣли докторской степени; министръ народнаго просвѣщенія отмѣнилъ требованіе о докторской степени и разрѣшилъ баллотировать всѣхъ этихъ лицъ въ совѣтѣ. Тотъ же Перовскій самъ ходатайствовалъ о возведеніи въ адъюнкты Сокальскаго. Благодаря его непосредственному представленію, Байковъ, Артемовскій-Гулакъ и Робушъ были произведены въ ординарные профессора, Черняевъ и Затеплинскій также въ ординарные профессора изъ адъюнктовъ, Криницкій въ экстраординарные.

Другія стороны въ дѣятельности совѣта не поддаются такому точному опредѣленію, какъ выборы и производства преподавателей. Онѣ касались самыхъ разнообразныхъ дѣлъ, преимущественно, но далеко не исключительно, учебныхъ. Прочитывая протоколы совѣта, въ особенности за первые годы существованія университета, невольно выносимъ отрадное впечатлѣніе о дѣятельности членовъ этой коллегіи. Почти всѣ проявляли значительную дѣятельность: одни—большую, другіе—меньшую, одни—въ одной сферѣ, другіе—въ другой. Она заслуживаетъ тѣмъ большей признательности, что половина членовъ совѣта состояла изъ иностранцевъ, не знавшихъ ни русскаго языка, ни русской дѣйствительности. Иностранные профессора были проводниками прогрессивныхъ принциповъ университетской жизни и идеи свободы. Проф. Якобъ внесъ, напримѣръ, предложеніе о допущеніи въ университетъ на медицинскій факультетъ дѣтей лицъ податного состоянія. Даже въ тѣхъ постановленіяхъ, которыя касались менѣе важныхъ дѣлъ, видимъ также разумныя основанія: для контроля надъ посѣщеніемъ лекцій были, какъ и нынѣ, педеля, но не простые солдаты, а образованные чиновники, которые должны были знать иностранные языки, при чемъ сдѣланныя ими отмѣтки о пропускѣ профессорами лекцій предварительно прочитывались въ засѣданіи совѣта, гдѣ могли быть исправлены заинтересованными лицами, и только потомъ отсылались въ министерство.

Исполнялось даже до извѣстной степени требованіе 52-го § устава объ особыхъ засѣданіяхъ совѣта, посвященныхъ ученымъ сообщеніямъ.

Это дѣлалось, не смотря на то, что профессора были очень обременены различными обязанностями по управленію университетомъ и округомъ. Такъ напримѣръ, въ 1807 году читаны были слѣдующіе труды: пр. Шадомъ—«De vi philosophiae in reliquas scientias», проф. Шнаубертомъ—«Описаніе и хим. изслѣдованіе воздушнаго камня, найденнаго въ Сумскомъ уѣздѣ», Беленъ-де-Балло—«Dissertatio apologetica de historico Ctesia», адъюнктомъ Ванноти—«Dissertatio physiologica de sensibilitate organismi». Впослѣдствіи, съ упадкомъ научной дѣятельности въ университетѣ вообще, такихъ засѣданій никогда уже не бывало.

Отрицательною стороною нужно признать слишкомъ острую подчасъ борьбу партій и лицъ, которая однако открылась только съ 1811 года, когда въ русскомъ обществѣ началась сильная реакція противъ иностранцевъ, нашедшая себѣ отраженіе и въ совѣтѣ университета. Разнородный и разносторонній составъ членовъ совѣта самъ по себѣ уже являлся возможнымъ источникомъ для партійной борьбы. До 1811 года обѣ группы, русская и иностранная, находились, такъ сказать, въ равновѣсіи. Но Наполеоновское нашествіе 12-го года вызвало взрывъ русскаго національнаго чувства, нерасположеніе ко всему иноземному, а также произвело расколъ и среди самихъ иностранцевъ—между французами и нѣмцами. Нѣмецкая партія профессоровъ въ университетѣ всегда была сильнѣе французской и въ средѣ ея былъ страстный ненавистникъ французовъ, неистовый Шадъ. Проф. Роммель въ своихъ воспоминаніяхъ свидѣтельствуетъ о борьбѣ русской партіи съ иностранной. Въ ректорство Рижскаго борьба эта не выходила, такъ сказать, изъ законныхъ предѣловъ. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить только доносъ Гамперле на Дегурова. Въ ректорство Стойковича произошло два инцидента, которые потрясли до основанія жизнь университетской коллегіи и имѣли тяжелыя послѣдствія для ея будущаго. Въ 1812 году надъ совѣтомъ разразилась гроза, вызванная его столкновеніемъ съ министромъ народнаго просвѣщенія. Причиною коллизіи была ссора курскихъ педагоговъ, которую долженъ былъ по уставу разбирать совѣтъ. Министръ отмѣнилъ постановленіе совѣта объ удаленіи отъ должности нѣкоторыхъ уволенныхъ совѣтомъ учителей и для новаго разсмотрѣнія дѣла на мѣстѣ командировалъ экспедитора своей канцеляріи Дунинъ-Борковскаго. Университетъ почувствовалъ себя оскорбленнымъ вдвойнѣ: въ своихъ правахъ и своемъ достоинствѣ. По уставу 1804 года окончательное рѣшеніе всѣхъ такихъ дѣлъ предоставлено было самому университету, а потому на вмѣшательство министра совѣтъ посмотрѣлъ, какъ на явное нарушеніе своихъ правъ, утвержденныхъ Высочайшею волею. Въ назначеніи же министерскаго чиновника для

сужденія надъ дѣйствіями совѣта всѣ увидѣли величайшее оскорбленіе достоинства университета. Начался рядъ бурныхъ засѣданій совѣта, особенно возмущены были нарушеніемъ университетской автономіи иностранные профессора. Въ концѣ концовъ состоялось совѣтское постановленіе, которымъ подтверждалось прежнее рѣшеніе, и назначеніе Дунинъ-Борковскаго признавалось неправильнымъ. Гр. А. К. Разумовскій внесъ это опредѣленіе въ комитетъ министровъ, который постановилъ профессоровъ, подписавшихъ его (Стойковича, Осиповскаго, Делявиня, Книгина, Шада, Гизе, Ванноти, Дрейсига, Роммеля, Нельдехена и Ланга), «призвать въ губернское правленіе и сдѣлать имъ строжайшій выговоръ, съ подтвержденіемъ, что ежели впредь окажутъ подобное непослушаніе, то будутъ преданы суду». Совѣтъ, не ожидавшій подобныхъ послѣдствій, рѣшилъ принести повинную министру—ходатайствовалъ о прощеніи ему его ошибки,—и дѣло, благодаря губернатору Бахтину, окончилось тѣмъ, что профессорамъ былъ сдѣланъ негласный выговоръ, а вмѣсто Дунинъ-Борковскаго былъ командированъ проф. Московскаго университета Двигубскій. Но высокій авторитетъ университета, какъ автономной корпораціи, надѣленной, благодаря довѣрію къ нему Верховной власти, весьма широкими прерогативами, долженъ былъ неминуемо понизиться. Фактъ выговора (хотя и негласнаго) не могъ, конечно, остаться неизвѣстнымъ, и, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, канцелярская тайна получила широкое распространеніе въ сопредѣльныхъ педагогическихъ сферахъ и въ обществѣ, которое и безъ того уже съ завистью смотрѣло на права университета.

Еще болѣе печальныя послѣдствія для университета имѣлъ другой инцидентъ (1813 г.)—обвиненіе самого ректора Стойковича въ безпошлинномъ полученіи венгерскаго вина и разныхъ другихъ товаровъ, съ цѣлью перепродажи ихъ частнымъ лицамъ. Оффиціальнымъ обвинителемъ выступилъ адъюнктъ Васильевъ. И это обвиненіе, можно сказать, вполнѣ почти подтвердилось, и Стойковичъ былъ отстраненъ отъ должности. Очевидно, Стойковичъ, человѣкъ безъ нравственныхъ устоевъ, широко воспользовался своимъ высокимъ положеніемъ для удовлетворенія корыстолюбія. Онъ забылъ, что на своемъ отвѣтственномъ посту онъ долженъ былъ служить примѣромъ для другихъ, сохранять незапятнанной свою репутацію, ибо ректоръ является представителемъ университета, его чести и достоинства и всякій проступокъ главы коллегіи отзывается тяжело на всѣхъ членахъ ея и имѣетъ несравненно болѣе печальныя послѣдствія, чѣмъ подобное же дѣяніе, учиненное рядовымъ членомъ ея. Жалоба Васильевымъ была подана въ совѣтъ, а тотъ поручилъ ея разсмотрѣніе правленію, которое энергично повело

слѣдствіе надъ своимъ предсѣдателемъ. Время ректорства Стойковича является печальною страницею въ исторіи университетскаго самоуправленія: это было время распрей, интригъ, доносовъ, пререканій въ совѣтѣ, правленіи, факультетахъ, расцвѣтъ торговли не только товарами, но и магистерскими и докторскими дипломами, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ современникъ—Розальонъ-Сошальскій. Особенно сильное возбужденіе въ факультетѣ и совѣтѣ вызвало дѣло о дарованіи степени доктора философіи курскому купцу Хлапонину; вызывали споры и ученыя промоціи Дудровича, Дегая, Любовскаго, Мизка и Гесъде-Кальве. Въ 1814 году дѣло дошло до того, что понадобилось напомнить объ указѣ Петра Великаго, ограждавшемъ порядокъ въ засѣданіяхъ, а министръ народнаго просвѣщенія тогда же поставилъ на видъ совѣту распри среди его членовъ, отсутствіе единодушія, отъ котораго зависитъ цвѣтущее состояніе не только самого университета, но и всѣхъ учебныхъ заведеній, ему подвѣдомственныхъ. Въ 1816 году на этой почвѣ взаимной вражды разыгрался печальный эпизодъ доноса проф. Дегурова на проф. Шада, окончившійся изгнаніемъ этого послѣдняго изъ предѣловъ Россіи.

Высылка Шада произвела огромное впечатлѣніе даже въ Западной Европѣ, гдѣ на нее взглянули, какъ на сильнѣйшее проявленіе реакціи въ русскихъ правящихъ сферахъ, какъ на гоненіе за извѣстныя научныя мнѣнія—такова была и дѣйствительная подкладка этого печальнаго происшествія: этимъ кн. А. Н. Голицынъ ознаменовалъ свое вступленіе въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія. Правда, противъ Шада были предъявлены и обвиненія въ неправильномъ дарованіи ученыхъ степеней Гриневичу и Ковалевскому, но вмѣнены были въ вину ему опасныя мѣста въ изданныхъ имъ сочиненіяхъ: «De viris illustribus urbis Romae» и «Institutiones juris naturae», а также его выходки противъ іезуитовъ, монашества, папства и католичества во имя свободы совѣсти, разума и философіи, высказанныя имъ въ его автобіографіи, изданной еще за границей. Будучи ярымъ піэтистомъ, кн. А. Н. Голицынъ не могъ простить Шаду его призыва къ раціонализму. Но Шадъ долго еще и изъ-за границы давалъ о себѣ знать своими многочисленными оправдательными записками, направленными и къ преемникамъ кн. Голицына по министерству, и Россійскимъ Императорамъ. Къ этому времени Харьковскій университетъ лишился уже, по тѣмъ или инымъ причинамъ, почти всѣхъ выдающихся своихъ профессоровъ иностраннаго происхожденія: Гута и Гизе, Швейкарта, Дегурова, Стойковича, Роммеля, Якоба, Беленъ-де-Баллю. Высылка Шада «до такой степени напугала проф. Рейта, человѣка отъ природы роб-

каго, что, диктуя своимъ слушателямъ на лекціяхъ естественное право, онъ по нѣсколько разъ обдумывалъ и измѣнялъ выраженія самыя невинныя, боясь проговориться». Нельдехенъ опустился до такой степени, что былъ удаленъ изъ университета за постоянное пьянство. Въ 1816 году былъ удаленъ отъ должности безъ аттестата за свою строптивость адъюнктъ Болгаревскій. Но скоро настала очередь и профессоровъ русскаго происхожденія: въ 1820 г., какъ мы знаемъ, былъ удаленъ отъ должности ректора и профессора Осиповскій, и это должно было произвести не менѣе гнетущее впечатлѣніе на всѣхъ, чѣмъ удаленіе Шада; русская партія потеряла своего вождя и была дезорганизована. Въ 1829 г. произошелъ инцидентъ съ проф. Брандейсомъ, на котораго воздвигнуто было гоненіе сенаторомъ ревизоромъ Гоголи за его либерализмъ, выразившійся въ томъ, что онъ читалъ на актѣ рѣчь не въ мундирѣ (котораго у него не было), а во фракѣ; на этотъ разъ дѣло окончилось для него благополучно, благодаря защитѣ попечителя Перовскаго. Но въ 1830-1831 году онъ долженъ былъ все-таки оставить службу въ университетѣ по случаю обвиненія его въ томъ, что не подалъ помощи студенту, заболѣвшему холерой. Въ 1832 году былъ удаленъ отъ службы, по личному повелѣнію имп. Николая Павловича, профессоръ архитектуры Васильевъ за то, что въ стѣнѣ построенной имъ университетской библіотеки оказалась трещина, на которую указалъ государю попечитель Филатьевъ. Въ 1833 году послѣдовалъ доносъ на Харьковскій университетъ проф. Венедиктова. Доносъ касался студентовъ, профессоровъ, университетскаго начальства и попечителя округа съ его помощникомъ—и всему этому былъ приданъ характеръ политическаго преступленія. Венедиктовъ для подтвержденія и разъясненія его былъ вытребованъ въ Петербургъ, при чемъ выяснилось, что все это плодъ его болѣзненно разгоряченной фантазіи. Докладъ объ этомъ дѣлѣ былъ сдѣланъ имп. Николаю Павловичу, и по резолюціи Уварова все это оставлено безъ послѣдствій. Венедиктову однако разрѣшено было вернуться въ Харьковъ. Но очень скоро Венедиктовъ снова вызвалъ смуту въ университетѣ, которая едва не окончилась выходомъ въ отставку новаго попечителя гр. Ю. А. Головкина. Венедиктовъ былъ болѣзненно подозрителенъ, и ему вездѣ мерещилась измѣна. Студенты были противъ него сильно возбуждены за то, что онъ тайно высѣкъ ихъ двухъ товарищей (въ чемъ самъ сознался). И вотъ на этой почвѣ и разыгралась новая исторія: студентъ Коробка прислалъ ему золотую табакерку не то за излеченіе отъ болѣзни, не то для того, чтобы получить хорошую отмѣтку на экзаменѣ; Венедиктовъ представилъ ее по начальству; началось слѣдствіе; Венедиктовъ обна-

ружилъ дерзость и неуваженіе къ власти университетскаго начальства и попечителя, что побудило этого послѣдняго войти съ представленіемъ къ министру Уварову объ удаленіи отъ должности Венедиктова. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что здѣсь оказалъ вліяніе на попечителя, брезгливо относившагося ко всякому сикофантству, и прежній фактъ доноса Венедиктова на университетъ. Началась, такъ сказать, дипломатическая переписка между министромъ и попечителемъ, закончившаяся просьбою послѣдняго объ отставкѣ. Переписку эту, со своимъ заключеніемъ, Уваровъ представилъ имп. Николаю, который положилъ по этому дѣлу собственноручную резолюцію, чтобы студентъ за предложеніе взятки былъ наказанъ, а Венедиктовъ за ослушаніе отрѣшенъ отъ должности, отданъ подъ судъ. По рѣшенію Харьк. угол. палаты и сената Венедиктовъ, кромѣ отрѣшенія отъ должности, былъ присужденъ еще къ аресту при полиціи на 4 недѣли. Но рѣшеніе это не было приведено въ исполненіе, потому что Венедиктовъ сошелъ съ ума. Нужно думать, что и раньше онъ былъ ненормаленъ, и этимъ психозомъ можно объяснить его странные поступки.

Таковы были важнѣйшіе инциденты, нарушившіе обычную нормальную дѣятельность совѣта университета.

Что касается дѣятельности другихъ органовъ университетскаго самоуправленія—факультетовъ и правленія, то на ней долго останавливаться не приходится. Замѣтимъ только, что медицинскій факультетъ началъ правильно функціонировать съ 1811 года. Важнѣйшимъ актомъ дѣятельности факультетовъ было производство экзаменовъ; затѣмъ слѣдовали вопросы, касавшіеся преподаванія и научной дѣятельности вообще. И здѣсь обычное теченіе дѣлъ нарушалось иногда рѣзкими столкновеніями. Много споровъ, напримѣръ, возбудилъ вопросъ о врачебной практикѣ профессора ветеринаріи Пильгера. Большія смуты вызывали въ факультетскихъ собраніяхъ экзамены на ученыя степени магистра и доктора. Но при этомъ всѣ вопросы, связанные съ преподаваніемъ, и всѣ научныя изслѣдованія и предпріятія находили себѣ опору, поддержку и авторитетную оцѣнку именно въ факультетахъ, и много изъ того, что переходило потомъ въ совѣтъ, первоначально зарождалось, а иногда и разсматривалось по существу также въ нихъ. Въ факультетскихъ засѣданіяхъ участвовали и адъюнкты, присутствіе которыхъ было очень полезно: работы было много, а дѣятелей мало. Но на кого выпало особенно много работы, такъ это на членовъ правленія. И теперь доказательствомъ этой дѣятельности являются фоліанты, заключающіе журналы засѣданій правленія. Съ 1805-го по 1815-й годъ такихъ фоліантовъ накопилось 28 съ отчетами о 1051 засѣданіи, и изъ про-

смотра ихъ можно вывести наглядное представленіе о массѣ труда, затраченнаго почтенными членами правленія—деканами, предсѣдателями его—ректорами и непремѣнными засѣдателями. Иностранные профессора, незнакомые съ русскою жизнью и языкомъ, не могли быть, конечно, особенно дѣятельны въ хозяйственныхъ дѣлахъ, составлявшихъ главный предметъ вѣдомства правленія, но и ихъ голосъ былъ не рѣдко очень важенъ въ вопросахъ болѣе общаго характера, и въ дѣлахъ, касавшихся учебно-вспомогательныхъ учрежденій, такъ какъ у нихъ были старыя университетскія традиціи, которыхъ не было у ихъ русскихъ товарищей. Но главная тяжесть работы лежала все-таки на русскихъ членахъ правленія, хорошо знакомыхъ и съ мѣстными (харьковскими) условіями, и съ окружающей средой, и съ узаконеніями, и съ письменнымъ дѣлопроизводствомъ. Въ первые годы, несомнѣнно, особенно потрудились въ правленіи Рижскій и Осиповскій. Далѣе идутъ Стойковичъ, Срезневскій, Шадъ, Шумлянскій, Тимковскій. Таковы были главные дѣятели перваго десятилѣтія. Въ послѣдующее двадцатилѣтіе выдающееся положеніе занимали: Успенскій, представлявшій, впрочемъ, изъ себя наслѣдіе прежней эпохи, Книгинъ, затѣмъ Еллинскій и особенно Кронебергъ.

Едва ли не самую тяжелую сторону въ дѣятельности правленія составляли его весьма широкія судебныя функціи. Въ качествѣ самоуправляющейся юридической единицы, университетъ долженъ былъ стоять тогда на стражѣ интересовъ всѣхъ лицъ, имѣвшихъ къ нему какое-либо отношеніе, въ особенности если дѣло касалось столкновенія ихъ съ посторонними лицами. Впрочемъ, не легко было положеніе правленія, когда ему приходилось судить членовъ и своей университетской семьи въ ихъ взаимныхъ столкновеніяхъ другъ съ другомъ. Чтобы понять это, стоитъ только вспомнить, напримѣръ, о слѣдствіи, которое пришлось вести ему по дѣлу Стойковича и Васильева. Особенно тяжело было высказывать сужденіе въ тѣхъ случаяхъ, когда заинтересованными лицами являлись жены университетскихъ чиновниковъ и приходилось по неволѣ касаться интимной семейной жизни разныхъ лицъ. Послѣ 1815 года правленію приходилось не рѣдко входить въ разборъ студенческихъ проступковъ, совершенныхъ или отдѣльными лицами, или цѣлыми группами. Правда, эти «студенческія исторіи» не носили тогда политическаго характера, но имъ все-таки придавалось важное значеніе и онѣ доходили и до комитета министровъ, и до самого государя.

О дѣятельности училищнаго комитета мы скажемъ, когда будемъ говорить о роли университета въ дѣлѣ развитія средняго и низшаго

народнаго образованія. Наконецъ, университетская автономія нашла себѣ выраженіе еще въ цензурномъ комитетѣ. Цензурныя правила вначалѣ отличались большою мягкостью, и поэтому цензурныя функціи для университета не представлялись затруднительными. Подъ доброжелательною эгидою университета развивалась мѣстная литература и наука, возрастало число сочиненій, печатавшихся въ университетской же типографіи: за 8 лѣтъ было разрѣшено къ печати 103 сочиненія; но такъ продолжалось не долго: съ 1811 года начинаются цензурныя строгости; но онѣ особенно усилились съ 1818 года, при кн. А. Н. Голицынѣ, и продолжались до 1828 г., когда право цензуры было отнято отъ университетовъ. Самому университету пришлось испытать не мало непріятностей по поводу издававшагося при немъ «Украинскаго Вѣстника».

Въ половинѣ 30-хъ годовъ дѣятельность органовъ университетскаго самоуправленія однако не является уже такой живой, энергичной, какою она была въ первые годы послѣ основанія университета. Въ университетскихъ дѣлахъ воцарился духъ апатіи и унынія; на дѣятельность въ университетскихъ учрежденіяхъ стали смотрѣть не какъ на общественный долгъ, дававшій внутреннее нравственное удовлетвореніе, а какъ на тяжелую повинность. При такомъ неблагопріятномъ общественномъ настроеніи созидался новый университетскій уставъ 1835 года. Характерно, что уставъ 1804 года вначалѣ дѣйствовалъ хорошо и рѣзкаго несоотвѣтствія его съ жизнью не обнаружилось: наоборотъ, онъ сразу какъ-то привился къ русской университетской жизни; но когда его устои были расшатаны; когда почувствовалось несоотвѣтствіе его съ общими политическими условіями русской жизни, радикально измѣнившимися по сравненію съ прежней либеральной эрой; когда ему нанесены были самые чувствительные удары; когда онъ лишенъ былъ «духа жива», а осталась въ немъ мертвая форма: тогда, конечно, и онъ потерялъ свое первоначальное значеніе.

3-я глава.

Преподавательская и научно-литературная дѣятельность профессоровъ.

Уставъ 1804 г. опредѣляетъ задачу университета такимъ образомъ: «университетъ есть высшее ученое сословіе, для преподаванія наукъ учрежденное»; отсюда вытекали двѣ обязанности его членовъ—препо-

давательская и научная. Посмотримъ теперь, какъ выполнялъ на самомъ дѣлѣ университетъ эти двѣ основныя свои обязанности. Разрѣшивъ этотъ кардинальный вопросъ, мы уяснимъ себѣ этимъ самымъ наиболѣе важную сторону въ исторіи нашей университетской жизни. Но предварительно намъ нужно нѣсколько познакомиться съ самими дѣятелями до поступленія ихъ въ Харьковскій университетъ, иными словами,—рѣшить вопросъ объ ихъ научномъ и образовательномъ цензѣ. Въ первое десятилѣтіе, какъ мы видѣли, университетъ вынужденъ былъ вызывать себѣ преподавателей изъ-за границы. Изъ 47 преподавателей этого періода 29 было иностранцевъ и только 18 русскаго происхожденія. И уже a priori можно сказать, въ особенности принявъ во вниманіе заботу совѣта о вызовѣ наиболѣе достойныхъ лицъ, что образовательный и научный цензъ иноземныхъ кандидатовъ на профессорскія каѳедры въ Харьковскомъ университетѣ былъ выше, чѣмъ ихъ русскихъ коллегъ; Западная Европа въ то время располагала несравненно бо́льшими образовательными средствами, чѣмъ Россія, которая имѣла тогда одинъ только Московскій университетъ, тогда какъ на Западѣ ихъ было много; не говоримъ уже о томъ, что старѣйшій въ Россіи Московскій университетъ былъ основанъ только въ половинѣ XVIII вѣка, въ то время какъ нѣкоторые заграничные университеты считали уже по нѣсколько вѣковъ своего существованія. Факты показываютъ, что въ Харьковъ переѣхало нѣсколько лицъ, занимавшихъ профессорскія должности въ западныхъ университетахъ—ихъ привлекали финансовыя и политическія соображенія. Замѣтимъ, что это была для Германіи печальная пора Наполеоновскихъ успѣховъ; съ другой стороны, эмиграцію изъ Франціи еще ранѣе создала французская революція; политическія и національныя преслѣдованія способствовали также переселенію славянскихъ ученыхъ. Тѣ лица, которыя состояли еще только приватъ-доцентами или готовились къ профессурѣ, еще охотнѣе устремлялись въ Харьковъ. Больше всего преподавателей дала намъ Германія (18 душъ), затѣмъ славянскія земли (7) и Франція (4). Большинство этихъ лицъ имѣло достаточную научно-образовательную подготовку, а нѣкоторыя даже прямо выдающуюся. Таковъ былъ, напримѣръ, классикъ Роммель, ординарный профессоръ Марбургскаго университета, послѣдователь Винкельмана и Гейне, приверженцевъ эстетическаго изученія классическаго міра. Побужденіемъ къ переѣзду для него послужило, между прочимъ, и желаніе поработать на пользу просвѣщенія страны «еще не затронутой образованіемъ», «гдѣ я»,—пишетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—«въ цвѣтѣ лѣтъ, вольный, какъ птица, полный здоровья и силы, могъ бросить нѣсколько сѣмянъ науки». Самъ Роммель былъ превосходный профессоръ, начитанный, умный,

широкообразованный, съ тою беззавѣтною преданностью наукѣ, которая характеризуетъ истиннаго ученаго. Имъ было напечатано 12 ученыхъ работъ, не считая мелкихъ журнальныхъ статей. Еще болѣе крупную ученую силу представлялъ Шадъ (философъ), бывшій монахъ, духовный писатель, убѣжавшій изъ монастыря, принявшій протестанство, получившій за свои ученые труды въ Іенскомъ университетѣ степень доктора, а послѣ защиты диссертаціи и должность приватъ-доцента философіи, по рекомендаціи Фихте, которому онъ представилъ обширное изложеніе его философіи. Въ бытность преподавателемъ Іенскаго университета, онъ напечаталъ 8 философскихъ трудовъ. Якобъ (юристъ) былъ ординарнымъ профессоромъ и даже ректоромъ университета въ Галле; издалъ до 35 сочиненій, въ томъ числѣ нѣсколько учебниковъ, по которымъ шло преподаваніе въ нѣмецкихъ университетахъ. Гутъ (математикъ) былъ ординарнымъ профессоромъ Франкфуртскаго университета; ему принадлежало 15 ученыхъ работъ. Швейкартъ (юристъ) также до перехода въ Харьковъ былъ ординарнымъ профессоромъ въ Марбургскомъ университетѣ. Дегуровъ былъ профессоромъ исторіи въ Парижской Центральной школѣ. Беленъ-де-Баллю былъ членомъ Парижской Королевской Академіи надписей и Національнаго института, имѣлъ, подобно Дегурову, рядъ печатныхъ трудовъ. Другіе состояли приватъ-доцентами, имѣли докторскія степени и ученые труды. Изъ нихъ выдавались—Гизе, Нельдехенъ, Пильгеръ, Дрейсигъ (своими сочиненіями). Нѣмцы стояли выше французовъ, а французы выше славянъ, среди этихъ послѣднихъ только выдѣлялся изъ общаго слабаго уровня одинъ Стойковичъ. Изъ трехъ иностранцевъ, приглашенныхъ въ послѣдующее двадцатилѣтіе, не выдѣлялся особенно никто; хорошую ученую школу въ Лейпцигскомъ университетѣ прошелъ только Дорнъ, оставленный было тамъ преподавателемъ восточныхъ языковъ (это извѣстный впослѣдствіи оріенталистъ-академикъ). Обращаясь къ преподавателямъ русскаго происхожденія, мы замѣчаемъ, что даже болѣе выдающіеся изъ нихъ не имѣли такого образовательнаго и научнаго ценза, какъ иностранцы. Изъ профессоровъ перваго десятилѣтія наиболѣе широкую систематическую подготовку получилъ И. Ѳ. Тимковскій, но и онъ не имѣлъ ученой степени, но выдвинулся составленіемъ одного юридическаго труда. Рижскій не получилъ университетскаго образованія, но прославился своими руководствами до такой степени, что былъ избранъ въ члены Россійской Академіи. Осиповскій окончилъ Педагогическій институтъ, гдѣ и получилъ мѣсто профессора, и также выдвинулся составленными имъ руководствами по математикѣ. Успенскій окончилъ учительскую гимназію (переименованую потомъ въ ституть)

и, не имѣя ученой степени, обратилъ на себя вниманіе своими переводными трудами. А эти четере лица впослѣдствіи были наиболѣе выдающимися профессорами Харьковскаго университета. Шумлянскій раньше былъ профессоромъ Московской медико-хирургической академіи и имѣлъ степень доктора медицины Страсбургскаго университета. Каменскій былъ профессоромъ Казанскаго университета. Книгинъ былъ адъюнктъ-профессоромъ медико-хирургической академіи. И. Е. Срезневскій имѣлъ степень магистра и былъ профессоромъ въ Ярославскомъ Демидовскомъ училищѣ высшихъ наукъ. Калькау имѣлъ степень доктора медицины и хирургіи Геттингенскаго университета и долго готовился къ ученому званію за границей. Болгаревскій имѣлъ магистерскую степень и долго подготовлялся за границей. Въ общемъ подготовка профессоровъ русскаго происхожденія въ первое десятилѣтіе была достаточная, но она все-таки была меньше, чѣмъ у ихъ иностранныхъ товарищей. Въ слѣдующее двадцатилѣтіе явилось новыхъ дѣятелей 48 человѣкъ. Изъ преподавателей перваго десятилѣтія осталось 26 душъ. Въ первое десятилѣтіе иностранцевъ было 59%, русскихъ 41%; въ послѣдующее двадцатилѣтіе это отношеніе радикально измѣнилось: иностранцевъ было 23%, а русскихъ 77%; при томъ изъ 17 иностранцевъ новыхъ было только 3, остальные 14 остались отъ прежняго времени. Такимъ образомъ, можно сказать, что въ это время кадры преподавателей формировались почти исключительно изъ русскихъ. Харьковскій университетъ почти эмансипировался отъ иностранныхъ элементовъ. Но каковъ былъ ученый цензъ этихъ 45 русскихъ преподавателей?

Изъ 17 преподавателей словеснаго факультета 9 имѣли ученыя степени, т. е. формальныя права на занятіе каѳедры; 8, т. е. почти половина, ихъ не имѣли; изъ нихъ у одного были научно-литературные труды, а у другого (Джунковскаго, назначеннаго прямо ординарнымъ профессоромъ) были только переводы и компиляціи, не относившіеся къ его спеціальности; 5 вовсе не имѣло трудовъ, а между тѣмъ одинъ изъ нихъ (Чановъ) былъ назначенъ прямо ординарнымъ профессоромъ. На этико-политическомъ факультетѣ только половина его преподавателей (4) имѣла ученыя степени. Изъ 11 преподавателей физико-математическаго факультета 4 имѣли ученую степень, два не имѣли ея, но получили солидную ученую подготовку за границей, 2 въ Россіи, а остальные три не имѣли ни той, ни другой. Изъ 12 преподавателей медицинскаго факультета 5 были докторами медицины, двое получили спеціальную ученую подготовку въ Петербургской Медико-хирургической Академіи, 1 за границей. Всѣхъ лицъ, имѣвшихъ ученыя степени,

было 22, т. е. менѣе половины общаго числа. (Всѣ три профессора, приглашенные въ это время, имѣли ученыя степени). Но это процентное отношеніе измѣнится къ лучшему, если мы примемъ во вниманіе лицъ, получившихъ спеціальную научную подготовку въ Россіи или за границей. Университетъ такимъ образомъ создавалъ себѣ третій—самый надежный—способъ для пополненія преподавательскаго персонала. Въ первое десятилѣтіе было подготовлено такимъ способомъ 3 преподавателя—Громовъ, Архангельскій и Робушъ. Первыхъ двухъ университетъ рѣшилъ командировать за границу, но министерство не согласилось на это, а отправило ихъ Москву и Петербургъ. Громовъ получилъ степень магистра естественной исторіи въ Харьковскомъ университетѣ, затѣмъ былъ командированъ въ Москву для занятій подъ руководствомъ Фишера,—вернувшись же, защитилъ диссертацію на степень доктора естественныхъ наукъ. Архангельскій, послѣ защиты магистерской диссертаціи былъ командированъ для усовершенствованія въ Петербургъ въ Имп. Академію наукъ. Робушъ также въ Петербургѣ получилъ подготовку по военнымъ наукамъ. Кромѣ того, четыре другихъ питомца Харьковскаго университета—Комлишинскій, Адамовичъ, Павловскій и Борзенко—сами подготовились къ занятію въ немъ преподавательскихъ мѣстъ. Въ слѣдующемъ двадцатилѣтіи университетъ подготовилъ къ профессурѣ еще болѣе своихъ питомцевъ. Затеплинскій былъ командированъ для изученія астрономіи въ Парижъ (въ Германію запретило ему ѣхать министерство, опасаясь вольнаго духа тамошнихъ университетовъ), гдѣ онъ получилъ степень доктора философіи, и затѣмъ въ Англію. Огромную пользу также принесла университету заграничная командировка Черняева. Она не только подготовила университету прекраснаго ученаго ботаника, но и обогатила ботаническій кабинетъ громаднымъ количествомъ всевозможныхъ видовъ рѣдкихъ растеній и отчасти животныхъ. Особенное вниманіе Черняевъ обратилъ на тайнобрачныя. За границей онъ и самъ собиралъ растенія, путешествуя тамъ пѣшкомъ, какъ будто у себя въ Украинѣ. Пробылъ онъ въ командировкѣ цѣлыхъ 4 года, изъѣздивъ Францію, Швейцарію, Испанію, Германію. Во время этого заграничнаго путешествія онъ окрѣпъ и, такъ сказать, возмужалъ въ качествѣ ботаника; личное непосредственное знакомство съ самыми выдающимися ботаниками Западной Европы такъ же точно, какъ и слушаніе ихъ курсовъ и изученіе коллекцій и непосредственно мѣстной флоры не прошло для него безслѣдно. Благодаря своей солидной подготовкѣ, обширнымъ спеціальнымъ познаніямъ въ области украинской флоры, особенному интересу къ нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ ботанической науки и наконецъ

привезеннымъ изъ Харькова коллекціямъ (онъ началъ составлять свой гербарій еще въ студенческіе годы), Черняевъ и за границей, въ средѣ европейскихъ ботаниковъ, являлся скорѣе ихъ товарищемъ, чѣмъ ученикомъ. Черняевъ принадлежалъ исключительно къ школѣ ботаниковъ-систематиковъ—въ этомъ была его сила, на этомъ сосредоточились всѣ его научные интересы; естественно поэтому, что на эту сторону своей науки онъ обратилъ главное вниманіе и за границей. Былъ командированъ еще въ Англію для изученія медицины Гнѣдичъ, но командировало его само министерство, впрочемъ, на средства Харьковскаго университета: средства истрачены были на него большія—а профессора изъ него не вышло. Лекарь Венедиктовъ былъ командированъ для усовершенствованія въ анатоміи въ Петербургъ въ Медико-хирургическую академію. Командировка его оказалась весьма удачной. Не совсѣмъ удачной оказалась командировка въ Московскій университетъ Спасскаго для подготовки по русскому праву. Совѣтъ университета командировалъ еще за границу кандидата Якимова (по русской словесности); но попечитель Перовскій счелъ возможнымъ ограничиться отправленіемъ его только въ Петербургъ и Москву.

Чтобы создать въ Россіи школу для подготовки профессоровъ, былъ учрежденъ Дерптскій Педагогическій институтъ, куда набирали наиболѣе способныхъ студентовъ изъ всѣхъ университетовъ. По первоначальному проекту они 3 года должны были пробыть въ Педагогическомъ институтѣ и 2 года за границей. Изъ Харьковскаго университета туда было отправлено въ 2 пріема 8 душъ и въ числѣ ихъ знаменитый впослѣдствіи Иноземцевъ.

Попеч. Филатьевъ при этомъ высказался рѣшительно противъ заграничныхъ командировокъ по соображеніямъ политическаго свойства. Но эти соображенія однако не имѣли ничего общаго съ наукой. Опасаясь вліянія на харьковскихъ молодыхъ ученыхъ западныхъ политическихъ идей, Филатьевъ для огражденія ихъ отъ этого яда закрывалъ для нихъ возможность почерпнуть науку изъ ея непосредственнаго источника; но онъ забывалъ, что отгородить Россію въ началѣ XIX в. отъ Европы китайскою стѣною было невозможно; что чистая наука, какъ таковая, съ политикой совершенно не связана и что, если кто принесъ политическія идеи изъ-за границы въ Россію, то, конечно, не горсть молодыхъ русскихъ ученыхъ, а масса русскихъ офицеровъ, приведенныхъ туда Имп. Александромъ для уничтоженія господства Наполеона. Опытъ русскихъ университетовъ вообще и Харьковскаго въ частности не оправдывалъ подобныхъ опасеній: Затеплинскій и Черняевъ занимались во время командировки своею спеціальностью, а не политикой.

Ливенъ былъ согласенъ съ точкой зрѣнія Филатьева, но Уваровъ, не смотря на свое ultra-русское направленіе, командировалъ питомцевъ Дерптскаго Педагогическаго института за границу, и изъ среды ихъ Харьковскій университетъ получилъ двухъ наиболѣе блестящихъ профессоровъ слѣдующаго періода—историка Лунина и классика Валицкаго, а также профессора-физика Лапшина. Нѣкоторыя лица сами себя, такъ сказать, подготовили къ профессурѣ. Типомъ такихъ автодидактовъ можетъ служить Т. Ѳ. Степановъ, который подготовился къ преподаванію политической экономіи самостоятельно, занимая въ то же время должность учителя; сюда же нужно отнести Байкова. Говоря о лицахъ, подготовленныхъ самимъ университетомъ къ занятію въ немъ преподавательскихъ должностей, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ и о тѣхъ изъ нихъ, которые получили отъ него ученыя степени, но не заняли въ немъ преподавательскихъ должностей. Въ первое десятилѣтіе магистерскую степень получили: Гевличъ (а потомъ и докторскую), Кеппенъ, Татаревъ; докторскую (непосредственно)—Хлапонинъ, Гесъ-де-Кальве, Дегай, Жиле (изящныхъ искусствъ) и Масловичъ. Кеппенъ впослѣдствіи сдѣлался извѣстнымъ академикомъ; Гесъ-де-Кальве составилъ хорошую книгу по теоріи музыки; Масловичъ сдѣлался писателемъ (баснописцемъ) и редакторомъ-издателемъ журнала; Дегай и Гевличъ пріобрѣли извѣстность въ качествѣ юристовъ. Въ послѣдующее двадцатилѣтіе получили магистерскую степень: Левшинъ, Колядинъ, Гриневичъ, Корсунъ, Андріевскій, Шкляревичъ, Майстеренко; докторскую—магистръ Шуманъ (химіи), Грибовскій, Яхимовичъ и др. Изъ нихъ впослѣдствіи занимались науками—Левшинъ, Шуманъ. Магистерская и докторская степени давали большія права при поступленіи на гражданскую службу (докторскій дипломъ—на чинъ 8 класса) и потому нѣкоторыя лица добивались этихъ степеней не по призванію къ ученой дѣятельности, а ради служебной карьеры. Понятно, что на этой почвѣ происходили нежелательныя явленія: послабленія на экзаменахъ, слабость диссертацій и т. п. Есть указанія, что подчасъ здѣсь дѣйствовали и корыстные виды. Министерство, по доносу проф. Дегурова, не дало дипломовъ Гриневичу и Ковалевскому, убѣдившись что они списали свои диссертаціи съ лекцій и сочиненія профессора Шада. Въ виду злоупотребленій, обнаруженныхъ въ дѣлѣ ученыхъ промоцій въ разныхъ университетахъ, министерство издало о нихъ новыя, болѣе строгія правила. Между прочимъ, еще въ 1816 г. запрещено было давать докторскую степень лицамъ, не получившимъ степени магистра. Въ 1819 г. издано было новое положеніе объ ученыхъ степеняхъ. Званіе почетнаго доктора упразднялось. Лица податныхъ

состояній не могли получать ученыхъ степеней. Для полученія ученыхъ степеней магистра и доктора назначались извѣстные сроки.

Ознакомившись съ подготовкой тѣхъ лицъ, которыя получили каѳедры въ Харьковскомъ университетѣ, обратимся теперь къ преподавательской дѣятельности ихъ и остановимся прежде всего на полнотѣ преподаванія,—посмотримъ, какія каѳедры полагались по уставу и какія изъ нихъ были заняты въ дѣйствительности. Въ отдѣленіи словесныхъ наукъ (нын. историко-филологическомъ факультетѣ) установлено было 6 каѳедръ съ 6 преподавателями: 1) краснорѣчія, стихотворства и россійскаго языка, 2) греческаго языка и словесности, 3) древностей и латинскаго языка, 4) всемірной исторіи, географіи и статистики, 5) исторіи, географіи и статистики Россійскаго государства, 6) восточныхъ языковъ. Въ отдѣленіи нравственно-политическихъ наукъ (нын. юридическомъ факультетѣ) назначено было 7 каѳедръ: 1) догматическаго и нравоучительнаго богословія, 2) толкованія священнаго писанія и церковной исторіи, 3) умозрительной и практической философіи, 4) правъ—естественнаго, политическаго и народнаго, 5) гражданскаго и уголовнаго судопроизводства въ Россійской имперіи, 6) правъ знатнѣйшихъ какъ древнихъ, такъ и нынѣшнихъ народовъ, 7) дипломатики и политической экономіи. Въ отдѣленіи физическихъ и математическихъ наукъ (нын. физико-математическомъ факультетѣ)—9 каѳедръ: 1) теоретической и опытной физики, 2) чистой математики, 3) прикладной математики, 4) астрономіи, 5) химіи и металлургіи, 6) естественной исторіи и ботаники, 7) сельскаго домоводства (т. е. хозяйства), 8) технологіи и наукъ, относящихся къ торговлѣ и фабрикамъ, 9) военныхъ наукъ. Въ отдѣленіи врачебныхъ или медицинскихъ наукъ (нын. медицинскомъ факультетѣ) полагалось 6 каѳедръ: 1) анатоміи, физіологіи и судебной врачебной науки (судебной медицины), 2) патологіи, терапіи и клиники, 3) врачебнаго веществословія, фармаціи и врачебной словесности, 4) хирургіи, 5) повивальнаго искусства, 6) скотолѣченія. Для всѣхъ этихъ 28 каѳедръ назначалось 28 профессоровъ и въ помощь имъ 12 адъюнктовъ. Кромѣ того, полагалось еще 3 лектора новыхъ языковъ (французскаго, нѣмецкаго и англійскаго) и 3 учителя пріятныхъ искусствъ—музыки, рисованія и танцевъ съ гимнастикой. Но хотя общее число преподавателей было ограничено цифрою 40, совѣту предоставлено было однако право приглашать сверхъ этой нормы въ профессора достойныхъ ученыхъ, а въ адъюнкты молодыхъ людей русскаго происхожденія, доказавшихъ свои способности лекціями или научными трудами (печатными или рукописными). Преподавательскія обязанности профессоровъ уставомъ опре-

дѣлены были такъ: они должны были преподавать курсы, присоединяя тамъ, гдѣ это было нужно, къ теоріи и практику; пополнять ихъ новыми открытіями, сдѣланными въ Европѣ; руководить адъюнктами. Каждый профессоръ обязанъ былъ, съ согласія совѣта, избрать въ видѣ пособія свое сочиненіе или книгу другого автора и ею руководствоваться при чтеніи лекцій; каждый курсъ долженъ былъ быть пройденъ въ назначенное время. Кромѣ указанныхъ выше предметовъ, совѣтъ могъ назначать дополнительные и возлагать преподаваніе ихъ на экстра-ординарныхъ профессоровъ, адъюнктовъ или магистровъ. Профессора, не имѣвшіе слушателей или вообще почему-либо не читавшіе своихъ курсовъ, обязаны были сообщить совѣту, какимъ полезнымъ дѣломъ они намѣрены были заниматься, или самъ совѣтъ могъ имъ поручить визитаціи училищъ или ученыя путешествія. Адъюнкты— это помощники профессоровъ, подъ руководствомъ коихъ они должны были достигать усовершенствованія; они замѣняли ихъ въ случаѣ болѣзни и участвовали во всѣхъ практическихъ трудахъ профессоровъ; могли читать и самостоятельные курсы. Четырехъ наиболѣе выдающихся адъюнктовъ совѣтъ, по предложенію ректора, баллотировалъ въ экстра-ординарные профессоры, которые получали прибавку жалованья изъ экономическихъ суммъ университета. Уставъ требовалъ учрежденія при университетѣ Педагогическаго института, во главѣ котораго долженъ былъ стоять особый директоръ изъ ординарныхъ профессоровъ, избранный совѣтомъ. Въ него могли поступать подъ именемъ студентовъ-кандидатовъ молодые люди, окончившіе университетъ и желавшіе приготовиться къ учительской должности; туда ихъ принимали на казенное содержаніе. Курсъ въ институтѣ полагался трехлѣтній, и по окончаніи его лица, доказавшія преподавательскія способности, получали вторую университетскую степень или опредѣлялись старшими и младшими учителями въ Харьковскомъ учебномъ округѣ. Старшіе учителя гимназіи, пробывшіе на службѣ не менѣе 3-хъ лѣтъ, пользовались, наравнѣ съ магистрами, преимуществами передъ посторонними лицами при выборѣ въ адъюнкты. Такимъ образомъ, Педагогическій институтъ, имѣя главною своею цѣлью приготовлять учителей, въ то же время косвенно могъ служить разсадникомъ молодыхъ людей, приготовлявшихся къ профессорскому званію. Преподаватели гимназіи не были отгорожены китайскою стѣною отъ университета: между нимъ и среднею школою существовала тѣсная связь.

Таковы были требованія устава. Нужно замѣтить, что существовала маленькая разница между Харьковскимъ и другими университетами въ числѣ и составѣ каѳедръ на разныхъ факультетахъ. Такъ, между

прочимъ, у насъ на словесномъ отдѣленіи не было эстетики и археологіи, которыя были въ Московскомъ университетѣ, но зато числились военныя науки, которыхъ не было ни въ Москвѣ, ни въ Казани; это была дань уваженія къ дворянству за его пожертвованія. По сравненію съ нынѣшнимъ временемъ число каѳедръ было весьма ограничено: тогда въ составъ одной каѳедры входило по нѣсколько предметовъ, представляющихъ нынѣ отдѣльныя каѳедры. Но зато теперь упразднены и нѣкоторыя изъ прежнихъ каѳедръ, напримѣръ, восточные языки, военныя науки и ветеринарія; нѣкоторые предметы теперь перенесены на другіе факультеты (напримѣръ, философія). Въ промежутокъ времени съ 1805 по 1835 годъ не произошло никакихъ перемѣнъ ни въ числѣ каѳедръ, ни въ ихъ распредѣленіи по отдѣленіямъ. Являлись только проекты, изъ коихъ главные касались упраздненія медицинскаго факультета и раздѣленія физико-математическаго факультета на 2 отдѣленія. Мысль объ упраздненіи медицинскаго факультета была вызвана почти полнымъ отсутствіемъ на немъ въ первые годы слушателей. Въ 1809 году на этомъ факультетѣ было, по заявленію ректора, всего 3 студента, изъ которыхъ одинъ былъ боленъ, а другой находился въ отпуску,—и потому лекціи на немъ прекратились. Въ 1811 году на медицинскомъ факультетѣ также не было слушателей, и всѣ профессора его получили отъ совѣта порученіе заниматься чѣмъ-либо постороннимъ.

Тогда попечитель С. О. Потоцкій выступилъ съ предложеніемъ объ упраздненіи медицинскаго факультета. Къ счастью, его мнѣніе встрѣтило сильныя возраженія не только въ совѣтѣ, но и министерствѣ. Мало того: самъ государь высказалъ желаніе, чтобы медицинскій факультетъ оставался при Харьковскомъ университетѣ. Благодаря этому, рѣшено было принять самыя энергичныя мѣры для пополненія на немъ персонала учащихся и учащихъ и для устройства учебно-вспомогательныхъ учрежденій, отсутствіе которыхъ и было, конечно, главною причиною отсутствія студентовъ (не было ни анатомическаго театра, ни клиники, ни инструментовъ); первая клиника была открыта только въ 1814 году. Уничтоженіе же медицинскаго факультета было бы началомъ расчлененія университета и привело бы въ концѣ концовъ къ полному упраздненію его или переводу въ другой городъ, о чемъ и возникалъ вопросъ.

Что касается раздѣленія физико-математическаго факультета на 2 отдѣленія (математическое и естественное), то факультетъ входилъ объ этомъ съ представленіемъ въ совѣтъ еще въ 1822 г. Совѣтъ согласился съ этимъ и возбуждалъ соотвѣтственныя ходатайства въ 1823,

1825 и въ 1834 гг. Это же ходатайство возбудилъ отъ своего имени и поп. гр. Ю. А. Головкинъ. Министръ однако не счелъ себя въ правѣ разрѣшить такое отступленіе отъ устава и распорядился только о внесеніи этого проекта въ комитетъ по устройству учебныхъ заведеній.

Изъ новыхъ учрежденій, касавшихся преподаванія и не предусмотрѣнныхъ уставомъ 1804 года, слѣдуетъ отмѣтить только приготовительный классъ, экзаменаціонный комитетъ для лицъ, искавшихъ учительскаго званія, институтъ для гражданскихъ чиновниковъ, службою обязанныхъ, возникшій благодаря указу 6 авг. 1809 г., требовавшему особаго экзамена въ университетѣ отъ чиновниковъ, не имѣвшихъ университетскаго диплома и желавшихъ получить чинъ коллежскаго ассессора и статскаго совѣтника.

Посмотримъ теперь, насколько осуществлялись въ дѣйствительности требованія устава,—какія каѳедры были заняты de facto и какія были вакантны.

Наглядное представленіе объ этомъ для перваго десятилѣтія даетъ слѣдующая таблица:

	орд. проф.,	экстраорд.,	адъюнкт.,	лект.,	всего	(русск.,	иностр.).
Въ 1805 году было	10	1	8	2	21	7	14
» 1806 » »	11	1	8	2	22	7	15
» 1807 » »	13	2	8	2	25	7	18
» 1808 » »	14	2	9	1	26	7	19
» 1809 » »	15	1	10	0	26	7	19
» 1810 » »	13	1	10	0	24	7	17
» 1811 » »	14	4	3	3	24	10	14
» 1812 » »	18	3	4	3	28	12	16
» 1813 » »	18	3	7	5	33	15	18
» 1814 » »	17	2	9	4	32	16	16

Если сопоставить эти цифры съ числомъ преподавателей, полагавшимся по штату, то окажется слѣдующее (экстраординарныхъ профессоровъ мы включаемъ въ составъ адъюнктовъ, каковыми они были и по существу).

Въ	1-й	годъ	недоставало	18	проф.,	3	адъюнк.	и	1	лектора	(22 чел.)
»	2-й	»	»	17	»	3	»	»	1	»	(21 »)
»	3-й	»	»	15	»	2	»	»	1	»	(18 »)
»	4-й	»	»	14	»	1	»	»	2	»	(17 »)
»	5-й	»	»	14	»	1	»	»	3	»	(18 »)
»	6-й	»	»	13	»	1	»	»	3	»	(17 »)
»	7-й	»	»	15	»	5	»	»	0	»	(20 »)
»	8-й	»	»	14	»	5	»	»	0	»	(19 »)

Въ 9-й годъ недоставало 10 проф., 2 адъюнк. (2 лишнихъ) (12 чел.)
» 10-й » » 11 » 1 » (1 лишній) (12 »)

Изъ этихъ таблицъ видно, что число вакантныхъ каѳедръ въ первое десятилѣтіе, благодаря энергичной дѣятельности совѣта по части замѣщенія ихъ, постепенно уменьшалось: въ первый годъ ихъ было 50%, а въ девятый и десятый годы немного болѣе 25%. Наконецъ, для правильной оцѣнки представленныхъ здѣсь цифръ необходимо имѣть въ виду, что медицинскій факультетъ началъ правильно функціонировать только съ 1811 года. Такимъ образомъ, до этого года число занятыхъ каѳедръ пришлось бы въ сущности распредѣлить только между тремя факультетами, и на долю каждаго изъ нихъ, слѣдовательно, пришлось бы менѣе вакантныхъ каѳедръ.

Въ послѣдующее двадцатилѣтіе число всѣхъ преподавателей по всѣмъ факультетамъ равнялось въ среднемъ $29^1/_4$, въ то время какъ по уставу ихъ требовалось 40, т. е., иными словами, недоставало болѣе 25%. Самыми печальными годами по числу преподавателей являются—1815-й (27), 1817 (26), 1820 (24), 1821 (26), 1822 (27), 1823 (27), 1824 (27), 1828 (27); самыми лучшими—1819 (32), 1826 (31), 1829 (32), 1830 (33), 1832 (34). Между факультетами преподаватели распредѣлялись такъ: на долю словеснаго факультета приходилось въ среднемъ (за 20 лѣтъ) въ годъ $3^3/_4$, физико-математическаго $10^1/_4$, этико-политическаго $4^3/_4$ и медицинскаго $6^1/_2$. Недоставало до нормы устава (если пріурочить къ каждому факультету по 3 адъюнкта)—по словесному факультету $1^1/_4$, по физико-математическому $1^3/_4$, медицинскому $2^1/_2$ и этико-политическому $5^1/_4$, иными словами, по обезпеченію преподавателями факультеты идутъ въ такомъ нисходящемъ порядкѣ: словесный, физико-математическій, медицинскій и этико-политическій. Колебанія по годамъ на одномъ и томъ же факультетѣ бывали довольно значительны: на этико-политическомъ максимальное число преподавателей равнялось 8, минимальное 3; на медицинскомъ—максимальное 9, минимальное 4; на физико-математическомъ—максимальное 12, минимальное 7; на словесномъ—максимальное 9, минимальное 6. Если сравнить эти цифры съ цифрами перваго десятилѣтія, то окажется слѣдующее: среднее число преподавателей тогда равнялось 24, а ежегодный дефицитъ ихъ равенъ 16. Слѣдовательно, общая норма ихъ возвысилась съ 24 до $29^1/_4$, а дефицитъ уменьшился съ 16 до $10^3/_4$.

Обратимся теперь къ личному составу преподавателей, сдѣлаемъ перечень ихъ по каѳедрамъ, въ хронологическомъ порядкѣ занятія этихъ послѣднихъ, посмотримъ, какіе курсы они читали и какими пособіями при чтеніи ихъ пользовались.

Начнемъ свое обозрѣніе со словеснаго факультета. Каѳедра россійской словесности и краснорѣчія была занята здѣсь до 1811 года выдающимся ея представителемъ Рижскимъ; послѣ его смерти съ 1812 года орд. проф. И. Е. Срезневскимъ и съ 1815 г. адъюнктомъ Борзенковымъ, потомъ временно выступали Склабовскій и Золотаревъ, наконецъ занялъ ее въ 1831 г. Якимовъ. Рижскій читалъ риторику и піитику, занимался разборомъ литературныхъ произведеній съ эстетической точки зрѣнія и даже давалъ краткій очеркъ русской словесности, руководствовался своими печатными сочиненіями и нѣкоторыми иностранными пособіями. Срезневскій и Борзенко подѣлили его предметъ между собою такъ, что на долю перваго досталась эстетика съ критикой, а на долю 2-го риторика, піитика (которыя онъ читалъ по Рижскому) и введеніе въ словесность; Срезневскій, подобно Рижскому, разбиралъ сочиненія своихъ слушателей; потомъ и Борзенко читалъ эстетику и критику по Мейнерсу и исторію русской словесности по руководству Греча. Склабовскій преподавалъ поэзію и философскую грамматику (по Блеру, Гречу и Остолопову). Золотаревъ читалъ риторику по Рижскому, поэзію и исторію русской словесности. Якимовъ—риторику, піитику, исторію русской словесности, теорію словесности и велъ практическія занятія. Греческій языкъ и словесность читалъ съ 1805 по 1811 годъ проф. Беленъ-де-Баллю, въ 1812 г.—ад. Милиновичъ, потомъ эта каѳедра была вакантна до пріѣзда въ 1817 г. Куницкаго, а съ 1819 года представителемъ каѳедры сдѣлался Джунковскій; наконецъ, эту каѳедру занялъ Мауреръ. Беленъ-де-Баллю читалъ греческую грамматику (по собственному методу), а впослѣдствіи и археологію; изъ авторовъ переводилъ Геродота, Гомера и Лукіана; Милиновичъ излагалъ греческую грамматику и древности по книгѣ Валерія и послѣ краткаго очерка греческаго краснорѣчія объяснялъ Демосѳена. Куницкій читалъ исторію греческой литературы по руководству Эшенбурга, греческую грамматику, переводилъ отрывки изъ писателей по хрестоматіи Гедике, стихотворной хрестоматіи Беленъ-де-Баллю и Матею; переводилъ Платонова Критона и велъ курсъ миѳологіи. Джунковскій преподавалъ исторію греческой литературы по Эшенбургу и по собственнымъ запискамъ, излагалъ греческія древности по Бозію и переводилъ Иліаду Гомера. Мауреръ читалъ греческую грамматику и комментировалъ и переводилъ Anabasis Ксенофонта, Плутарха, Одиссею Гомера, Ѳеокрита. Каѳедру латинскаго языка занималъ до смерти проф. Умляуфъ, которому помогалъ адъюнктъ Паки-де-Совиньи; съ 1807 по 1811 преподаваніе по этому предмету было поручено Беленъ-де-Баллю (во время же отлучки въ Петербургъ его замѣнялъ прекрасный латинистъ, проф.

Шадъ); съ 1811 по 1814 г. эту каѳедру съ честью занималъ выдающійся филологъ пр. Роммель, при которомъ состоялъ адъюнктомъ тотъ же Паки-де-Совиньи, произведенный въ 1813 г. въ экстра-ординарные профессоры. Въ 1814 г. предметъ этотъ подѣлили между собою Шадъ и Паки-де-Совиньи. Затѣмъ замѣчательнымъ представителемъ этой каѳедры сдѣлался съ 1819 г. Кронебергъ, помощникомъ его впослѣдствіи Сокальскій. Умляуфъ преподавалъ римскія древности, эстетику, декламацію, переводилъ Саллюстія и Горація и занимался разборомъ студенческихъ сочиненій. Временный преподаватель Беленъ-де-Баллю объяснялъ Цезаря, Цицерона, Виргилія, Горація, Тита Ливія и Тацита и упражнялъ студентовъ въ латинскихъ сочиненіяхъ. Паки-де-Совиньи излагалъ элементарный курсъ латинской словесности и грамматики, занимался чтеніемъ отрывковъ изъ писателей, упражнялъ своихъ слушателей въ сочиненіяхъ на латинскомъ языкѣ. Роммель значительно расширилъ рамки преподаванія, введя въ него исторію римской литературы (по Герлаху) и политическія древности. Кромѣ того, онъ устроилъ филологическій семинарій, въ которомъ преподавались основанія высшей грамматики, критики, герминевтики и археологіи. Кронебергъ объяснялъ римскихъ классиковъ (Тацита, Горація и Цицерона), преподавалъ филологическую энциклопедію, римскія древности по своей книгѣ «Antiquitates romanae» и исторію римской словесности. Сокальскій объяснялъ легчайшихъ римскихъ авторовъ, Федровы басни, Цицерона, Энеиду, занимался переводами съ латинскаго на русскій и обратно, читалъ исторію римской словесности по руководству Филеборна и римскія древности по книгѣ Кронеберга. Восточные языки читалъ короткое время вначалѣ пасторъ Харьковскаго евангелическаго общества Барендтъ, а впослѣдствіи единственнымъ представителемъ этой каѳедры былъ (съ 1827 г.) проф. Дорнъ. Барендтъ читалъ еврейскую грамматику по руководству Дидерика, переводилъ съ еврейскаго языка на русскій псалмы и преподавалъ филологію восточныхъ языковъ. Дорнъ объяснялъ персидскую хрестоматію Бондырева и Вольненія, арабскую грамматику, алкоранъ, преподавалъ желающимъ санскритскій языкъ, читалъ персидскій, арабскій и турецкій языки, а также турецкую хрестоматію Летельера, исторію персидской литературы, для желающихъ—еврейскій и эѳіопскій языки. Каѳедру всеобщей исторіи, географіи и статистики первоначально дѣлили между собою лекторы Рейнишъ и Рейтъ. Затѣмъ эта каѳедра перешла къ проф. Дегурову; адъюнктомъ его былъ Адамовичъ. Предметъ этотъ послѣ отъѣзда Дегурова въ Петербургъ дѣлили между собою Адамовичъ, Филомафитскій и Гонорскій; въ концѣ этого періода (съ 1831 г.) читалъ его Цыхъ,

переведшійся, впрочемъ, скоро (въ 1834 г.) въ Кіевскій университетъ. Рейнишъ читалъ древнюю исторію съ хронологіей, Рейтъ географію, статистику и исторію европейскихъ государствъ. Съ пріѣздомъ проф. Дегурова, преподаваніе по этой каѳедрѣ достигло особенной широты. Онъ сталъ читать исторію среднихъ и новыхъ вѣковъ (общее философское обозрѣніе) и спеціальные курсы новѣйшей исторіи, исторической критики, исторію успѣховъ человѣческаго ума въ искусствахъ и наукахъ, политическихъ, церковныхъ и гражданскихъ учрежденій. Рейтъ ввелъ въ свое преподаваніе еще нумизматику, а Рейнишъ—историческую пропедевтику, археологію всеобщей исторіи и критическій анализъ миѳовъ древности. Со смертью Рейниша древнюю исторію съ географіей сталъ читать сначала Рейтъ (по учебнику Бредова), а потомъ Адамовичъ. Дегуровъ читалъ среднюю и новую исторію, статистику и историческую критику. Филомафитскій читалъ всеобщую исторію по руководствамъ Шлецера и Кайданова, географію (по Клюверію), а потомъ по собственнымъ запискамъ, объяснялъ особенность древнихъ и новыхъ историковъ. Гонорскій читалъ курсы по всеобщей исторіи, географіи (по Зябловскому) и статистикѣ (по собственнымъ запискамъ и Мейзелю). Адамовичъ читалъ среднюю и новую исторію по Зябловскому, дѣлая прибавленія изъ лучшихъ историческихъ писателей. Цыхъ читалъ всеобщую исторію по Геерену и своему конспекту. Каѳедра русской исторіи, географіи и статистики оставалась вакантной до 1807 года, когда ее занялъ достойнѣйшій Успенскій (умершій въ 1820 г.). Преемникомъ его былъ Гулакъ-Артемовскій. Успенскій читалъ систематическій курсъ русской исторіи, географіи и статистики (по своимъ запискамъ), а кромѣ того спеціальный курсъ *(первый въ Россіи)* русскихъ древностей. Потомъ эти же курсы читалъ Артемовскій-Гулакъ, греческую исторію по Константинову и своимъ запискамъ, статистику по Зябловскому и Арсеньеву, а потомъ по своимъ запискамъ.

На этико-политическомъ факультетѣ каѳедра церковной исторіи была все время вакантна. Каѳедра богословія была вакантна до 1819 года, и только тогда она занята была прот. Могилевскимъ, читавшимъ, впрочемъ, свой предметъ для студентовъ всѣхъ факультетовъ. Могилевскій преподавалъ богопознаніе и христіанское ученіе, первое по Фальковскому и Ѳеофилакту, второе—по своимъ запискамъ, объяснялъ евангеліе и апостольскія посланія. Каѳедра философіи занята была первоначально знаменитымъ Шадомъ; адъюнктами его состояли—Лангъ (до 1811 года) и Дудровичъ (съ 1813 года). Его преемникомъ сдѣлался Дудровичъ, а по смерти послѣдняго Чановъ со своимъ адъюнктомъ Гренбергомъ. Шадъ читалъ логику, эмпирическую психологію, умозрительную фило-

софію, исторію философіи и теорію эстетики—все по собственнымъ запискамъ, кромѣ того, Шадъ ежемѣсячно устраивалъ философскіе диспуты; Лангъ—нравственную философію (по своимъ запискамъ); Дудровичъ—первоначально, въ качествѣ адъюнкта Шада, логику по книгѣ Шада, и психологію по книгѣ Снеллія. Въ качествѣ самостоятельнаго преподавателя онъ читалъ эмпирическую психологію, логику и велъ по этой послѣдней практическія занятія, состоявшія въ диспутахъ для развитія силлогистическаго искусства; читалъ и курсъ нравственной философіи, руководствуясь преимущественно Карпіемъ, и исторію философіи, по руководству Аста, введеніе во всеобщую философію. Чановъ читалъ нравственную философію, исторію философіи, теорію эстетики и указывалъ лучшихъ авторовъ для чтенія. Гренбергъ преподавалъ логику и психологію по конспекту Чанова. Временно Протопоповъ читалъ логику по запискамъ Дудровича. По каѳедрѣ права—естественнаго, политическаго и народнаго—первоначально читалъ (съ 1807 года) адъюнктъ Лангъ, затѣмъ съ 1814 г. Рейтъ, послѣ его смерти временно читалъ Дудровичъ, а затѣмъ съ 1831 г. Криворотовъ. Лангъ велъ преподаваніе по праву естественному, политическому и народному по своимъ запискамъ. Рейтъ—по Гроціо, Якобу, Мейстеру, Клейну, Мартини, Карпе. Криворотовъ читалъ естественное право по руководству Мартини. Каѳедра правъ древнихъ и нынѣшнихъ народовъ была поручена сперва ад. Филипповичу, который однако отправился до открытія лекцій въ заграничную командировку и въ Харьковъ не возвращался. Такимъ образомъ, первымъ преподавателемъ былъ Гамперле, который также оставался въ своей должности не долго. Послѣ перерыва въ 1811 году чтеніе этого курса было поручено Пауловичу, и только въ 1812 г. впервые, можно сказать, каѳедра эта нашла себѣ достойнаго представителя въ лицѣ проф. Швейкарта, который сталъ читать систему и исторію римскаго права, но также скоро уѣхалъ изъ Харькова. Эк.-пр. Рейтъ читалъ исторію права новыхъ народовъ. Представителемъ каѳедры остался Пауловичъ; въ концѣ выступилъ еще ад. Криворотовъ. Швейкартъ читалъ энциклопедію, методологію, систему римскаго права, его исторію (раньше его читалъ Пауловичъ по сочиненію Цахія) и герминевтику; исторію законодательства новѣйшихъ народовъ и международное право взялъ на себя Рейтъ. Пауловичъ читалъ курсъ исторіи римскаго права по руководству Баха, догмы его (по выпискамъ изъ Гейнекція и Вальдека), энциклопедію и методологію права древнихъ и новѣйшихъ народовъ. Криворотовъ—исторію римскаго права по конспекту проф. Пауловича, объяснялъ пандекты и институціи. Каѳедру русскаго гражданскаго и уголовнаго права занималъ перво-

начально Тимковскій, а съ выходомъ его въ отставку она была временно поручена Успенскому (съ 1812 г.). Далѣе выдающимся представителемъ этой каѳедры были проф. Даниловичъ и пр. Гордѣенко, а также адъюнкты Михаловскій и Бабичевъ. Тимковскій читалъ исторію и систему русскаго права (древняго и новаго) по собственнымъ запискамъ. Успенскій излагалъ исторію русскаго права вообще и русское уголовное и гражданское право и практику въ томъ и другомъ—по собственнымъ запискамъ, а также читалъ спеціальный курсъ литовскаго, курляндскаго, лифляндскаго и эстляндскаго права. Даниловичъ читалъ русское гражданское право и судопроизводство по руководству Вельяминова-Зернова со своими дополненіями, а потомъ тотъ же курсъ по своимъ запискамъ, излагалъ также частныя постановленія присоединенныхъ областей, русское уголовное право, слѣдуя Генке и по собственнымъ запискамъ, показывалъ порядокъ уголовнаго судопроизводства въ Россіи. Гордѣенко преподавалъ русское гражданское право, русское уголовное и гражданское судопроизводство. Михаловскій преподавалъ русское уголовное и гражданское право по собственнымъ запискамъ. Бабичевъ читалъ русское публичное право, русское уголовное и гражданское судопроизводство. Каѳедру дипломатики и политической экономіи занимали временно ад. Гамперле и Лангъ, а 1807 года проф. Якобъ, съ отъѣздомъ этого послѣдняго въ 1810 г. Лангъ, а въ концѣ достойнымъ представителемъ этой каѳедры сдѣлался проф. Степановъ. Якобъ излагалъ науку народнаго хозяйства по своему учебнику, Grundsätze der National-Oeconomie. Его преемникъ Лангъ, кромѣ политической экономіи, читалъ еще полицейское право, науку о государственныхъ доходахъ (финансовое право) и политическую ариѳметику—первый предметъ по книгѣ Якоба, второй и третій—по собственнымъ запискамъ, четвертый—по собственному учебнику.

На физико-математическомъ факультетѣ каѳедру физики занималъ съ основанія университета до 1813 г. пр. Стойковичъ; помощникомъ его были Крюгеръ (съ 1807 г.), а потомъ (съ 1811 г.) Комлишинскій, который съ 1813 г. сдѣлался самостоятельнымъ представителемъ этой каѳедры; адъюнктомъ у него былъ Правицкій. Стойковичъ читалъ умозрительную и опытную физику, по своему руководству, и физическую географію, а на практическихъ занятіяхъ показывалъ опыты и объяснялъ слушателямъ избранныя мѣста изъ поэмы Лукреція «О природѣ» и Виргиліевыхъ «Георгикъ». Крюгеръ преподавалъ элементарный курсъ физики; Комлишинскій теоретическую физику по сочиненію, изданному главнымъ правленіемъ училищъ, а потомъ по собственнымъ запискамъ, прикладную физику—по Мейеру, физи-

ческую географію и метеорологію по собственнымъ записками. Правицкій, подъ руководствомъ Комлишинскаго, читалъ общій курсъ физики для медиковъ. По каѳедрѣ химіи было первоначально два преподавателя—Шнаубертъ и Гизе, съ 1811 года одинъ Гизе, а послѣ перевода его въ Дерптъ (въ 1814 г.)—его ученикъ Сухомлиновъ. Шнаубергъ читалъ общую часть химіи по учебнику Шерера, а Гизе—техническую, по Гмелину и собственнымъ сочиненіямъ; сверхъ того, послѣдній читалъ и спеціальные отдѣлы (напримѣръ, о самопроизвольныхъ измѣненіяхъ, претерпѣваемыхъ животными и растеніями на земной поверхности и внутри земли). Затѣмъ въ своихъ рукахъ сосредочилъ полный и замѣчательный курсъ всеобщей химіи одинъ Гизе, обработавшій его и для печати. Сухомлиновъ потомъ читалъ химію по руководству Гизе, теорію химіи и стехіометрію по собственнымъ запискамъ. Представителемъ обширной каѳедры естественной исторіи былъ съ основанія университета пр. Делявинь, адъюнктами у него—Крюгеръ и Каретниковъ, потомъ проф. Тауберъ и Громовъ. Затѣмъ представителями этой каѳедры были—ботаникъ Черняевъ, зоологъ и минералогъ Криницкій. Делявинь излагалъ общую часть ботаники и зоологіи (первую по Линнею, а потомъ по руководству Вильденова, вторую по Блюменбаху); кромѣ того, онъ демонстрировалъ растенія въ ботаническомъ саду и ходилъ разъ въ недѣлю лѣтомъ по утрамъ при благопріятной погодѣ со студентами въ поля для ботаническихъ объясненій. Каретниковъ преподавалъ терминологію и физіологію растеній и предпринималъ со студентами экскурсіи. Минералогію въ то же время читалъ сначала Крюгеръ (по руководству академика Севергина), потомъ Тауберъ—по Брошану и придерживаясь химической системы Карстена. Ад. Громовъ читалъ общее обозрѣніе естественной исторіи по Блюменбаху. Черняевъ читалъ первоначально общее обозрѣніе естественной исторіи, потомъ ботанику по Вильденову, Ришару и Горянинову, роды растеній вообще по Декандолю и о харьковской флорѣ на живыхъ сухихъ растеніяхъ по своимъ запискамъ, весною и лѣтомъ разъ въ недѣлю дѣлалъ со своими слушателями ботаническія экскурсіи. Криницкій преподавалъ зоологію по Кювье, Яроцкому и своимъ запискамъ, минералогію—по Фишеру, Щеглову и своимъ запискамъ. По каѳедрѣ технологіи и коммерціи читалъ до 1811 г. ад. Шмерфельдъ; послѣ его смерти были временные преподаватели, пока не явился лекторъ этого предмета Дьячковъ, который также преподавалъ не долго. Шмерфельдъ читалъ технологію по сочиненію Функа, а коммерцію по своимъ запискамъ. Временный преподаватель проф. сельскаго хозяйства Нельдехенъ читалъ технологію по Бекману и Гермб-

шедту, а Громовъ—коммерцію по сочиненію Бюша. Дьячковъ читалъ технологію съ коммерціей по руководству Бекмана и Двигубскаго съ собственными примѣчаніями. Каѳедра сельскаго хозяйства до 1811 г. оставалась вакантной, но преподаваніе по ней велось пр. Стойковичемъ и Дегуровымъ (историкомъ); съ этого же года она получила постояннаго представителя въ лицѣ проф. Нельдехена. Временное преподаваніе по ней, послѣ удаленія его, было поручено Джунковскому (классику), потомъ преподаваніе по ней велъ Байковъ. Стойковичъ читалъ по извѣстному въ Венгріи учебнику Планкія. Нельдехенъ читалъ курсъ по Бекману и по собственнымъ запискамъ, онъ также преподавалъ естественную исторію въ приложеніи къ агрономіи по руководству Бекштенія. Джунковскій—также по Бекману и собственнымъ запискамъ. Временнымъ преподавателемъ по каѳедрѣ военныхъ наукъ былъ учитель Ивановъ, а потомъ Робушъ, который излагалъ полевую фортификацію по руководству Вернона и Бусмаера, долговременную фортификацію по руководству Сенполя, теорію осады и защиты крѣпостей, артиллерію по руководству Гогеля и занималъ своихъ слушателей черченіемъ плановъ. Каѳедру чистой математики занималъ съ основанія университета до 1821 г. блестящій проф. Осиповскій; адъюнктами у него были Васильевъ и Павловскій, который съ удаленіемъ Шада сдѣлался представителемъ этой каѳедры; въ первое время, впрочемъ, вмѣстѣ съ Байковымъ въ концѣ періода выступилъ еще Дьяченко. Осиповскій читалъ чистую математику частью по своимъ запискамъ, частью по своему печатному руководству—а именно: геометрію и тригонометрію (плоскую и сферическую), теорію функцій, интегральное и варіаціонное исчисленіе, приложеніе аналитическихъ функцій къ высшей геометріи. Васильевъ и Павловскій при немъ преподавали элементарный курсъ математики, потомъ Павловскій алгебру, обыкновенную и высшую геометрію, плоскую и сферическую тригонометрію, коническія сѣченія, дифференціальныя и интегральныя исчисленія, теорію аналитическихъ функцій, сначала по руководству Осиповскаго, потомъ по собственнымъ запискамъ. Байковъ преподавалъ низшую математику по руководствамъ Осиповскаго и Эйлера, высшую чистую алгебру, плоскую и сферическую тригонометрію и коническія сѣченія. Дьяченко читалъ чистую математику; каѳедра прикладной математики была занята первоначально проф. Гутомъ; съ отъѣздомъ его (въ 1811) по ней временно преподавалъ Осиповскій; а съ 1813 г. сталъ читать по ней курсъ и Архангельскій, а потомъ и Дьяченко. Гутъ читалъ по прикладной математикѣ слѣдующіе курсы: опытную геометрію, механику, оптику и гидравлику. Осиповскій читалъ оптику и механику по со-

чиненіямъ Лакаля и Франкера. Архангельскій излагалъ механику по Франкеру, одно время оптику по руководству Бюржа и Лакаля, приложеніе механическихъ началъ къ употребленію машинъ, по сочиненію Чижова, со своими прибавленіями. Васильевъ преподавалъ практическую геометрію съ началами геодезіи и упражнялъ въ черченіи. Байковъ обучалъ практической съемкѣ и счисленію на косточкахъ по способу Свободскаго. Дьяченко—практическую геометрію, оптику по Архангельскому и счетъ по системѣ Свободскаго. Каѳедра астрономіи была первоначально вакантна — временно же по ней читалъ Гутъ и Осиповскій; загѣмъ эту каѳедру занимали Затеплинскій и Шагинъ. Гутъ по ночамъ, при ясномъ небѣ, объяснялъ опытную астрогнозію и астрономію.

Осиповскій читалъ астрономію по сочиненію Біо, Затеплинскій—теоретическую астрономію по руководству Лапласа, Шуберта и Деламбра, Шагинъ—по собственнымъ запискамъ и Деламбру.

На медицинскомъ факультетѣ каѳедру анатоміи, физіологіи и судебной медицины занималъ съ 1806 г. Ванноти, а съ 1811 года къ нему присоединился Книгинъ, а этого послѣдняго смѣнилъ Венедиктовъ, адъюнктомъ былъ Леоновъ. Ванноти читалъ анатомію и физіологію по руководству Пленка, медицинскую полицію и судебную медицину, а также велъ практическія занятія зимою на трупахъ въ анатомическомъ театрѣ. Книгинъ читалъ анатомію по Загорскому, физіологію по Кранбруху, медицинскую полицію и судебную медицину по собственнымъ запискамъ. Венедиктовъ преподавалъ анатомію по Загорскому, упражнялъ слушателей въ «трупоразъятіи» и приготовлялъ трупы для анатомическихъ лекцій; читалъ также и физіологію, судебную медицину и медицинскую полицію. Леоновъ преподавалъ первую часть анатоміи. Каѳедру патологіи, терапіи и клиники занимали профессора Дрейсигъ, Брандейсъ и Рейпольскій. Дрейсигъ для своего курса терапіи (общей и частной) пользовался сочиненіемъ Геккера, патологію (общую и частную) излагалъ по собственнымъ запискамъ и велъ клинику. Брандейсъ преподавалъ общую и частную патологію и терапію, велъ клинику и объяснялъ соч. Вельса «De re medica» и афоризмы Гиппократа. Рейпольскій излагалъ сначала ученіе о хроническихъ болѣзняхъ, а потомъ общую и частную патологію и терапію. Гнѣдичъ очень недолго читалъ патологію. Каѳедру хирургіи занимали—Шумлянскій, получившій себѣ въ 1814 г. адъюнкта Колумну Вигуру, Еллинскій съ адъюнктомъ Кригеромъ и Бутковскій. Шумлянскій проходилъ теоретическую и оперативную хирургію по сочиненіямъ Плотнера и Калиссена, читалъ онъ также спеціальные курсы по исторіи хирургіи и о повязкахъ. Колумна Вигура читалъ теоретическую и практическую хирургію и дѣлалъ хирургическіе

опыты. Еллинскій читалъ оперативную и патолого-терапевтическую хирургію по руководству Буша, клиническія хирургическія наставленія, десмургію. Кригеръ преподавалъ десмургію по записканъ Еллинскаго, оперативную хирургію и читалъ со студентами медицинскія сочиненія на нѣмецкомъ языкѣ. Бутковскій читалъ теоретическую хирургію по сочиненію Хеліуса. Каѳедру повивальнаго искусства занимали—съ 1811 г. Каменскій (до того времени одинъ теоретическій курсъ временно читалъ Калькау), Богородицкій, Блументаль и Ганъ. Каменскій пользовался для своихъ лекцій повивальнаго искусства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней трудами Мартенса и Амбодика, съ прибавленіемъ своихъ собственныхъ примѣчаній. Богородицкій преподавалъ теоретическое и практическое акушерство (по сочиненію Капюрона), женскія и дѣтскія болѣзни. Блументаль читалъ теоретическое и практическое акушерство по руководству Іерга и Озіандера, а когда представлялся случай, посѣщалъ со слушателями клинику для леченія роженицъ и младенцевъ, излагалъ дѣтскія болѣзни по руководству Ганке и Гартаннера и велъ практическія упражненія на фантомѣ. Проф. Ганъ читалъ акушерство по конспекту Блументаля, а дѣтскія болѣзни по системѣ Гекке. По каѳедрѣ врачебнаго веществословія (фармакологіи), фармаціи и врачебной словесности (исторію медицины) читали—съ 1807 года Коритари, послѣ его смерти (съ 1810 года) Ванноти, ад. Калькау, далѣе проф. Громовъ съ ад. Болгаревскимъ, наконецъ, Е. С. Гордѣенко. Коритари читалъ фармакологію и исторію медицины по собственнымъ запискамъ, а фармацію—по сочиненію Тромсдорфа. Ванноти преподавалъ фармакологію и рецептуру, руководствуясь для приготовленія лекарствъ русской гражданской и военной фармакопеей, а также излагалъ практическую фармацію и исторію медицины. Громовъ читалъ фармакологію по сочиненію Геккера, руководствуясь въ фармакологической практикѣ сокращеніемъ Бухгольца, а для приготовленія лекарствъ сочиненіемъ Нелюбина и русской полевой фармакопеей; кромѣ того, онъ дѣлалъ обозрѣніе медицинскихъ системъ по руководству Удена и Геккера. Болгаревскій читалъ практическую фармацію по руководству химика-фармацевта Буильона-Лагранжа. Гордѣенко преподавалъ фармацію по Тромсдорфу и рецептуру по Фохту. Каѳедру скотолеченія (ветеринарія) занимали—проф. Пильгеръ, а потомъ Экебладъ. Пильгеръ читалъ разные отдѣлы ветеринаріи—общую и частную сравнительную зоопатологію, наставленіе о вскормленіи скота, черепословіе и т. п. Экебладъ читалъ общее обозрѣніе ветеринарной науки относительно ея различныхъ вѣтвей, пользы и исторіи, зоотомію главнѣйшихъ животныхъ, сравнительную физіологію, патологію и повальныя болѣзни домашнихъ животныхъ.

Когда извѣстная каѳедра не имѣла представителя, его замѣнялъ, какъ мы видѣли, преподаватель какого-либо иного предмета, и благодаря этому преподаваніе фактически не прекращалось, хотя, конечно, не могло уже вестись съ должной полнотой и обстоятельностью. Но бывали все-таки случаи, когда не было и такого временнаго преподавателя по нѣкоторымъ предметамъ. Изъ представленныхъ данныхъ видно, что на словесномъ отдѣленіи почти все время была вакантна каѳедра восточныхъ языковъ. На этико-политическомъ все время не была занята каѳедра церковной исторіи и первыя 14 лѣтъ богословія; оставались безъ спеціалиста долгое время каѳедры политической экономіи и естественнаго права; на физико-математическомъ факультетѣ также бывали вакантны каѳедры астрономіи, сельскаго хозяйства, технологіи и военныхъ наукъ; на медицинскомъ факультетѣ нѣкоторое время — каѳедры патологіи и терапіи, хирургіи и ветеринаріи. Но зато нѣкоторые изъ преподавателей объявляли курсы, не требуемые уставомъ. Таковы, напримѣръ, были курсы—нумизматики, русскихъ древностей, педагогіи, полицейскаго права, политической ариѳметики, гражданской архитектуры (ее читалъ Васильевъ по Блонделю и Дюранду), діэтетики (читалъ Калькау), антропологіи (читали Ванноти и Дрейсигъ), энциклопедіи медицины (читалъ Калькау), геогнозіи, психіатріи (ее читалъ проф. Бутковскій, согласно съ теоретическими соображеніями Грасса и Гейнрота и практическими наставленіями Ескироля).

Что касается новыхъ языковъ, то они вначалѣ по большей части не имѣли особыхъ лекторовъ, а преподавали ихъ профессора другихъ предметовъ (иностранцы). Въ исключительномъ положеніи былъ только французскій языкъ, имѣвшій все время особаго лектора—Паки-де-Совиньи (который, впрочемъ, состоялъ и при каѳедрѣ латинской словесности). Но и по этому предмету читали курсы Беленъ-де-Баллю и Дегуровъ. Паки-де-Совиньи читалъ и элементарный курсъ, и курсъ словесности по своимъ руководствамъ, объяснялъ правила слоговъ и стихотворства (риторику и піитику), занимаясь чтеніемъ Телемака, Вольтеровой Генріады и науки стихотворства Буало. Беленъ-де-Баллю излагалъ правила краснорѣчія, объясняя ихъ примѣрами изъ лучшихъ писателей, и исторію древней и новой словесности. Нѣмецкій языкъ и словесность преподавали временно: до 1807 г. проф. Умляуфъ, потомъ Рейтъ, Якобъ, Шадъ, Гонорскій и Кронебергъ, затѣмъ лектуру нѣмецкаго языка занялъ Гренбергъ. Гонорскій упражнялъ въ разговорахъ, читалъ краткій курсъ нѣмецкой литературы. Преподаваніе англійскаго языка начато было ад. Шмерфельдомъ, но прекратилось за его смертью въ 1811 г., затѣмъ одно время читалъ англійскій языкъ проф. Дорнъ.

Кромѣ этого, проф. Беленъ-де-Баллю временно преподавалъ итальянскій языкъ, разбирая основы итальянскаго языка и переводя Метастасіевы трагедіи, Освобожденный Іерусалимъ Торквато Тассо.

Преподавателями свободныхъ искусствъ были: музыки—магистръ Витковскій, рисованія — магистръ Матесъ и Шепфлинъ, танцевъ—магистръ Балашовъ, Еропкинъ, фехтованія и верховой ѣзды—Сивоктъ, Ледюкъ. Многіе профессора (на всѣхъ факультетахъ) вели практическія занятія, соотвѣтствовавшія характеру предмета: ботаники демонстрировали растенія, юристы упражнялись въ фактическомъ судопроизводствѣ, филологи—въ разборѣ студенческихъ сочиненій и темъ. Кромѣ чтенія лекцій студентамъ, профессора вели еще преподаваніе въ нѣсколькихъ учрежденіяхъ, состоявшихъ при университетѣ—приготовительномъ классѣ университета, педагогическомъ институтѣ и институтѣ гражданскихъ чиновниковъ. Приготовительный классъ существовалъ 3 года и былъ вызванъ къ жизни почти полнымъ отсутствіемъ въ то время гимназій; читали въ немъ адъюнкты. Педагогическій институтъ былъ открытъ только въ 1811 году, такъ поздно потому, что въ университетѣ было мало студентовъ и еще меньше кандидатовъ. Первымъ директоромъ его былъ проф. Роммель, составившій для него и «положеніе». Преподавались въ немъ педагогика, дидактика и методика. Но прежняя причина—недостатокъ кандидатовъ (ихъ и безъ того брали нарасхватъ)—продолжала дѣйствовать, и педагогическій институтъ, повидимому, прекратилъ свое существованіе, и только впослѣдствіи уже лекторъ Кронебергъ выступилъ съ проектомъ объ его возстановленіи. Такъ же неудачно пошло дѣло съ институтомъ для гражданскихъ чиновниковъ. Все это были механическіе придатки къ университету, не заключавшіе сами въ себѣ жизненныхъ элементовъ. Онъ былъ открытъ въ 1810 г. при 27 слушателяхъ; въ слѣдующемъ 1811 г. было 19 слушателей, но на экзаменъ не явился никто; въ 1812 г. записался только 1 слушатель, и потому чтеній не открывали.

Спрашивается теперь, какова была качественная сторона преподаванія. Источникомъ для рѣшенія этого вопроса могутъ служить отзывы современниковъ-студентовъ, слушавшихъ лекціи у перечисленныхъ выше преподавателей. Конечно, отзывы эти подчасъ субъективны, но они, въ 1-хъ, провѣряютъ другъ друга, а во 2-хъ, нѣкоторые изъ нихъ принадлежатъ выдающимся лицамъ, при томъ писавшимъ ихъ уже въ зрѣлые годы. Такихъ отзывовъ сохранилось достаточное число (Селиванова, Розальонъ-Сошальскаго, воспитанника середины 20-хъ годовъ И. Б., воспитанника конца 20-хъ и начала 30-хъ годовъ Н., Хрущова, Костомарова, Геевскаго). Сопоставляя ихъ другъ съ другомъ

и провѣряя одинъ другимъ, мы можемъ въ концѣ концовъ охарактеризовать способъ преподаванія большинства профессоровъ перваго тридцатилѣтія въ исторіи университета. Всѣ тогдашніе преподаватели могутъ быть подведены подъ три категоріи — выдающихся лекторовъ, среднихъ и неудовлетворительныхъ. Въ первую категорію, основываясь на отзывахъ современниковъ, можно отнести Рижскаго, Осиповскаго, Успенскаго, Тимковскаго, Стойковича, Шада, Роммеля, Швейкарта, Гизе, Беленъ-де-Баллю, Павловскаго, Артемовскаго-Гулака, Цыха, Кронеберга, Дудровича, Даниловича, Гавр. и Егора Гордѣенко, Еллинскаго, Книгина, Венедиктова, Экеблада и Брандейса. Рижскій преподавалъ превосходно и пользовался глубочайшимъ уваженіемъ у студентовъ; превосходно дѣлалъ разборы псалмовъ и студенческихъ сочиненій. По его печатнымъ курсамъ училось и потомъ нѣсколько поколѣній студентовъ. Осиповскій, весь проникнутый любовью къ своему предмету, поэтизировалъ для своихъ слушателей даже дифференціальныя и интегральныя исчисленія; его печатные курсы имѣли такое же значеніе, какъ и курсы Рижскаго. Успенскій былъ чрезвычайно свѣдущъ не только въ русской исторіи, но и въ русскомъ законовѣдѣніи, представлявшемъ тогда настоящій лабиринтъ. Тимковскій имѣлъ глубокія познанія и читалъ красиво, но нѣсколько туманно и очень риторично. Стойковичъ читалъ физику прекрасно, энергично, выразительно и поражалъ свѣтлою логикою, особенно при изложеніи разныхъ теорій. Шадъ привлекалъ студентовъ своими лекціями, которыя онъ излагалъ чудною, плавною, латынью; на слушателей дѣйствовала его глубокая эрудиція и самостоятельность мысли; это была настоящая философская голова. Хорошими лекторами, повидимому, были также иностранцы—Роммель, Швейкартъ. Беленъ-де-Баллю славился краснорѣчіемъ, но зналъ латинскій языкъ поверхностно. Гизе хотѣлъ обработать свой превосходный курсъ лекцій къ печати. Артемовскій былъ очень краснорѣчивымъ ораторомъ, но содержаніе его лекцій было довольно бѣдное. Преподаваніе Цыха вызывало восторженные отзывы со стороны студентовъ: съ краснорѣчіемъ и живостью изложенія онъ соединялъ основательность; молодежь его очень любила. Глубокимъ знатокомъ и прекраснымъ, изящнымъ по изложенію лекторомъ былъ Кронебергъ; это былъ образцовый профессоръ своего времени, и слушатели цѣнили его по достоинству. Современникъ считаетъ образцовыми для своего времени и лекціи Дудровича, но, повидимому, нѣсколько преувеличиваетъ ихъ достоинства, говоря, что, «не смотря на сербскій выговоръ и неправильные иногда обороты языка, профессоръ увлекалъ своихъ слушателей богатствомъ мыслей, простотою и ясностью ихъ изложенія». Съ восторженными похвалами отзывались студенты и

о лекціяхъ проф. Даниловича, обладавшаго обширными познаніями въ своемъ предметѣ и въ юридической литературѣ. Г. Гордѣенко былъ даровитымъ ученикомъ и преемникомъ Даниловича. Такимъ же талантливымъ преподавателемъ оказался другой молодой ученый, проф. Т. Степановъ. Еллинскій также отличался рѣдкимъ даромъ слова, читалъ ясно, отчетливо и умѣлъ придать особый интересъ своему предмету; студенты увлекались его лекціями. Экебладъ собиралъ огромную аудиторію, потому что читалъ, въ сущности, не ветеринарію, а новую для того времени науку біологію. Брандейсъ былъ хорошій лекторъ и превосходный клиницистъ. Павловскій былъ обожаемъ своими слушателями.

За этими выдающимися преподавателями слѣдовала многочисленная группа среднихъ, въ родѣ, напримѣръ, Книгина, Венедиктова и др., а за ними шли совсѣмъ плохіе, куда нужно отнести—Борзенко, Маурера, Могилевскаго, Пауловича, Архангельскаго, Паки-де-Совиньи. Борзенко имѣлъ самыя поверхностныя свѣдѣнія по своему предмету и никогда не относился къ нему добросовѣстно. Его лекціи никогда не выходили изъ рамокъ чужого печатнаго руководства и разбавлялись шутками и анекдотами; все это смѣшило студентовъ, но не приносило имъ никакой пользы. Мауреръ зналъ свой предметъ, но былъ до того косноязыченъ, что въ его рѣчи трудно было различить членораздѣльные звуки. Весь курсъ прот. Могилевскаго заключался въ тощей тетрадкѣ, которой едва ставало на 4 мѣсяца I-го полугодія. Каждый параграфъ изъ нея онъ повторялъ изустно, но почти тѣми же словами; такое безжизненное преподаваніе не давало ни знанія предмета, ни пробуждало религіознаго чувства. Пауловичъ по римскому праву также буквально повторялъ текстъ своихъ записокъ, а если вдавался въ объясненія, то еще болѣе затемнялъ смыслъ неясными оборотами своей полурусской, полусербской рѣчи. Курсъ политической экономіи представлялъ жалкую иронію надъ университетскимъ преподаваніемъ. Но полнымъ шутомъ гороховымъ для многихъ поколѣній харьковскихъ студентовъ былъ Паки-де-Совиньи, къ которому студенты относились съ полнѣйшимъ презрѣніемъ и пренебреженіемъ. Многимъ мѣшала въ преподаваніи ихъ гомерическая лѣность и небрежность. Таковъ былъ Куницкій, позже всѣхъ начинавшій лекціи и раньше всѣхъ ихъ оканчивавшій, прекращавшій ихъ среди года, выходившій ранѣе срока изъ аудиторіи и т. п. Бабичеву обыкновенно студенты посылали депутацію, чтобы будить его, ибо онъ всегда засыпалъ послѣ своего ранняго обѣда, и слушатели тщетно ожидали его появленія. Комлишинскій былъ такъ занятъ административною дѣятельностью, что читалъ не болѣе 10—20

лекцій въ годъ. Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить еще оригиналовъ, проявлявшихъ при чтеніи лекцій разныя забавныя чудачества. Васильевъ лекціи по архитектурѣ облекалъ въ забавныя формы. Шумлянскій также излагалъ свои лекціи по хирургіи и діэтетикѣ въ юмористической формѣ съ прибаутками на малороссійскомъ языкѣ. Дорнъ читалъ свои лекціи отъ 6 до 7 час. утра, для чего долженъ былъ самъ вставать до разсвѣта. Бабичевъ вмѣсто лекцій разсказывалъ анекдоты. Рейпольскій и Черняевъ знали хорошо свой предметъ, но въ объясненіяхъ безпрестанно перескакивали съ одного сюжета на другой, а первый, кромѣ того, никогда не употреблялъ иностранныхъ словъ, а замѣнялъ ихъ странными, имъ самимъ придуманными выраженіями. Чудачество составляетъ характерную черту времени. Хотя профессора иностраннаго происхожденія по степени своей ученой подготовки стояли и выше своихъ русскихъ коллегъ, но зато на сторонѣ этихъ послѣднихъ было одно огромное преимущество, которое сказывалось и въ дѣлѣ преподаванія, и въ научной дѣятельности—это ихъ родной для аудиторіи и читателей русскій языкъ. И дѣйствительно, только родная рѣчь съ каѳедры можетъ создать живую связь между лекторомъ и его аудиторіей, подѣйствовать не только на умъ, но и на сердце, имѣть нравственно-воспитательное вліяніе. Профессора иностраннаго происхожденія читали на разныхъ языкахъ, но преимущественно по-латыни, при чемъ одна часть студентовъ (семинаристы) была лучше подготовлена къ слушанію лекцій на латинскомъ языкѣ, другая—на французскомъ. Только очень немногіе изъ профессоровъ—иностранцы—усвоили себѣ русскій языкъ (преимущественно славяне). Мѣшало имъ также незнаніе русской дѣйствительности и психологіи своихъ слушателей. По мѣрѣ завоеваній, которыя дѣлалъ русскій языкъ въ преподаваніи, должно было подыматься и значеніе профессорскихъ лекцій.

Въ дѣлѣ университетскаго преподаванія, особенно нѣкоторыхъ предметовъ практическаго, прикладного характера, имѣли всегда большое значеніе учебно-вспомогательныя учрежденія. Спрашивается теперь, каково было состояніе ихъ въ изучаемую нами эпоху, стояли ли они на должной высотѣ, удовлетворяли ли они уровню тогдашняго преподаванія. Сотояніе ихъ зависѣло главнымъ образомъ отъ матеріальныхъ средствъ, на нихъ отпускавшихся. Всего по штату отпускалось на содержаніе Харьковскаго университета въ годъ по 130 тыс. руб., въ томъ числѣ на содержаніе его учебно-вспомогательныхъ учрежденій слѣдующія суммы: на библіотеку 1000 р., анатомическій театръ 800 р., ботаническій садъ 1000 р., химическую лабораторію съ лаборантомъ 1000 р., обсерваторію 500 р., физическій кабинетъ 500 р., кабинетъ естествен-

ной исторіи 600 р., клиническій институтъ съ студенческой больницей 5000 р. На типографію вовсе не было положено штатной суммы. Какъ видимъ отсюда, и число учебно-вспомогательныхъ учрежденій, введенныхъ въ штатъ, и назначенныя на содержаніе ихъ суммы были довольно скромны (за исключеніемъ клиническаго института). Неблагопріятнымъ представляется и то обстоятельство, что на первоначальное устройство и обзаведеніе этихъ учрежденій не было положено особыхъ суммъ. Но на первыхъ порахъ однако университетъ не чувствовалъ недостатка въ матеріальныхъ средствахъ, во 1-хъ, потому, что, пока онъ не вошелъ еще въ норму, бывали ежегодные остатки по нѣкоторымъ статьямъ, которые шли въ его пользу, а во 2-хъ, потому, что въ его распоряженіе продолжали поступать «раньше ассигнованныя патріотическія пожертвованія». Въ послѣдующее время однако это благопріятное финансовое положеніе измѣнилось настолько, что университетъ нѣсколько разъ возбуждалъ ходатайства объ увеличеніи штатной ассигновки, которой было совершенно недостаточно, между прочимъ, и для его учебно-вспомогательныхъ учрежденій, тѣмъ болѣе что фондъ «патріотическаго приношенія» былъ почти исчерпанъ на строительныя нужды университета. Первоначальный проектъ устройства ученаго городка «по Сумскому шоссе, на университетской землѣ, къ сожалѣнію, не былъ утвержденъ, и университетъ вынужденъ былъ ютиться все время въ своемъ «временномъ помѣщеніи», расширявшемся только путемъ частныхъ пристроекъ и передѣлокъ, при чемъ исключительно на его спеціальныя средства. Такимъ образомъ, ужасающая тѣснота помѣщеній сдѣлалась какъ бы печальною особенностью Харьковскаго университета и крайне неблагопріятно отражалась на ходѣ и успѣхахъ преподаванія. Съ самаго начала пошли по тому пути, который чѣмъ далѣе, тѣмъ становился все болѣе и болѣе терністымъ, въ особенности когда значительно возросло число студентовъ и расширились его учебно-вспомогательныя учрежденія. Но, кромѣ матеріальныхъ средствъ, въ развитіи учебно-вспомогательныхъ учрежденій играютъ еще огромную роль сами дѣятели, стоящіе во главѣ ихъ—это какъ нельзя лучше подтверждается и судьбою учебно-вспомогательныхъ учережденій Харьковскаго университета: ботаническій кабинетъ былъ обязанъ своимъ возникновеніемъ и развитіемъ проф. Черняеву, минералогическій—своимъ ростомъ Криницкому. Одни учрежденія служили для всего университета—библіотека, типографія, другія—для нуждъ отдѣльныхъ факультетовъ. Больше всего имѣлъ ихъ физико-математическій факультетъ; за нимъ шелъ медицинскій; на словесномъ было одно учрежденіе; на этико-политическомъ не было ни одного. Такимъ образомъ, успѣхи преподаванія въ сильной

степени зависѣли отъ состоянія учебно-вспомогательныхъ учрежденій только на двухъ факультетахъ.

Обращаясь къ фактической сторонѣ дѣла, мы можемъ сказать, что университетская библіотека развивалась и возрастала довольно слабо, и это зависѣло частью отъ малыхъ средствъ, а частью отъ трудностей доставки иностранныхъ книгъ. За десять первыхъ лѣтъ число книгъ въ ней дошло до 15 тыс. томовъ, за двадцать послѣдующихъ лѣтъ до 27 тыс. Средній ежегодный приростъ равнялся сначала 1500, а потомъ 600 томовъ. Но уже въ 1828 г. возникъ студенческій отдѣлъ университетской библіотеки. Типографія широко развила свою дѣятельность—процвѣтала. Здѣсь напечатанъ былъ цѣлый рядъ университетскихъ изданій и трудовъ профессоровъ. Физическій кабинетъ при Стойковичѣ усердно пополнялся, а потомъ пришелъ въ упадокъ. Астрономическій кабинетъ и обсерваторія имѣли печальную судьбу, что крайне вредно отражалось и на ходѣ преподаванія астрономіи. До переѣзда въ Харьковъ проф. Гутъ, имѣвшій за границей свою собственную обсерваторію, заявилъ себя цѣлымъ рядомъ ученыхъ наблюденій, въ Харьковѣ же онъ не сдѣлалъ ничего. Начало химической лабораторіи положено было въ 1804 году, но дѣйствовала она чрезвычайно вяло: на нее затрачивалось меньше средствъ, чѣмъ даже полагалось по штату; помѣщеніе ея было убогое, а главное—студенты въ ней почти никогда, повидимому, не занимались. Технологическій кабинетъ былъ очень убогъ, также какъ и состоявшій при немъ кабинетъ рѣдкостей, заключавшій нѣкоторые предметы древностей и этнографіи. Зоологическій кабинетъ возникъ въ 1807 г., но былъ приведенъ въ должный порядокъ только послѣ 1827 г., когда вступилъ въ завѣдываніе имъ Криницкій. Минералогическій кабинетъ былъ богаче, потому что съ самаго начала обогатился хорошей коллекціей пр. Андре, по предложенію попечителя Потоцкаго, купленной за 8000 р.; къ сожалѣнію, и онъ не былъ описанъ, пока въ завѣдываніе имъ не вступилъ Криницкій, составившій превосходный каталогъ его. Чтобы судить о количествѣ затраченнаго на него труда, достаточно замѣтить, что Криницкій со своимъ помощникомъ работалъ надъ нимъ по 8 час. ежедневно, не исключая и каникулъ. Къ 1835 г. въ кабинетѣ было предметовъ на 45463 р. Учебно-вспомогательнымъ учрежденіемъ по части ботаники былъ до 1825 года ботаническій садъ. На устройство его, благодаря тому, что онъ занималъ огромное пространство земли, были потрачены весьма значительныя суммы. Особенныя заботы о немъ прилагалъ попечитель Потоцкій. Садъ былъ раздѣленъ на 2 части—собственно спеціально ботаническій и англійскій, такъ сказать, публичный. Въ 1833 г.

въ немъ уже было болѣе 5½ тысячъ породъ растеній стоимостью въ 20 тыс. руб. Но собственно для преподаванія еще большее значеніе имѣлъ ботаническій кабинетъ, обязанный своимъ существованіемъ проф. Черняеву. Въ немъ въ 1835 году было 11460 породъ и свыше 100 тыс. экземпляровъ.

Гораздо бѣднѣе былъ обставленъ учебно-вспомогательными учрежденіями медицинскій факультетъ. Анатомическій театръ былъ учрежденъ въ 1806 г., но долго не имѣлъ постояннаго помѣщенія; о размѣрахъ его дѣятельности въ первое время можно судить потому, что въ него доставлялось въ годъ всего 5 труповъ; впослѣдствіи положеніе его нѣсколько улучшилось. При немъ состоялъ небольшой анатомическій кабинетъ. Фармацевтическая лабораторія ютилась при химической. Клиникъ въ первое время совсѣмъ не было: хирургическая возникла въ 1814 г., терапевтическая въ 1815 г., акушерская въ 1829 г. Дѣятельность ихъ была довольно скромная, особенно на первыхъ порахъ: въ хирургической клиникѣ было сначала 6 кроватей съ 26 больными, а потомъ 8 съ 50—100 больныхъ въ годъ, оперированныхъ отъ 25 до 35 ежегодно, амбулаторныхъ отъ 25 до 200. Въ терапевтической клиникѣ число кроватей возросло съ 6 до 15; соотвѣтственно съ этимъ увеличилось и число больныхъ. Въ акушерской клиникѣ въ 1829 г. было только 4 кровати и вся она помѣщалась въ одной комнатѣ; въ годъ среднимъ числомъ въ ней бывало въ началѣ только по 7 роженицъ, съ 1 ноября 1833 года по 1 января 1835 г. было только двѣ роженицы.

На словесномъ факультетѣ было только одно учебно-вспомогательное учрежденіе—минцъ-кабинетъ; по разнообразію, богатству и полнотѣ коллекцій онъ уже въ то время принадлежалъ къ числу первоклассныхъ нумизматическихъ коллекцій. Начало ему положилъ своимъ пожертвованіемъ поп. гр. Потоцкій, а затѣмъ его обогатилъ адмиралъ Чичаговъ пожертвованіемъ огромной коллекціи (свыше 13 тыс.), захваченной въ качествѣ военной добычи въ Несвижѣ у Радзивилловъ. Впослѣдствіи для него пріобрѣтена была большая коллекція восточныхъ монетъ у Шпревитца; въ 1835 г. въ немъ было свыше 18 тыс. монетъ и медалей.

Значительное количество различныхъ учебныхъ пособій находилось также въ классахъ рисованія и живописи, музыки, фехтованія и верховой ѣзды. Особенно цѣнна и замѣчательна была коллекція эстамповъ (свыше 13 тыс. номеровъ), пріобрѣтенная у акад. Аделунга В. Н. Каразинымъ для рисовальнаго класса. Изъ всего сказаннаго видно, что физико-математическій факультетъ (или, точнѣе говоря, его естественное

отдѣленіе) со 2 половины 20 годовъ былъ лучше обставленъ учебно-вспомогательными учрежденіями, чѣмъ медицинскій: на послѣднемъ ихъ положеніе было довольно плачевное, и это, конечно, отражалось неблагопріятно не только на успѣхахъ преподаванія, но и на научной дѣятельности. Къ сожалѣнію, еще слѣдуетъ прибавить, что не получили практическаго осуществленія раціональные проекты, имѣвшіе въ виду учрежденіе нѣкоторыхъ новыхъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій — ветеринарный институтъ, опытное поле, ботаническая станція въ Крыму.

Ознакомившись съ преподавательскою дѣятельностью профессоровъ, мы теперь обратимся къ ихъ работамъ на пользу науки. Обозрѣвая различные роды ихъ научныхъ трудовъ, мы можемъ подвести ихъ подъ слѣдующія важнѣйшія группы: изслѣдованія и монографіи, курсы или руководства, диссертаціи на ученыя степени, актовыя рѣчи, рецензіи. Группа изслѣдованій и монографій была немногочисленна. Въ этомъ отношеніи начало XIX в. сильно отличается отъ нашего времени. Теперь ученый профессоръ является синонимомъ самостоятельнаго изслѣдователя-спеціалиста, двигателя науки; тогда же профессора имѣли въ виду не столько самостоятельную разработку своей науки, сколько распространеніе научныхъ знаній. Русская университетская наука того времени была, конечно, очень юна и несовершенна и находилась въ полной зависимости отъ ея западно-европейскихъ представителей. Да и тамъ она не достигла еще той дифференціаціи и спеціализаціи, которая представляетъ столь характерную черту нашего времени. Не трудно было даже на Западѣ пріобрѣсти извѣстность изданіемъ въ свѣтъ разныхъ руководствъ и учебниковъ. Въ русскихъ университетахъ чувствовалась въ подобныхъ книгахъ еще болѣе насущная потребность: учебники нужны были не только для студентовъ, но и для воспитанниковъ гимназій, находившихся въ вѣдѣніи университетовъ. Студентамъ Харьковскаго университета по словесному факультету не по чемъ было даже переводить греческихъ и римскихъ классиковъ. Вотъ гдѣ, слѣдовательно, лежитъ причина преобладанія среди профессорскихъ трудовъ сочиненій учебнаго, а не ученаго характера. Что касается диссертацій, то количество ихъ, особенно вначалѣ, было также не велико, а по содержанію своему почти всѣ онѣ представляли изъ себя не ученыя изслѣдованія, а небольшія разсужденія на заданную тему. Число диссертацій сократилось отъ того, что бо́льшая часть профессоровъ, при учрежденіи университета, была вызвана изъ-за границы и не писала въ Харьковѣ диссертацій, потому что не было строгаго требованія о необходимости докторской степени для профессуры. Кромѣ того, нѣкоторыя лица получили докторскую степень безъ диссертацій—honoris causa. Нако-

нецъ, весьма значительная часть диссертацій осталась въ рукописяхъ— не была напечатана, такъ какъ можно было представлять и рукописныя сочиненія. Что касается печатныхъ, то это въ большинствѣ разсужденія на заданныя факультетами темы, какъ того, впрочемъ, требовалъ и уставъ; а если въ нихъ и затрогивался какой-нибудь спеціальный вопросъ, то безъ особеннаго самостоятельнаго углубленія въ тему. Тезисы не всегда соотвѣтствовали результатамъ работы. Съ теченіемъ времени однако уровень требованій, предъявляемыхъ къ диссертаціямъ, повысился, и мы встрѣчаемъ нѣсколько интересныхъ трудовъ, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ принадлежатъ даже лицамъ, не получившимъ профессорскихъ каѳедръ. Очень видное мѣсто въ научно-литературной дѣятельности профессоровъ занимали актовыя рѣчи. Ихъ было, во 1-хъ, очень много: за одно первое десятилѣтіе произнесено ихъ было на актахъ 40 (такое обиліе объясняется тѣмъ, что тогда было два акта и на каждомъ могло читаться по нѣсколько рѣчей); во 2-хъ, всѣ эти рѣчи печатались отъ имени университета, на его счетъ, и получали широкое распространеніе; въ 3-хъ, и сами авторы, и мѣстное общество, для котораго онѣ преимущественно предназначались, придавали имъ важное значеніе въ виду поднимаемыхъ ими общихъ вопросовъ и доступной формы ихъ изложенія. Публика привыкла къ этой формѣ собесѣдованія съ нею: авторы такимъ способомъ могли удобнѣе всего бесѣдовать съ обществомъ, проводить свои идеи, оказывать извѣстное вліяніе на окружающую среду, которая, въ свою очередь, внимательно слушала, что скажутъ ей представители науки. Нужно сознаться, что профессора того времени, особенно перваго десятилѣтія умѣли выбирать живыя, интересныя темы, могшія, какъ увидимъ далѣе, имѣть образовательное значеніе. Въ первое десятилѣтіе число научныхъ работъ у профессоровъ иностраннаго происхожденія было нѣсколько выше, чѣмъ у ихъ русскихъ товарищей; но вообще можно сказать, что и тѣ, и другіе почти одинаково потрудились на пользу науки; только сочиненія на русскомъ языкѣ имѣли большее распространеніе у читателей. Какъ бы то ни было, иностранцы, преобладавшіе численно въ первое десятилѣтіе, способствовали въ такой же мѣрѣ, какъ и русскіе профессора, расцвѣту научно-литературной дѣятельности, который является, по-истинѣ, «золотымъ вѣкомъ» и въ исторіи Харьковскаго университета. Ознакомившись съ общимъ характеромъ ученыхъ профессорскихъ трудовъ, мы можемъ теперь остановиться на болѣе видныхъ представителяхъ тогдашней науки. На словесномъ факультетѣ наиболѣе выдающееся значеніе въ научномъ отношеніи имѣли—Рижскій, Успенскій, Беленъ-де-Баллю, Роммель, Кронебергъ и Дорнъ. Рижскій стяжалъ себѣ всеобщую почетную извѣстность изданіемъ

выдающихся руководствъ по своему предмету: «Опыта риторики» (2 изданія и 3 посмертное), «Введенія въ кругъ словесности» и «Науки стихотворства». Они служили руководствами не только въ Харьковскомъ, но и Казанскомъ и Московскомъ университетахъ и, по отзыву спеціалистовъ, «представляютъ полный и самый обстоятельный изъ существующихъ на русскомъ языкѣ курсъ теоріи словесности, относящійся преимущественно къ ложно-классическому періоду развитія литературы». «По полнотѣ свѣдѣній, обстоятельности и ясности изложенія курсъ теоріи словесности Рижскаго былъ для своего времени явленіемъ дѣйствительно выдающимся. Равнаго ему по значенію для своего времени русская литература не имѣетъ доселѣ». Успенскій прославилъ себя изданіемъ «Опыта повѣствованія о русскихъ древностяхъ» (2 изданія, изъ коихъ 2-е дополненное). Самъ Успенскій справедливо называетъ свое сочиненіе первымъ на русскомъ языкѣ опытомъ отечественныхъ древностей; мы же прибавимъ, что этотъ первый опытъ оставался и единственнымъ въ теченіе 80 лѣтъ, до выхода въ свѣтъ, въ 1890 г., книги профессора В. И. Сергѣевича: «Русскія юридическія древности». А между тѣмъ тогда мы не имѣли еще и «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина. Успенскому нужно вмѣнить въ огромную заслугу и выборъ темы, и ея обработку. Онъ обнаружилъ большую начитанность не только въ пособіяхъ, но и въ первоисточникахъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ; для малороссійскихъ древностей онъ даже воспользовался рукописями. Беленъ-де-Баллю и Роммель занимались энергично изданіемъ учебниковъ и хрестоматій по классическимъ предметамъ, предназначенныхъ для студентовъ и гимназистовъ (1-й издалъ 6 такихъ пособій, 2-й—5). Кронебергъ, бывшій украшеніемъ словеснаго факультета, издавалъ частью руководства по латинскому языку (грамматику, словарь, древности авторовъ), а частью сборники учено-литературнаго содержанія: 1) *Амалтею* или собраніе сочиненій и переводовъ, относящихся къ изящнымъ искусствамъ и древней классической словесности (2 части), 2) *Брошюрки* (X номеровъ), и 3) *Минерву* (4 части). Стоя на высотѣ современнаго ему научнаго движенія по классической филологіи въ Европѣ вообще и Германіи въ частности, Кронебергъ былъ блестящимъ представителемъ этой науки въ Харьковскомъ университетѣ и при томъ не сухого, мертваго грамматическаго классицизма, а здороваго, образовательнаго, гуманитарнаго, интересовавшагося главнымъ образомъ исторіей литературы, искусства и древностей. Кронебергъ своими изданіями сыгралъ въ Харьковскомъ университетѣ такую же роль, какую позже, въ 50-хъ годахъ, въ Московскомъ университетѣ Леонтьевъ своими «Пропилеями» (Сборникъ статей по классической филологіи). Дорнъ напечаталъ ученый трактатъ на

латинскомъ языкѣ: «De affinitate linguae slavicae et sanscritae». Большое усердіе проявилъ въ составленіи руководствъ Паки-де-Совиньи, но они не имѣли никакого научнаго значенія. На этико-политическомъ факультетѣ самою крупною научною силою былъ Шадъ, издавшій нѣсколько выдающихся своею самостоятельностью руководствъ по предметамъ своей спеціальности. На первомъ мѣстѣ среди нихъ должна быть поставлена «Чистая логика», представлявшая изъ себя нѣчто въ родѣ философской пропедевтики и пользовавшаяся большимъ уваженіемъ у читателей. Въ обработкѣ частей Шадъ обнаружилъ замѣчательную самостоятельность: представляетъ новые анализы различныхъ формъ мысли, разлагаетъ на простѣйшіе элементы то, что считалось первичнымъ и неразложимымъ. Не менѣе оригинальнымъ представляется его «Естественное право» (Institutiones juris naturae), гдѣ онъ пытается освободить науку естественнаго права отъ ошибокъ, созданныхъ французской философіей, и выходъ видитъ въ соглашеніи науки о правѣ съ наукой о нравственности и христіанской религіей. Но вся его книга однако исполнена раціоналистическаго духа, и онъ выступаетъ въ ней горячимъ поборникомъ свободы: все его сочиненіе представляетъ неумолимый протестъ противъ всякаго насилія мысли. Не удивительно, что эта книга послужила причиною удаленія его изъ Россіи въ министерство кн. Голицына. Кромѣ того, онъ издалъ нѣсколько руководствъ классической филологіи. Другимъ виднымъ дѣятелемъ былъ Якобъ, издавшій руководство въ 2-хъ частяхъ по полицейскому праву, гдѣ сильно вооружался противъ крѣпостного права. Такимъ образомъ, два выдающихся научныхъ дѣятеля изъ иностранцевъ, приглашенныхъ въ университетъ въ первое десятилѣтіе, оказались по своимъ убѣжденіямъ защитниками идеи свободы во всѣхъ ея проявленіяхъ въ жизни гражданской, соціальной и особенно умственной. Издалъ свой курсъ политической ариѳметики и профессоръ Лангъ. Тимковскій издалъ руководство по изученію русскаго языка. Красою и гордостью физико-математическаго факультета былъ Осиповскій, прославившійся главнымъ образомъ своимъ «Курсомъ математики» въ 3-хъ томахъ (4-й былъ приготовленъ къ печати, но остался въ рукописи, точно такъ же, какъ и переводъ 4-хъ томнаго творенія Лапласа «Небесная механика»). По замѣчанію спеціалиста, «Курсъ математики Осиповскаго можетъ быть поставленъ на ряду съ лучшими иностранными руководствами того времени; сочиненія его показываютъ знакомство со всѣмъ, что было замѣчательнаго въ математической литературѣ Европы; избравши образцомъ преимущественно Эйлера, Осиповскій по ясности и строгости изложенія былъ достойнымъ послѣдователемъ великаго математика. Обязанный своими познаніями собственному таланту

и неутомимой ревности, съ которою изучалъ творенія европейскихъ ученыхъ (между прочимъ, по увольненіи отъ должности профессора онъ перечиталъ всѣ томы записокъ Парижской академіи наукъ, начиная съ тома на 1735-й годъ, а также нѣкоторые томы записокъ національнаго института), онъ излагалъ открытія геніальныхъ двигателей науки съ яснымъ и глубокимъ знаніемъ дѣла». Кромѣ этого, ему принадлежитъ еще нѣсколько отдѣльныхъ самостоятельныхъ работъ по математикѣ и астрономіи. Изъ иностранцевъ энергичнымъ и выдающимся ученымъ оказался Гизе, имя котораго пріобрѣло извѣстность и за предѣлами Россіи, какъ ревностнаго и основательнаго изслѣдователя. Наиболѣе замѣчательнымъ трудомъ является его пяти-томная «Всеобщая химія для учащихъ и учащихся», переведенная съ нѣмецкой рукописи автора Комлишинскимъ и изданная въ Харьковѣ въ 1813—1817 гг. Она, по отзыву спеціалиста, «содержитъ въ себѣ все существенное, что было извѣстно въ наукѣ (химіи) въ началѣ XIX вѣка»; равнаго ему не могли представить многія страны Европы; съ нимъ можно сопоставить только знаменитый трудъ Берцеліуса, вышедшій 10 лѣтъ спустя. Ему же принадлежитъ рядъ спеціальныхъ статей и мѣстныхъ изслѣдованій. Практическое значеніе для края должна была имѣть его монографія «О выгоднѣйшемъ способѣ добывать и очищать селитру, основанномъ на химическихъ началахъ». Плодовитымъ, но не ученымъ, а скорѣе компиляторомъ былъ Стойковичъ, напечатавшій за сравнительно короткій промежутокъ времени нѣсколько объемистыхъ трудовъ: 1) О воздушныхъ камняхъ и ихъ происхожденіи (280 стр.), 2) Начальныя основанія умозрительной и опытной физики, 3) Система физики, 4) Начальныя основанія физической астрономіи, 5) О предохраненіи себя отъ ударовъ молніи во всѣхъ случаяхъ жизни (251 стр.). По отзыву спеціалиста, авторъ вездѣ проявилъ здѣсь общее образованіе, знаніе нѣсколькихъ языковъ, знакомство съ литературою предмета, но нигдѣ не виденъ спеціалистъ и самостоятельный изслѣдователь; не всегда соблюдается имъ должное соотношеніе между умозрѣніемъ и опытомъ; но изданіе этихъ книгъ слѣдуетъ поставить въ большую заслугу какъ автору, такъ и самой университетской коллегіи, безъ поддержки которой такая усиленная научно-литературная дѣятельность была бы невозможна.

Кромѣ этихъ лицъ, на физико-математическомъ факультетѣ нельзя указать ни на одного профессора, который бы выдѣлялся своими учеными трудами. Архангельскій перевелъ нѣсколько сочиненій по механикѣ, Павловскій таблицы логариѳмовъ Каллета.

На медицинскомъ факультетѣ выдѣлялись изъ среды другихъ Калькау, напечатавшій введеніе въ медицину, Еллинскій, издавшій

обширное 2-хъ томное «Обозрѣніе десмургіи», Блюменталь, напечатавшій конспектъ по акушерству, Венедиктовъ, напечатавшій рядъ спеціальныхъ статей. Другая группа профессоровъ печатала кое-что, но уступала вышеперечисленнымъ, третья группа совсѣмъ ничего не издавала. Диссертаціи напечатали—Дудровичъ (по философіи), Комлишинскій (по физикѣ), Громовъ (по минералогіи), Дьяченко, а также цѣлый рядъ другихъ лицъ, не получившихъ каѳедръ въ Харьковскомъ университетѣ, но представившихъ въ его факультеты свои диссертаціи для полученія степени магистра и доктора—Гесъ-де-Кальве, Хлопонинъ, Бразоль, Гриневичъ и Ковалевскій (по философіи), Шуманъ (по химіи), Нетолитскій (по медицинѣ), Дегай (по юриспруденціи), Жиле (по исторіи), Майстренковъ (по юриспруденціи), Н. Корсунъ (по исторіи), Титаревъ (по юриспруденціи), Ерофеевъ (по юриспруденціи); Савицкій (по философіи), А. Корсунъ (по юриспруденціи); докторъ изящныхъ наукъ Масловичъ напечаталъ въ дополненномъ видѣ свою лекцію о баснѣ, Гесъ-де-Кальве—обширное сочиненіе—теорію музыки, переведенное съ нѣмецкой рукописи на русскій языкъ Гонорскимъ, а Гриневичъ переводы Цицерона съ объясненіями.

Но зато большинство профессоровъ печатало актовыя рѣчи, изъ которыхъ многія имѣли важное общественное значеніе. Двое авторовъ говорили о пользѣ наукъ и просвѣщенія (Рижскій и Беленъ-де-Баллю). Беленъ-де-Баллю доказывалъ превосходство общественнаго образованія надъ частнымъ домашнимъ; Тимковскій говорилъ о примѣненіи знаній къ пользамъ государства; Якобъ—о вліяніи университетовъ на культуру и благосостояніе народа; Роммель—о силѣ и преимуществѣ истиннаго дарованія; Гутъ—объ истинномъ ученомъ; Швейкартъ—объ академическихъ званіяхъ; Паки-де-Совиньи—о степени совершенства, пріобрѣтаемой отъ занятій изящными искусствами; Успенскій—о томъ, что каждому народу важнѣе знать древнее и нынѣшнее состояніе своего отечества, нежели другихъ народовъ; Дегуровъ—о значеніи для Европы эпохи возрожденія наукъ; Каменскій—о физическомъ воспитаніи дѣтей и вліяніи его на умственное и нравственное состояніе ихъ; Шадъ—о верховной цѣли человѣка и о возвращеніи свободы Европѣ; Коритари—о связи философскихъ занятій съ медицинскими; Осиповскій опровергалъ мнѣніе Канта о врожденности категоріи пространства и времени и о динамической его системѣ; Стойковичъ—о вредномъ для дыханія воздухѣ; Лангъ—объ изученіи политическихъ и юридическихъ наукъ; другіе касались болѣе спеціальныхъ темъ.

Общимъ, объединяющимъ элементомъ многихъ рѣчей служила философія, которую старались ввести въ свои науки профессора и

которая пользовалась тогда большимъ уваженіемъ и у студентовъ. «Занесенная въ чужой міръ (изъ германскихъ университетовъ), философія скоро обжилась въ своемъ новомъ пріютѣ... По самой сущности своей, она владѣла притягательной силой: затрогивая общіе и важные вопросы, къ которымъ нельзя остаться равнодушнымъ при первой работѣ мышленія, она вводила въ новую и высшую сферу, чуждую пошлостей и предразсудковъ, располагала къ умственному труду, пріучала цѣнить и уважать его». Представителемъ философской мысли въ Харьковскомъ университетѣ былъ Шадъ, говорившій на философскія темы двѣ рѣчи. Въ первой онъ проводитъ мысль, что верховною цѣлью человѣка является не счастье, а стремленіе къ правдѣ въ знаніи и къ правдѣ въ жизни. Вторая представляла попытку осмыслить событія текущей жизни съ высшей, философской точки зрѣнія; основной тезисъ ея (близкій къ философіи Шеллинга) тотъ, что всеобщій законъ жизни состоитъ въ разнообразіи и противоположности вещей, по естеству своему одинаковыхъ: чѣмъ разнообразіе больше, тѣмъ совершеннѣе организмъ. Отсюда дѣлался выводъ о вредѣ Наполеоновскихъ завоеваній, стремившихся создать одну самодержавную монархію. Коритари въ своей рѣчи также проводилъ натурфилософію Шеллинга. Но это господствующее философское теченіе встрѣтило себѣ и реакцію, которая смягчила его крайности и увлеченія, въ видѣ реальнаго направленія; наиболѣе выдающимся представителемъ его былъ Осиповскій, вооружившійся въ своихъ рѣчахъ противъ основныхъ положеній самого Канта и его послѣдователей въ Харьковскомъ университетѣ—Шада и Якоба.

Но реальное направленіе проявлялось не только въ полемикѣ съ философскимъ: оно выразилось въ рядѣ рѣчей на практическія темы и въ цѣлой серіи мѣстныхъ изслѣдованій. Въ рѣчи Стойковича разбирался вопросъ о чистомъ и испорченномъ воздухѣ, которымъ дышитъ населеніе городовъ и селеній,—и эта рѣчь имѣла важное практическое значеніе и для г. Харькова. Въ цѣломъ рядѣ работъ, посвященныхъ изслѣдованію мѣстныхъ естественныхъ богатствъ края, мы видимъ живое практическое приложеніе знаній на пользу населенія. Здѣсь къ наукѣ примѣнены требованія Петровскаго времени. Тутъ дѣятели новаго просвѣтительнаго учрежденія непосредственно отзываются на запросы жизни и тѣмъ укрѣпляютъ въ обществѣ сознаніе пользы, приносимой университетомъ. Здѣсь профессора Харьковскаго университета продолжали дѣло, начатое россійскими академиками XVIII в., заслуги коихъ останутся навсегда незабвенными. Естественно, конечно, что почти всѣ подобные труды выпали на долю профессоровъ физико-математи-

ческаго и медицинскаго факультетовъ. Нѣтъ нужды, что результаты не всегда соотвѣтствовали ожиданіямъ: важна была отзывчивость профессоровъ на нужды мѣстнаго общества. Перечислимъ эти труды. Гизе производилъ анализъ каменнаго угля, куски котораго были отысканы въ Изюмскомъ уѣздѣ, тотъ же Гизе подвергалъ испытанію разныя ископаемыя, полученныя отъ изюмскаго предводителя дворянства, онъ же изслѣдовалъ песокъ съ содой и открылъ глауберову соль у помѣщика Элли. Государственный Деркульскій конный заводъ обратился въ университетъ съ просьбою о присылкѣ ветеринара для излѣченія чесотки на лошадяхъ. Харьковскій губернаторъ Бахтинъ обращался въ университетъ съ просьбою указать ему средства для истребленія саранчи и назвать медоносныя травы. Опредѣленіемъ сѣмянъ занимался проф. Делявинь. Подверглись внимательному изслѣдованію на мѣстѣ со стороны проф. Гизе минеральныя воды въ Константиноградскомъ уѣздѣ Полтавской губ.; тотъ же Гизе напечаталъ о нихъ вмѣстѣ съ проф. Шумлянскимъ, изучавшимъ ихъ съ медицинской точки зрѣнія, цѣлую брошюру. Изслѣдованы и описаны были проф. Гизе и другія воды въ томъ же уѣздѣ, принадлежавшія Кочубею; тотъ же Гизе съ Шумлянскимъ изслѣдовалъ и описалъ въ особой брошюрѣ и воды въ Изюмскомъ уѣздѣ Харьковской губ., въ Купянскомъ уѣздѣ и у слободы Рогань. Медицинскій факультетъ составилъ наставленіе о предохраненіи отъ прилипчивыхъ болѣзней. Проф. Пильгеръ ѣздилъ въ Лебединскій уѣздъ для борьбы съ болѣзнью, напавшей на кавалерійскихъ лошадей. Проф. Венедиктовъ получилъ Высочайшую благодарность за усердіе по борьбѣ съ холерою. Усердно занимался университетъ и теоретическимъ научнымъ изслѣдованіемъ своего края въ разныхъ отношеніяхъ. Успенскій составилъ инструкцію для собиранія учителями историческихъ, топографическихъ и статистическихъ данныхъ, по которой и собирались ими свѣдѣнія; аналогичная инструкція была составлена для собиранія мѣстныхъ географическихъ данныхъ; въ 1811 г. университетъ командировалъ Роммеля въ Славянскъ для изслѣдованія найденнаго тамъ камня съ древнею загадочною надписью; собирались данныя о городищахъ; по запросу извѣстнаго Ходаковскаго, оказывалось содѣйствіе Кеппену въ собираніи свѣдѣній объ училищахъ. Въ 1814 г. были командированы въ Чугуевъ Тауберъ и Громовъ для осмотра мамонтовыхъ костей; въ Крымъ былъ командированъ адъюнктъ ботаники Каретниковъ для пріобрѣтенія тамошнихъ растеній. Шнаубертъ и Гизе по порученію университета анализировали доставляемые имъ аэролиты. Проф. Гутъ выступилъ съ проектомъ астрономическихъ, геодезическихъ и метеорологическихъ наблюденій въ Харь-

ковскомъ учебномъ округѣ. Между прочимъ, здѣсь онъ первый въ Россіи въ XIX ст. высказалъ мысль о производствѣ русскаго градуснаго измѣренія.

Всѣ эти научные труды имѣли вмѣстѣ съ тѣмъ широкое общественное и образовательное значеніе, но нужно сознаться, что большая часть ихъ относится къ первому десятилѣтію. Такое же значеніе могло имѣть и ученое общество, возникшее при университетѣ. § 9-й устава 1804 г. требовалъ учрежденія при университетѣ ученаго общества. У первыхъ дѣятелей университета однако было такъ много разнообразныхъ обязанностей, что оно основано было ими только въ концѣ перваго десятилѣтія. Иниціатива его созданія принадлежала Стойковичу и Роммелю, первый составилъ и его уставъ. Цѣль общества состояла въ распространеніи наукъ и знаній. Дѣлилось оно на 2 отдѣленія 1) естественныхъ наукъ и 2) словесныхъ. Первоначально общество состояло изъ 10 членовъ, во 2-й годъ число членовъ значительно возросло. Первое засѣданіе его состоялось 19 марта 1813 года. Въ 1-й годъ общество имѣло 3 засѣданія, въ 1814—7. Первымъ предсѣдателемъ его былъ Стойковичъ, вторымъ Роммель. Во 2-й годъ членами его доставлено было 10 рефератовъ; задумано устройство библіотеки. Въ 1817 году общество выпустило въ свѣтъ 1-й (и единственный) томъ своихъ трудовъ подъ заглавіемъ «Труды общества наукъ», въ которомъ помѣщены статьи Осиповскаго, Архангельскаго, Комлишинскаго, Громова, Сухомлинова, Книгина, Каменскаго, Борзенкова, Успенскаго, Могилевскаго, нѣкоторые переводы попеч. Зах. Карнѣева, разборъ 13-го псалма и религіозно-нравственное разсужденіе: «О пути, истинѣ и жизни». Въ 1818 году состоялось только одно засѣданіе, а затѣмъ послѣдовалъ 5-ти лѣтній перерывъ въ дѣятельности общества—до 1823 года, когда попечитель Е. Карнѣевъ предложилъ университету возобновить его дѣятельность. Но «слабая искра дѣятельности общества»,—писалъ новый попечитель Перовскій,—«возгорѣвшаяся отъ напоминаній моего предмѣстника, въ текущемъ (1828) году опять готова была потухнуть»; ее снова попытался зажечь Перовскій своими строгими предписаніями, но въ 1829 г. оно, повидимому, умерло отъ полнаго истощенія силъ. Истинною причиною его печальнаго существованія и смерти является равнодушное отношеніе къ нему университетскихъ дѣятелей, находившихся въ началѣ 30-хъ годовъ, по мѣткому выраженію помощника попечителя гр. Панина, въ «ученой летаргіи», которая началась однако еще значительно раньше и была вызвана главнымъ образомъ преслѣдованіями научной мысли въ эпоху реакціи. Сравнивая научную продуктивность Харьковскаго университета въ

1-е либеральное десятилѣтіе съ таковою же производительностью реакціоннаго 2-го и 3-го десятилѣтія, мы замѣчаемъ въ послѣднихъ скорѣе регрессъ, чѣмъ прогрессъ, и въ количественномъ и особенно въ качественномъ отношеніи. Рижскому, Успенскому, Осиповскому, Шаду, Гизе можно противопоставить тамъ въ сущности только одного Кронеберга; что же касается Осиповскаго, Шада, Успенскаго, дѣйствовавшихъ во 2-мъ десятилѣтіи, то два первые были удалены изъ университета, а третій умеръ въ 1820 г. Еллинскій самъ вышелъ прежде времени въ отставку. Актовыя рѣчи потеряли свой прежній жизненный характеръ; мѣстныя изслѣдованія почти прекратились. Систематически подрывая университетскій уставъ 1804 г., вмѣстѣ съ нимъ подрывали и ту основу, на которой такъ быстро стала расти и развиваться университетская наука; сами того, быть можетъ, не подозрѣвая, рубили корни дерева, соками котораго питалась эта наука. Объ этомъ свидѣтельствуетъ въ своей оффиціальной запискѣ гр. Панинъ, который приписывалъ ученую *„летаргію“* Харьковскаго университета исключительно «примѣру бездѣйствія и страха къ наукѣ, поданнаго прежде бывшими министрами и попечителями, примѣру, заслужившему имъ вѣчную лидійскую улыбку современниковъ и карающаго потомства». Но онъ былъ не правъ, полагая, что это зло можно было быстро исправить энергическими распоряженіями учебнаго начальства, каковыя были приняты, между прочимъ, и имъ самимъ. По его собственнымъ словамъ, для возстановленія *увядшаго* достоинства университета, онъ *приказалъ* ускорить изданіе цѣлаго ряда сочиненій, *„назначалъ“* Черняеву и Каленниченку составить руководство для украинскаго садоводства, *„велѣлъ“* проф. Криницкому отправиться въ Крымъ для изслѣдованій и *„поручилъ“* пр. Шагину начать астрономическія наблюденія. Гр. Панинъ, очевидно, думалъ, что наука можетъ быть привита къ профессорамъ его приказаніями и порученіями, забывъ свое собственное прекрасное выраженіе, что для этого должно горѣть въ сердцахъ «священное пламя любви къ просвѣщенію», т. е. существовать живая внутренняя потребность и интересъ къ наукѣ—а они были атрофированы совокупностью неблагопріятныхъ условій для развитія научной университетской жизни въ теченіе второго и третьяго десятилѣтія, и для возстановленія ихъ нужно было воздѣйствіе благопріятныхъ условій въ теченіе болѣе или менѣе значительнаго промежутка времени. Внѣшнія стѣснительныя мѣры (цензура) отразились также крайне неблагопріятно на журнальной дѣятельности, которая развилась подъ эгидою университета и затѣмъ прекратилась въ 1825 году; но въ виду того, что она имѣла широкое общественно-образовательное

значеніе, мы остановимся на ней въ послѣдней заключительной главѣ, которую посвятимъ просвѣтительному вліянію университета на общество.

4-я глава.

Студенты.

Посмотримъ теперь, каковы были постановленія о студентахъ устава 1804 года, а затѣмъ приведемъ данныя объ ихъ дѣйствительномъ положеніи. Окончившіе гимназію принимались сначала безъ экзамена; остальные подвергались предварительному испытанію въ особомъ комитетѣ. Впрочемъ, нѣсколько позже вступительному экзамену стали подвергать и окончившихъ гимназіи. Принятый въ студенты зачислялся на извѣстное отдѣленіе, но предварительно долженъ былъ прослушать курсъ общеобразовательныхъ предметовъ. Всѣ экзамены производились въ факультетахъ подъ предсѣдательствомъ декана. Студенты дѣлились на казеннокоштныхъ и своекоштныхъ. Первыхъ полагалось по штату 40 чел. и на содержаніе каждаго изъ нихъ назначено было отъ казны по 200 р., предпочтеніе давалось неимущимъ; кромѣ того, на содержаніе 12 кандидатовъ назначено было 3600 р. Курсъ ученія въ отдѣленіяхъ былъ трехлѣтній. Казеннокоштнымъ студентамъ безплатно преподавались также разныя искусства (рисованіе, музыка, танцы, гимнастика). Для надзора за казеннокоштными совѣтъ долженъ былъ избирать особаго инспектора изъ ординарныхъ профессоровъ и для ближайшаго наблюденія двухъ помощниковъ ему изъ кандидатовъ или магистровъ. Студенты руководствовались въ своемъ поведеніи особыми правилами, которыя долженъ былъ выработать совѣтъ.

Практика во многомъ расширила и видоизмѣнила эти правила устава.

Въ самые первые годы университету пришлось считаться съ очень печальнымъ фактомъ—недостаткомъ студентовъ, что объясняется слабымъ стремленіемъ общества къ высшему образованію и недостаточнымъ количествомъ подготовительныхъ школъ—гимназій; объ открытіи ихъ стали заботиться только со времени учрежденія университета. Не удивительно, что при такихъ условіяхъ рѣшили привлечь въ студенты семинаристовъ, которые дѣйствительно явились туда въ качествѣ первыхъ питомцевъ его. По Высочайшему повелѣнію, согласно ходатайству

попечителя, велѣно было выбрать изъ Курской семинаріи и Харьковскаго коллегіума 30 семинаристовъ, которые и приняты были въ казенно-коштные студенты. *Для лучшей и болѣе быстрой подготовки лицъ, желавшихъ поступить въ студенты, были учреждены при университетѣ* особые курсы, на которыхъ преподавали адъюнкты и которые потомъ были преобразованы въ приготовительный классъ при университетѣ. Кромѣ студентовъ, посѣщали лекціи посторонніе слушатели, а нѣкоторые предметы (медицинскіе) слушали и воспитанники Харьковскаго коллегіума. Вообще нужно сказать, что мѣстная епархіальная власть, въ лицѣ епископа Христофора Сулимы, относилась съ полнымъ довѣріемъ и расположеніемъ къ университету.

Въ первый годъ существованія (1805) въ университетѣ было 57 студентовъ (33 казеннокоштныхъ и 24 своекоштныхъ), въ томъ числѣ изъ духовнаго званія 28 и дворянскихъ дѣтей 23; изъ нихъ уроженцевъ г. Харькова и Слободско-Украинской губ. было 30, Курской губ. 15; изъ нихъ 15 воспитывалось въ Харьковскомъ коллегіумѣ, 15 въ Харьковскомъ главномъ народномъ училищѣ и 15 въ Курской семинаріи. Въ концѣ 1807 года было 65 душъ (39 казеннокоштныхъ и 26 своекоштныхъ), 1808 года—61 (33 и 28), 1809 года—72 (45 и 27), 1810—82 (40 и 42), кромѣ того, 10 вольнослушателей; въ 1811 году—86 (31 и 55), въ 1812 г.—118 (50 и 68) въ 1816 г.—122 чел., въ 1819-1820 акад. году—201, въ $18^{20}/_{21}$—195, $18^{21}/_{22}$—213, въ $18^{22}/_{23}$—165, въ $18^{23}/_{24}$—245, въ концѣ 1825 гражданскаго года—346, въ 1826 г.—305, въ 1827—260, въ 1828—237, въ 1829—334, въ 1830—265, въ 1831—247, въ 1832—282, въ 1833—244, къ 1 сентября 1834 г.—261, къ концу 1835 г.—263.

Итакъ, къ концу перваго десятилѣтія число студентовъ возросло вдвое, къ концу второго десятилѣтія—почти впятеро по сравненію съ первымъ годомъ; къ концу третьяго десятилѣтія почти не увеличилось. Максимальная цифра относится къ 1829 году, но она такъ рѣзко выдѣляется изъ остальныхъ, что невольно возбуждаетъ наше сомнѣніе, тѣмъ болѣе что за полную точность всѣхъ приведенныхъ выше цифръ мы не можемъ поручиться. Мы привели выше распредѣленіе студентовъ по сословіямъ въ 1805 году; въ 1809 г. первое мѣсто занимали дѣти дворянъ и чиновниковъ, за ними шли дѣти духовенства и разночинцевъ. Больше всего питомцевъ въ 1809 г. дала уже Харьковская гимназія, далѣе слѣдовали—Харьковскій коллегіумъ, Новочеркасская гимназія, за нею идутъ лица домашней подготовки, Бѣлгородская семинарія, приготовительный классъ при университетѣ и другія гимназіи и семинаріи. Въ самомъ началѣ по числу студентовъ факультеты шли въ такомъ

порядкѣ—физико-математическій, словесный, этико-политическій, медицинскій; затѣмъ порядокъ нѣсколько измѣнился: первое мѣсто занялъ этико-политическій факультетъ, затѣмъ медицинскій, физико-математическій и словесный. Образовательный цензъ лицъ, поступавшихъ въ университетъ былъ крайне разнообразный: тутъ мы видимъ и воспитанниковъ гимназіи и семинарій и съ домашнею подготовкою, питомцевъ заграничныхъ университетовъ и т. п. Такъ было въ первое десятилѣтіе. Въ 1825 году факультеты идутъ въ такомъ нисходящемъ порядкѣ; этико-политическій (129), медицинскій (97), словесный (79) и физико-математическій (53); въ 1830 году мы видимъ этотъ же нисходящій порядокъ факультетовъ — этико-политическій (96), медицинскій (73), словесный (49), физико-математическій (29). По сословіямъ студенты распредѣляются теперь такъ, что на первомъ мѣстѣ стоятъ дѣти дворянъ, затѣмъ чиновниковъ, разночинцевъ и потомъ уже духовенства и иностранцевъ. Въ 1832 году, напримѣръ, изъ 276 студентовъ было 127 дѣтей дворянъ, 68 чиновниковъ, 61 разночинцевъ, 11 иностранцевъ и 9 духовенства. Для лицъ податныхъ сословій доступъ въ университетъ былъ очень затруднителенъ. Одно время ихъ принимали туда только въ качествѣ вольнослушателей. Въ третье десятилѣтіе своего существованія университетъ сталъ требовать провѣрочнаго испытанія и отъ лицъ, окончившихъ гимназіи, чѣмъ, по всей вѣроятности, и объясняется слабое возрастаніе въ немъ числа студентовъ въ это время. Эта мѣра была вызвана слабой подготовкой къ слушанію лекцій молодыхъ людей, вступавшихъ въ университетъ. Впрочемъ, испытанія эти были вообще весьма снисходительны, и только по временамъ здѣсь примѣнялась строгость требованій, сразу и сильно понижавшая процентъ принятыхъ; въ 1834 г., напр., изъ 115 экзаменовавшихся было принято только 55. Слѣдуетъ отмѣтить то важное обстоятельство, что въ университетъ поступали теперь главнымъ образомъ молодые люди, получившіе школьную подготовку; число лицъ съ домашнимъ образованіемъ было ничтожно; духовная школа теперь въ отношеніи доставляемаго ей контингента учащихся для университета совершенно отступаетъ на задній планъ передъ свѣтской. Число гимназій въ Харьковскомъ учебномъ округѣ возросло до такой степени, что можно было уже дѣлать выборъ изъ оканчивавшихъ въ нихъ курсъ; давали извѣстное число питомцевъ и пансіоны, число которыхъ также сильно увеличилось. Обратимся теперь къ занятіямъ студентовъ и ихъ экзаменамъ.

Учебное время было тогда гораздо болѣе нынѣшняго—лекціи продолжались до 1 мая. Но были, кромѣ обычныхъ каникулъ, еще особыя

«грязные каникулы» («feriae luti»), во время весенней и осенней распутицы. Факультетское преподаваніе начиналось со 2 курса: на 1-мъ слушали предметы общеобразовательные. Къ разряду этихъ общеобразовательныхъ предметовъ были отнесены—русская и латинская словесность, одинъ изъ двухъ новыхъ языковъ, теоретическая философія, чистая математика, географія и всеобщая исторія; въ 1811 г. рѣшили было даже посвящать общему курсу 2 года. Такъ было вначалѣ—впослѣдствіи были сдѣланы нѣкоторыя измѣненія. Въ 1807 г., дабы не обременять студентовъ писаніемъ лекцій, совѣтъ постановилъ, чтобы каждый профессоръ читалъ курсъ по своему печатному руководству или по изданію другого автора. Впослѣдствіи попечитель Е. В. Карнѣевъ поднялъ вопросъ объ изданіи конспектовъ профессорскихъ чтеній. Казеннокоштные студенты должны были выслушивать особые курсы примѣнительно къ ихъ будущей учительской дѣятельности. Изъ экзаменаціонныхъ списковъ видно, что экзамены производились довольно серьезно. Письменныя работы, которыя сохранились до настоящаго времени, въ общемъ написаны весьма складно и толково, хотя и отличались обыкновенно риторическимъ характеромъ—но это уже черта времени: не даромъ риторика являлась важнымъ предметомъ преподаванія. Факультеты, какъ и нынѣ, предлагали студентамъ темы для конкурсныхъ, медальныхъ сочиненій; въ 1812 году, напримѣръ, словесный факультетъ предложилъ задачу: «О цѣли и пользѣ знанія древнихъ языковъ и преимущественно латинскаго»; физико-математическій—«Объяснить явленія и законы, которые до сего времени извѣстны относительно испаренія капельныхъ жидкостей, а особенно воды». Въ 1828 г. этико-политическій факультетъ предложилъ тему «О давности». На одной сторонѣ медалей была надпись: «auspiciis Alexandri Primi Universitas Charcoviensis», а на другой: «ingenio et moribus» и лавровый вѣнокъ. Цѣнность золотой медали равнялась 4 имперіаламъ. Нѣсколько питомцевъ Харьковскаго университета оставило намъ воспоминанія о занятіяхъ студентовъ въ ихъ время. Проф. Венедиктовъ даетъ весьма благопріятный отзывъ о занятіяхъ студентовъ, въ особенности казеннокоштныхъ, въ то время, когда самъ онъ былъ въ университетѣ (въ 1814—1816 г.). Студентъ конца 20 и начала 30 годовъ Н. прибавляетъ, что изучали предметы студенты по профессорскимъ лекціямъ и запискамъ, такъ какъ русская наука была очень бѣдна учеными трудами и пособіями, и только усвоившіе себѣ знаніе иностранныхъ языковъ могли читать на нихъ соотвѣтственныя сочиненія. Лекціи начинались въ 8 и продолжались до 12, а потомъ съ 2 до 6 час. послѣ обѣда; иногда онѣ сопровождались репетиціями. Большая часть оканчивавшихъ полу-

чала степень дѣйствительнаго студента, и только очень-очень немногіе (нерѣдко одинъ или два) степень кандидата за отличіе; обыкновенно же эту степень получали не ранѣе, какъ черезъ годъ, по представленіи диссертаціи и по выдержаніи новаго экзамена. Питомецъ Харьковскаго университета Н. И. Костомаровъ (30 годовъ) дѣлитъ студентовъ своего времени по ихъ занятіямъ на слѣдующія категоріи: богатыхъ студентовъ—шалопаевъ, помѣщенныхъ на профессорскихъ квартирахъ, стремившихся какими бы то ни было средствами получить дипломъ для чина; 2) молодыхъ людей, учившихся не изъ любви къ наукѣ, а ради будущей службы въ столицѣ; 3) студентовъ, занимавшихся охотно, съ любовью; изъ нихъ выходили будущіе учителя; 4) людей среднихъ, занимавшихся въ такой мѣрѣ, чтобы только не срѣзаться на экзаменѣ. Самъ Костомаровъ, конечно, принадлежалъ къ третьей категоріи. Онъ съ любовью и увлеченіемъ занимался въ университетѣ древними языками, исторіей и англичнымъ міромъ, новыми языками, наконецъ,—литературой. Попадались и среди богатыхъ молодыхъ людей способные, усердно занимавшіеся студенты, въ родѣ, напримѣръ, Д. Хрущова и многихъ другихъ. Ученая карьера нѣсколько пугала студентовъ того времени. Въ 1828 г. изъ студентовъ Харьковскаго университета не откликнулся первоначально ни одинъ для поступленія въ Дерптскій профессорскій институтъ, такъ что Имп. Николай Павловичъ, узнавъ объ этомъ, написалъ: «довольно стыдно Харьковскому университету, что ни одного не нашлось кандидата на полезную службу». Справедливость однако побуждаетъ насъ прибавить, что охотники были, но они не могли удовлетворить требованіямъ; а кто, удовлетворялъ, не обладалъ должной смѣлостью. Во всякомъ случаѣ на вторичный вызовъ уже откликнулись, и среди нихъ оказался знаменитый впослѣдствіи профессоръ Московскаго университета Ѳ. И. Иноземцевъ.

Переходимъ теперь къ вопросу о числѣ окончившихъ курсъ. Выходила изъ университета до окончанія курса, особенно въ первое десятилѣтіе, огромная, сравнительно съ нынѣшнимъ временемъ, часть студентовъ. Но неблагопріятныя послѣдствія этого факта умѣрялись тѣмъ, что многія изъ этихъ лицъ занимали мѣста учителей въ уѣздныхъ училищахъ,—а на такихъ дѣятелей былъ огромный спросъ. За 5 лѣтъ (съ 1808 по 1812 годъ включительно) въ учителя поступило изъ окончившихъ и не окончившихъ 83 чел., въ гражданскую службу 39 чел. и въ военную 18. Первый выпускъ въ Харьковскомъ университетѣ былъ въ 1808 году: окончило университетъ (три факультета его) 13 лицъ кандидатами и 13 дѣйствительными студентами. Въ 1809 году степень дѣйств. студ. получили 11 человѣкъ (въ томъ числѣ двое по медицинскому

факультету) и кандидатскую 3. Въ 1810 году степень дѣйств. студ. получило 7 душъ, кандидатскую 1. Въ 1811 году кандидатскій дипломъ получило 10 душъ. Въ 1812 году 11. За время съ 1808 по 1812 годъ выпущено было 37 кандидатовъ, изъ коихъ на долю физико-математическаго факультета приходится 18, этико-политическаго 12, словеснаго 8; магистерскую степень за это же время получило 6 чел. Нѣкоторыя лица держали при университетѣ экзаменъ на разныя званія. Въ 1815 году окончило 14 кандидатами, 9 лекарями и 3 дѣйствительными студентами; въ 1816 г.—20 кандидатами, 6 дѣйств. студ. и 2 лекарями; въ 1817 г.—6 кандидатами и 6 лекарями (по медицинскому факультету—о другихъ факультетахъ свѣдѣній нѣтъ); въ 1818 году—7 лекарями (по медицинскому факультету—о другихъ свѣдѣній нѣтъ); въ 1819 г.—20 кандидатами и 10 лекарями (о дѣйств. студентахъ свѣдѣній нѣтъ); въ 1820 г.—11 кандидатами и 12 лекарями (о дѣйств. студентахъ свѣдѣній нѣтъ); въ 1821 г.—7 канд., 18 дѣйств. студентами и 16 лекарями; въ 1822 г.—12 кандидатами, 30 дѣйств. студентами и 21 лекарями; въ 1823 г.—5 кандидатами, 13 дѣйств. студентами и 21 лекарями, въ 1824 г.—8 канд., 29 дѣйств. студ. и 3 лекарями; въ 1825—6 канд., 38 дѣйств. студ. и 8 лекарями; въ 1826 г.—6 канд., 40 дѣйств. студентами и 22 лекарями; въ 1827 г.—10 канд., 44 дѣйств. студент. и 8 лекарями; въ 1828 г.—9 канд., 28 дѣйств. студентами и 33 лекарями; въ 1829 г.—13 канд., 26 дѣйств. студ. и 10 лекарями; въ 1830 г.—10 канд., 31 дѣйств. студ. и 16 лекарями; въ 1831 г.—8 канд., 34 дѣйств. студ. и 25 лекарями; въ 1832 г.—2 канд., 31 дѣйств. студ. и 11 лекарями; въ 1833 г.—2 канд., 46 дѣйств. студ. и 16 лекарями; въ 1834 г.—5 кандидатами, 25 дѣйств. студентами и 20 лекарями. За 19 лѣтъ вышло 164 кандидатами, въ среднемъ только немногимъ болѣе, чѣмъ въ 1-е десятилѣтіе. Нужно однако замѣтить, что цифры эти значительно ниже дѣйствительныхъ. Лекарями было выпущено за 20 лѣтъ 273 чел., т. е. въ среднемъ ихъ выходило въ годъ по 14 душъ—вдвое болѣе, чѣмъ кандидатовъ. Одинъ изъ самыхъ выдающихся питомцевъ Харьковскаго университета Остроградскій—ученикъ Осиповскаго (впослѣдствіи знаменитый академикъ-математикъ) не получилъ кандидатской степени, хотя совѣтъ находилъ его достойнымъ ея, благодаря мистикамъ Дудровичу и З. Я. Карнѣеву, сдѣлавшимъ соотвѣтственное представленіе министерству.

Какія цѣли преслѣдовали молодые люди, поступая въ университетъ? Лица, близко стоявшія къ дѣлу, свидѣтельствуютъ, что здѣсь дѣйствовали главнымъ образомъ практическіе интересы. Да это и понятно. Идея необходимости высшаго образованія не захватила еще,

особенно въ самомъ началѣ, широкихъ круговъ общества. Среди «отцовъ» въ полной силѣ господствовалъ утилитарный взглядъ на образованіе: они цѣнили университетъ за то, что онъ открывалъ дорогу ихъ дѣтямъ къ служебной карьерѣ—военной или гражданской службѣ. Служба давала не только матеріальное обезпеченіе, но и общественное положеніе, соединенное съ должностями, чинами и орденами. Дворянство въ общемъ было настолько обезпечено, что могло прожить безъ жалованья въ своихъ помѣстьяхъ съ крѣпостными крестьянами; но оно считало необходимой службу. Чины и ордена въ то время ставились необычайно высоко и дослуживаться до нихъ, особенно людямъ безъ протекціи, было не легко. А между тѣмъ былъ изданъ указъ, который требовалъ особаго университетскаго экзамена отъ лицъ, желавшихъ получить чинъ статскаго совѣтника и коллежскаго ассессора. Естественно, что въ университетъ и стремились за столь цѣнимыми тогда благами. Военная служба сильно привлекала дворянскихъ дѣтей и въ представленіи общества наиболѣе соотвѣтствовала званію дворянина; но и гражданская служба также привлекала многихъ. «Почти вся молодежь»,—говоритъ современникъ профессоръ Роммель,—«смотрѣла на занятія, какъ на степень къ высшимъ чинамъ по службѣ, потому что всякій студентъ, счастливо выдержавшій экзаменъ на кандидата, пользовался правами на 12 классъ». Но было не мало и такихъ лицъ, которыя шли въ университетъ по призванію, изъ любви къ занятіямъ. Наконецъ, было, какъ всегда, не мало и такихъ, у которыхъ объединялись оба мотива—и практическія соображенія, и стремленіе къ научнымъ занятіямъ.

Симпатичнѣйшею чертою студенчества изучаемаго нами времени является увлеченіе его литературою и его самостоятельныя упражненія въ ней. Они начались уже въ первое десятилѣтіе существованія университета и свидѣтельствуютъ о томъ, что, не смотря на господство утилитарныхъ взглядовъ въ обществѣ, университетъ благотворно вліялъ на молодежь и развивалъ въ ней идеалистическія настроенія—привлекалъ къ высшимъ духовнымъ интересамъ. Первыми харьковскими студентами были по преимуществу питомцы Харьковскаго коллегіума и главнаго народнаго училища—а и тѣ, и другіе заявляли себя стихотворными опытами (образчикъ послѣднихъ В. Н. Каразинъ представилъ даже въ министерство, какъ доказательство способностей здѣшней молодежи). Въ университетѣ ихъ литературные вкусы получили дальнѣйшее развитіе, тѣмъ болѣе что русскую словесность (туда входила риторика и піитика) слушали всѣ студенты. Первый преподаватель этого предмета, «знаменитый риторикъ» Рижскій, весьма благотворно вліялъ въ этомъ

отношеніи на молодежь; по словамъ современника Розальонъ-Сошальскаго, онъ выслушивалъ сочиненія студентовъ, указывалъ ихъ недостатки и давалъ имъ дѣльные совѣты. Его преемникъ И. Е. Срезневскій и самъ далъ многочисленные опыты своихъ литературныхъ занятій. Его преемники—Гонорскій, Склабовскій, Золотаревъ, Якимовъ—всѣ печатали стихи, а Склабовскій былъ даже настоящимъ поэтомъ съ довольно замѣтнымъ художественнымъ дарованіемъ. И они, подобно Рижскому, оказывали вліяніе на развитіе литературныхъ стремленій студентовъ и на самый характеръ ихъ поэтическихъ опытовъ. Но еще сильнѣе, конечно, дѣйствовало на учащуюся молодежь непосредственное вліяніе русской литературы въ лицѣ ея тогдашнихъ представителей. Изъ литературныхъ дѣятелей XVIII вѣка царилъ еще Державинъ; но онъ долженъ былъ уступить свое мѣсто писателямъ XIX вѣка—Карамзину, Жуковскому, Крылову, Гнѣдичу, Батюшкову, наконецъ,—Пушкину. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что русская литература отражалась на произведеніяхъ харьковскихъ студентовъ какъ бы съ нѣкоторымъ запаздываніемъ: сами профессора словесности отличались консерватизмомъ и старались держаться старыхъ образцовъ. Извѣстное значеніе имѣла также отдаленность Харькова отъ тогдашнихъ литературныхъ центровъ—Петербурга, Москвы. Но въ концѣ 20 и началѣ 30 годовъ харьковскіе студенты, кромѣ перечисленныхъ выше писателей, зачитывались уже произведеніями Гоголя, Лермонтова, Марлинскаго, Загоскина, Лажечникова, Полевого, изъ журналовъ болѣе всего интересовались «Московскимъ Телеграфомъ», «Московскимъ Телескопомъ» и «Вѣстникомъ Европы». Знавшіе иностранные языки знакомились въ подлинникѣ съ западноевропейскою словесностью (Викторомъ Гюго и др.). Наконецъ, нѣкоторое вліяніе, особенно въ концѣ изучаемаго періода, должна была оказать народившаяся недавно передъ тѣмъ малорусская литература, въ лицѣ Котляревскаго и харьковскихъ выдающихъ ея представителей—Гулака-Артемовскаго и Квитки Основяненка. Къ литературно-художественной стихіи присоединялась научная, которая не отличалась, впрочемъ, спеціальнымъ характеромъ, а носила характеръ научно-литературный.

Литературно-научные опыты харьковскихъ студентовъ принадлежали частью отдѣльнымъ лицамъ, а отчасти явились результатомъ совмѣстной дѣятельности научно-литературныхъ кружковъ.

Первыя научно-литературныя работы харьковскихъ студентовъ напечатаны были въ оффиціальномъ органѣ министерства народнаго просвѣщенія—«Періодическомъ сочиненіи о успѣхахъ народнаго просвѣщенія» за 1809 и 1810 годы: Розальонъ-Сошальскаго «Эстетическія замѣчанія на 17-й псаломъ», Архангельскаго «Гостомыслъ,

преклоняющій новгородцевъ на избраніе Рюрика, и три басни Ак. Нахимова, который вскорѣ пріобрѣлъ значеніе крупнаго выдающагося баснописца и сатирика. Студентъ Парпура издалъ въ Харьковѣ въ 1811 году «Слово похвальное Александру Невскому», а кандидатъ Одинецъ-Заставскій перевелъ съ франц. языка твореніе Демутьера «Утѣшенія». Левшинъ напечаталъ въ Харьковѣ отдѣльнымъ изданіемъ «Письма о Малороссіи», представлявшія для своего времени значительный литературный интересъ. И этотъ первый опытъ внушилъ ему впослѣдствіи любовь къ занятію наукой. Въ 1819 году вышли въ свѣтъ «Опыты въ стихахъ Ал. Склабовскаго». Этотъ сборникъ состоялъ изъ трехъ отдѣловъ: 1) лирическихъ стихотвореній, 2) посланій и 3) смѣси. Произведенія эти частью переводныя, а частью самостоятельныя и всѣ почти проникнуты религіознымъ характеромъ (авторъ былъ однимъ изъ видныхъ адептовъ новаго мистическаго направленія). Въ нихъ замѣтенъ несомнѣнный поэтическій даръ.

Первый сборникъ студенческихъ сочиненій вышелъ въ 1811 году подъ заглавіемъ: «Сочиненія воспитанниковъ Войска Донского въ Имп. Харьк. у-тѣ». Издатели—студенты Гречановскій и Кондратьевъ—посвятили его донскому атаману Платову. Здѣсь есть и научно-литературныя прозаическія статьи, посвященныя Донской области, и стихотворенія. Въ 1817 году вышли «Сочиненія студентовъ и вольнослушателей Имп. Харьковскаго у-та, читанныя съ одобренія словеснаго отдѣленія 30 іюня 1817 г., какъ продолженіе экзамена въ семъ отдѣленіи»; въ 1818 г.—«Сочиненія и переводы студентовъ Имп. Харьк. у-та, читанные 1818 г. іюня 30 числа, по окончаніи экзаменовъ ихъ»; въ 1819 г.—«Труды студентовъ, любителей отечественной словесности въ Имп. Харьк. у-тѣ»; въ 1820 г.—«Сочиненія и переводы студентовъ Имп. Харьк. у-та, читанные 1819 г. іюня 30 числа, по окончаніи экзаменовъ ихъ», и «Сочиненія и переводы студентовъ, читанные 1820 г. іюня 30 числа, по окончаніи экзаменовъ ихъ»; въ 1821 г.—«Сочиненія и переводы студентовъ Имп. Харьковскаго университета, читанные 1821 г. іюня 30 числа, по окончаніи экзаменовъ ихъ»; въ 1822 г.—«Сочиненія и переводы студентовъ, читанные 1822 года іюня 30 числа, по окончаніи экзаменовъ ихъ».

Обращая вниманіе на основной господствующій тонъ и характеръ помѣщенныхъ въ нихъ статей, мы замѣчаемъ, сильнѣйшее отраженіе духа времени. То реакціонно-мистическое направленіе, представителями котораго были кн. А. Н. Голицынъ, поп. З. Я. Карнѣевъ, профессора Джунковскій и Дудровичъ, нашло себѣ въ нихъ яркое выраженіе. Указаніемъ на піэтизмъ можетъ служить выборъ темъ и даже

подчасъ заглавіе; вотъ нѣкоторыя изъ нихъ наиболѣе характерныя: «Разсужденіе объ испорченности природы человѣческой и о помощи, какую доставляетъ намъ истинная философія къ поправленію оной» (впослѣдствіи профессора Склабовскаго), «О развитіи нравственнаго чувства» (Левицкаго), подражаніе 18-му псалму (Шкляревича), «О познаніи Бога изъ природы» (Левицкаго), «Нравственность безъ истинной вѣры не существуетъ» (Трощинскаго), «Чистота сердца награждается приближеніемъ къ Богу и зрѣніемъ Его» (Соколовскаго), «Гимнъ Богу» (Карасева), «Рѣчь объ отношеніи религіи къ государствамъ» (Протопопова, впослѣдствіи профессора) и мн. др. Но, кромѣ этихъ тенденціозныхъ, есть въ указанныхъ сборникахъ не мало и другихъ, такъ сказать, нейтральныхъ. Конечно, съ нашей точки зрѣнія, литературные опыты, помѣщенные въ сборникахъ, неудовлетворительны; но ихъ нельзя оцѣнивать мѣркою нашего времени. Кромѣ того, эти опыты свидѣтельствуютъ о глубокомъ интересѣ учащагося юношества къ тогдашней литературѣ, объ увлеченіи ею, которое и привело къ переводамъ и подражанію и первымъ самостоятельнымъ попыткамъ. А это были интересы высшаго, идеальнаго порядка, увлекавшіе отъ будничной жизни въ міръ идеаловъ и дававшіе субъективныя радости, соединенныя съ художественнымъ творчествомъ. Кромѣ того, при такомъ общемъ подъемѣ духа, не могло уже заглохнуть никакое, даже самое маленькое, поэтическое дарованіе. Для насъ же теперь эти произведенія представляютъ историческій интересъ, какъ первыя «пробы пера» нашей учащейся молодежи, которыя интересно сопоставить съ послѣдующими и современными намъ сочиненіями студентовъ. Послѣ 1822 года замираетъ, по крайней мѣрѣ не находитъ себѣ выраженія въ сборникахъ: въ это время появился «Украинскій журналъ», дававшій мѣсто и студенческимъ работамъ, а съ 1825 г. наступила, какъ мы знаемъ, рѣзкая реакція противъ мистицизма со стороны Шишкова. Исчезло покровительство кн. А. К. Голицына—изсякла и литературная продуктивность въ духѣ мистицизма и піэтизма. Въ десятилѣтіе, съ 1825 по 1835-й годъ, начинаетъ формироваться и развиваться въ мѣстной студенческой средѣ новое литературное теченіе: съ одной стороны—пробивается сатирическій элементъ, блестящимъ представителемъ котораго въ первое десятилѣтіе былъ Нахимовъ, а съ другой развивается мѣстная малорусская стихія, выдвинувшая вскорѣ на поле этнографіи такихъ выдающихся питомцевъ Харьковскаго университета, какъ Изм. Ив. Срезневскій, Н. И. Костомаровъ, А. Л. Метлинскій. Сатира была грубовата и, будучи направлена противъ извѣстныхъ въ то время лицъ, трактовалась современниками, какъ пасквиль. Образчикомъ подобной

сатиры можетъ служить найденное нами въ бумагахъ бывшаго инспектора студентовъ проф. Венедиктова стихотвореніе подъ заглавіемъ «Харьковскій бульваръ». Замѣтимъ кстати, что увлеченіе сюжетами фривольнаго нецензурнаго характера совпадаетъ съ моментомъ наиболѣе суровой дисциплины, введенной у студентовъ Харьковскаго университета. И. И. Срезневскій и его 4 товарища по пансіону, поступивъ на этико-политическій факультетъ, сплотились въ тѣсный кружокъ и стали поддерживать другъ друга и въ любви къ литературѣ, и въ стремленіи изучать Украину; но были тогда и правильно организованные студенческіе кружки. Въ 1819 году Харьковскіе студенты составили «Общество любителей отечественной словесности», которое имѣло еженедѣльныя засѣданія въ домѣ казеннокоштныхъ студентовъ и состояло подъ предсѣдательствомъ одного изъ своихъ сочленовъ Склабовскаго и подъ руководствомъ инспектора проф. Успенскаго и проф. Дудровича. Оно издало томъ своихъ трудовъ, но въ томъ же 1819 г., повидимому, и прекратило свое существованіе. Однако въ концѣ 1825 г. студенты черезъ того же Склабовскаго, бывшаго тогда уже адъюнктомъ, подали ректору прошеніе, въ которомъ ходатайствовали объ утвержденіи студенческаго «Общества любителей наукъ, философскій факультетъ составляющихъ». Въ 1814-1815 гг. образовался, съ вѣдома ректора Осиповскаго, студенческій кружокъ любителей сценическаго искусства, который давалъ представленія на домашнемъ театрѣ во время масляницы и святой недѣли. Поставлены были драмы, трагедіи и комедіи (Коцебу, Дмитріевскаго, Мольера, Капниста). Наконецъ, среди студентовъ Харьковскаго университета существовало нѣсколько лѣтъ религіозно-нравственное общество—студенческое библейское сотоварищество, основанное въ 1821 году по внушенію попечителя З. Я. Карнѣева, подъ ближайшимъ руководствомъ проректора Джунковскаго и инспектора казеннокоштныхъ студентовъ проф. Дудровича. Въ своемъ прошеніи студенты прямо заявляли, что они были воодушевлены высокимъ примѣромъ попечителя (по иниціативѣ котораго, какъ, извѣстно, возникло Слободско-украинское отдѣленіе библейскаго общества) и что ихъ собралъ и внушилъ мысль объ этомъ проф. Джунковскій. Въ директоры общества были избраны кандидаты Склабовскій и Байковъ (будущій профессоръ и инспекторъ студентовъ), въ секретари студ. Золотаревъ, въ кассиры—студ. Сорочинскій. Попечитель, конечно, одобрилъ такое «спасительное» намѣреніе студентовъ и въ представленіи министру воздалъ за это похвалу Джунковскому. Въ 1822 г. сотоварищество имѣло уже 102, а въ 1823—159 членовъ. Главною цѣлью сотоварищества было распространеніе книгъ священнаго писанія

и развитіе религіозно-нравственнаго настроенія посредствомъ соотвѣтственныхъ чтеній. Такъ, на генеральномъ собраніи въ 1823 году, въ присутствіи попечителя Е. В. Карнѣева, бывшаго попечителя З. Я. Карнѣева, ректора коллегіума архим. Тимоѳея, были произнесены рѣчи: студ. Сапфировымъ—о важности библейскихъ собраній, студ. Протопоповымъ—о важности евангельскаго ученія; послѣ отчета прочитано было евангеліе, читавшееся въ тотъ день въ церкви. Но и это общество оказалось недолговѣчнымъ: нужно думать, что оно прекратилось немедленно, съ прекращеніемъ того особаго покровительства, которое оказывалъ ему попечитель и университетское начальство. Основныя цѣли этого сотоварищества, какъ и библейскихъ обществъ вообще, были почтенны. Но къ ихъ чистымъ цѣлямъ, къ сожалѣнію, присоединились еще постороннія—реакціонно-мистическія. Успѣхъ библейскихъ обществъ могъ лежать исключительно въ свободномъ и сознательномъ отношеніи къ ихъ призыву, а кн. Голицынъ и подчиненные ему дѣятели учебнаго вѣдомства пытались распространить ихъ внѣшними мѣрами въ школѣ, и при томъ не только высшей, но и средней, которая такимъ образомъ дѣлалась орудіемъ для вторженія въ нее политики: библейское сотоварищество было организовано даже среди гимназистовъ. Данное движеніе, по существу свободно общественное, шло сверху, изъ правительственныхъ сферъ, и принималось часто не по внутреннему убѣжденію, а формально, какъ нѣчто внѣшнее и даже навязываемое; твердой же почвы у него не было. Въ этомъ отношеніи очень характерно свидѣтельство лица, ему сочувствовавшаго,—президента Харьковскаго отдѣленія епископа Павла, который писалъ митрополиту Серафиму, что «всѣ сословія свѣтскаго состоянія терпѣть не могутъ библейскихъ обществъ и что сборъ денегъ и продажа книгъ производится во всей епархіи, по его распоряженію, посредствомъ одного духовенства и то по принужденію». И юные члены студенческаго библейскаго сотоварищества повторяли въ своихъ рѣчахъ, съ чужого голоса, мысли о духовномъ возрожденіи, а дѣйствительнаго внутренняго, нравственнаго обновленія не достигали. Такимъ образомъ, это было зданіе, воздвигнутое на пескѣ.

Студенты въ то время дѣлились на казеннокоштныхъ и своекоштныхъ. Первымъ давалъ полное содержаніе университетъ. На каждаго студента—а ихъ полагалось по штату 40—отпускалось отъ казны по 200 р. Но, очевидно, что задачу содержанія ихъ можно было только разрѣшить, устроивъ для нихъ общее хозяйство. Университетъ такъ и поступилъ, приглашая особыхъ лицъ, бравшихъ на себя за условленную сумму полное содержаніе казеннокоштныхъ студентовъ. Но

студенты были ими недовольны и уже въ 1806 году взяли въ свои руки свое хозяйство, избирая при этомъ сами отвѣтственнаго распорядителя; такъ было до 1826 года. Но скоро, вслѣдствіе всеобщаго вздорожанія товаровъ, студенты не могли уже обходиться назначавшейся имъ суммой, вынуждены были обращаться съ просьбою о прибавкѣ ея въ правленіе, которое и входило въ ихъ положеніе—удовлетворяло ихъ ходатайство. Въ 20-хъ годахъ казеннокоштные студенты получали уже по 300 руб. въ годъ на свое содержаніе. Въ 1826 году ректоръ Кронебергъ предложилъ уничтожить самостоятельное студенческое хозяйство и поручить его особому эконому, что и было выполнено при Байковѣ, въ 1828 г., принявшемъ первоначально временно на себя завѣдываніе этимъ хозяйствомъ. Реакція выразилась и здѣсь въ уничтоженіи студенческой хозяйственной организаціи; но выиграло ли отъ этого дѣло,—не знаемъ. О своекоштныхъ студентахъ замѣтимъ только, что и они платы за право слушанія лекцій не вносили и матеріальное положеніе ихъ въ общемъ было выше, чѣмъ у нынѣшнихъ студентовъ.

Въ заключеніе намъ нужно еще остановиться на правилахъ, регулировавшихъ студенческую общественную жизнь. Основы студенческаго быта были регулированы въ общихъ чертахъ уставомъ 1804 года. Должность инспектора занимали профессора. Совѣту предоставлялось право вырабатывать болѣе подробныя правила для студентовъ. Такія правила дѣйствительно и вырабатывались нѣсколько разъ совѣтомъ Харьковскаго университета, и на нихъ въ сильнѣйшей степени отражался духъ времени. Въ первое десятилѣтіе и самыя правила, а главное—примѣненіе ихъ, отличались сравнительною мягкостью. Правда, правила 1807 года (редактированныя проф. Беленъ-де-Баллю) напоминаютъ намъ нѣсколько нынѣшнія гимназическія, но они касались только казеннокоштныхъ студентовъ и, повидимому, смягчались въ дѣйствительномъ примѣненіи. Долгіе годы во главѣ университета стоялъ Рижскій, который любилъ молодежь, былъ деликатенъ съ нею и пользовался взаимно ея уваженіемъ. Инспекторами студентовъ были по большей части также лучшіе представители профессорской коллегіи—Беленъ-де-Баллю, Якобъ, Рейнишъ, Успенскій, Каменскій. Не удивительно, что у студентовъ сохранились хорошія воспоминанія объ этомъ времени. Студентъ той эпохи Розальонъ-Сошальскій вспоминаетъ, что тогдашніе казеннокоштные студенты, «не только не были подчинены военной дисциплинѣ (о которой свидѣтельствовалъ проф. Роммель), но не терпѣли никакихъ стѣсненій, и я, прибавляетъ онъ, имѣвъ между ними не мало близкихъ товарищей, никогда не слышалъ ни малѣйшей

жалобы въ этомъ отношеніи, а нерѣдко по вечерамъ мы гуляли вмѣстѣ по городу, гдѣ только хотѣли. Имѣю право прибавить, что вообще студенты того времени вели себя съ достоинствомъ, почему и не требовался для нихъ надзоръ, какъ за дѣтьми». Венедиктовъ подтверждаетъ это свидѣтельство и прибавляетъ, что помощниками инспекторовъ назначались кандидаты, преимущественно изъ тѣхъ, которыхъ желали оставить при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію (Филомафитскій, Сухомлиновъ). У своекоштныхъ студентовъ инспектора не было. Строже всѣхъ инспекторовъ былъ Успенскій, но и его управленіе вообще было отеческое.

Въ 1820 г. былъ выработанъ проектъ правилъ для студентовъ вообще и казеннокоштныхъ въ частности, который подвергся измѣненію, по указанію министерства, и въ 1821 г. введенъ въ дѣйствіе. Въ нихъ уже замѣтно отразился духъ времени—извѣстный намъ мистицизмъ З. Я. Карнѣева. «Поелику ни истинное просвѣщеніе ума, ни образованіе сердца безъ религіи не имѣютъ и не могутъ имѣть никакого прочнаго основанія, ибо начало премудрости есть страхъ Божій, то воспитанники относительно поведенія и ученыхъ занятій своихъ непремѣнно должны за единственное основаніе принимать *благочестіе* и ревностно упражняться во всѣхъ родахъ христіанскихъ добродѣтелей». Въ соотвѣтствіи съ этою основною задачей—насажденія благочестія—регулированъ былъ весь образъ жизни казеннокоштныхъ студентовъ, совершенно подходившій къ гимназическому. Мы знаемъ, что Карнѣевымъ не удалось чисто внѣшними мѣрами насадить религіозность, нравственность и благочестіе среди профессоровъ. Не было перевоспитано такимъ путемъ и учащееся юношество. Увеличивался только все болѣе и болѣе мелочный надзоръ съ его строгостями, вызывавшими раздраженіе. Въ 1820 г. для усиленія надзора, по мысли З. Я. Карнѣева, была учреждена особая должность инспектора своекоштныхъ студентовъ, на которую назначенъ (а не выбранъ) былъ проф. Пауловичъ. Попеч. Перовскій въ 1825 г. ввелъ штатъ педелей. Въ 1826 г. онъ же завелъ такъ называемую черную книгу; послѣ двукратнаго занесенія студента въ эту книгу, онъ исключался изъ университета. Казалось, что строгія правила гарантировали и хорошіе результаты,—и однако въ томъ же 1826 г. новый ректоръ Кронебергъ представилъ положеніе института казеннокоштныхъ студентовъ въ самомъ печальномъ видѣ и предложилъ цѣлый рядъ необходимыхъ реформъ. Новый инспекторъ Байковъ довелъ систему мелочнаго надзора до самой крайности (дальше идти было некуда), объединивъ въ своемъ лицѣ инспекцію и надъ казеннокоштными, и надъ своекошт-

ными студентами. Надзоръ здѣсь былъ доведенъ до геркулесовыхъ столбовъ: квартирные хозяева должны были наблюдать за своими постояльцами своекоштными студентами и доносить о нихъ инспекціи; и все это, по свидѣтельству современника, приправлено было ненужною грубостью и ругательствами. Новый инспекторъ проф. Венедиктовъ дошелъ до того, что тайно, вопреки всякому закону, высѣкъ двухъ студентовъ, чѣмъ вызвано было студенческое движеніе. Отношенія его къ студентамъ были прямо враждебныя: въ студентахъ онъ видѣлъ враговъ и заговорщиковъ. Учебное начальство въ это время, при попечителѣ Филатьевѣ, примѣняло къ студентамъ самыя строгія мѣры.

Такъ прежній патріархальный строй смѣнился суровой, формальной регламентаціей. Въ соотвѣтствіи съ этимъ находился и образъ дѣйствій инспекторовъ. Весь этотъ печальный режимъ смягчился только при попечителю гр. Ю. А. Головкинѣ. Но характерно, что при болѣе суровомъ режимѣ было больше и студенческихъ проступковъ, и они пріобрѣли болѣе тяжкій характеръ. До 1825 года проступки отдѣльныхъ лицъ были не особенно тяжки и многочисленны; выдѣляется только случай похищенія однимъ студентомъ книгъ изъ университетской библіотеки. Въ попечительство Перовскаго и Филатьева случаи тяжкихъ проступковъ учащаются (пьянство, буйство) и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается число студентовъ, исключаемыхъ изъ университета, отдаваемыхъ въ писцы или солдаты.

Коллективныхъ нарушеній правилъ, или такъ называемыхъ «студенческихъ исторій», было немного, и ни одна изъ нихъ не имѣла политической подкладки. Въ 1816 году былъ расклеенъ пасквиль на директора харьковскаго общественнаго театра вице-губернатора Гежелинскаго, вызвавшій сильное нравственное осужденіе со стороны попечителя гр. С. О. Потоцкаго (виновные не были открыты). Попечитель осуждалъ пасквиль, какъ подлое средство, и взывалъ къ чести студентовъ. Въ 1818 г. появился грубый пасквиль на инспектора студентовъ проф. Успенскаго, быть можетъ, впрочемъ вышедшій не изъ студенческой среды. Въ 1817 г. произошла театральная студенческая исторія, направленная, главнымъ образомъ, противъ полицеймейстера Лаврова и окончившаяся удаленіемъ одного студента и арестомъ еще нѣсколькихъ другихъ. Въ 1823 году вспыхнула гораздо болѣе крупная театральная студенческая исторія, выразившаяся въ столкновеніи на улицѣ студентовъ съ полиціей и жандармами. Она взволновала университетъ, администрацію и общество и служила, подобно первымъ, предметомъ разбирательства въ комитетѣ министровъ, съ утвержденіемъ его резолюціи государемъ. Окончилась она содержаніемъ виновныхъ студентовъ подъ

арестомъ, удаленіемъ отъ должности экзекутора и запрещеніемъ харьковскимъ студентамъ вообще посѣщать театръ. Впрочемъ, впослѣдствіи все это было смягчено.

5-я глава.

Просвѣтительное вліяніе университета на общественную среду.

Помимо непосредственнаго воздѣйствія на ввѣренную его попеченію молодежь, университетъ имѣлъ образовательное, просвѣтительное вліяніе и на болѣе широкіе круги общества—на учащихъ и учащихся въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ огромнаго харьковскаго учебнаго округа [1]) и отчасти на мѣстное общество вообще. Главною, типическою, никогда потомъ не повторявшеюся особенностью устава 1804 года было то, что онъ предоставилъ университету полное и непосредственное завѣдываніе всѣми училищами въ округѣ — какъ средними, такъ и низшими, какъ правительственными, такъ и частными (пансіонами). Уже въ началѣ царствованія императора Николая Павловича, стремившагося къ усиленію правительственной централизаціи, въ 1826 году возникла мысль о передачѣ среднихъ и низшихъ школъ въ вѣдѣніе попечителей округовъ. Въ 1832 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ уничтоженіи училищныхъ комитетовъ университетовъ. Въ 1835 г. издано было положеніе объ учебныхъ округахъ, гдѣ было сказано, что «профессора не имѣютъ ни времени, ни надлежащихъ способностей къ практическому управленію и успѣшному обозрѣнію гимназій и училищъ, университетамъ трудно завѣдывать учебными заведеніями, разсѣянными на разстояніи 3 или 4 тыс. верстъ». Въ тотъ же годъ былъ изданъ новый университетскій уставъ, уничтожившій власть университетовъ надъ училищами. Но настоящая причина реформы коренилась не столько въ сущности дѣла, сколько въ соображеніяхъ политическаго характера. Министерство Уварова стремилось вообще къ ослабленію университетской автономіи, усиленію правительственной власти

[1]) Въ составъ его входили первоначально—Слободско-Украинская (или Харьк.), Ворон., Орлов., Курская, Черн., Полтав., Никол., Таврич., Екатерин. губ., земля Донскихъ и Черноморскихъ казаковъ; впослѣдствіи онъ еще болѣе расширился.

въ университетахъ; понятно, слѣдовательно, почему прежде всего уничтожена была власть университета надъ училищами—въ ней наиболѣе ярко выразилась эта автономія. Существеннымъ можно признать только указаніе на умноженіе числа училищъ. Что же касается огромныхъ территорій округовъ, то онѣ и послѣ реформы остались весьма значительными и попечителю съ его помощникомъ было еще труднѣе ихъ обозрѣвать, чѣмъ училищному комитету, который располагалъ значительнымъ числомъ визитаторовъ. Что же касается «неспособности», будто бы проявленной профессорами въ этомъ дѣлѣ, то указаніе на нее является голословнымъ и опровергается тѣми богатыми документальными данными, которыя рисуютъ дѣятельность училищныхъ комитетовъ и хранятся въ нашихъ университетскихъ архивахъ. Впрочемъ, можно думать, что Уваровъ въ своемъ отзывѣ имѣлъ въ виду только свое время, когда дѣятельность училищныхъ комитетовъ, подъ вліяніемъ общихъ неблагопріятныхъ условій университетской жизни, отмѣченныхъ нами выше, ослабѣла, и, такъ сказать, замерла. Что же касается предшествующаго времени, то во все царствованіе императора Александра I, никто не подымалъ вопроса о неудовлетворительномъ рѣшеніи этой трудной задачи университетами и въ то время подобная форма управленія являлась наиболѣе раціональной. По крайней мѣрѣ Харьковскій университетъ съ честью разрѣшилъ эту задачу, и его просвѣтительная дѣятельность на пользу училищъ «полуденнаго края» Россіи должна быть помянута съ величайшею признательностью въ настоящее время. Университетъ имѣлъ надзоръ за ученіемъ и воспитаніемъ, административною и хозяйственною частью во всѣхъ училищахъ округа, заботился объ открытіи новыхъ гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, опредѣлялъ и увольнялъ во всѣхъ училищахъ административный и педагогическій персоналъ, подвергалъ суду виновныхъ. Спеціальнымъ органомъ для управленія училищъ являлся училищный комитетъ, получавшій донесенія отъ директоровъ гимназій, составлявшій вѣдомости о состояніи училищъ, объ ихъ недостаткахъ и мѣрахъ къ ихъ направленію, достоинствахъ и недостаткахъ учителей, объ успѣхахъ учащихся. Для разрѣшенія болѣе важныхъ хозяйственныхъ вопросовъ комитетъ обращался въ правленіе университета, а по учебной части—въ совѣтъ. Совѣтъ посылалъ профессоровъ, въ качествѣ визитаторовъ, для личнаго осмотра училищъ извѣстнаго района и давалъ имъ при этомъ особую инструкцію. Отчеты визитаторовъ докладывались въ комитетѣ, который систематическое извлеченіе изъ нихъ со своими замѣчаніями переносилъ въ совѣтъ, а этотъ послѣдній отсылалъ къ попечителю и министру. Работы, при томъ не только текущей и творческой,—было очень много. И она

началась еще до фактическаго открытія университета, при первомъ замѣчательномъ дѣятелѣ университета въ этой области—проф. И. Ѳ. Тимковскомъ, который до самаго выхода своего въ отставку въ 1811 г. продолжалъ посвящать свое время, главнымъ образомъ, школьному дѣлу. Университетъ оффиціально засвидѣтельствовалъ это слѣдующимъ журнальнымъ постановленіемъ: «университетъ всегда съ величайшею признательностью будетъ вспоминать, что устройство весьма многихъ училищъ въ округѣ его, теперь цвѣтущихъ, обязано благоразумію, усердію и неутомимому труду проф. Тимковскаго». Съ открытіемъ университета началась плодотворная дѣятельность его училищнаго комитета, отличавшаяся въ высшей степени разнообразнымъ характеромъ и стоявшая въ полномъ соотвѣтствіи съ требованіемъ устава и жизни. Прежде всего комитетъ привелъ въ извѣстность школьное наслѣдіе, доставшееся ему отъ прежней эпохи, а затѣмъ сталъ заботиться о преобразованіи екатерининскихъ училищъ и объ открытіи новыхъ по уставу 1804 г. Главныя народныя училища екатерининскихъ временъ теперь были преобравованы въ гимназіи и это преобразованіе сопряжено было съ большими трудностями: нужно было позаботиться и о соотвѣтственныхъ помѣщеніяхъ, и о подборѣ подходящихъ учителей, и о средствахъ, и объ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ, и о достаточномъ контингентѣ учащихся,—и однако уже въ первый годъ дѣятельности комитета такое преобразованіе совершилось въ Харьковѣ, Черниговѣ, Екатеринославѣ и Черкасскѣ на-Дону. Малыя народныя училища преобразовывались въ уѣздныя. Штатныхъ суммъ было недостаточно, и университетъ обратился къ содѣйствію общества, которое откликнулось на его призывъ. На мѣстахъ побуждали къ пожертвованіямъ визитаторы. Начали строить или отводить помѣщенія для училищъ учрежденія (городскія и крестьянскія общества) и отдѣльныя лица (помѣщики, купцы и т. п.). Были и крупныя пожертвованія: Судіенко на училища въ Малороссіи далъ 40 тыс., братья Безбородко—210 тыс., землю съ садомъ въ Нѣжинѣ и по 15 тыс. ежегодно на содержаніе гимназіи высшихъ наукъ; приняли на себя содержаніе училищъ—Полтавская губ., области Войска Донского и Черноморскаго; Таганрогская коммерческая гимназія должна была содержаться, главнымъ образомъ, на счетъ города; Одесская также получала крупныя пожертвованія. В. Н. Каразинъ открылъ приходское училище въ своемъ селѣ, кругомъ обезпечивъ его содержаніе ежегодною суммой. Алымовъ пожертвовалъ Харьковской гимназіи 22 тыс. руб. на содержаніе бѣдныхъ учениковъ. Еще ближе къ сердцу комитетъ принималъ учебную сторону дѣла, здѣсь онъ былъ еще компетентнѣе, чѣмъ въ хозяйственной.

Добывать удовлетворительныхъ учителей было трудно, въ особенности для приходскихъ училищъ, и комитетъ проявлялъ не канцелярское, а живое отношеніе къ этому дѣлу. Визитаторы Тимковскій и Осиповскій возбудили важный вопросъ о неудовлетворительности господствовавшихъ тогда механическихъ методовъ обученія. Выдвинутъ былъ вопросъ объ устройствѣ приходскихъ училищъ при уѣздныхъ, въ качествѣ ихъ низшихъ отдѣленій. Заботился всегда комитетъ о снабженіи училищъ книгами и учебными пособіями—съ этою цѣлью, между прочимъ, университетъ завелъ собственный книжный магазинъ. Нельзя не отмѣтить заботъ комитета о недостаточныхъ ученикахъ, которымъ онъ постановилъ даромъ раздавать учебники. Весьма полезенъ былъ его надзоръ надъ пансіонами, содержимыми иностранцами, часто не имѣвшими необходимаго образовательнаго ценза—теперь общій уровень образованія въ пансіонахъ, благодаря надзору и контролю комитета, повысился. На учительской педагогической средѣ благотворно отразилось и то научно-литературное движеніе, которое существовало въ университетѣ: говорились рѣчи, издавались учебники, пособія, переводы, даже научныя сочиненія и, наконецъ, представлялись въ училищный комитетъ многочисленные рукописные труды историческаго, географическаго, статистическаго характера, метеорологическія наблюденія и т. п. Въ числѣ этихъ трудовъ была капитальная «Исторія о Донскомъ Войскѣ», составленная директоромъ училищъ земли Войска Донского Поповымъ; многія темы рѣчей навѣяны были сюжетами рѣчей университетскихъ преподавателей. Учителямъ стали подражать ученики, которые также начали выступать съ публичными рѣчами. Извѣстный намъ университетскій адъюнктъ Склабовскій былъ преподавателемъ словесности въ пансіонѣ Коваленкова, и результатомъ его дѣятельности тамъ явился печатный сборникъ ученическихъ стихотвореній. Гулакъ-Артемовскій преподавалъ въ пансіонѣ Делявинь—и подъ его непосредственнымъ руководствомъ воспитанницы перевели цѣлый рядъ литературныхъ отрывковъ, которые потомъ также хотѣли издать особымъ сборникомъ.

Огромное значеніе имѣли визитаціи профессоровъ: ихъ обширные отчеты представляютъ, по-истинѣ, драгоцѣнный матеріалъ для характеристики тогдашняго положенія училищъ, ихъ свѣтлыхъ и темныхъ сторонъ, ихъ потребностей и недостатковъ. Въ теченіе перваго десятилѣтія было 32 визитаціи, т. е. въ среднемъ по 3 въ годъ, при чемъ на долю Тимковскаго и Дегурова приходится по 6 визитацій, Стойковича 4, Осиповскаго, Васильева, Успенскаго по 2, Рижскаго, Умляуфа, Якоба, Шумлянскаго, Роммеля, Каменскаго, Книгина, Срезневскаго, Нельдехена, Ланга и Гизе по одной. Больше всего посчастливилось по части

визитацій Одессѣ съ Херсонской губ., Воронежской и Курской губ., землѣ Войска Донского и г. Харькову. Несомнѣнно, что школьное дѣло выиграло бы, если бы было еще больше визитацій. Но районъ учебнаго округа былъ слишкомъ великъ, и путешествія по отдаленнымъ и захолустнымъ мѣстностямъ были сопряжены тогда съ большими лишеніями. Конечно, профессора русскаго происхожденія могли съ лучшими результатами исполнять обязанности визитаторовъ, чѣмъ иностранцы, вынужденные брать русскихъ секретарей и переводчиковъ. Въ послѣдующее двадцатилѣтіе визитаціи были уже менѣе часты. Намъ извѣстны слѣдующія: въ 1815 г.—Каменскаго и Рейта, въ 1818 г.—Васильева, въ 1819 г.—Успенскаго и Джунковскаго (1-й ѣздилъ въ Кіевъ, 2-й въ Одессу), въ 1826 г.—Павловскаго, въ 1828—Филомафитскаго и Комлишинскаго. Особенною обстоятельностью отличались отчеты Васильева, Павловскаго и Филомафитскаго. Кромѣ исполненія своихъ прямыхъ обязанностей, визитаторы собирали еще свѣдѣнія о мѣстныхъ древностяхъ. Дегуровъ привезъ найденныя имъ рукописи и составилъ отчасти на основаніи своихъ наблюденій сочиненіе о Ногайскихъ татарахъ, Рижскій представилъ описаніе городища древней Ольвіи и собралъ много древнихъ памятниковъ. Визитаторы давали описаніе не только школъ, но и городовъ,—ихъ замѣчанія представляютъ поэтому и цѣнный историко-географическій матеріалъ въ настоящее время.

О плодотворной дѣятельности училищнаго комитета по части открытія новыхъ школъ ярко свидѣтельствуютъ статистическія данныя. До открытія дѣятельности училищнаго комитета въ Харьк. уч. окр. было всего 46 училищъ (7 главныхъ народныхъ, 36 малыхъ народныхъ и 3 приходскихъ). За 20 лѣтъ (съ 1785 по 1805 годъ) открывалось, слѣдовательно, въ среднемъ по $2^1/_4$ школы въ годъ. Число учащихся въ 1805 году равнялось 3967 д. Послѣ девятилѣтней дѣятельности комитета число школъ возросло до 163, т. е. увеличилось болѣе, чѣмъ въ $3^1/_2$ раза; ежегодный приростъ школъ равенъ $39^0/_0$, а ежегодный приростъ учениковъ $23^2/_3{}^0/_0$ въ годъ; въ числѣ ихъ было уже—12 гимназій (вмѣсто прежнихъ 7 гл. нар. училищъ), 65 уѣздныхъ училищъ, 17 малыхъ народныхъ и 69 приходскихъ; число однѣхъ среднихъ школъ увеличилось почти въ 2 раза, а низшихъ въ 4 раза; особенно возросло число приходскихъ школъ. Вновь открытыхъ школъ было 117, преобразованныхъ 27, оставшихся безъ измѣненія 19. По годамъ преобразованіе и открытіе школъ распредѣляется такъ: въ 1805 г. было преобразовано и открыто 11 школъ, въ 1806 г.—15, въ 1807 г.—8, въ 1808 г.—13, въ 1809 г.—8, въ 1810 г.—10, въ 1811 г.—9, въ 1812 г.—54, въ 1813 г.—16. Въ среднемъ ежегодно открывалось по

13 школъ, т. е. почти въ 6 разъ болѣе, чѣмъ въ доуниверситетскій періодъ Любопытна огромная цифра числа школъ, открытыхъ въ годъ Наполеоновскаго нашествія. Учителей въ школахъ было 412, учениковъ 8478, въ томъ числѣ 329 дѣвочекъ. Приростъ учащихся за 9 лѣтъ равняется 4511, т. е. 213%, что въ среднемъ составитъ по 23⅔% въ годъ. Суммъ въ остаткѣ къ 1-му января 1814 года было 362215 руб.

Если теперь попробуемъ сравнить число училищъ въ началѣ и концѣ слѣдующаго двадцатилѣтія (въ 1815 и 1834 году), то окажется слѣдующее. Въ 1815 году въ 11 губ. и областяхъ округа было 13 гимназій съ 1006 учениками, 64 уѣздныя училища съ 5054 учениками, 15 малыхъ народныхъ училищъ съ 875 учениками и 71 приходское съ 1255 учениками,—всего 163 училища съ 8190 учащимися. Общее число училищъ по сравненію съ 1813 годомъ осталось безъ измѣненія, а число учащихся уменьшилось. За 20 слѣдующихъ лѣтъ число школъ увеличилось на 65 или на 65% и число учащихся въ нихъ на 3079 душъ, т. е. почти на 59%; годичный приростъ числа школъ выразится цифрою 3⅓%, а число учащихся 3%. Иными словами, приращеніе числа училищъ было въ эпоху общей реакціи въ 17,1 разъ менѣе значительно, чѣмъ въ первые либеральные годы царствованія импер. Александра, а число учащихся почти въ 8 разъ. Число гимназій осталось прежнее, но число учащихся въ нихъ увеличилось на 100%; число уѣздныхъ училищъ возросло на 69%, а число учащихся на 58%; число приходскихъ училищъ увеличилось на 100%, а число учащихся въ нихъ на 142%. Малыя народныя училища—наслѣдіе Екатерининской эпохи—теперь всѣ исчезли или, точнѣе говоря, были преобразованы въ уѣздныя или приходскія. Сильно возросло и число пансіоновъ. Открылась въ Харьковѣ и ланкастерская школа взаимнаго обученія. Наименѣе устойчивыми являлись приходскія училища. Какъ бы то ни было, школьное дѣло въ округѣ подъ руководствомъ университета развивалось и въ періодъ времени съ 1815 по 1835 годъ, хотя и далеко не столь успѣшно, какъ въ 1-е десятилѣтіе. Есть данныя, свидѣтельствующія о томъ, что и внутреннее состояніе училищъ постепенно улучшалось и преподаватели гимназій относились къ стоявшему во главѣ училищъ университету съ истинною любовью и уваженіемъ. Огромное значеніе дѣятельности университета по части устройства и управленія училищъ прекрасно понимали уже современники. Это пониманіе нашло себѣ яркое выраженіе въ публичныхъ рѣчахъ поп. гр. С. О. Потоцкаго, проф. Рижскаго, говорившаго о занятіяхъ университета по училищной части въ 1805—1806 гг., Каменскаго и Борзенкова; проф. Роммель въ 1815 г. изъ-за границы (изъ Касселя) просилъ ректора

университета сообщить ему свѣдѣнія о числѣ училищъ, университетомъ открытыхъ. «Всѣ ученые въ Россіи и Германіи, кого я только видѣлъ, писалъ онъ, приглашали меня обнародовать эти свѣдѣнія, такъ какъ всѣ признавали и признаютъ, какія заслуги Харьковскій университетъ оказалъ южной Россіи въ столь короткое время. Пусть же будетъ извѣстно всему образованному міру, что нами сдѣлано въ это время». Касались этого вопроса и профессора Харьковскаго университета болѣе поздняго времени—И. И. Срезневскій, Н. А. Лавровскій, Д. И. Каченовскій,—и всѣ они также отдаютъ должное университету за эту сторону его просвѣтительной дѣятельности.

Таково было благодѣтельное образовательное воздѣйствіе университета на одну часть тогдашняго общества—мѣстную педагогическую среду, разбросанную на огромномъ пространствѣ и заключавшую въ себѣ тысячи учащихся и учащихъ. Но университетъ дѣйствовалъ просвѣтительнымъ образомъ и на остальную часть общества, которой не чужда была хотя самая скромная степень образованія.

Мы видѣли уже въ концѣ предыдущей главы, что многіе научные труды харьковскихъ профессоровъ имѣли и широкое общественное образовательное значеніе: они пробуждали уваженіе къ наукѣ и разсадникамъ ея въ Россіи—университетамъ. Важнымъ доказательствомъ образовательнаго вліянія Харьковскаго университета на мѣстное общество является широкое распространеніе въ немъ профессорскихъ сочиненій. Этому способствовалъ прежде всего не строго спеціальный, а довольно популярный характеръ большинства этихъ работъ, разсчитанныхъ на болѣе широкіе круги читателей. Что книги имѣли въ виду постороннюю публику, доказывается тѣмъ, что авторы обыкновенно объявляли на нихъ предварительную подписку, которая нерѣдко достигала значительныхъ размѣровъ (фамиліи подписчиковъ печатались; для многихъ это былъ своего рода аттестатъ на образованность). Благопріятною средою являлся административный и педагогическій персоналъ училищъ, подвѣдомственныхъ университету. На одну изъ монографій Стойковича (Предохраненіе отъ молніи) оказалось 1000 пренумерантовъ. 2-го изданія книги Успенскаго разошлось по предварительной подпискѣ 570 экз., изъ коихъ огромное большинство падаетъ на города тогдашняго Харьковскаго учебнаго округа; кромѣ педагоговъ, есть не мало и постороннихъ лицъ.

Сами университетскіе дѣятели того времени сознавали важное образовательное значеніе университетовъ. Въ этомъ отношеніи особенно интересна и поучительна (даже и для послѣдующаго времени) рѣчь проф. Якоба объ университетахъ, которые онъ сравниваетъ съ фабри-

ками, ибо и тамъ, и здѣсь широко примѣняется принципъ раздѣленія труда, который одинъ только способенъ довести до совершенства производство. Всѣ орудія для производства собраны въ университетскихъ книгохранилищахъ и кабинетахъ, чтобы каждый могъ пользоваться тѣмъ, что̀ ему необходимо. Для профессоровъ открыто обращеніе съ цѣлымъ ученымъ міромъ, и они могутъ пользоваться результатами общечеловѣческихъ открытій для пользы своего отечества. Въ собственномъ кругу они могутъ оказывать другъ другу взаимныя услуги по части интересующихъ ихъ вопросовъ. Не останавливаясь на тѣхъ обскурантахъ, которые, будучи преисполнены человѣконенавистническихъ намѣреній, стараются вообще о подавленіи наукъ, Якобъ дальнѣйшее изложеніе посвящаетъ разбору того мнѣнія, по которому устройство школъ должно быть предоставлено свободной иниціативѣ самихъ гражданъ, потому будто бы, что правительственная помощь привлекаетъ въ школы и неспособныхъ преподавателей, и неспособныхъ воспитанниковъ. Якобъ резонно замѣчаетъ на это,—если правительство не будетъ затрачивать средствъ на училища, а учебное дѣло будетъ предоставлено свободной иниціативѣ гражданъ, то образованіе сдѣлается только привилегіей богатыхъ и такимъ образомъ дарованія недостаточныхъ классовъ останутся потерянными для общественнаго блага; а всякій знаетъ, прибавляетъ Якобъ, какъ рѣдко попадаются въ небольшомъ кругѣ богатыхъ и знатныхъ даровитые умы и какъ рѣдко они стремятся къ усовершенствованію. Пусть въ этомъ государственномъ насажденіи будетъ расти и терніе, пусть будутъ тутъ и уродливыя деревья, пусть нѣкоторые отпрыски окажутся посаженными на непригодную для нихъ почву,—но эта потеря съ избыткомъ вознаградится безконечными выгодами. Историческими примѣрами Якобъ доказываетъ благодѣтельное вліяніе университетовъ на развитіе науки и образованіе. Огромной пользы ожидаетъ онъ отъ училищъ, открытыхъ при имп. Александрѣ, и въ заключеніе указываетъ на ту пользу, которую приноситъ Харьковскій университетъ. II другія рѣчи распространяли въ мѣстномъ обществѣ идею о теоретической и практической пользѣ образованія и въ частности старались указать на связь умственнаго развитія съ эстетическимъ и этическимъ.

Общее направленіе актовыхъ рѣчей перваго десятилѣтія дышитъ благородствомъ, которое съ избыткомъ искупаетъ ихъ основной недостатокъ—риторичность. Объ авторахъ ихъ можно сказать, что они сообщали своимъ слушателямъ живыя мысли и пробуждали добрыя, гуманныя чувства. Чтобы достойно оцѣнить ихъ, не слѣдуетъ забывать условій тогдашней жизни. Теперь, напримѣръ, мысль Якоба о томъ, что образованіе должно распространяться на всѣ слои общества, является

уже общимъ мѣстомъ. Но тогда, когда огромное большинство русскаго народа составляли рабы, она требовала для своего выраженія значительной смѣлости и искренности убѣжденія. И русскіе, и иностранные профессора не упускали изъ виду общественно-образовательныхъ задачъ университета. У нихъ жило сознаніе общей принадлежности къ живому общественному организму—университету, представлявшему не механическое соединеніе отдѣльныхъ факультетовъ, а органическое сочетаніе комплекса наукъ. Они съ живѣйшею радостью отмѣчали первые успѣхи университета на поприщѣ просвѣщенія и рисовали себѣ умилительныя картины будущаго, когда дѣло окрѣпнетъ и начнетъ приносить болѣе богатые плоды. Въ послѣдующее двадцатилѣтіе измѣнились духъ, характеръ и направленіе рѣчей. Большинство изъ нихъ проникнуто было не гуманно-просвѣтительными, а реакціонно-піетистическими тенденціями. Въ нихъ не было уже той вѣры въ прогрессъ, которою проникнуты были рѣчи перваго десятилѣтія. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить только рѣчь проф. Т. Ѳ. Степанова о значеніи политическихъ наукъ (1833 г.), въ которой онъ, рисуя будущее человѣчества, съ вѣрою и надеждою взирая на будущее Россіи, высказывается противъ войны, стоитъ за просвѣщеніе и за расширеніе благосостоянія.

Университету обязано мѣстное общество появленіемъ въ Харьковѣ первыхъ газетъ и журналовъ. Не безъ вліянія университета явилась въ 1812 году въ Харьковѣ *первая газета*—«Еженедѣльникъ», которую издавалъ университетскій книгопродавецъ Лангнеръ, разрѣшалъ къ выходу въ свѣтъ цензурный комитетъ университета, въ которой сотрудничали нѣкоторые профессора. Просуществовала она менѣе года. Первое десятилѣтіе въ жизни университета, кромѣ того, подготовило почву для развитія журналистики во второе десятилѣтіе. Иниціаторы журнальнаго дѣла въ Харьковѣ—Филомафитскій, Гонорскій, Артемовскій-Гулакъ, Склабовскій—были преподавателями Харьковскаго университета; Масловичъ былъ его питомцемъ и получилъ въ немъ степень доктора изящныхъ наукъ; всѣ эти лица получили вкусъ къ журнальной дѣятельности въ литературной атмосферѣ Харьковскаго университета и были духовными чадами Рижскаго и Срезневскаго, одинъ только Г. Ѳ. Квитка не имѣлъ прямого отношенія къ университету. Но университетъ дѣйствовалъ и на общество, уровень культурныхъ потребностей котораго подъ его вліяніемъ расширялся, и естественнымъ результатомъ этого было развитіе мѣстной журналистики. Изъ среды университетскихъ преподавателей и его питомцевъ вышли сотрудники для харьковскихъ повременныхъ изданій. Печатались эти изданія въ университетской типографіи. Университету принадлежала и цензура этихъ изданій, ко-

торая была благожелательна и справедлива, а это обстоятельство имѣло огромное значеніе. На нѣкоторыя изданія университетъ отпускалъ даже собственныя средства; въ другихъ случаяхъ ихъ вели на свой рискъ университетскіе преподаватели. Наконецъ, въ вѣдѣніи университета были тогда, какъ мы видѣли, среднія и низшія учебныя заведенія, составлявшія съ нимъ какъ бы одну педагогическую семью. Эти учебныя заведенія, ихъ учебный персоналъ, учащіеся—составили и первоначальный, основной контингентъ подписчиковъ періодическихъ изданій, а къ нимъ присоединились и представители общества—почетные смотрители училищъ и родители учениковъ. Районъ, который входилъ въ составъ Харьковскаго учебнаго округа, былъ огроменъ,—и все это обезпечивало нѣкоторый, правда, небольшой контингентъ читателей этихъ журналовъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ журналы эти особо рекомендовались попечителемъ округа. Въ періодъ времени съ 1816 по 1825 годъ издавались въ Харьковѣ журналы: Украинскій Вѣстникъ, Харьковскій Демокритъ, Харьковскій Домоводъ и газета Харьковскія Извѣстія. Кромѣ того, было ходатайство объ изданіи журнала «Харьковская Муза», но оно не увѣнчалось успѣхомъ по препятствіямъ цензурнаго свойства. Украинскій Вѣстникъ, издававшійся первоначально подъ редакціей трехъ лицъ—Филомафитскаго, Гонорскаго и Квитки (съ выходомъ послѣдняго—двухъ, а со смертью Гонорскаго—одного Филомафитскаго)—просуществовалъ 4 года (въ 1816, 1817, 1818 и 1819 годахъ), не только окупалъ расходы, но даже давалъ нѣкоторый чистый доходъ, что свидѣтельствуетъ о его успѣхѣ у публики, и прекратился только вслѣдствіе цензурныхъ стѣсненій министерства народнаго просвѣщенія при князѣ Голицынѣ. Программа его была довольно широка и разнообразна (онъ состоялъ изъ 5 отдѣловъ—наукъ, изящной прозы, стихотвореній, харьковскихъ записокъ и смѣси), и онъ выполнялъ ее весьма удовлетворительно. Редакторамъ удалось сгруппировать у себя значительныя литературныя силы. Особенный интересъ долженъ былъ представлять мѣстный отдѣлъ, котораго не было въ столичныхъ журналахъ и который наполнялся интересными свѣдѣніями о харьковской общественной жизни того времени: тамъ мы находимъ данныя объ университетѣ, о различныхъ харьковскихъ обществахъ—библейскомъ, ученомъ, филотехническомъ—о городской хроникѣ и т. п. Въ 1819 г. положеніе «Украинскаго Вѣстника» сдѣлалось однако чрезвычайно тяжелымъ, благодаря цензурному гнету, шедшему изъ министерства. Характерно, что рѣзкое замѣчаніе вызвала невинная замѣтка, которая, какъ оказалось, была сообщена редакціи редакторомъ Осиповскимъ. Затѣмъ инкриминировано было редактору его мнѣніе о проф. Шадѣ, какъ о прекраснѣйшемъ

латинистѣ. «Харьковскій Демокритъ» Масловича (1816 г.) отличался сатирическимъ характеромъ и потому, вѣроятно, былъ недолговѣченъ. Сотрудниками здѣсь были, кромѣ Масловича, Квитка, Срезневскій, Гонорскій, Райдаровскій и др.; печатались въ немъ и посмертныя сочиненія Нахимова. «Украинскій Домоводъ» издавался подъ редакціей профессора Пильгера въ 1817 г. и былъ посвященъ вопросамъ сельскаго хозяйства. На смѣну «Украинскаго Вѣстника» явился «Украинскій Журналъ», задуманный новымъ ректоромъ Джунковскимъ и попечителемъ З. Я. Карнѣевымъ для распространенія въ обществѣ «правильныхъ понятій о благочестіи и христіанскихъ добродѣтеляхъ и истинно полезныхъ и пріятныхъ сочиненій». Редакторомъ его былъ назначенъ Склабовскій, вполнѣ, какъ мы знаемъ, подходившій по направленію къ его иниціаторамъ. Попечитель нѣсколько разъ рекомендовалъ журналъ училищамъ. Журналъ выходилъ отъ имени университета небольшими книжками по 2 раза въ мѣсяцъ. Въ немъ помѣщались ученыя статьи, художественная проза и стихотворенія; былъ и мѣстный отдѣлъ, а въ концѣ 1824 г. появился новый отдѣлъ «Малороссійская старина», а въ 1825 г.—библіографія, внутреннія и заграничныя извѣстія и смѣсь. Издавался онъ въ 1824 и 1825 г.г. и особеннаго успѣха не добился, хотя имѣлъ не мало и постороннихъ сотрудниковъ. Газета «Харьковскія Извѣстія» стала выходить въ Харьковѣ съ 1817 года еженедѣльно подъ редакціей канд. Вербицкаго, съ 4 отдѣлами: 1) внутреннихъ и мѣстныхъ извѣстій, 2) заграничныхъ извѣстій, 3) анекдотовъ и 4) объявленій. Харьковская хроника нашла себѣ здѣсь довольно полное выраженіе. Въ 1818 году газета прекратилась по недостаточному числу подписчиковъ, въ 1820 г. она стала издаваться отъ имени университета и выходила до 1824 г. подъ редакціей нѣсколькихъ адъюнктовъ и наблюденіемъ особой коммиссіи изъ профессоровъ; это было сдѣлано для того, чтобы редакція не пошла по тому «предосудительному» пути, которымъ шла покойная редакція «Украинскаго Вѣстника».

Въ 1825 г. журнальная дѣятельность въ Харьковѣ прекратилась, и послѣ этого выходили только альманахи—научно-литературные сборники: въ 1831 году «Украинскій Альманахъ» и въ 1833 году «Утренняя Звѣзда», при участіи дѣятелей студенческаго научно-литературнаго движенія (Петрова, Срезневскаго и др.); здѣсь мы находимъ и произведенія мѣстныхъ малорусскихъ писателей—Квитки-Основьяненка и Артемовскаго-Гулака, а также отрывки изъ сочиненій Котляревскаго и Гребенки. Только въ 1834 г. возникла мысль объ изданіи «Ученыхъ Записокъ» Харьковскаго университета, но ходатайство объ этомъ затянулось на нѣсколько лѣтъ.

Въ журналахъ, о которыхъ мы только-что говорили, видное мѣсто занимали, какъ мы видѣли, произведенія изящной словесности. Эта послѣдняя опять-таки обязана своимъ развитіемъ университету. До учрежденія университета въ Харьковѣ мѣстной художественной литературы почти не было: извѣстны были только духовные стихи и басни Г. С. Сковороды, которые, впрочемъ, ходили въ рукописяхъ, а отпечатаны не были. Съ открытіемъ университета первые преподаватели словесности, Рижскій и Срезневскій, сразу возбудили въ своихъ слушателяхъ живой интересъ къ художественной словесности и вызвали опыты самостоятельнаго творчества. Срезневскій самъ писалъ стихи, и при томъ въ большомъ количествѣ, и нѣкоторые изъ нихъ были напечатаны университетомъ, напр., «Побѣдная пѣснь Россовъ», ораторія на торжество избавленія отъ Наполеона. Филомафитскій, Гонорскій и особенно Склабовскій и Артемовскій-Гулакъ, будучи преподавателями университета и журналистами, въ то же самое время были и плодовитыми писателями въ прозѣ и стихахъ и переводчиками иностранныхъ художественныхъ произведеній; Склабовскій выпустилъ въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ сборникъ своихъ стихотвореній, а Гулакъ-Артемовскій, какъ извѣстно, былъ однимъ изъ родоначальниковъ новой малорусской литературы, талантливымъ продолжателемъ Котляревскаго. Изъ студентовъ перваго десятилѣтія выдвинулись на литературномъ поприщѣ два настоящихъ писателя—Нахимовъ и Масловичъ, особенно первый, занявшій видное мѣсто среди русскихъ первоклассныхъ баснописцевъ. Нахимовъ получилъ кандидатскую степень въ Харьковскомъ университетѣ, а потомъ преподавалъ въ немъ русскую грамматику на курсахъ для чиновниковъ; первымъ руководителемъ его въ области поэзіи былъ Рижскій.

Нахимовъ въ своихъ произведеніяхъ, проникнутыхъ то добродушною ироніею, то еще чаще злымъ сарказмомъ, бичевалъ главнымъ образомъ невѣжество и взяточничество. Сочиненія его пользовались большимъ успѣхомъ у современниковъ. Масловичъ также напечаталъ отдѣльною книгою собраніе своихъ басенъ, но по таланту онъ былъ несравненно ниже Нахимова. Близкое соприкосновеніе съ университетомъ имѣлъ и третій харьковскій литераторъ Палицынъ, глава цѣлаго литературнаго кружка; за свои литературные опыты онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ университета; нѣсколько стихотворныхъ рукописей своихъ онъ подарилъ университету, который и напечаталъ ихъ на свой счетъ и въ свою пользу. Литературное движеніе, начавшееся въ первомъ десятилѣтіи, развилось и окрѣпло и расширилось во второмъ и третьемъ десятилѣтіи существованія университета. Основ-

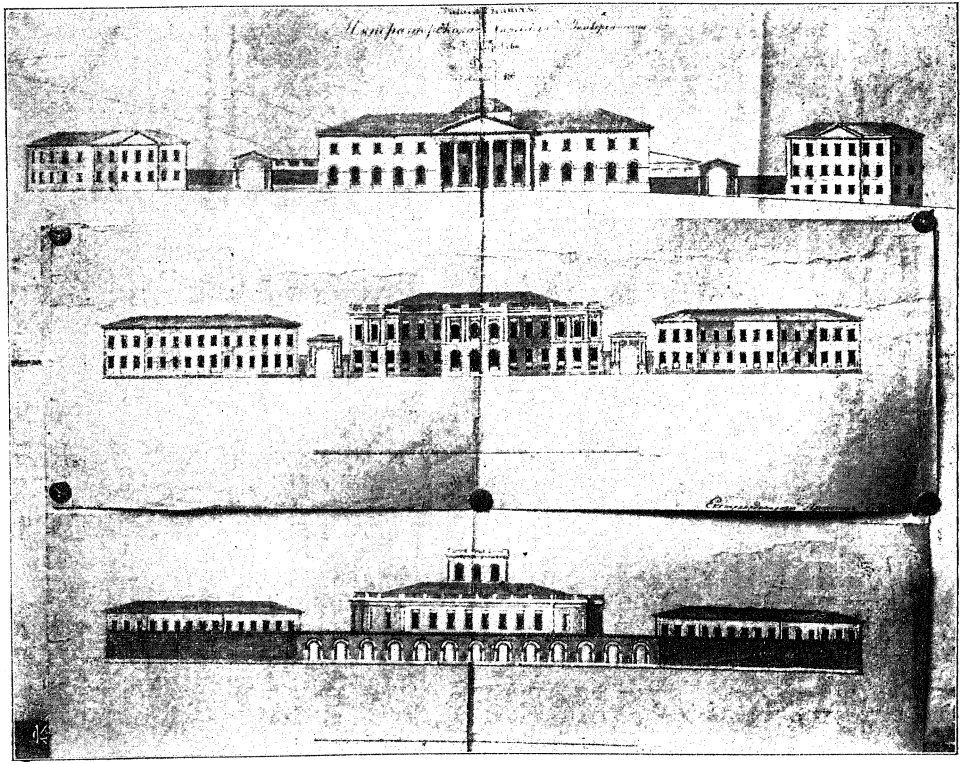
нымъ источникомъ, могучимъ двигателемъ его была тогдашняя русская литература съ ея корифеями: Карамзинымъ, Жуковскимъ, Пушкинымъ, наконецъ, Гоголемъ и такими второстепенными представителями, какъ Дмитріевъ. Смѣна ея направленій находила себѣ отраженіе и въ Харьковѣ, который медленно, постепенно перешелъ такимъ образомъ отъ Шишкова къ Пушкину и Гоголю. А рядомъ съ этой основной русской литературной стихіей выдвигалась и крѣпла малорусская литература въ мѣстномъ обществѣ,—стихія, удовлетворявшая живому естественному чувству народности у образованныхъ уроженцевъ «полуденнаго края» Россіи, усвоившихъ уже себѣ русское образованіе, но не порвавшихъ еще связи съ простымъ народомъ въ области языка и особенностей его духовной культуры. Это естественное стремленіе къ народному языку нашло себѣ поддержку и практическое оправданіе въ появленіи въ сосѣдней Полтавской губерніи малорусскихъ произведеній Котляревскаго, особенно его перелицованной «Энеиды». И вотъ, продолженіемъ Полтавскаго малорусскаго движенія является Харьковское, выдвинувшее такихъ двухъ замѣчательныхъ представителей, какъ Артемовскій-Гулакъ въ области стихотворной поэзіи и Квитка въ области прозы. Что въ этомъ движеніи не было ничего искусственнаго, навѣяннаго извнѣ, это неопровержимо доказывается личными свойствами Гулака-Артемовскаго. По своимъ воззрѣніямъ онъ всегда стоялъ на патріотическо-охранительной почвѣ, всецѣло былъ поглощенъ служебною карьерою, не придавалъ никогда серьезнаго значенія своей литературной дѣятельности,—а между тѣмъ былъ всегда истиннымъ писателемъ-художникомъ: творилъ въ силу глубокой внутренней потребности, обладалъ большимъ запасомъ художественнаго матеріала и въ совершенствѣ владѣлъ формою, т. е. языкомъ.

Такимъ образомъ, журнальная и чисто литературная дѣятельность профессоровъ Харьковскаго университета и его питомцевъ въ концѣ 10-хъ, въ 20-хъ и началѣ 30-хъ годовъ XIX ст. имѣла широкое просвѣтительное вліяніе на общество и въ значительной степени компенсировала недостатокъ чисто научнаго вліянія университета. Свободная отъ регламентаціи, она укрѣпляла духъ общественности и выдвигала вопросы высшаго нравственнаго порядка.

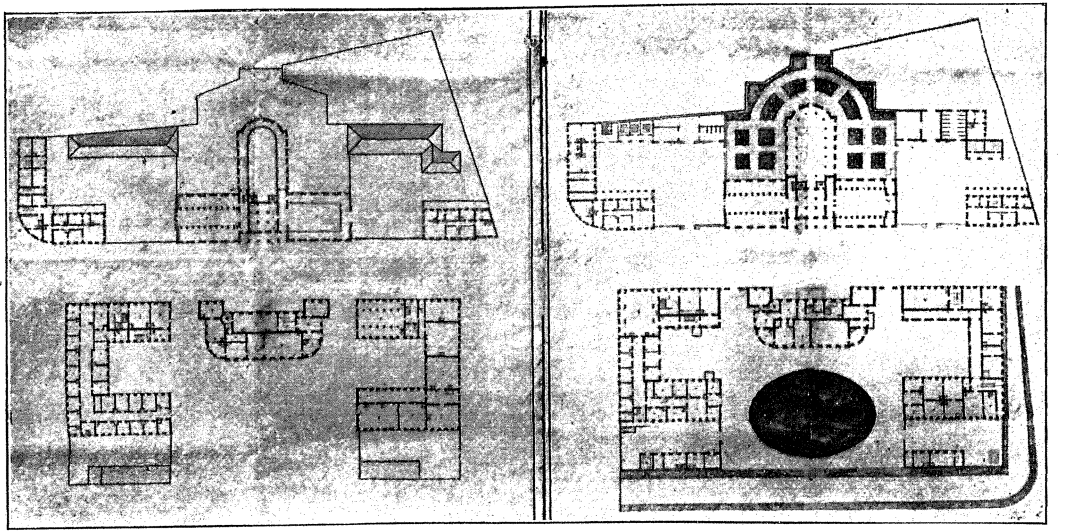
Большое общественное образовательное значеніе имѣли, наконецъ, многія учебно-вспомогательныя учрежденія. Университетская библіотека, какъ показываютъ факты, была доступна отчасти и для постороннихъ лицъ, а она долго оставалась чуть ли не единственнымъ книгохранилищемъ въ Харьковѣ (кромѣ нея, была хорошая библіотека въ духовной семинаріи и въ губернской гимназіи). Съ учрежденіемъ уни-

верситета появились въ Харьковѣ и книжные магазины, ибо понадобились въ значительномъ числѣ книги какъ для самого университета, такъ и для подвѣдомственныхъ ему среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Съ другой стороны, заведены были сношенія со столичными и иностранными книготорговцами для выписки спеціально иностранныхъ книгъ. Даже переплетное дѣло было поставлено правильно и широко, благодаря переплетчику, привезенному В. Н. Каразинымъ изъ Петербурга. И вообще можно сказать, что мастера, привезенные В. Н. Каразинымъ изъ Петербурга, положили начало нѣкоторымъ ремесламъ въ Харьковѣ, вызваннымъ новыми культурными потребностями. Таковъ былъ, напримѣръ, словолитчикъ, спеціалистъ-садовникъ и т. п. Мало того, скоро университетъ открылъ свой собственный книжный магазинъ, главнымъ образомъ для того, чтобы снабжать книгами ввѣренныя ему училища. Еще несравненно большее общественное значеніе имѣла университетская типографія, въ которой сосредочилось печатаніе почти всѣхъ научныхъ и литературныхъ произведеній г. Харькова, Харьковской губ. и сосѣднихъ мѣстностей (кромѣ университетской, была еще только типографія приказа общественнаго призрѣнія, но тамъ печатались очень немногія частныя изданія). Можно сказать, слѣдовательно, что типографія въ одинаковой степени служила духовнымъ нуждамъ университета и мѣстнаго общества. Она была прекрасно оборудована. И дѣло велось на широкихъ коммерческихъ основаніяхъ: за десять первыхъ лѣтъ въ ней было напечатано 207 книгъ и брошюръ, т. е. въ среднемъ болѣе 20 названій въ годъ; въ послѣдующее двадцатилѣтіе 240, т. е. въ среднемъ по 12 въ годъ (и здѣсь сказалось вліяніе реакціи). Въ числѣ ихъ были толстыя книги; есть изданія съ рисунками; не мало книгъ на иностранныхъ языкахъ; въ ней печатались ноты, календари и журналы. Образовательное значеніе для общества имѣли и университетскія коллекціи: минцъ-кабинетъ и кабинетъ рѣдкостей, куда стали поступать и мѣстныя находки; кабинеты—физическій, астрономическій, технологическій, зоологическій, минералогическій, ботаническій. Въ ботаническомъ кабинетѣ было богатѣйшее собраніе мѣстной украинской флоры; въ зоологическомъ и минералогическомъ также видное мѣсто занимали мѣстныя находки; въ химической лабораторіи производились анализы мѣстныхъ минеральныхъ водъ. Наконецъ, въ широкое общественное пользованіе была предоставлена бо́льшая часть университетскаго сада — такъ называемый англійскій садъ, служившій въ первое время предметомъ особыхъ заботъ университета и попечителя Потоцкаго.

Кабинеты или классы свободныхъ искусствъ (живописи, музыки, танцевъ, фехтованія, верховой ѣзды) съ ихъ преподавателями также,



Фасады зданій Харьковскаго университета до 1835 года.



Планы зданій Харьковскаго университета до 1835 года.

несомнѣнно, оказали свое благотворное вліяніе на мѣстное общество, прививая у него вкусъ къ этимъ занятіямъ и затѣмъ удовлетворяя назрѣвшимъ потребностямъ. Университетскіе преподаватели этихъ предметовъ занимались преподаваніемъ ихъ и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ частныхъ домахъ; одинъ изъ нихъ (Витковскій) открылъ потомъ первый въ Харьковѣ музыкальный магазинъ, другой (Штейнъ) взялъ театральную антрепризу, Гесъ-де-Кальве, Шуманъ начали впервые давать въ Харьковѣ настоящіе концерты и т. д. и т. д. Общество съ своей стороны не оставалось глухо и поддерживало учебно-вспомогательныя учрежденія своими пожертвованіями. Такъ создавалось столь желанное взаимодѣйствіе университета и общества. Въ обществѣ мало-по-малу крѣпло уваженіе къ университету и наукѣ, развивалось убѣжденіе въ огромной пользѣ, приносимой имъ краю и всей Россіи, расширялось столь слабое вначалѣ стремленіе къ высшему образованію. Особенно ощутительную пользу отъ университета долженъ былъ получить (и дѣйствительно получилъ) г. Харьковъ, который, кромѣ благъ высшаго образованія и просвѣщенія, имѣлъ еще отъ него огромную матеріальную выгоду. Можно сказать, что Харьковъ своимъ ростомъ и развитіемъ въ первой половинѣ XIX в. обязанъ столько же университету, сколько и торговлѣ, и даже, пожалуй, больше университету, если принять во вниманіе, что образованіе есть само по себѣ цѣнный капиталъ и является наилучшимъ показателемъ богатства государствъ и народовъ. Затѣмъ, университетскія клиники приносили огромную пользу населенію, излечивая и облегчая его болѣзни, спасая его отъ смерти, подавая помощь сотнямъ и тысячамъ страждущихъ, не находившихъ доселе врачебной помощи въ городѣ вслѣдствіе отсутствія ея или малой доступности. Нельзя не вспомнить здѣсь съ чувствомъ признательности и о томъ, что профессора медицинскаго факультета и окончившіе въ немъ курсъ молодые врачи приходили на помощь населенію во время такихъ народныхъ бѣдствій, какъ эпидеміи; они безкорыстно оказывали помощь во время бывшей въ Россіи и Харьковѣ въ 1830 г. холеры. Наконецъ, Харьковскій университетъ первый поднялъ вопросъ объ ужасныхъ гигіеническихъ условіяхъ г. Харькова и предложилъ рядъ мѣръ къ ихъ улучшенію.

Но, и помимо этого прямого, непосредственнаго вліянія на окружающую среду, университетъ оказывалъ еще косвенное, но весьма благотворное, являясь живымъ культурнымъ центромъ въ краѣ, вызывая подражаніе, наглядно, собственнымъ примѣромъ, поднимая уровень культурныхъ потребностей окружающаго общества.

ВТОРОЙ ПЕРІОДЪ:

ИСТОРІЯ УНИВЕРСИТЕТА ПРИ ДѢЙСТВІИ УСТАВА 1835 года (съ 1835 по 1863 г.)[1])

1-я глава.

Университетское самоуправленіе.

Еще до изданія университетскаго устава 1835 года въ Харьковскомъ университетѣ, по примѣру Кіевскаго, по представленію попечителя гр. Головкина, была отдѣлена административная часть отъ учебной: должности непремѣннаго засѣдателя, синдика, секретаря совѣта и инспектора казеннокоштныхъ студентовъ, возложенныя уставомъ 1804 г. на профессоровъ и адъюнктовъ, по Высочайшему повелѣнію 28 мая 1835 г. были предоставлены постороннимъ чиновникамъ. Мотивъ былъ приведенъ тотъ, что завѣдываніе хозяйственною и административною частью въ университетѣ отвлекало профессоровъ отъ ихъ прямой обязанности—«умственнаго образованія ввѣренныхъ имъ студентовъ»; кромѣ того, это правило должно было войти и въ новый уставъ,—и министръ считалъ полезнымъ подготовить такимъ образомъ Харьковскій университетъ къ предстоящему преобразованію. Въ іюнѣ 1835 г.

---

[1]) Настоящій очеркъ 2-го періода въ исторіи Харьковскаго университета основанъ частію на печатныхъ источникахъ, а отчасти на неизданныхъ матеріалахъ, извлеченныхъ изъ архива мин. нар. просвѣщенія. Въ основу его положены главнымъ образомъ оффиціальные отчеты университета, обозрѣнія преподаванія, воспоминанія современниковъ. Пособій для этой эпохи не имѣется. Составляя только первоначальную канву будущаго 3-го тома моей исторіи Харьковскаго университета» (еще не написаннаго), онъ, естественно, не отличается такимъ богатствомъ содержанія и выводовъ, какъ предыдущій, въ основу котораго были положены 2 тома моего «Опыта». Впрочемъ, и значеніе 2-го періода, т. е. дѣйствія устава 1835 г., гораздо менѣе значительно, чѣмъ 1-го. *Д. Багалѣй.*

было утверждено «Положеніе объ учебныхъ округахъ», изъявшее училища изъ вѣдѣнія университетовъ и передавшее ихъ въ управленіе попечителей. Объ эти мѣры явились какъ бы введеніемъ къ новому общему университетскому уставу, утвержденному 26 іюля того же 1835 года. «Уставъ 1835 г., говоритъ современный изслѣдователь, отразилъ въ себѣ глубокую, давно подготовлявшуюся въ правительственныхъ сферахъ, перемѣну во взглядахъ на значеніе университетовъ, какъ ученыхъ и учебныхъ заведеній, на предѣлы университетскаго самоуправленія, на объемъ и направленіе университетскаго преподаванія. То, что доселѣ выражалось въ разныхъ проектахъ, инструкціяхъ и отдѣльныхъ административныхъ мѣрахъ, теперь обобщалось и получало законодательную санкцію. Подобно тому, какъ въ уставѣ 1804 г. нашла себѣ яркое выраженіе либеральная эра царствованія имп. Александра I-го, такъ точно въ уставѣ 1835 года выразился общій духъ и режимъ царствованія имп. Николая Павловича. Уваровъ осуществлялъ, такимъ образомъ, программу, вполнѣ соотвѣтствовавшую охранительной политикѣ государя, программу, въ основу которой была положена тройственная» формула—православія, самодержавія и народности,—но не съ такимъ пониманіемъ ея, съ какимъ выступили позже, въ 40-хъ годахъ, московскіе славянофилы, подвергавшіеся за нее даже преслѣдованію. Здѣсь преслѣдовалась идея народности; но еще въ бо́льшей степени новый уставъ былъ проникнутъ началами оффиціальной государственности и бюрократизма; бюрократическое начало нашло себѣ выраженіе и въ усиленіи попечительской власти, и особенно въ ограниченіи университетской автономіи.

Обратимся теперь къ содержанію устава 1835 года и посмотримъ, какъ онъ опредѣлилъ дѣятельность органовъ университетскаго самоуправленія по сравненію съ уставомъ 1804 года. Теперь университетъ былъ «ввѣренъ особенному начальству—попечителю». Попечителю предоставлено было окончательное разрѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ, направленіе въ министерство другихъ и общій контроль надъ университетомъ. Попечитель, напримѣръ, рѣшалъ разногласія между совѣтомъ и синдикомъ, утверждалъ сверхштатные расходы правленія въ суммѣ свыше 500 р. и т. п. Онъ долженъ былъ употреблять всѣ средства къ приведенію университета въ цвѣтущее состояніе, строго наблюдая, чтобы принадлежащія къ нему мѣста и лица неупустительно исполняли свои обязанности, обращать вниманіе на способности, прилежаніе и благонравіе профессоровъ, адъюнктовъ и чиновниковъ университета, исправлять нерадивыхъ замѣчаніями и принимать законныя мѣры къ удаленію неблагонадежныхъ. Жить онъ теперь долженъ былъ постоянно въ Харьковѣ, отлучаясь изъ него только для осмотра округа;

въ важныхъ, не терпящихъ отлагательства случаяхъ онъ могъ принимать экстренныя мѣры, доводя только о нихъ до свѣдѣнія министра; онъ могъ предсѣдательствовать въ совѣтѣ и правленіи; ему совѣтъ доставлялъ ежемѣсячно выписки изъ протоколовъ и ежегодно полный отчетъ. У него былъ помощникъ, который также имѣлъ право получать свѣдѣнія обо всѣхъ университетскихъ дѣлахъ, дабы въ случаѣ надобности съ полнымъ знаніемъ вступить въ отправленіе обязанностей попечителя. Управленіе училищами перешло отъ университета, въ которомъ училищный комитетъ былъ уничтоженъ, къ попечителю, который только предлагалъ на обсужденіе совѣта нѣкоторые вопросы, требовавшіе ученыхъ соображеній. Такимъ образомъ, попечитель являлся настоящимъ начальникомъ университета, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже съ дискреціонною властью, и на немъ лежалъ щекотливый надзоръ надъ профессорами и въ учебномъ, и въ нравственномъ отношеніи. Ректорская власть теперь также была усилена: ректоръ избирался на 4 года и долженъ былъ имѣть ближайшее попеченіе о благоустройствѣ университета, наблюдая, чтобы всѣ мѣста и лица исполняли свои обязанности и чтобы университетское преподаваніе шло съ надлежащимъ успѣхомъ. Въ то время какъ прежде правленіе имѣло право суда надъ ректоромъ, теперь ректоръ получилъ право дѣлать выговоры и замѣчанія профессорамъ въ случаѣ замѣченныхъ имъ упущеній и неисправностей съ ихъ стороны; онъ также получилъ помощника въ лицѣ проректора. Инспекторъ теперь долженъ былъ избираться не изъ профессоровъ, а назначался попечителемъ изъ военныхъ или гражданскихъ чиновниковъ; вмѣсто прежнихъ магистровъ или кандидатовъ, помогавшихъ инспектору въ его должности, теперь самъ инспекторъ выбиралъ себѣ помощниковъ изъ постороннихъ лицъ—военныхъ или гражданскихъ чиновниковъ, не занятыхъ другими должностями. Инспекторъ теперь былъ непосредственно подчиненъ попечителю; онъ долженъ былъ имѣть особенный и ближайшій надзоръ за нравственностью студентовъ. Въ нужныхъ случаяхъ онъ приглашался въ засѣданія правленія съ правомъ рѣшающаго голоса. Ему разрѣшено было также присутствовать при испытаніи студентовъ. Прежде университету принадлежала цензура всѣхъ книгъ, печатаемыхъ въ округѣ; теперь за нимъ оставлена была только цензура ученыхъ сочиненій, имъ или профессорами его издаваемыхъ; при этомъ онъ обязанъ былъ руководствоваться общимъ цензурнымъ уставомъ, который былъ очень строгъ. Прежде самому университету принадлежало право суда и надъ семьями профессоровъ и чиновниковъ. Теперь судебная компетенція университета была сокращена, но все-таки всякій арестованный полиціей или военной стражей

преподаватель, чиновникъ или студентъ, не обвиняемый въ уголовномъ преступленіи, долженъ былъ быть доставленъ ректору университета; при уголовномъ же слѣдствіи только присутствовалъ представитель отъ университета. Пенсія въ размѣрѣ оклада жалованья назначена была за 25 лѣтъ. Объ ученыхъ обязанностяхъ университета теперь уже ничего не говорится, только предоставляется право ему учреждать ученыя общества по спеціальнымъ наукамъ; штаты Харьковскаго университета были увеличены со 130 тыс. на 370 тыс. руб. ас., т. е. почти втрое. Уставъ 1835 г., впрочемъ, не остался безъ измѣненія до своей отмѣны, а, подобно уставу 1804 года, подвергался и дополненіямъ, и измѣненіямъ, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ самымъ рѣшительнымъ образомъ нарушали его сущность,—можно сказать, разрушили его въ самомъ корнѣ.

Къ числу естественныхъ, такъ сказать, дополненій, не искажавшихъ его смысла и характера, можно отнести, напримѣръ, слѣдующія: расширеніе курса преподаванія, новое положеніе объ ученыхъ степеняхъ, регулированіе пріема молодыхъ людей въ университетъ въ связи съ ихъ возрастомъ и подготовкою. Нѣкоторыя же изъ этихъ мѣръ были чрезвычайно плодотворны, напримѣръ, введеніе института доцентовъ и особенно давшія блестящіе результаты мѣры къ подготовкѣ университетскихъ преподавателей въ Дерптскомъ институтѣ и за границей. Но наступили въ Европѣ извѣстныя политическія событія 1848 года, и они-то вызвали по отношенію къ университетамъ рядъ новыхъ мѣропріятій, шедшихъ вразрѣзъ даже съ умѣреннымъ консерватизмомъ министра, который и самъ старался дѣйствовать въ духѣ времени. Подъ вліяніемъ событій 1848 г. министръ предпринялъ рядъ новыхъ мѣръ, долженствовавшихъ оградить русскіе университеты отъ бурь, «волнующихъ окрестныя государства» (усиленіе дисциплины, усиленіе строгости экзаменовъ «для очищенія университетовъ», сокращеніе программъ политическихъ и юридическихъ наукъ). Но имп. Николай Павловичъ рѣшилъ дѣйствовать еще болѣе энергично и радикально. Государь приказалъ ввести комплектъ въ университеты въ 300 студентовъ (такимъ путемъ хотѣли направить дворянъ въ корпуса). Запрещены были столь полезныя поѣздки съ ученой цѣлью за границу. «Съ этого времени Уваровъ сталъ терять престижъ самостоятельнаго руководителя своего вѣдомства и сдѣлался пассивнымъ исполнителемъ такихъ мѣропріятій, которыя уже нарушали созданную имъ систему». Все это такъ подѣйствовало на него, что съ нимъ случился нервный ударъ и въ томъ же 1849 г. онъ вышелъ въ отставку. Назначая преемникомъ Уварову кн. Ширинскаго-Шихматова, Николай Павловичъ ему сказалъ: «Законъ Божій есть единственное твердое основаніе всякому полезному

ученію». Новый министръ положилъ въ основу своей дѣятельности православную вѣру, основанную на ней нравственность и любовь къ отечеству. Немедленно по выходѣ въ отставку гр. Уварова, въ 1849 г., сокращено было дѣйствіе выборнаго начала: право назначенія ректора на неопредѣленный срокъ было предоставлено министру; министру же было предоставлено право продолжать срокъ деканства и представлять о назначеніи деканов и помимо университетскихъ выборовъ. Для усиленія надзора за университетскимъ преподаваніемъ были введены особыя инструкціи ректору и деканамъ (съ 1850 года). Въ 1849 г. министръ вошелъ съ докладомъ объ исключеніи изъ программъ государственнаго права. Государь положилъ резолюцію: «дѣльно, совершенно лишнее». Въ 1850 г. упразднено было преподаваніе философіи свѣтскими профессорами, а взамѣнъ ея поручено было чтеніе логики и психологіи преподавателямъ богословія. Ширинскій-Шихматовъ умеръ въ 1853 году. «Болѣзнь и смерть его, по словамъ Никитенка, были слѣдствіемъ чрезмѣрнаго напряженія силъ и огорченій. Онъ не былъ государственнымъ человѣкомъ—да и гдѣ же у насъ государственные люди? И постъ министра застaлъ его, такъ сказать, врасплохъ, неожиданно; онъ самъ сознавалъ свою несостоятельность въ этомъ отношеніи.

На министра народнаго просвѣщенія смотрѣли съ нѣкотораго рода пренебреженіемъ, которое было естественнымъ слѣдствіемъ его политическаго безсилія. Преемникомъ Ширинскаго-Шихматова былъ А. С. Норовъ, «человѣкъ гуманный и просвѣщенный, но не обладавшій твердымъ характеромъ и легко поддававшійся постороннимъ вліяніямъ. Норовъ понималъ необходимость вывести ввѣренное ему министерство изъ тѣхъ крайне стѣснительныхъ условій, въ какія оно было поставлено при его предшественникѣ». Но приступилъ онъ къ этому только съ восшествіемъ на престолъ имп. Александра II-го. Онъ изъялъ, между прочимъ, учебные округа изъ-подъ власти генералъ-губернаторовъ. Въ всеподданнѣйшемъ докладѣ своемъ онъ высказался рѣшительно за возстановленіе заграничныхъ ученыхъ командировокъ для подготовки профессоровъ. Съ 1856 г. сталъ возстанавливаться прежній порядокъ университетской жизни, согласный съ уставомъ 1835 года. Въ 1856 г. отмѣнено преподаваніе военныхъ наукъ и экзерцицій, введенныхъ въ 1854 г. Въ 1857 г. возобновлено преподаваніе въ университетахъ государственнаго права и были уничтожены ограниченія относительно публичности диспутовъ. Преемникомъ и продолжателемъ дѣятельности Норова былъ Е. П. Ковалевскій (съ 1858 по 1861-й годъ), вышедшій въ отставку вслѣдствіе несогласія въ мнѣніяхъ съ коммиссіями, занимавшимися изслѣдованіемъ вопроса о причинахъ студенческихъ безпорядковъ. Въ 1859 г.

возстановлено право университетовъ выписывать изъ-за границы безъ цензуры изданія. Въ 1860 г. возстановлено было преподаваніе исторіи философіи въ университетахъ; въ 1861 г. возстановлено право университетовъ на выборы ректоровъ и проректоровъ согласно уставу 1835 года. Рѣшено было пересмотрѣть пресловутую инструкцію ректорамъ и деканамъ. Частичныя реформы закончены были, наконецъ, общею университетскою реформою 1863 года. Такимъ образомъ, съ уставомъ 1835 года произошло то же самое, что и съ уставомъ 1804 г.: въ первоначальномъ видѣ онъ просуществовалъ немного лѣтъ, затѣмъ его начали обрѣзывать и искажать, а потомъ снова возстанавливать. И все это дѣлалось подъ вліяніемъ различныхъ теченій, происходившихъ въ правящей средѣ. Получался, такимъ образомъ, circulus vitiosus, столь характерный для исторіи русской общественной жизни вообще и исторіи русскаго просвѣщенія въ частности. Уставъ 1835 года, не смотря на свои несовершенства по сравненію съ уставомъ 1804 года, представлялъ значительный шагъ впередъ сравнительно съ его искаженіями, доведшими университеты до состоянія полнаго упадка, а ихъ преподавательскій персоналъ до апатіи и равнодушія. Въ такомъ именно состояніи, какъ мы знаемъ, находился и Харьковскій университетъ въ эпоху реакціи. Со введеніемъ новаго устава, 1835 г., и онъ оживился, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ современникъ, бывшій тогда студентомъ Н. И. Костомаровъ. Огромная заслуга Уварова заключается въ томъ, что онъ принялъ самыя рѣшительныя мѣры къ пополненію и обновленію преподавательскаго персонала. И въ Харьковскій университетъ были направлены новыя научныя силы, которыя создали въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ эпоху пышнаго расцвѣта преподавательской дѣятельности его профессоровъ, преданныхъ наукѣ и университету, проникнутыхъ духомъ идеализма. Во второй половинѣ 40-хъ годовъ, благодаря реакціи и гнету, научно-преподавательская дѣятельность профессоровъ и благотворное вліяніе ихъ на студентовъ сильно падаютъ, и университетъ снова начинаетъ возрождаться только подъ живительнымъ дѣйствіемъ эпохи «великихъ реформъ имп. Александра II въ самомъ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ». Таковъ былъ общій ходъ эволюціи.

Проводниками правительственной политики на мѣстѣ, въ университетѣ, были попечители учебнаго округа, сильно вліявшіе на академическую жизнь и самоуправленіе.

Попечителями Харьковскаго учебнаго округа при дѣйствіи университетскаго устава 1835 года были: гр. Ю. А. Головкинъ до смерти, послѣдовавшей 21 января 1846 г.; по смерти его должность попечителя

была возложена имп. Николаемъ Павловичемъ на Харьковскаго, Черниговскаго и Полтавскаго ген.-губ. кн. Николая Андреевича Долгорукова, несшаго ее до кончины (11 апр. 1847 г.); съ 10 мая 1847 г. его преемникомъ былъ назначенъ ген.-губ. Сергѣй Александровичъ Кокошкинъ, остававшійся на этомъ посту до 27 декабря 1856 года. Его преемникомъ былъ отдѣльный уже попечитель, тайный совѣт. Катакази (въ 1856—1857 г.г.); на его мѣсто назначенъ П. В. Зиновьевъ (съ 28 апр. 1857 по 1860 г.); а потомъ ген.-лейт. Дмитрій Сергѣевичъ Левшинъ (изъ дворянъ Слободско-Украинской губ.), бывшій дотолѣ директоромъ училищъ военнаго вѣдомства. Такъ какъ гр. Головкинъ былъ очень дряхлъ и слабъ, а смѣнившіе его генералъ-губернаторы въ роли попечителей не могли всецѣло отдаться новой должности, то естественно, что въ это время усилилось значеніе помощника попечителя, каковую должность долгое время послѣ ухода гр. Панина занималъ кн. Цертелевъ (съ начала 1838 г. по 28 марта 1859 г.). Въ отзывахъ современниковъ личность и управленіе Головкина выступаютъ передъ нами въ положительномъ свѣтѣ. По словамъ Де-Пуле, бывшаго студентомъ въ началѣ 40-хъ годовъ, «гр. Головкинъ былъ тогда дряхлымъ старикомъ, больше проживавшимъ за границей, чѣмъ въ Харьковѣ, но съ тѣмъ либеральнымъ складомъ ума, какимъ отличались люди Екатерининскаго вѣка, которому онъ вполнѣ принадлежалъ. Не только мѣстная губернская администрація, но и генералъ-губернаторы малороссійскіе, переселившіеся изъ Полтавы въ Харьковъ, изъ боязни оскорбить престарѣлаго графа, не касались университета; даже приснопамятный своею сварливостью и придирчивостью тогдашній Харьковскій епископъ Смарагдъ Крыжановскій его побаивался». С. И. Коваленко сообщаетъ, что все свое жалованье по должности попечителя Головкинъ предоставлялъ университету. Студентъ 40-хъ годовъ В. Пашковъ въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываетъ, что Головкинъ отпускалъ изъ своихъ средствъ порядочную сумму на празднованіе университетскаго акта 30 августа. При Головкинѣ происходило примѣненіе къ Харьковскому университету новаго устава и штатовъ, и это серьезное дѣло должно было потребовать отъ него значительнаго напряженія силъ. Изъ тѣхъ многочисленныхъ проектовъ реформъ и улучшеній, которые были предложены министерству имъ и его помощникомъ Панинымъ, прошло, въ сущности, только отдѣленіе въ университетѣ ученой части отъ административной. Затѣмъ, еще до утвержденія новаго устава, Уваровъ запросилъ Головкина, какіе изъ наличныхъ профессоровъ Харьковскаго университета могутъ по способностямъ, свѣдѣніямъ и усердію остаться и при новомъ уставѣ и при какихъ именно каѳедрахъ, и какіе должны быть уволены.

Представлены были Головкинымъ къ увольненію слѣдующія лица: адъюнктъ анатоміи Леоновъ («имѣлъ весьма ограниченныя познанія и по слабости здоровья часто пропускалъ лекціи»), орд. профессоръ прикладной математики Архангельскій («имѣлъ слабыя способности и ограниченныя свѣдѣнія»), Паки-де-Совиньи («хотя имѣетъ хорошія свѣдѣнія и прежде исполнялъ свою должность рачительно, но теперь, по старости, не можетъ быть удовлетворительнымъ профессоромъ»), проф. богословія прот. Могилевскій («неясно и медлительно излагаетъ свой предметъ; старъ и обремененъ обязанностями священническаго сана»), экстр. проф. Рейпольскій («имѣлъ хорошія познанія, былъ дѣятеленъ, трудолюбивъ и усерденъ, но совершенно лишенъ дара преподаванія»), Мауреръ («имѣлъ до такой степени странное произношеніе, что даже возбуждалъ смѣхъ»), Комлишинскій и Громовъ («благодаря административнымъ занятіямъ своимъ, отвыкли даже отъ преподаванія») и адъюнктъ Правицкій («по ограниченности познаній»). Для этихъ лицъ попечитель просилъ пенсіи, но пенсія назначалась за $^2/_3$ служебнаго срока. Само министерство назначило профессорами въ Харьковскій университетъ воспитанниковъ профессорскаго института—докторовъ Лунина (по всеобщей исторіи), Ѳедотова (по римскому праву), Куницына (по гражданскимъ законамъ), Платонова (по благоустройству и благочинію). Попечитель просилъ о назначеніи на каѳедру греческой словесности доктора философіи Валицкаго. Для рѣшенія вопроса о томъ, по какимъ каѳедрамъ могутъ быть, кромѣ ординарныхъ профессоровъ, еще экстраординарные и адъюнкты, попечитель пригласилъ къ себѣ своего помощника, деканова и ректора, а также и факультеты, которые составили таблицу будущаго распредѣленія каѳедръ, значительно однако измѣненную въ министерствѣ. Большое затрудненіе представлялъ вопросъ о назначеніи профессорами тѣхъ преподавателей, которые занимали уже каѳедры, но не имѣли докторской степени. Попечитель ходатайствовалъ о томъ, чтобы министерство не примѣняло къ нимъ новаго требованія объ ученыхъ степеняхъ, котораго не было въ уставѣ 1804 года, ибо законъ обратной силы не имѣетъ. Вопросъ шелъ о Криницкомъ, Протопоповѣ, Якимовѣ, Гордѣенкѣ и Кригерѣ. Министромъ предоставлена была та льгота, что они освобождены были при достиженіи докторской степени отъ экзамена, но съ тѣмъ чтобы представили диссертаціи въ годичный срокъ. Этою льготою въ Харьковскомъ университетѣ рѣшили воспользоваться Сокальскій, Протопоповъ и Якимовъ, которымъ вмѣнено было въ обязанность написать и защитить диссертаціи непремѣнно въ теченіе одного года. По медицинскому факультету министръ допустилъ, въ видѣ опыта, распредѣленіе предметовъ, составленное

факультетомъ. Фактическое введеніе новаго устава однако естественно задержалось до 1837 года тѣмъ обстоятельствомъ, что только съ этого года ассигнована была на университетъ сумма по новому штату.

Изъ таблицы распредѣленія каѳедръ, съ указаніемъ необходимаго для нихъ числа преподавателей по уставу 1835 года, оказывается, слѣдующее.

На 1-мъ отдѣленіи философскаго факультета (нынѣшнемъ историко-филологическомъ) оставались вакантными все-таки каѳедры славянскихъ нарѣчій и восточной словесности; по 2-му отдѣленію—по физикѣ, по зоологіи, по технологіи, по сельскому хозяйству и архитектурѣ; на юридическомъ факультетѣ—по энциклопедіи, по законамъ о госуд. повинностяхъ и финансахъ, по началамъ общенароднаго права; на медицинскомъ—по анатоміи, умозрительной хирургіи, судебной медицинѣ, исторіи медицины и скотолеченія. Оставалась вакантной и внѣфакультетская каѳедра богословія. Кромѣ того, нѣкоторыя лица были указаны предположительно: занятіе ими каѳедръ находилось въ зависимости отъ того, получатъ ли они въ указанные сроки докторскія степени. Всего нужно было 39 профессоровъ—26 ординарныхъ и 13 экстраординарныхъ; имѣлось же на лицо: 12 ординарныхъ, 2 экстраординарныхъ, 5 докторовъ и 4 магистра; оставалось профессорскихъ вакансій 16; адъюнктовъ на лицо было 5, вакансій адъюнктскихъ 3. Сверхъ того, дѣлались вакантными внѣфакультетская каѳедра богословія и лектуры французскаго и англійскаго языковъ; безъ замѣстителей оставались также должности прозекторовъ и преподавателя фехтованія.

Такимъ образомъ, отчисленіе за штатъ значительнаго числа преподавателей, на мѣсто которыхъ не имѣлось въ виду не только болѣе достойныхъ, но какихъ бы то ни было кандидатовъ, поставило на первыхъ порахъ университетъ въ затруднительное положеніе. Нѣкоторыхъ изъ прежнихъ профессоровъ, конечно, необходимо было удалить въ интересахъ самого преподаванія (напримѣръ, Паки-де-Совиньи), для того чтобы расчистить почву для лучшаго порядка вещей, для обновленія университета,—иначе пришлось бы вливать вино новое въ мѣхи старые; но здѣсь приходилось невольно считаться съ обычнымъ хроническимъ недостаткомъ ученыхъ силъ. И, въ концѣ концовъ, изъ двухъ золъ нужно было предпочесть меньшее—оставить на время до пріисканія достойнаго кандидата и не вполнѣ удовлетворительнаго профессора, дабы вовсе не оставлять каѳедры безъ преподавателя. Такой компромиссъ былъ необходимъ и тѣмъ болѣе возможенъ, что и само министерство дѣлало льготы прежнимъ дѣятелямъ, и это было вполнѣ справедливо, такъ какъ законъ обратной силы не имѣетъ.

И, въ самомъ дѣлѣ,—странно, и едва ли справедливо было требовать, напримѣръ, отъ профессора Черняева или Криницкаго, стяжавшихъ себѣ извѣстность за границей, докторскаго диплома, котораго у нихъ не было,—а между тѣмъ отъ Криницкаго его требовали.

Отдѣленіе административной части отъ учебной въ Харьковскомъ университетѣ, въ связи съ временнымъ штатомъ для него, было фактически введено уже въ 1835 году и, по отзыву попечителя, принесло очевидную пользу: учебное дѣло пошло лучше, потому что профессора имѣли теперь гораздо больше времени «заниматься настоящимъ своимъ дѣломъ воспитанія и обученія юношества и слѣдовать истинному своему назначенію, а не производить канцелярскія дѣла, которыя доселѣ были въ самомъ запутанномъ состояніи, именно потому, что производились учеными, т. е. людьми, несвѣдущими въ ихъ производствѣ, вслѣдствіе чего профессора не достигали надлежащихъ успѣховъ ни въ наукѣ, ни въ канцелярскихъ дѣлахъ». Въ заключеніе попечитель просилъ о продленіи этого порядка до введенія новаго устава. Тогда же выработана была инструкція для инспектора, и, согласно представленіямъ Головкина, прибавлено 2 новыхъ помощника инспектора (прежніе педеля были уничтожены). Но въ 1839 году министръ народнаго просвѣщенія Уваровъ признадъ недостаточнымъ надзоръ инспекціи надъ студентами Харьковскаго университета, и вслѣдствіе этого подъ предсѣдательствомъ попечителя графа Головкина состоялось особое совѣщаніе, которое выработало рядъ еще болѣе строгихъ мѣръ для наблюденія за студентами. Тогда же графъ Головкинъ представилъ въ министерство предложеніе объ усиленіи за студентами надзора по учебной части въ педагогическомъ институтѣ, съ проектомъ инструкціи для его директора, каковую должность долженъ былъ занимать проректоръ. Далѣе, составлена была спеціальная инструкція синдику, который являлся въ роли главнаго начальника всего канцелярскаго дѣлопроизводства въ университетѣ, и выработаны были (въ 1839 г.) правила для студенческихъ экзаменовъ. Этимъ послѣднимъ введена была теперь подробная и точная регламентація дѣла. По ходатайству Головкина, разрѣшено было на хозяйственныя суммы университета произвести ремонтъ въ его помѣщеніяхъ. При Головкинѣ открыты были публичныя лекціи по техническимъ наукамъ и поднятъ былъ вопросъ о заведеніи земледѣльческаго хутора. Проф. Рославскій-Петровскій въ 1841 году напечаталъ обозрѣніе Импер. Харьковскаго университета, гдѣ далъ характеристику «цвѣтущаго» состоянія университета въ первые четыре года дѣйствія новаго устава. Никогда ранѣе, говоритъ онъ тамъ, университетъ не былъ въ такомъ блестящемъ положеніи, какъ нынѣ. Въ доказательство своей мысли онъ приводитъ ста-

тистическія данныя, указывающія на возрастаніе въ это время числа студентовъ, лицъ, получившихъ кандидатскую степень, и сочиненій, изданныхъ преподавателями. Гр. Головкинъ часто проживалъ внѣ Харькова, и Уваровъ въ 1842 году рекомендовалъ его помощнику кн. Цертелеву конфиденціально сноситься въ важныхъ случаяхъ съ Харьковскимъ генер.-губер. кн. Ник. Андр. Долгоруковымъ.

Конечно, это было сдѣлано помимо вѣдѣнія гр. Головкина, и этотъ шагъ былъ какъ бы переходною ступенью къ формальной передачѣ попечительской власти въ руки генералъ-губернатора, что и совершилось немедленно по смерти гр. Головкина, а въ февралѣ 1846 года Уваровъ увѣдомилъ кн. Долгорукова, что государь Высочайше соизволилъ, чтобы онъ принялъ на себя главное наблюденіе за Харьковскимъ университетомъ и округомъ на правахъ попечителя. Кн. Долгоруковъ отнесся къ университету, повидимому, весьма благожелательно—это видно изъ его представленія о нуждахъ университета, сдѣланнаго въ 1846 г. и явившагося результатомъ обсужденія ихъ деканами въ факультетахъ и членами совѣта. Между прочимъ, онъ высказался рѣшительно за ежегодную заграничную командировку преподавателей медицинскаго факультета. Текущая дѣятельность по управленію университетскими дѣлами находилась однако по-прежнему въ рукахъ помощника попечителя кн. Цертелева. Кн. Николай Андреевичъ Цертелевъ «былъ много лѣтъ помощникомъ попечителя Харьковскаго учебнаго округа, именно съ 1838 года по 28 марта 1859 г., при нѣсколькихъ попечителяхъ: Головкинѣ, Долгоруковѣ, Кокошкинѣ, Катакази и Зиновьевѣ. При Головкинѣ кн. Цертелевъ дѣлалъ все, что хотѣлъ, по дряхлости самого Головкина; кн. Долгоруковъ знать не хотѣлъ, игнорировалъ Цертелева, по своему сатрапству, и посылалъ его на ревизіи въ округѣ; Цертелевъ былъ человѣкъ себѣ на умѣ, но неразумный, хотя казался умнымъ: его называли псевдоразумнымъ, псевдософомъ. Извѣстный харьковскій оригиналъ И. Н. Рейпольскій называлъ его княземъ тьмы, а другіе—отрывкомъ Кавказа. Цертелевъ былъ изъ кавказцевъ, вѣроятно, грузинскихъ князьковъ, которыхъ великое множество. «Духъ времени» сказался въ представленіи о неутвержденіи деканомъ 1-го отдѣленія философскаго факультета проф. Валицкаго, между прочимъ, и по причинамъ политическаго свойства (за то, что онъ будто бы оказывалъ излишнее покровительство своимъ землякамъ-студентамъ, уроженцамъ западныхъ губерній) и въ громкомъ дѣлѣ о сожженіи диссертаціи Н. И. Костомарова. Эпизодъ съ магистерскою диссертаціей Н. И. Костомарова «Объ уніи» является однимъ изъ рѣзкихъ проявленій отсутствія свободы научнаго изслѣдованія. Его диссертація была одобрена

факультетомъ и затѣмъ отпечатана. Въ 1849 году назначенъ былъ диспутъ. «Наканунѣ этого дня, говоритъ Н. И. Костомаровъ, является прибитое къ стѣнамъ университета объявленіе, въ которомъ говорится, что по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ защищеніе диссертаціи Костомарова отлагается на неопредѣленное время. Деканъ факультета, на мой вопросъ объ этомъ, сообщилъ мнѣ, будто Иннокентій написалъ какую-то бумагу помощнику попечителя, въ которой предлагаетъ остановить диспутъ до сношенія съ министромъ Я видѣлъ въ словахъ архіерея скрытность. Прошло между тѣмъ болѣе мѣсяца. Меня извѣстили, что министръ народнаго просвѣщенія, которымъ былъ тогда графъ С. С. Уваровъ, прислалъ написанный проф. Устряловымъ разборъ моей диссертаціи и вмѣстѣ съ тѣмъ предписалъ уничтожить всѣ экземпляры, которые были напечатаны, а мнѣ дозволить писать иную диссертацію». Документальныя данныя доказываютъ, что первый толчокъ дѣлу далъ преосв. Иннокентій, пріостановилъ диспутъ и сдѣлалъ представленіе о диссертаціи Костомарова товарищу министра кн. Ширинскому-Шихматову кн. Цертелевъ, а Устряловъ далъ неблагопріятный отзывъ относительно ея направленія, и на основаніи его Уваровъ велѣлъ ее сжечь. Что дѣло происходило именно такъ, это доказывается собственнымъ признаніемъ преосв. Иннокентія въ письмѣ его къ петербургскому другу. «А въ здѣшнемъ университетѣ, пишетъ преосвященный, вышло небольшое приключеніе: вскорѣ по пріѣздѣ моемъ, одинъ кандидатъ вздумалъ держать экзаменъ на степень магистра по разсужденію объ уніи. Я, къ удивленію, нашелъ, что оно писано очень въ нехорошемъ, почти не въ русскомъ духѣ, такъ что скорѣе можетъ быть выставлено въ любомъ журналѣ иностранномъ, какъ доказательство, что изъ русскихъ есть люди, кои смотрятъ на унію не по-русски. Это заставило меня *сказать* свое *опасеніе главамъ здѣшняго университета,*—и онѣ, вполнѣ раздѣляя его, рѣшились, пріостановивши диспутанта, послать это разсужденіе къ вамъ на просмотръ предварительный. Мѣра весьма благоразумная: вамъ виднѣе дѣла сего рода, и вашъ приговоръ положитъ конецъ недоумѣніямъ. Только во всякомъ случаѣ множество *дерзкихъ выраженій* на счетъ восточной церкви и ея патріарховъ, кажется, не должны быть пропущены, ибо они кромѣ того, что *антиполитическія,* противны исторіи и публичное защищеніе ихъ можетъ произвесть соблазнъ».

Едва ли нужно доказывать полную несостоятельность мотивовъ Уварова для истребленія диссертаціи Костомарова. Предметъ для диссертаціи былъ выбранъ Костомаровымъ очень удачный: это былъ одинъ изъ самыхъ основныхъ капитальныхъ вопросовъ западно-русской исторіи и его разрабатывалъ и до, и послѣ Костомарова цѣлый рядъ по-

чтенныхъ и благонамѣренныхъ изслѣдователей — Бантышъ-Каменскій, митр. Евгеній, Кояловичъ, посвятившій ему двухтомное изслѣдованіе (1859 и 1861) и мн. др. И самъ Костомаровъ впослѣдствіи вернулся къ предмету своей первой магистерской диссертаціи. Мало того: нѣкоторыя изъ мнѣній Костомарова, послужившія для министра поводомъ къ истребленію книги, получили развитіе и обоснованіе въ трудахъ и матеріалахъ, изданныхъ въ послѣдующее время. Наконецъ, если и были ошибки и увлеченія въ сочиненіи Костомарова, то это были недостатки ученые и исправить ихъ нужно и можно было только посредствомъ ученой критики, т. е. напечатаніемъ отзыва Устрялова, а отнюдь не истребленіемъ самой книги; послѣдній же пріемъ напоминаетъ средства инквизиціи и плохо мирится съ тою репутаціею «ученаго мужа», какую пытался создать себѣ Уваровъ. Кн. Долгоруковъ не долго исполнялъ обязанности попечителя, а его преемникомъ былъ ген.-губ. Кокошкинъ. Въ 1850 г. онъ вошелъ съ предложеніемъ къ министру народнаго просвѣщенія кн. Ширинскому-Шихматову о полномъ уничтоженіи функцій совѣта университета.

Попечительство Кокошкина было печальною эпохою въ исторіи Харьковскаго университета какъ потому, что оно совпало съ самой тяжкой реакціей въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, такъ отчасти и вслѣдствіе личныхъ особенностей самого попечителя, генералъ-губернатора. По словамъ Депуле, «довольный результатами водворяемаго имъ благочинія и чистоты въ городѣ, новый попечитель не выносилъ поэтическихъ вольностей въ студенческомъ костюмѣ. Онъ началъ останавливать студентовъ, застегнутыхъ не на всѣ крючки и пуговицы, критиковать подробности ихъ костюма, требовать соблюденія формы, о чемъ при Головкинѣ и Долгорукомъ никто и не думалъ,—требовалъ строгаго отчета, почему они все «шатаются» по городу, а не сидятъ дома и *„не учатъ уроковъ“*. Началось дѣло выговорами и замѣчаніями, а потомъ пошли аресты и исключенія». Въ результатѣ «было паденіе факультетовъ словеснаго и юридическаго, пониженіе minimum'а уровня общаго образованія и деморализація не только университетской коллегіи, но и всего педагогическаго сословія. Духъ времени дѣлалъ свое дѣло: аудиторія университетская опустѣла; голоса или смолкли, или замерли на вѣки; умственная тишь и гладь», т. е. посредственность и духовная нищета стали считаться идеаломъ, «Божьею благодатью»; харьковскіе натуралисты поспѣшили именемъ Кокошкина назвать какое-то растеніе «Кокошкинія метельчатая».

Въ заслугу Кокошкина нужно поставить приведеніе въ должный видъ университетскихъ зданій, которыя дотолѣ находились въ крайне

печальномъ состояніи. Кокошкинъ оставался въ должности довольно долго, до Высочайшаго указа 27 декабря 1855 года, когда снова была возстановлена самостоятельная попечительская власть и попечителемъ назначенъ сенаторъ Катакази, занимавшій этотъ постъ съ 1856 по 1857 годъ. Катакази представилъ въ 1856 году министру довольно обширный отчетъ о состояніи университета, гдѣ говоритъ, что при посѣщеніи лекцій профессоровъ онъ могъ удостовѣриться въ благонамѣренности учащихъ и «учащихся», но замѣтилъ нѣкоторые недочеты въ учебной части. Противъ Катакази въ студенческой средѣ было какое-то возбужденіе, выразившееся, между прочимъ, въ составленіи памфлета, вложеннаго въ уста проф. богословія прот. Лебедева, будто бы произнесшаго его въ видѣ поученія въ университетской церкви. Преемникомъ его былъ Павелъ Васильевичъ Зиновьевъ (съ 28-го апрѣля 1857 по 18 февраля 1860 года). При немъ происходила студенческая исторія въ Харьковскомъ университетѣ. Во время ея попечитель поднялъ вопросъ и о нѣкоторыхъ профессорахъ, которые, по его словамъ, держали себя очень непокорно. Ихъ попечитель обвинялъ въ поддержкѣ студенческихъ волненій.

Въ 1858 г., при Зиновьевѣ, Харьковскій университетъ посѣтилъ императоръ Александръ II. Онъ выразилъ неудовольствіе по поводу происходившихъ въ университетѣ безпорядковъ, несоблюденія правилъ о ношеніи формы и подтвердилъ: «что подчиненіе полиціи не освобождаетъ студентовъ отъ надзора инспекціи». При Левшинѣ приняты были нѣкоторыя подготовительныя мѣры ко введенію новаго устава: въ 1860 г. возстановлена была каѳедра философіи, при чемъ на вознагражденіе новаго преподавателя предполагалось отпускать жалованье, получавшееся 4-мя помощниками инспектора и учителемъ гимнастики (ихъ должности рѣшили упразднить); въ 1861 году разрѣшено было профессору богословія Добротворскому читать для всѣхъ курсы богословія и церковной исторіи. При Левшинѣ же былъ введенъ новый университетскій уставъ 1863 года, который для огромнаго большинства членовъ совѣта былъ желаннымъ и ожидаемымъ актомъ. 21 января 1863 года Левшинъ былъ переведенъ попечителемъ въ Московскій округъ, а попечителемъ Харьковскаго назначенъ, 4 февраля 1863 г., его помощникъ К. Фойгтъ.

Дѣятельность совѣта, при указанныхъ выше условіяхъ, не могла совершаться и развиваться свободно. На него оказывали сильное давленіе и министерство, и попечители. Во второй же половинѣ 40-хъ и первой 50-хъ годовъ члены его были такъ запуганы господствующимъ режимомъ, что заботились только о томъ, какъ бы не прослыть не-

благонамѣренными. Но съ воцареніемъ императора Александра II, съ началомъ эпохи великихъ реформъ почувствовалось обновленіе и въ Харьковскомъ университетѣ, гдѣ глашатаемъ новой Россіи, главою либеральнаго западничества выступилъ проф. Д. И. Каченовскій, а вмѣстѣ съ нимъ проф. И. П. Сокальскій и другіе передовые дѣятели, ведшіе упорную борьбу въ совѣтѣ со старыми ретроградными теченіями. Въ 1858 г. проф. И. П. Сокальскій смѣло поднялъ свой голосъ въ совѣтѣ противъ инспекціи. Въ 1861 году домашняя учительница Людмила Ожигина обратилась съ просьбою къ попечителю Харьковскаго учебнаго округа о разрѣшеніи ей слушать лекціи на медицинскомъ факультетѣ Харьковскаго университета. Попечитель (Левшинъ) не встрѣтилъ съ своей стороны къ этому препятствій, но, не находя указаній на это въ законѣ, просилъ распоряженія министра народнаго просвѣщенія (Е. П. Ковалевскаго). Министръ повергъ это дѣло на Высочайшее воззрѣніе, а государь повелѣлъ разсмотрѣть его въ главномъ правленіи училищъ. Это послѣднее запросило мнѣнія по этому вопросу въ его общей постановкѣ университетскіе совѣты, изъ коихъ Харьковскій, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, далъ прекрасный мотивированный положительный отвѣтъ. Обычная дѣятельность совѣта и правленія требовала отъ членовъ этихъ коллегій, по-прежнему, сильнаго напряженія и большой работы. Ректорами (по выбору совѣта) были: Комлишинскій (въ 1836-1837 г.), Павловскій (въ 1837—1839 г.), Куницынъ (въ 1839—1842 г.), Гулакъ-Артемовскій (въ 1842—1849 г.), Куницынъ (исправлялъ должность ректора въ 1849—1850 г.); далѣе, въ 1850 г. былъ *назначенъ* ректоромъ Полюмбецкій, затѣмъ въ 1852 году *назначенъ* преемникомъ его профессоръ Казанскаго университета К. Фойгтъ, не читавшій вовсе лекцій въ Харьковскомъ университетѣ (чего не было ни раньше, ни позже). Его назначеніе непосредственною властью министра состоялось благодаря тому, что попечитель округа (Кокошкинъ), «не имѣя никого въ виду для замѣщенія ректорской должности, предоставилъ замѣщеніе ея министру», который назначилъ Фойгта по лестной рекомендаціи казанскаго попечителя. Фойгтъ впослѣдствіи былъ помощникомъ попечителя и попечителемъ, а ректоромъ Рославскій-Петровскій. Послѣдній передъ введеніемъ устава 1863 г. былъ оставленъ за штатомъ, а ректоромъ избранъ 6 сентября 1862 г. Кочетовъ. Нѣкоторые изъ ректоровъ, сами по себѣ, были хорошіе люди, напримѣръ: Павловскій, Палюмбецкій, Фойгтъ, Рославскій-Петровскій. Но ихъ положеніе при тогдашнемъ режимѣ было тяжелое: они не имѣли самостоятельности и всецѣло зависѣли отъ попечителя и его канцеляріи. Любопытныя данныя объ этомъ мы находимъ въ автобіографіи Т. Ѳ. Сте-

панова: Павловскій былъ избранъ ректоромъ по желанію попечителя гр. Ю. А. Головкина и при ближайшемъ содѣйствіи самого Степанова и правителя канцеляріи попечителя де-Роберти. «Къ сожалѣнію, говоритъ Т. Ѳ. Степановъ, я жестоко обманулся въ Павловскомъ: онъ рѣшительно не имѣлъ способности и нужныхъ свойствъ для своего званія. При томъ онъ, безъ сомнѣнія, направленный Кронебергомъ, шелъ противу меня (Степановъ былъ тогда проректоромъ), не имѣя ко мнѣ никакого довѣрія; вѣрилъ, будто я дѣйствую противъ его и такимъ образомъ своими распоряженіями часто огорчалъ графа, къ тому еще часто бывалъ боленъ. Графъ сердился на него и вмѣстѣ досадовалъ на меня. Сколько ни старался я уладить это дѣло, сколько ни оправдывалъ Павловскаго и истинно желалъ ему добра—но все было напрасно. Павловскій какъ будто нарочно поступалъ безразсудно, такъ что раздосадованный графъ *велѣлъ ему уволиться* отъ должности ректора. Вмѣсто него былъ избранъ ректоромъ проф. Куницынъ... При избраніи Куницына въ ректоры новый помощникъ попечителя кн. Чертелевъ *предлагалъ*, по желанію графа Головкина, мнѣ это мѣсто, говоря, что Куницынъ будетъ просить увольненія, да и самъ Куницынъ просилъ меня о томъ же. Но я рѣшительно отказался отъ этого: я всегда опасался слабости своего здоровья, да и чувствовалъ въ себѣ отсутствіе многихъ качествъ, нужныхъ для этого званія. Странное дѣло, какъ сей Куницынъ, вѣроятно, тоже научаемый моими врагами, не смотря на то, что я всегда былъ къ нему искренно расположенъ, способствовалъ его разнымъ выгодамъ и радовался, что онъ, занимая мѣсто ректора, *можетъ поправить свое состояніе, имѣя у себя студентовъ*, дѣлалъ мнѣ тысячи непріятностей». Какъ видимъ отсюда, выборы ректора представляли изъ себя фикцію, въ дѣйствительности избраніе рѣшалось въ канцеляріи попечителя. То же самое, очевидно, было и въ попечительство Долгорукаго и Кокошкина. Во всякомъ случаѣ Гулакъ-Артемовскій пользовался дурною репутаціей въ качествѣ ректора университета и былъ извѣстенъ вообще своимъ искательствомъ передъ сильными міра сего. Такимъ образомъ, можно сказать, что, въ сущности, правомъ вполнѣ свободнаго избранія ректоровъ Харьковскій университетъ не пользовался въ теченіе всего второго періода своей исторіи. К. К. Фойгтъ былъ расположенъ къ университету, но назначеніе посторонняго лица въ ректоры, по отсутствію подходящаго кандидата среди всѣхъ профессоровъ Харьковскаго университета, нельзя не признать въ высшей степени страннымъ и ненормальнымъ: это было такое testimonium paupertatis, котораго университетъ не заслужилъ. Выборы почетныхъ членовъ университета въ это время также свидѣ-

тельствуютъ о вялой жизни важнѣйшаго органа университетскаго самоуправленія—совѣта: число почетныхъ членовъ, избранныхъ въ этотъ періодъ, было не велико и качественная сторона избранныхъ лицъ стояла не высоко. Только съ возрожденіемъ университетской жизни, въ концѣ 50-хъ годовъ, измѣняется къ лучшему и эта сторона совѣтской дѣятельности: Харьковскій университетъ, благодаря проф. Каченовскому, вступилъ въ дѣятельныя связи съ корифеями западно-европейской науки.

Вотъ фактическія данныя о выборахъ почетныхъ членовъ. Въ 1836/7 г. въ почетные члены были избраны: епископъ Чигиринскій Иннокентій и Воронежскій губернаторъ ген.-м. Ладыгинъ; въ 1837/8 г. исправ. должность Черн., Полт. и Харьк. ген.-губ. гр. Александръ Григорьевичъ Строгановъ и профессоръ Петербургской медико-хирургической академіи Буяльскій; въ 1839/40 г.—дир. Пулковской обсерваторіи Струве и проф. Казанскаго университета Симоновъ; въ 1849/50 г. былъ единогласно избранъ въ почетные члены проф. А. Ѳ. Павловскій; въ 1851/2 г.—преосв. Филаретъ, еп. Харьковскій, и кн. Вас. Ю. Мещерскій; въ 1852/3—президентъ академіи наукъ гр. С. С. Уваровъ, Дм. Андр. Донецъ-Захаржевскій, б. проф. Т. Л. Ванцетти и капитанъ М. Д. Тебеньковъ; въ 1854/5 г. по случаю пятидесятилѣтія университета въ почетные члены его были избраны слѣдующія лица: Ал. Ир. Левшинъ, А. Н. Демидовъ, лейбъ-медикъ М. А. Маркусъ, лейбъ-медикъ Н. Ѳ. Арендтъ, лейбъ-мед. М. М. Мандтъ, И. В. Енохинъ, презид. мед.-хир. ак. В. В. Пеликанъ, дир. гл. пед. ин. И. И. Давыдовъ, ректоръ Пет. у-та П. А. Плетневъ, ректъ. Моск. у-та А. А. Альфонскій, П. П. Гулакъ-Артемовскій, П. А. Нарановичъ, Ѳ. И. Иноземцевъ, пр. А. И. Оверъ, пр. К. А. Неволинъ, А. Ѳ. фонъ Рейцъ; въ 1855/6 г.—Кокошкинъ, въ 1856/7 г.—Макарій, М. А. Корфъ, В. П. Титовъ, Губе, Н. И. Пироговъ, А. Х. Востоковъ, проф. Каз. у-та О. М. Ковалевскій; въ 1857/8 г.—ген. К. В. Чевкинъ, Э. А. Ленцъ, А. Я. Купферъ, Б. С. Якоби, П. И. Кеппенъ, Ѳ. Брандтъ, ген. Гельмерсенъ, А. С. Норовъ; въ 1858/9 г.—кн. Н. А. Цертелевъ, проф. Е. С. Гордѣенко; въ 1859/60 г.—кн. Барятинскій, ак. Остроградскій, гр. Кушелевъ-Безбородко, лордъ Маколей, знаменитый историкъ Гротъ, Льюисъ, Гладстонъ, Мурчиссонъ, Кобденъ, Пасси, Лабулэ, Лоранъ, Торбеке, Врееде, Акерсданкъ, Р. Моль, Кетле, Филиморъ, Шіялоя, Кольмейро; «всѣ означенныя лица были избраны въ воздаяніе ихъ ученыхъ и общественныхъ заслугъ, а равно за содѣйствіе, оказанное проф. Каченовскому въ его заграничномъ путешествіи»; въ 1860/1 г.—вел. кн. Константинъ Николаевичъ, Палацкій, Эрбенъ, Мацѣевскій,

Куколевичъ-Сакцинскій, Миклошичъ; въ 1861/2 году—презид. мед.-хир. ак. Дубовицкій, проф. Харьк. у-та Ганъ, Моро де Жоннесъ, Кольбъ и Вапеусъ; въ 1862/3 г.—Рославскій-Петровскій и Терещенко.

2-я глава.

Преподавательская и научная дѣятельность профессоровъ.

Обращаемся теперь къ характеристикѣ преподавательской и научной дѣятельности профессоровъ и адъюнктовъ Харьковскаго университета въ періодъ времени съ 1835 по 1865-й годъ. Всѣхъ ихъ было 81 чел., изъ коихъ отъ предыдущаго періода осталось 14 и новыхъ вступило 67 [1]); въ томъ числѣ на словесномъ факультетѣ было 22 [2]); физико-математическомъ 27 [3]); этико-политическомъ 14 [4]); и медицинскомъ 18 [5]); кромѣ того, сюда нужно еще присоединить трехъ профессоровъ богословія [6]), которое не было пріурочено къ опредѣленному факультету. Въ первое 30-лѣтіе жизни университета въ немъ мы насчитали 92 преподавателя; въ 28 послѣдующихъ лѣтъ 81 чел.—вмѣсто прироста мы видимъ въ общемъ уменьшеніе. Составъ профессорской коллегіи сильно обновился: старыхъ профессоровъ осталось очень мало. Всѣ члены ея, за исключеніемъ Ванцетти, были русскими учеными

---

[1]) На словесномъ: прежнихъ 5 и новыхъ 17, на физико-математическомъ прежнихъ 4 и новыхъ 23, на этико-политическомъ—2 старыхъ и 12 новыхъ, на медицинскомъ—3 старыхъ и 15 новыхъ.

[2]) *Якимовъ*, Метлинскій, Костырь, Н. Лавровскій, Потебня, *Кронебергъ*, *П. Сокальскій*, Лукьяновичъ, Юргевичъ, Тихоновичъ, Валицкій, *Протопоповъ*, Лунинъ, Сливицкій, Рославскій-Петровскій, Петровъ, Ливскій, *Артемовскій-Гулакъ*, Зернинъ, Изм. Срезневскій, И. Сокальскій, П. Лавровскій.

[3]) *Павловскій*, *Дьяченко*, Бейеръ, Гречина, Соколовъ, *Шагинъ*, Шидловскій, Федоренко, Лапшинъ, Морозовъ, Котляровъ, Эйнбродтъ, Ходневъ, Бекетовъ, *Черняевъ*, Кирилловъ, Щеглеевъ, А. Бекетовъ, А. Питра, Калениченко, Борисякъ, Чернай, Масловскій, Озерскій, Коссовъ, Тонъ, Кочетовъ.

[4]) Клобуцкій, Палюмбецкій, Станиславскій, Куницынъ, А. Ѳедотовъ, Мицкевичъ, Кенигъ, Платоновъ, Максимовъ, Пахманъ, *Г. Гордѣенко*, *Степановъ*, Орнатскій, Каченовскій.

[5]) Нарановичъ, Свиридовъ, Иллинскій, Дударевъ, Вилкомирскій, Калениченко, Дабеловъ, *Е. Гордѣенко*, *Бутковскій*, Рындовскій, Робинзонъ, Демонси, Струве, Линкъ, Ванцети, Грубе, *Ганъ*, Альбрехтъ.

[6]) Зимина, Лебедева и Добротворскаго.

и подданными. Ванцетти былъ родомъ изъ Италіи и туда же возвратился обратно изъ Харькова, гдѣ былъ красою и гордостью университета. Въ противоположность предыдущему періоду, почти всѣ новые профессора 30—50 годовъ имѣли ученыя степени, если не доктора, то магистра. Многіе и изъ прежнихъ преподавателей, какъ мы видѣли, получили эти степени при введеніи въ дѣйствіе новаго устава безъ экзамена, при посредствѣ одной диссертаціи. Много лицъ со степенями далъ тогда же Харьковскому университету при введеніи устава 1835 года Дерптскій педагогическій институтъ. Не мало преподавателей вышло изъ среды питомцевъ самого Харьковскаго университета. Университетъ подготовилъ къ профессорской дѣятельности цѣлый рядъ своихъ студентовъ посредствомъ командировокъ за границу: Свиридова (по медицинѣ), Изм. Срезневскаго (по славяновѣдѣнію), Ю. Морозова (по физикѣ), Потебню (по русскому языку), Ѳ. Тихоновича (по технической химіи), И. Зарубина (по хирургіи), П. Степанова (по зоологіи), Делярю (по математикѣ), Гарничъ-Гарницкаго (по химіи). Однако почти всѣ эти командировки совпадаютъ съ эпохою возрожденія Харьковскаго университета въ началѣ царствованія императора Александра II-го. Исключеніемъ являются только первыя двѣ, относящіяся къ начальнымъ годамъ. Къ тому же начальному періоду относится командировка въ Петербургъ (для подготовки по геологіи) Борисяка и изъ постороннихъ—Кочетова за границу. Обращаемся теперь къ обозрѣнію преподавательской дѣятельности профессоровъ и адъюнктовъ. По уставу 1835 года опредѣлялось 3 факультета, но ихъ въ сущности оставалось 4, потому что одинъ изъ нихъ, философскій, дѣлился на два вполнѣ самостоятельныхъ — историко-филологическій и физико-математическій. По сравненію съ уставомъ 1804 года, мы замѣчаемъ слѣдующія наиболѣе существенныя измѣненія. На историко-филологическій факультетъ были перенесены изъ юридическаго философія и политическая экономія, къ которой прибавлена статистика, прибавлена каѳедра славяновѣдѣнія, уничтожена географія; историко-филологическій факультетъ сдѣлался по составу предметовъ наиболѣе интереснымъ. На физико-математическомъ чистая и прикладная математика, имѣвшія 2 каѳедры, соединены въ одну, технологія и сельское хозяйство также въ одну, но зато естественная исторія, соединенная раньше въ одну каѳедру, была раздѣлена теперь на 3; каѳедра военныхъ наукъ упразднена. Соединеніе вышеуказанныхъ каѳедръ не могло послужить къ пользѣ преподаванія. На юридическомъ факультетѣ каѳедры богословія и церковной исторіи сдѣлались внѣфакультетскими, каѳедры философіи и политической экономіи перенесены на историко-фило-

логическій факультетъ—осталась только пріуроченная раньше, къ этой послѣдней дипломатика, т. е. международное право; осталось гражданское и уголовное право. Устранена была каѳедра естественнаго, политическаго и народнаго права. Каѳедра правъ древнихъ и новыхъ народовъ была сведена къ одному римскому праву. Но зато прибавлены были каѳедры—энциклопедіи, законовъ благоустройства (полицейское право) и финансовъ (финансовое право). Такимъ образомъ, составъ каѳедръ на юридическомъ факультетѣ радикально измѣнился по сравненію съ прежнимъ временемъ: предметомъ преподаванія служили только науки, заключавшія положительное законодательство и отчасти исторію его. Въ основу ихъ было положено русское право. При реформѣ преподаванія на юридическомъ факультетѣ преслѣдовались постороннія, не академическія цѣли. На медицинскомъ факультетѣ единая каѳедра анатоміи, физіологіи и судебной медицины была раздѣлена на 3; хирургіи—также на 2; введена каѳедра семіотики. Здѣсь мы видимъ раціональное умноженіе каѳедръ, вызванное ростомъ и дифференціаціей предметовъ.

Посмотримъ теперь, какъ обставлено было преподаваніе на всѣхъ факультетахъ въ изучаемый нами періодъ времени — каковы были преподаватели и какіе они читали курсы. На словесномъ факультетѣ каѳедру русской словесности занималъ первоначально Вас. Ал. Якимовъ, читавшій общую теорію словесности (эстетическую и филологическую часть), частную теорію русской словесности и исторію русской литературы и ведшій практическія занятія, состоявшія въ разборѣ сочиненій лучшихъ писателей и студенческихъ сочиненій и переводовъ; студентамъ педагогическаго института онъ читалъ методику русской словесности; при немъ адъюнктомъ былъ А. Л. Метлинскій, читавшій теорію языка и прозы, общую и частную эстетику и исторію эстетики, исторію словесности и разбиравшій со студентами на практическихъ занятіяхъ сочиненія писателей; его смѣнилъ въ 1850 году адъюнктъ, а потомъ профессоръ, Костырь, читавшій тѣ же курсы, что и его предшественникъ, а потомъ, съ 1852 г., выступившій въ качествѣ представителя каѳедры исторіи русской литературы; кромѣ того, онъ практически упражнялъ студентовъ въ русскомъ слогѣ; въ 1853/4 акад. году былъ перерывъ въ преподаваніи русской словесности; съ 1855 г. снова вступилъ на каѳедру въ качествѣ ордин. проф. Метлинскій, читалъ теорію и исторію словесности и занимался разборами писателей; съ 1857 года началъ читать курсъ исторіи русскаго языка занимавшій каѳедру педагогіи Н. А. Лавровскій; съ 1858 года онъ одинъ велъ преподаваніе, читая исторію русскаго языка и русской словесности

и теорію эпоса, а съ 1859 г. онъ занялъ и каѳедру русской словесности; въ этомъ году открылъ курсъ исторіи русскаго языка кандидатъ, а съ 1850 года магистръ, А. А. Потебня; въ 1861/2 ак. году курса русской словесности не было, и А. А. Потебня читалъ славянскія древности; въ 1862/3 читалъ одинъ профессоръ Н. А. Лавровскій. Каѳедру латинскаго языка и словесности занималъ И. Я. Кронебергъ; онъ читалъ энциклопедію филологіи, объяснялъ Цицерона, Горація; П. И. Сокальскій тогда же читалъ римскія древности и Цицерона (до 1837/8 акад. года); съ 1839/40 года представителемъ каѳедры сдѣлался одинъ С. С. Лукьяновичъ, читавшій исторію римской литературы, энциклопедію филологіи, грамматику и древности, Тацита, Горація, Цицерона, Плавта и нѣкоторыхъ легкихъ писателей (Саллюстія); въ 1845/6 ак. году адъюнктъ Юргевичъ переводилъ Ювенала, Горація и Цицерона и велъ практическія занятія по латинскому языку. Затѣмъ Юргевича замѣнилъ магистръ Тихоновичъ, объяснявшій въ 1858/9 ак. году легкихъ прозаиковъ, ведшій практическія упражненія, въ 1861/2 акад. году сдѣлавшійся единственнымъ представителемъ двухъ каѳедръ—латинской и греческой словесности и читавшій исторію римской литературы, римской древности, Тацита, Горація и Плавта; въ началѣ 40-хъ годовъ Валицкій училъ казеннокоштныхъ студентовъ говорить и писать по-латыни. Каѳедру греческаго языка и словесности занималъ послѣ Маурера А. О. Валицкій, читавшій греческую грамматику, древности на латинскомъ языкѣ, исторію греческой словесности, Ѳукидида, Гомера, Ксенофонта, Софокла, Эврипида, Эсхила, Платона, Пиндара, Ѳеокрита, Геродота, Аристофана, Демосѳена; студентамъ педагогическаго института онъ читалъ педагогику и дидактику, древнюю метрику, энциклопедію филологіи; съ 1845/6 акад. года въ качествѣ адъюнкта выступилъ Юргевичъ, читавшій греческую грамматику, греческія древности, объяснявшій Ксенофонта, Аристофана, Софокла, Геродота, Эліана; его смѣнилъ Тихоновичъ, читавшій греческую грамматику, греческія древности, исторію греческой литературы, объяснявшій Гомера, Лукіана, Плутарха, Геродота, Платона, Софокла, Ѳукидида. Каѳедру философіи занималъ М. Н. Протопоповъ, читавшій логику, психологію, нравственную философію, исторію философіи; въ 1850/1 акад. году эта каѳедра была упразднена и чтеніе логики и психологіи поручено профессору богословія прот. П. И. Лебедеву; съ 1858/9 акад. года сталъ читать эти предметы новый профессоръ богословія прот. В. И. Добротворскій. Каѳедру всеобщей исторіи занималъ до 1845 акад. года докторъ философіи М. М. Лунинъ, читавшій древнюю, среднюю и новую исторію и спеціально исторію Рима; въ педагогическомъ

институтѣ онъ велъ практическія занятія съ казеннокоштными студентами; съ 1839/40 г. читалъ курсъ средней исторіи и географіи адъюнктъ И. А. Сливицкій; съ 1845/6 акад. года сталъ читать всеобщую исторію Рославскій-Петровскій (исторію Востока, Греціи, Рима, среднюю исторію); въ 1847/8, 1848/9 и 1851/2 г.г. раздѣлялъ съ нимъ трудъ преподаванія и Зернинъ, читавшій среднюю, новую и новѣйшую исторію; съ 1852/3 года вступилъ на каѳедру всеобщей исторіи первоначально въ качествѣ адъюнкта М. Н. Петровъ, читавшій среднюю исторію, исторію XIV и XV в.в. (переходъ къ новымъ вѣкамъ), новую исторію; Рославскій-Петровскій остался при одномъ курсѣ древней исторіи; но въ 1858/9 акад. году, по случаю заграничной командировки М. Н. Петрова, Рославскій-Петровскій читалъ среднюю, а Зернинъ новую исторію; въ 1859/60 г. читалъ одинъ Зернинъ (среднюю исторію); въ 1860/1 г. — старшій учитель Харьковской гимназіи Э. О. Ливскій (древнюю исторію); въ 1861/2 г. снова открылъ чтенія М. Н. Петровъ, объявившій курсъ среднихъ вѣковъ, и читалъ краткій курсъ средней исторіи Зернинъ; въ 1862/3 г. читалъ одинъ М. Н. Петровъ — древнюю и новую исторію. Каѳедру русской исторіи продолжалъ занимать проф. П. П. Артемовскій-Гулакъ, читавшій исторію государства россійскаго (разные ея періоды, въ томъ числѣ и новѣйшій) и источники до-монгольскаго періода; съ 1847/8 акад. года, до конца періода, первоначально въ качествѣ адъюнкта, сталъ преподавать А. П. Зернинъ, съ 1849/50 г., послѣ выхода въ отставку П. П. Гулакъ-Артемовскаго, сдѣлавшійся единственнымъ представителемъ каѳедры и читавшій также разные періоды русской исторіи (древній, московскій, императорскій) и спеціальные курсы—исторію распространенія русскаго владычества въ Сибири, исторію Малороссіи, исторію преобразованій Петра Великаго, кромѣ того, онъ велъ и практическія занятія, состоявшія въ разборѣ источниковъ. Каѳедру политической экономіи занялъ съ 1837/8 г. бывшій профессоръ латинскаго языка П. И. Сокальскій, читавшій политическую экономію, ея теорію и исторію, а статистику читалъ до 1839/40 г. адъюнктъ Изм. Ив. Срезневскій; послѣ него статистику сталъ читать, первоначально въ качествѣ адъюнкта, А. П. Рославскій-Петровскій (введеніе въ статистику, теорію ея, статистику европейскихъ государствъ и Россіи); съ переходомъ Рославскаго-Петровскаго на каѳедру всеобщей исторіи (въ 1847/8 г.) статистика не читалась; съ 1849/50 ак. года политическую экономію вмѣсто Сокальскаго сталъ читать проф. И. В. Платоновъ; курсъ статистики возобновилъ съ 1850/1 года Рославскій-Петровскій; съ 1851/2 г. на каѳедру политической экономіи перешелъ, съ упраздненіемъ каѳедры философіи, ея преподаватель

М. Н. Протопоповъ, читавшій этотъ предметъ до 1858 года, когда каѳедру политической экономіи и статистики занялъ И. П Сокальскій, читавшій оба предмета до 1862/3 акад. года. Первымъ представителемъ новой каѳедры славянскихъ нарѣчій былъ Изм. Ив. Срезневскій, занимавшій ее съ 1843/4 по 1847/8 акад. годъ и читавшій энциклопедію славяновѣдѣнія, исторію, языкъ и литературу славянъ, историко-топографическое обозрѣніе западныхъ славянъ, объяснявшій Краледворскую рукопись и Дочь Славы Колара, писателей старославянскихъ, сербскихъ, чешскихъ, польскихъ и хорутанскихъ; чтенія по этой каѳедрѣ возобновились послѣ 5-лѣтняго перерыва, въ 1852/3 акад. году, П. А. Лавровскимъ, который читалъ славянскія древности, исторію литературы славянъ, общее филологическое и этнографическое обозрѣніе славянъ, грамматику старославянскаго церковнаго нарѣчія, древніе памятники русской письменности, старопольской письменности, критическій обзоръ памятниковъ о Кириллѣ и Меѳодіи; въ 1861/2 акад. году читалъ временно курсъ славянскихъ древностей А. А. Потебня. Каѳедру педагогіи занималъ съ 1853/4 года Н. А. Лавровскій, читавшій курсъ педагогіи (теорію и исторію педагогіи) и ведшій практическія занятія по педагогикѣ и дидактикѣ. Какъ видимъ отсюда, перерывъ въ преподаваніи былъ — кратковременный по русскому языку и словесности и довольно долгій (въ 13 лѣтъ)—по славяновѣдѣнію.

Переходимъ теперь къ обозрѣнію преподаванія на 2-мъ отдѣленіи философскаго факультета, т. е. на нынѣшнемъ физико-математическомъ факультетѣ. Каѳедру чистой и прикладной математики занимали первоначально А. Ѳ. Павловскій и Н. А. Дьяченко; первый читалъ дифференціальное и интегральное счисленіе, алгебру, высшую геометрію, тригонометрію, коническія сѣченія, приложеніе алгебры къ геометріи, введеніе въ теорію функцій; второй—алгебру, тригонометрію, введеніе въ дифференціальное счисленіе, приложеніе алгебры къ геометріи и механику, статику, динамику, гидростатику и гидродинамику; съ 1846/7 ак. года выступилъ въ качествѣ преподавателя математики И. Бейеръ, читавшій алгебру, тригонометрію, аналитическую геометрію, теорію логариѳмическихъ и тригонометрическихъ функцій, элементарную теорію коническихъ сѣченій, интегральное и дифференціальное счисленіе; въ 1858/59 г. выступилъ въ качествѣ лектора по алгебрѣ и геометріи, тригонометріи и коническимъ сѣченіямъ канд. Котляровъ; Г. В. Гречина читалъ механику (статику и движеніе матеріальной точки); его смѣнилъ въ 1840/1 ак. году Соколовъ, читавшій механику (статику, динамику, гидростатику), теорію постройки машинъ. Каѳедру астрономіи занималъ до 1843/4 ак. года проф. А. Ф. Шагинъ, читавшій сферическую

и практическую астрономію, теорію движенія небесныхъ тѣлъ, высшую геодезію и знакомившій студентовъ съ употребленіемъ инструментовъ; въ 1844/5 ак. году его смѣнилъ проф. А. П. Шидловскій, читавшій разные курсы по астрономіи, геодезію до 1856/7 года (до перехода въ Кіевъ); съ 1859/60 г. занялъ эту каѳедру И. И. Федоренко. Каѳедру физики занималъ В. И. Лапшинъ, читавшій физику, физическую географію, метеорологію, климатологію; съ 1859/60 года выступилъ въ качествѣ преподавателя по физикѣ канд. Ю. И. Морозовъ. Каѳедру химіи занималъ Е. С. Гордѣенко, читавшій неорганическую и органическую химію и упражнявшій студентовъ въ производствѣ химическихъ опытовъ; читалъ 2 раза курсы химіи (неорганической и органической) и Лапшинъ; съ 1842/3 ак. года сталъ читать лекціи органической и неорганической химіи П. П. Эйнбродтъ, излагавшій также правила химическаго анализа съ примѣненіемъ ихъ къ судебно-химическимъ изслѣдованіямъ, и курсъ аналитической химіи; съ 1847/8 ак. года выступилъ преподавателемъ по этой каѳедрѣ и А. И. Ходневъ, читавшій органическую химію, упражненія въ анализѣ; затѣмъ представителемъ этой каѳедры сдѣлался Н. Н. Бекетовъ, читавшій неорганическую, органическую и аналитическую химію. Каѳедру ботаники занималъ В. М. Черняевъ, читавшій органографію и физіологію, прикладную ботанику, исторію ботаники и методологію, систему Линнея, ботаническую географію растеній и занимавшійся лѣтомъ со студентами ботаническими экскурсіями, а зимою показывавшій имъ сухія растенія въ кабинетѣ; адъюнктами у него были — Кирилловъ, читавшій краткій курсъ ботаники и ея исторіи; С. С. Щеглеевъ, читавшій анатомію и физіологію растеній, морфологію и токсономію ихъ; затѣмъ съ 1859/60 г. занялъ эту каѳедру проф. А. Н. Бекетовъ, читавшій исторію ботаники, географію растеній и ботанику; адъюнктомъ у него былъ А. С. Питра, читавшій анатомію, физіологію и патологію растеній. Представителемъ каѳедры минералогіи и геогнозіи былъ И. О. Калениченко, читавшій также и палеонтологію; съ 1843/4 ак. года эту каѳедру занялъ Н. Д. Борисякъ, читавшій разные курсы минералогіи и геогнозію. Зоологію (обыкновенную и медицинскую) и зоотомію съ 1842/3 ак. года сталъ читать В. М. Черняевъ; и только въ 1845/6 ак. году эта каѳедра получила самостоятельнаго представителя въ лицѣ адъюнкта, а потомъ профессора, А. В. Черная, который читалъ общую и частную зоологію и дѣлалъ экскурсіи; онъ излагалъ также сравнительную анатомію, эмбріологію, гистологію, анатомію, физіологію и эмбріологію человѣка, велъ микроскопическія демонстраціи; затѣмъ выступилъ въ качествѣ доцента—со спеціальнымъ курсомъ А. Д. Масловскій, читавшій анатомію

и физіологію человѣка. Каѳедру технологіи занималъ А. Ф. Озерскій, читавшій общій курсъ технологіи, а съ 1847/8 года сталъ читать этотъ предметъ И. Коссовъ. Архитектуру (начертательную и практическую теорію строительнаго искусства, черченіе плановъ), преподавалъ А. А. Тонъ, а потомъ М. П. Львовъ, читавшій теорію изящныхъ искусствъ, строительнаго искусства и исторію архитектуры. Временно читалъ архитектуру Соколовъ. Преподавателемъ по сельскому хозяйству съ 1846/7 года выступилъ В. А. Кочетовъ, читавшій курсъ земледѣлія, сельской экономіи, энциклопедіи лѣсоводства, луговодства и скотоводства. Такимъ образомъ, на физико-математическомъ факультетѣ былъ перерывъ въ преподаваніи астрономіи и зоологіи и 11 лѣтъ не читалось сельское хозяйство.

По юридическому факультету преподаваніе было обставлено такъ.

Каѳедра энциклопедіи законовѣдѣнія и россійскихъ государственныхъ законовъ была временно занята М. П. Клобуцкимъ, который читалъ основные законы Россійской имперіи, государственныя учрежденія и законы о состояніяхъ; съ 1839/40 ак. года читалъ энциклопедію законовѣдѣнія, законы о состояніи, основные законы Рос. имп. и законы состоянія—А. И. Палюмбецкій; далѣе, представителемъ этой каѳедры сдѣлался, съ 1854/5 года, проф. А. Г. Станиславскій, читавшій тѣ же курсы, что и его предшественникъ. Энциклопедію законовѣдѣнія и исторію русскаго права читалъ одно время и А. В. Куницынъ. Каѳедру римскаго права занималъ А. А. Ѳедотовъ, читавшій исторію и систему римскаго права; его смѣнилъ въ 1839/40 ак. году А. Н. Мицкевичъ, читавшій тѣ же курсы, а также о семейномъ и наслѣдственномъ правѣ у римлянъ; въ 1859/60 ак. году преподаваніе этого предмета было поручено иностранному доктору правъ І. І. Кенигу. Каѳедру гражданскаго права занималъ А. В. Куницынъ, читавшій русское гражданское право и судопроизводство. Каѳедру законовъ благоустройства и благочинія занималъ И. В. Платоновъ, читавшій уставы государственнаго благоустройства и благочинія; съ 1849/50 года онъ еще открылъ курсъ политической экономіи; въ 1858/9 году преподавалъ по этой каѳедрѣ, въ качествѣ исправляющаго должность экстраординарнаго профессора, Максимовъ, а съ 1859/60 года сдѣлался ея представителемъ проф. С. В. Пахманъ. Каѳедру уголовныхъ и полицейскихъ законовъ занималъ Г. С. Гордѣенко, читавшій русское уголовное право (съ особенною частью) и полицейскіе законы; а съ 1842/3 ак. года его временно замѣнялъ А. И. Палюмбецкій, читавшій уголовное право и судопроизводство; съ 1845 года снова вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей Г. С. Гордѣенко, читавшій, кромѣ вышеуказанныхъ

курсовъ, и уголовное судопроизводство до 1849/50 года, когда снова этотъ предметъ сталъ читать А. И. Палюмбецкій; особенную часть уголовнаго права читалъ и А. В. Куницынъ, уголовное судопроизводство—А. Н. Мицкевичъ и общую часть уголовнаго права И. В. Платоновъ. Каѳедру международнаго права занималъ до 1846/7 года Т. Ѳ. Степановъ, читавшій начала международнаго права и дипломатію; съ 1846/7 г. сталъ читать этотъ предметъ проф. Орнатскій; съ 1851/2 ак. года вступилъ на эту каѳедру Д. И. Каченовскій, читавшій общенародное право и дипломатію и временно курсы А. И. Палюмбецкаго (энциклопедію законовѣдѣнія, государственные законы Россійской имперіи). Законы о государственныхъ повинностяхъ и финансахъ началъ читать съ 1839/40 ак. года М. П. Клобуцкій. Кромѣ того, проф. богословія П. И. Лебедевъ читалъ дополнительный курсъ церковнаго права или законовѣдѣнія; затѣмъ преподавалъ этотъ предметъ проф. богословія В. И. Добротворскій. Какъ видимъ отсюда, на юридическомъ факультетѣ одному и тому же профессору приходилось нерѣдко вести преподаваніе по нѣсколькимъ предметамъ.

На медицинскомъ факультетѣ преподаваніе велось такъ.

Каѳедру анатоміи занималъ П. А. Нарановичъ, читавшій общую и патологическую анатомію и занимавшійся со студентами вскрытіемъ труповъ; сравнительную анатомію нѣкоторое время преподавалъ адъюнктъ И. А. Свиридовъ; прозекторъ Дударевъ читалъ одно время патологическую анатомію. Затѣмъ представителемъ этой каѳедры сдѣлался Т. С. Иллинскій, читавшій общую и описательную анатомію и ведшій практическія занятія на трупахъ; подъ его руководствомъ велъ также преподаваніе по анатоміи прозекторъ Вилкомирскій. Каѳедру физіологіи занималъ И. О. Калениченко, преподававшій физіологію и общую патологію. Курсъ медицинской зоологіи читалъ ад. А. В. Чернай. По каѳедрѣ врачебнаго веществословія преподавали: Р. Х. Дабеловъ, читавшій токсикологію, гигіену, діэтетику, Е. С. Гордѣенко, читавшій фармацію; читалъ фармакологію и рецептуру проф. Бутковскій; Г. С. Рындовскій читалъ общую терапію, фармакогнозію, токсикологію, общую фармацію, рецептуру; съ 1842/3 г. эту каѳедру занялъ Е. С. Гордѣенко, читавшій фармакологію съ фармакогнозіей, рецептуру, ученіе о минеральныхъ водахъ, фармацію, врачебное веществословіе съ токсикологіей; въ 1859/60 г. началъ читать курсъ фармаціи и фармакогнозіи ученый аптекарь А. П. Робинзонъ. Каѳедру внутреннихъ болѣзней занималъ П. А. Бутковскій, читавшій частную патологію и терапію съ психіатріей, объ острыхъ хроническихъ и душевныхъ болѣзняхъ; діагностику и спеціальный курсъ о сифилисѣ читалъ Г. С.

Рындовскій; въ 1845/6 ак. году занялъ эту каѳедру проф. К. А. Демонси, читавшій частную патологію, терапію и психіатрію. Каѳедру умозрительной хирургіи занималъ А. К. Струве, читавшій теоретическую хирургію и десмургію и науку о вывихахъ; десмургію и науку о вывихахъ читалъ также одно время и адъюнктъ А. В. Линкъ. Каѳедру оперативной хирургіи, офталмологіи и клиники занималъ Т. Л. Ванцетти, читавшій оперативную хирургію, акіургію, офталмологію, посѣщавшій со студентами клинику и занимавшійся съ ними хирургическою анатоміей на трупахъ и въ хирургической клиникѣ; за 15 лѣтъ своей дѣятельности въ Харьковскомъ университетѣ онъ произвелъ 1704 операціи въ клиникѣ, не считая городскихъ; его смѣнилъ И. А. Нарановичъ, занявшій должность и директора клиники и читавшій тѣ же курсы, что и его предшественникъ; временно велъ преподаваніе по этой каѳедрѣ и Струве; въ 1859/60 году эту каѳедру занялъ блестящій представитель ея проф. В. Ѳ. Грубе, читавшій оперативную хирургію, хирургическую анатомію и ведшій практическія занятія въ клиникѣ. Каѳедру акушерства занималъ Ѳ. И. Ганъ, читавшій курсъ женскихъ и дѣтскихъ болѣзней и повивальнаго искусства, упражнявшій студентовъ въ оспопрививаніи, въ акушерствѣ на фантомѣ и въ клиникѣ. По каѳедрѣ судебной медицины читалъ лекціи Р. Х. Дабеловъ (судебную медицину и медицинскую полицію) и велъ практическія занятія; его въ 1844/5 ак. году смѣнилъ адъюнктъ И. А. Свиридовъ, читавшій тѣ же курсы, что и Дабеловъ, и ведшій, подобно ему, судебно-медицинскія вскрытія; адъюнктомъ былъ А. С. Питра, читавшій также медицинскую полицію съ гигіеной и діэтетикой, а также судебную медицину. Каѳедру ветеринаріи занималъ К. Ф. Вишневскій, преподававшій ветеринарную энциклопедію, эпизоотію, ветеринарную діэтетику, судебную ветеринарію, зоотомію и зоономію, зоофармакологію, зоохирургію, зоотерапію, зоопатологію; съ 1848/9 года сталъ временно преподавать по этой каѳедрѣ прозекторъ ветеринарнаго училища Н. Д. Галицкій, читавшій о повальныхъ болѣзняхъ животныхъ и ветеринарную полицію. Каѳедру семіотики занималъ проф. Ф. К. Альбрехтъ (директоръ клиники), читавшій общую терапію, занимавшійся со студентами въ клиникѣ и имѣвшій амбулаторію; адъюнктомъ у него въ клиникѣ былъ Г. С. Рындовскій. Дополнительные курсы преподавали: курсъ исторіи медицины, энциклопедію и методологію медицины читалъ исправлявшій должность адъюнкта А. В. Линкъ (съ 1839/40 до 1848/9 ак. года); эти же предметы и діэтетику одно время читалъ адъюнктъ И. А. Свиридовъ; кромѣ того, Линкъ читалъ курсъ о болѣзняхъ уха, гигіену съ діэтетикой и о минеральныхъ водахъ; въ 1859/60 году энциклопедію и

методологію медицины читалъ Ф. К. Альбрехтъ. Ад. Чернай читалъ курсъ медицинской зоологіи, сравнительную анатомію и эмбріологію; смѣнилъ его А. Ф. Масловскій, читавшій зоологію и сравнительную анатомію. А. И. Ходневъ преподавалъ химію примѣнительно къ физіологіи и патологіи, физику и физическую географію; читалъ временно химію и Коссовъ. Н. Д. Борисякъ читалъ минералогію. В. Н. Лапшинъ читалъ физику съ физической географіей и климатологіей. В. М. Черняевъ читалъ ботанику въ примѣненіи къ медицинѣ. А. С. Питра читалъ ветеринарную полицію и эпизоотію. А. Г. Станиславскій читалъ основные законы Россійской имперіи и уставъ о службѣ гражданской. Преподаваніе велось и въ педагогическомъ институтѣ. Остановимся теперь на самыхъ выдающихся преподавателяхъ университета. Богатымъ источникомъ сужденій объ этомъ могутъ служить отзывы современниковъ, относящіеся къ блестящему періоду—40-мъ годамъ XIX-го вѣка, расцвѣту *идеализма*. Въ 40-хъ годахъ словесныя отдѣленія философскихъ факультетовъ, т. е., по-нашему, историко-филологическіе факультеты, «играли, по словамъ современника, въ университетахъ преобладающую роль какъ по общезанимательности предметовъ, доступныхъ почти всѣмъ студентамъ, такъ и по складу тогдашняго общественнаго образованія и по характеру литературы». Самое видное мѣсто среди преподавателей его занимали Лунинъ и Валицкій. «Лунинъ, по словамъ Де-Пуле, былъ замѣчательнымъ полиглотомъ. Ему знакомы были всѣ литературы—древняя, европейскія, азіатскія, кромѣ, кажется, славянскихъ. Эрудиція его была громадна, какъ это обнаруживалось на лекціяхъ и особенно на диспутахъ и какъ это доказываютъ наброски его лекцій. Лекціи свои Лунинъ читалъ по тетрадкѣ, но производилъ сильное впечатлѣніе благодаря художественному изложенію. Онъ принадлежалъ къ школѣ историковъ-художниковъ и особенно живописно изображалъ феодальную жизнь и рыцарство—на эти блистательныя лекціи собирались цѣлыя толпы слушателей. Языкъ его отличался изяществомъ, напоминающимъ историческое изложеніе его ученика Н. И. Костомарова. Популярность его среди студентовъ была огромна, и имя его неразрывно связывалось съ именемъ Харьковскаго университета, какъ имя Грановскаго съ Московскимъ». «Лунинъ не былъ нѣмецкимъ гелертеромъ, но идеалистомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова: въ ученой работѣ, въ своемъ трудѣ онъ находилъ отраду и вдохновеніе, которыхъ не давала ему жизнь». Конечно, для такого необычайнаго вліянія на молодежь было необходимо соотвѣтственное настроеніе и у этой послѣдней,—и таковое настроеніе дѣйствительно тогда существовало и прочно держалось у нѣсколькихъ поколѣній студентовъ 40-хъ годовъ.

Это былъ—*идеализмъ*. Другимъ наиболѣе популярнымъ профессоромъ былъ Валицкій. «Популярность Валицкаго, по словамъ Де-Пуле, была также очень велика и вполнѣ заслуженная; онъ ее не искалъ и не популярничалъ—онъ заслужилъ ее своими дарованіями, лекціями, симпатичностью своего характера и возвышеннымъ образомъ своихъ мыслей. Валицкій былъ едва ли не даровитѣе Лунина, хотя и уступалъ ему въ эрудиціи, въ средствахъ, которыми онъ располагалъ какъ профессоръ, и въ трудолюбіи; впрочемъ, научныя средства Валицкаго были все еще замѣчательно велики. Въ университетѣ читалъ онъ греческій языкъ, литературу и древности, которыя зналъ превосходно; но также зналъ онъ языкъ и литературу римскіе и большинство факультетскихъ предметовъ. Онъ былъ замѣчательнымъ, прирожденнымъ ораторомъ; лекціи его нерѣдко бывали импровизаціями, потрясавшими слушателей. Большую пользу онъ приносилъ казеннокоштнымъ студентамъ, готовившимся къ учительской должности.... На студентовъ Валицкій вліялъ не какъ ученый, но какъ поэтъ и ораторъ, своими переводами по-русски и полатыни греческихъ поэтовъ, въ особенности трагиковъ и Гомера,—вліялъ эстетически, стало-быть, опять-таки художественно. Отзывъ Де-Пуле подтверждается и другимъ современникомъ—В. Пашковымъ. Третьимъ замѣчательнымъ преподавателемъ въ изучаемый нами періодъ времени былъ Измаилъ Ивановичъ Срезневскій, впослѣдствіи знаменитый академикъ. Сначала, до своего путешествія въ славянскія земли, онъ читалъ статистику и политическую экономію, а вернувшись оттуда, открылъ въ 1843 г. курсъ славяновѣдѣнія. В. Пашковъ говоритъ: «Возвратившійся въ 1842 г. изъ-за границы Изм. Ив. Срезневскій сразу прославился. Новость предмета и богатство его содержанія, при живомъ, интересномъ и увлекательномъ изложеніи профессора, привлекли къ нему почти весь университетъ... «Славянскія древности» Шафарика, Краледворская рукопись, Остромирово евангеліе, Дочь Славы Колара были главными и любимыми его темами на лекціяхъ; было много также и другихъ темъ изъ историческаго и литературнаго славянскаго міра, съ которымъ онъ знакомилъ слушателей увлекательно и превосходно. Изъ народной и глубоко-поэтической «Дочери Славы» онъ многое декламировалъ на лекціяхъ на память, дѣлился живыми новостями со студентами, задавалъ имъ не мало работы по своему предмету... Срезневскій имѣлъ большой умъ, рѣдкій даръ слова и удивительную проницательность. Идеалистъ въ душѣ, онъ сильно трудился и стремился къ своему завѣтному идеалу—сблизить и объединить въ одну великую семью, по крайней мѣрѣ духовно, и потому хорошо шевелилъ и русскую, и польскую, и украинскую молодежь, сближая ее своимъ предметомъ».

Идеалистомъ, благотворно вліявшимъ на молодежь, былъ и Амвросій Лукьяновичъ Метлинскій. Надъ его внѣшностью посмѣивались. «Но замѣчательно, говоритъ Де-Пуле, что чѣмъ болѣе зрѣлыми становились юноши, тѣмъ серьезнѣе относились они къ дѣятельности Метлинскаго, тѣмъ свѣтлѣе рисовался потомъ въ ихъ воспоминаніи его нравственный образъ. Плохой, по слабости легкихъ, чтецъ, профессоръ не болѣе какъ только удовлетворительный, Метлинскій своими лекціями, въ особенности же требованіями отъ слушателей сочиненій, былъ весьма полезнымъ всѣмъ студентамъ первыхъ курсовъ, потому что въ это время въ гимназіяхъ еще дѣйствовали педагоги изъ литературной школы 20-хъ годовъ, писавшіе и заставлявшіе учениковъ писать разныя пѣснопѣнія и не признавшіе еще права гражданства въ литературѣ не только Гоголя, но даже самого Пушкина... Весь этотъ литературный сумбуръ Метлинскому предстояло регулировать, надобно было отучить молодежь отъ дикихъ понятій, вычурности въ изложеніи мыслей, отъ самонадѣяннаго и черезчуръ легкаго отношенія къ литературѣ и пріучить ее къ простотѣ изложенія и трезвости взгляда,—и Метлинскій вполнѣ этого достигалъ не лекціями, а разборомъ студенческихъ сочиненій. Страстный любитель Малороссіи—ея языка, пѣсенъ и вообще поэзіи,—Метлинскій охотно принималъ и великороссовъ и поляковъ, помогалъ каждому, чѣмъ могъ, но чаще другихъ навѣщали его квартиру студенты-малороссы, знатоки пѣнія и пѣсенъ украинскихъ, услаждая душу звуками родныхъ мелодій». На юридическомъ факультетѣ выдающимися преподавателями были Т. Ѳ. Степановъ, А. И. Палюмбецкій и Г. С. Гордѣенко. «Изъ адъюнктовъ, по словамъ Де-Пуле, самымъ вліятельнымъ былъ А. И. Палюмбецкій, читавшій тогда основные законы имперіи и русскія государственныя учрежденія, слушаніе которыхъ было обязательно для студентовъ всѣхъ факультетовъ, неюристы были въ восторгѣ отъ непритязательности почтеннаго профессора. Гордѣенко, криминалистъ, былъ для юридическаго факультета въ своемъ родѣ то же, что Лунинъ для словеснаго—образцомъ учености и честности; къ сожалѣнію, этотъ достойный профессоръ, подобно Лунину, не имѣлъ на студентовъ прямого, непосредственнаго вліянія, былъ такой же идеалистъ, чуждавшійся современной дѣйствительности, но, подобно Лунину, оставшійся навсегда для своихъ слушателей идеаломъ нравственной высоты, такъ благотворно вліяющей на юность. Степановъ отчасти напоминалъ собою другую знаменитость словеснаго факультета—Валицкаго: напоминалъ и жгучимъ краснорѣчіемъ. Степановъ, собственно, былъ энциклопедистомъ, эклектикомъ, и по эрудиціи его не только нельзя было сравнить съ Валицкимъ, но даже и съ другими его товарищами по факультету—

съ Куницынымъ и Платоновымъ. Читалъ онъ международное право, которое зналъ поверхностно, считаясь, по справедливости, лучшимъ знатокомъ политической экономіи въ Харьковскомъ университетѣ—предмета, поставленнаго тогда самымъ жалкимъ, самымъ несчастнымъ образомъ. Степановъ былъ по натурѣ публицистъ, но весьма замѣчательный и даровитый, какъ истый харьковецъ стараго закала. Степановъ жилъ и дѣйствовалъ въ словѣ: въ немъ онъ былъ глубоко искрененъ и честенъ (какъ это нерѣдко встрѣчается въ русской натурѣ), а потому и имѣлъ громадное вліяніе, не художественное, подобно Валицкому, а реальное, прямо относящееся къ тогдашней современности, къ соціальному безобразію и попираемому праву, противъ чего краснорѣчивый профессоръ возставалъ самымъ пламеннымъ, самымъ смѣлымъ образомъ.

Съ 1848 наступилъ въ отношеніи правительства къ университетамъ рѣзкій поворотъ, отразившійся самымъ неблагопріятнымъ образомъ на ходѣ и успѣхахъ преподаванія. Профессора вынуждены были читать по даннымъ имъ программамъ, которыя оставались неизмѣнными, и, не считаясь съ развитіемъ и успѣхами наукъ, заключали преподавателей въ узкія и тѣсныя рамки, обрекая ихъ на повтореніе изъ года въ годъ одного и того же матеріала. Но этого мало: самою печальною стороною дѣла являлось то, что теперь преподаванію были поставлены не научныя, а политическія цѣли, чѣмъ, конечно, подрывалась его научная основа. Снова повторяли ту роковую для успѣховъ высшаго образованія ошибку, какую дѣлало раньше министерство кн. А. Н. Голицына, съ тою только разницею, что тогда центръ тяжести былъ въ піэтизмѣ, а теперь въ патріотизмѣ, который, какъ прежде благочестіе, пытались насаждать исключительно внѣшними средствами и репрессіей. Не удивительно, конечно, что при такихъ условіяхъ вмѣсто искренняго здороваго патріотическаго чувства, которое является крѣпкою основою внутренней силы и мощи всякой жизнеспособной и правильно развивающейся націи, у насъ въ дѣлѣ университетскаго преподаванія насаждалась среди профессоровъ показная политическая благонамѣренность. Учащаяся молодежь, привыкшая раньше, въ началѣ 40-хъ годовъ, слышать съ каѳедры живое, искреннее слово своихъ профессоровъ, гуманистовъ и идеалистовъ, вдохновляемыхъ только преданностью одной наукѣ, теперь охладѣла къ лекціямъ своихъ наставниковъ, перестала увлекаться ими и черпать изъ нихъ ту нравственно-облагораживающую струю, которая нерѣдко служила прочнымъ фундаментомъ для всей послѣдующей жизни студента-идеалиста. Само собою разумѣется, что не всѣ профессора поддались въ одинаковой степени господствующему духу времени—были и такіе, которые продолжали оставаться на чисто

научной основѣ и потому не утратили любви и уваженія молодежи; таковые были главнымъ образомъ среди преподавателей точныхъ наукъ—медицинскихъ и физико-математическихъ; отъ нихъ трудно было требовать преподаванія ихъ предметовъ въ «духѣ времени». Гораздо меньше ихъ оказалось на историко-филологическомъ и юридическомъ факультетахъ, потому что здѣсь читались общественныя и гуманитарныя науки, на которыхъ тяжелѣе всего отозвалась реакція, потому что преподаватели ихъ главнымъ образомъ должны были явиться въ своихъ ученіяхъ проводниками политическихъ началъ и строить на нихъ свои курсы. Слѣдить за направленіемъ и духомъ преподаванія на своихъ факультетахъ должны были теперь деканы, а общее наблюденіе за всѣми, въ томъ числѣ и за деканами, поручено было ректору и попечителю. Ежегодно составлялся и отправлялся въ министерство «*отчетъ о духѣ и направленіи* преподаванія». Въ отчетѣ о духѣ и направленіи преподаванія въ 1849/50 г. говорится, что «оно согласовалось вездѣ съ началами чистой нравственности и освящающимъ ее ученіемъ православной церкви или же по свойству науки имѣло вообще нравственное направленіе. Съ такою же строгостью преподаваніе сотвѣтствовало и духу отечественныхъ и государственныхъ учрежденій и существующему образу правленія, когда оно имѣло ихъ непосредственно своимъ предметомъ или могло и должно было находиться съ ними въ извѣстномъ соотношеніи; оно оставляло неприкосновенными начала нашего устройства и общественнаго порядка, старалось укоренить въ слушателяхъ понятія, которыя могли бы предохранить ихъ отъ односторонних превратныхъ взглядовъ и утвердить въ умахъ ихъ главныя положенія нашего государственнаго права на тѣхъ основаніяхъ, которыя даны нашею исторіею. Эта благонамѣренность направленія не была холодною благонамѣренностью, потому что преподаватели старались внушить своимъ слушателямъ вообще уваженіе къ отечественнымъ установленіямъ и усилить въ нихъ чувство преданности къ престолу». Въ моемъ распоряженіи имѣется цѣлый рядъ такихъ отчетовъ, дающихъ ясное представленіе какъ о направленіи, такъ и содержаніи курсовъ и потому являющихся важнымъ источникомъ для характеристики тогдашняго преподаванія. Но воспользоваться ими въ настоящемъ краткомъ очеркѣ нѣтъ возможности.

Съ воцареніемъ имп. Александра II, и въ особенности съ началомъ «эпохи великихъ реформъ», наступили лучшіе дни и для Харьковскаго университета: исчезло прежнее уныніе и апатія въ профессорской коллегіи. Исполнились, наконецъ, завѣтныя мечты такихъ дѣятелей ея, какъ Степановъ или Каченовскій—пало рабство милліоновъ крѣпостныхъ,

противъ котораго эти благородные люди вели, хотя и прикровенно, иносказательно, такую упорную борьбу съ каѳедры еще тогда, когда оно считалось краеугольнымъ камнемъ нашего гражданскаго строя и когда всякое слово противъ него могло быть сочтено за покушеніе противъ существующаго порядка вещей. Такимъ образомъ, и Степанова, и особенно его ученика и преемника по каѳедрѣ Каченовскаго, мы можемъ поставить въ числѣ тѣхъ мѣстныхъ дѣятелей, которые, дѣйствуя на почвѣ науки, способствовали скорѣйшему проведенію въ сознаніе своихъ многочисленныхъ слушателей—нѣсколькихъ поколѣній студентовъ, изъ среды которыхъ вышло потомъ много помѣщиковъ, необходимости великаго дня 19 февраля 1861 г. Каченовскій не только продолжалъ дѣйствовать въ духѣ лучшихъ традицій своихъ предшественниковъ—идеалистовъ I-й половины 40-хъ годовъ, но и пошелъ далѣе ихъ. Д. И. Каченовскій вступилъ на каѳедру совсѣмъ юношею—22 лѣтъ отъ роду въ 1849 г., но, по словамъ Де-Пуле, ретивый юноша, превосходно образованный и отлично подготовленный къ своей дѣятельности, Каченовскій, съ самаго вступленія своего на университетскую каѳедру, сталъ звѣздою первой величины. Онъ унаслѣдовалъ отъ своихъ лучшихъ предшественниковъ все, что они могли дать ему—глубину знанія, идеализмъ, честность, непреклонность убѣжденій и высоту помысловъ; но онъ рѣшился пойти дальше ихъ—и пошелъ!... Имя Каченовскаго такъ же слилось съ именемъ Харьковскаго университета въ 50-хъ и 60-хъ годахъ, какъ въ 40-хъ имя Лунина, въ 30-хъ имя Кронеберга. Кто изъ образованныхъ людей въ Россіи не зналъ его. Въ своихъ слушателяхъ онъ любилъ будущихъ слугъ новой Россіи, гордился ими и высоко цѣнилъ имя студента. Онъ самъ, по его словамъ, былъ за границей путешествующимъ харьковскимъ студентомъ. И звучала въ аудиторіи его вдохновенная рѣчь, и пробуждала она въ молодыхъ сердцахъ любовь къ новой Россіи, жажду знанія, честной дѣятельности и борьбы противъ неправды. «Помните, говорилъ Каченовскій, что новая Россія далеко передъ нами, что мы живемъ пока въ старой. А гдѣ въ ней укрыться? Куда ни посмотришь, на сѣверъ и востокъ,—все лѣсъ да болота, а на югѣ—все степь да степь. Здоровая мысль, разумное слово, доброе дѣло глохнетъ въ этомъ безконечномъ пространствѣ. И вотъ мы стекаемся сюда изъ нашихъ полудикихъ краевъ, чтобы, соединившись подъ кровомъ науки и окрѣпнувъ въ обществѣ себѣ подобныхъ, возвратиться назадъ просвѣщенными людьми. Что было бы съ нами безъ университета?»

Что касается ученой дѣятельности профессоровъ и преподавателей Харьковскаго университета въ изучаемый нами періодъ времени, то

она, несомнѣнно, повысилась по сравненію съ предшествующимъ періодомъ 20-хъ 30-хъ годовъ. Однимъ изъ усердныхъ работниковъ на историко-филологическомъ факультетѣ былъ Рославскій-Петровскій, которому принадлежитъ рядъ трудовъ, съ одной стороны, по всеобщей исторіи, а съ другой—по статистикѣ. Профессоръ русской исторіи Зернинъ, кромѣ двухъ диссертацій, имѣвшихъ научное значеніе, напечаталъ еще нѣсколько учено-литературныхъ статей въ тогдашнихъ журналахъ. Крупное научное значеніе имѣютъ работы проф. братьевъ П. А. и Н. А. Лавровскихъ. П. А. Лавровскій напечаталъ въ періодъ времени съ 1851 по 1863 годъ 33 ученыхъ работы и среди нихъ нѣсколько капитальныхъ. Метлинскій пріобрѣлъ почетную извѣстность главнымъ образомъ своими малорусскими литературными и этнографическими сборниками. Костырь въ кратковременный періодъ своей профессуры въ Харьковѣ (1850—1853 г.г.) обнаружилъ большую научную продуктивность. А. А. Потебня, кромѣ магистерской диссертаціи, напечаталъ замѣчательный философско-филологическій трактатъ: «Мысль и языкъ». На физико-математическомъ факультетѣ наиболѣе видное мѣсто по ученымъ работамъ занимали—Борисякъ, Леваковскій, Чернай, Лапшинъ, Ходневъ, Н. Бекетовъ, Соколовъ.

На юридическомъ факультетѣ заслуживаетъ быть отмѣченной ученая дѣятельность слѣдующихъ профессоровъ. Каченовскій напечиталъ рядъ статей по международному праву, о каперахъ и призовомъ судопроизводствѣ и цѣнную докторскую диссертацію—Исторію политическихъ наукъ въ Зап. Европѣ. Куницынъ напечаталъ рѣчь «о правахъ наслѣдства женскаго пола». Т. Степановъ — записки о политической экономіи, т. I-й и II-й. На медицинскомъ факультетѣ Калениченко напачаталъ 30 статей, большая часть которыхъ относится къ естествознанію. Бутковскій издалъ 2 курса своихъ лекцій. Лямбль—начало курса и статьи. Ванцетти—обширный отчетъ о дѣятельности хирургической клиники. Нарановичъ—часть курса. Другіе напечатали рядъ статей.

Научное движеніе въ Харьковскомъ университетѣ выражалось, кромѣ перечисленныхъ печатныхъ трудовъ, еще и учеными командировками профессоровъ по Россіи и за границу. Нѣкоторые изъ указанныхъ выше трудовъ явились результатами этихъ командировокъ. Вотъ краткія фактическія данныя объ этихъ командировкахъ. Къ 30-мъ годамъ относятся слѣдующія командировки. Въ 1836/7 году Черняевъ и Калениченко изслѣдовали Курскую губ. въ зоологическомъ, ботаническомъ и минералогическомъ отношеніяхъ, а Е. С. Гордѣенко — славянскія соленыя озера въ химическомъ и медицинскомъ; послѣдній составилъ химическое и медицинское описаніе ихъ. Кри-

ницкій былъ командированъ для изученія въ зоологическомъ и минералогическомъ отношеніи Кавказской обл., береговъ Таврическаго полуострова и особенно мѣстъ около Анапы и Большой Абхазіи. Во время этого путешествія онъ собралъ большую и цѣнную коллекцію. Отчетъ его заслужилъ одобреніе ак. Брандта и Бэра. Въ 1837/8 г. Черняевъ съ 2 студентами изслѣдовалъ Харьковскую и сосѣднія губерніи въ микологическомъ отношеніи и собралъ 900 видовъ, а Ванцетти на каникулы съ 4 студентами ѣздилъ въ Херс. и Екат. губ. для хирургическихъ экскурсій по военнымъ поселеніямъ. Въ 1839 г. проф. Е. С. Гордѣенко былъ командированъ на 2 года за границу для усовершенствованія. Борисякъ по окончаніи курса на медицинскомъ факультетѣ, по предложенію пр. Калениченка, былъ командированъ въ 1839 г. для подготовленія къ профессорскому званію въ Петербургъ въ университетъ и горный институтъ на 2 года и затѣмъ на 1 годъ на Уралъ для практическаго изученія его съ геогностической точки зрѣнія. Съ извѣстнымъ геогностомъ Бетлингомъ онъ совершилъ лѣтомъ экскурсію въ Финляндію, Швецію и Норвегію. Съ Гельмерсеномъ онъ, кажется, ѣздилъ на геогностическую экскурсію въ Новгородскую, Тверскую, Московскую, Тульскую и Калужскую губерніи. Затѣмъ, наконецъ, онъ спеціально изучалъ геологію Уральскаго хребта и прилегающихъ мѣстностей. Въ Харьковъ онъ вернулся только въ началѣ 1843 года и былъ допущенъ къ чтенію лекцій. Въ 1846 г., выдержавъ экзаменъ и защитивъ магистерскую диссертацію, былъ опредѣленъ адъюнктомъ.—Въ 1839 г. проф. Черняевъ совершилъ ученое путешествіе въ Москву, Петербургъ и Швецію. И Харьковскому университету, подобно другимъ, предложено было приготовить преподавателя по каѳедрѣ славяновѣдѣнія и указано было при этомъ на профессора статистики Изм. Ив. Срезневскаго. Совѣтъ постановилъ отправить его за границу для изученія славянскихъ нарѣчій, вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено было пересмотрѣть инструкцію для командируемыхъ, составленную Московскимъ университетомъ. Послѣднее поручено было декану факультета пр. Артемовскому-Гулаку, который и составилъ обстоятельную инструкцію для Срезневскаго. Инструкція эта была разсмотрѣна потомъ археографической коммиссіей, которая съ своей стороны сдѣлала дополненія и поясненія. Путешествіе было разсчитано на 2 года и выполненіе положенной въ его основаніе цѣли должно было потребовать отъ избраннаго лица, кромѣ предварительной подготовки по славяновѣдѣнію, еще выдающихся способностей, необыкновеннаго трудолюбія и умѣнья изучать народную жизнь не по однѣмъ книгамъ, но и посредствомъ личныхъ наблюденій. Справедливо говорилось въ дополнительной инструкціи, что славянскія нарѣчія очень

мало обработаны ученымъ образомъ и вовсе не готовы къ тому, чтобы изъ себя представить предметъ исключительнаго, кабинетнаго занятія, и потому путешественникъ долженъ обратить преимущественно вниманіе на практическое изученіе языковъ и на народный бытъ и географическія и этнографическія особенности отдѣльныхъ племенъ, для чего путешествовать даже пѣшкомъ по глухимъ мѣстамъ, входить подъ кровлю поселянина. Срезневскій уѣхалъ въ сентябрѣ 1839 года и, когда приближался срокъ окончанія его путешествія, то вошелъ съ ходатайствомъ къ министру о продленіи его еще на годъ, чтобы имѣть возможность выполнить данную ему инструкцію и вмѣстѣ съ Прейсомъ посѣтить Болгарію, Галицію и Венгрію. Знаменитый Вяч. Ганка выступилъ передъ министромъ ходатаемъ за Срезневскаго (въ 1841 г.). Просьба эта была уважена. Путешествіе Срезневскаго, какъ извѣстно, было въ высшей степени плодотворно: оно не только дало ему прекрасную подготовку къ преподавательской дѣятельности, но и обогатило юную въ Россіи науку славяновѣдѣнія серьезными научными работами этого слависта. Срезневскій открылъ курсъ въ Харьковскомъ университетѣ по возвращеніи изъ-за границы, 16 октября 1842 г. Калениченко былъ командированъ въ Полтаву и Роменскій уѣздъ для изслѣдованія открытыхъ въ этомъ послѣднемъ въ имѣніи гр. Ю. А. Головкина костей мамонта и получилъ за подробное описаніе ихъ Монаршее благоволеніе. Къ 40-мъ годамъ относятся командировки слѣдующихъ лицъ. Лѣкарь Кириловъ былъ отправленъ въ 1846 году въ Дерптъ для усовершенствованія въ ботаникѣ и занимался тамъ этимъ предметомъ и зоологіей практически. Г. С. Гордѣенко, по Высочайшему повелѣнію, совершилъ двухлѣтнее ученое путешествіе для наблюденія за успѣхами правовѣдѣнія вообще и уголовнаго права въ частности въ Германіи, Франціи и Италіи. О своей командировкѣ онъ представилъ обстоятельный отчетъ, ярко рисующій живой интересъ его къ западно-европейской наукѣ, ея университетскимъ представителямъ и учрежденіямъ, а также прекрасную подготовку его самого, дававшую возможность правильно оцѣнить все то, что онъ видѣлъ, съ тѣмъ чтобы воспользоваться имъ потомъ для цѣлей преподаванія и научныхъ изслѣдованій. И Г. С. Гордѣенко далъ прекрасную характеристику не только такихъ знаменитостей, какъ Митермайеръ и тогдашнихъ ученыхъ направленій, но и оцѣнку заводимой тогда всюду пенитенціарной системы. Въ 1844/5 году Борисякъ ѣздилъ въ экскурсію для изученія почвъ Харьковской и сосѣднихъ губерній въ геогностическомъ отношеніи и для собиранія матеріаловъ къ составленію геогностической карты пространства, занимаемаго Харьк. учебнымъ округомъ. Чернай сдѣлалъ экскурсію къ берегамъ Азовскаго

моря, чтобы ознакомиться съ животнымъ міромъ этого края. Онъ также представилъ отчетъ. Черняевъ обозрѣлъ 5 уѣздовъ Харьковской губ. въ отношеніи естественныхъ произведеній и сельскаго хозяйства. Но особенно цѣнной оказалась спеціальная ученая экспедиція проф. Шидловскаго, Борисяка, Черная и Черняева для изученія Харьковской и сосѣднихъ губерній въ географическомъ и естественно-историческомъ отношеніи. Она продолжалась въ теченіе трехъ лѣтъ—1847, 1848 и 1849,—и результаты ея были представлены на заключеніе соотвѣтственныхъ спеціалистовъ-академиковъ: рукописный отчетъ Шидловскаго (неполный) былъ разсмотрѣнъ акад. Струве, Черная (этотъ послѣдній представилъ въ видѣ отчета въ два пріема свои печатные труды)—акад. Брандтомъ, обширный рукописный отчетъ Борисяка—(на 216 стр.)—акад. Гельмерсеномъ. Всѣ отчеты вызвали одобрительное заключеніе рецензентовъ, особенно Борисяка. Объ отчетѣ Черняева свѣдѣній не имѣется. Въ 1850/1 году проф. Кочетовъ былъ отправленъ въ Харьковскую, Полтавскую, Курскую, Екатеринославскую, Таврическую губ. и землю Войска Донского для изслѣдованія ихъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Проф. Костырь на каникулахъ предпринялъ экскурсію въ Харьковскую, Полтавскую и Черниговскую губ. для наблюденія мѣстныхъ нарѣчій, южнорусскаго и великорусскаго, и опредѣленія разницы между ними, а также для филологическаго изслѣдованія евангелія, переведеннаго въ XVI в. на южнорусскій языкъ и хранившагося въ Переяславской духовной семинаріи. Изъ представленнаго Кочетовымъ отчета видно, что цѣль его путешествія была двоякая: съ одной стороны, онъ хотѣлъ ознакомиться съ сельскимъ хозяйствомъ этого района «для возможно бо́льшаго приспособленія преподаваемаго имъ курса къ мѣстнымъ условіямъ», а съ другой, — изслѣдовать нѣкоторыя спеціальные научные вопросы, напримѣръ, о черноземѣ и его химическомъ составѣ. Костырь открылъ и изслѣдовалъ во время своей экскурсіи нѣсколько очень важныхъ рукописей южнорусской духовной литературы, въ томъ числѣ и знаменитое Пересопницкое евангеліе, послужившее въ наши дни предметомъ спеціальнаго филологическаго изслѣдованія П. И. Житецкаго. Проф. Лапшинъ производилъ лѣтомъ 1851 г. барометрическія измѣренія высотъ нѣкоторыхъ мѣстностей по Донцу. Въ 1851/2 г. Коссовъ былъ командированъ въ Москву и ея окрестности для посѣщенія фабрикъ и заводовъ. Въ 1852/3 году проф. Кочетовъ былъ командированъ въ Москву для обозрѣнія всероссійской сельско-хозяйственной выставки, Соколовъ—въ Петербургъ для обозрѣнія механическихъ заведеній; онъ осмотрѣлъ музей Академіи наукъ и института горныхъ инженеровъ, собраніе машинъ и моделей Вольнаго экономи-

ческаго общества, монетный дворъ и главную метеорологическую обсерваторію и съ особеннымъ вниманіемъ все, касающееся желѣзной дороги и новаго моста черезъ Неву. Въ Москвѣ онъ осмотрѣлъ водопроводы и механическія заведенія. Проф. Лапшинъ былъ командированъ въ Петербургъ для занятій на центральной физической обсерваторіи. Проф. Чернай былъ командированъ въ Зміевской уѣздъ для изученія способовъ истребленія овражковъ. Проф. Костырь ѣздилъ въ Кіевъ, Переяславъ и разныя мѣстности Харьк., Полт. и Черн. губ. для филологическихъ и археологическихъ изысканій. Проф. Борисякъ и Львовъ въ Изюмскій уѣздъ для опредѣленія свойствъ открытаго тамъ известковаго камня. Лапшинъ и Борисякъ—въ Ново-Бѣлгородъ для изслѣдованія обрывовъ берега р. Донца. Въ 1853/4 г. проф. Нарановичъ былъ командированъ въ Москву и Петербургъ для посѣщенія хирургическихъ клиникъ и госпиталей и изученія новѣйшихъ способовъ производства операцій. Метлинскій совершилъ поѣздку по южной Россіи для пополненія свѣдѣній о народномъ языкѣ и памятникахъ народной словесности. Проф. Ходневъ былъ командированъ въ Москву и Петербургъ съ цѣлью пріобрѣтенія нѣкоторыхъ предметовъ для лабораторіи и извлеченія нѣкоторыхъ документовъ по исторіи Харьковскаго университета изъ архива мин. нар. просв. Каченовскій былъ командированъ для ученыхъ занятій въ Петербургъ—въ Имп. публ. б-ку, гдѣ работалъ по исторіи каперства, и въ Москву, гдѣ слушалъ лекціи Крылова, Кудрявцева, Соловьева, Вернадскаго, Морошкина, Лешкова, Капустина и работалъ въ библіотекѣ. Въ 1855/6 году ректоръ Фойгтъ былъ командированъ въ Петербургъ для обозрѣнія Имп. публичной библіотеки, а равно совѣщанія о камеральномъ отдѣленіи. Проф. Нарановичъ—въ Москву и Петербургъ для совѣщанія съ врачами объ операціяхъ. Проф. Иллинскій и адъюнктъ Питра—въ южную армію для леченія воиновъ отъ повальныхъ болѣзней. Проф. П. Лавровскій въ Петербургъ для ученыхъ изслѣдованій. Въ 1856/7 г. Демонси—въ Москву для осмотра клиникъ, Коссовъ въ Варшаву на выставку, Львовъ въ Петербургъ для переговоровъ о постройкѣ клиникъ, Питра—въ Германію, Италію и Францію (на годъ съ ученою цѣлью въ интересахъ преподаванія). Въ 1857/8 г. были командированы: проф. Д. И. Каченовскій съ ученою цѣлью въ Германію, Францію и Англію на $1^1/_2$ года, ад. М. Н. Петровъ въ Германію, Италію, Францію, Бельгію и Англію на 2 года, ад. Щеглеевъ въ Германію, Швейцарію, Францію и Англію, А. Ф. Масловскій въ Германію, Швейцарію, Голландію, Францію и Англію, Н. Н. Бекетовъ въ Германію, Францію и Англію (всѣ на 1 годъ и 3 мѣсяца), И. П. Щелковъ на 3 года въ Германію и Францію для

усовершенствованія въ патологической физіологіи и анатоміи; проф. Демонси во Францію и Германію для ознакомленія съ новѣйшими способами леченія на $^1/_2$ года; проф. Иллинскій—въ Германію и Францію на 1 годъ для практическаго ознакомленія съ современнымъ состояніемъ анатомическихъ заведеній, проф. Соколовъ—въ Москву и Петербургъ для осмотра механическихъ заведеній и Лапшинъ въ Петербургъ для изученія гальваническихъ батарей. Изъ отчета Демонси видно, что бо́льшую часть времени своего онъ посвятилъ Парижскимъ лечебнымъ заведеніямъ, гдѣ слушалъ лекціи, а также Берлину, гдѣ посѣщалъ клиники и изучалъ электротерапію, гидротерапію и ортопедію, былъ на конгрессѣ въ Карльсруэ и познакомился съ Труссо и Вирховымъ. Иллинскій въ своемъ отчетѣ сообщаетъ, что онъ посѣщалъ лекціи въ Парижѣ и германскихъ университетахъ, интересуясь анатоміей, анатомическими институтами и коллекціями (между прочимъ, посѣтилъ институтъ Вирхова въ Берлинѣ и Гиртля въ Вѣнѣ). Въ 1858/9 году проф. Борисякъ былъ командированъ въ Москву и Петербургъ для изученія тамошнихъ коллекцій; проф. П. Лавровскій—на $1^1/_2$ года въ Германію и Славянскія земли для изученія славянскихъ нарѣчій и сравнительнаго языкознанія; проф. Н. Лавровскій — на лѣтніе мѣсяцы въ Москву и Петербургъ для занятій рукописями. Въ 1859/60 г. Коссовъ, Морозовъ—съ ученою цѣль за границу, проф. Масловскій въ Таврическую губернію для ученыхъ изслѣдованій на лѣтніе мѣсяцы. Въ 1860/1 г. были командированы пр. Лапшинъ и Свиридовъ за границу на 5 мѣсяцевъ, Грубе и Качановскій на 4 мѣсяца; проф. Коссовъ—на мануфактурную выставку въ Петербургъ и для осмотра фабрикъ въ Москвѣ, Петербургѣ и Владимірской губерніи, ад. Левашовскій—въ Харьковскую, Полтавскую и Екатеринославскую губерніи для геогностическихъ изслѣдованій на лѣтніе мѣсяцы. Въ 1861/2 году были командированы на Лондонскую выставку Соколовъ и Лямбль, на 1 годъ въ Англію, Францію, Германію, Швейцарію, Голландію и Бельгію: Соколовъ, Потебня, Тихоновичъ, Зарубинъ, Делярю и Степановъ — за границу; на свой счетъ за границу — Кочетовъ, Грубе, Лапшинъ и Калениченко; проф. Борисякъ въ Кіевъ на съѣздъ естествоиспытателей; Левашовскій на лѣтніе мѣсяцы въ Харьковскую и Екатеринославскую губерніи для геогностическихъ изслѣдованій, Пахманъ въ Петербургъ для присутствія въ Высочайше учрежденной коммиссіи по университетскимъ вопросамъ. Въ 1862/3 г. командированъ Гарничъ-Гарницкій за границу съ ученою цѣлью и продолженъ на 1 годъ срокъ заграничной командировки Сокальскому. Перечисленныя командировки послужили источникомъ значительнаго подъема научныхъ интересовъ въ Харьковскомъ университетѣ.

Въ особенности это нужно сказать о заграничныхъ командировкахъ, имѣвшихъ огромное значеніе и для командированныхъ лицъ, и для самого университета. Доказательствомъ этого является командировка Каченовскаго, который, какъ видно изъ его дневниковъ (къ сожалѣнію, затерянныхъ), не только черпалъ широкою рукою знанія въ ихъ западныхъ первоисточникахъ, чтобы перенести ихъ въ родную Саламанку, но и достойнѣйшимъ образомъ представлялъ Харьковскій университетъ передъ западною наукой и европейскими университетами. Обновленіе Харьковскаго университета послѣ 1863 года въ сущности совершилось такъ быстро потому, что со второй половины 50-хъ годовъ, съ одной стороны, завершилъ за границей свою научную подготовку рядъ будущихъ преподавателей университета, а съ другой,—тамъ же освѣжили и дополнили свои познанія и лица, бывшія уже преподавателями въ университетѣ—съ одной стороны: Питра, Щелковъ, Ю. Морозовъ, Тихоновичъ, Зарубинъ Делярю, Степановъ, Гарничъ-Гарницкій; съ другой—Каченовскій, Петровъ, Щеглеевъ, Масловскій, Бекетовъ, Демонси, Иллинскій, П. Лавровскій, Коссовъ, Сошальскій, Потебня и др. Между профессорами Харьковскаго университета и западными учеными установились теперь научныя связи. Въ 1859/60 году производились въ Харьковскомъ университетѣ Лапшинымъ и его помощникомъ Морозовымъ обширные научные опыты съ огромной гальванической батареей въ 1000 Бунзеновскихъ элементовъ, при чемъ программа этихъ опытовъ была разослана и иностраннымъ ученымъ. Щелковъ напечаталъ отчетъ о результатахъ своихъ работъ за границей въ изданіяхъ Вѣнской академіи наукъ (Beiträge zur Lehre über Gasumtausch in verschiedenen Organen). Объ оживленіи научной дѣятельности съ половины 50-хъ годовъ свидѣтельствуютъ и другіе факты. Въ 1854/5 г., по случаю 50-лѣтія университета, рѣшено было установить ученыя засѣданія по факультетамъ. Проф. богословія В. И. Добротворскій сталъ издавать духовный научный журналъ — Духовный Вѣстникъ, — въ которомъ помѣщено много статей, какъ его самого, такъ и нѣкоторыхъ другихъ профессоровъ Харьковскаго университета.

3-я глава.

Студенты.

Уставъ 1835 года положеніе студентовъ опредѣляетъ такъ. Для поступленія въ студенты нужно было выдержать особое испытаніе;

окончившіе полный курсъ въ гимназіи могли быть освобождены отъ него. Пріемъ студентовъ бывалъ одинъ разъ, въ началѣ года. Студенту, перешедшему въ другой университетъ, зачитывалось время пребыванія его въ первомъ. На медицинскомъ факультетѣ курсъ ученія былъ 5-лѣтній, а на остальныхъ 4-лѣтній. Лѣтнія вакаціи продолжались съ 10 іюня по 22 іюля, а зимнія съ 20 декабря по 12 января. Лекціи и начинаться, и оканчиваться должны были въ опредѣленное время. Для поощренія студентовъ предлагались темы для медальныхъ сочиненій—по одной отъ каждаго факультета; при оцѣнкѣ сочиненія должны были однако приниматься во вниманіе успѣхи и нравственность студентовъ. Экзамены происходили: 1) въ теченіе курса, 2) по окончаніи его и 3) на ученыя степени (кандидата, магистра, доктора). Эти степени нужно было получать по порядку, въ сроки, установленные для каждой (годичные), но кандидатскую степень можно было получить и непосредственно при окончаніи курса. Кандидатская степень, при поступленіи на службу, давала право на 10-й классъ должности, магистерская—9-й, докторская—8-й; окончившіе со званіемъ дѣйствительнаго студента получали только 12-й классъ. Въ военной службѣ окончившіе университетъ черезъ 6 мѣсяцевъ производились въ офицеры, если только знали фронтъ. Студенты, арестованные полиціей по участію въ уголовномъ преступленіи, судились съ участіемъ университетскаго депутата при слѣдствіи, а въ остальныхъ дѣлахъ препровождались на судъ къ ректору. При университетѣ существовали—педагогическій и медицинскій институты (казеннокоштныхъ студентовъ) для подготовки учителей и врачей; питомцы перваго слушали здѣсь особыя лекціи по своему спеціальному предмету и вели практическія занятія; второго—подготовлялись такимъ же образомъ къ врачебному званію; и тѣ, и другіе брали на себя обязательство прослужить 6 лѣтъ по указанію правительства. Въ педагогическомъ институтѣ полагалось не менѣе 20 душъ, въ медицинскомъ—40.

Приведемъ теперь нѣкоторыя данныя о дѣйствительномъ положеніи студентовъ въ изучаемый нами періодъ времени и представимъ прежде статистическія свѣдѣнія о нихъ. Въ 1836/7 г. всѣхъ студентовъ было 299, въ томъ числѣ своекоштныхъ—251 и казеннокоштныхъ 48. Въ 1842/3 г. изъ 141 д. экзаменовавшихся принято было 98. Всѣхъ студентовъ было 452 (нѣсколько душъ ихъ выбыло въ теченіе года). По факультетамъ и курсамъ они распредѣлялись такъ:

Курсы:	I	II	III	IV	V	Итого
1-е отд. фил. фак.	17	26	20	20	—	83
2-е » » »	26	16	20	8	—	70

Курсы:	I	II	III	IV	V	Итого
Юридическаго фак.	53	48	38	34	—	173
Медицинскаго »	28	11	18	29	40	126
Итого. .	124	101	96	91	40	452

Своекоштныхъ студентовъ было 362 (изъ нихъ 6 содержалось на счетъ платы за право ученія), казеннокоштныхъ 90 (изъ коихъ 24 содержалось на счетъ б. Виленской медико-хирургической академіи, а 5—Бѣлорусскаго округа). По вѣроисповѣданіямъ студенты распадались такъ: православныхъ 336, католиковъ 100, протестантовъ 10, евреевъ 5, григоріанскаго вѣроисповѣданія 1. По сословіямъ они распредѣлялись на слѣдующія группы: дворянъ 270, оберъ-офицерскихъ дѣтей 52, мѣщанъ 43, духовнаго званія 22, купцовъ 22, казачьихъ дѣтей 8, войсковыхъ обывателей и однодворцевъ 6, почетныхъ гражданъ 5, цеховыхъ 4, свободныхъ хлѣбопашцевъ 3, иностранцевъ 2, вольноотпущенныхъ 2, государственныхъ крестьянъ 2, колонистовъ 1. Изъ всего количества студентовъ $^2/_3$ получили образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ мин. нар. просв., въ томъ числѣ $^3/_5$ въ 38 гимназіяхъ. Болѣе всего дали гимназіи—Харьковская (47) и Полтавская (37)—84 студента, т. е. почти $^1/_5$ ихъ общаго количества. Любопытно, что болѣе $^1/_3$ ихъ поступило на 1-е отдѣл. философскаго факультета, въ то время какъ на медицинскій немного болѣе $^1/_7$. Затѣмъ въ нисходящемъ порядкѣ другія гимназіи слѣдуютъ такъ: Новгородъ-Сѣверская (19), Виленская (17), Курская (14), Черниговская (14), Екатеринославская (11), Новочеркасская (10), Слуцкая (10), Волынская (8), Кіевскія (1-я и 2-я) (8), Винницкая (6), Бѣлостокская (6), Житомірская (6), Таганрогская (5), Воронежская (4), Гродненская (4), Орловская (4); другія гимназіи дали по 3, 2 и 1 чел. Изъ другихъ учебныхъ заведеній отмѣтимъ — частный пансіонъ въ Харьковѣ Зимницкаго (29), б. пансіонъ въ Харьковѣ Де-Роберти (12); всего въ такихъ школахъ училось 64; болѣе $^1/_2$ изъ нихъ поступило на юридическій факультетъ. Изъ 7 духовныхъ училищъ вышло 22 чел. (Харьковской семинаріи 9, Екатеринославской и Курской по 4, Черниговской 2 и т. д.). Лицъ домашняго образованія было 104 ($^2/_9$ общаго числа), изъ нихъ половина поступила на юридическій факультетъ. Окончило курсъ и удостоено было различныхъ званій 87 душъ: по ист.-филол. фак. 7 д. студ. и 8 канд., по физико-математическому 3 д. студ. и 5 канд., по юрид.—23 д. студ. и 11 канд., по медицинскому 17 лекар. по 1-му и 13 по 2-му отдѣленію. Въ 1852/3 году всѣхъ студентовъ (въ началѣ акад. года) было 446; въ 1853/4 ак. году студентовъ было 493; въ 1854/5 ак. году было

въ началѣ года 465 студентовъ; въ 1855/6 ак. году студентовъ было въ началѣ года 492; въ 1856/7 ак. году студентовъ было 443; въ 1857/8 ак. году было 486 студентовъ; въ 1858/9 ак. году студентовъ было 413; въ 1859/60 ак. году студентовъ было 484; въ 1860/61 ак. году студентовъ было 533; въ 1861/2 ак. году студентовъ было 569; въ 1862/3 ак. году студентовъ было 622. Мы привели немного цифръ и подробныя данныя только за одинъ годъ. И эти цифры не могутъ претендовать на полную точность. Но, во всякомъ случаѣ, онѣ свидѣтельствуютъ о постоянномъ, хотя и незначительномъ, возрастаніи числа студентовъ. Въ половинѣ 30-хъ годовъ было 300 студентовъ, въ половинѣ 40-хъ годовъ—450, въ 1848-мъ году 523 души, затѣмъ число ихъ стало падать и въ теченіе всѣхъ 50-хъ годовъ не могло дойти до цифры 1848 года и только въ 1860 году превысило ее, возросло въ 1861 г., а въ 1862 г. достигло максимума—622 чел. Среди студентовъ Харьковскаго университета былъ значительный процентъ поляковъ-католиковъ и ничтожное число евреевъ. Среди сословій, по-прежнему, преобладаетъ дворянское: дворянскихъ дѣтей вмѣстѣ съ оберъ-офицерскими было въ 1842 г. почти $^3/_4$ общаго числа. Наиболѣе многолюдными факультетами были юридическій и медицинскій—раньше господствовалъ 1-й, а потомъ второй. Историко-филологическій факультетъ былъ сначала относительно многолюденъ—на немъ бывало даже болѣе слушателей, чѣмъ на физико-математическомъ, но съ половины 40-хъ годовъ онъ сталъ оскудѣвать студентами и далеко отсталъ отъ физико-математическаго; число оканчивавшихъ курсъ теперь нѣсколько увеличилось, какъ и число лицъ, удостоенныхъ кандидатской степени.

Научно-литературныя занятія были въ 40-хъ годахъ довольно интенсивны. Въ 1842/3 г. одному Метлинскому, напримѣръ, было подано 172 работы (26 студентами ист.-фил., 43 физико-матем., 67 юрид. и 36 медиц. фак.), разбиравшіяся имъ на практическихъ занятіяхъ; здѣсь, кромѣ прозы, были и стихи. Мицкевичу было подано 25 сочиненій. Всего было представлено 385 работъ (98 по ист.-фил., 56 по физ.-мат., 195 по юрид. и 36 по медиц. фак.). По иниціативѣ помощника попечителя кн. Цертелева, для чтенія лучшихъ изъ этихъ трудовъ устроены были литературные вечера (по 2 въ мѣсяцъ). Рѣшено было также печатать лучшіе изъ нихъ, на что ассигновано до 200 р. сер. въ годъ и составленъ особый редакціонный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ ректора, изъ проф.: Якимова, Платонова, Бутковскаго, Лапшина и секретаря Метлинскаго. Для произнесенія этихъ сочиненій избрано 17 января, какъ день открытія университета. Въ 1844/5 г. Метлинскому было подано 168 сочиненій (19 студентами ист.-фил. фак.,

30—физ.-мат., 95—юрид. и 24—медиц.). Лучшими были признаны работы—Сухомлинова (впослѣдствіи извѣстнаго академика), Кожедубова (Очеркъ малороссійской свадьбы), Кучерова (Обрядъ поминовенія и скачка на Дону), Маркова (Разборъ романа Кулиша «Мих. Чарнышенко»), Правикова (Стихотворенія), Селиванова (Поѣздка изъ Харькова на Донъ), Сенюткина (Ночь подъ свѣтлое воскресеніе), Авилова (Повѣрье донцовъ), Ржевскаго (Выходъ козаковъ на службу). Изъ работъ, поданныхъ Изм. Ив. Срезневскому, признаны лучшими—О русскихъ народныхъ пѣсняхъ (студ. Метлинскаго), Слово о полку Игоревѣ, какъ литературное произведеніе (Де-Пуле). Проф. Мицкевичъ призналъ выдающеюся работу студ. Каченовскаго: «О законѣ XII таблицъ». Въ 1847/8 году проф. Якимову было подано 50 сочиненій; лучшія изъ нихъ были разобраны профессоромъ съ каѳедры; въ числѣ ихъ выдавались: студ. Сокальскаго—О сборникахъ русскихъ пѣсенъ, Тютчева—Судьбы поэзіи въ Россіи, Сухомлинова—(О развитіи теоріи русскаго языка, О филологическихъ трудахъ Ломоносова), Де-Пуле—О журналистикѣ вообще и о поэзіи, Хлопова—Взглядъ на современное направленіе русской литературы. Проф. Лукьяновичу было подано 53 сочиненія на латинскомъ языкѣ, и среди нихъ оказались болѣе выдающимися труды: Ливскаго, Сухомлинова, Нельговскаго, Петрова, Сокальскаго (De musica Romanorum). Проф. Рославскій-Петровскій отмѣтилъ работу ст. Петрова—О цивилизаціи галлофранковъ въ эпоху меровинговъ. Метлинскому были поданы работы о Фонвизинѣ, Майковѣ, Лермонтовѣ, Пушкинѣ, Грибоѣдовѣ, Гоголѣ, Шиллерѣ. Въ 1848/9 году представилъ хорошую работу по уголовному праву студ. Градовскій. Въ 1850/1 году студенты—Леваковскій, Раевскій и Масловскій совершили геогностическое путешествіе по Бахмутскому и Славяносербскому уѣздамъ Екатеринославской губ. и приготовляли подъ руководствомъ проф. Борисяка описаніе его. Студентъ Вейнбергъ (нынѣшній извѣстный писатель) представилъ профессору русской словесности нѣсколько изящныхъ, легкихъ переводовъ стихами изъ Мольера и Беранже. Въ 1851/2 г. историко-филологическій факультетъ устроилъ съ разрѣшенія попечителя особыя факультетскія засѣданія, гдѣ читались лучшія студенческія сочиненія; съ января по май было 5 такихъ засѣданій. Особенно выдающимися изъ нихъ были признаны: оригинальныя стихотворенія Вейнберга и Лебедева и переводы одъ и сатиръ Горація того же Вейнберга, отличавшіеся точностью, близостью къ подлиннику и изящною отдѣлкою стиха. Изъ статей ученаго содержанія выдѣлялись: Федченка—О Петраркѣ, Воронова «О Дельвигѣ», Завадскаго «О Сюлли», Парфенова «О визант. писателѣ

Лидѣ». Всѣ статьи основаны были на самостоятельномъ добросовѣстномъ изученіи матеріала и его разработкѣ. Медали получили въ этомъ году—Завадскій, Мих. Стельмаховичъ (по юрид. фак.) и Ив. Леваковскій (по ботаникѣ—о деревьяхъ въ окрестностяхъ Харькова). Въ 1852/3 г. выдающуюся работу представилъ студентъ Вейнбергъ (П. И.),—переводъ сатиръ Горація размѣромъ подлинника. Въ 1853/4 г. отмѣчены были въ качествѣ выдающихся въ числѣ прочихъ труды слѣдующихъ студентовъ—Потебни (О торговлѣ Россіи въ царствованіе Алексѣя Мих.) и Вейнберга (Больной юноша—стих. переводъ изъ А. Шенье), Ю. Морозова. Въ 1857/8 г. были признаны выдающимися сочиненія студентовъ—Афр. Левандовскаго (Германикъ, по Тациту), Вас. Надлера (О жизни и сочиненіяхъ Виланда и переводы изъ Лессинга драмы «Эм. Галоти»). Изъ педагогическаго семинарія Н. А. Лавровскаго вышли слѣдующіе рефераты, *напечатанные* въ Х. губ. вѣд.: О первоначальномъ обученіи—Н. Рощупкина, обученіе въ первоначальныхъ школахъ—Аф. Левандовскаго, мысли Кельнера касательно обученія—К. Хлопова, взглядъ на обученіе чтенію и письму—П. Завадскаго, О воспитаніи и обученіи женщинъ Дм. Пузанова, Песталоцци, Фенельбергъ и швейцарскія школы для бѣдныхъ людей Шиманова. Мих. Богомоловъ представилъ сочиненіе на тему, заданную факультетомъ, за которое получилъ золотую медаль. Въ 1858/9 году признаны были выдающимися сочиненія: ст. Савельева: «О значеніи женщины въ семействѣ», Хлопова «Очерк. ист. разв. женщины. Въ 1859/60 г.—студ. А. Шиманова «О Новиковѣ». Въ 1862/3 г. были напечатаны сочиненія студ. ест. отдѣла Ильи Мечникова: Untersuchungen über den Stiel der Vorticellen (въ Archiv für Anatomie und Physiologie 1863 № 2 и Зап. Пет. Ак. наукъ), Bemerkungen über eine neue Diplogasterort (Archiv 1863 № 4.). Студ. медиц. факультетъ Заксъ напечаталъ: Ein Beitrag zur Frage über den Ort der Kohlensaürebildung im Organismus (Archiv 1863, № 3).

Студентамъ ежегодно давались темы для медальныхъ сочиненій. Вотъ, въ видѣ примѣра, нѣсколько темъ, предложенныхъ факультетами на соисканіе медалей студентами: по юридическому факультету: 1) Изложить исторію древняго уголовнаго права Руси до уложенія царя Алексѣя Михайловича; 2) представить сравнительное изложеніе римскихъ и россійскихъ законовъ о давности по гражданскому праву въ историческомъ ихъ развитіи и догматически въ полной системѣ по правиламъ сводовъ имп. Юстиніана и нынѣ существующихъ въ Россійской имперіи узаконеній; 3) изложить мѣры, какія россійское правительство принимало къ поощренію и усовершенствованію мануфактурной промышленности;

4) о мѣрѣ отвѣтственности малолѣтнихъ въ уголовныхъ дѣлахъ; 5) объ исправительной системѣ въ тюремномъ заключеніи, ея исторіи, видоизмѣненіи, въ настоящемъ состояніи и результатахъ, донынѣ полученныхъ отъ исправительныхъ тюрьмъ. По медицинскому факультету: 1) О пищевареніи; 2) Physiologia, pathologia et therapia vulneris; 3) Показать новѣйшія изслѣдованія и опыты надъ отправленіемъ гангліозной нервной системы у человѣка и животныхъ; 4) De gangrena— variae ejus formae comparandae sunt sed praecipue habenda est ratio gangrenae nosocomialis; 5) Quomodo ophthalmologiae scientia ad scientiam totius artis medicae possit contribuere. По историко-фил. фак.: 1) О національномъ развитіи исторіографіи у римлянъ вообще и о первыхъ попыткахъ въ этомъ родѣ до Юлія Цезаря въ особенности; 2) Enarretur historia poësiae lyricae Graecorum a primis inde initiis usque ad summam ejus perfectionem, quam sub novem clarissimis ih hoc genere poëtis adepta est; 3) Опредѣлить движеніе и степень успѣховъ, сдѣланныхъ русскою исторіей отъ смерти Карамзина до дней нашихъ какъ по отношенію къ массѣ историческихъ матеріаловъ и критической оцѣнкѣ оныхъ, такъ и по взгляду на внутреннее содержаніе, значеніе этой исторіи, по отношенію ея къ исторіи всемірной; 4) О заслугахъ Декарта въ философіи. По физико-математическому факультету: 1) составить геометрическое тѣло, которое бы ограничивалось 18 квадратами и 8 равносторонними треугольниками; доказать, что около этого тѣла можно описать шаръ, и вычислить отношеніе діаметра этого шара къ боку тѣла и толстоту сего послѣдняго; 2) изложить важнѣйшія свойства лучистой теплоты на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій и вмѣстѣ сдѣлать краткое историческое обозрѣніе занятій ученыхъ по этому предмету; 3) представить критическій разборъ извѣстнѣйшихъ доказательствъ параллелограмма силъ; 4) описать древесныя породы (arbores) окрестностей г. Харькова на основаніи собственныхъ наблюденій. Печатныхъ студенческихъ сборниковъ было теперь гораздо меньше, чѣмъ прежде: вышелъ всего одинъ сборникъ въ 1846 году подъ заглавіемъ: «Опыты въ сочиненіяхъ студентовъ Имп. Харьковскаго университета. Томъ I-й Х. 1846, 344 стр.».

Что касается правилъ о поведеніи студентовъ, то они сохранили характеръ прежней строжайшей регламентаціи и полицейской дисциплины. Въ инструкціи, данной инспектору при введеніи устава 1835 г., требуется, чтобы онъ наблюдалъ и за нравственною, и за учебною, и за полицейскою (такъ прямо и сказано), и за хозяйственною стороною ихъ быта; инспектору ввѣрялось и религіозное воспитаніе учащагося юношества. «Добрая нравственность учащихся юношей есть вѣрнѣй-

шій и единственный залогъ не только преуспѣянія ихъ въ наукахъ, но и достиженія цѣли правительства въ образованіи ихъ истинными сынами церкви, вѣрными служителями престолу и полезными отечеству гражданами. Религія есть тотъ краеугольный камень, на которомъ незыблемо зиждется чистая, добрая нравственность. Посему инспектору поставляется первою и важнѣйшею обязанностью обращать неусыпное вниманіе на религіозное направленіе учащихся въ университетѣ». На обязанности инспектора лежало наблюденіе и за политическимъ воспитаніемъ студентовъ въ духѣ указанныхъ началъ. Инспекторъ обязанъ былъ посѣщать и своекоштныхъ студентовъ въ разные часы и всегда неожиданно, за исключеніемъ тѣхъ, которые проживали у родителей или близкихъ родственниковъ, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы послѣдніе были извѣстны своею благонадежностью. Инспекторъ долженъ былъ наблюдать, чтобы студенты не жили шире своихъ средствъ, не посѣщали мѣстъ и домовъ, не соотвѣтствующихъ ихъ званію, не имѣли запрещенныхъ книгъ—въ случаѣ нахожденія таковыхъ, онъ долженъ былъ открыть, отъ кого онѣ получены ими, и донести объ этомъ начальству. На обязанности инспектора лежало наблюденіе за неукоснительнымъ посѣщеніемъ студентами лекцій, съ каковою цѣлью онъ избиралъ изъ среды ихъ старшихъ студентовъ, которые наблюдали за поведеніемъ ввѣренныхъ имъ товарищей и подавали объ этомъ «рапортички» помощникамъ инспектора. Что же касается казеннокоштныхъ студентовъ, то, буквально, всякій шагъ ихъ былъ подъ наблюденіемъ инспекціи. Собственною властью инспекторъ могъ посадить студента въ карцеръ на 1 день съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ. Выписки изъ кондуитныхъ списковъ студентовъ сообщались ихъ родителямъ и могли оказать большое вліяніе на судьбу студентовъ [1]). Инспекторъ могъ присутствовать на всѣхъ экзаменахъ, какъ полугодовыхъ, такъ и окончательныхъ. Въ 1839 году по поводу замѣчаній, сдѣланныхъ министромъ народнаго просвѣщенія о недостаточности надзора за студентами, выработаны были новыя строгія, правила объ этомъ надзорѣ. Между прочимъ, студентамъ въ аудиторіяхъ были отведены постоянныя мѣста, а опоздавшіе должны были садиться на послѣдней скамьѣ, чтобы профессора могли ихъ замѣчать; студенты, квартировавшіе у профессоровъ, могли отлучаться изъ квартиры въ какое-нибудь публичное мѣсто, предъявляя инспектору ихъ разрѣшеніе; выработана была цѣлая градація наказаній за проступки, гдѣ фигурируетъ и знаменитая черная книга; ежегодно читались въ присутствіи профессоровъ и студен-

[1]) При награжденіи студентовъ медалями принималась во вниманіе, какъ мы видѣли, и нравственность.

товъ списки лицъ, отличившихся примѣрнымъ поведеніемъ и заслужившихъ наказаніе; усилена была инспекція—инспектору даны пять помощниковъ. Но особенно тяжелымъ должно было сдѣлаться положеніе студентовъ съ общимъ усиленіемъ реакціи, въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ. Молодежь какъ бы замерла въ тискахъ военной дисциплины и пробудилась только при общемъ подъемѣ русской жизни, послѣ воцаренія Александра II. Въ 1858 году разыгралась студенческая исторія въ Харьковскомъ университетѣ. Поводомъ къ ней послужило удаленіе изъ университета попечителемъ двухъ студентовъ за сильный шумъ, произведенный ими на улицѣ: они ночью стучались къ своимъ товарищамъ и потревожили жильцовъ этого дома, а затѣмъ побили прислугу, выбѣжавшую на шумъ. Произошли сходки; многіе профессора, по отсутствію слушателей, не могли 2 дня читать лекцій, а 138 студентовъ подали прошенія объ увольненіи, не желая послѣ всего происшедшаго оставаться въ университетѣ. Попечитель Зиновьевъ арестовалъ нѣкоторыхъ зачинщиковъ, затѣмъ распорядился о прочтеніи передъ студентами своей рѣчи, произведшей, по словамъ попечителя, благопріятное впечатлѣніе на молодежь. Попечитель писалъ министру народнаго просвѣщенія, что «главною цѣлью движенія студентовъ было желаніе сдѣлать его извѣстнымъ правительству, въ надеждѣ, что оно, обративъ на него вниманіе, болѣе оградитъ на будущее время личность студентовъ отъ произвола (какъ они называютъ) попечителей, ректора, инспектора и другихъ властей. Во главѣ движенія, писалъ онъ, въ которомъ замѣтенъ энтузіазмъ, безъ всякаго, впрочемъ, на кого-либо неудовольствія, находятся, между прочимъ, лучшіе студенты, которые, какъ кажется, жертвовали собою для этой идеи. Впрочемъ, до формальнаго слѣдствія (разумѣется, семейнаго пока) я,—писалъ попечитель,—ничего не могу сказать положительнаго, но счелъ долгомъ донести, тѣмъ не менѣе, объ этомъ». Министръ, доведшій объ этомъ событіи до свѣдѣнія государя императора, рекомендовалъ попечителю не прибѣгать безъ крайней надобности (каковой, по его мнѣнію, пока не было) къ гражданскимъ властямъ и точно изслѣдовать на основаніи училищныхъ правилъ причины волненія, ибо онѣ важнѣе самого факта. Попечитель сообщилъ, что волненіе утихло и что онъ предастъ виновныхъ суду правленія и воспользуется этимъ случаемъ, чтобы удалить изъ университета всѣхъ дурныхъ студентовъ: предполагалось одну категорію исключить безъ права поступленія въ другія учебныя заведенія. Къ этому онъ прибавлялъ, что и нѣкоторые изъ профессоровъ вели себя такъ, что поддерживали студенческіе безпорядки,— и что двое братьевъ—Лавровскихъ, Коссовъ, Соколовъ, иногда Бейеръ

и Свиридовъ своею строптивостью передъ ректоромъ служатъ дурнымъ примѣромъ для молодежи. Къ сожалѣнію,—прибавлялъ Зиновьевъ,—я теперь убѣжденъ, что весь университетъ нужно взять покруче, что мнѣ возможно (будетъ сдѣлать) только при другомъ помощникѣ. 13-го сентября 1858 г. университетъ посѣтилъ имп. Александръ II-й и сказалъ профессорамъ, что онъ крайне недоволенъ тѣми безпорядками, которые были въ Харьковскомъ университетѣ два года сряду, а студентамъ, кромѣ этого, еще прибавилъ: «сверхъ того, у васъ завелся обычай подкидывать безымянныя письма; это—низко». Кромѣ того, государь сказалъ еще, что полицейское наблюденіе не освобождаетъ ихъ отъ университетскаго и что они должны строго держаться формы; двухъ студентовъ, за неумѣнье отдать поклонъ, императоръ отправилъ подъ арестъ. Но время брало свое,—и скоро пришелъ часъ, когда форма была совсѣмъ уничтожена, а вмѣстѣ съ нею пали и ненужныя стѣсненія студентовъ. Въ концѣ изучаемаго нами періода самый институтъ казенно-коштныхъ студентовъ, гдѣ особенно практиковалась суровая полицейская дисциплина, былъ признанъ вреднымъ и уничтоженъ, и это произошло въ бытность попечителемъ Зиновьева, когда происходили въ университетѣ вышеописанные безпорядки. Уничтоженіе этого института дало возможность употребить назначавшіяся для этого суммы на стипендіи. Къ казеннымъ стипендіямъ присоединились частныя. Такъ дѣло матеріальнаго обезпеченія учащейся молодежи стало на прочную почву. Въ 1853/4 г. Дм. Андр. Донецъ-Захаржевскій, будучи избранъ въ почетные члены Харьковскаго университета, пожертвовалъ ему капиталъ въ 8571 р. на содержаніе двухъ стипендіатовъ-студентовъ, дворянъ Изюмскаго и Зміевскаго уѣзда. Это 1-й примѣръ такого щедраго пожертвованія. Для пособія недостаточнымъ студентамъ въ 1862/3 году существовали слѣдующія стипендіи: 40 стип. казеннокоштныхъ студентовъ медицинскаго факультета по 175 р.; 60 стип. мин. нар. просв. въ 200 р. каждая, учрежденныхъ 14-го сентября 1862 года и предназначенныхъ первоначально для студентовъ Петерб. у-та, переведенныхъ въ Харьковскій, а потомъ и для питомцевъ Харьковскаго; 30 стипендій Донского войска по 300 р. каждая; 15 стипендій Кубанскаго войска по 240 р.; 3 стип. Екатеринославскаго дворянства по 142 р. 85½ к.; 5 стип. приказовъ общественнаго призрѣнія по 175 р.; 2 стипендіи помѣщика Парпуры по 142 р. 85½ к.; 4 стипендіи Кирилла и Меѳодія по 240 р.; стип. б. проф. Осиповскаго въ 200 р., учрежд. сыномъ его докт. Осиповскимъ; стипендія почетнаго гражданина Мамонтова въ 200 р., учрежденная въ 1863 г. поч. гражд. Чепелкинымъ. На 2 стипендіи Донецъ-Захаржевскихъ содержались воспитанники Харьковской

губ. гимн. Кромѣ того, университетъ изъ своихъ средствъ выдалъ пособія 2765 р. 59 студентамъ. Освобождено было отъ платы за слушаніе лекцій 126 душъ въ годъ, 29, кромѣ того, на 1-ю половину года и 41 на вторую. Въ пользу недостаточныхъ студентовъ стали теперь (съ начала 60-хъ годовъ) устраиваться вечера. Такъ, литературный вечеръ, устроенный проф. Каченовскимъ и Лавровскимъ въ 1860/1 ак. году, далъ чистаго сбора 1396 руб.

4-я глава.

Просвѣтительное вліяніе университета.

Просвѣтительное вліяніе университета было въ значительной степени сужено уставомъ 1835 г., изъявшимъ изъ его вѣдомства среднія и низшія учебныя заведенія Харьковскаго учебнаго округа, съ ихъ многочисленнымъ педагогическимъ персоналомъ. Ослаблено было вліяніе университета на внѣуниверситетскую среду уставомъ и въ другомъ отношеніи—лишеніемъ цензурнаго права, которое, какъ мы знаемъ, раньше служило въ рукахъ университета не орудіемъ угнетенія печати, а средствомъ для ея развитія. Въ этихъ болѣе узкихъ рамкахъ университетъ все-таки продолжалъ оказывать свое образовательное вліяніе на широкіе круги общества, хотя живая связь его съ этимъ послѣднимъ по сравненію съ первымъ десятилѣтіемъ въ жизни университета, несомнѣнно, уменьшилась. Въ отчетѣ о состояніи Харьковскаго университета за 1842/3 годъ, составленномъ Изм. Ив. Срезневскимъ, мы находимъ любопытныя соображенія автора о благотворномъ вліяніи Харьковскаго университета въ дѣлѣ образованія вообще и для Харьковскаго края въ частности. Авторъ доказываетъ здѣсь, что г. Харьковъ обязанъ былъ своимъ возвышеніемъ именно университету. До открытія университета Харьковъ едва походилъ на городъ, не могъ быть сравненъ не только съ Полтавой, Курскомъ, Орломъ, Воронежомъ, но даже съ Бѣлгородомъ, Сумами, Ахтыркой, а теперь по самому количеству народонаселенія превосходитъ ихъ, собравъ въ себѣ до 40000 постоянныхъ жителей, не считая живущихъ въ немъ временно, между тѣмъ какъ въ 1805 г., до открытія университета, было 8000, слѣдовательно, въ *пять разъ* менѣе. Не подняла его такъ торговля, потому что она не поднимала

его прежде и не подняла такъ ни Сумъ, ни Курска, гдѣ торговля была прежде значительнѣе харьковской; и не фабрики и заводы,— потому что въ Харьковѣ ихъ мало; и не другія учебныя заведенія,— потому что они находятся или во всѣхъ помянутыхъ городахъ или въ нѣкоторыхъ — и не возвысили въ такой степени ни одного изъ нихъ; и не особенныя преимущества,—потому что Харьковъ пользуется ими одинаково съ другими городами; и не относительное его географическое положеніе, которое не представляетъ жителямъ никакихъ особенныхъ выгодъ.—Нѣтъ! Харьковъ обязанъ своимъ возвышеніемъ преимущественно университету. Университетъ сосредоточилъ около себя просвѣщеніе, привлекъ въ городъ просвѣщенное общество: этого было довольно, чтобы привлечь и промышленность, и богатство, и все, что возвышаетъ городъ. Конечно, этому благотворному вліянію университета содѣйствовали и нѣкоторыя другія причины, особенно духовная семинарія, бывшій духовный коллегіумъ, старѣйшее изъ учебныхъ заведеній харьковскихъ, и институтъ благородныхъ дѣвицъ, указавшій собою первый въ здѣшнемъ краѣ примѣръ высшаго образованія женскаго пола; но главнѣйшимъ и могущественнѣйшимъ дѣятелемъ въ этомъ былъ университетъ. Наука возвысила Харьковъ, какъ промышленность Тулу и Ярославль, какъ торговля—Нижній-Новгородъ и Одессу, и Харьковъ носитъ на себѣ рѣзкій отпечатокъ этого вліянія. На 40000 жителей въ немъ считается болѣе 4000 постоянно учащихся, около 500 учащихъ и 19 казенныхъ и частныхъ учебныхъ заведеній; въ немъ почти нѣтъ семьи безъ воспитанника, родного или чужого; многіе живутъ только для воспитанія дѣтей; въ немъ ищутъ воспитателей и воспитательницъ для всѣхъ окрестныхъ и даже нѣкоторыхъ отдаленныхъ губерній; его учебныя заведенія предпочитаютъ многимъ другимъ; изъ него выписываютъ книги и всѣ учебныя пособія... Самый наплывъ пріѣзжихъ на ярмарки, какъ бы нарочно, бываетъ тогда, когда начинается или оканчивается ученье—въ половинѣ января, въ началѣ іюня и въ концѣ августа. Кромѣ того, Харьковъ славится своими врачами; а между ними 9 изъ 10 принадлежатъ университету. Онъ замѣтенъ по любви къ просвѣщенію и чистотѣ вкуса не только высшихъ, но и среднихъ слоевъ общества; напоминаетъ о себѣ трудами литераторовъ, въ немъ жившихъ и живущихъ; словомъ, онъ извѣстенъ, какъ городъ просвѣщенный и ученый. И если справедливо, что все это находится въ непосредственномъ отношеніи къ университету,—а въ этомъ сомнѣваться, кажется, нельзя,—то не естественно ли, что университетъ долженъ былъ имѣть силы, чтобы произвести такое рѣшительное вліяніе на характеръ города? Въ отчетѣ за 1850/1 годъ о просвѣтительномъ значеніи Харьков-

скаго университета говорится слѣдующее. «Въ теченіе 45-лѣтняго своего процвѣтанія университетъ, оставаясь вполнѣ вѣрнымъ первоначальному сопряженному съ самимъ учрежденіемъ его назначенію быть разсадникомъ просвѣщенія въ юго-восточныхъ областяхъ Россіи, распространялъ свое полезное вліяніе и за предѣлы ближайшей, собственной своей сферы, и около 3000 молодыхъ людей, воспитанныхъ имъ на службу отечества, между которыми многіе занимаютъ теперь важныя государственныя должности, болѣе 700 врачей, приготовленныхъ имъ для общенародной пользы, около 550 преподавателей, доставленныхъ имъ въ разныя учебныя заведенія, и между ними 66 профессоровъ, доставленныхъ университетамъ и лицеямъ—всѣ эти факты живо свидѣтельствуютъ о томъ, что университетъ нашъ совмѣщалъ въ себѣ значеніе не только мѣстнаго, но и центральнаго источника народнаго просвѣщенія. Независимо отъ выполненія существеннаго своего назначенія въ дѣлѣ отечественнаго образованія, Харьковскій университетъ не уклонялся и отъ общей цѣли высшаго учебнаго заведенія—быть проводникомъ полезныхъ свѣдѣній европейской учености, какъ засвидѣтельствовалъ о томъ министръ, замѣтившій, что преподаватели университета, «не смотря на отдаленіе отъ средоточія ученой дѣятельности, съ успѣхомъ слѣдятъ за новыми открытіями и усовершенствованіями въ области наукъ, обновляя и оживляя такимъ образомъ свое преподаваніе». Удовлетвореніе разностороннимъ потребностямъ просвѣщенія составляетъ такимъ образомъ назначеніе нашего университета, которое оправдывается самою исторіею его.

Рославскій-Петровскій называетъ 57 питомцевъ Харьковскаго университета, дослужившихся до высшихъ чиновъ и должностей, и въ числѣ ихъ сенаторовъ Дегая и Гевлича, директора департамента Левшина, члена совѣта министерства Переверзева, вице-директора департамента Бахтина, статсъ-секретаря по дѣламъ царства Польскаго Халанскаго, директора департамента Гвоздева, губернаторовъ—Грабовскаго, Шкляревича, Лонгинова, главнаго дѣятеля судебной реформы С. И. Заруднаго, изъ ученыхъ академиковъ—Остроградскаго и Кеппена, преподавателей высшихъ учебныхъ заведеній—Павловскаго, Еллинскаго, Цыха, Архангельскаго, Громова, Дьяченка, П. Котельникова (профессора Казанскаго университета), Венедиктова, А. М. Филомафитскаго (профессора Московскаго университета), Ѳ. И. Иноземцева (профессора Московскаго университета), Варвинскаго, Калениченка, Г. Гордѣенка, Цыцурина (преподавателя Кіевскаго университета), П. Ѳ. Леонова, П. Любовскаго, В. Кригера, Лелякова, Линка, И. Свиридова, Рындовскаго, Т. М. Затеплинскаго, А. Шидловскаго, А. Дьяченка, Комли-

шинскаго, Сухомлинова, Черняева, Ѳ. Правицкаго, Борисяка, Кириллова, Робуша, Байкова, Степанова, Сокальскаго, Каченовскаго, Г. Гордѣенка, М. Клобуцкаго, А. Бабичева, А. Криворотова, Артемовскаго-Гулака, Костомарова, Е. Филомафитскаго, Рославскаго-Петровскаго, Славицкаго, Адамовича, Гонорскаго, Лобойка (Виленскаго университета), Борзенка, Якимова, Метлинскаго, Склабовскаго, Золотарева, Изм. Срезневскаго, Григоровича (Казанскаго университета), Протопопова. Всего 55 преподавателей, въ томъ числѣ Харьковскаго 42. Кромѣ того, 11 бывшихъ лицейскихъ профессоровъ и много директоровъ гимназій. Приведенныя данныя относятся къ 1850 году и обнимаютъ всѣ первыя 45 лѣтъ изъ жизни Харьковскаго университета. Если же мы обратимся только къ періоду времени съ 1835 по 1863-й годъ, то окажется, что за 20 лѣтъ, о которыхъ мы имѣемъ свѣдѣнія, окончило университетъ дѣйствительными студентами и кандидатами по тремъ факультетамъ (кромѣ медицинскаго) свыше 900 душъ, т. е. въ среднемъ по 45 душъ въ годъ; слѣдовательно, по такому расчету во всѣ 28 лѣтъ должно было окончить болѣе 1260 душъ, да лекарями за то же время свыше 740 душъ,—всего болѣе 3000 человѣкъ. Говоримъ болѣе потому, что за нѣкоторые годы мы имѣемъ явно пріуменьшенныя цифры. Къ тѣмъ питомцамъ Харьковскаго университета, имена которыхъ были приведены, слѣдуетъ присоединить еще слѣдующихъ профессоровъ Харьковскаго университета: Тихоновичей П. и Ѳ., Мих. Н. Петрова, Ив. П. Сокальскаго, Питру I и II-го, Ив. Ѳ. Леваковскаго, Л. О. Павловича, Стельмаховича, А. Н. Стоянова, Ганнота, Ив. П. Щелкова, А. А. Потебню, Гарничъ-Гарницкаго, Ю. И. Морозова, Котлярова, Богомолова, А. Левандовскаго, Н. Л. Залѣсскаго, А. Данилевскаго, А. Кузнецова, Деларю, М. Ковальскаго, П. Т. Степанова, А. П. Шимкова, Вагнера, В. К. Надлера, А. И. Додукалова, П. А. Ясинскаго, Шилтова; другихъ извѣстныхъ дѣятелей—профессора Петербургскаго университета А. Д. Градовскаго, профессора и писателя П. И. Вейнберга, писателя Депуле, ученаго Тюрина, Матушинскаго, библіотекаря Бляснаго, Г. С. Чирикова, Запару, князя Цертелева, поэта В. Александрова, судебныхъ дѣятелей — Ненарочкина и Куликова, писателя Евг. Маркова, Б. Г. Филонова, врачебнаго инспектора М. Севастьяновича, изслѣдователя А. Шиманова. Просвѣтительное вліяніе университета на общество проявлялось еще въ цѣломъ рядѣ фактовъ, изъ коихъ мы отмѣтимъ болѣе важные. Профессора физико-математическаго факультета читали нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ *публичные* курсы по техническимъ предметамъ для желающихъ. Изъ ветеринарной школы, состоявшей въ вѣдѣніи университета, выросла самостоятельная высшая школа—

нынѣшній ветеринарный институтъ. Отдѣльные преподаватели университета также работали въ интересахъ края и его населенія. Вспомнимъ объ извѣстныхъ намъ ученыхъ экспедиціяхъ разныхъ профессоровъ. Проф. Борисякъ, по просьбѣ харьковскаго генералъ-губернатора, составилъ проектъ разысканій строительнаго камня въ окрестностяхъ Харькова, въ Харьковской и Полтавской губерніяхъ и устройства мостовыхъ изъ искусственнаго щебня. Профессоръ Лапшинъ обратилъ вниманіе на обиліе минеральныхъ богатствъ въ Бахмутскомъ, Славяносербскомъ и другихъ уѣздахъ Екатеринославской губерніи и напечаталъ замѣтку объ этомъ въ Вѣстникѣ Русскаго Географическаго Общества за 1856-й годъ. Профессора медицинскаго факультета—Ганъ, Ванцетти, Калениченко, Альбрехтъ, Нарановичъ, Гордѣенко, Демонси и Рындовскій—составили сообща, по данной имъ попечителемъ программѣ, записку о свирѣпствовавшей въ 1847 г. холерной эпидеміи, съ указаніемъ средствъ борьбы съ нею. Когда, въ 1847 г., открылась въ Харьковѣ холера, терапевтическая клиника университета была превращена въ холерную больницу, въ которую поступило 26 больныхъ студентовъ, изъ коихъ выздоровѣло 17, умерло 9. Завѣдывалъ больницей директоръ клиники профессоръ Альбрехтъ. Профессоръ Эйнбродтъ написалъ по порученію попечителя подробную записку: «Объ овражкахъ и о способахъ ихъ истребленія», составленную по собственнымъ наблюденіямъ. Профессоръ Ходневъ занимался химическими изслѣдованіями кермена, какъ матеріала для дубленія въ безлѣсныхъ мѣстахъ Южной Россіи. Какъ видно изъ отчета за 1844/5 годъ, для распространенія въ Украйнѣ новыхъ сортовъ плодовыхъ деревьевъ, изъ ботаническаго сада раздавалось черезъ палату государственныхъ имуществъ, особенно въ уѣзды Харьковскій, Изюмскій, Зміевской и Валковскій, значительное количество черенковъ яблонь, грушъ и сливъ многимъ любителямъ садоводства и казеннымъ крестьянамъ. Въ ботаническомъ саду производились удачные опыты акклиматизаціи растеній, напримѣръ, винограда, хорошо дозрѣвшаго и годнаго для пищи, что, конечно, имѣло значеніе и для жителей Харькова и губерніи, занимавшихся садоводствомъ. Дабы показать въ Украйнѣ образцы живой изгороди, сдѣланъ былъ разсадникъ колючихъ растеній: акаціи, гледичіи, боярышника, барбариса, шелковицы и т. п. Въ 1847/8 г. для распространенія въ мѣстномъ краѣ лучшихъ плодовыхъ деревьевъ было безплатно роздано университетомъ до 1500 черенковъ. Огромную пользу населенію приносили учебно-вспомогательныя учрежденія университета. Въ особенности это нужно сказать о клиникахъ, которыя служили не только интересамъ преподаванія, но и дѣлу помощи страждущему человѣчеству. Огромное

значеніе, по-прежнему, имѣла университетская типографія, въ которой печатались, кромѣ университетскихъ изданій, и сочиненія постороннихъ лицъ. Вотъ нѣкоторыя цифры, рисующія ея полезную дѣятельность. Въ 1844/5 году въ университетской типографіи было отпечатано 8 сочиненій на $55^3/_4$ печатныхъ листахъ—49800 листовъ. Въ 1847/8 г.—11 сочиненій на $84^1/_2$ печатныхъ листахъ—198850 листовъ. Въ 1848 году—9 сочиненій (5 казенныхъ и 4 частныхъ) на 40 печатныхъ листахъ—28500 листовъ. Въ 1849/50 г.—13 сочиненій (5 казенныхъ и 8 частныхъ) на $92^1/_2$ листахъ—72250 листовъ. Въ 1850/1 г.—12 сочиненій на $96^1/_2$ листахъ—56275 листовъ. Въ 1851/2 г.—10 сочиненій на $45^5/_8$ листахъ—25800 листовъ. Въ 1852/3 г. 10 сочиненій на $66^3/_8$ листахъ—25800 листовъ. Въ 1853/4 г.—10 сочиненій на $49^1/_4$ листахъ—29370 листовъ. Въ 1854/5—10 сочиненій на $49^1/_2$ листахъ—15200 листовъ. Въ 1855/6 г.—7 сочиненій на $30^1/_2$ листахъ—11550 листовъ. Въ 1856/7 г.—17 сочиненій на 16404 листахъ. Въ 1858/9 г.—15 сочиненій на 54362 листахъ. Въ 1859/60 г.—29 сочиненій на 124950 листахъ. Въ 1860/1 г.—24 сочиненія на 229830 листахъ. Въ 1861/2 г.—23 сочиненія на 339425 листахъ. Въ 1862/3 г.—18 сочиненій на 285350 листахъ. Какъ видно отсюда, Харьковская университетская типографія является какъ бы барометромъ общественности: съ подъемомъ этой послѣдней, сильно возросла ея дѣятельность. За 15 лѣтъ отпечатано было 216 сочиненій на 1538516 листахъ.

Наконецъ, съ Харьковскимъ университетомъ тѣснымъ образомъ связывается и то научно-литературное движеніе, которое развилось въ Харьковѣ въ 40-хъ годахъ и представителями котораго среди харьковской профессуры были: Гулакъ-Артемовскій и Метлинскій, писавшіе малорусскія стихотворенія, и Изм. И. Срезневскій, бывшій душой этнографическихъ работъ. Наиболѣе видными дѣятелями его были—Гр. Ѳед. Квитка-Основьяненко, Н. И. Костомаровъ, издателями—И. Е. Бецкій и Корсунъ и цѣлый рядъ ихъ сотрудниковъ-поэтовъ. Г. Ѳ. Квитка находился въ то время въ апогеѣ своего литературнаго творчества. Кромѣ повѣстей (малороссійскихъ), изданныхъ въ 2-хъ частяхъ, онъ готовилъ къ печати 3-ю часть. Стоя въ сторонѣ, проживая за городомъ, въ своей любимой «Основѣ», Г. Ѳ. Квитка былъ духовнымъ главою цѣлаго кружка молодыхъ дѣятелей украинской литературы, среди которыхъ едва ли не самымъ восторженнымъ былъ Н. И. Костомаровъ, готовившійся въ это время къ защитѣ своей магистерской диссертаціи объ уніи. «Въ это время,—говоритъ онъ,—я сблизился съ цѣлымъ кружкомъ молодыхъ людей, такъ же, какъ и я, преданныхъ идеѣ возрожденія малорусскаго языка и литературы; это были:

Корсунъ, молодой человѣкъ, воспитанникъ Харьковскаго университета; Петренко, Я. И. Щоголевъ, студентъ университета, молодой человѣкъ съ большимъ поэтическимъ талантомъ, къ сожалѣнію, рано испарившимся (впослѣдствіи же, однако, прибавимъ отъ себя, снова возвратившійся къ литературной дѣятельности и занявшій выдающееся мѣсто въ малорусской литературѣ), Кореницкій—сельскій діаконъ; въ его стихотворной поэмѣ «Вечорныци» замѣтна сильная склонность къ сатирѣ и вліяніе Энеиды Котляревскаго; наконецъ, семинаристъ Писаревскій. Изъ нихъ Корсунъ издалъ малорусскій литературный сборникъ «Сніп», въ которомъ, между прочимъ, помѣщена трагедія Костомарова: «Переяславска ничьо» и его же переводы изъ Байрона. «Вслѣдъ за тѣмъ,—говоритъ Костомаровъ,—явился другой дѣятель по части возрождающейся малорусской словесности: то былъ нѣкто Бецкій, пріѣхавшій въ Харьковъ изъ Москвы. Онъ началъ готовить сборникъ, который предполагалъ наполнить статьями, писанными по-малорусски или относящимися къ Малороссіи. Познакомившись со мною, онъ заявилъ доброе желаніе собрать воедино разсѣянныя силы духовныхъ дѣятелей и направить ихъ къ тому, что имѣло мѣстный этнографическій и историческій интересъ». Въ 1843—1844-мъ г. Бецкій дѣйствительно выпустилъ въ свѣтъ 3 выпуска научно-литературнаго сборника «Молодыкъ»; часть статей его была написана по-русски, другая часть по-малорусски. Издателю дѣйствительно удалось привлечь къ своему предпріятію лучшія литературныя силы края,—и «Молодыкъ» является живымъ памятникомъ умственнаго возрожденія въ мѣстномъ обществѣ. Впослѣдствіи И. Е. Бецкій обогатилъ пожертвованными имъ художественными коллекціями музей изящныхъ искусствъ университета.

ТРЕТІЙ ПЕРІОДЪ:

ИСТОРІЯ УНИВЕРСИТЕТА ПРИ ДѢЙСТВІИ УСТАВА 1863 Г.

(съ 1863 по 1884 г.[1]).

1-я глава.

Введеніе устава 1863 г. Его значеніе. Университетское самоуправленіе.

18 іюня 1863 г. императоръ Александръ II соизволилъ даровать россійскимъ университетамъ новый уставъ, славный въ лѣтописяхъ университетской жизни,—уставъ 1863 г., предопредѣлившій развитіе университетовъ на 20 лѣтъ и сильно тяготѣвшій надъ университетами и въ послѣдующее время, не смотря на упраздненіе и выдвинутыя противоположныя ограничительныя начала. Уставъ этотъ подготовлялся постепенно, стройно и послѣдовательно. Приняты были во вниманіе соображенія и замѣчанія всѣхъ русскихъ университетовъ, многихъ западныхъ ученыхъ, многихъ русскихъ выдающихся государственныхъ и ученыхъ дѣятелей. Сборникъ этихъ предварительныхъ и подготовительныхъ матеріаловъ былъ изданъ въ двухъ объемистыхъ томахъ. Тутъ, между прочимъ, нашли мѣсто представленныя въ свое время мнѣнія и замѣчанія: 1) совѣта Харьковскаго университета и профессоровъ, 2) б. ректора А. П. Рославскаго-Петровскаго, 3) Д. И. Каченовскаго, 4) В. И. Лапшина, 5) Н. А. Лавровскаго и 6) В. И. Добротворскаго. Представители харьковской профессуры отнеслись къ преобразовательнымъ задачамъ заботливо и сочувственно.

[1]) Исторія этого періода составлена мной отчасти по изслѣдованіямъ проф. А. И. Рославскаго-Петровскаго и др., отчасти и преимущественно по протоколамъ совѣтскихъ засѣданій и по рукописямъ, извлеченнымъ проф. Д. И. Багалѣемъ изъ архива М. Н. Пр. и мною изъ архива Императорскаго Харьковскаго университета. *Н. Ѳ. Сумцовъ.*

Уставъ 1863 г. по сравненію съ уставомъ 1835 г. отличается бо́льшей полнотой и опредѣлительностью; главное, онъ улучшилъ университетское устройство въ слѣдующихъ наиболѣе важныхъ отношеніяхъ:

1) Онъ давалъ университетамъ бо́льшую самостоятельность въ дѣлахъ ихъ внутренняго управленія и предоставлялъ каждому университету возможность, при сохраненіи общей съ другими университетами системы управленія, развиваться своеобразно, по условіямъ мѣстной жизни.

2) Онъ усиливалъ ученыя и учебныя средства университетовъ, соотвѣтственно требованіямъ науки.

3) Онъ доставлялъ университетамъ возможность имѣть достаточное число хорошо подготовленныхъ профессоровъ, и

4) онъ стремился вызвать самостоятельное занятіе науками и открывалъ просторъ для нравственнаго вліянія профессоровъ на студентовъ.

Новый уставъ расширялъ власть ректора и совѣта и подчинялъ совѣту всѣ дѣла по университету, или окончательно, или съ утвержденія попечителя и министра. Во избѣжаніе самоуправства, вообще мало возможнаго для коллегіальнаго учрежденія, выдвинуты были требованія отчетности и гласности.

Важной чертой новаго устава было допущеніе мѣстныхъ правилъ, по мѣстнымъ условіямъ, съ разрѣшенія попечителя округа. Совѣту предоставлено было составлять правила объ обязанностяхъ учащихся, о порядкѣ производства испытаній на ученыя степени, о пріемѣ въ студенты, о допущеніи постороннихъ слушателей, о порядкѣ дѣлопроизводства въ университетскомъ судѣ, объ обязанностяхъ инспектора, о распредѣленіи часовъ чтеній и сбора платы за ученье, о раздѣленіи факультетовъ на отдѣленія—послѣднее съ разрѣшенія министра нар. просв., установленіе контроля за занятіями студентовъ, право учрежденія ученыхъ обществъ, съ утвержденія министра; вообще,—широкія права, свидѣтельствовавшія о довѣріи правительства къ руководящимъ въ университетѣ нравственнымъ силамъ, объ уваженіи къ наукѣ и ея представителямъ.

Число каѳедръ было значительно увеличено: на историко-филологическомъ съ 8 на 11, по физико-математическому съ 8 на 12, по юридическому съ 7 на 13 и на медицинскомъ съ 10 на 16.

По уставу 1835 г. въ каждомъ изъ университетовъ состояло отъ 49 до 58 преподавателей, при чемъ въ харьковскомъ 49; по уставу 1863 г.—отъ 75 до 91 преподавателя, при чемъ въ Харьковскомъ 89.

Въ частности, ординарныхъ профессоровъ въ Харьковскомъ университетѣ было по уставу 1835 г. 26, по уставу 1863 г.—40, число экстраординарныхъ профессоровъ поднялось съ 14 на 18, а число адъюнктовъ съ 9 поднялось (въ лицѣ доцентовъ) до 31. Во всѣхъ же университетахъ число преподавателей увеличивалось на 178, или на 67%.

Одновременно были почти вдвое увеличены средства на научно-учебныя вспомогательныя учрежденія, библіотеки, музеи и пр., преимущественно на учрежденія при медицинскомъ и физико-математическомъ факультетахъ.

Вознагражденіе преподавателямъ университета, по новымъ штатамъ, увеличено вдвое. Такъ, въ Харьк. университетѣ для ординарныхъ профессоровъ съ 1263 р. до 3000 р., для экстраординарныхъ съ 954 р. до 2000 р., для доцентовъ съ 643 р. до 1200 р., лекторовъ съ 568 р. до 1000 р., прозекторовъ съ 560 р. до 1500 р., лаборантамъ съ 336 р. до 800 р., библіотекарю съ 560 р. до 1500 р., т. е. почти втрое.

Были приняты мѣры къ увеличенію числа молодыхъ людей, командируемыхъ за границу съ ученой цѣлью. Въ частности, по Харьковскому университету получили заграничную командировку Потебня, Зарубинъ, Имшенецкій, Деларю, Тихоновичъ, Степановъ (П. Т.), Стояновъ; одни изъ нихъ были въ то время магистрами; большинство—кандидатами [1]).

Уставъ 1863 г. ввелъ новое учрежденіе—университетскій судъ, съ членами исключительно изъ профессорской коллегіи и предсѣдателемъ изъ юристовъ. Первымъ предсѣдателемъ былъ проф. Пахманъ, впослѣдствіи сенаторъ. Приговоры университетскаго суда представлялись на утвержденіе совѣта, въ вѣдѣніи котораго сосредоточивались всѣ отрасли университетскаго управленія—ученая, хозяйственная, судебная и полицейская.

Издавая уставъ 1863 г., министерство народнаго просвѣщенія снабдило его обширной вступительной статьей: «По поводу новаго университетскаго устава»; въ статьѣ выяснена подготовка устава и главныя особенности его относительно устава 1835 г. Въ заключеніе этого оффиціальнаго комментарія высказана надежда, что, при новомъ уставѣ, русскіе университеты справятся съ двумя «одолѣвающими насъ недугами»—недостаткомъ знанія и полузнаніемъ, со всѣми неизбѣжными его спутниками: заносчивостью, рѣзкостью сужденій, непризнаніемъ факта, неуваженіемъ къ наукѣ.

---

[1]) См. унив. уставъ 1863 г., 111—113.

Уставъ 1863 г. не долго дѣйствовалъ во всемъ своемъ объемѣ. Попытки ослабить его значеніе начались чуть ли не съ года его учрежденія, отчетливо выразились уже въ 1872 г. въ возбужденіи вопроса о пересмотрѣ устава и ясно опредѣлились въ 1879 г. въ выдѣленіи и усиленіи инспекціи. Хотя всѣ университеты высказались противъ мѣропріятій 1879 г., находя, что они «построены на недовѣріи къ университетскимъ корпораціямъ и возлагаютъ на инспекцію неисполнимыя нравственно-воспитательныя обязанности и вооружаютъ ее недостойными средствами для воздѣйствія на студентовъ» [1]), хотя по представленію министра нар. просв. барона Николаи, дѣйствующій уставъ возстановленъ былъ въ 1881 г. въ полной силѣ, крушеніе его было близко, и приподнятое въ началѣ 60-хъ годовъ бодрое настроеніе университетскихъ сферъ быстро падало.

Харьковскій университетъ встрѣтилъ уставъ 1863 г. съ горячимъ сочувствіемъ и много поработалъ въ дѣлѣ практическаго его примѣненія въ условіяхъ мѣстной жизни.

Ректоръ университета Кочетовъ приготовилъ для произнесенія на торжественномъ актѣ 17 января 1864 г. рѣчь о значеніи новаго устава, которую, однако, не могъ произнести по болѣзни, и напечаталъ ее въ приложеніи къ «Акту» 1864 г. Указавъ «на капитальныя улучшенія, касающіяся самыхъ существенныхъ сторонъ университетской жизни», на увеличеніе числа каѳедръ, вознагражденія профессорамъ, средствъ на учебно-вспомогательныя учрежденія, на приватъ-доцентуру, какъ «въ высшей степени полезное учрежденіе», на расширеніе правъ совѣта,— Кочетовъ высказалъ увѣренность, что «ученая коллегія станетъ живымъ органомъ», и внутренняя жизнь университета будетъ расти и развиваться.

Однимъ изъ лучшихъ знатоковъ университетской жизни былъ проф. Рославскій-Петровскій. Въ прибавл. къ Харьк. Губ. Вѣд. 1864 г. онъ помѣстилъ обширную рецензію на статью Пирогова: «Русскіе университеты и университетскій вопросъ». Статья эта была написана еще въ маѣ 1863 г., т. е. ранѣе введенія новаго устава. Въ отдѣльномъ оттискѣ она заняла 68 печатныхъ страницъ. Сначала Рославскій-Петровскій излагаетъ вкратцѣ мысли и положенія Пирогова (1—26) и затѣмъ переходитъ къ ихъ критикѣ и оцѣнкѣ (26—68). Статья Рославскаго интересна во многихъ отношеніяхъ: по общимъ взглядамъ автора на значеніе и задачи университета, по отраженію его просвѣщенной и гуманной личности и по частнымъ его воспоминаніямъ о

---

[1]) *Рождественскій,* Историч. очеркъ дѣят. мин. нар. просв. 610.

старомъ Харьковскомъ университетскомъ бытѣ, о нѣкоторыхъ покойныхъ профессорахъ, о нѣкоторыхъ событіяхъ изъ его службы во время несенія обязанностей ректора,—матеріалъ забытый, малоизвѣстный, но во многихъ деталяхъ интересный и цѣнный.

Соглашаясь съ Пироговымъ въ основныхъ пунктахъ, признавая свободу преподаванія и автономію необходимыми условіями развитія науки, въ частности университетовъ, Рославскій-Петровскій вноситъ въ общія соображенія Пирогова разныя поправки и дополненія практическаго характера, выясняя въ однихъ случаяхъ причины университетскихъ недостатковъ, въ другихъ откровенно указывая пути къ ихъ исправленію, наиболѣе, съ его точки зрѣнія, удобныя. Общій строй мысли—высокій: вездѣ выступаетъ человѣкъ большого нравственнаго достоинства, чуждый угодливости передъ сильными или популярничанья передъ молодежью. «Профессоръ, говоритъ Рославскій-Петровскій, который изъ желанія угодить своей аудиторіи рѣшается искажать науку, не достоинъ имени наставника» (стр. 28). Авторъ не соглашается съ мнѣніемъ Пирогова о слабости жизненныхъ силъ русскихъ университетовъ того времени, и его возраженія по этому поводу оправданы вполнѣ исторіей. Рославскій-Петровскій находилъ большіе успѣхи, по сравненію съ тѣмъ, что представляли русскіе университеты лѣтъ тридцать назадъ. «Тогда преподаваніе въ нашихъ университетахъ было дѣйствительно весьма слабо, и аудиторіи, не смотря на блестящія исключенія, представляли много уродливаго и смѣшного, хотя вакантныхъ каѳедръ было, можетъ быть, менѣе, чѣмъ теперь. Грѣхъ сказать что-нибудь подобное про современные русскіе университеты. Личный составъ ихъ не только несравненно выше университетскаго персонала въ концѣ 20-хъ и въ началѣ 30-хъ годовъ, но и удовлетворительнѣе, чѣмъ былъ въ эпоху, слѣдовавшую непосредственно за возвращеніемъ изъ-за границы воспитанниковъ профессорскаго института». Въ примѣръ далѣе приведены юридическіе факультеты Петербургскаго и Харьковскаго университетовъ и историко-филологическій факультетъ Харьковскаго университета, какъ болѣе другихъ автору извѣстный. Рославскій-Петровскій отмѣчаетъ гибельное вліяніе господствовавшаго въ 20-хъ годахъ обскурантизма, выразившагося въ удаленіи Осиповскаго и Шада. Авторъ высказывается противъ бюрократизма, усматривая его не въ чинахъ, которые «въ университетскомъ кругу никогда не имѣли особеннаго значенія», а 1) въ узко-формальномъ отношеніи профессоровъ къ студентамъ, 2) въ отношеніи высшей инстанціи къ коллегіи и 3) въ порядкѣ дѣлопроизводства, причемъ наглядно приведены тѣ постановленія, которыя вышли послѣ устава 1835 г., урѣзывая данныя имъ

коллегіи права. По нашему мнѣнію, говоритъ Рославскій-Петровскій, лучше всего было бы принять тѣ §§ устава 1804 г., которыхъ существенное отличіе отъ устава 1835 г. заключается въ неприкосновенности личнаго состава коллегіи и въ предоставленіи ей значительнаго вліянія на учебную часть округа» (стр. 47). Попутно высказаны замѣчательно дѣльныя мысли о необходимости предоставленія профессорамъ бо́льшаго простора для публичныхъ лекцій, о неудобствѣ допущенія выраженій одобренія или порицанія лекцій со стороны студентовъ (стр. 52, 54—55), причемъ Рославскій-Петровскій приводитъ нѣкоторые случаи своего личнаго вмѣшательства во время несенія ректорскихъ обязанностей въ 1858 г. Высказываясь противъ обязательныхъ экзаменовъ и репетицій, Рославскій-Петровскій находитъ весьма полезнымъ возстановить рекомендуемыя уставомъ 1804 г. устныя бесѣды профессоровъ со студентами по предметамъ университетскаго преподаванія ученыхъ семинарій по программамъ. Наконецъ, Рославскій-Петровскій категорически высказывается противъ «полицейскаго надзора за нравственностью студентовъ, безъ котораго русскіе университеты въ первые годы своего существованія обходились безъ всякаго ущерба для себя и учащейся въ нихъ молодежи». Вмѣсто инспекціи выдвигается университетскій судъ и содѣйствіе самихъ преподавателей дѣлу порядка и законности, не въ видѣ старинныхъ перекличекъ или нравоученій, безплодность которыхъ доказана, но въ видѣ воспитанія въ молодежи «уваженія къ факту», «критической сортировки и полноты матеріала» въ лекціяхъ, развитія «основательности сужденія» (66—68).

Таковы были основные идеи и принципы, нужно думать, не одного Рославскаго-Петровскаго, но и другихъ лучшихъ профессоровъ харьковскаго университета, принципы тѣмъ болѣе характерные, что ихъ открыто исповѣдовалъ бывшій ректоръ харьковскаго университета, занимавшій ректуру еще въ 50-ые годы.

Введеніе устава 1863 г. въ харьковскомъ университетѣ совпало съ назначеніемъ попечителемъ харьковскаго учебнаго округа К. К. Фойгта,— стеченіе обстоятельствъ весьма счастливое для университета. Фойгтъ, при строгой законности, былъ человѣкъ высокаго нравственнаго склада, съ широкимъ образованіемъ и идеально-гуманными стремленіями, въ духѣ освободительной эпохи. Первоначальная служба Фойгта прошла въ казанскомъ университетѣ, гдѣ онъ былъ профессоромъ по каѳедрѣ исторіи русскаго языка и литературы, деканомъ историко-филологическаго факультета и проректоромъ. Съ 1 ноября 1852 г. онъ былъ переведенъ ректоромъ Императорскаго харьковскаго университета, 12 апрѣля 1859 г. назначенъ помощникомъ попечителя харьковскаго учебнаго округа, а

4 февраля 1863 г. попечителемъ сего округа. Мѣстное общество оцѣнило это назначеніе. «Здѣшнія учебныя заведенія, писалъ Фойгтъ министру народнаго просвѣщенія, привѣтствовали меня съ искреннимъ, повидимому, сочувствіемъ, и нѣкоторыя, внѣ Харькова, прислали мнѣ свои поздравленія по телеграфу». Фойгтъ искренно объяснялъ это уваженіе къ нему тѣмъ, что онъ прошелъ «по тѣмъ же ступенямъ учебной администраціи»[1]).

По переводѣ въ 1867 г. въ Петербургъ членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія и предсѣдателемъ ученаго комитета Фойгтъ обратился на имя ректора харьковскаго университета съ письмомъ, въ которомъ благодарилъ ректора и совѣтъ за то вниманіе и сочувствіе, какимъ онъ пользовался въ теченіе $14^1/_2$ лѣтъ своего служенія въ Харьковѣ». Харьковскій университетъ, говоритъ здѣсь Фойгтъ, неизмѣнно сохранялъ свое высокое мѣсто въ ряду своихъ собратій, и я радуюсь, я горжусь тѣмъ, что и моему скромному имени, быть можетъ, суждено занять нѣсколько бѣглыхъ строкъ въ лѣтописяхъ его дѣятельности.... Воспоминаніе о харьковскомъ университетѣ будетъ всегда однимъ изъ самыхъ дорогихъ въ моей жизни, и я унесу его съ собой въ могилу, вмѣстѣ съ чувствомъ моего отличнаго къ вамъ уваженія».... Совѣтъ отвѣтилъ въ такихъ выраженіяхъ: «Совѣтъ считаетъ своимъ долгомъ засвидѣтельствовать передъ вашимъ превосходительствомъ, что онъ навсегда сохранитъ признательныя воспоминанія объ отношеніяхъ, въ которыхъ находился къ вамъ, какъ ректору университета и какъ попечителю харьковскаго учебнаго округа». Вспоминая о томъ времени, когда Фойгтъ былъ ректоромъ (по старому уставу, по назначенію, а не по выбору коллегіи), совѣтъ говоритъ: «Въ преніяхъ коллегіальныхъ, нерѣдко весьма оживленныхъ, никто не былъ стѣсняемъ въ выраженіи своего мнѣнія; но въ то же время вы умѣли вносить въ эти пренія духъ мира; самыя разнорѣчащія мнѣнія сближались и сходились, благодаря авторитету вашего слова, проникнутаго чувствомъ долга и искреннимъ желаніемъ пользы общей, пользы науки и ввѣреннаго вамъ учрежденія». И при реформѣ, съ расширеніемъ правъ совѣта, «совѣтъ продолжалъ смотрѣть на Фойгта, какъ на представителя высшихъ интересовъ науки и университета». «По-прежнему, говорится въ отвѣтѣ, вы не переставали оказывать вниманіе и содѣйствіе всѣмъ начинаніямъ совѣта, имѣющимъ въ виду эти интересы. Въ васъ, какъ ректорѣ и попечителѣ, совѣтъ университета видѣлъ образецъ человѣка, преданнаго своему долгу, строгаго блюстителя законности, неусыпнаго

[1]) Арх. мин. нар. просв. Дѣло 1863 г. № 39295/1503.

ревнителя пользы университета и учебныхъ заведеній округа. Память о вашей дѣятельности сохранится навсегда въ лѣтописяхъ университета, а имя вашего превосходительства съ уваженіемъ и благодарностью будутъ вспоминать члены университетской коллегіи». Какъ бы въ подтвержденіе этихъ словъ, Фойгтъ въ ближайшемъ засѣданіи былъ избранъ въ почетные члены университета[1]).

Новый уставъ засталъ харьковскій университетъ въ такомъ положеніи: изъ 25 штатныхъ вакансій ординарнаго профессора занято было 23, изъ 13 вакансій экстраординарнаго профессора—8, изъ 9 вакансій адъюнкта—4, изъ 4 лекторъ—три. Почетныхъ членовъ было 86, членовъ-корреспондентовъ—15. Въ началѣ 1862-1863 академ. года студентовъ числилось 622, съ такимъ распредѣленіемъ по факультетамъ: историко-филологическомъ—31, физико-математическомъ—по разряду математическихъ наукъ—51 и по рязряду естественныхъ наукъ—75, на юридическомъ—278 и медицинскомъ—186. Постороннихъ слушателей—129. Въ теченіе 1862-1863 акад. года слѣдующія каѳедры остались незанятыми: 1) по историко-филологическому факультету—римской словесности, философіи и педагогіи и лектура нѣмецкаго языка; 2) по физико-математическому факультету—должность преподавателя архитектуры; 3) по юридическому факультету—римскаго права, законовъ государственнаго благоустройства и благочинія и законовъ о государственныхъ повинностяхъ и финансахъ; 4) по медицинскому факультету—врачебнаго веществословія и судебной медицины и должность преподавателя фармаціи и фармакогнозіи[2]). Учебно-вспомогательныя учрежденія находились въ такомъ положеніи: фундаментальная библіотека заключала въ себѣ 32855 названій. Въ теченіе года пріобрѣтено 998 названій, выдано для чтенія 6420 названій, изъ числа которыхъ студентами взято болѣе 2420 названій. Законченъ былъ большой трудъ по составленію и изданію каталога, главнымъ образомъ благодаря трудамъ предсѣдателя библіотечной коммиссіи проф. Коссова. Студенческая библіотека, вскорѣ, по требованію министерства, переданная въ фундаментальную, состояла изъ 195 названій. Кабинетъ для чтенія получалъ 75 иностранныхъ изданій и 36 русскихъ. Мюнцъ-кабинетъ состоялъ изъ 22000 экземпляровъ. Въ музеѣ изящныхъ искусствъ было до 1200 предметовъ и въ собраніи рисовальныхъ пособій до 940. Въ астрономическомъ кабинетѣ 143 предмета, въ физическомъ до 600 №№, въ химическомъ 740, минералогическомъ 310, въ зоологическомъ 16255, въ анатомическомъ 2977, въ технологическомъ 192, въ агрономическомъ 780, въ архитектур-

[1]) Протоколы засѣд. совѣта 18 августа и 5 сентября 1867 г.

[2]) Извлеч. изъ отчета $18^{62}/_{63}$ г. стр. 11 и др.

номъ 36 моделей, въ кабинетѣ сравнительной анатоміи 340, въ фармацевтическомъ 313. Составъ ботаническаго кабинета не опредѣленъ. Въ клиникѣ терапевтической было 1082 больныхъ (940 амбул. и 142 стац.), хирургической 2522 (амб. 2301 и стац. 221), въ акушерской 127 (стац. 47). Въ типографіи было напечатано 18 сочиненій.

Новый уставъ вводилъ много новыхъ каѳедръ, давалъ большія средства, широко расширялъ права совѣта, въ общемъ—задалъ совѣту массу новой работы, которую совѣтъ и выполнилъ съ замѣчательнымъ усердіемъ. Въ теченіе второго, реформированнаго, полугодія совѣтъ имѣлъ 19 засѣданій. Фойгтъ конфиденціально писалъ министру народнаго просвѣщенія, что совѣтъ «дѣятельно занимается; члены онаго совѣщаются еженедѣльно, иногда и по два раза; совѣщанія идутъ спокойно и обдуманно.... Профессора вполнѣ проникнуты сознаніемъ важности лежащей на нихъ обязанности. Лекціи свои, начавшіяся 9 сентября, они обрабатываютъ съ большимъ тщаніемъ, побуждаясь къ тому какъ искреннею любовью къ наукѣ и благороднымъ соревнованіемъ, такъ и требовательностью молодыхъ людей въ настоящее время»[1]). Какъ энергично работалъ совѣтъ, видно изъ того, что въ теченіе двухъ первыхъ мѣсяцевъ, съ половины іюля до половины сентября, имъ были составлены и затѣмъ попечителемъ утверждены: 1) положеніе о студентахъ и посторонникъ слушателяхъ; 2) правила о дѣлопроизводствѣ въ университетскомъ судѣ; 3) инструкція инспектору студентовъ; 4) правила о стипендіяхъ и пособіяхъ; 5) правила о пользованіи учебными пособіями—и, кромѣ того, были на разсмотрѣніи: 6) правила о повѣркѣ познаній вновь поступающихъ въ студенты университета; 7) правила о способѣ контроля надъ занятіями студентовъ и 8) сложные проекты о раздѣленіи факультетовъ на отдѣленія. Прежде всего раздѣленію по отдѣламъ подвергся историко-филологическій факультетъ, согласно съ проектомъ проф. Н. А. Лавровскаго, именно на отдѣлы: классическій, словесный и историческій, а въ концѣ года, 12 ноября, подробно обсуждался проектъ казанскаго университета о раздѣленіи юридическаго факультета на отдѣлъ государственный, или административный, и собственно юридическій, при чемъ совѣтъ, соглашаясь съ казанскимъ проектомъ по существу, внесъ существенныя поправки[2]). Работа, очевидно, шла усиленная, въ высшей степени добросовѣстная, подъ руководствомъ выдающагося попечителя учебнаго округа, и тѣмъ болѣе нужно удивляться, что даже въ 1863 г. харьковскій университетъ не избѣгъ ложныхъ обвиненій и злонамѣренной клеветы. Исторія русскихъ

[1]) Дѣло изъ арх. м. н. пр. № 140523/3218.

[2]) Проток. засѣд. сов. 12 ноября 1863 г.

университетовъ показываетъ, что у нихъ всегда были враги и недоброжелатели, явные и тайные, дѣйствовавшіе или изъ вражды къ наукѣ и просвѣщенію вообще, или изъ чувства оскорбленнаго самолюбія и личной мести. Враги послѣдней категоріи выходили большей частью изъ среды самихъ профессорскихъ коллегій и, какъ люди освѣдомленные и обозленные, обыкновенно оказывались самыми опасными врагами университета. 31 декабря 1864 г. попечитель Фойгтъ писалъ министру народнаго просвѣщенія буквально слѣдующее: «Конфиденціальнымъ предложеніемъ отъ 12 декабря сего года за № 67 Ваше Высокопревосходительство изволили сообщить мнѣ въ высшей степени грустное какъ для меня лично, такъ и для всего состава Императорскаго харьковскаго университета извѣстіе, и до Высочайшаго Его Императорскаго Величества свѣдѣнія дошли весьма неблагопріятные отзывы о харьковскомъ университетѣ, а именно: что 1) студенты онаго весьма мало занимаются науками; 2) проводятъ время въ трактирахъ, ведутъ разгульную жизнь и буйствуютъ на улицахъ, и что 3) эти прискорбныя явленія происходятъ отчасти a) отъ послабленія со стороны университетскаго начальства по контролю за ихъ занятіями, b) отъ невзысканія съ нихъ платы за ученіе, c) манкированіе профессорами лекцій и вообще, d) отъ неисполненія въ университетѣ должнаго порядка. Ваше Высокопревосходительство вмѣстѣ съ тѣмъ поручили мнѣ передать вышеизложенное въ негласномъ собраніи совѣту университета и представить Вамъ, для доклада Государю Императору, объясненія, какія я признаю справедливыми. Вслѣдствіе сего и проникнутый чувствомъ нравственнаго долга разъяснить со возможной точностью и подробностью вышепрописанныя обвиненія противъ высшаго въ харьковскомъ учебномъ округѣ заведенія, ввѣреннаго моему управленію, я немедленно предложилъ г. ректору университета, ординарному профессору Кочетову пригласить членовъ совѣта въ негласное собраніе для представленія надлежащихъ объясненій, а равнымъ образомъ конфиденціально отнесся къ г. начальнику харьковской губерніи графу Сиверсу, съ просьбой увѣдомить меня какъ вообще о поведеніи студентовъ внѣ стѣнъ университета за весь 1864 годъ, такъ и о всѣхъ частныхъ случаяхъ нарушенія ими общественнаго порядка по тѣмъ даннымъ, какія имѣются въ полицейскомъ управленіи».

Оправдательное объясненіе, представленное Фойгтомъ министру, отличается такимъ документальнымъ характеромъ, такъ основательно обставлено доказательствами и такъ характерно въ историческомъ смыслѣ для харьковскаго университета того времени и для обрисовки благородной личности самого Фойгта, что историкъ харьковскаго

университета обязанъ использовать это объясненіе въ надлежащей полнотѣ. На запросъ попечителя учебнаго округа харьковскій губернаторъ графъ Сиверсъ прислалъ такое увѣдомленіе: «Со времени подчиненія студентовъ внѣ стѣнъ университета вѣдѣнію полиціи не было замѣчено, чтобы молодые люди предавались разгульной жизни, хотя и встрѣчались немногіе примѣры буйства и вообще неуваженія къ порядку. Эти исключенія преимущественно происходили вслѣдствіе пагубной наклонности въ нетрезвой жизни. Но справедливость требуетъ сказать, что въ послѣднее время поступки, недостойные званія студента, стали явленіемъ довольно рѣдкимъ, и что нравственность университетской молодежи несомнѣнно улучшилась. Перечень случаевъ полицейскаго разбирательства въ 1864 г. вполнѣ оправдываетъ это замѣчаніе, если принять при томъ въ соображеніе, что изъ 15 жалобъ на студентовъ 9 окончено миролюбиво, и только по 6 было производство. Сіи послѣднія касаются студентовъ: 1) Мих. Бѣлецкаго за дерзкое обращеніе съ театральнымъ капельдинеромъ; 2) Ник. Попова, по поводу жалобы крестьянки Рябцевой за нанесеніе ей побоевъ (жалоба оставлена безъ послѣдствій по бездоказательности); 3) Ив. Навроцкаго, взятаго въ Карповскомъ саду за ношеніе кинжала; 4) Вас. Захарьина, доставленнаго въ часть въ нетрезвомъ видѣ; 5) Александра Витковскаго и Христ. Тапрова за буйство въ квартирѣ казачки Темниковой, и 6) Эд. Рымкевича, взятаго за то, что не захотѣлъ объявить о своемъ званіи... Долгомъ считаю объяснить, заканчиваетъ графъ Сиверсъ свой отвѣтъ, что общее заключеніе мое о поведеніи молодыхъ людей должно быть сдѣлано въ ихъ пользу и что приведенные выше случаи, по маловажности своей, не могутъ измѣнить во мнѣ этого убѣжденія».

Итакъ, говоритъ Фойгтъ, при массѣ студентовъ университета, до 600 человѣкъ, число дѣлъ, признанныхъ заслуживающими производства, одинъ процентъ. Совѣтъ вошелъ въ подробное обсужденіе всѣхъ пунктовъ обвиненія и по каждому изъ нихъ представилъ объясненіе. Относительно перваго обвиненія, что «студенты весьма мало занимаются науками», совѣтъ отвѣтилъ что студенты выказываютъ особенное стремленіе къ научнымъ занятіямъ, въ видѣ исправнаго посѣщенія лекцій, обращеній къ профессорамъ съ просьбами по содержанію лекцій, практическихъ занятій и самостоятельныхъ ученыхъ изслѣдованій, при чемъ въ подтвержденіе приводятся выдающіяся сочиненія Мечникова, Селастенникова, Закса, Любарскаго и Заленскаго. На первомъ мѣстѣ стоитъ Мечниковъ—гордость и краса русской науки, напечатавшій въ 1863 г. уже нѣсколько работъ въ спеціальномъ германскомъ журналѣ по анатоміи и физіологіи. Члены совѣта удостовѣряли, что «именно

въ послѣдніе два года, т. е. съ введеніемъ новаго устава, они съ отраднымъ чувствомъ видѣли въ студентахъ постоянно усиливающееся стремленіе къ серьезному научному труду, и тѣмъ для нихъ прискорбнѣе обвиненіе, павшее на нихъ въ этомъ отношеніи». Попечитель добавляетъ къ этому, что число взятыхъ студентами изъ библіотеки въ 1864 г. книгъ простирается до 2850 названій, болѣе противъ 1863 г. на 430 названій, и число перешедшихъ изъ курса въ курсъ и окончившихъ полный курсъ ученія также значительно поднялось. По поводу второго обвиненія: относительно неодобрительнаго поведенія студентовъ внѣ университета — замѣчено, что жалобъ на студентовъ со стороны полиціи или общества не поступало и, что при массѣ въ 600 человѣкъ», невозможно и устранить случаевъ нарушенія правилъ нравственности и приличія, особенно при соображеніи возраста студентовъ, неустановившагося характера, различія происхожденія и различія воспитанія, предшествующаго поступленію въ университетъ. Нельзя, по мнѣнію совѣта и попечителя, предупредить ни нужныхъ по временамъ заявленій въ театрѣ, ни посѣщеній ресторановъ для завтрака или гостиницъ для игры на билліардѣ, ни излишняго иногда употребленія горячихъ напитковъ и т. п., но такія отступленія отъ строгой нравственности между студентами встрѣчаются довольно рѣдко и далеко недостаточны для того, чтобы ослабить общее благопріятное мнѣніе объ ихъ поведеніи». Другими словами, совѣтъ въ этомъ отношеніи совершенно сошелся съ мнѣніемъ губернатора. По поводу третьяго обвиненія: о недостаткѣ контроля за занятіями студентовъ — объяснено, что съ введеніемъ устава 1863 г. контроль этотъ значительно усиленъ, въ видѣ установленія для стипендіатовъ полугодичныхъ репетицій, введенія испытанія на всѣхъ курсахъ, между тѣмъ какъ до 1863 г. испытаніе обязательно было лишь при переходѣ со 2-го курса на третій. Съ своей стороны Фойгтъ добавляетъ, что испытанія и репетиціи производятся съ точностью и добросовѣстностью и, что ему, попечителю, не разъ приходилось слышать отзывы, что харьковскій университетъ въ сравненіи съ другими даже слишкомъ строгъ въ своихъ требованіяхъ. По поводу четвертаго обвиненія: о послабленіяхъ во взысканіи платы за ученіе — объяснено, что въ первомъ полугодіи 1864 г. изъ 526 студентовъ взнесли плату 281, 13 исключено за невзносъ платы; остальные — стипендіаты; во второй половинѣ 1864 г. изъ 556 студентовъ внесли плату 346, исключено за невзносъ 33. Посторонніе слушатели не были освобождаемы отъ платы. Освобожденіе отъ платы обусловлено было хорошими успѣхами и одобрительнымъ поведеніемъ, при представленіи законнаго свидѣтельства о бѣдности. Относительно

пятаго обвиненія профессоровъ въ пропускѣ лекцій представлена подробная вѣдомость, сколько лекцій пропущено каждымъ профессоромъ въ отдѣльности въ 1863-1864 акад. году, по полугодіямъ. Изъ этой вѣдомости видно, что изъ наличнаго числа 42 преподавателей во второмъ (отчетномъ) полугодіи пропуски были только у 18 и то по вполнѣ законнымъ причинамъ. 24 преподавателя не пропустили ни одной лекціи. Изъ общаго въ полугодіе числа лекцій 3972 пропущено было всего 182, т. е. еле $^1/_{22}$ часть,—процентъ, ясно, по словамъ Фойгта, говорящій въ пользу усердія профессоровъ и надлежащаго пониманія ими важности лежащаго на нихъ гражданскаго долга. По поводу шестого обвиненія: относительно неисполненія студентами должнаго въ университетѣ порядка—совѣтъ заявилъ, что не имѣетъ ни одного факта, который могъ бы служить подтвержденіемъ для этого обвиненія.

Ректоръ, каковымъ былъ въ то время проф. Кочетовъ, съ своей стороны добавилъ слѣдующее: «Я нарушилъ бы долгъ, налагаемый на меня закономъ и моей совѣстью, если бы не засвидѣтельствовалъ при настоящемъ случаѣ о вполнѣ добросовѣстномъ исполненіи г.г. профессорами университета ихъ преподавательскихъ обязанностей. Эта добросовѣстность не поддерживается только внѣшними побужденіями, но коренится въ самомъ духѣ, которымъ проникнуто ученое сословіе университета, лежитъ въ его нравахъ, и тотъ изъ преподавателей, который рѣшился бы пренебрегать своими обязанностями къ вреду слушателей университетскихъ лекцій, неминуемо и болѣе всего подвергся бы строгому осужденію со стороны своихъ сотоварищей».

Фойгтъ, подтверждая, съ своей стороны, вѣрность заключеній губернатора, совѣта и ректора, говоритъ, что «по долгу совѣсти и присяги рѣшается смѣло засвидѣтельствовать, что харьковскій университетъ исполняетъ свое призваніе честно: профессора его глубоко и вполнѣ проникнуты сознаніемъ важныхъ обязанностей, лежащихъ на нихъ; они всецѣло преданы ученымъ занятіямъ и дѣлу преподаванія; вращаются исключительно въ сферѣ университетской жизни и въ тиши своихъ кабинетовъ заботятся болѣе всего объ успѣхахъ своей науки и успѣхахъ своихъ слушателей; и университетская молодежь приняла рѣшительное направленіе къ лучшему: прекратились сходки для шумныхъ веселій и сборища для сословныхъ заявленій; не видно ни мнимо прогрессистскихъ выходокъ, ни національныхъ тенденцій; большинство студентовъ, за неизбѣжными исключеніями, обратилось къ наукѣ въ виду той новой серьезной дѣятельности, къ которой призываютъ ихъ новыя великія преобразованія нашего отечества; аудиторіи переполнены; исправное и усердное посѣщеніе лекцій входитъ

въ обычай, сопровождаемое небывалымъ доселѣ вниманіемъ къ урокамъ преподавателей и необязательными трудами, какъ домашними, такъ и въ библіотекѣ, кабинетахъ, лабораторіяхъ и клиникахъ». Фойгтъ пишетъ, что неудовольствіе государя тяжело было для всѣхъ лицъ, причастныхъ университету. «Доброе мнѣніе и доброе слово монарха, мудраго и благодушнаго преобразователя своего народа, дороже для университета всѣхъ тѣхъ благъ, которыми онъ щедро надѣлялъ. Пишу настоящее донесеніе мое со всею правдивостью, такъ заканчиваетъ Фойгтъ, и каждое слово, вылившееся изъ-подъ пера моего, принимаю на исключительную и полную мою отвѣтственность»[1]).

Кто былъ виновникомъ всѣхъ этихъ огорченій попечителя и совѣта? Есть основаніе думать, что такимъ виновникомъ былъ отставной, забаллотированный въ совѣтѣ въ 1857 г. проф. Платоновъ, который въ половинѣ 60-хъ годовъ настойчиво добивался снова войти въ университетъ помимо совѣта и въ 1866 г., между прочимъ, просилъ министра народнаго просвѣщенія назначить его наблюдателемъ за профессорами всего харьковскаго университета, съ точки зрѣнія благонамѣренности и патріотическаго усердія, въ предѣлахъ пониманія просителя, съ назначеніемъ ему за то увеличеннаго оклада жалованья изъ спеціальныхъ средствъ университета. Свою странную просьбу Платоновъ мотивировалъ тѣмъ, что попечителю учебнаго округа, по обилію занятій, некогда наблюдать за благонамѣренностью и патріотическимъ усердіемъ профессоровъ, а ректору и деканамъ, какъ людямъ выборнымъ, безполезно давать такое «порученіе, такъ какъ они, по мнѣнію Платонова, не возвышаются надъ уровнемъ убѣжденій, питаемыхъ товарищами, подлежащими надзору», а по пословицѣ, говоритъ Платоновъ, воронъ ворону глазъ не выклюетъ, а что онъ, Платоновъ, въ этомъ отношеніи выдѣляется, онъ предлагаетъ министру запросить о его благочестіи и благонамѣренности архіереевъ: харьковскаго, тверского, костромского, воронежскаго и вятскаго—5 архіереевъ, въ томъ числѣ даже удалившагося уже на покой воронежскаго архіеп. Іосифа. Министерство отвѣтило на эту просьбу кратко и съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, что по уставу 1863 г. должности наблюдателя не полагается. Насколько домогательство Платонова о наблюдательствѣ было неумѣстно, видно, напр., изъ того высочайшаго вниманія, какого былъ удостоенъ харьковскій университетъ въ 1863 году. Въ этомъ году государь наслѣдникъ посѣтилъ Харьковскій университетъ, присутствовалъ на лекціяхъ и согласился на избраніе его въ почетные члены университета. Великій

---

[1]) Дѣло изъ арх. мин. нар. просв.

князь прибылъ въ Харьковъ 5 окт., въ 2 ч. дня; въ $3^1/_2$ ч. состоялся общій пріемъ, причемъ въ числѣ представлявшихся были ректоръ и деканы; 6 октября произведены были осмотры института благородныхъ дѣвицъ и ветеринарнаго института; 7 октября осмотрѣны женская Маріинская гимназія и университетъ, послѣдній между 10—12 часами. Впервые государь наслѣдникъ посѣтилъ лекцію профессора Пахмана (10—$10^1/_2$ час. въ 1-й аудиторіи): «Объ основаніяхъ гражданской подсудности по теоріи и по началамъ русскаго права». Вторая лекція (отъ $10^1/_2$ до 11 ч. въ 5 №), проф. Каченовскаго, имѣла предметомъ «объясненіе понятій греческихъ философовъ о международномъ союзѣ, ученія Сократа объ обязанностяхъ къ отечеству и человѣчеству и Платона о внѣшнихъ сношеніяхъ народовъ, войнѣ и вѣчномъ мирѣ». Третья лекція (отъ 11—$11^1/_2$ въ 1 ауд.), проф. Станиславскаго: «О священныхъ правахъ и преимуществахъ верховной и самодержавной власти и преимущественно власти законодательной, а именно: въ порядкѣ изданія законовъ, различныхъ ихъ видахъ и формахъ, обнародованіе и дѣйствіе законовъ, ихъ отмѣнѣ и храненіи». Четвертая лекція, проф. Н. Лавровскаго ($11^1/_2$—12 въ 5 №): «О психологическихъ свѣдѣніяхъ, заключающихся въ памятникахъ древней русской литературы и преимущественно въ повѣсти о Варлаамѣ и Іосафѣ». Выборъ этихъ лекцій предварительно былъ сдѣланъ графомъ С. Г. Строгановымъ, сопровождавшимъ великаго князя, примѣнительно къ порядку курсовъ, такъ, по крайней мѣрѣ, сказано въ оффиціальномъ отчетѣ попечителя Фойгта; но, судя по содержанію лекцій, нужно допустить нѣкоторое приспособленіе къ обстоятельствамъ. Послѣ каждой лекціи великій князь благодарилъ профессора и велъ съ нимъ бесѣду о предметахъ его спеціальныхъ занятій. При такой бесѣдѣ съ проф. Лавровскимъ наслѣдникъ цесаревичъ, между прочимъ, замѣтилъ, что повѣсть о Варлаамѣ и Іосафѣ заключается не только въ спискѣ, хранящемся въ Императорской публичной библіотекѣ, но и въ спискѣ Московской синодальной библіотеки. Къ обѣду были приглашены попечитель и ректоръ. Въ день отъѣзда въ Петербургъ, 8 октября, ректоръ и деканы благодарили великаго князя за посѣщеніе университета и просили принять званіе почетнаго члена харьковскаго университета. Великій князь любезно согласился и обѣщалъ испросить на то согласіе государя императора[1]). Свое пребываніе въ университетѣ наслѣдникъ цесаревичъ ознаменовалъ добрымъ дѣломъ—учрежденіемъ пяти стипендій на четырехлѣтній университетскій курсъ для наиболѣе бѣдныхъ и прилежныхъ

[1]) Дѣло арх. м. н. пр. 1863. № 143552.

студентовъ[1]). 23 декабря 1863 года послѣдовало Высочайшее соизволеніе на принятіи наслѣдникомъ цесаревичемъ званія почетнаго члена Импер. харьковскаго университета, заслушанное въ совѣтѣ 7 января 1864 года, и тогда же состоялось постановленіе совѣта о поднесеніи диплома черезъ попечителя округа[2]).

Сохранилось не много такихъ актовъ, въ которыхъ выражены были бы соціально-политическіе взгляды профессорской коллегіи реформированнаго харьковскаго университета. Въ этомъ отношеніи обращаетъ на себя вниманіе всеподданнѣйшій адресъ, поднесенный въ 1863 г. совѣтомъ университета государю императору по поводу польскаго возстанія, слѣдующаго замѣчательнаго содержанія:

Всемилостивѣйшій Государь! Сила народа—въ твердости сознанія его правъ и обязанностей: уясненіе этого сознанія—дѣло образованія. Здѣсь общественное значеніе университетовъ и ихъ неразрывная связь съ судьбою народа. Вѣрные нашему призванію, мы просимъ Васъ, Государь, принять выраженіе нашихъ всеподданнѣйшихъ чувствъ любви и преданности, въ виду возобновившихся посягательствъ на цѣльность и нераздѣльность всероссійскаго государства. Посягательства эти отголосокъ прошедшаго. Исторія произнесла уже надъ ними свой правдивый судъ, закрѣпивъ его рядомъ народныхъ бѣдствій и великихъ жертвъ, принесенныхъ въ защиту единства русской земли. Но, написавъ свой приговоръ кровью двухъ единоплеменныхъ народовъ, исторія предоставила будущему ихъ братское примиреніе путемъ уравненія и расширенія ихъ гражданскихъ правъ, удаленія тѣхъ преградъ, которыя постановило между ними прошедшее, и скрѣпленія ихъ кровнаго племеннаго союза силой взаимной любви и довѣрія для будущихъ историческихъ подвиговъ. Рядомъ дарованныхъ уже правъ, выраженныхъ Вашимъ Величествомъ твердымъ намѣреніемъ дѣйствовать въ томъ же направленіи, и всепрощенія, изреченнымъ въ день общаго христіанскаго примиренія, Вы предначертали, Государь, этотъ путь мира и любви, въ которыхъ заключается — мы вѣримъ — вѣрный долгъ спокойствія и благоденствія народовъ». Подписали: ректоръ Кочетовъ и деканы факультетовъ: Н. Лавровскій, Чернай, Палюмбецкій и Альбрехтъ.

Внѣшняя матеріальная обстановка университета была всегда неудовлетворительна, а въ 70-хъ годахъ въ особенности сильно чувствовался этотъ недостатокъ. Для университета не было построено, при его открытіи, приспособленнаго помѣщенія; онъ воспользовался тѣми,

---

[1]) Актъ въ Импер. хар. унив. 1864. Отчетъ, стр. 7. Проток. засѣд. сов. 8 октября 1863 года.

[2]) Проток. 1864 г., янв. 7.

какія дали, и въ теченіе всего истекшаго періода сильно страдалъ отъ тѣсноты и неприспособленности зданій. Въ 1810 году образованный туристъ, князь Долгорукій, проѣзжая черезъ Харьковъ, записалъ: «университетъ помѣщенъ въ генералъ-губернаторскомъ домѣ, чаятельно, на время, потому что онъ не довольно для сей цѣли обширенъ»[1]). Такимъ образомъ, уже черезъ пять лѣтъ по открытіи университетъ представлялся «не достаточно обширнымъ». Попечитель харьковскаго учебнаго округа Перовскій, ознакомившись близко съ положеніемъ университета, доносилъ въ 1826 году въ министерство народнаго просвѣщенія, что нашелъ университетъ столь бѣднымъ во всѣхъ почти отношеніяхъ и столь мало соотвѣтствующимъ самымъ умѣреннымъ ожиданіямъ», что не рѣшился даже представить оффиціальнаго отчета о его состояніи, не переговоривъ предварительно съ министромъ[2]); донесеніе въ высокой степени характерное. Какъ человѣкъ весьма образованный, видавшій университеты въ Западной Европѣ, Перовскій стыдился писать о харьковскомъ университетѣ—въ такомъ черномъ тѣлѣ былъ онъ въ 1826 г. Поэтъ-гуманистъ В. А. Жуковскій, посѣтивъ въ 1837 г. харьковскій университетъ, въ свитѣ наслѣдника цесаревича Александра Николаевича, отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ: «Въ университетѣ—бѣдность и тѣснота», всего два слова—бѣдность и тѣснота, и—только. Совѣтъ въ засѣданіи 31 мая 1865 г. входилъ въ подробное обсужденіе необходимости расширенія помѣщенія, примѣнительно къ требованіямъ устава 1863 г., новыхъ каѳедръ. По этому уставу къ учрежденіямъ 1835 г. добавлялись еще слѣдующія: 1) астрономическая обсерваторія; 2) кабинетъ практической механики; 3) кабинетъ физической географіи; 4) метеорологическая обсерваторія; 5) кабинетъ геологическій и палеонтологическій; 6) зоотомическій кабинетъ съ лабораторіей; 7) физіологическій кабинетъ; 8) музей патологической анатоміи; 9) гистологическій кабинетъ; 10) судебно-медицинскій кабинетъ,—и для многихъ или совсѣмъ не оказывалось помѣщенія, или помѣщенія признавались совсѣмъ не соотвѣтствующими новымъ требованіямъ. Такъ, зоотомическій кабинетъ, учрежденный въ 1859 г., физіологическій кабинетъ, помѣщенный въ бывшихъ спальняхъ казеннокоштныхъ студентовъ,—оказывались совсѣмъ тѣсными. Геологію еще нужно было отдѣлить отъ минералогіи, анатомію патологическую отъ физіологической, клиники требовали расширенія съ 42 до 75 кроватей, и требовались совсѣмъ новыя помѣщенія для обсерваторій астрономической и метеорологической и для кабинетовъ практической механики, физической

[1]) Проф. Д. И. Багалѣй. Опытъ ист. Харьк. Универ. I, 477.

[2]) Проф. А. И. Кирпичниковъ, Очерки по нов. рус. литер. I, 105.

географіи и судебной медицины. Хотя по уставу полагались казенныя квартиры для ректора, инспектора, библіотекаря, секретарей совѣта, правленія и по студенческимъ дѣламъ, казначея, бухгалтера и экзекутора, но лишь для послѣдняго была квартира. Совѣтъ проектировалъ рядъ перестроекъ и новыхъ сооруженій, и разныя перемѣщенія, большею частью или совсѣмъ не осуществленныя въ ближайшія два десятилѣтія, по хроническому недостатку средствъ. Любопытно, что пустопорожнія мѣста передъ университетскимъ садомъ предложены были для покупки по 2 руб. 40 к. за квадр. саж. (нынѣ около ста руб.). Постройка зданія для квартиръ ректора, инспектора и др. шести чиновниковъ университета проектирована была въ церковномъ дворѣ, что̀ никогда не было выполнено въ цѣлости.

Особенно острый характеръ вопросъ о расширеніи помѣщеній университета получилъ въ 1879—1882 годахъ, когда онъ былъ связанъ съ вопросомъ о передачѣ университету квартиры попечителя. Бывшій тогда попечителемъ генералъ Максимовскій смотрѣлъ на это осложненіе, какъ на попытку умаленія его власти и значенія, и отсюда цѣлый рядъ столкновеній, неудовольствій и жалобъ въ министерство со стороны обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ.

Благодаря крупному пожертвованію богатаго сумского сахарозаводчика Харитоненка (100 т. руб., къ которымъ потомъ добавлено было еще 50 т. р., съ 4%, которые шли на 20 стипендій имени Харитоненка), въ концѣ Сумской ул. было построено громадное зданіе, первоначально предназначавшееся для общежитія студентовъ, на открытіи котораго въ чисто дисциплинарныхъ цѣляхъ очень настаивалъ министръ Деляновъ; но, вмѣсто общежитія, по настойчивымъ просьбамъ попечителя Максимовскаго, желавшаго удержать за собой квартиру, зданіе это было передано медицинскому факультету для его аудиторій, лабораторій и кабинетовъ. Для общежитія впослѣдствіи построено было вблизи другое зданіе, открытое для пользованія лишь съ 1903 года. Позднѣе въ томъ же районѣ были выстроены обширныя помѣщенія для университетскихъ клиникъ. Къ концу дѣйствія устава 1863 г., такимъ образомъ, медицинскій факультетъ въ значительной степени обособился отъ остальныхъ. Прежде студенты и профессоры всѣхъ факультетовъ собирались въ однѣхъ и тѣхъ же аудиторіяхъ и лекторіяхъ. Было, правда, очень тѣсно; но было много взаимнаго знакомства и вліянія, въ интересахъ общей умственной и нравственной солидарности.

Какъ бы то ни было, медицинскій факультетъ относительно помѣщеній получилъ значительное благоустройство; но на остальныхъ факультетахъ тѣснота еще болѣе возрастала и угнетала. Проф. А. И.

Кирпичниковъ, пробывшій въ Харьковскомъ университетѣ около 9 лѣтъ (70 и 80 годы), въ 1903 г. въ своихъ «Очеркахъ по ист. нов. русск. литер.» замѣтилъ, что «бѣдность Харьковскаго университета, поразившая Перовскаго почти 70 лѣтъ назадъ, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи помѣщенія, сдѣлалась чѣмъ-то традиціоннымъ и неизбѣжнымъ». Не помогали здѣсь даже всемогущія въ приложеніи къ университету политическія и дисциплинарныя соображенія начальства, когда попечитель Максимовскій въ 1882 г. писалъ, что для того, чтобы студенты заняты были своимъ дѣломъ, необходимо прежде всего имѣть мѣсто, гдѣ бы они могли заниматься. Недостатокъ помѣщенія ведетъ здѣсь прямо къ законному ничегонедѣланію, и праздношатающаяся масса легче всего поддается агитаціи»[1]). Обостренность отношеній попечителя округа Максимовскаго къ совѣту въ 1880—1882 г. въ значительной степени была обусловлена поднятымъ въ совѣтѣ вопросомъ объ отводѣ для нуждъ университета квартиры, занимаемой попечителемъ въ зданіи университета. Максимовскій отнесся къ этому вопросу очень горячо, и въ возникшей по этому поводу сложной перепискѣ съ министерствомъ, разсматривалъ его, какъ попытку умалить значеніе попечителя. А между тѣмъ это было дѣло старое: поднято оно было еще въ засѣданіи совѣта 29 сентября 1870 года и обусловлено было той крайней недостаточностью помѣщенія университета, на которую жаловались всѣ попечители учебнаго округа, которую вполнѣ признавалъ и генералъ Максимовскій въ своихъ донесеніяхъ министерству о нуждахъ университета. Желая внести какое-либо улучшеніе взамѣнъ сохраненія квартиры, попечитель внушилъ нѣкоторымъ членамъ совѣта несчастную мысль войти въ совѣтъ съ предложеніемъ о перенесеніи музея изящныхъ искусствъ частью въ актовый залъ, а большей частью куда-то въ склады, въ сараи и на чердаки, что было равносильно закрытію музея; но совѣтъ большинствомъ голосовъ отклонилъ это предложеніе и такимъ образомъ спасъ одно изъ богатѣйшихъ и полезнѣйшихъ университетскихъ учрежденій. Имущество на десятки, а можетъ быть, и сотни тысячъ рублей, собирать которое началъ еще В. Н. Каразинъ, художественныя коллекціи, составленныя въ Италіи и въ Германіи въ теченіе многихъ лѣтъ тонкими знатоками искусства Бецкимъ и Алферовымъ, гравюры Дюрера, акварели Тадемы, картины Ахенбаха—все на чердакъ! Развѣ это не болѣзненная конвульсія учрежденія въ моментъ тяжкаго удушья? Необходимость удержанія квартиры въ зданіи университета генералъ Максимовскій мотивировалъ, съ одной стороны,

[1]) Дѣло арх. м. н. п. 1882. № $\frac{153929}{3556}$.

финансовыми причинами—трудностью найти подходящую квартиру въ частномъ домѣ и дороговизной такой квартиры въ Харьковѣ—до 3000 р., а съ другой—причинами политическими—необходимостью постояннаго надзора за студентами. 14 марта 1884 года Максимовскій писалъ въ министерство: «Харьковскій университетъ издавна ведетъ упорную борьбу съ попечителемъ округа, стремясь всѣми мѣрами выселить послѣдняго изъ занимаемой имъ квартиры. Здѣсь дѣло, собственно, не въ квартирѣ, а въ томъ, чтобы попечитель не жилъ въ центрѣ университетскихъ помѣщеній. Вопросъ объ этомъ поднимался во время министерства графа Д. А. Толстого и затѣмъ при ст.-секретарѣ Сабуровѣ. И тотъ, и другой прямо и рѣшительно прекратили домогательство университетскаго совѣта... Послѣ университетскихъ волненій 1882 года вновь возникла агитація въ средѣ профессоровъ по поводу квартиры попечителя. Въ Харьков. Статист. Листкѣ, ред. орд. проф. университета Сокальскимъ, появилась статья самого редактора, въ высшей степени недостойная по тону и оскорбительности для авторитета попечителя, по вопросу о той же квартирѣ. Желая въ это время самъ удалиться съ занимаемаго мною поста, я не возбуждалъ оффиціальнаго преслѣдованія Сокальскаго, хотя объ этомъ обстоятельствѣ я довелъ до свѣдѣнія министерства». Министръ нар. просв., какимъ въ то время былъ И. Д. Деляновъ, однако, имѣлъ по этой части обстоятельныя и разносторонніе свѣдѣнія, и 8 февр. 1882 года потребовалъ передачи квартиры университету на потребности медицинскаго факультета[1]); но это требованіе не было исполнено, такъ какъ Максимовскому удалось выхлопотать для медицинскаго факультета предназначавшееся для общежитія зданіе Харитоненка. Вскорѣ Максимовскій уволился, послѣдовалъ новый уставъ 1884 года, а вмѣстѣ съ нимъ и новый попечитель Н. П. Воронцовъ-Вельяминовъ; вопросъ о квартирѣ попечителя совершенно былъ устраненъ. Весь этотъ квартирный инцидентъ имѣетъ эпизодическій характеръ. Онъ вызвалъ въ свое время много огорченій, былъ причиной большой переписки и отразился въ мѣстной печати въ видѣ упомянутой статьи проф. Сокальскаго въ Харьк. Стат. Листкѣ.

Въ протоколахъ и отчетахъ жалобы на тѣсноту помѣщенія идутъ изъ года въ годъ, какъ гласъ вопіющихъ въ пустынѣ. Часто слышатся трагическія нотки, напр., при ежегодныхъ жалобахъ составителя отчета по хирургической клиникѣ на усиленіе смертности оперированныхъ отъ обусловленнаго нечистотой помѣщенія рожистаго воспаленія. Характерны, напримѣръ, въ 1882 г. жалобы преподавателя физики А. К. Пого-

[1]) Дѣло арх. м. н. п. 1882 г. № $^{153929}/_{3556}$.

рѣлко и преподавателя физіологіи И. П. Щелкова, что аудиторія не вмѣщаетъ $^1/_5$ части слушателей, отъ давки нельзя пользоваться ни приборами, ни даже доской, и со студентами дѣлается дурно отъ тѣсноты и отсутствія вентиляціи [1]). Въ 1882 г. получено было разрѣшеніе на временное помѣщеніе нѣкоторыхъ медицинскихъ аудиторій, кабинетовъ и лабораторій въ физическомъ корпусѣ технологическаго института, ждавшаго еще тогда своего открытія. Это перемѣщеніе отчасти состоялось, но оно было связано съ большими неудобствами, разрозненностью чтеній и пособій и продолжалось не долго [2]). Не говоря уже о прежней тѣсноте и общей неудовлетворительности помѣщенія, харьковскій университетъ и въ финансовомъ положеніи былъ поставленъ въ худшее положеніе, нежели другіе русскіе университеты. Въ этомъ убѣждаетъ сравненіе смѣтныхъ назначеній по университетамъ: по финансовой смѣтѣ 1880 г. на харьковскій университетъ было ассигновано изъ государственнаго казначейства 76,036 р. 45 к., на 82,860 р. 15 к. менѣе суммы, ассигнованной для московскаго университета, на 6,723 р. менѣе университета св. Владиміра, на 5,526 р. менѣе казанскаго университета. Сравнивая въ частности суммы, ассигнуемыя на ремонтъ и содержаніе зданій, видимъ, что харьковскій университетъ получилъ на эти статьи даже менѣе университетовъ петербургскаго и новороссійскаго, въ которыхъ не было медицинскаго факультета—менѣе петербургскаго на 11,300 р. и новороссійскаго на 4,600 р. [3]). Не удивительно, что при такой ассигновкѣ харьковскій университетъ пришелъ въ разрушеніе, что въ его клиникахъ умирали отъ зараженія, а въ лабораторіяхъ и аудиторіяхъ болѣли отъ отравленія воздуха. Харьковскій университетъ получилъ отказъ даже въ такихъ статьяхъ, которыми пользовались другіе университеты, не смотря на крайне скромные размѣры просьбъ и желаній. Такъ, еще въ 1873 г. харьковскій университетъ, желая основать университетское повременное изданіе—Записки—для помѣщенія въ нихъ отчетовъ, протоколовъ и диссертацій, просилъ министра народнаго просвѣщенія ходатайствовать объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства дополнительнаго кредита, по примѣру дерптскаго университета, въ размѣрѣ 500 р. Но министръ не призналъ возможнымъ удовлетворить такое ходатайство [4]).

---

[1]) Проток. сов. 1882 г. окт. 7, въ Записк. Унив. 1882 г. III, 109.

[2]) Подроб. въ Записк. Имп. Харьк. Унив. 1882 г., III, проток., 85 и сл. и въ унив. отчетѣ за 1883 г.

[3]) Отчетъ Имп. Харьк. унив. за 1881 г., стр. 10—12.

[4]) Отчетъ Имп. Харьк. унив. за 1880 г., 59.

2-я глава.

Преподавательская и научно-литературная дѣятельность профессоровъ.

Университетъ пользовался предоставленнымъ ему правомъ избранія выдающихся ученыхъ и писателей въ почетные члены. Къ 1 января 1864 г. почетныхъ членовъ было 86 и членовъ-корреспондентовъ 15. Въ послѣдующіе годы избраны были многія лица: Бэръ, Струве, Фойгтъ, Левшинъ, Срезневскій, Боткинъ, Салтыковъ, Менделѣевъ, Гельмгольцъ, Людвигъ и мн. др., при чемъ совѣтъ пользовался часто подходящимъ обстоятельствомъ. Такъ, бывшій попечитель Фойгтъ былъ избранъ, при переходѣ въ Петербургъ, изъ уваженія къ его доброжелательной административной дѣятельности. По тѣмъ же мотивамъ, много лѣтъ позднѣе, въ 1870 г., по предложенію проф. Грубе, былъ избранъ въ почетные члены предшественникъ Фойгта, генер.-лейт. Левшинъ, по случаю 50-ти-лѣтія его службы. Салтыковъ избранъ въ 1881 г., по предложенію проф. Потебни, по случаю 25-ти-лѣтія его литературной дѣятельности. Въ особенности выдается по осложненному мотиву избраніе Менделѣева, по рапорту проф. Бекетова, Лагермарка и Яцуковича въ 1882 г. «Высокія научныя заслуги Д. И. Менделѣева, говорится въ этомъ рапортѣ, должны были привести его къ занятію принадлежащаго ему по всей справедливости мѣста въ академіи наукъ; но основательное ожиданіе русскихъ ученыхъ не осуществилось, и пр. Менделѣевъ былъ отвергнутъ большинствомъ членовъ академіи наукъ». «Встрѣтивъ съ недоразумѣніемъ и прискорбіемъ это извѣстіе», профессоры, подписавшіе рапортъ, внесли предложеніе объ избраніи Менделѣева въ почетные члены Харьковскаго университета, что, разумѣется, и прошло, въ физико-математическомъ факультетѣ даже единогласно. Избираемы были и мѣстные профессоры, при выходѣ ихъ въ отставку, напр.: Рославскій-Петровскій, Калениченко, Альбрехтъ, Куницынъ, Гордѣенко; но бывали тутъ и ошибки, иногда довольно крупныя. Такой ошибкой было, напр., избраніе въ 1864 г. въ почетные члены забаллотированнаго въ 1857 г. профессора И. В. Платонова, который черезъ два года, опираясь между прочимъ на свое званіе почетнаго члена, просилъ министра народнаго просвѣщенія назначить его наблюдателемъ за благонамѣренностью всѣхъ профессоровъ харьковскаго университета, съ выдачей увеличен-

наго противъ профессорскаго оклада жалованья изъ спеціальныхъ средствъ университета. Бывали иногда случаи выдачи пособія нѣкоторымъ почетнымъ членамъ университета изъ скудныхъ спеціальныхъ средствъ университета, въ позднѣйшее время уже не повторявшіеся. Такъ, почетному члену Н. С. Турчанинову выдавалось пособіе въ 500 р. въ годъ, уменьшенное затѣмъ на 300 р. Когда, въ 1883 г., Турчаниновъ попросилъ прибавки, то совѣтъ 15 голосами противъ 7 отказалъ въ удовлетвореніи этой просьбы. Пользовался университетъ неоднократно также предоставленнымъ ему правомъ дарованія степени почетнаго доктора. Такъ, въ 1864 г., по предложенію проф. Н. А. Лавровскаго, въ почетные доктора избранъ былъ Коссовичъ, по сравнительному языкознанію.

Университетъ въ отчетный періодъ принималъ живое участіе въ чествованіи великихъ русскихъ людей, оказавшихъ родинѣ литературныя и ученыя услуги. Такъ, въ засѣданіи совѣта 2 ноября 1878 г. отмѣчены были заслуги мѣстнаго литературнаго и общественнаго дѣятеля Г. Ѳ. Квитки; вскорѣ проф. Потебня прочиталъ въ университетѣ публичную лекцію о Квиткѣ. Въ засѣданіи совѣта 22 мая 1880 года заслушанъ и одобренъ составленный проф. Потебней адресъ по случаю постановки въ Москвѣ памятника Пушкину и для присутствія на этомъ торжествѣ командированы проф. Кирпичниковъ и Андреевъ. Въ засѣданіи 12 мая 1881 г. заслушанъ и одобренъ адресъ Пирогову по поводу пятидесятилѣтія его ученой дѣятельности, и для поднесенія адреса командированы были проф. Зарубинъ и Грубе. Замѣчателенъ текстъ адреса обществу любителей россійской словесности по поводу открытія 26 мая 1880 года памятника А. С. Пушкину, текстъ, ярко отразившій убѣжденія и симпатіи проф. Потебни, его составителя, и затѣмъ самого совѣта, утвердившаго его. Стиль, повидимому, всецѣло принадлежитъ Потебнѣ. «Совѣтъ Харьковскаго университета, говорится въ адресѣ, по случаю празднованія открытія памятника А. С. Пушкину, считаетъ долгомъ выразить искреннія свои желанія: пусть же сбывается чаяніе поэта («къ нему не зарастетъ народная тропа»), но не въ примѣненіи лишь къ одной, хотя и великой его личности, а въ смыслѣ преуспѣянія какъ народности, такъ и всенародности русской литературы; пусть свободно растетъ среди русскаго народа образованіе объ руку съ благосостояніемъ и пусть перестанетъ книжный русскій человѣкъ чувствовать себя одинокимъ и чужимъ среди своего народа; пусть ширится русская литература и за нынѣшними своими предѣлами, но лишь силою своихъ собственныхъ достоинствъ; наконецъ, пусть будетъ вашъ праздникъ радостенъ: «а мы уже, дружина, жадьни веселія».

Два университетскихъ адреса, 1863 г.—по случаю польскаго возстанія, и 1880 г.—по случаю открытія памятника Пушкину—служатъ выраженіемъ политическаго и общественнаго настроенія профессуры харьковскаго университета дѣйствія устава 1863 г.

Замѣщеніе вакантныхъ каѳедръ, входившее по уставу 1863 года главнымъ образомъ въ обязанности университета, выполнялось успѣшно, по мѣрѣ возможности, и, когда, въ 1872 г., министерство возбудило вопросъ о внесеніи измѣненій въ соотвѣтствующій пунктъ устава, то совѣтъ харьковскаго университета высказался за его сохраненіе. Представивъ въ министерство сравнительную таблицу штатнаго учебнаго персонала въ 1864 и 1872 г.г., совѣтъ отмѣтилъ, что въ то время, какъ къ 1 января 1864 г. было всего 39 преподавателей, между которыми 28 профессоровъ, 4 доцента, 2 приватъ-доцента и 1 сверхштатный преподаватель физики изъ учителей гимназіи, къ 1 января 1873 г. было уже 53 преподавателя, между которыми 37 профессоровъ, 12 доцентовъ и 3 приватъ-доцента, и въ 1878 г.—57, въ томъ числѣ 37 ординарныхъ, 8 экстраординарныхъ и 12 доцентовъ. Совѣтъ находилъ очевиднымъ благотворное дѣйствіе устава 1863 г. въ смыслѣ своевременнаго замѣщенія вакантныхъ каѳедръ и, по результатамъ своимъ, довольно утѣшительнымъ. При этомъ, однако, отмѣчалась трудность замѣщенія вакантныхъ каѳедръ въ виду отвлеченія молодыхъ людей на другія, болѣе выгодныя въ матеріальномъ отношеніи профессіи. Положеніе доцента было такъ мало обезпечено, что брало перевѣсъ учительство въ гимназіи или служба техника на сторонѣ. «Къ профессурѣ, заявлялъ совѣтъ, дѣлу въ высшей степени трудному и отвѣтственному, могутъ быть привлекаемы на всѣхъ факультетахъ лишь немногіе изъ слабаго меньшинства людей, способныхъ любить науку для науки»[1]). Изъ протоколовъ совѣта видно, что къ замѣщенію каѳедръ онъ относился очень заботливо и осторожно: ученыя заслуги кандидатовъ подвергались подробной оцѣнкѣ и обсужденію, отзывы рецензентовъ печатались съ протоколами. Въ засѣданіи совѣта 31 мая 1865 г. постановлено было: въ интересахъ привлеченія большаго участія, не производить баллотировокъ въ первое и послѣднее засѣданія академическаго года[2]).

Въ періодъ времени съ 1863 по 1884 г. въ харьковскомъ университетѣ было нѣсколько не осуществившихся по различнымъ причинамъ кандидатуръ на профессуру, изъ которыхъ историкъ долженъ отмѣтить кандидатуры Костомарова, Терновскаго, Гогоцкаго, Бодуэна-

[1]) Дѣло арх. мин. нар. пр. 1873 г., № 145799/3020.

[2]) Прот. сов. 1865 г., мая 31, стр. 64.

де-Куртене, Владимірскаго-Буданова, Макушева. Н. И. Костомаровъ и Фил. А. Терновскій шли въ одно время—8 декабря 1864 г., и такъ какъ всѣ симпатіи историко-филологическаго факультета и совѣта были на сторонѣ Костомарова, то и выборы его прошли блистательно. Предложеніе Костомарова шло отъ проф. Петрова. Резолюція факультета была такая: «такъ какъ заслуги проф. Костомарова наукѣ русской исторіи извѣстны не только ученымъ спеціалистамъ, но, по художественному и общедоступному изложенію, и всему читающему обществу, и такъ какъ Н. И. Костомаровъ былъ профессоромъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, то, не входя въ подробный обзоръ его многочисленныхъ сочиненій, приступить къ избранію». Историко-филологическій факультетъ, однако, былъ такъ малочисленъ въ то время, что, при этомъ избраніи, было всего три члена, которые и дали три избирательныхъ шара. Въ совѣтѣ Костомаровъ получилъ лишь три неизбирательныхъ шара. По недостаточности средствъ, совѣтъ, избирая Костомарова въ ординарные профессоры, могъ предложить ему лишь жалованье профессора экстраординарнаго, и, когда онъ не согласился, рѣшилъ добавить недостающую сумму изъ спеціальныхъ средствъ (въ засѣданіи 19 января 1865 г.); но Костомаровъ при всемъ томъ отказался, что вызвало огорченіе однихъ и неудовольствіе другихъ. Въ засѣданіи совѣта 20 апрѣля 1865 г. П. А. Лавровскій, замѣтивъ, что «на приглашеніе г. Костомарова послѣдовалъ неожиданный съ его стороны отказъ», тѣмъ болѣе досадный, что въ университетѣ два года не было преподаванія такого важнаго предмета, какъ русская исторія, вспомнилъ о кандидатурѣ Терновскаго и предложилъ пригласить его преподавать русскую исторію за опредѣленное вознагражденіе безъ оффиціальнаго штатнаго. Предложеніе это не прошло въ совѣтѣ. Терновскій, Фил. Алексѣевичъ, скромный, почтенный ученый, выдвинулся потомъ какъ профессоръ кіевской духовной академіи и приватъ-доцентъ въ университетѣ св. Владиміра. Въ 1868 г. историко-филологическій факультетъ единогласно выбралъ бывшаго профессора по каѳедрѣ философіи въ университетѣ св. Владиміра Гогоцкаго и, сославшись на его серьезные учено-литературные труды, просилъ совѣтъ пригласить Гогоцкаго на годъ для чтенія философіи, съ вознагражденіемъ; но совѣтъ, не входя въ обсужденіе, въ засѣданіи 9 апрѣля забаллотировалъ Гогоцкаго: при 12 избирательныхъ оказалось 18 неизбирательныхъ. Результатъ баллотировки, при ученыхъ заслугахъ Гогоцкаго, можетъ быть не представится особенно страннымъ, если въ Харьковѣ извѣстны были тѣ недостатки Гогоцкаго, какъ преподавателя, о которыхъ говоритъ проф. Романовичъ-Славатинскій въ своей автобіографіи—

«Моя жизнь», гдѣ Гогоцкій охарактеризованъ, какъ типъ «семинариста-гелертера, изъ дебелаго, деревяннаго ума котораго выходитъ какая-то мертвая, обезличенная наука»; но и Романовичъ-Славатинскій признаетъ въ Гогоцкомъ человѣка «большой эрудиціи и рѣдкаго трудолюбія»[1]), и такой преподаватель все-таки былъ бы полезенъ на вакантной каѳедрѣ, тѣмъ болѣе, что и предложеніе его было обставлено очень осторожно, на годъ, какъ бы въ видѣ пробы. Совсѣмъ уже страннымъ и непонятнымъ представляется исходъ баллотировки извѣстнаго ученаго Бодуэна-де-Куртене. Въ 1871 г., состоя приватъ-доцентомъ въ петербургскомъ университетѣ по каѳедрѣ сравнительнаго языкознанія, Бодуэнъ-де-Куртене выразилъ желаніе перейти въ харьковскій университетъ или по сравнительному языковѣдѣнію, или по славянскимъ нарѣчіямъ. Оба эти предмета тогда читалъ В. И. Шерцль и тяготился такимъ совмѣщеніемъ. Проф. Шерцль далъ очень хорошій отзывъ объ ученыхъ трудахъ Бодуэна-де-Куртене. Историко-филологическій факультетъ избралъ его большинствомъ 5 голосовъ противъ одного; но въ совѣтѣ Бодуэнъ-де-Куртене получилъ 10 избирательныхъ и 22 неизбирательныхъ шара[2]). Такъ былъ отстраненъ профессоръ выдающихся дарованій и знаній. Что касается до кандидатуры Владимірскаго-Буданова на каѳедру русской исторіи, то, при наилучшихъ о немъ отзывахъ, перевѣсъ на баллотировкѣ получилъ одновременно съ нимъ Н. Я. Аристовъ. Предложеніе Макушева шло въ 1870 г. отъ Петра А. Лавровскаго. Макушевъ окончилъ курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ и, пріобрѣтя при этомъ же университетѣ степень магистра славянской филологіи, отправился въ славянскія земли съ ученой цѣлью, живя одно время въ качествѣ русскаго консула въ Дубровникѣ. Это былъ серьезный ученый, съ большими и глубокими свѣдѣніями. Историко-филологическій факультетъ харьковскаго университета пригласилъ его занять каѳедру славянскихъ нарѣчій и получилъ согласіе. Въ факультетѣ Макушевъ былъ избранъ единогласно 6 голосами. Въ совѣтѣ баллотировка Макушева прошла также весьма удовлетворительно,—большинствомъ 21 числа противъ 5, не смотря на возраженія профессора физики Шимкова, что факультетъ не вошелъ въ достаточно подробную критику сочиненій Макушева,—возраженія, направленнаго по существу дѣла противъ П. Лавровскаго. Возраженіе это, какъ и слѣдовало ожидать, было поддержано Каченовскимъ. Впослѣдствіи Макушевъ занялъ каѳедру въ варшавскомъ университетѣ и оставилъ слѣдъ въ наукѣ, какъ серьезный ученый.

---

[1]) Вѣст. Европы 1903, II, 620.

[2]) Проток. засѣд. сов. 1871 г., ноября 4.

Вслѣдствіе разныхъ причинъ, отчасти подъ вліяніемъ внутреннихъ разногласій, харьковскій университетъ въ концѣ 1860 и въ началѣ 1870 годовъ потерялъ нѣсколько выдающихся профессоровъ, перешедшихъ въ другіе университеты. Такъ, даровитый и разносторонне образованный проф. Хронщевскій, читавшій въ харьковскомъ университетѣ общую патологію и гигіену, по приглашенію университета, съ 1864 по 1868 г.г., въ концѣ этого года ушелъ въ университетъ св. Владиміра. Въ засѣданіи совѣта 14 января 1869 г. группа профессоровъ, съ Н. Н. Бекетовымъ во главѣ, выразила свое сожалѣніе объ уходѣ Хронщевскаго, какъ человѣка большихъ знаній и большихъ заслугъ. Проф. Хронщевскій основалъ въ харьковскомъ университетѣ гистологическій институтъ и создалъ тутъ цѣлую школу молодыхъ гистологовъ. Въ дѣлахъ медицинскаго факультета и совѣта Хронщевскій принималъ дѣятельное участіе: имя его часто встрѣчается въ отчетахъ, а мнѣнія и отзывы его, представленные совѣту, отличаются дѣловитостью и хорошимъ стилемъ; но изъ тѣхъ же отчетовъ видно, что Хронщевскому приходилось вести борьбу съ нѣкоторыми своими товарищами, не особенно стѣснявшимися въ выборѣ средствъ. Выдающійся по эрудиціи, по ученымъ заслугамъ и нравственному характеру проф. по каѳедрѣ русской исторіи въ университетѣ св. Владиміра В. С. Иконниковъ началъ свою ученую дѣятельность въ 1866 г. приватъ-доцентомъ въ Харьковскомъ университетѣ, здѣсь прочелъ вступительную лекцію 1 декабря 1866 г. Н. Лавровскій и Иконниковъ читали, по порученію совѣта, публичныя лекціи по случаю столѣтія со дня рожденія Н. М. Карамзина. При баллотировкѣ въ совѣтѣ въ приватъ-доценты Иконниковъ получилъ 22 избирательныхъ и 1 неизбирательный, но въ факультетѣ у него были сильные недоброжелатели, какъ видно изъ пренебрежительныхъ отзывовъ о его лекціяхъ бр-въ Лавровскихъ. Въ отзывѣ Петра А. Лавровскаго, прочитанномъ въ засѣданіи совѣта 31 мая 1867 г., курсъ Иконникова названъ «поверхностнымъ», а дальнѣйшее оставленіе приватъ-доцента Иконникова преподавателемъ «совершенно лишнимъ». Вмѣсто него выдвинутъ былъ доцентъ Геннадій Карповъ, сравнительно съ Иконниковымъ величина малая [1]).

Въ засѣданіи совѣта 3 марта 1864 г. обсуждался и былъ разрѣшенъ важный общій принципіальный вопросъ о докторскихъ диссертаціяхъ по существу основного ихъ содержанія и отношенія его къ искомой степени, именно: по большинству голосовъ, было принято для

---

[1]) Проток. засѣд. совѣта 1866 г., стр. 245, 283, 290; 1867 г., засѣд. 31 мая.

руководства, что «тема докторской диссертаціи должна относиться къ одному изъ главныхъ предметовъ по тому разряду наукъ, по которому ищущій степени доктора пріобрѣталъ степень магистра».

Хотя университетъ всегда стремился къ тому положенію, которое нашло себѣ мѣсто въ уставѣ 1884 г., именно, къ положенію, что всѣ науки важны, но иногда, въ силу предложеній высшаго начальства, иногда въ силу необходимости, долженъ былъ вносить раздѣленіе на главныя и второстепенныя. Такъ, при обсужденіи этого вопроса, по предложенію министерства, въ засѣданіи 8 апрѣля 1869 г., факультеты, высказавшись предварительно, что всѣ каѳедры весьма важны для полноты и основательности образованія, сдѣлали уступку, именно, признали второстепенными предметы по вакантнымъ каѳедрамъ, филологическій—каѳедры: исторіи всеобщей литературы, исторіи церкви и исторіи искусствъ, а юридическій — каѳедру исторіи славянскихъ законодательствъ.

Въ засѣданіи 16 августа 1869 года совѣтъ высказался по вопросу о правахъ доцентовъ. Большинство находило возможнымъ, согласно съ мнѣніемъ попечителя московскаго учебнаго округа, допущеніе доцентовъ безъ ограниченія ихъ правъ на факультетскія засѣданія; меньшинство (6 голосовъ) поставило условіемъ службу въ университетѣ не менѣе 2 лѣтъ, а проф. Рославскій-Петровскій выразилъ мнѣніе, что приглашеніе доцента въ факультеты со всѣми правами члена допустимо только въ случаѣ отсутствія законнаго числа ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ. Практически вопросъ этотъ разрѣшился не въ пользу доцентовъ; въ частности—на историко-филологическомъ факультетѣ доценты на засѣданія факультета не были приглашаемы. Въ 1870 году на запросъ министерства московскій и казанскій университеты высказались въ пользу предоставленія магистрамъ должности экстраординарнаго профессора, совѣты же университетовъ харьковскаго, кіевскаго и новороссійскаго признали полезнымъ увеличеніе содержанія доцентовъ до оклада экстраординарнаго профессора. Въ совѣтѣ харьковскаго университета, какъ значится въ протоколѣ 24 февраля 1870 г., большинство членовъ историко-филологическаго факультета признало желательнымъ возвышеніе доцентскаго оклада лишь въ двухъ случаяхъ: когда доцентъ, уже получившій степень доктора, не можетъ получить долгое время званія экстраординарнаго профессора по недостатку вакансій, или когда факультету положительно извѣстно, что доцентъ не можетъ представить диссертаціи въ теченіе года, и въ такомъ случаѣ допускается повышеніе оклада жалованья на одинъ годъ. Юридическій факультетъ оказался гораздъ гуманнѣе и

щедрѣе—онъ прямо высказался за допущеніе доцентовъ къ исправленію обязанностей экстраординарнаго профессора, безъ тѣхъ условностей, которыя въ рукахъ враждовавшихъ партій могли тяжело отзываться на положеніи доцентовъ.

Постоянной заботой университета было установить связь между предметами и группами предметовъ факультетскаго преподаванія, въ связи съ разнообразными выходившими отъ университетовъ проектами дѣленія факультетовъ по отдѣламъ. Прежде всего состоялось раздѣленіе по отдѣламъ факультетовъ историко-филологическаго и физико-математическаго [1]), дѣйствующее и нынѣ, а вопросъ о раздѣленіи юридическаго факультета остался открытымъ.

Изъ отдѣльныхъ рѣшеній отмѣтимъ принятое въ 1864 году къ исполненію предложеніе министерства народнаго просвѣщенія о возложеніи преподаванія педагогики на профессора по каѳедрѣ философіи, потому что «педагогія не должна быть излагаема иначе, какъ въ видѣ прикладной науки психологіи». Для харьковскаго университета это предложеніе было невыполнимо, такъ какъ въ это время не было профессора философіи. Изъ наличныхъ профессоровъ выдающимся преподавателемъ педагогіи могъ быть Н. А. Лавровскій, хорошо знавшій этотъ предметъ и живо имъ интересовавшійся. Вообще, послѣ профессора Шада, изгнаннаго изъ Россіи за свободомысліе, философіи не везло въ харьковскомъ университетѣ. Въ 60-ые годы, въ то время, какъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ были профессоры по этому предмету, въ Харьковѣ каѳедра философіи была вакантной, и въ 1866 г. историко-филологическій факультетъ предложилъ совѣту пригласить для этой каѳедры одного изъ преподавателей духовныхъ академій; но совѣтъ рѣшительнымъ большинствомъ отклонилъ это предложеніе, какъ противорѣчащее уставу. Проф. Рославскій-Петровскій подалъ особое мнѣніе, въ которомъ отстаивалъ предложенную факультетомъ мѣру, ссылаясь на то, что въ 1835—1849 г., когда философія читалась во всѣхъ университетахъ, большая часть ея преподавателей, и притомъ лучшихъ, вышла изъ духовныхъ академій. Въ письменномъ возраженіи проф. Каченовскій говоритъ, что философія въ 1835—1849 г. не процвѣтала, и, указывая на Шада и Буле, рекомендуетъ поискать философовъ за границей. Проф. Рославскій-Петровскій подалъ дополнительное мнѣніе, въ которомъ въ очень деликатной формѣ возражаетъ Каченовскому. Рославскому письменно возразилъ проф. Сокальскій, находившій, что «одностороннее развитіе ума на

[1]) Разныя мнѣнія по этому поводу изложены въ проток. засѣд. совѣта 1864 г. ноября 3, 17.

почвѣ теологической діалектики не можетъ приготовить ученаго въ современномъ значеніи этого слова и годнаго для университетской каѳедры» [1]). Въ этой полемикѣ находятся цѣнныя данныя для исторіи философіи въ Россіи. Въ 60 и 70-ые годы каѳедру богословія занималъ одинъ изъ достойнѣйшихъ профессоровъ, священникъ В. И. Добротворскій. Ему приходилось, кромѣ богословія, читать еще исторію церкви и церковное право, для которыхъ не было спеціалистовъ. Въ 1866 г. онъ отказался отъ двухъ послѣднихъ предметовъ. Преподавателемъ по исторіи церкви вскорѣ былъ избранъ профессоръ А. С. Лебедевъ, изъ преподавателей московской духовной академіи. Не смотря на самые похвальные отзывы о Лебедевѣ, какъ ученомъ и преподавателѣ, какъ самое избраніе и назначеніе профессора Лебедева 18 февраля 1869 г., такъ и послѣдовавшее вскорѣ избраніе его въ ординарные профессоры въ совѣтѣ вызывало большія разногласія, независимо отъ личныхъ достоинствъ профессора, въ силу стремленія охранить университетъ отъ проникновенія въ него питомцевъ чуждой университету духовной-академической школы. Въ особомъ мнѣніи протестующей группы, подписанномъ Бекетовымъ, Гарничъ-Гарницкимъ, Каченовскимъ и Хронцевскимъ, предлагалось для соблюденія университетскаго начала, давать сначала почетное докторство лицамъ, приглашеннымъ изъ духовной академіи для замѣщенія вакантныхъ каѳедръ. Что касается самого положенія предмета, то еще въ 1866 г., въ засѣданіи 7 апрѣля состоялось постановленіе считать церковную исторію въ числѣ предметовъ обязательныхъ, но не главныхъ. Что касается богословія, то въ 1866 г. профессоръ богословія московскаго университета Сергіевскій, по порученію министерства народнаго просвѣщенія, объѣзжалъ университеты для совѣщанія по вопросу о борьбѣ съ невѣріемъ студентовъ и соотвѣтствующей тому выработкѣ программы богословскаго преподаванія [2]). Изъ отдѣльныхъ проявленій заботливости факультетовъ и совѣта о строго научной постановкѣ преподаванія заслуживаетъ вниманія вопросъ о постановкѣ въ университетѣ церковнаго права. Юридическій факультетъ, а по его предложенію и совѣтъ, большинствомъ 19 противъ 8 голосовъ, возбудилъ передъ министерствомъ народнаго просвѣщенія въ 1868 г. ходатайство о томъ, чтобы каѳедры церковнаго законовѣдѣнія въ университетахъ замѣщались лицами, получившими въ самомъ университетѣ спеціальное юридическое образованіе и пробывшими нѣкоторое время въ духовныхъ академіяхъ для усвоенія спеціальныхъ

[1]) Прот. сов. 1866 г., марта 8.

[2]) Проток. 1865 г. 31 мая; 1866 г. 7 апр.; 1869 г.—18 февр. 8 апр., 16 авг., 16 сент., 26 окт., 7 нояб.

богословскихъ свѣдѣній. Въ 1868 г. открывалась каѳедра церковнаго права, и поднятый вопросъ былъ вполнѣ умѣстнымъ. «Принимая въ соображеніе, говорится въ докладѣ факультета и совѣта [1]), что церковное законовѣдѣніе есть отрасль юридическихъ наукъ и что преподающій ее въ интересахъ своихъ слушателей, при изложеніи содержанія науки, долженъ необходимо обладать достаточнымъ запасомъ свѣдѣній по другимъ органически съ ней связаннымъ наукамъ, факультетъ и совѣтъ пришли къ убѣжденію, что для преподавателя церковнаго законовѣдѣнія нужна основательная юридическая подготовка, и ее можно ожидать единственно отъ лицъ, получившихъ университетское образованіе. Юридическій факультетъ видѣлъ въ этомъ случаѣ примѣръ въ Германіи, гдѣ, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ чтенія церковнаго права лицами духовнаго званія съ однимъ богословскимъ образованіемъ, до того утвердилась мысль о несостоятельности подобнаго порядка, что порученіе этого преподаванія профессору не юристу, по словамъ одного изъ самыхъ извѣстныхъ нѣмецкихъ писателей, представившаго замѣчаніе на проектъ университетскаго устава, не только возбудило бы всюду удивленіе, но даже признано было бы положительно вреднымъ въ томъ отношеніи, что слушатели иногда могутъ усвоить такіе теоретическіе взгляды на вещи, которые не сходятся съ общепринятыми воззрѣніями». Ходатайство это не имѣло успѣха. Министерство народнаго просвѣщенія посмотрѣло на церковное право, какъ науку богословскую, на томъ основаніи, что церковь есть отъ Бога учрежденное общество, и наука о церкви и церковномъ правѣ связана съ этимъ догматическимъ началомъ.

Въ 1867 г. шли ожесточенные споры по вопросу введенія исторіи славянскихъ народовъ въ программу магистерскаго экзамена по русской исторіи. Источникомъ этихъ споровъ была гл. обр. личная вражда. Ревностнымъ сторонникомъ введенія исторіи славянъ былъ профессоръ по каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій П. А. Лавровскій, имѣвшій въ этомъ отношеніи на своей сторонѣ весь историко-филологическій факультетъ. Совѣтъ согласился, за исключеніемъ двухъ профессоровъ, Каченовскаго и Сокальскаго, и вотъ между историко-филологическимъ факультетомъ, собственно Лавровскимъ,—съ одной стороны, и Каченовскимъ и Сокальскимъ—съ другой, возникъ обмѣнъ мнѣніями; а какъ много тутъ было исписано бумаги и взаимно попорчено крови, видно изъ того, что въ засѣданіи 10 октября 1868 г. были заслушаны мнѣнія факультета и письменныя возраженія Каченовскаго и Сокальскаго, а

[1]) Дѣло изъ арх. м. н. пр. 1868 № $^{144981}/_{2100}$.

затѣмъ пошли письменныя возраженія факультета и Лавровскаго въ засѣданіяхъ совѣта 20 февраля, 20 марта, 1, 4, 14 и 28 апрѣля и 5 мая, на которыя слѣдовали со стороны Каченовскаго и Сокальскаго возраженія отъ 6, 7 и 25 марта, 10 и 25 апрѣля и 2 мая. Совѣтъ, въ концѣ концовъ, остался при прежнемъ мнѣніи, въ пользу введенія исторіи славянъ. Доклады меньшинства были въ сущности слабы. Каченовскій и Сокальскій вообще слишкомъ пренебрежительно отнеслись къ исторіи славянства. Каченовскій исторію славянскихъ народовъ и исторію славянскихъ законодательствъ называетъ предметами роскоши, безъ которыхъ можно обойтись. Сокальскій утверждалъ, что исторія славянства представляетъ «по преимуществу филологическій интересъ», что «судьба славянъ не представляетъ ничего общаго съ нашею судьбою» и что въ этомъ отношеніи намъ будто бы ближе исторія Грузіи, Арменіи, что «прошлое славянъ, исключая Польши, имѣетъ самое отдаленное отношеніе къ исторіи Россіи и входитъ въ исторію государствъ, которыхъ часть они сами составляютъ, т. е. Германіи и Турціи»[1]). Вообще, во всей этой полемикѣ обнаруживается слишкомъ большая доза личной вражды: это было время разгара борьбы между Д. И. Каченовскимъ и П. А. Лавровскимъ, и группировавшихся вокругъ нихъ лицъ. По предложенію профессора Петрова, историко-филологическій факультетъ вошелъ въ совѣтъ съ просьбой о перенесеніи экзамена по географіи изъ историко-филологическаго въ физико-математическій факультетъ, что и было принято совѣтомъ въ засѣданіи 18 марта 1871 г. Въ томъ же засѣданіи дебатировалось важное предложеніе профессора Надлера, чтобы греческій языкъ на историческомъ отдѣленіи отнести въ разрядъ необязательныхъ предметовъ, и вмѣсто него ввести сравнительную географію. Въ обширной докладной запискѣ, напечатанной въ протоколѣ засѣданія совѣта 18 марта 1871 г., Надлеръ обстоятельно разъясняетъ значеніе и пользу сравнительнаго землевѣдѣнія при изученіи историческихъ наукъ. Ссылаясь на ученый авторитетъ отца сравнительнаго землевѣдѣнія Риттера, Надлеръ докладываетъ, что хотя наука сравнительнаго землевѣдѣнія имѣетъ дѣло съ матеріаломъ естественнымъ, но пользуется имъ для цѣлей историческихъ, по особому, историческому методу изслѣдованія. Историко-филологическій факультетъ и совѣтъ высказались, съ одной стороны, за сохраненіе греческаго языка, противъ чего возражалъ Надлеръ, съ другой — за введеніе на историческомъ отдѣленіи курса сравнительной географіи. Въ теченіе одного 1871 года Надлеръ и читалъ этотъ предметъ, который, дѣйстви-

[1]) Проток. Сов. 1867, окт. 10.

тельно, имѣлъ для студентовъ серьезное образовательное значеніе, такъ какъ не только давалъ много новыхъ цѣнныхъ свѣдѣній, но и вносилъ въ пониманіе исторіи начало законообразности, въ связи съ изученіемъ вліянія рельефа и природы историческихъ странъ. Въ засѣданіи 2 февраля 1872 г. совѣтъ принялъ предложеніе профессора Кремянскаго объ отмѣнѣ латинскихъ письменныхъ отвѣтовъ при экзаменѣ на степень доктора медицины. За сохраненіе латинскаго языка высказались профессоры Грубе и Лямбль. Въ 1874 г., по предложенію профессора Палюмбецкаго, было введено на юридическомъ факультетѣ преподаваніе судебной медицины. Въ 1875 г. рѣшено было слушаніе исторіи философіи сдѣлать обязательнымъ для студентовъ историко-филологическаго факультета всѣхъ трехъ отдѣленій. Въ 1876 г., въ засѣданіи 9 сентября, совѣтъ обсуждалъ записку профессора Ягича о преподаваніи сравнительнаго языкознанія, какъ обязательнаго предмета. Въ 1879/80 г., по предложенію профессора Якобія и Бекетова, введено было на первыхъ двухъ курсахъ медицинскаго факультета преподаваніе аналитической химіи, при чемъ профессоръ Якобій мотивировалъ свое предложеніе, между прочимъ, тѣмъ, что на медицинскомъ факультетѣ слишкомъ много времени отдано на спеціальные медицинскіе предметы и слишкомъ мало на естественно-историческую подготовку къ нимъ; вслѣдствіе чего у многихъ медиковъ недостаетъ того, что̀ называютъ школою. Въ засѣданіи 16 августа 1882 г. совѣтъ призналъ возможнымъ ввести на историческомъ отдѣленіи историко-филологическаго факультета преподаваніе политической экономіи и государственнаго права, что̀, впрочемъ, не получило практическаго осуществленія. Тогда же состоялось постановленіе совѣта о преподаваніи неорганической химіи на математическомъ отдѣленіи физико-математическаго факультета, что̀ также не привилось.

Совѣтъ и профессоры въ отдѣльности часто хлопотали объ улучшеніи библіотеки, лабораторій, кабинетовъ и клиникъ, но въ громадномъ большинствѣ хлопоты эти разбивались о недостатокъ средствъ. Еще въ 60-хъ годахъ была библіотечная комиссія, предсѣдатель которой профессоръ Коссовъ принялъ на себя главный трудъ по составленію и редактированію большого каталога. По недостатку средствъ, по тѣснотѣ помѣщенія, отчасти по слабости внутренняго распорядка—библіотека вызывала часто справедливыя неудовольствія и нареканія. Въ засѣданіи совѣта 7 марта 1874 г. группой профессоровъ поднятъ былъ вопросъ объ улучшеніи фундаментальной библіотеки и учрежденіи студенческаго отдѣла. Устройство послѣдняго осуществилось въ 1879 г., на основаніи доклада комиссіи, въ составъ которой

входили профессоры: Гатенбергеръ, Имшенецкій, Кузнецовъ, Морозовъ, Потебня, Степановъ и Якобій. За неимѣніемъ болѣе удобнаго мѣста студенческая библіотека помѣщена была въ аудиторіи № 3, гдѣ она находится и въ настоящее время; для руководства ею и пользованія выработаны были правила, преподаватели университета были приглашены къ пожертвованіямъ, установлена постоянная субсидія изъ спеціальныхъ средствъ университета [1]). Первыя правила для фундаментальной библіотеки были утверждены въ 1871 г.; въ новой редакціи въ 1876 г. (въ засѣданіи 5 февраля). Въ первый каталогъ вошли книги до 1860 г., въ первое продолженіе 1860—1865 г. Въ засѣданіи совѣта 11 декабря 1880 г. поднятъ былъ вопросъ о продолженіи каталога и заслушаны высказанныя по этому поводу библіотечной комиссіей соображенія.

Совѣтъ, при тѣхъ правахъ, какими онъ пользовался по уставу 1863 г., служилъ иногда опорой для отдѣльныхъ профессоровъ. Такъ, въ 1870 г. нѣкоторые профессоры получили отъ попечителя учебнаго округа черезъ ректора замѣчаніе по поводу отсутствія на университетскомъ актѣ. Профессоры Бекетовъ, Шимковъ и Гарничъ-Гарницкій подали въ совѣтъ заявленіе, что это замѣчаніе можетъ относиться только къ совѣту университета, и просили обсудить его въ совѣтѣ. Ректоръ находилъ, что предложеніе это не подлежитъ разсмотрѣнію совѣта; но совѣтъ въ засѣданіи 3 марта 1870 г. большинствомъ 21 голоса противъ 5 призналъ означенное предложеніе попечителя подлежащимъ обсужденію въ совѣтѣ и постановилъ обсудить его въ слѣдующемъ засѣданіи [2]); но изъ протоколовъ ближайшихъ затѣмъ засѣданій не видно, чтобы этотъ вопросъ возбуждался, и, нужно думать, онъ былъ снятъ съ очереди, и впослѣдствіи нигдѣ уже не встрѣчается указаній на обязательность для профессоровъ посѣщенія университетскихъ актовъ. Совѣтъ харьковскаго университета въ 60 и 70-ые годы часто игралъ роль совѣщательнаго учрежденія при министерствѣ народнаго просвѣщенія и, по предложенію министра, часто входилъ въ обсужденіе программъ, штатовъ и проектовъ, исходившихъ отъ другихъ высшихъ учебныхъ и ученыхъ учрежденій. Такія занятія, не входившія прямо въ интересы университета, занимали много времени. Въ то же время наблюдается недостаточно полное и недостаточно разностороннее изученіе условій собственной внутренней жизни, отчасти по причинамъ, не зависѣвшимъ отъ университета, напримѣръ, относительно возникавшихъ внутри студенчества организацій, отчасти по отсутствію планомѣрности и программы. Широкихъ задачъ внутренняго изученія

[1]) Проток. засѣд. сов. 1879 г. окт. 4.

[2]) Проток. сов. 1870 г. марта 3 дня.

не было поставлено, и всякаго рода проекты, программы и прочее обсуждалось по мѣрѣ того, какъ предъявляла ихъ текущая жизнь или воля высшаго начальства. Были еще особыя причины этой разрозненности и слабости—вражда партій и малочисленность нѣкоторыхъ коллегій, напримѣръ, въ историко-филологическомъ факультетѣ бывали засѣданія при 5, 4 и даже трехъ членахъ. Изъ собственно университетскихъ дѣлъ важны были выработанныя совѣтомъ правила для суда, для полученія стипендій, о правахъ ректора и его отношеніяхъ къ совѣту (1867 г. 21 февраля, 7 марта и 1868 г. 5 ноября). Въ 1868 г., въ засѣданіи 9 апрѣля, обсуждены и приняты правила порядка засѣданій совѣта. Обсужденіе таблицы испытаній на ученыя степени вызвало пренія въ засѣданіи совѣта 10 октября 1867 г. по вопросу о внесеніи въ таблицу исторіи славянства.

Функціи по управленію университетомъ, по уставу 1863 года, распредѣлены были между совѣтомъ, факультетами, правленіемъ и университетскимъ судомъ. Уставъ 1884 г. упразднилъ университетскій судъ и передалъ его обязанности правленію. Роль и значеніе суда университетскаго постепенно были умаляемы, по мѣрѣ усиленія инспекціи. Нужно сказать, что и уставъ 1863 года не давалъ суду достаточно прочной организаціи, оставивъ это дѣло совѣтамъ. Судъ являлся учрежденіемъ временнымъ, безъ опредѣленно поставленнаго дѣлопроизводства и собирался по мѣрѣ надобности. Харьковскій университетъ отнесся къ этой обязанности съ полной внимательностью и обставилъ университетскій судъ такими членами и такими гарантіями, которыми вполнѣ обезпечивалось дѣло справедливости и достоинства учрежденія. Такъ, въ засѣданіи 1 сентября 1863 года судьями избраны были Пахманъ, Бейеръ и Соколовъ; предсѣдателемъ былъ Пахманъ, извѣстный юристъ, впослѣдствіи сенаторъ. Въ 1871 году обсуждался въ университетахъ и въ министерствѣ вопросъ о томъ, какъ университетъ можетъ относиться къ студентамъ, виновнымъ въ предосудительныхъ поступкахъ внѣ университета и не подлежавшимъ университетскому суду. Рѣшено было каждый разъ обсуждать въ совѣтѣ вопросъ о томъ, могутъ ли быть оставляемы далѣе такіе студенты въ университетѣ, или подлежатъ удаленію[1]). Дѣятельность университетскаго суда имѣла, по существу дѣла, временный и случайный характеръ. Совѣту, какъ высшей инстанціи, приходилось рѣдко вмѣшиваться. Замѣчательна въ этомъ отношеніи лишь исторія столкновенія студентовъ съ публицистомъ Говорухой-Отрокомъ, бывшая на разсмотрѣніи совѣта 28 янв. 1882 года[2]).

---

[1]) Протоколъ засѣд. совѣта 1863 г. сент. 1; 1871 г. февр. 11.

[2]) Подробно изложена со всѣми послѣдствіями въ протоколѣ 1882 года января 28 и февраля 1.

Внутренній ростъ университета ясно выдѣляется по десятилѣтіямъ, т. е. по даннымъ отчета 1863 г., уже отмѣченнымъ выше, и затѣмъ отчетовъ 1873 и 1883 г. Въ 1873 г., къ 1 янв. 1874 г. въ университетѣ состояло 60 препод., въ томъ числѣ 37 орд. проф., 6 экстраорд., 11 доц., 3 пр.-доц. и лектора. Было 6 вакантныхъ каѳедръ, при чемъ преподаванія не было лишь по 3—по философіи, агрономіи и международному праву; но съ 1874 г. философія уже имѣла преподавателя въ лицѣ проф. Зеленогорскаго. На покрытіе штатныхъ расходовъ ассигновано было 304,704 р. 86 к. и спеціальнаго сбора за лекціи 11,898 р. Студентовъ къ 1 янв. 1874 г. было на ист.-фил. фак. 20, физ.-мат. 42, юридич. 165 и медиц. 162, всего 389 (противъ 448 чел. предыдущаго года). Ветеринаровъ, посѣщавшихъ въ университетѣ лекціи, было 134 челов. Стипендіатовъ 105 чел. Постороннихъ слушателей къ 1 янв. 1873 г. было 76, къ 1 янв. 1874 г. 29. Въ фундаментальной библіотекѣ было 42,087 назв. въ 82,814 вол.; въ студенч. отдѣленіи—1628 назв. Въ астрономическомъ кабинетѣ 223 предмета; въ физическомъ 568 №№, въ каб. физической географіи 40, въ метеорологической обсерваторіи 87, въ химической лабораторіи 1964 №№, въ минералогическомъ кабинетѣ 12097 №№, въ геологическомъ 4715 №№, въ ботаническомъ саду около 3900 видовъ растеній, въ ботан. каб. 732 №№, въ зоологическомъ 16923 №№, въ зоотомическомъ каб. и лабор. 1696 №№, въ физіологической лабораторіи 287 №№, въ кабинетѣ общей патологіи 187 №№, въ технологическомъ кабинетѣ съ лабор. 1250 №№, въ агрономическомъ 1459, въ музеѣ физіологической анатоміи 910 №№, въ музеѣ патологической анатоміи 1115 №№, въ гистологическомъ 156 №№, въ фармацевтической лабораторіи 342 №№, офталм. 178, акушер. 746, судебной медиц. 81. Въ терапевт. клиникѣ стаціонарныхъ было 139 и амбулаторныхъ 1028 чел., предметовъ 224 №№; въ маньковскомъ электролечеб. завед. въ 1873 г. было 264 больныхъ, предм. 387 №№, въ хирургич. клиникѣ стац. 179 и амб. 2161 челов., предметовъ въ хирургическомъ кабинетѣ 1290 №№; въ офтальмологической клиникѣ 1173 больныхъ, въ акушерской клиникѣ (дѣйствовавшей 3 мѣс.) было стаціонарныхъ 35 и амбулаторныхъ 172; въ музеѣ изящныхъ искусствъ было 1360 №№, въ монцъ-кабинетѣ 22256 экз.

Къ 1 января 1884 года Харьковскій университетъ состоялъ изъ факультетовъ: 1) историко-филологическаго (съ отдѣленіями классической филологіи, славяно-русской филологіи и историческихъ наукъ), 2) физико-математическаго (съ отдѣленіями физико-химическимъ, математическимъ и естественнымъ), 3) юридическаго и 4) медицинскаго. Распредѣленіе предметовъ преподаванія нѣсколько отличалось отъ послѣ-

дующаго времени. По ист.-фил. фак. общими для всѣхъ 3 отдѣленій были: а) логика и психологія, б) греческій языкъ, в) латинскій языкъ, и г) исторія всеобщей литературы. По отдѣл. классическому: а) греческая словесность, б) римская словесность, в) сравнит. грамматика индо-европейскихъ языковъ, г) историческая грамматика русскаго языка, д) исторія древней философіи, е) всеобщая древняя исторія и ж) теорія искусствъ и исторія древняго искусства. По словесному отдѣл.: а) славянская филологія, б) исторія русскаго языка и литературы, в) сравн. грамматика индо-европ. языковъ, г) исторія всеобщей литературы, д) русская исторія, е) исторія философіи и ж) исторія и теорія искусства. По историческому отдѣл.: а) всеобщая исторія, б) русская, в) исторія славянскихъ нарѣчій, г) церковная, д) исторія философіи. Дополнительные предметы: исторія всеобщей литературы и исторія русской литературы. По физико-матем. фак.—по отдѣл. матем. наукъ: а) чистая математика, б) механика, в) астрономія и геодезія, г) матем. физика, д) опытная физика;—по отдѣленію физ.-хим. наукъ: главные предметы: а) матем. физика, б) опытная физика, в) химія и г) техническая химія. Дополнит. предметы: математика, механика, кристаллографія съ минералогіей, зоологія и ботаника. По отдѣл. естественныхъ наукъ: главные предметы: а) зоологія, б) ботаника, в) минералогія, г) геологія и палеонтологія, д) агрономія, е) опытная физика и ж) химія. Дополнительный предметъ—математика. По юридич. факультету. Главные предметы: а) энциклопедія права и русское государственное право, б) исторія иностр. законодательствъ, в) право римское, г) гражданское, д) уголовное, е) полицейское, ж) финансовое, з) международное, и) политическая экономія и статистика. Дополнительные русская и всеобщая исторія и судебная медицина. По медицинскому факультету. Главные предметы: а) медицинская химія и физика, б) анатомія, в) гистологія г) физіологія, д) общая патологія, е) фармакологія, ж) спеціальная патологія и терапія, з) патологическая анатомія, и) теоретическая хирургія, і) діагностика (и электротерапія—для желающихъ), к) офтальмологія, л) женскія и дѣтскія болѣзни, м) судебная медицина (и токсикологія), н) гигіена и медицинская полиція, о) фармакогнозія и фармація. Дополнительные предметы: химія, минералогія, ботаника, зоологія и сравнительная анатомія. Для всѣхъ студентовъ богословіе (кромѣ иновѣрцовъ) и не обязательно языки: франц., нѣм., итал. и англійскій.

Преподавателей къ 1 янв. 1884 года считалось: одинъ профессоръ богословія, 39 орд. профессоровъ, 18 экстраординарныхъ, 18 доцентовъ, 4 прив.-доцента и 3 лектора. На филол. факультетѣ не занята была каѳедра по исторіи искусства, на юридич.—по исторіи славян. законо-

дательства и церковному праву. Университетскія учрежденія находились въ моментъ перехода къ новому уставу 1884 года въ такомъ положеніи (придерживаемся порядка отчета). Въ хирургической клиникѣ, находившейся тогда еще въ крайне плохомъ старомъ помѣщеніи, въ струѣ теченій ретираднаго воздуха, краснорѣчиво описанномъ въ отчетѣ, въ этой клиникѣ съ 1 дек. 1882 г. по 20 дек. 1883 г. больныхъ было 486, въ томъ числѣ 126 стаціонарныхъ, изъ которыхъ 103 (81,7%) выздоровѣло, а 17 (13,5%) умерло, при чемъ высокую смертность отчетъ объясняетъ крайней тѣснотой помѣщенія и близостью помойныхъ и выгребныхъ ямъ. Въ инструментальномъ кабинетѣ харьков. клиники состояло 1782 №№ на сумму 17798 руб. 46 к. Въ фармацевтической лабораторіи къ 1 янв. 1884 г. числилось 160 №№ въ 2772 экз. на сумму 3234 руб. 46 коп. Въ кабинетѣ гигіены состояло предметовъ 335 №№ на сумму 2289 р. 54 к. Въ кабинетѣ физической географіи 156 №№ въ 156 экз. на 3841 р. 24 к. Въ музеѣ и кабинетѣ патологической анатоміи числилось 1662 №№ въ 3678 экз. на сумму 13713 р. 37 к. Въ физическомъ кабинетѣ 703 №№ на сумму 28 тыс. рублей. Въ химической лабораторіи 2829 №№ въ количествѣ 14637 экз. на сумму 25437 руб. 52 к. Въ музеѣ физіологической анатоміи 1211 №№ въ 4737 экз. на сумму 13439 р. 95 к. Въ музеѣ изящныхъ искусствъ 12175 предметовъ на сумму 32000 р. 25 к. Въ 1883 г. копированіемъ занималось 15 челов., а посѣтителей каждое воскресенье бывало въ среднемъ около 80 лицъ. Въ маньковскомъ электролечебномъ кабинетѣ 475 №№ въ 991 экз. на сумму 4065 руб. 58 коп. Въ механическомъ кабинетѣ 138 №№ въ 159 экз. на 5936 руб. 44 к. Въ технической лабораторіи 1526 №№ въ 11711 экз. на сумму 14681 руб. 84 коп. Въ фундаментальной библіотекѣ къ 1 января 1884 года названій 50254, томовъ 94516 на 249480 руб. 95 коп., журналовъ 563 назв. въ 11840 экз. на сумму 63384 руб. 90 к., рукописей 200 на 428 р., картъ и портретовъ 2976 №№ въ 3055 экз. на 5920 руб. Въ теченіе 1883 года было выдано книгъ 5511 томовъ, въ томъ числѣ профессорамъ 2615 и студентамъ 2896 томовъ. Въ студенческомъ отдѣлѣ считалось 2583 назв. въ 3805 томовъ на сумму 7825 руб. 95 коп. Въ офталмологической клиникѣ въ 1883 году амбулаторно лѣчилось 4326 челов. съ 6556 различными болѣзнями глазъ, стаціонарно 287 чел. Въ кабинетѣ офталмологическомъ было 432 №№ на 3907 руб. Въ зоологическомъ музеѣ числилось къ 1 янв. 1884 г. 6157 №№ въ 41150 экз. на сумму 24640 руб. 68 к. Въ минералогическомъ кабинетѣ 14996 №№ въ 19574 экз. на сумму 22584 рубля. Въ агрономическомъ кабинетѣ 744 №№ въ 3286 экз. на сумму 8025 руб. 31 коп. Въ геологическомъ

кабинетѣ окаменѣлостей и горныхъ породъ 5657 №№ въ 6043 экз. на сумму 2888 руб. и книгъ 254 экз. на 2701 руб. Въ астрономическомъ кабинетѣ книгъ и инструментовъ 199 №№ на 23306 руб. 42 коп. Въ кабинетѣ общей патологіи 146 №№ въ 357 экз. на 1709 р. 13 к. Въ кабинетѣ судебной медицины 98 №№ на 239 р. Въ акушерской клиникѣ въ 1883 г. лѣчилось амбулаторно 750, стаціонарно 177, изъ которыхъ умерло 2 женщины. Въ кабинетѣ предметовъ 793 №№ въ 1057 экз. на 9212 руб. Въ ботаническомъ кабинетѣ сухихъ растеній 62439, инструментовъ 235 на 3893 руб., книгъ 870 на 6276 рублей. Въ ботаническомъ саду оранжерейныхъ растеній 11681 экз., фруктовыхъ деревьевъ 1509, кустарниковъ 12158 экз. Въ технической лабораторіи и кабинетѣ препаратовъ 1892 экз. на 1280 р., приборовъ и инструментовъ 1518 экз. на 8677 руб., книгъ и картъ 361 на 1352 руб., посуды на 1974 р. Въ терапевтической клиникѣ въ 1873 году амбулаторно 789, стаціонарно 119, изъ которыхъ умерло 20. Въ эмбріологическомъ кабинетѣ 131 №№ въ 1770 экз. на 1680 руб. Въ типографіи машинъ, шрифта и пр. на 19999 руб. Суммы университета за 1883 г. выразились въ такихъ цифрахъ:

	Остатокъ отъ 1882 года		Въ 1883 году				Остатокъ къ 1889 года	
			Приходъ		Расходъ			
	руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.
Штатныхъ	21190	21	338966	20	343587	47	16568	94
Сборъ за слушаніе лекцій и за аренду земли . . .	20546	92	30361	50	29398	88	21509	54
Пожертвованій	310087	13	23193	46	15642	65	317638	94
Переходящихъ	28259	24	23879	47	23830	73	28307	76
ВСЕГО . . .	380083	28	416400	63	412459	75	384024	18

Въ 1883 году со степенью кандидата окончило 54 чел. (9 филол., 24 матем. и 21 юристъ), со степенью дѣйствительнаго студента 14 (3 филол., 3 матем., и 8 юрист.), лѣкарей 49, уѣздныхъ врачей 47, провизоровъ 6, аптек. помощниковъ 48, повив. бабокъ 66 и дантистовъ 7; въ общемъ по ист.-фил. фак. 13, физ.-мат. 27, юридич. 30 и медиц. 223, а всего 293 удостоеній. Къ 1 янв. 1884 года было студентовъ 1076 и постороннихъ слушателей 156, всего 1232. По

факультетамъ: ист.-фил. 79, юрид. 183, физ.-матем.—а) матем. отд. 87, б) естеств. 60 и в) физ.-хим. 27, на медиц. 644. Стипендіатовъ разныхъ наименованій 130.

Университеты всегда пользовались правами ученой экспертизы въ дѣлахъ средняго образованія, и это такъ естественно, такъ понятно, что, при всѣхъ ограниченіяхъ, это участіе университета никогда вполнѣ не отрицалось и въ большей или меньшей степени, смотря по условіямъ времени, учебная администрація пользовалась имъ. Въ первые годы существованія Харьковскаго университета ему принадлежала даже ревизія среднеучебныхъ заведеній. Интересна попытка Харьковскаго университета отказаться отъ этого права, не только временно, но и впредь, за будущія поколѣнія. Предварительно была назначена коммиссія, въ составъ которой вошли профессоры Бейеръ, Н. Лавровскій, Бекетовъ, Петровъ и Сокальскій. Коммиссія, признавая гимназическихъ экзаменаторовъ, хорошо знающихъ своихъ воспитанниковъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, надежными оцѣнщиками познаній, единогласно пришла къ тому заключенію, что «для воспитанниковъ гимназій вообще нѣтъ настоятельной необходимости въ командированіи депутатовъ университета», и на этомъ основаніи коммиссія высказалась за «отмѣну профессорскихъ депутацій въ гимназіи и возстановленіе полнаго довѣрія къ этимъ заведеніямъ». Совѣтъ въ засѣданіи 7 марта 1867 г. согласился съ мнѣніемъ коммиссіи и вошелъ съ соотвѣтствующимъ представленіемъ къ высшему начальству. Доводы коммиссіи были, однако, ошибочны, и ошибочность эта произошла отъ односторонней точки зрѣнія на депутаціи, какъ на признакъ недовѣрія. Министерство народнаго просвѣщенія отказало, указавъ, между прочимъ, на одностороннюю мотивировку ходатайства. Въ засѣданіи 31 мая 1867 г. заслушано было по этому поводу слѣдующее разъясненіе министерства: «Гр. Д. А. Толстой, разсмотрѣвъ это представленіе и сообразовавъ оное съ дѣйствующими узаконеніями, какъ по университетамъ, такъ и по гимназіямъ, съ своей стороны полагаетъ, что изъясненное предположеніе вызвано въ совѣтѣ главнымъ образомъ опасеніемъ, что командированіе членовъ университета для присутствованія при экзаменахъ въ гимназіяхъ можетъ быть принимаемо сими послѣдними за признакъ недовѣрія къ нимъ. Но такое опасеніе едва ли можетъ имѣть мѣсто: контроль есть необходимая принадлежность государственнаго устройства, и чѣмъ онъ разнообразнѣе, тѣмъ дѣйствительнѣе. Въ настоящемъ случаѣ контроль университетовъ надъ гимназіями тѣмъ болѣе полезенъ, что первые получаютъ отъ вторыхъ слушателей, а сами даютъ имъ наставниковъ. Кажется, не можетъ быть сомнѣнія, что чѣмъ чаще эти на-

ставники пользуются совѣтами своихъ прежнихъ руководителей, чѣмъ ближе связь между ними, тѣмъ дѣятельность гимназическихъ преподавателей будетъ благотворнѣе; ибо профессоръ хотя и не спеціалистъ во всѣхъ наукахъ, можетъ по каждой изъ нихъ дать болѣе или менѣе полезныя наставленія, особенно относительно методы преподаванія и способа пользованія при этомъ научнымъ матеріаломъ». Далѣе объяснено, если въ уставѣ университетовъ и уставѣ гимназій не говорится прямо о профессорахъ какъ депутатахъ, то во избѣжаніе обязательнаго характера; но командированіе профессоровъ предоставлено усмотрѣнію попечителей учебнаго округа, по мѣрѣ возможности. Министръ народнаго просвѣщенія выражаетъ увѣренность, что профессоры будутъ исполнять эти порученія съ прежнимъ усердіемъ, «ибо польза изложенной мѣры подтверждается повсемѣстнымъ въ учебныхъ округахъ шестилѣтнимъ опытомъ». Характерна эта историческая ссылка въ устахъ администраціи; ссылка эта могла бы быть значительно распространена и углублена, хотя бы изъ депутатской практики Харьковскаго университета, напр., указаніемъ на приведеніе въ порядокъ минералогической коллекціи Новочеркасской гимназіи депутатомъ, профессоромъ геологіи Борисякомъ и др. т. п., если бы только факты этого ряда своевременно отмѣчались и были собираемы.

Въ 60 и 70 годы совѣтъ входилъ въ обсужденіе и утвержденіе программъ публичныхъ лекцій, что, впрочемъ, случалось рѣдко и не всегда въ пользу лекторовъ. Въ 1864 г. представилъ программу учитель орловской гимназіи Верховскій. Программа была предварительно на разсмотрѣніи юридическаго факультета, который далъ заключеніе, что программа Верховскаго представляетъ лишь одно оглавленіе предметовъ, по которому нельзя составить понятіе о духѣ и направленіи предполагаемыхъ публичныхъ лекцій. Совѣтъ постановилъ передать это заключеніе попечителю. Еще болѣе курьезное дѣло возникло въ совѣтѣ по поводу программы чиновника особыхъ порученій при воронежскомъ губернаторѣ Грабовскаго, который пожелалъ прочитать 7 публичныхъ лекцій «о мѣстномъ самоуправленіи въ Англіи». Программа была передана на разсмотрѣніе проф. Каченовскому, который нашелъ, что лекціи Грабовскаго, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, представляютъ повтореніе лекцій рецензента—самого проф. Каченовскаго; юридическій факультетъ, исходя изъ той мысли, что лекціи каждаго преподавателя составляютъ его литературную собственность, отказалъ въ одобреніи. Въ совѣтѣ мнѣнія раздѣлились. Большинство 18 голосовъ противъ семи высказалось противъ факультетскаго рѣшенія, въ пользу разрѣшенія лекцій. Проф. Коссовъ, бывшій на сторонѣ большинства, представилъ по этому поводу не со-

всѣмъ удачно мотивированное мнѣніе, въ которомъ утверждалъ, что «нѣтъ надобности въ согласіи профессора на чтеніе лекцій по его запискамъ кѣмъ-либо изъ слушателей», т. е. совершенно отрицалъ право литературной собственности на лекціи. Есть основаніе думать, что тутъ замѣшались въ дѣло личныя нерасположенія къ Каченовскому, у котораго, какъ человѣка прямолинейнаго и рѣзкаго, было въ совѣтѣ много личныхъ враговъ. Проф. Коссовъ принадлежалъ къ послѣднимъ, что̀ проскользнуло въ его замѣчаніи, что «аудиторія проф. Каченовскаго всегда переполнена слушателями», которые, какъ думалъ Коссовъ, могли уличить явный печатный плагіатъ изъ лекцій Каченовскаго. Проф. Каченовскій вскорѣ, въ 1866 г., высказался противъ командировки Коссова на парижскую выставку на казенный счетъ [1]).

Въ 1865 г. совѣтъ разрѣшилъ чтеніе публичныхъ лекцій по физикѣ проф. Морозову, о Ломоносовѣ проф. Н. Л. Лавровскому, въ 1866 г. проф. Каченовскому о судебныхъ учрежденіяхъ и др. [2]). Забота о распространеніи просвѣщенія въ обществѣ никогда не покидала харьковскую профессуру и выражалась, въ зависимости отъ обстоятельствъ, въ разныхъ формахъ. Еще 24 февр. 1861 г. харьковскій университетъ возбудилъ передъ министерствомъ ходатайство о допущеніи женщинъ къ слушанію лекцій. Отказъ былъ полученъ лишь въ 1863 году и заслушанъ въ засѣданіи совѣта 21 авг. 1863 г. Почти постоянно шли публичныя лекціи по технологіи, химіи и практической механикѣ, согласно съ предложеніемъ министерства народнаго просвѣщенія отъ 31 марта 1838 г., съ ассигновкой вознагражденія профессорамъ, читающимъ эти лекціи, изъ государственнаго казначейства. Въ 60-хъ годахъ лекціи эти читались по механикѣ—Алексѣевымъ, по технологіи Яцуковичемъ и по химіи Гарницкимъ [3]). На эти лекціи всегда допускались и женщины. Въ 1881 г. проф. Надлеръ прочелъ 12 публичныхъ лекцій по новой исторіи въ пользу общества грамотности. Съ 1873 г. многократно возникали проекты университетскихъ изданій, или въ видѣ записокъ, или др. спеціальныхъ и общихъ [4]), большей частью не осуществленные по недостатку средствъ, такъ какъ министерство отказывало въ дополнительномъ кредитѣ въ 500 р., и по другимъ независящимъ отъ университета обстоятельствамъ. Въ 60-хъ годахъ подъ редакціей проф. богословія В. И. Добротворскаго выходилъ «Духовный Вѣстникъ». Журналъ печатался съ 1862 г. въ университетской типо-

---

[1]) Протоколы засѣд. сов. 1864 г. мая 5 и окт. 20.

[2]) Проток. сов. 1865 г. марта 3, авг. 17, 1866 г. дек. 13, марта 8.

[3]) Проток. засѣд. сов. 4 ноябр. 1869 г.

[4]) Проток. сов. 1873 г. апр. 19, Отчетъ 1881 г. стр. 58—59.

графіи, безъ субсидіи, по подпискѣ, и въ 1867 году прекратился, по недостатку средствъ, при чемъ совѣтъ сложилъ 300 руб. недоимки, признавъ полный недостатокъ средствъ для продолженія изданія[1]). Журналъ былъ содержательный, серьезный, строго научный; статьи печатались съ выборомъ. Тутъ нашли себѣ мѣсто нѣкоторыя изслѣдованія проф. Ник. Лавровскаго, напр., цѣнная для того времени его статья объ апокрифической литературѣ. Были затѣмъ разработанные проекты изданія церковно-общественнаго журнала подъ редак. проф. А. С. Лебедева, большой политической газеты подъ редакціей проф. Г. М. Цѣхановецкаго; но проекты эти не осуществились. Не имѣя возможности создать самостоятельнаго печатнаго органа, профессоры отдавали часть своего труда мѣстнымъ періодическимъ изданіямъ, сначала Губернскимъ Вѣдомостямъ, насколько это было возможно при узкомъ характерѣ этого оффиціальнаго органа и его руководителей изъ чиновниковъ канцеляріи губернатора. Въ концѣ 70 годовъ издавалась частная, маленькая и, какъ впослѣдствіи выяснилось, очень плохая газета «Харьковъ», подъ редакціей нѣкоего Сталинскаго. Она нашла поддержку въ профессорахъ, давшихъ ей безъ гонорара много статей, между прочимъ, большія статьи покойнаго профессора Каченовскаго по исторіи искусства, которыми редакція, въ лицѣ Сталинскаго, пользовалась крайне небрежно, печатая съ пропусками и опечатками. Въ 1881 г. возникла большая ежедневная газета «Южный Край», при чемъ издателемъ ея А. А. Іозефовичемъ въ редакторы были приглашены профессоры А. Н. Стояновъ, въ роли главнаго редактора, и Л. Е. Владиміровъ, въ роли его помощника. Цензоромъ одно время былъ бывшій ректоръ А. И. Палюмбецкій. Такъ продолжалось около двухъ лѣтъ, и «Южный Край» за это время можетъ служить довольно вѣрнымъ отраженіемъ главныхъ университетскихъ теченій и образа мыслей выдающихся профессоровъ того времени. Тутъ было напечатано множество профессорскихъ статей, не считая редакторскихъ, передовыхъ, были статьи и замѣтки профессоровъ Потебни, Морозова, Кирпичникова, Дринова, Надлера, Петрова и мн. др. Въ началѣ 80-хъ годовъ выходили небольшой журнальчикъ, литературный и общественный, «Міръ», редакторомъ котораго былъ проф. А. П. Шимковъ, и бойкій содержательный «Статистическій Листокъ» подъ ред. проф. И. П. Сокальскаго. Перу Сокальскаго принадлежитъ здѣсь много статей, изъ которыхъ весьма цѣнной для исторіи Харьковщины представляется обширная его статья «Куда идемъ».

---

[1]) Проток. сов. 1868 г. авг. 16.

Во многихъ случаяхъ профессоры харьковскаго университета и совѣтъ входили въ обсужденіе практическихъ вопросовъ мѣстнаго характера. Такъ, профессоры Борисякъ и Бекетовъ въ 1864 г. изучали свойства находящихся въ 17 верстахъ отъ Харькова Березовскихъ минеральныхъ водъ, которыя одно время, было, прошумѣли—въ 80-хъ годахъ,—но затѣмъ были заброшены. Проф. Е. Гордѣенко изучалъ славянскія минеральныя воды и одинъ изъ первыхъ далъ имъ химическій анализъ. Проф. Борисякъ лѣтомъ 1864 г., во время командировки въ Новочеркасскъ въ положеніи депутата учебнаго округа, привелъ въ порядокъ гимназическій минералогическій кабинетъ, а проф. Коссовъ командировкой въ Курскъ воспользовался для осмотра мѣстныхъ заводовъ. Въ 1865 г. (18 дек.) совѣтъ утвердилъ выработанныя медицинскимъ факультетомъ мѣры предосторожности отъ холеры. Въ 1864 г. профессоры Леваковскій и Борисякъ собирались издавать сборникъ матеріаловъ по геологіи южной Россіи. Совѣтъ въ засѣданіи 3 ноября далъ свое одобреніе. Въ 1876 г. профессоры Крыловъ и Станкевичъ входили въ изученіе трихинознаго мяса (засѣд. 24 марта). При устройствѣ водопровода, запрашивались отзывы и мнѣнія профессоровъ—Леваковскаго, Гурова. Въ дѣлѣ учрежденія новыхъ средне-учебныхъ заведеній, въ дѣлѣ открытія и развитія общества грамотности и другихъ харьковскихъ общественныхъ просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учрежденій профессоры харьковскаго университета играли большую роль. Изъ университетской среды выходила инициатива и отсюда же шла главная поддержка въ общественныхъ предпріятіяхъ въ интересахъ общаго блага.

Въ періодъ времени дѣйствія устава 1863 г. при университетѣ возникъ рядъ ученыхъ обществъ, содѣйствовавшихъ привлеченію къ ученымъ интересамъ мѣстнаго образованнаго общества. Старѣйшее изъ этихъ обществъ—общество испытателей природы, затѣмъ, по времени открытія, идутъ—общество опытныхъ наукъ, общество историко-филологическое и общество математическое. Сверхъ того, при университетѣ уже дѣйствовало въ это время общество пособія нуждающимся студентамъ. Краткіе отчеты ученыхъ обществъ печатались при университетскихъ отчетахъ. Въ дѣлѣ сближенія съ обществомъ и изученія мѣстныхъ условій эти общества сдѣлали много, какъ показываютъ ихъ отчеты, въ частности, отчеты о 25 лѣтней дѣятельности историко-филологическаго общества, изданные въ XIV т. Сборника ист.-филол. общ. 1904 г. Общество опытныхъ наукъ раздѣляется на двѣ секціи: а) физико-химическую и б) медицинскую. Въ 1882 г. былъ утвержденъ уставъ эпидеміологическаго общества при И. Харьк.

университетѣ, цѣлью котораго поставлено изученіе инфекціонныхъ и паразитныхъ болѣзней. Уставъ этотъ напечатанъ въ Запискахъ Имп. Харьк. Унив. 1882 г. кн. I.

Университетъ всегда вызывалъ въ мѣстномъ обществѣ, особенно среди профессоровъ и питомцевъ, готовность послужить ему, въ видѣ пожертвованій на стипендіи, пожертвованій книгами, коллекціями картинъ. Въ особенности выдаются въ этомъ отношеніи цѣнныя и многократныя приношенія И. Е. Бецкаго [1]). Еще въ 1857 г. Бецкій пожертвовалъ 170 картинъ, въ 1858 г. опять 373 картины, въ 1867 г. снова пять картинъ, большей частью старинныхъ художниковъ; картины пріобрѣтались въ Италіи, и, жертвуя ихъ университету, Бецкій живо интересовался вопросомъ о томъ, какъ ими пользуются въ Харьковѣ, и спрашивалъ объ этомъ университетъ [2]). 17 ноября 1864 г. совѣтъ заслушалъ заявленіе Дм. Андр. Донца-Захаржевскаго о готовности его пожертвовать университету коллекцію насѣкомыхъ въ 20 тыс. экз. [3]). Въ 1873 году музей изящныхъ искусствъ обогатился большимъ художественнымъ собраніемъ, пожертвованнымъ по завѣщанію умершимъ въ Боннѣ любителемъ искусствъ А. Н. Алферовымъ, бывшимъ студентомъ харьковскаго университета. Собраніе это, оцѣненное за границей въ 13,000 талеровъ, состоитъ изъ 50 картинъ, писанныхъ масляными красками, 4 папокъ съ 316 акварелями и рисунками XVIII и XIX ст., обширнаго собранія (до 800) гравюръ, старыхъ и новыхъ, и изъ библіотеки Алферова болѣе 500 назв. книгъ, изъ которыхъ около 200 относится къ искусству. Картины описаны въ каталогѣ, составленномъ хранителемъ музея Гр. Серг. Чириковымъ. Въ 1879 г. поступилъ въ харьковскій университетъ архивъ бывшей малороссійской коллегіи, заключающій въ себѣ до 30 тыс. дѣлъ XVII и XVIII ст., важный для внутренней исторіи южно-русскаго края. Вопросъ о перенесеніи этого архива изъ Чернигова, гдѣ онъ хранился при губернскомъ правленіи, въ Харьковъ былъ поднятъ П. С. Ефименкомъ въ засѣданіи харьковскаго историко-филологическаго общества 19 сент. 1879 г. Общество вошло съ просьбой въ совѣтъ, который и возбудилъ соотвѣтствующее ходатайство, при чемъ общество на перевозку архива ассигновало почти всѣ свои наличныя средства—245 р. При ближайшемъ участіи Ефименка и Потебни архивъ былъ доставленъ въ Харьковъ въ 80 тюкахъ, въ общей сложности до 600 пудовъ вѣса, и постепенно былъ разобранъ и описанъ. Подъ названіемъ Истори-

[1]) Подроб. въ ст. проф. Е. К. Рѣдина: «И. Е. Бецкій».

[2]) Дѣло арх. м. н. пр. 1868 № 145112/3149.

[3]) Проток. сов. 1864 г. ноября 17.

ческаго архива онъ составилъ цѣнное достояніе университета и съ теченіемъ времени обогатился многими приращеніями. Богатымъ матеріаломъ Историческаго архива пользовались многіе ученые, мѣстные и иногородные, преимущественно проф. Багалѣй, Плохинскій, Альбовскій, П. Ефименко, Радакова. Въ 1863 г. проживавшій за границей по болѣзни проф. Калениченко писалъ совѣту: «Будучи вполнѣ обязанъ харьковскому университету за мое образованіе и то благосостояніе, которымъ я нынѣ пользуюсь, я сохраню это высокое чувство моей глубокой благодарности на всю мою жизнь и буду считать себя вполнѣ счастливымъ за тѣ пріятныя впечатлѣнія, которыя меня не покидали въ теченіе всей моей университетской жизни. Въ это лучшее время моей дѣятельности и научныхъ занятій я составилъ довольно порядочную библіотеку по медицинскимъ и естественнымъ наукамъ. Все это мое научное сокровище приношу на пользу университета. Если между моими книгами окажутся сочиненія, уже имѣющіяся въ университетской библіотекѣ, то прошу обратить ихъ въ пользу студенческой библіотеки. Если возвращусь въ Харьковъ, по возстановленіи здоровья, буду имѣть честь лично всѣ книги препроводить въ университетъ; если же я останусь на вѣчныя времена на французской почвѣ, то мои наслѣдники исполнятъ мое задушевное желаніе. Моя библіотека, по счетамъ мнѣ, стоитъ болѣе 7000 руб.» (Проток. засѣд. сов. 3 дек. 1863 г.). Книги поступили въ библіотеку и расписаны были по соотвѣтствующимъ отдѣламъ. Въ 1864 г. б. профессоръ харьковскаго университета Свиридовъ обратился въ совѣтъ съ письмомъ такого содержанія. «Полный глубокой признательности къ университету, въ которомъ я получилъ окончательное образованіе и въ которомъ потомъ былъ профессоромъ, приношу въ даръ для библіотеки онаго 458 экз. медицинскихъ книгъ. Если нѣкоторыя изъ нихъ окажутся дублетами, то покорнѣйше прошу передать ихъ въ будущій Одесскій университетъ». По осмотрѣ, дублетовъ оказалось 409. 49 названій поступило въ библіотеку Харьк. университета [1]). И многіе другіе профессоры дѣлали посильныя пожертвованія, напр.: Рославскій-Петровскій собралъ свои статьи и подарилъ ихъ университетской библіотекѣ, Борисякъ дѣлалъ приношенія по геологіи и ботаникѣ, Черняевъ по ботаникѣ и т. д.

Въ исторіи университетовъ въ періодъ дѣйствія устава 1863 г. нельзя умолчать о враждѣ партій и о главныхъ ихъ представителяхъ, такъ какъ многое освѣщается отъ разъясненія этой стороны старой университетской жизни. Вражда партій была оборотной стороной по-

[1]) Проток. 2 сент. 1864 г.

лусвободнаго стараго университета; она портила характеры, подрывала физическія силы и по временамъ приводила къ рѣшеніямъ, не согласованнымъ съ интересами учрежденія. Въ 60-ые годы совѣтъ былъ наполненъ явной и тайной враждой Д. И. Каченовскаго и П. А. Лавровскаго. Оба борца, нынѣ покойные, были сильные люди и по глубинѣ ума, широтѣ образованія и діалектической ловкости не уступали другъ другу. Каченовскій былъ крайній западникъ. Лавровскій склонялся нѣсколько къ славянофильству, но славянофиломъ не былъ. На сторонѣ Каченовскаго было болѣе идеализма; онъ ближе стоялъ къ прогрессивнымъ теченіямъ того времени, и потому университетскія традиціи болѣе склонялись на его сторону; но, въ интересахъ справедливости, нужно отмѣтить, что онъ былъ часто рѣзокъ, что наступленіе исходило большей частью съ его стороны и примѣнялось иногда безъ достаточнаго основанія, или переносилось съ личности на ни въ чемъ неповинные предметы университетскаго преподаванія, какъ было, напр., въ ожесточенныхъ спорахъ о введеніи въ магистерскій экзаменъ по русской исторіи требованій по исторіи славянства. Удары Каченовскаго иногда были мѣтки. Такъ было, напр., при избраніи Надлера въ засѣданіи совѣта 20 октября 1864 г. въ доценты университета по каѳедрѣ всеобщей исторіи. В. К. Надлеръ былъ женатъ на родственницѣ бр. Лавровскихъ, при чемъ во время баллотировки въ факультетѣ въ числѣ четырехъ его членовъ присутствовали оба брата Лавровскіе. Послѣ выбора Надлера въ совѣтѣ Каченовскій представилъ въ засѣданіе совѣта 20 октября мотивированное мнѣніе о необходимости устраненія изъ университета всего того, что могло бы вызывать подозрѣніе въ непотизмѣ и вызывать въ обществѣ нареканія. Находя въ отношеніи къ Надлеру всѣ формальности избранія соблюденными, Каченовскій высказалъ сожалѣніе, что рецензія на диссертацію Надлера написана «доцентомъ филологіи» (имя рецензента Потебни вездѣ умолчано), а не спеціалистомъ по предмету, напр., Петровымъ или Рославскимъ-Петровскимъ. Въ заключеніе своего мнѣнія Каченовскій говоритъ: «Читая диссертацію, я не нашелъ въ ней именно тѣхъ качествъ, на которыя указываетъ здѣшній рецензентъ. Самое содержаніе книги показалось мнѣ скорѣе богословскимъ, чѣмъ историческимъ. По духу она напомнила мнѣ памфлеты, написанныя во времена, давно прошедшія, когда ученые поддерживали еще перомъ религіозную и національную вражду человѣческихъ обществъ. Смѣю думать, что и Надлеръ пользовался односторонними указаніями на литературныя пособія: иначе онъ навѣрное высказалъ бы больше терпимости къ другимъ народамъ, больше безпристрастія въ оцѣнкѣ эпохи и главныхъ лицъ, больше осторожности и правильности въ су-

жденіяхъ объ учрежденіяхъ въ Западной Европѣ. Безъ этихъ качествъ трудно сдѣлаться историкомъ, равно какъ и безъ умственной свободы. Я могъ бы привести доказательства и мѣста изъ диссертаціи въ пользу моего отзыва, но, строго слѣдуя примѣру здѣшняго рецензента, воздерживаюсь отъ того, отъ чего онъ удержался. Кажется, наши отзывы въ этомъ дѣлѣ имѣютъ слабый авторитетъ: между юристами попадается очень мало историковъ; между филологами—не больше». Мнѣніе Каченовскаго многихъ задѣвало. Съ большимъ, въ 18 печатныхъ страницъ, возраженіемъ выступилъ проф. Н. А. Лавровскій. Онъ здѣсь доказываетъ не только возможность, но и обязанность, по присягѣ и по закону, участвовать въ дѣлахъ, связанныхъ съ избраніемъ родственниковъ; пытается также доказать, что Надлеръ вполнѣ правильно выдвинулъ церковно-историческій элементъ и находитъ, что терминъ богословскій неумѣстенъ. И въ факультетѣ П. А. Лавровскій былъ грозной силой. Такъ, онъ не пропустилъ первой докторской диссертаціи Потебни о миѳическихъ обрядахъ. Въ чтеніяхъ моск. общ. ист. и древ. рос. онъ помѣстилъ весьма обширную и суровую рецензію, что̀ стояло въ прямомъ противорѣчіи съ тѣмъ сочувствіемъ и съ той серьезной поддержкой, какія обнаружилъ Лавровскій при вступленіи Потебни на ученое поприще и при разборѣ его магистерской диссертаціи о символахъ. Тотъ же П. А. Лавровскій въ засѣданіи совѣта 10 октября 1868 г. далъ очень суровый отзывъ о сборникѣ историческихъ статей проф. Петрова, какъ о легкихъ компиляціяхъ, которыя не заходятъ далѣе одного, много двухъ иностранныхъ сочиненій. Лавровскій находилъ перепечатку ихъ на казенный счетъ, о чемъ просилъ Петровъ, совсѣмъ безполезной и ненужной. Суровость эта объясняется отчасти тѣмъ, что Петровъ перешелъ на сторону Каченовскаго, который и вмѣшался въ это дѣло, указавъ въ особомъ письменномъ заявленіи на то, что проф. Лавровскій недавно, въ 1863 г., просилъ университетъ выдать ему пособіе на оттиски его сочиненія о св. Кириллѣ и Меѳодіи. Въ обширномъ разъясненіи, представленномъ въ совѣтъ 3 декабря 1868 г., Лавровскій опровергалъ выдвинутую Каченовскимъ аналогію, съ рѣзкими замѣчаніями по адресу какъ Петрова, такъ и Каченовскаго. Вообще, борьба въ совѣтѣ между Каченовскимъ и П. Лавровскимъ проходитъ красной нитью въ дѣлахъ совѣта въ 60-ые годы. Въ 70-ые годы ожесточенная борьба шла между медицинскимъ факультетомъ и его членомъ проф. Кремянскимъ и былъ даже поднятъ вопросъ объ удаленіи послѣдняго ради успокоенія университета, въ пользу чего высказался и попечитель Максимовскій. Въ медицинскомъ факультетѣ въ 1868 г. возникло громкое дѣло о профессорѣ Н. Л. Залѣсскомъ, по вопросу о подготовленности

его къ преподаванію гигіены, медицинской полиціи и токсикологіи. Медицинскій факультетъ раздѣлился на двѣ равныя части. Одна часть, съ проф. Хронщевскимъ во главѣ, утверждала, что Залѣсскій можетъ съ успѣхомъ преподавать всѣ эти предметы. Другая, съ проф. Грубе и проф. Питра I во главѣ, стояли за раздѣленіе предметовъ и порученіе Залѣсскому преподаванія лишь одной токсикологіи, къ которой онъ спеціально готовился за границей. Два главныхъ противника — Хронщевскій и Грубе—оба люди сильные въ наукѣ—представили письменные отзывы. Кромѣ того, въ пользу д-ра Залѣсскаго письменно высказались профессоры Бекетовъ, Лашкевичъ, Сокальскій и Лазаревичъ. II Хронщевскій, и Грубе одинаково ссылались на авторитетъ Вирхова. Въ запискахъ того и другого, приложенныхъ къ протоколамъ совѣта 6 и 20 февраля 1868 г., находятся цѣнныя данныя, какъ для біографіи этихъ выдающихся профессоровъ, такъ и для характеристики положенія медицинской науки того времени въ университетахъ вообще, въ русскихъ—въ особенности. Историко-филологическій факультетъ въ началѣ 1880-хъ годовъ, т. е. наканунѣ введенія устава 1884 г., дѣлился на двѣ почти равномѣрныхъ по числу членовъ партіи, что вредно отражалось на ходѣ дѣлъ, въ особенности на положеніи доцентовъ, которое опредѣлялось иногда соображеніями и опасеніями партійнаго характера, и для однихъ отражалось въ неожиданныхъ щедротахъ, для другихъ—въ прямомъ гоненіи. На одной сторонѣ, сравнительно болѣе молодой, былъ научный авторитетъ, на другой—состоявшей большей частью изъ старыхъ профессоровъ—численное превосходство, внѣшняя административная поддержка и дипломатическая ловкость руководителя декана. Вражда университетскихъ партій и отдѣльныхъ лицъ иногда выходила за предѣлы университета на страницы печати, мѣстной и столичной, напр., въ видѣ корреспонденціи проф. Даневскаго, полемики между проф. Дриновымъ и проф. Надлеромъ по болгарскому вопросу и т. д.

3-я глава.

Студенты. Инспекція.

Уставъ 1863 года, дававшій большія права совѣту, въ то же время сильно урѣзывалъ студенчество. Ранними уставами (1804 и 1835 годовъ) не запрещались ни студенческія ассоціаціи, ни особенныя

студенческія библіотеки, читальни, вспомогательныя и ссудныя кассы и т. п. учрежденія. Все это категорически вычеркивалось уставомъ 1863 г. и министерскимъ разъясненіемъ того же года. Въ харьковскомъ университетѣ были студенческая библіотека, находившаяся съ 1860 г. съ разрѣшенія попечителя Д. С. Левшина въ завѣдываніи самихъ студентовъ, и студенческая касса. Въ библіотекѣ, ко времени ея закрытія и передачи въ фундаментальную библіотеку, было до 2245 названій, въ кассѣ—358 р. 77 к. Харьковскіе студенты возбудили ходатайство объ открытіи библіотеки и кассы внѣ университета, подъ вѣдѣніемъ гражданскаго начальства. Министерство внутреннихъ дѣлъ отказало; но министерство народнаго просвѣщенія, въ лицѣ министра А. В. Головнина, высказало по этому поводу особое мнѣніе. Головнинъ въ своемъ отношеніи къ министру внутреннихъ дѣлъ Валуеву находилъ, что уставъ 1863 г. «не имѣлъ въ виду безусловнаго запрещенія вспомогательныхъ кассъ, но и не признавалъ возможнымъ наложить на профессоровъ обязанность наблюденія за оными.... Обязанность эта слишкомъ отвлекала бы профессоровъ отъ ихъ ученыхъ занятій». По мнѣнію Головнина, студенческія кассы, читальни и библіотеки приносятъ извѣстную долю пользы, пока не отклоняются отъ своего прямого назначенія; при этомъ министръ ссылается на Высочайше утвержденныя 21 февр. 1834 г. правила для студентовъ Дерптскаго университета, гдѣ прямо выражено дозволеніе студентамъ соединяться въ частныя отдѣльныя общества, имѣющія цѣлью умственныя занятія и пріятное препровожденіе времени, и допущеніе ихъ по уставу 1863 года министръ считалъ возможнымъ въ помѣщеніи университета, при согласіи совѣта и попечителя. «Что касается до мысли, говоритъ Головнинъ, чтобы воспользоваться настоящимъ вопросомъ, возбужденнымъ харьковскими студентами, чтобы воспретить теперь же образованіе вспомогательныхъ студенческихъ кассъ и во всѣхъ другихъ университетскихъ городахъ, то я не думаю, чтобы эта мѣра была справедлива и полезна. Если по существующимъ постановленіямъ учрежденіе такихъ кассъ дозволяется чиновникамъ, купцамъ и ремесленникамъ, то почему же оно должно быть безусловно запрещено студентамъ, которые не менѣе другихъ лицъ въ нихъ нуждаются. Студенческія вспомогательныя кассы, говоритъ далѣе министръ, сами по себѣ не только не вредны, но несомнѣнно полезны, если не отклоняются отъ прямой своей цѣли. Вредъ происходитъ не отъ кассъ, а отъ употребленія ихъ во зло». По поводу мнѣнія Валуева, что вспомогательныя кассы могутъ вести къ студенческимъ ассоціаціямъ, Головнинъ замѣчаетъ, что подобныхъ ассоціацій избѣжать невозможно. Тамъ, гдѣ находится нѣсколько сотъ

молодыхъ людей, замѣчаетъ министръ, одинаковаго возраста, преданныхъ одинаковымъ занятіямъ и ведущихъ одинаковый образъ жизни, необходимо является между ними нѣкоторая общность интересовъ и убѣжденій и образуются болѣе или менѣе тѣсные кружки или ассоціаціи. Запрещеніе ассоціацій и всего, что служитъ къ нимъ поводомъ, не можетъ ихъ устранить. Слѣдствіемъ запрещеній большей частью бываетъ то, что ассоціаціи изъ явныхъ, открытыхъ для контроля общественнаго мнѣнія и доступныхъ надзору, превращаются въ тайныя, пріобрѣтаютъ черезъ это особенную привлекательную силу для молодыхъ людей и, благодаря окружающему ихъ мраку, могутъ безпрепятственно развиваться въ предосудительномъ и даже преступномъ направленіи»[1]). Въ практическомъ приложеніи къ Харьковскому университету вопросъ о студенческихъ учрежденіяхъ былъ разрѣшенъ отрицательно, и не дано было имъ мѣста ни въ университетѣ, ни внѣ его.

Заботы совѣта простирались и на поступающихъ въ университетъ, въ интересахъ ихъ ученой подготовки, иногда въ интересахъ справедливости, предъявленія имъ одинаковыхъ требованій. Въ 70-хъ годахъ окончившіе курсъ въ гимназіяхъ должны были при поступленіи въ университетъ подвергаться дополнительнымъ испытаніямъ по нѣкоторымъ предметамъ. Между тѣмъ, совѣтъ въ засѣданіи 6 октября 1870 г., по просьбѣ проф. В. И. Шерцля, согласился принять въ число студентовъ Харьковскаго университета его меньшого брата Ричарда Шерцля на основаніи австрійскаго гимназическаго аттестата зрѣлости. Проф. Шимковъ, Качановскій, Сокальскій и Стояновъ подали возраженіе, въ которомъ указывали, что если для западныхъ славянъ дѣлать такую льготу, то почему же подвергать тогда дополнительному испытанію русскихъ гимназистовъ. Если даже допустить, говорилось въ этомъ заявленіи, что всѣ западные славяне изучаютъ русскій языкъ съ необыкновенною легкостью и быстротою, то во всякомъ случаѣ они не проходятъ въ австрійскихъ гимназіяхъ русской литературы, русской исторіи и русской географіи въ томъ видѣ и объемѣ, въ какомъ эти предметы читаются въ нашихъ гимназіяхъ».

Въ 1870 г., 3 марта, совѣтъ входилъ въ обсужденіе вопроса объ обязательности посѣщенія лекцій для студентовъ. «Сознавая всю важность этого вопроса, говорится по этому поводу въ протоколѣ, большинство членовъ совѣта, по внимательномъ и всестороннемъ его обсужденіи, признало не соотвѣтствующими назначенію университета и крайне неудобными на практикѣ всякія принудительныя мѣры къ посѣщенію

[1]) Дѣло арх. м. н. п. 1863. № $^{140780}/_{3303}$.

студентами лекцій». Главная и основная причина, заставляющая студентовъ посѣщать лекціи, состоитъ въ томъ, что они смотрятъ на лекціи какъ на источникъ иногда незамѣнимыхъ знаній, пріобрѣтеніе которыхъ необходимо для полученія выпускного свидѣтельства, и, слѣдовательно, имѣютъ достаточно побужденій бывать на лекціяхъ, такъ что дисциплинарныя взысканія не могутъ поднять лекцій, какъ видно на примѣрѣ западноевропейскихъ университетовъ, видно отчасти изъ неудачныхъ опытовъ въ русскихъ университетахъ. Стѣснительныя правила поставили бы совѣтъ въ ложное положеніе, при невозможности исполнять ихъ въ точности. Мнѣніе большинства сопровождалось приложеніемъ правилъ въ 7 §§, въ которыхъ приводятся положенія, что преподаватели обязаны изложить въ своихъ лекціяхъ полный курсъ, въ объемѣ утвержденныхъ факультетомъ программъ, а студенты выдержать по нимъ положенныя испытанія. Большинство состояло изъ проф. Деллена, который, повидимому, былъ главнымъ редакторомъ этого мнѣнія, и Кремянскаго, Лашкевича, Лебедева, Стоянова, Степанова, Шимкова, Вагнера, Гарницкаго, Лазаревича, Питра 2, Масловскаго, Бекетова, Лямбль, Грубе, Каченовскаго, Щелкова и Черная. Меньшинство, состоявшее изъ Надлера, Тихоновича, Федоренка, Станкевича, Лавровскаго, Палюмбецкаго и Кочетова, соглашаясь съ большинствомъ о безполезности въ данномъ случаѣ примѣненія принудительныхъ мѣръ и указывая на то, что посѣщеніе лекцій и успѣшность студентовъ стали значительно выше послѣ отмѣны переклички студентовъ, находило въ то же время, что, по смыслу устава, посѣщеніе лекцій составляетъ обязанность студентовъ. Меньшинство находило совершенно неудобнымъ и неосновательнымъ, чтобы студенты смотрѣли на посѣщеніе лекцій лишь какъ на свое право, не связывая его съ обязанностями, и желало прямого указанія и внесенія въ правила, что посѣщеніе лекцій обязательно, а для стипендіатовъ должно служить непремѣннымъ условіемъ для полученія стипендіи.

Въ засѣданіи совѣта 21 апрѣля 1870 г. дебатировался интересный вопросъ о студенческихъ бракахъ. Возникъ онъ по иниціативѣ новороссійскаго университета, который большинствомъ 11 противъ 6 голосовъ, высказался за недозволеніе, и переданъ былъ министерствомъ въ другіе университеты для отзывовъ. Большинство профессоровъ новороссійскаго университета находило, что университетъ долженъ опекать молодежь и не допускать браковъ студентовъ, на томъ основаніи, что семейная жизнь мѣшаетъ студентамъ заниматься науками, отягощаетъ ихъ матеріальное положеніе и затрудняетъ надзоръ за ними. Постановленіе совѣта харьковскаго университета гораздо проще и раціональнѣе.

Выражено оно въ протоколѣ такъ: «При обсужденіи настоящаго предложенія совѣтъ принялъ во вниманіе: 1) что нѣтъ закона, который запрещалъ бы принимать въ число студентовъ лицъ женатыхъ, и что поэтому брачное состояніе легально не можетъ быть признано несовмѣстнымъ съ званіемъ студента; 2) что студенты не состоятъ на службѣ при университетѣ, а потому вступленіе ихъ въ бракъ не требуетъ разрѣшенія со стороны университетскаго начальства; 3) что если есть примѣры того, что лица, рано вступившія въ бракъ, дѣлаются жертвою разныхъ житейскихъ неудобствъ и лишеній, то гораздо болѣе встрѣчается примѣровъ гибели молодыхъ людей вслѣдствіе безпорядочной холостой жизни и вступленія въ связи, не дозволенныя ни закономъ, ни церковью; 4) что университетъ не есть закрытое воспитательное заведеніе, и студенты внѣ своихъ отношеній къ университету подчинены общимъ установленіямъ, и что поэтому не можетъ быть рѣчи объ отвѣтственности университета предъ родителями ихъ и предъ обществомъ за вступленіе студентовъ въ законный бракъ. На основаніи всего этого совѣтъ рѣшилъ, что вступленіе студентовъ въ бракъ не касается ихъ отношеній къ университету, не подлежитъ вѣдѣнію университетскаго начальства и нѣтъ никакого законнаго основанія лишать стипендіи женатыхъ студентовъ. Относительно надзора совѣтъ также не хотѣлъ, чтобы женатые студенты не могли быть подчиняемы тѣмъ же правиламъ объ обязанностяхъ учащихся и о порядкѣ въ университетѣ, которыя указаны въ § 42 университетскаго устава, и которымъ должны подчиняться всѣ студенты безразлично.

Вопросы объ усиленіи занятій студентовъ, привлеченіи ихъ къ лекціямъ и въ особенности къ практическимъ занятіямъ постоянно занимали совѣтъ, факультеты и въ особенности министерство народнаго просвѣщенія. Министерство настойчиво рекомендовало и требовало усиленія практическихъ занятій и заставляло совѣты входить въ подробное обсужденіе наилучшей ихъ постановки; красной нитью въ этихъ требованіяхъ проходятъ не собственно научныя, а чисто дисциплинарныя начала и, главное, въ сторонѣ остается всегда самое существенное и совершенно необходимое въ дѣлѣ подъема занятій студентовъ—увеличеніе ассигновокъ на расширеніе университетскихъ зданій, увеличеніе числа аудиторій, на лабораторіи, музеи, библіотеку, вообще учебно-вспомогательныя средства. Совѣтъ постоянно обращался къ этимъ способамъ и настоятельно просилъ объ ихъ осуществленіи, но разъ дѣло касалось увеличенія средствъ,—то ходатайства, просьбы, проекты или оставались безъ отвѣта, или передаваемы были на разсмотрѣніе всѣхъ другихъ университетовъ, разныхъ коммиссій, и вмѣсто скорѣй-

шаго и радикальнаго улучшенія дѣла получались лишь новыя напоминанія, имѣвшія иногда характеръ укора профессорамъ, въ томъ, очевидно, предположеніи, что профессоры независимо отъ помѣщенія, книгъ, приборовъ и всего прочаго, какъ-то могутъ и должны заполнить студентами всѣ аудиторіи и кабинеты, и, не допуская у нихъ излишне свободнаго времени, занять ихъ всѣхъ въ работахъ практическаго характера. Такое воззрѣніе на обязанности профессора, по мѣстнымъ харьковскимъ условіямъ вполнѣ невыполнимыя, создавало для мѣстной профессуры безвыходно тяжелое положеніе.

Крупнымъ недостаткомъ устава 1863 г. было полное отрицаніе студенческихъ корпорацій, немедленно подчеркнутое въ министерскихъ предписаніяхъ и съ чрезвычайной настойчивостью проводимое во всѣ послѣдующіе годы, безъ исключеній хотя бы въ пользу практическихъ занятій. 18 іюня 1863 г. состоялось утвержденіе устава, и черезъ мѣсяцъ, 20 іюля, послѣдовало циркулярное предложеніе министра народнаго просвѣщенія, въ которомъ находится обязательное предложеніе, чтобы студенты безусловно считались отдѣльными посѣтителями университета, съ запрещеніемъ не только сходокъ или адресовъ, но и театральныхъ представленій, концертовъ, даже курительныхъ комнатъ[1]), при чемъ при словѣ «курительныхъ комнатъ» стоитъ «и т. д.», т. е. понятіе корпоративности расширяется до безконечности. При такомъ взглядѣ на корпоративность естественно отпадаютъ многія формы практическихъ занятій, напримѣръ, ботаническія экскурсіи являются въ сущности преступными «сборищами». А между тѣмъ именно въ это время, въ 1863 г., одинъ изъ лучшихъ профессоровъ харьковскаго университета—Черняевъ—вошелъ въ совѣтъ съ проектомъ введенія практической прикладной ботаники въ видѣ экскурсій студентовъ подъ руководствомъ профессора.

Какъ харьковскій университетъ серьезно отнесся къ вопросу о привлеченіи студентовъ къ практическимъ работамъ, видно изъ того, что уже въ 1864 году имъ съ одобренія попечителя округа и министерства народнаго просвѣщенія, издано было положеніе о контролѣ[2]), 2 § котораго гласилъ: Практическія занятія студентовъ могутъ состоять: а) въ устномъ изложеніи извѣстныхъ предметовъ науки, приготовленномъ по указаннымъ преподавателемъ руководствамъ; б) въ письменномъ рѣшеніи предложенныхъ преподавателемъ вопросовъ, сдѣланномъ въ его присутствіи; в) въ изученіи и объясненіи источниковъ; г) въ сочиненіяхъ на темы по собственному избранію, или по назначе-

1) Проток. засѣд. сов. 1863 г. авг. 16.

2) Протоколы сов. 1864 г., февр. 11 и марта 17.

нію преподавателя; д) въ бесѣдахъ студентовъ о научныхъ предметахъ подъ руководствомъ преподавателя; е) въ научныхъ опредѣленіяхъ, опытахъ, изслѣдованіяхъ, производимыхъ студентами въ кабинетахъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ университета». Примѣненіе этихъ способовъ контроля поставлено было въ зависимость отъ опредѣленія факультетовъ по принадлежности, въ зависимости отъ особенности науки, мѣстныхъ и временныхъ условій.

Въ 1868, 1869, 1870 и 1871 г.г., въ связи со студенческими волненіями, выплывалъ вопросъ объ усиленіи занятій студентовъ, въ видѣ ряда предложеній изъ министерства и обсужденій ихъ въ факультетахъ и совѣтѣ. Работавшая при министерствѣ народнаго просвѣщенія коммиссія полагала, что «одно изъ дѣйствительныхъ средствъ къ устраненію въ юношествѣ поползновеній къ безпорядкамъ есть привлеченіе ихъ къ серьезнымъ занятіямъ». Предлагая усилить строгость переводныхъ испытаній, коммиссія находила желательными практическія занятія примѣнительно къ системѣ англійской, нѣмецкой или французской»[1]). Запрошенный въ этомъ смыслѣ совѣтъ харьковскаго университета далъ подробное объясненіе, въ которомъ отмѣтилъ неприложимость иностранныхъ пріемовъ къ русскимъ университетамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ на постановку практическихъ занятій въ харьковскомъ университетѣ[2]). Студенты историко-филологическаго факультета, согласно съ этимъ разъясненіемъ, не говоря о необходимыхъ упражненіяхъ по древнимъ языкамъ, знакомились съ науками по первоисточникамъ, по всеобщей исторіи входили въ разборъ существующихъ у насъ руководствъ и исправленія ихъ, по исторіи русскаго языка и литературы писали сочиненія на предложенныя преподавателемъ темы. Дальнѣйшее усиленіе занятій студентовъ историко-филологическаго факультета признано невозможнымъ, по обременительному для студентовъ числу ежедневныхъ лекцій. По физико-математическому факультету практическія занятія признаны были обязательными по всѣмъ опытнымъ наукамъ со второго полугодія перваго курса. По юридическому факультету практическія занятія шли по гражданскому праву и уголовному производству: увеличеніе письменныхъ работъ студентовъ-юристовъ «обременяло бы профессоровъ въ ущербъ ихъ научныхъ занятій и самой успѣшности ихъ преподаванія». На медицинскомъ факультетѣ практическія занятія пріурочивались къ описательной анатоміи, гистологіи, физіологической химіи, состояли въ производствѣ операцій на трупахъ, въ судебно-медицинскихъ изслѣдованіяхъ и въ занятіяхъ въ клиникахъ, при возможности студенты практиче-

[1]) Протокъ. сов. 1870 г. марта 31.

[2]) Дѣло Арх. м. н. п. 1870 г. № $^{145811}/_{1698}$.

ски занимались еще по физіологіи, токсикологіи и электротерапіи: вообще, по мнѣнію совѣта, дальнѣйшее усиленіе на медицинскомъ факультетѣ практическихъ занятій «положительно невозможно».—«Что же касается вообще до усиленія мѣръ привлеченія студентовъ къ научнымъ занятіямъ, говоритъ совѣтъ въ концѣ своего отвѣта министерству, то нельзя не останавливаться на слѣдующихъ соображеніяхъ: принятая въ русскихъ университетахъ система преподаванія едва ли можетъ быть измѣнена до тѣхъ поръ, пока не измѣнится положеніе науки въ нашемъ отечествѣ. Литературы Западной Европы чрезвычайно богаты учебниками и руководствами, которые представляютъ важное пособіе не только для студентовъ, но и для преподавателей, такъ что для профессоровъ въ университетѣ не представляется большой надобности проходить полный обширный курсъ своего предмета. Главное вниманіе ихъ обращено на разработку спорныхъ вопросовъ науки, на изслѣдованіе спеціальныхъ ея задачъ и, между прочимъ, на практическія занятія со студентами. Напротивъ, отъ русскаго профессора требуется прежде всего изложеніе полнаго курса науки, безъ чего, при нынѣшнемъ состояніи нашей ученой и учебной литературы, едва ли можно обойтись. Объемъ этого курса большею частью бываетъ весьма значительный. Далѣе отмѣчена необходимость увеличенія числа доцентовъ и приватъ-доцентовъ, при введеніи обязательныхъ практическихъ занятій, особенно по предметамъ, связаннымъ съ опытомъ и демонстраціями.

4 марта 1871 г. совѣтъ снова далъ отвѣтъ министерству въ томъ же смыслѣ на вопросъ о практическихъ занятіяхъ студентовъ, съ нѣкоторыми подробностями. Такъ, отмѣчено, что по всеобщей исторіи, въ видѣ практическихъ занятій, шелъ разборъ учебника Вебера, по русскому языку разбирались отрывки изъ «Исторической христоматіи» Буслаева, по астрономіи и геодезіи онъ состоялъ въ наблюденіяхъ съ помощью секстанта и теодолита, по зоологіи и ботаникѣ—въ опредѣленіи животныхъ и растеній, по технической химіи—въ техническомъ анализѣ, по агрономіи—въ анализѣ почвъ, удобрительныхъ веществъ и т. д. Въ заключеніе совѣтъ даетъ слѣдующій общій отзывъ о значеніи практическихъ занятій въ университетѣ: «Поощряя всѣми мѣрами появленіе спеціальныхъ работъ студентовъ, университетъ считаетъ своимъ долгомъ не упускать изъ виду, что университетскій курсъ есть то время, когда молодому человѣку предоставляются всѣ способы пріобрѣсти основательное и полное образованіе въ извѣстной сферѣ знанія, соотвѣтственно дѣленію университета на факультеты и отдѣленія; ознакомиться отчетливо съ факультетскими предметами; освоиться съ методомъ наукъ и—такимъ образомъ подготовить себя къ будущей самостоятельной

дѣятельности. Преждевременная спеціализація занятій студентовъ, сосредоточеніе ихъ дѣятельности на разработкѣ научныхъ вопросовъ въ той или другой отдѣльной отрасли знаній нерѣдко, какъ въ этомъ убѣждаетъ опытъ, можетъ вредить успѣхамъ ихъ общаго факультетскаго образованія, увлекать ихъ въ узкую односторонность, ко вреду, ничѣмъ впослѣдствіи невознаградимому для ихъ будущей научной дѣятельности»[1]).

Когда, въ 1872 г., министерство снова поставило вопросъ объ усиленіи занятій студентовъ, то коммиссія, состоявшая изъ профессоровъ Стоянова, Шимкова, Питры 2, Лавровскаго и Зарубина, а вслѣдъ за ней и совѣтъ въ засѣданіи 11 января 1873 г. единогласно, за исключеніемъ профессора Кремянскаго, заявилъ, что разъясненіе, данное совѣтомъ въ 1871 г., вопросъ этотъ вполнѣ исчерпываетъ и потому, не входя въ новое его обсужденіе, совѣтъ лишь добавилъ слѣдующее общее положеніе: «Несомнѣнно до очевидности, что не только въ Россіи, но и въ странахъ, гдѣ наука давно уже пустила глубокіе корни, не отъ однихъ университетовъ, но и отъ цѣлой совокупности государственныхъ и общественныхъ условій зависитъ полное возвышеніе уровня научнаго развитія студентовъ»[2]).

Въ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ практическія занятія на историко-филологическомъ факультетѣ шли успѣшно и своимъ чередомъ, насколько это позволяло ограниченное число студентовъ, при множествѣ учебныхъ предметовъ. Въ добавленіе къ тѣмъ даннымъ, которыя отмѣчены въ оффиціальныхъ отчетахъ 1870 и 1871 годовъ, можно присоединить, что съ приглашеніемъ новыхъ профессоровъ—Кирпичникова, Аристова, Дринова—ученыя занятія, въ частности занятія практическія, сильно подвинулись впередъ. Профессоры историко-филологическаго факультета охотно снабжали студентовъ книгами изъ своихъ частныхъ библіотекъ. При добромъ желаніи, можно было многое сдѣлать и многому научиться, слѣдуя указаніямъ и совѣтамъ профессоровъ. Успѣшность студенческихъ ученыхъ занятій въ послѣдующее время, по введеніи устава 1884 г., не поднялась выше, хотя впослѣдствіи значительно возросли средства для ея развитія, въ видѣ такихъ не бывшихъ ранѣе важныхъ пособій, какъ студенческій отдѣлъ фундаментальной библіотеки, историческаго архива, библіотеки историко-филологическаго общества, общественной библіотеки, библіотеки при кабинетѣ историко-филологическаго общества, открывшихъ для жела-

---

[1]) Проток. сов. 1871 г., марта 4.

[2]) Дѣло арх. м. н. пр. 1873 г. № $^{145799}/_{3020}$.

ющихъ широкій просторъ для пользованія книгой, чего не было у студентовъ, работавшихъ въ періодъ времени съ 1867 по 1884 годъ.

Черезъ оба десятилѣтія дѣйствія устава 1863 г. красной нитью проходятъ заботы учебнаго вѣдомства объ устраненіи студенческихъ волненій посредствомъ усиленія мѣръ строгости взысканія за нихъ и въ связи съ тѣмъ постепенный ростъ усиленія инспекціи, выдѣленіе ея въ особое независимое отъ совѣта учрежденіе и постоянныя заботы объ усиленіи занятій студентовъ, въ видѣ цѣлаго ряда запросовъ и напоминаній, не сопровождавшихся, однако, соотвѣтствующимъ усиленіемъ учебно-вспомогательныхъ средствъ. Студенческія волненія начались еще до введенія устава 1863 г. Впервые они появились въ 1858 и 1859 годахъ[1]), а въ 1861 г. приняли въ петербургскомъ университетѣ такіе размѣры, что понадобилось временное прекращеніе лекцій. Волненія возникали довольно часто въ разныхъ университетахъ, но первоначально исключительно по внутреннимъ академическимъ поводамъ и безъ предварительнаго уговора, безъ связи между отдѣльными университетами; но въ 1878 г. студенческія волненія возникаютъ сразу въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ, ярко выступаетъ ихъ внутренняя обобщающая организація, ясно привносятся политическія стремленія, и съ этого времени университетская жизнь принимаетъ хронически тревожный характеръ: постоянно всплываютъ печальные инциденты, а вмѣстѣ съ тѣмъ растутъ всеобщее взаимное недовѣріе и отчужденность, ослабленіе руководящихъ университетскихъ принциповъ и глубокая внутренняя деморализація.

Въ харьковскомъ университетѣ во время дѣйствія устава 1863 г. были слѣдующіе безпорядки.

Въ ноябрѣ 1864 г. при раздачѣ студентамъ новыхъ правилъ относительно посѣщенія лекцій возникли среди студентовъ недоразумѣнія и состоялась сходка въ аудиторіи, гдѣ должна была быть лекція профессора Каченовскаго. Ректоръ сдѣлалъ соотвѣтствующія разъясненія, и студенты разошлись, не сказавъ ничего оскорбительнаго. Студентъ 3 курса юридическаго факультета Горонескулъ, заявившій ректору, что онъ желаетъ подчиниться правиламъ, но боится взять на себя такія обязательства, которыя не въ состояніи будетъ исполнить, долженъ былъ подать прошеніе объ увольненіи. Донося въ министерство народнаго просвѣщенія о прекращеніи безпорядковъ, попечитель учебнаго округа Фоигтъ замѣчаетъ, что они «не были заранѣе обдуманы и подготовлены; въ нихъ не выказались зачинщики и подстрекатели и,

---

[1]) Записка статсъ-секретаря Делянова 1881 г. въ арх. м. н. пр. за № $\frac{157462}{4000}$.

наконецъ, они не имѣли никакихъ другихъ послѣдствій, кромѣ преувеличенныхъ разсказовъ въ городѣ»[1]).

Еще болѣе невиннымъ характеромъ отличались студенческія волненія въ февралѣ 1867 г. Причиной ихъ была безтактная и грубая выходка артиста петербургскихъ театровъ Никитина. На одномъ изъ бывшихъ въ Харьковѣ маскарадовъ Никитинъ въ нетрезвомъ видѣ назвалъ нѣсколькихъ студентовъ университета «нигилистами и мальчишками», по поводу какихъ-то ихъ разсужденій о театрѣ. На слѣдующемъ спектаклѣ студенты подняли крикъ «вонъ Никитина»; въ концѣ другого спектакля направились въ числѣ 30 человѣкъ къ квартирѣ Никитина и потребовали извиненія. Губернаторомъ въ это время былъ генералъ Дурново, сильно не долюбливавшій студентовъ. Студентъ Андріановъ, сынъ донского генерала, былъ высланъ на мѣсто жительство, а студентамъ 3 курса Арцыбашеву, Линтвареву и Одарченку сдѣланы ректоромъ выговоры. Общественное мнѣніе было на сторонѣ обиженной молодежи, отголоскомъ чего служитъ анонимная замѣтка въ 15 № Харьк. Губ. Вѣдом. 1867 г. подъ заглавіемъ «22 февраля».

Вообще въ половинѣ 60-хъ годовъ отношеніе высшей мѣстной администраціи къ студентамъ было очень строгое, какъ видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго случая. Въ мартѣ 1869 г. группа подвыпившихъ студентовъ, возвращавшихся изъ ресторана Неринга, подралась съ рядовыми Брянскаго полка и остановила ѣхавшую амазонкой даму Литвинову и ея мужа полковника Литвинова, причемъ наговорила имъ что-то обидное. Дѣло объ этомъ было одновременно передано въ университетъ и судебному вѣдомству. Бывшій тогда губернаторъ, генералъ Дурново, заявилъ желаніе, чтобы студенты были уволены изъ университета; но попечитель учебнаго округа Воскресенскій отвѣтилъ, что студенты эти по суду будутъ строго наказаны; въ университетѣ же они ведутъ себя спокойно и безукоризненно и преждевременное ихъ исключеніе можетъ вызвать безпорядки. Тогда Дурново черезъ министра внутреннихъ дѣлъ испросилъ Высочайшее разрѣшеніе на немедленное закрытіе ресторана, гдѣ кутили студенты, ссылку трехъ лицъ въ отдаленныя губерніи и отдачу трехъ лицъ подъ строгій секретный надзоръ полиціи. Въ первой группѣ были студенты Линтваревъ и Владиміровъ и окончившій курсъ кандидатъ Кирилловъ[2]). Въ свое время это была громкая исторія. О ней много говорили въ мѣстномъ обществѣ въ виду прикосновенности къ ней хорошо извѣстной въ тогдашнемъ высшемъ кругу красавицы Литвиновой; но

[1]) Дѣло изъ арх. м. н. пр. 1864 г. № $^{144690}/_{3812}$.

[2]) Дѣло № $^{145290}/_{1698}$.

въ университетѣ, благодаря осторожности учебнаго начальства, она прошла совершено спокойно и не вызвала безпорядковъ. Совсѣмъ другимъ характеромъ отличаются студенческія волненія конца 1878 г. и начала 1879 г. Тутъ сплелись внѣшнія и внутреннія причины; впервые студенты разныхъ университетовъ вошли въ переписку и соглашеніе и впервые появляется выраженіе «забастовка», въ данный моментъ лишь какъ предположеніе, а главное—въ это время въ студенческія движенія внѣдряется уже соціально-политическая агитація. Внѣшнія возбужденія шли отъ волновавшихся студентовъ петербургскаго и московскаго университетовъ, приглашавшихъ харьковскихъ къ участію и поддержкѣ, и затѣмъ разные обычные въ такихъ случаяхъ слухи изъ Петербурга, принимаемые вполнѣ довѣрчиво; мѣстныя возбужденія шли изъ ветеринарнаго института, въ которомъ въ ноябрѣ 1878 года былъ освистанъ и изгнанъ изъ аудиторіи проф. анатоміи Журавскій, вызвавшій неудовольствіе вечерними репетиціями и разными личными прижимками. Студенты университета поспѣшили заявить о своей солидарности;—въ то время они по многимъ предметамъ слушали лекціи совмѣстно. Составлялись разныя петиціи, которыя начальство не принимало; посылались депутаціи къ попечителю учебнаго округа и губернатору, которыя также не были принимаемы; собираемы были сходки, сначала въ зданіи университета, а затѣмъ и на улицахъ, завершившіяся 14 декабря столкновеніемъ съ казаками, вызвавшимъ чрезвычайное возбужденіе не только среди молодежи, но и среди профессуры и въ обществѣ. Это было первое въ Харьковѣ столкновеніе подобнаго рода. Оно было ярко описано въ корреспонденціи изъ Харькова въ Таганрогскомъ Вѣстникѣ. Совѣтъ, съ одной стороны, обратился къ студентамъ съ успокоительнымъ обращеніемъ, которое доведено было до свѣдѣнія Государя и напечатано при протоколѣ совѣта 2 янв. 1879 г., съ другой,—командировалъ въ Петербургъ ректора для дачи объясненій въ смыслѣ состоявшагося въ совѣтѣ 16 декабря 1878 года постановленія, «въ которомъ совѣтъ, выражая неодолимое негодованіе по поводу образа дѣйствій 14 декабря военныхъ и гражданскихъ властей г. Харькова, прибѣгъ къ заступничеству министра народнаго просвѣщенія передъ Государемъ Императоромъ и просилъ слѣдствія и суда надъ всѣми безусловно, кто съ разныхъ сторонъ участвовалъ въ этомъ дѣлѣ». Профессорамъ потомъ было поставлено въ обвиненіе выраженіе ими «непреодолимаго негодованія», и ректоръ, каковымъ въ то время былъ проф. Питра, въ Петербургѣ не былъ принятъ. Вскорѣ онъ вышелъ въ отставку, а еще ранѣе долженъ былъ покинуть свой постъ попечитель округа Жерве, на мѣсто котораго былъ назначенъ гене-

ралъ Максимовскій. Что касается студентовъ, виновныхъ въ безпорядкахъ, то 4 студента университета и 2 студента ветеринарнаго института (въ томъ числѣ главный виновникъ Кузнецкій) были высланы въ Архангельскую и Вологодскую губерніи[1]).

Въ 1882 году студенческое волненіе вызвано было столкновеніемъ трехъ студентовъ съ мѣстнымъ публицистомъ Говорухой-Отрокомъ, на почвѣ рѣзкихъ соціально-политическихъ разногласій. 17 января по окончаніи студенческаго вечера, около 4 часовъ утра, въ верхней залѣ дворянскаго собранія за однимъ столомъ сидѣлъ издатель Южнаго Края А. А. Іозефовичъ съ женой, сотрудникъ Южнаго Края Говоруха-Отрокъ, профессоры Даневскій и Ярошъ, за другимъ—группа студентовъ-распорядителей и за третьимъ—три студента изъ радикальной партіи—Подольскій, Мануйловъ и Самецкій. Подольскій обратился къ Говорухѣ съ крайне оскорбительными выраженіями, обвиняя его въ подлости. Говоруха бросилъ ему въ лицо стаканъ. Затѣмъ послѣдовала безобразная сцена, во время которой летѣли стаканы, бутылки, тарелки. По докладу проректора, каковымъ въ то время былъ проф. Щелковъ, совѣтъ въ засѣданіи 28 января 1882 года, по большинству голосовъ, уволилъ изъ университета Подольскаго и Мануйлова и объявилъ строгій выговоръ Самецкому. Но тутъ произошелъ новый скандалъ. Во время засѣданія, воспользовавшись тѣмъ, что швейцаръ подавалъ стулъ для одного изъ членовъ совѣта, произвольно вошли въ залъ засѣданій стипендіатъ для приготовленія къ профессорскому званію кандидатъ физико-математическаго факультета Рейнботъ, студентъ Мурзаянъ и посторонній слушатель Савичъ. Не обращая вниманія на предложеніе предсѣдателя совѣта (въ то засѣданіе Щелкова), Рейнботъ началъ читать какую-то бумагу. Нѣкоторые профессоры поднялись съ крикомъ—уйдите вонъ! Проректоръ приказалъ позвать служителей. Манифестанты удалились, при чемъ Рейнботъ, бросивъ бумагу на столъ, сказалъ: «господа, за что такія оскорбленія; вы, пожалуй, станете бросать чернильницами». Совѣтъ, по большинству голосовъ, постановилъ воспретить виновнымъ входъ въ университетъ и копію съ протокола сообщить прокурору суда для привлеченія ихъ къ отвѣтственности на основаніи общихъ законовъ[2]).

Въ зависимости отъ развитія студенческихъ безпорядковъ шло усиленіе инспекціи и по числу служащихъ, и по суммѣ вознагражденія, и по расширенію ея правъ и полномочій. Въ годъ введенія устава,

[1]) Дѣло арх. м. н. пр. за №№ $^{175235}/_{4764}$ и протоколы совѣта 1878-1879 г.г.

[2]) Прот. засѣд. сов. 28 января и 1 февраля 1882 года въ 1 кн. Записокъ Им. Харьк. Унив. 1882 г. стр. 5—17.

инспекція всецѣло зависѣла отъ совѣта. Въ 1863 году въ совѣтѣ обсуждался вопросъ, возложить ли обязанности инспектора на одного изъ членовъ, въ званіи проректора, или на особаго чиновника. Послѣднее мнѣніе взяло перевѣсъ, и въ должность инспектора было избрано постороннее лицо, сначала въ видѣ временной мѣры, а съ 1864 года въ окончательной формѣ. Въ засѣданіи совѣта 20 августа 1863 года была выработана краткая инструкція для инспектора, утвержденная попечителемъ учебнаго округа. Функціи инспекціи въ 1865 г. были усилены, по надзору за студентами-репетиторами, и снова въ совѣтѣ поднятъ былъ вопросъ о проректорѣ. Въ засѣданіи совѣта 16 марта проф. И. П. Сокальскій, вопреки мнѣнію большинства, подалъ особое мнѣніе о преимуществахъ выбора проректора изъ профессоровъ. Выдающіеся университетскіе безпорядки конца 1878 года повели къ чрезвычайно крупнымъ послѣдствіямъ. Министерство народнаго просвѣщенія выработало для университетской инспекціи инструкцію, не стѣсняясь уставомъ, а попечителямъ учебныхъ округовъ вмѣнено было въ обязанность, по соглашенію съ мѣстнымъ генералъ-губернаторомъ, измѣнить составъ инспекціи и, по мѣрѣ возможности, усилить ея составъ, съ отнесеніемъ новыхъ расходовъ на спеціальныя средства университетовъ[1]). Бывшій тогда попечитель харьковскаго учебнаго округа генералъ Максимовскій увеличилъ жалованье инспекціи изъ этого источника на 3800 руб. Совѣтъ университета, по иниціативѣ проф. Дитятина, переведеннаго въ началѣ 1879 года изъ Ярославля въ Харьковъ, въ засѣданіи 22 мая 1880 года единогласно представилъ возраженіе. Возникла обширная переписка, окончившаяся въ смыслѣ мнѣнія совѣта. Проф. Дитятинъ въ своемъ докладѣ совѣту указывалъ, что самостоятельное распоряженіе попечителя о смѣтномъ назначеніи измѣняетъ штаты университетской инспекціи, т. е. измѣняетъ существующій законъ, создавая новый. Попечитель округа прислалъ совѣту возраженіе въ духѣ рѣзкаго выговора, при чемъ сдѣлана была выписка изъ предложенія министра народнаго просвѣщенія отъ 26 октября 1879 года, чтобы попечители «не допускали никакого—ни явнаго, ни тайнаго—противодѣйствія со стороны университетскихъ властей и отдѣльныхъ преподавателей, ни университетской инспекціи, ни собственнымъ своимъ распоряженіяхъ и требовали, чтобы всѣ университетскія власти и преподаватели оказывали всевозможное содѣйствіе инспекціи». Далѣе буквально прописывалось, что профессора и преподаватели университета должны являться на службу въ формѣ, должны

---

[1]) Протоколъ совѣта 1879 г., 6 сентября.

служитъ примѣромъ уваженія къ старшимъ и въ особенности къ начальникамъ; при полученіи чина или ордена, по возвращеніи изъ отпуска или командировки должны непремѣнно представляться попечителю лично»... Для формулировки отвѣта попечителю совѣтомъ избрана была коммиссія, въ составъ которой вошли профессоры Алексѣенко, Дитятинъ, Имшенецкій, Цѣхановецкій, Гаттенбергеръ и Крыловъ. Коммиссія эта составила обширный докладъ, который и былъ принятъ совѣтомъ. Въ докладѣ доказывалось основное право университета распоряжаться своими спеціальными средствами, составляющими, по уставу, его неотъемлемую собственность и назначенныхъ служить для развитія ученой дѣятельности. Засѣданіе совѣта состоялось, по случаю отсутствія ректора Питры подъ предсѣдательствомъ декана медицинскаго факультета Зарубина. Попечитель учебнаго округа писалъ въ министерство, что въ этомъ засѣданіи было всего 18 членовъ; остальные же члены совѣта, явно осуждая тенденціи партіи, будто намѣренно не явились въ засѣданіе; но въ печатномъ протоколѣ значится, что въ засѣданіи было 33 человѣка, для конца мая весьма много, другими словами, совѣтъ почти въ полномъ составѣ. Если признать вѣрнымъ печатный отчетъ о засѣданіи и принять во вниманіе единогласное рѣшеніе совѣта (кромѣ заступ. мѣсто ректора, Зарубина, представившаго особое мнѣніе), то можно сомнѣваться въ основательности замѣчанія попечителя Максимовскаго въ его сообщеніи министру народнаго просвѣщенія, что «особая партія (составъ ея извѣстенъ поголовно) рѣшилась вступить въ явную борьбу за такъ называемыя вольности университета». И тутъ же приводится та мысль, что «участіе университетскаго совѣта въ хозяйствѣ университета совершенно безполезно». Чтобы удовлетворить настойчивому требованію попечителя о выдѣленіи изъ спеціальныхъ средствъ университета, составлявшихъ въ 1880 г. сумму около 20 тыс. руб., 3800 руб. для увеличенія содержанія инспектору и тремъ его помощникамъ, правленіе вынуждено было совсѣмъ уничтожить или значительно сократить содержаніе различнымъ лицамъ въ числѣ 16 человѣкъ, въ томъ числѣ лекторамъ, стипендіатамъ и служащимъ при библіотекѣ, а также уменьшить отпуски на содержаніе кабинетовъ, лабораторій и проч. Максимовскій это видѣлъ и просилъ министерство о принятіи расходовъ по инспекціи на средства гусударственнаго казначейства, при чемъ замѣтилъ, что правленіе старалось всѣми мѣрами сохранить свои скудныя спеціальныя средства для удовлетворенія потребностей университета». Не находя достаточнаго источника въ средствахъ университета, попечитель 22 января 1881 г. обратился въ министерство народнаго просвѣщенія съ просьбой о разрѣшеніи употребить на инспекцію часть сбора съ округа. «Ходатай-

ствовать объ этомъ, писалъ онъ, меня побуждаетъ, главнымъ образомъ, желаніе хотя нѣсколько ослабить то затаенное ожесточеніе, съ которымъ смотритъ на новую инспекцію вся корпорація профессоровъ. Я не сомнѣваюсь, добавляетъ попечитель, что въ будущемъ профессора едва ли будутъ ей симпатизировать; но если содержаніе ея перестанетъ истощать средства университета или, что еще лучше, ничего не будетъ стоить университету, то къ ней будутъ относиться равнодушно, чѣмъ и можно будетъ вполнѣ удовлетвориться». Министерство отказало Максимовскому въ разрѣшеніи обратить на инспекцію часть сбора съ округа, а университетъ, между прочимъ, стойко стоялъ за предоставленное ему 42 и 51 §§ устава 1863 года право распредѣленія спеціальныхъ средствъ на ученыя нужды. Продолжительный споръ съ университетомъ въ концѣ концовъ сталъ сильно тяготить попечителя, и онъ искалъ выхода и примиренія. 22 января 1881 года генералъ Максимовскій конфиденціально писалъ министру народнаго просвѣщенія буквально слѣдующее. «Между прочимъ, считаю своимъ долгомъ довести до свѣдѣнія Вашего Высокопревосходительства, что эта борьба между мною и университетскимъ совѣтомъ, продолжающаяся уже около года, въ высшей степени нежелательна, во-1-хъ, какъ всякія пререканія между попечителемъ округа и университетомъ, а во-2-хъ, какъ обстоятельство, подрывающее авторитетъ попечителя округа, съ которымъ вступило въ открытую борьбу подвѣдомственное ему учрежденіе, при чемъ попечитель является какъ бы противникомъ интересовъ университета, тогда какъ, по существу дѣла, онъ долженъ быть первымъ ихъ защитникомъ. Вообще, изъ этого ненормальнаго положенія необходимо выйти во что бы то ни стало и какимъ бы то ни было образомъ; но оставлять дѣло въ такомъ видѣ положительно невозможно. Конечно, по моему крайнему убѣжденію, лучше всего было бы поддержать сначала попечителей... а затѣмъ уже уничтожить вообще всѣ временныя правила въ совокупности, возстановивъ такимъ образомъ дѣйствіе устава 1863 г. во всей его полнотѣ, при чемъ и распоряженіе спеціальными средствами университета перешло бы, по-прежнему, въ вѣдѣніе совѣта. При такомъ рѣшеніи этого вопроса университетъ былъ бы вполнѣ удовлетворенъ, и значеніе попечителя не было бы поколеблено»[1]). Министерство такъ и поступило, въ два срока и при двухъ министрахъ. Сначала, при министрѣ Сабуровѣ, въ 1880 г., послѣдовалъ выговоръ совѣту, заслушанный въ совѣтѣ 11 декабря, а въ 1881 г., при министрѣ баронѣ Николаи, послѣдовало возстановленіе устава 1863 года.

---

[1]) Дѣла арх. м. н. пр. № $^{153925}/_{3528}$.

Выработанная въ министерствѣ инструкція для инспекціи оказалась настолько стѣснительной, что Максимовскій хлопоталъ объ измѣненіи нѣкоторыхъ §§, отчасти на основаніи заключеній университетской коммиссіи, въ составъ которой, по избранію въ совѣтѣ, входили профессоры Алексѣенко, Гаттенбергеръ и Якобій, отчасти на основаніи заключеній правленія въ засѣданіи, состоявшемся подъ предсѣдательствомъ попечителя округа. Въ донесеніи министру отъ 12 января 1880 года попечитель округа сообщилъ, что въ примѣненіи къ харьковскому университету невозможно требовать отъ студентовъ вполнѣ аккуратнаго посѣщенія лекцій, въ виду того, что въ нѣкоторыхъ аудиторіяхъ, могущихъ вмѣстить не болѣе 50 человѣкъ, обязательныхъ слушателей бываетъ до 200 чел., отъ чего происходитъ давка и ссоры за мѣста, и часть студентовъ или должна оставаться въ корридорѣ, за дверьми, или уходить домой. Поэтому перекличка студентовъ представляется неудобной. § 11 министерской инструкціи инспекціи гласилъ, что инспекторъ можетъ требовать поручительства отъ профессоровъ за студентовъ при выдачѣ имъ пособій. Профессоры находили такое поручительство для себя стѣснительнымъ, а инспекція находила его даже лишнимъ. § 14 требовалъ, чтобы въ расписаніи лекціи не было промежутковъ въ часахъ. По этому поводу замѣчено, что для соблюденія этого правила нужно имѣть 16 или 17 аудиторій, а ихъ всего 7. Далѣе, университетъ находилъ нужнымъ не стѣснять студентовъ, при отсутствіи обязательной форменной одежды, въ покроѣ верхняго платья и въ формѣ шляпъ и допустить большіе сапоги и палки, въ виду недостаточнаго замощенія города и обилія собакъ. Безусловно запрещалось лишь ношеніе рубахъ національнаго покроя на выпускъ, какого бы цвѣта ни было, а также великорусскихъ армяковъ и малороссійскихъ свитокъ. Куреніе въ лабораторіяхъ и анатомическомъ театрѣ разрѣшалось для «дезинфекціи воздуха». «Наши лаборатоpіи и нѣкоторые кабинеты, говорится при этомъ, устроены такъ дурно, что профессоры сами просятъ студентовъ курить въ нихъ для уничтоженія зловонія». Относительно 17 § о карцерѣ, замѣчено, что, по недостатку помѣщенія, аресты студентовъ въ зданіи университета не могутъ быть осуществлены. Соотвѣтствующія измѣненія въ инструкціи были Высочайше утверждены 22 марта 1880 года. Въ протоколахъ совѣта университета 1879, 1880 и 1881 г.г. отразились измѣненія въ инспекціи, въ видѣ разныхъ докладовъ, мнѣній, ходатайствъ смѣтныхъ назначеній и т. д., преимущественно въ засѣданіяхъ 22 мая, 11 и 18 декабря 1880 года и 5 марта 1881 года.

Въ то время какъ учебная администрація хлопотала объ усиленіи инспекціи, въ лицѣ инспектора—Ѳедора Филипповича Рогожина—былъ

человѣкъ рѣдкаго нравственнаго достоинства, совсѣмъ не нуждавшійся въ усиленіи своей власти и вовсе того не желавшій. По окончаніи курса въ Смоленской гимназіи въ 1833 г. Ѳ. Ф. Рогожинъ служилъ около 5 лѣтъ, а въ 1838 году поступилъ въ число студентовъ харьковскаго университета по историко-филологическому факультету. По окончаніи курса въ 1842 г. служилъ при харьковскомъ университетѣ въ различныхъ должностяхъ — помощника библіотекаря, секретаря совѣта, исполнялъ въ 1850 году обязанности синдика, въ началѣ 60-хъ годовъ былъ правителемъ дѣлъ канцеляріи попечителя учебнаго округа. 14 сентября 1865 г. Рогожинъ былъ перемѣщенъ на должность инспектора студентовъ и пробылъ на этой службѣ до 1879 г., стяжавъ среди студентовъ глубокую привязанность. Въ то время какъ при уставѣ 1835 г. и при другой инспекціи, въ теченіе 8 лѣтъ, съ 1848 по 1856 г., на студентовъ было наложено 1491 взысканіе въ видѣ ареста и карцера, при уставѣ 1863 г., во время инспекторства Ѳ. Ф. Рогожина, за 10 лѣтъ, съ 1863 по 1874 г., было наложено всего 27 взысканій, при вдвое большемъ числѣ студентовъ. Аресты и карцеры отошли въ область историческаго преданія. Мягкое, доброе отношеніе къ студентамъ, отзывчивость къ ихъ нуждамъ—все это было высоко цѣнимо студентами. Въ день университетскаго праздника—17 января—Ѳ. Ф. получалъ отъ окончившихъ курсъ телеграммы съ самыми добрыми привѣтствіями и пожеланіями. Неоднократно этотъ рѣдкій человѣкъ получалъ отъ студентовъ благодарственные адресы, выслушивалъ такого же рода рѣчи. 20-го апрѣля 1880 года отъ студентовъ харьковскаго университета и бывшихъ въ немъ студентами поднесенъ Ѳ. Ф. слѣдующій адресъ.

«Незабвенный Ѳедоръ Филипповичъ! Считаемъ для себя счастьемъ высказать тѣ чувства, которыя, какъ одно тѣло, какъ одна душа, раздѣляютъ всѣ студенты харьковскаго университета. Минуты такого полнаго единодушія и въ мнѣніяхъ, и въ чувствованіяхъ такой массы бываютъ весьма рѣдки и свидѣтельствуютъ о высотѣ мотивовъ, приведшихъ, повторяемъ, всю нашу университетскую молодежь къ неудержимому желанію высказать нашу общую признательность, любовь и уваженіе къ Вамъ. Еще прежніе студенты завѣщали намъ высокое мнѣніе о Васъ, какъ человѣкѣ и добромъ другѣ студентовъ, и въ этомъ мнѣніи нѣтъ преувеличенія. И дѣйствительно, нельзя не удивляться тому рѣдкому умѣнью поддержать, направить молодого человѣка, заброшеннаго въ большой городъ,—тому живому отношенію и заботливости къ нуждамъ молодежи, которыя почти всѣ мы испытали на себѣ. Умѣнье такъ симпатично отнестись къ каждому, всегда являться съ помощью во-время, удовлетворять, въ продолженіе стольких лѣтъ,

такое число молодежи, при всемъ разнообразіи ея происхожденія, характеровъ и направленій — для этого нужны то любящее сердце, та евангельская доброта, которыя дѣлали Васъ нашимъ помощникомъ, другомъ и, скажемъ это, не колеблясь, подчасъ отцомъ. Изъ множества фактовъ, драгоцѣнныхъ для нашей памяти, мы избираемъ, по просьбѣ отцовъ и матерей, самый простой: печальную картину похоронъ студента, когда за гробомъ, кромѣ нѣсколькихъ земляковъ-товарищей никого не увидишь. Невольное, самое трогательное чувство признательности пробудится въ душѣ при видѣ почтеннаго старика, провожающаго гробъ бѣднаго юноши до самой могилы съ выраженіемъ непритворной горести. Только такое отношеніе могло вліять морализующимъ образомъ на молодежь, и, повѣрьте, дорогой Ѳедоръ Филипповичъ, она глубоко чувствуетъ и высоко цѣнитъ его. Въ заключеніе выражаемъ еще разъ нашу искреннюю признательность, уваженіе, любовь къ Вамъ, считая лучшимъ памятникомъ для Васъ тотъ свѣтлый образъ, который Вы сумѣли воздвигнуть себѣ въ нашихъ сердцахъ, образъ, который мы желаемъ сохранить до Вашихъ лѣтъ, какъ наилучшій образецъ для подражанія». Въ дѣлахъ общества пособія нуждающимся студентамъ сохранились замѣчательныя препроводительныя письма бывшаго студента харьковскаго университета Юрія Юрьевича Филимонова при посылкѣ пожертвованія на стипендію имени Ѳ. Ф. Рогожина. Въ письмѣ (отъ 28 мая 1894 г. говорится): «Я учился въ харьковскомъ университетѣ въ то время, когда у насъ (въ 1879 г.) попечителемъ былъ Жерве, а инспекторомъ нашъ общій отецъ, Ѳедоръ Филипповичъ Рогожинъ, который вмѣстѣ съ нами плакалъ, когда насъ, избитыхъ казачьими плетьми, распредѣляли въ арестантскихъ ротахъ въ отдѣленіи неисправимыхъ. Выйдя изъ ротъ еще съ большею сыновнею любовью къ нашему отцу Ѳ. Ф., я, тогда бѣдный студентъ, далъ себѣ слово соединить это дорогое всѣмъ намъ имя нашего инспектора съ какимъ-нибудь благотворительнымъ для университета дѣломъ, чтобы эта святая личность навѣки не умерла для харьковскаго университета. Вскорѣ, выйдя изъ арестантскихъ ротъ, я потерялъ отъ сильнаго потрясенія вслѣдствіе пережитыхъ событій свою жену, и вотъ тогда-то, чтобы похоронить ее, долженъ былъ обратиться къ нашему отцу за совѣтомъ. Онъ самъ привезъ мнѣ 90 руб. на квартиру, помолился и поплакалъ со мной надъ гробомъ усопшей. Я этой милости университета никогда не могу забыть. Вотъ почему я и старался накопить такую сумму, чтобы на извѣстный капиталъ, соотвѣтствующій доброй памяти высокочтимаго нашего инспектора и носящій имя самого Рогожина, Ѳедора Филипповича, образовать стипендію для его любимыхъ студентовъ-

харьковцевъ». Изъ письма видно, что г. Филимоновъ былъ въ харьковскомъ университетѣ на 1 и 2 курсахъ, затѣмъ перешелъ въ московскій, который окончилъ въ 1892 г., сохраняя, однако, самыя теплыя воспоминанія о харьковскомъ университетѣ, и въ 1894 г. прислалъ 200 руб. въ уплату своего долга, съ добровольнымъ начетомъ на него 0/0, а въ 1896 г. прислалъ тысячу рублей, изъ трудовыхъ своихъ сбереженій, съ назначеніемъ на стипендію имени Ѳ. Ф. Рогожина.

1883 годъ былъ уже похороннымъ годомъ для устава 1863 года. Чувствовались всеобщій упадокъ духа, опасенія передъ неизвѣстнымъ будущимъ, и тѣмъ болѣе ощущалось сожалѣніе о погибающемъ прошломъ. Эти тревоги ярко сказались во «вступленіи къ университетскому отчету» 1883 г., причитанномъ ректоромъ на актѣ 17 января 1884 г. «Мы можемъ ожидать, говорится во вступленіи, что строй университетской жизни и въ могущихъ послѣдовать въ немъ измѣненіяхъ останется лишь таковымъ, какой логически связанъ съ прошлымъ и настоящимъ университета, съ его исторіей. Въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, какъ основа умственнаго развитія общества, болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, требуется строгая систематичность на почвѣ общаго прогресса. Оглядываясь на прошлое и сравнивая періодъ университетской жизни и дѣятельности за время дѣйствія настоящаго устава и до того (т. е. до 1863 г.), мы видимъ быстрое развитіе ея, слѣдовавшее за введеніемъ устава. Правда, это развитіе высшаго просвѣщенія совпало съ временемъ общаго подъема въ умственной жизни русскаго общества, но при болѣе близкомъ разсмотрѣніи этого вопроса оказывается, что весьма многія стороны развитія университета, касающіяся его научно-преподавательской дѣятельности, непосредственно обусловливались самимъ уставомъ. Это относится, какъ къ увеличенію ученыхъ силъ и развитію университетской науки, такъ точно и къ введенію раціональнаго научнаго метода преподаванія. Если сравнить положеніе русскихъ ученыхъ въ европейской наукѣ до введенія упомянутаго устава и послѣ того, то легко усмотрѣть быстрое преуспѣяніе, проявившееся еще въ періодъ подготовительныхъ преобразованій. Во многихъ областяхъ высшаго знанія имена русскихъ ученыхъ пользуются въ настоящее время такимъ же уваженіемъ, какъ имена ученыхъ западно-европейскихъ. Количество русскихъ научныхъ трудовъ постоянно возрастаетъ, и въ нихъ становится все болѣе и болѣе замѣтною самостоятельность научной мысли и выполненія ея. Если даже сравнить положеніе студентовъ и отношеніе ихъ къ наукѣ до 1863 г. и послѣ, то и здѣсь замѣтны извѣстные успѣхи, какъ результатъ раціональнаго усиленія практическихъ занятій студентовъ и вообще демонстративнаго способа преподаванія. Учащіеся получили

болѣе широкій доступъ въ лабораторіи, кабинеты и библіотеки, имъ предоставлена возможность самимъ заниматься научными изслѣдованіями. Число студентовъ, работающихъ по различнымъ научнымъ вопросамъ, увеличивается; возрастаетъ и участіе ихъ въ дѣятельности ученыхъ обществъ, учрежденныхъ при университетахъ; замѣчается стремленіе къ болѣе самостоятельной научной дѣятельности. Отсюда непосредственно вытекаетъ, что современныя условія университетской жизни даютъ студентамъ возможность относиться къ преподаваемой имъ наукѣ, не только какъ предмету экзамена, но какъ къ дѣйствительному источнику высшаго знанія, высшаго умственнаго развитія. Для учащейся молодежи это крайне важно: книжное, чисто формальное усвоеніе науки въ предѣлахъ спеціальнаго преподаванія—менѣе всего можетъ способствовать выработкѣ той степени общаго умственнаго развитія и самостоятельности, которыя необходимы при вступленіи въ практическую жизнь всякому молодому человѣку, оканчивающему курсъ университета. Университетъ не есть мѣсто профессіональнаго преподаванія, такъ сказать, чисто техническаго свойства. Его нельзя считать случайнымъ соединеніемъ спеціальныхъ школъ-факультетовъ, изъ которыхъ могли бы выходить односторонніе, узкіе спеціалисты врачи, филологи, юристы и т. д. Университетъ есть универсальная школа высшаго просвѣщенія и, какъ таковая, оказываетъ не только профессіонально-образовательное, но и гуманитарно-воспитательное вліяніе въ обширномъ смыслѣ слова. Онъ развиваетъ всѣ тѣ умственныя и нравственныя стороны человѣческаго духа, которыя означаютъ истинно-просвѣщеннаго человѣка. Умственный кругозоръ учащагося сильно расширяется послѣ нѣсколькихъ лѣтъ цвѣтущаго молодого возраста, проведенныхъ въ стѣнахъ университета, и расширяется не односторонне, въ направленіи только избранной спеціальности: постоянное соприкосновеніе съ разносторонними сферами высшаго знанія съ различными областями спеціальнаго преподаванія всѣхъ факультетовъ не можетъ не оказать благотворнаго вліянія на ходъ умственнаго развитія каждаго учащагося. Не искусственная разъединенность, но, напротивъ, возможно большее общеніе, единство должно лежать въ основѣ всей жизни университета. Въ этомъ-то и заключается универсальность его дѣятельности и вліянія, болѣе или менѣе ясно сознаваемыя его учениками, надолго сохраняющими нравственную связь съ университетомъ. Лучшія воспоминанія молодости всегда сосредоточиваются около университетской жизни. Въ указанныхъ условіяхъ, милостивые государи, заключается основное значеніе университета для всего русскаго общества. Онъ является не только центромъ науки и высшаго спеціальнаго преподаванія, но и обществен-

ной школой въ лучшемъ, широкомъ смыслѣ слова. Но не этимъ только ограничивается дѣятельность университетской коллегіи: университетъ является не только разсадникомъ теоретическаго образованія для юношества, но часто дѣятельность его, въ лицѣ его преподавателей, переходитъ за предѣлы его внутренней жизни и принимаетъ непосредственное участіе и въ жизненныхъ интересахъ общества. Земскіе вопросы, судебныя учрежденія, различныя дѣла городского самоуправленія, задачи общественнаго здравія и воспитанія, народной грамотности, сельскаго хозяйственнаго благоустройства—все это много разъ требовало и требуетъ ученаго совѣта, научной экспертизы. Общество искало помощи ученыхъ силъ университета въ различныхъ областяхъ своей жизни—и находило ее. Эта общественная служба, посильно исполняемая нашимъ университетомъ въ лицѣ членовъ его персонала, происходитъ на глазахъ у всѣхъ. Университетъ является представителемъ науки въ практической жизни, научно устанавливаетъ и разъясняетъ ея задачи и вопросы и даетъ рѣшенія согласно современному состоянію науки.... Въ общество постепенно проникаетъ сознаніе, что при настоящихъ условіяхъ нашей жизни университетъ представляетъ собою не только спеціальную высшую школу, но въ извѣстныхъ случаяхъ является, черезъ своихъ представителей, однимъ изъ важнѣйшихъ дѣятелей во внутренней жизни страны»...

Послѣднимъ выборнымъ ректоромъ былъ Григорій Матвѣевичъ Цѣхановецкій. Товарищъ его по Нѣжинской гимназіи и по Кіевскому университету проф. А. В. Романовичъ-Славатинскій далъ такую мѣткую характеристику его въ своихъ воспоминаніяхъ: «Это былъ человѣкъ блестящихъ дарованій и громадной начитанности. Онъ читалъ чуть ли не на всѣхъ европейскихъ языкахъ... Я мало встрѣчалъ людей, у которыхъ мыслительная способность была бы такъ развита и функція мысли составляла бы такую правильную, органическую работу мозга. При томъ онъ былъ человѣкъ души нѣжной и впечатлительной, сердца мягкаго и любящаго»[1]). Цѣхановецкій, какъ ректоръ, при уставѣ 1884 года, былъ не ко двору и долженъ былъ выйти въ отставку, въ прикрытой формѣ отпуска за границу. Выдача 1500 р. пособія на поѣздку за границу поставлена была министерствомъ въ зависимость отъ отказа отъ ректорства, что Цѣхановецкимъ и было исполнено[2]).

Въ 1885 году производилось негласное слѣдствіе о лекціяхъ заслуженнаго профессора и бывшаго ректора университета Г. М. Цѣхано-

[1]) Вѣстникъ Европы 1903 г., III, 176.

[2]) Арх. м. н. пр. дѣло 1884 г. № $^{166972}/_{4367}$.

вецкаго, именно читаннаго имъ въ 1880-1881 академическомъ году курса лекцій по политической экономіи. Министерство народнаго просвѣщенія, на основаніи заявленія департамента полиціи, что въ лекціяхъ Цѣхановецкаго разбирается теорія Маркса, сдѣлало запросъ попечителю учебнаго округа, и попечитель въ своемъ отвѣтѣ писалъ, что, по отзывамъ ректора и декановъ, проф. Цѣхановецкій, по всему складу его способностей и его характера, отнюдь не можетъ быть подозрѣваемъ въ одобреніи съ каѳедры того, что шло бы вразрѣзъ съ существующими государственными порядками. Отличающійся спокойною разсудительностью и трезвою воздержанностью вообще въ своихъ сужденіяхъ и приговорахъ, проф. Цѣхановецкій въ лекціяхъ своихъ никогда не обнаруживалъ какой-либо тенденціозности и никогда не позволялъ себѣ возводить какую-либо доктрину въ непогрѣшимую догму, въ послѣднее, рѣшающее слово науки. Лекціи его всегда отличались, напротивъ, строгой объективностью и самостоятельнымъ анализомъ излагаемыхъ теорій. Всѣ эти качества лекцій профессора Цѣхановецкаго подтверждаются далѣе на основаніи литографированнаго его конспекта лекцій 1880 г. 16 страницъ въ немъ занимаетъ «изложеніе и критическая оцѣнка ученія о цѣнности Маркса, гдѣ основательно опровергаются главныя положенія доктрины Маркса».

Любопытно, что первоначальнымъ источникомъ этого слѣдствія было два слушателя проф. Цѣхановецкаго, попавшіеся въ политической пропагандѣ. Они заявили на слѣдствіи, что, «знакомясь на лекціяхъ съ теоріями Маркса, они принимали ихъ на вѣру, какъ лучшій выводъ не только науки, но и жизни». Ректоръ и деканъ по этому поводу замѣтили, что такую вѣру эти юноши могли пріобрѣсти изъ многихъ другихъ сторонъ, а не изъ университетскихъ лекцій; попечитель присоединился къ этому мнѣнію и 15 декабря 1885 года просилъ министра народнаго просвѣщенія гр. Делянова объ оставленіи проф. Цѣхановецкаго для продленія службы. Если такому горестному заподозриванію подвергся послѣдній выборный ректоръ изъ достойнѣйшихъ престарѣлыхъ профессоровъ, то тутъ сказалась участь всего университета, профессуры и науки, въ смыслѣ открывшагося безконечнаго простора для ихъ стѣсненія и осужденія.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПЕРІОДЪ:

ИСТОРІЯ УНИВЕРСИТЕТА ПРИ ДѢЙСТВІИ УСТАВА 1884 Г.

(съ 1884 г. до 1905 г.)[1]).

Четвертую эпоху въ жизни Харьковскаго университета за истекшее столѣтіе составляютъ послѣднія 20 лѣтъ, 1884—1904 г.г., *время дѣйствія устава 1884 г.* Эпоха эта, въ свою очередь, можетъ быть подраздѣлена на нѣсколько періодовъ: 1) съ 1884 г. по 1888 г.—время неуклоннаго проведенія новаго устава и мѣръ, дополняющихъ и развивающихъ его основныя начала; 2) съ 1888 до 1899 г.—время болѣе мягкаго примѣненія устава и связанныхъ съ нимъ правилъ, нѣкотораго даже измѣненія въ нихъ, въ смыслѣ возвращенія къ прежнему, и наконецъ 3), съ 1899 до 1905 г.—періодъ массовыхъ студенческихъ безпорядковъ, такъ называемыхъ *„забастовокъ“*, время полнаго крушенія устава 1884 г. и признанія его несостоятельности и необходимости коренной реформы.

Но мы будемъ и здѣсь держаться по возможности того порядка изложенія, который принятъ въ первыхъ частяхъ настоящаго очерка.

---

[1]) Въ основу положены, во 1-хъ, документальные матеріалы, извлеченные проф. Д. И. Багалѣемъ изъ архива министерства народнаго просвѣщенія и любезно предоставленные имъ въ мое распоряженіе, за что́ приношу искреннюю благодарность глубокоуважаемому товарищу; во-2-хъ, циркуляры, правила и друг. распоряженія (печатные); въ 3-хъ, отчеты (частью рукописные, частью печатные), протоколы и проч. цокументы изъ университетскаго архива; въ-4-хъ, доклады коммиссій и мнѣнія совѣта по разнымъ вопросамъ (большею частью печатные) и, наконецъ, личныя воспоминанія. Въ настоящій отдѣлъ вошелъ почти цѣликомъ, въ передѣланномъ видѣ, «Краткій очеркъ исторіи Харьковскаго университета въ царствованіе императора Александра III», составленный мною въ 1900 г., по порученію тогдашняго ректора Г. И. Лагермарка, и напечатанный въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ на правахъ рукописи.

В. Бузескулъ.

1-я глава.

Уставъ 1884 г. и строй университета.

Уставъ 1884 г., какъ извѣстно, подготовлялся задолго до его введенія, еще съ 70-хъ годовъ. Какъ шла эта подготовка, здѣсь не мѣсто излагать подробно: это относится къ общей исторіи русскихъ университетовъ и министерства народнаго просвѣщенія; подробности можно найти и въ историческомъ обзорѣ дѣятельности послѣдняго, составленномъ С. В. Рождественскимъ [1]). Достаточно сказать, что поводомъ къ пересмотру университетскаго устава 1863 г. послужили студенческіе безпорядки и обсужденіе мѣръ къ ихъ предотвращенію; а цѣлью реформы было усиленіе правительственнаго вліянія на управленіе университетами, контроля надъ преподаваніемъ въ нихъ, и утвержденіе порядка и дисциплины среди учащихся [2]). Совѣтъ Харьковскаго университета, въ отвѣтъ на запросъ министерства (въ 1872 г.) о желательныхъ измѣненіяхъ въ уставѣ 1863 г., высказался, подобно другимъ университетамъ, за сохраненіе началъ автономіи и основъ этого устава. Въ такомъ же смыслѣ высказывался въ коммиссіи, образованной въ 1875 г. для разработки проекта новаго устава, и тогдашній ректоръ Харьковскаго университета А. С. Питра. Отставка гр. Д. А. Толстого задержала намѣченную коренную реформу русскихъ университетовъ. Но съ назначеніемъ И. Д. Делянова министромъ она была проведена. Извѣстно, что въ Государственномъ Совѣтѣ проектъ новаго устава встрѣтилъ возраженія по всѣмъ основнымъ пунктамъ: большинство членовъ высказалось противъ него. Тѣмъ не менѣе, въ августѣ 1884 г. онъ былъ Высочайше утвержденъ и тотчасъ же приведенъ въ дѣйствіе [3]).

Уставъ 1884 г. существеннымъ образомъ измѣнилъ прежній строй университетовъ съ его автономіей и выборнымъ началомъ. Никогда еще у насъ не проводилось въ такой степени начало подчиненія универси-

---

[1]) Спб. 1902 (изданіе министерства нар. просв.). Ср. оффиціозную книгу, изданную на нѣм. яз.: Die Reform der russischen Universitäten nach dem Gesetz vom 23 August 1884. Leipz. 1886 (безъ имени автора), и представляющую апологію устава, но такъ какъ въ ней приводятся мнѣнія и выводы и его противниковъ, то читатель имѣетъ возможность составить себѣ самостоятельное воззрѣніе.

[2]) *С. В. Рождественскій*, Истор. обзоръ дѣятельности министерства народ. просв., стр. 484.

[3]) *С. В. Рождественскій*, стр. 614—615.

тетовъ правительственному, или, точнѣе, министерскому, вліянію и контролю [1]). Университеты поставлены были, можно сказать, въ полную зависимость отъ министерства. Послѣднее устанавливало всѣ, даже мельчайшія, подробности ихъ новаго строя, назначало, повышало и удаляло профессоровъ, избирало ректоровъ, назначало испытательныя коммиссіи. Оно разсматривало и утверждало обозрѣніе преподаванія и распредѣленіе лекцій; доходило до того, что требовалось его разрѣшеніе на перенесеніе лекцій съ одного дня или часа на другой...

По уставу попечитель округа является начальникомъ университета: онъ заботится о его «благосостояніи», наблюдаетъ за ходомъ преподаванія, за исполненіемъ правилъ, «пресѣкаетъ» всякое уклоненіе отъ нихъ, «возбуждаетъ дѣла объ отвѣтственности виновныхъ и ходатайствуетъ о вознагражденіи достойныхъ»; онъ—высшій руководитель во всѣхъ распоряженіяхъ по охраненію порядка и дисциплины въ университетѣ; въ чрезвычайныхъ случаяхъ онъ можетъ принимать мѣры, даже превышающія его власть. Большая часть дѣлъ или разрѣшается имъ, или восходитъ съ его заключеніемъ на разрѣшеніе министра. Назначеніе и движеніе по службѣ профессоровъ и преподавателей совершалось въ большинствѣ случаевъ по представленію или заключенію попечителя.

Ректоръ избирался не профессорскою коллегіею, а министромъ; ему ввѣрялось непосредственное завѣдываніе всѣми частями управленія университетомъ; въ чрезвычайныхъ и не терпящихъ отлагательства случаяхъ ему предоставлялось принимать всѣ необходимыя мѣры, хотя бы онѣ и превышали его власть. Отъ профессорской корпораціи онъ былъ совершенно независимъ. Даже и деканы были по уставу 1884 г. не выборные, а по назначенію.

Профессорская коллегія была совершенно устранена отъ всякаго вліянія на управленіе университетомъ. Значеніе совѣта понизилось, сфера его компетенціи съужена; функціи правленія, напротивъ, расширены, въ особенности на практикѣ.

Инспекторъ поставленъ совершенно независимо отъ профессорской коллегіи. Онъ подчиненъ попечителю и ректору. Онъ полноправный членъ правленія по всѣмъ вопросамъ, въ томъ числѣ и научно-учебнымъ. Не будучи членомъ ученой коллегіи, онъ, вмѣстѣ съ деканами, представителями факультетовъ, рѣшаетъ научные вопросы, при чемъ зависимость его отъ ректора ослабляется прямымъ подчиненіемъ попечителю округа [2]). Вліяніе инспекціи вообще чрезвычайно расширено.

---

[1]) Ср. *С. В. Рождественскій*, стр. 615 сл.

[2]) См. «Отвѣтъ» совѣта на вопросы, предложенные министерствомъ въ 1901 г., стр. 115.

Далѣе, уставъ 1884 года упразднилъ доцентуру, для «бо́льшаго поощренія профессоровъ и учащихся» ввелъ неизвѣстную дотолѣ русскимъ университетамъ систему гонорара, дѣленіе на семестры и проч. Онъ отдѣлилъ окончательные экзамены отъ дѣла преподаванія и создалъ особыя испытательныя коммиссіи, въ *теоріи* не имѣвшія ничего общаго съ университетомъ, и т. д.

Въ теченіе слѣдующаго 1885 г. былъ изданъ рядъ циркуляровъ и правилъ, коими дополнялся уставъ или развивались подробнѣе положенныя въ основу его начала и разъяснялись нѣкоторые его параграфы.

Главнѣйшія цѣли, какія имѣлъ въ виду уставъ, и средства для ихъ достиженія, все это ясно обнаруживается въ любопытныхъ *„Соображеніяхъ о приведеніи въ дѣйствіе постановленій новаго устава“* [1]. Цѣли таковы: 1) *„Усиленіе научнаго труда въ университетахъ“*. А въ числѣ средствъ тутъ является гонораръ, ибо «каждый трудящійся въ правѣ надѣяться, что все возможное будетъ сдѣлано, дабы съ увеличеніемъ его труда увеличивалось и его вознагражденіе. Удовлетвореніе этой справедливой надежды и имѣется въ виду при установленіи системы гонорара» и разныхъ дополнительныхъ вознагражденій. «Кромѣ того, преподаватели, кои окажутъ особенно усердное содѣйствіе видамъ правительства относительно поднятія учебнаго дѣла въ университетахъ, въ правѣ разсчитывать на особое вниманіе къ ихъ заслугѣ со стороны начальства»... 2) *„Улучшеніе въ государственномъ и политическомъ отношеніи.* Посвященный дѣлу науки и обученія, университетъ вмѣстѣ съ тѣмъ есть и государственное учрежденіе», а это налагаетъ на профессоровъ, какъ *„чиновниковъ государства“*, и на студентовъ, какъ готовящихся нести государственную службу, особыя обязанности. Правда, *„Соображенія“* признаютъ, что «ни профессора, ни студенты не призваны заниматься политикою». Но — говорится далѣе — университетъ, какъ учрежденіе государственное, «не можетъ не имѣть и политической цѣли. Университетское воспитаніе—преподаваніе и нравственное руководство—должно быть на службѣ государственныхъ интересовъ и правительственной власти, должно быть патріотическимъ... Дѣятельность университета должна быть обязательно и убѣжденно патріотическою во всемъ, гдѣ университетъ касается государства». Поднятіе учебныхъ занятій, «привлекая умы въ область чистаго знанія, должно противодѣйствовать вторженію ненаучныхъ стремленій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо, чтобы профессора въ политическомъ отношеніи сознавали себя органами правительства, обязанными слѣдовать его видамъ, никакъ

---

[1]) Архивъ мин. нар. пр., № $^{162726}/_{3009}$.

не противодѣйствуя имъ ни явно, ни скрытно. Это не поддается предписаніямъ, но постановленіе университета, согласно новому уставу, подъ болѣе непосредственное, чѣмъ прежде, дѣйствіе правительственной власти можетъ дать въ этомъ отношеніи, при разумномъ и доброжелательномъ примѣненіи, благопріятныя послѣдствія». 3) „*Усиленіе правительственной заботы относительно пополненія личнаго состава университетовъ достойными кандидатами и вызова талантовъ*". По словамъ «Соображеній», «новыя постановленія направлены къ тому, чтобы выборы въ профессоры не были предоставлены случайностямъ и пристрастіямъ, столь нерѣдкимъ при самопополненіи, а были дѣломъ внимательнаго и подробнаго обсужденія съ рѣшающимъ голосомъ центральной власти и на ея отвѣтственности». Поэтому и преподаваніе приватъ-доцентовъ должно быть «предметомъ внимательнаго и доброжелательнаго наблюденія, дабы достоинства и недостатки не оставались неизвѣстными, а не серьезное отношеніе къ дѣлу или вредное направленіе... были немедленно пресѣкаемы»... 4) „*Усиленіе правительственнаго вліянія въ дѣлѣ управленія университетовъ*". Тутъ имѣется въ виду дать правительственной власти, по отношенію къ университетамъ, возможность дѣйствовать «прямымъ начальническимъ путемъ». «И это должно быть понимаемо», поясняютъ «Соображенія», «не только какъ увеличеніе полномочій, *по буквѣ закона и никакъ не малыхъ*, но главнымъ образомъ, какъ увеличеніе обязанностей и отвѣтственности органовъ правительственной власти». Однако сначала имѣлось въ виду въ новомъ уставѣ сохранить «выборный характеръ внутренняго управленія, завѣщанный вѣковымъ преданіемъ»: «это, когда новый порядокъ, съ Божіей помощью, установится, не представляетъ никакихъ затрудненій». Но на время переходной эпохи выборный характеръ «представлялъ бы значительныя затрудненія», и назначеніе ректора признано необходимымъ, дабы въ дѣйствіяхъ его и попечителя были согласіе и солидарность.

Изъ приведенныхъ «соображеній», какъ и изъ другихъ дальнѣйшихъ фактовъ, ясно, что при составленіи устава 1884 года не имѣлись въ виду интересы только одной чистой, независимой науки: большая часть поставленныхъ цѣлей имѣла очень мало общаго съ этими интересами, даже рѣзко расходилась съ ними, и уставъ вызванъ былъ иными видами и соображеніями. Мы нѣсколько остановились на его характеристикѣ, чтобы намъ яснѣе были тѣ условія и та атмосфера, среди которыхъ Харьковскому университету, какъ и другимъ, приходилось жить съ 1884 года. Это объяснитъ намъ многое въ его послѣдующей исторіи.

Посмотримъ теперь, какъ въ Харьковскомъ университетѣ приводился въ дѣйствіе новый уставъ.

Прежде всего надо было рѣшить вопросъ объ университетскихъ властяхъ—ректорѣ и деканахъ, прежде выборныхъ, теперь назначаемыхъ. Ректоромъ Харьковскаго университета назначенъ бывшій по избранію совѣта проректоромъ И. П. Щелковъ, а деканами факультетовъ въ 1884 г. оставлены были тѣ же лица, которыя уже состояли въ этой должности по избранію, а именно: по историко-филологическому факультету—*В. К. Надлеръ*, по физико-математическому—*И. Ѳ. Левяковскій*, юридическому—*А. Н. Стояновъ* и медицинскому—*И. К. Зарубинъ*[1]). И что характерно, ходатайствуя объ утвержденіи этихъ лицъ въ должности декановъ, тогдашній попечитель генер.-лейт. М. С. Максимовскій «долгомъ считалъ довести до свѣдѣнія» министра, «что лучшаго выбора во всякомъ случаѣ онъ сдѣлать бы не могъ, и если бы означенные профессора не состояли уже въ должности, то онъ, по крайнему своему убѣжденію, показалъ бы именно на нихъ, считая ихъ, среди другихъ профессоровъ наиболѣе соотвѣтствующими важной должности деканова». Затѣмъ слѣдовала характеристика ихъ, не исключая и ихъ направленія, «во всѣхъ отношеніяхъ благонадежнаго».

Другой важный и чрезвычайно щекотливый вопросъ, требовавшій рѣшенія, это—о судьбѣ штатныхъ *доцентовъ*.

Уставъ 1884 г. упразднилъ штатную доцентуру, предоставлявшуюся обыкновенно магистрамъ, а доцентовъ въ Харьковскомъ университетѣ въ моментъ введенія новаго устава было 22 (на историко-филологическомъ фак.—7, физико-математическомъ—4, юридическомъ—2, медицинскомъ—9). Согласно Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта требовалось распредѣлить ихъ на три категоріи: однихъ, наиболѣе достойныхъ, кои «пріобрѣли извѣстность своими учеными трудами и даромъ преподаванія», возвести прямо въ званіе экстраординарнаго профессора, хотя бы они и не имѣли степени доктора; другихъ, среднихъ, назначить «временно исполняющими обязанности профессора», а третьихъ, наконецъ, оставить за штатомъ, въ положеніи приватъ-доцентовъ. Понятно, что при этомъ распредѣленіи или, такъ сказать,

[1]) *В. К. Надлеръ* состоялъ деканомъ до 1891 г., когда перешелъ въ Одессу; *И. Ѳ. Левяковскій*—по 1887 г.; *А. Н. Стояновъ*—по 1886 г.; *И. К. Зарубинъ*—по 1889 г. Ихъ преемники: на историко-филологическомъ фак.—*А. С. Лебедевъ* (1891—1901), *В. П. Бузескулъ* (съ 1901 г.); на физико-математическомъ—*П. Т. Степановъ* (1887—1891), *А. С. Бріо* (1891—1905); на юридическомъ—*М. М. Алексѣенко* (1886—1891), *Л. Н. Загурскій* (1891—1905); на медицинскомъ—*П. И. Ковалевскій* (1889—1894), *А. Я. Бруевъ* (1894—6), *Н. К. Кульчицкій* (1897—1901), *М. А. Поповъ* (1901, нѣсколько мѣсяцевъ), *М. М. Ломиковскій* (съ 1901 г.).

сортировкѣ, и притомъ производимой безъ участія факультетовъ и совѣта, открывалось широкое поле усмотрѣнію и различнымъ посторонним вліяніямъ.

Попечитель М. С. Максимовскій представилъ [1]) на благоусмотрѣніе министра распредѣленіе доцентовъ на категоріи, исполненное «послѣ тщательнаго обсужденія правъ и личныхъ качествъ каждаго лица съ ректоромъ и деканами» соотвѣтствующихъ факультетовъ. Проектировалось 8 доцентовъ отнести къ первой категоріи, 8—ко второй, остальныхъ 6—къ третьей. При этомъ попечитель далъ подробную характеристику каждаго доцента, какъ преподавателя и ученаго, въ общемъ довольно вѣрную и безпристрастную, съ указаніемъ достоинствъ и недостатковъ. Большое вниманіе обращалось, конечно, на благонадежность и «образъ мыслей». Объ одномъ изъ доцентовъ, занявшемъ впослѣдствіи высокій постъ въ университетѣ (по назначенію), говорилось, напр., что «въ началѣ своей дѣятельности онъ былъ склоненъ, какъ и многіе молодые ученые, къ громкимъ фразамъ либеральнаго оттѣнка», но что теперь въ этомъ отношеніи его упрекнуть нельзя, и вообще попечитель находилъ возможнымъ возвести его въ званіе экстраординарнаго профессора.

Въ министерствѣ труды доцентовъ иногда давались на заключеніе разнымъ лицамъ и разсматривались, между прочимъ, въ отношеніи направленія и образа мыслей авторовъ. Объ упомянутомъ доцентѣ, которому попечитель ставилъ въ упрекъ (въ прошломъ) «громкія фразы либеральнаго оттѣнка», предсѣдатель ученаго комитета А. И. Георгіевскій, имѣвшій огромное вліяніе при проведеніи устава, замѣчалъ, что на основаніи нѣкоторыхъ страницъ работъ этого доцента онъ пришелъ къ убѣжденію, что тотъ «долженъ быть рѣшительный конституціоналистъ» и «еще болѣе—, что какъ онъ, такъ и едва ли не всѣ наши юристы, стоятъ рѣшительно не на почвѣ нашего общественнаго и государственнаго строя и законодательства». Въ трудахъ другого доцента, о которыхъ данъ былъ рецензентомъ благопріятный отзывъ, А. И. Георгіевскій усматривалъ «отрицательную точку зрѣнія по отношенію къ истинамъ откровенной религіи» и поэтому полагалъ, «что впредь до болѣе очевидныхъ доказательствъ направленія его образа мыслей было бы осторожнѣе не возводить его въ экстраординарные профессоры» (какъ проектировалъ попечитель). Это вызвало со стороны министра любопытную замѣтку (сдѣланную карандашемъ), что авторъ по большей части излагаетъ мысли другихъ мыслителей, а не свои собственныя, и

[1]) Отъ 4 октября 1884 г., № 8301 (архивъ мин. нар. просв., $^{16979}/_{4868}$).

что «кто составляетъ *исторію* науки, не можетъ не выписывать чужихъ мнѣній, какъ бы иногда нелѣпы они ни были». Въ концѣ концовъ, послѣ долгой переписки, оба эти доцента возведены были въ званіе экстраординарнаго профессора, согласно представленію попечителя. Одинъ изъ наиболѣе достойныхъ доцентовъ, принадлежащій нынѣ къ числу лучшихъ силъ Харьковскаго университета, министерствомъ былъ отнесенъ къ третьей категоріи, т. е. оставленъ за штатомъ, «такъ какъ, по *частнымъ свѣдѣніямъ*, отличался» будто бы «хохломанствомъ», не смотря на то, что попечитель аттестовалъ его по направленію «вполнѣ благонадежнымъ» и предполагалъ отнести ко второй категоріи, какъ начинающаго преподавателя, о которомъ трудно высказать опредѣленное мнѣніе; самое обвиненіе въ хохломанствѣ основывалось, какъ оказалось[1]), на свѣдѣніяхъ о докладахъ, читанныхъ на археологическомъ съѣздѣ въ Одессѣ и *принадлежавшихъ другому лицу*.

Изъ этихъ примѣровъ видно, какъ тщательно изслѣдовались тогда направленіе и образъ мыслей университетскихъ преподавателей; главнымъ образомъ съ этой точки зрѣнія оцѣнивался преподаватель. Нѣкоторыхъ доцентовъ понижали или повышали по категоріямъ (сравнительно съ предположеніемъ попечителя) между прочимъ съ тѣмъ, чтобы они конкуррировали другъ съ другомъ «на совершенно равныхъ правахъ и условіяхъ», а затѣмъ преимущество предполагалось отдать «тѣмъ изъ нихъ, кто на дѣлѣ заявилъ бы себя достойнѣйшимъ и способнѣйшимъ». При распредѣленіи доцентовъ медицинскаго факультета въ министерствѣ большое вліяніе оказывали отзывы проф. Харьковскаго университета Я. С. Кремянскаго, «почти прямо противоположные предположенію попечителя». Эти отзывы прилагалъ къ своимъ заключеніямъ предсѣдатель ученаго комитета и на нихъ ссылался въ своихъ предположеніяхъ.

Въ результатѣ часть доцентовъ (приблизительно треть) была распредѣлена согласно проекту попечителя; другіе изъ первой категоріи перенесены во вторую и даже третью, и наоборотъ.

Новый порядокъ вещей, зависимость отъ министерства всюду давали себя чувствовать. Какъ это вліяло на нѣкоторыхъ членовъ профессорской коллегіи, показываютъ частыя поѣздки въ Петербургъ, въ министерство, отъ котораго теперь зависѣли назначенія и повышенія. Бывали случаи обращенія съ просьбой о повышеніи со стороны лицъ, которыя считали себя обойденными при прежней выборной системѣ и проч. Такъ, одинъ давно уже ожидавшій ординатуры профессоръ, «ра-

[1]) Письмо ректора директору департамента отъ 1 марта 1885 г. (архивъ мин. нар. пр., № $^{166982}/_{4869}$).

дуясь всею душою введенію новаго университетскаго устава» и принося искреннѣйшее поздравленіе министру «съ побѣдою истиннаго просвѣщенія и всеобщаго блага», напоминалъ о своемъ тягостномъ положеніи, и въ виду того, что «въ настоящее время повышеніе зависитъ уже не отъ произвола выборовъ, а отъ представленія г. попечителя или усмотрѣнія самого министра», просилъ оказать ему справедливость. «Тяжело подумать», писалъ онъ, «чтобы вынуждены были оставлять университетскую службу или бѣдствовать на ней именно тѣ лица, которыя извѣстны вѣрными слугами наукѣ, просвѣщенію, отечеству и правительству, и въ ту именно пору, когда дѣла университетовъ пріобрѣли оборотъ къ лучшему съ новымъ уставомъ». По поводу этого письма предсѣдатель ученаго комитета высказался, что «было бы дѣломъ справедливости» теперь же возвести просителя въ ординарные профессоры «во вниманіе къ его продолжительной службѣ, къ его ученымъ трудамъ и къ его несомнѣнно доброму правительственному и патріотическому направленію» [1]). Подобные факты, какъ они ни характерны, не слѣдуетъ, впрочемъ, обобщать: они все же составляли исключеніе.

Вліяніе министерства простиралось и на такую сферу, которая по уставу оставлена была въ вѣдѣніи университета.

Вотъ одинъ изъ характерныхъ эпизодовъ, который недавно огласилъ проф. Н. Ѳ. Сумцовъ [2]). Какъ разъ въ годъ введенія устава, въ самый разгаръ университетской ломки, Н. Ѳ. Сумцовъ представилъ докторскую диссертацію изъ исторіи юго-западной литературы половины XVII ст. Диссертація была факультетомъ одобрена; назначенъ былъ диспутъ; вдругъ университетское начальство объявило ему, что не можетъ дать аудиторію изъ опасенія студенческихъ волненій. Дѣло въ томъ, что по особымъ внушеніямъ изъ Харькова со стороны проф. Б-ва [3]) министръ передалъ изслѣдованіе Н. Ѳ. Сумцова на разсмотрѣніе К. Н. Бестужева-Рюмина и А. Ѳ. Бычкова. Ни тотъ, ни другой не нашли въ диссертаціи «ничего противозаконнаго» [4]), тѣмъ не менѣе диспутъ не состоялся. Не только А. И. Кирпичниковъ, но и Л. Н. Майковъ, и А. Ѳ. Бычковъ совѣтовали диссертацію не брать назадъ, а жаловаться. «Дорогія тѣни!» говоритъ по этому поводу Н. Ѳ. Сум-

---

[1]) Арх. мин. нар. просв., $^{16979}/_{4368}$ (1884 г.).

[2]) Въ своихъ воспоминаніяхъ о проф. А. И. Кирпичниковѣ, Харьк. 1904 (изъ XIV т. «Сборника Харьк. истор.-филол. общества»), стр. 15—16.

[3]) Того самаго, который обращался къ министру съ просьбой оказать ему справедливость и дать ординатуру. Сообщенія этого профессора пользовались нѣкоторое время довѣріемъ въ министерствѣ и оказывали вліяніе.

[4]) Автора обвиняли въ украинофильствѣ.

цовъ, «вамъ я обязанъ тѣмъ, что, при всѣхъ препонахъ, достигъ каѳедры и уцѣлѣлъ при университетской ломкѣ того времени. Гдѣ ужъ тамъ было жаловаться и настаивать! Все тогда сжималось, и мнѣ нужно было сжаться»...

Вообще, то было тяжелое время. Одинъ изъ популярнѣйшихъ среди молодежи профессоровъ, прекрасный лекторъ и хорошій знатокъ исторіи русскаго права, И. И. Дитятинъ, долженъ былъ оставить университетъ (1887). Его обвиняли [1]) между прочимъ въ томъ, что онъ будто бы оказываетъ содѣйствіе противоправительственнымъ стремленіямъ учащейся молодежи, находится въ перепискѣ съ нѣкоторыми неблагонадежными лицами и, держась особнякомъ отъ прочихъ своихъ сослуживцевъ, старается пріобрѣсти популярность среди студентовъ, участвуетъ въ ихъ собраніяхъ и обѣдахъ, собираетъ у себя молодежь и оказываетъ вредное вліяніе на нее. Еще по распоряженію барона А. П. Николаи надъ И. И. Дитятинымъ былъ учрежденъ, со стороны учебнаго начальства, тщательный надзоръ, а въ 1887 г. ему предложено было подать въ отставку.

Не легко было и положеніе ректора. Въ 1885 г. возникло цѣлое дѣло [2]) о демонстраціи, устроенной будто бы профессорами на актѣ 17 января: въ вступительныхъ словахъ прочитаннаго отчета за 1884 г., въ которыхъ указывалось особенное значеніе истекшаго года, какъ стоящаго на рубежѣ двухъ эпохъ—одной, выразителемъ коей былъ уставъ 1863 г., и «той, которая открывается съ введеніемъ новаго устава», усмотрѣны были «сопоставленія и порицанія» этого устава, о чемъ и сообщено телеграммой въ Петербургъ, и ректору пришлось представлять свои объясненія, прилагать подлинный текстъ вступленія, ссылаться на присутствовавшихъ на актѣ преосвященнаго, командующаго войсками, и. д. начальника губерніи и проч. Это обстоятельство послужило поводомъ къ измѣненію самаго порядка составленія отчетовъ: съ 1876 по 1884 г. включительно ихъ составляла коммиссія изъ профессоровъ и читались они однимъ изъ ея членовъ. Теперь отчеты стали составляться секретаремъ совѣта, подъ наблюденіемъ самого ректора, который и читалъ ихъ на актѣ.

Примѣненіе устава, естественно, вызывало, особенно на первыхъ порахъ, разнаго рода затрудненія; возникали недоразумѣнія; требовались разъясненія, и ректоръ неразъ входилъ съ представленіемъ на этотъ счетъ, а это вызывало со стороны вліятельныхъ въ министерствѣ лицъ

---

[1]) Архивъ мин. нар. просв., $^{172572}/_{4604}$ (1887 г.).

[2]) Архивъ мин. нар. просв., $^{162726}/_{3011}$.

подозрѣніе, будто бы онъ «старается пріискивать всевозможныя затрудненія для осуществленія новаго университетскаго устава».

При той власти, которою уставъ 1884 г. облекалъ попечителя, для университетской жизни далеко не безразлично было, кто занималъ эту должность, особенно когда еще вводился новый порядокъ и происходила ломка университетскаго строя.

Въ моментъ изданія устава 1884 года попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа былъ, какъ мы видѣли, генер.-лейт. *М. С. Максимовскій;* при немъ проведены были первыя мѣры, связанныя съ новымъ порядкомъ. Но черезъ нѣсколько уже мѣсяцевъ его замѣнилъ[1]) т. с. *Н. П. Воронцовъ-Вельяминовъ*, прибывшій въ Харьковъ въ началѣ 1885 года. Артиллеристъ по образованію, Н. П. Воронцовъ-Вельяминовъ служилъ сначала то въ военной службѣ, то по министерству государственныхъ имуществъ. Въ 1863 году онъ посѣтилъ Вильну и Варшаву и оттуда посылалъ корреспонденціи Каткову, обратившія на себя вниманіе. Цѣлыхъ 20 лѣтъ онъ провелъ затѣмъ на службѣ въ Царствѣ Польскомъ, сначала какъ сотрудникъ Н. А. Милютина, кн. Черкасскаго и Самарина по крестьянскому дѣлу, а потомъ занималъ должность начальника Радомской учебной дирекціи и въ теченіе 13 лѣтъ былъ помощникомъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа (Апухтина). Эта служба на окраинѣ, среди борьбы національныхъ и религіозныхъ элементовъ, должна была наложить извѣстный отпечатокъ на воззрѣнія Н. П. Воронцова-Вельяминова, и первое время онъ относился подозрительно къ Харьковскому университету, усматривая и тутъ сепаратизмъ. Это обнаружилось, между прочимъ, и въ отношеніи его къ студенческой демонстраціи противъ одного молодого преподавателя, вступительная лекція котораго встрѣчена была свистками и шиканіемъ части аудиторіи. Объ этомъ, въ сущности неважномъ, инцидентѣ попечитель сообщилъ телеграммой въ Петербургъ, какъ о «дерзкомъ нарушеніи приличія и порядка нѣсколькими студентами»; профессорамъ, несочувственно относившимся къ упомянутому преподавателю, поставилъ въ вину ихъ отсутствіе на лекціи, а въ самой демонстраціи усмотрѣлъ вліяніе

---

[1]) По поводу оставленія М. С. Максимовскимъ должности попечителя во вступленіи къ отчету за 1884 годъ было сказано, что онъ относился къ университету и профессорской коллегіи «сочувственно» и «оставилъ свой постъ, сопровождаемый искренними сожалѣніями значительнаго большинства университетской коллегіи». Впрочемъ, эти фразы, при обсужденіи отчета въ совѣтѣ, вызвали продолжительныя пренія и встрѣтили сильную оппозицію со стороны меньшинства (правда, по численности незначительнаго). См. протоколъ засѣданія 15 января 1885 года и отдѣльное мнѣніе нѣсколькихъ профессоровъ.

«вредоносныхъ» историческихъ теорій, «сложившихся въ головахъ нашихъ украинофиловъ»[1].

Впослѣдствіи мало-по-малу отношеніе Н. П. Воронцова-Вельяминова къ университету и его дѣятелямъ измѣнилось къ лучшему. Онъ былъ попечителемъ въ Харьковѣ сравнительно долго—около 12 лѣтъ. Въ 1886 г. его замѣнилъ *И. П. Хрущовъ* (1896—9 г.), магистръ русской словесности и одно время доцентъ университета св. Владиміра. Преемникомъ И. П. Хрущова былъ *В. К. ф. Анрепъ* (1899—1901 г.), въ серединѣ 80-хъ г.г. занимавшій каѳедру судебной медицины въ Харьковскомъ университетѣ, затѣмъ служившій при медицинскомъ департаментѣ, бывшій профессоромъ въ клиническомъ институтѣ Великой Княгини Елены Павловны и директоромъ женскихъ медицинскихъ курсовъ въ Петербургѣ; а съ 1901 года попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа состоитъ *М. М. Алексѣенко,* питомецъ Харьковскаго университета, бывшій профессоръ финансоваго права, деканъ юридическаго факультета и ректоръ этого университета въ продолженіе почти 9 лѣтъ (1891—1899 г.), а затѣмъ попечитель Казанскаго учебнаго округа.

Къ 1887 г. новые порядки были окончательно введены въ Харьковскомъ университетѣ, и въ отчетѣ за 1886 г. констатируется тотъ фактъ, что въ этомъ году уставъ 1884 года былъ уже въ полномъ дѣйствіи и жизнь университета, какъ внутренняя, такъ и внѣшняя, регулировалась уже правилами и положеніями, основанными на названномъ уставѣ. Объ этихъ правилахъ и положеніяхъ, равно какъ и о тѣхъ сторонахъ устава, которыя касаются преподаванія и студентовъ, мы будемъ говорить далѣе. Здѣсь же отмѣтимъ, что съ 1888 года, какъ было упомянуто, подъ вліяніемъ опыта, обнаруживается нѣкоторый поворотъ: уставъ примѣняется уже не съ такою строгостью и послѣдовательностью; нѣкоторыя нововведенія отмѣняются; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ пришлось даже вернуться къ прежнему.

Дѣло въ томъ, что многія нововведенія оказывались непримѣнимыми къ дѣйствительности. А главное—уставъ 1884 г. вызванъ былъ прежде всего стремленіемъ сдѣлать невозможными на будущее время студенческіе безпорядки. Объѣзжая университеты въ 1887 г., предсѣдатель ученаго комитета А. И. Георгіевскій выражалъ твердую увѣренность, что теперь безпорядки немыслимы; но оказалось, что этой цѣли уставъ не достигъ. Какъ извѣстно, безпорядки происходили и послѣ его введенія, и какъ разъ въ 1887 году, когда А. И. Георгіевскій возвращался изъ своей поѣздки, они приняли широкіе размѣры, охвативъ многіе университеты,

---

[1]) Донесеніе отъ 16 февр. 1885 г. (архивъ мин. нар. просв., $^{166981}/_{4369}$).

въ томъ числѣ и Харьковскій[1]). Это должно было сильно подорвать вѣру въ цѣлительность устава и вообще въ цѣлесообразность новыхъ порядковъ.

Нѣкоторое вліяніе на перемѣну въ отношеніи къ университетамъ имѣли и другія обстоятельства, напр. посѣщеніе университетскихъ городовъ и въ томъ числѣ Харькова тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія И. Д. Деляновымъ осенью 1888 г. Въ Харьковѣ министръ пробылъ недѣлю (18—25 сент.), при чемъ значительную часть времени посвятилъ университету. Онъ осмотрѣлъ его помѣщенія и учрежденія, посѣтилъ нѣкоторыя лекціи и имѣлъ рядъ совѣщаній съ профессорами и приватъ-доцентами каждаго изъ факультетовъ въ отдѣльности. При этомъ подверглись обсужденію и разъясненію сомнѣнія и недоразумѣнія, встрѣчавшіяся при примѣненіи новаго устава и правилъ, высказывались мнѣнія о ихъ недостаткахъ и проч.

Больше вліянія имѣло другое событіе, о которомъ далѣе мы еще будемъ говорить. Это—посѣщеніе университетскихъ клиникъ и церкви Императоромъ Александромъ III 19 октября 1888 года, послѣ спасенія Государя, Государыни и Царской семьи при крушеніи Императорскаго поѣзда близъ Борокъ (17 октября). Дѣятельное участіе Харьковскаго университета въ дѣлѣ оказанія помощи раненымъ при этой катастрофѣ; пріемъ, оказанный Государю и Государынѣ въ Харьковѣ, а также въ Москвѣ и Петербургѣ, учащеюся молодежью,—все это не могло не повліять на отношеніе правительства къ университетамъ вообще и въ частности къ Харьковскому, и съ 1888 г. это отношеніе становится болѣе довѣрчивымъ и болѣе внимательнымъ къ ихъ нуждамъ.

Перейдемъ теперь къ дѣятельности совѣта Харьковскаго университета за разсматриваемый періодъ.

Во главѣ университета, въ качествѣ ректора, а слѣдовательно, и предсѣдателя совѣта, въ первые годы послѣ обнародованія устава стоялъ, какъ мы видѣли, *И. П. Щелковъ*. Отношеніе къ нему профессорской коллегіи видно изъ того, что вскорѣ послѣ перехода его въ Варшаву (въ концѣ 1890 года) совѣтъ Харьковскаго университета избралъ его въ почетные члены. На мѣсто И. П. Щелкова назначенъ былъ деканъ юридическаго факультета *М. М. Алексѣенко* (нынѣ попечитель Харьковскаго учебнаго округа), ректорство котораго продолжалось болѣе 9 лѣтъ, до назначенія его (въ 1899 г.) попечителемъ въ Казань; преемникомъ его былъ *Г. И. Лагермаркъ*, профессоръ

---

[1]) О нихъ—далѣе, въ III гл.

химіи, занимавшій должность ректора около 2 лѣтъ; послѣ него назначенъ профессоръ государственнаго права *Н. О. Куплеваскій* (по 1905 г.).

Уставомъ 1884 г. сфера компетенціи и дѣятельность совѣта была крайне съужена. Въ первое время послѣ обнародованія устава совѣтъ, по крайней мѣрѣ, принималъ участіе въ обсужденіи проектовъ нѣкоторыхъ правилъ и мѣръ, связанныхъ съ новымъ порядкомъ, хотя съ его представленіями и мнѣніями министерство рѣдко соглашалось.

Такъ, въ 1885 г. совѣтомъ Харьковскаго университета подробно были разсмотрѣны предложенныя на его обсужденіе правила, касающіяся студентовъ, и инструкція для инспекціи, выработанная министерствомъ. Совѣтъ представилъ цѣлый рядъ возраженій по поводу ихъ[1]); представилъ свои замѣчанія на инструкцію и ректоръ, указывая главнымъ образомъ на неопредѣленное, такъ сказать, двойственное положеніе инспектора, какъ подчиненнаго и попечителю, и ректору. Харьковскимъ университетомъ выработаны были и учебные планы[2]), но министръ не призналъ возможнымъ утвердить ихъ. Но съ 1886 г., когда новый порядокъ вполнѣ уже установился, дѣятельность совѣта долгое время—до самаго конца 90-хъ годовъ—обыкновенно ограничивалась дѣлами объ исключеніи разныхъ лицъ изъ податного состоянія, утвержденіями въ степеняхъ и вообще такъ называемыми «текущими дѣлами», принимаемыми къ свѣдѣнію или исполненію. Въ отчетахъ о дѣятельности университета за эти годы такія дѣла, какъ разсмотрѣніе обозрѣнія преподаванія, смѣты спеціальныхъ средствъ, ходатайство того или другого факультета о временномъ порученіи преподаванія по вакантной каѳедрѣ, о вознагражденіи приватъ-доцентовъ и т. под., именуются «важнѣйшими»; да и тутъ обыкновенно все ограничивалось заслушиваніемъ и направленіемъ далѣе, въ высшую инстанцію. Нѣкоторое ис-

---

[1]) Протоколъ засѣд. совѣта 14 марта и 4 апрѣля 1885 года.

[2]) Разсмотрѣніе ихъ въ совѣтѣ сопровождалось долгими преніями, въ особенности касательно учебнаго плана по медицинскому факультету. Тогда выдѣлилось нѣсколько лицъ изъ профессорской среды, которыя нѣкоторое время пользовались особымъ довѣріемъ въ министерствѣ. Въ особенности это нужно сказать объ одномъ профессорѣ-медикѣ, который въ факультетѣ и въ совѣтѣ постоянно вступалъ въ долгія пререканія, позволяя себѣ рѣзкости и оскорбленія по отношенію къ членамъ и предсѣдателю. Въ одномъ изъ засѣданій совѣта дѣло дошло до того, что многіе поднялись съ мѣстъ и заявили, что, въ виду явнаго неуваженія къ совѣту и предсѣдателю со стороны этого профессора, они считаютъ невозможнымъ оставаться долѣе въ залѣ засѣданія; нѣкоторые предлагали изыскать мѣры для устраненія нарушенія порядка и чтобы гарантировать совѣтъ отъ оскорбленій, и т. д. (Протоколъ засѣд. сов. 4 апр. 1885 г.).

ключеніе составилъ вопросъ объ избраніи мѣста для постройки клиникъ, вызвавшій продолжительныя и оживленныя пренія въ совѣтѣ (1894 г.). Съ конца 90-хъ годовъ дѣятельность совѣта значительно расширяется.

Къ этому времени и само министерство явно пришло къ убѣжденію въ несостоятельности, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ сторонъ устава,— прежде всего системы гонорара.

Гонорарная система была установлена для бо́льшаго поощренія профессоровъ и учащихся и вмѣстѣ какъ средство устранить «всѣ тѣ нестроенія, которыми страдало, при прежнихъ порядкахъ, учебное дѣло въ нашихъ университетахъ и которыхъ никакія административныя мѣры не могли устранить[1])». Гонораръ, по словамъ его защитниковъ[2]), есть справедливое воздаяніе каждому. Предполагалось, что «при равныхъ условіяхъ тотъ преподаватель, очевидно, будетъ имѣть болѣе слушателей, кто лучше преподаетъ»; что гонораръ побудитъ профессоровъ не только увеличивать количество, но и улучшать качество своего преподаванія, «строго сообразуясь съ дѣйствительными потребностями и съ удобствами своихъ слушателей, обучая ихъ прежде всего тому, что́ требуетъ отъ нихъ правительство на экзаменахъ». Гонораръ долженъ былъ побудить и студентовъ относиться внимательнѣе къ лекціямъ, «такъ какъ они именно за нихъ и заплатили деньги»; онъ сразу установитъ нравственныя и доброжелательныя отношенія между профессорами и студентами и поведетъ къ столь желательному сближенію между ними на почвѣ науки; «эти же деньги поведутъ къ тому, что при системѣ гонорара каждый преподаватель будетъ лично заинтересованъ тѣмъ, чтобы въ его аудиторіи не было лицъ, не пріобрѣвшихъ права на слушаніе лекцій».

Надежды эти и соображенія, какъ извѣстно, не оправдались. Уже графъ И. Д. Деляновъ въ 1897 г., усматривая существенныя неудобства въ гонорарной системѣ, заключавшіяся, съ одной стороны, въ обремененіи студентовъ значительною платою и, съ другой,—въ неравномѣрномъ распредѣленіи этой платы между преподавателями, призналъ необходимымъ «предварительно какого-либо дальнѣйшаго направленія сего дѣла» (въ законодательномъ порядкѣ) «имѣть относительно дѣйствующей нынѣ системы гонорара мнѣніе совѣтовъ университетовъ, управляемыхъ уставомъ 1884 г.». Вслѣдствіе этого совѣтъ Харьковскаго университета, для предварительной разработки вопроса, избралъ коммиссію изъ профессоровъ А. К. Андреева, Д. И. Багалѣя, Н. О. Куплеваскаго, И. Н. Миклашевскаго, И. П. Осипова, А. В. Репрева, И. П. Скворцова и Н. Ѳ. Сумцова. Коммиссія сочла необходимымъ прежде всего ознакомиться съ

[1]) Мнѣніе 16 членовъ Государственнаго Совѣта въ пользу гонорара.

[2]) См. указанное мнѣніе 16 человѣкъ.

фактическимъ положеніемъ, созданнымъ гонорарною системою, и предложила совѣту высказать мнѣніе о гонорарѣ, основывающееся на собранныхъ и надлежащимъ образомъ провѣренныхъ фактахъ дѣйствительной жизни. Она представила обстоятельный докладъ, занимающій въ печати 31 стр., который былъ принятъ совѣтомъ единогласно и который ясно свидѣтельствуетъ, какова было вліяніе гонорарной системы. По заключенію коммиссіи, гонораръ явился большимъ обремененіемъ для студентовъ и имѣлъ своимъ послѣдствіемъ то, что прохожденіе университетскаго курса наиболѣе облегчено, съ одной стороны, очень богатымъ молодымъ людямъ, а съ другой—совсѣмъ неимущимъ (которые могутъ быть освобождены отъ платы); главною тяжестью плата легла на семьи средняго или малаго достатка; положеніе такихъ семей особенно тяжело, если приходится воспитывать нѣсколькихъ сыновей; подобныя семьи, «воистину, бѣдныя семьи, хотя онѣ и не могутъ представить свидѣтельства о бѣдности» (стр. 15). Явившись обременительнымъ для студентовъ, гонораръ крайне неравномѣрно распредѣлялся между профессорами, при чемъ это распредѣленіе находилось въ зависимости не отъ степени талантливости, учености или труда профессора, а отъ количества студентовъ въ университетѣ, отъ распредѣленія ихъ по факультетамъ и по курсамъ и отъ числа освобожденныхъ отъ платы, т. е. отъ того, гдѣ и какой предметъ преподаетъ профессоръ. Такимъ образомъ, система гонорара имѣла своимъ послѣдствіемъ образованіе «выгодныхъ» и «невыгодныхъ» университетовъ, факультетовъ, каѳедръ, курсовъ (младшіе курсы оказывались вообще «выгоднѣе» старшихъ, такъ какъ они обыкновенно многолюднѣе). Харьковскій университетъ принадлежалъ къ числу «невыгодныхъ»: средній размѣръ профессорскаго гонорара въ немъ[1]) не превышалъ 282 рублей 69 коп. въ полугодіе, а средній размѣръ гонорара приватъ-доцента=41 р. 69 к. Изъ общаго числа профессоровъ Харьковскаго университета только 18,1% получали гонораръ, близкій къ общей университетской средней (289 руб.); 48,6% получали гонораръ ниже этой средней и 33,3%—гонораръ выше средняго. 20% всего числа профессоровъ получало совершенно ничтожный гонораръ. Всѣ профессора историко-филологическаго факультета получали гонораръ отъ 2 р. и не болѣе 100 р. въ полугодіе. Наибольшій гонораръ приходился на долю профессоровъ медицинскаго и юридическаго факультетовъ и тѣхъ профессоровъ физико-математическаго факультета, которые читали лекціи также и на медицинскомъ; среди нихъ и «образовалась группа наиболѣе обезпеченныхъ

[1]) Подсчетъ коммиссіей дѣлался за десятилѣтіе, съ 1887 г. по 1897 г.

гонораромъ и притомъ... въ такъ же неравномѣрно-большой степени, какъ въ неравномѣрно-малой степени обезпечиваются предшествующія группы» (стр. 13). Но еще важнѣе нравственная сторона системы гонорара, на которую указываетъ упомянутый докладъ. По его словамъ, система эта развила «не конкурренцію, а зависть между университетскими преподавателями», «заставляла ихъ искать иногда дешевой популярности между студентами, имѣла своимъ послѣдствіемъ пониженіе экзаменаціонныхъ требованій» и главное—«поставила учащихъ въ совершенно ненормальныя отношенія къ учащимся» (стр. 21).

При преемникѣ гр. И. Д. Делянова, *Н. П. Боголѣповѣ* (1898—1901), приступлено было вообще къ разработкѣ предположеній касательно преобразованія учебной системы. Это направленіе коснулось и университетовъ, но въ слабой степени. До тѣхъ поръ, при дѣйствіи устава 1884 года, назначеніе профессоровъ происходило обыкновенно помимо совѣта и прямого участія факультета. Недостатки такого порядка сознаны были самимъ министерствомъ, которое съ 1899 года стало предпочитать систему конкурсовъ. Такимъ образомъ, совѣту Харьковскаго университета съ тѣхъ поръ приходилось неразъ производить выборы на вакантныя каѳедры, преимущественно по медицинскому факультету; особенно часты были выборы съ 1902 года, когда министерство распорядилось объявить конкурсы по всѣмъ вакантнымъ каѳедрамъ, при чемъ тутъ разумѣлись и тѣ каѳедры, на которыхъ были профессора, прослужившіе 30 лѣтъ и, слѣдовательно, состоявшіе уже внѣ штата. При выборахъ по медицинскому факультету случались коллизіи: совѣтъ иногда забаллотировывалъ факультетскаго кандидата и избиралъ лицо, получившее въ факультетѣ меньшее число голосовъ. Въ такихъ случаяхъ министерство обыкновенно утверждало не совѣтскаго, а факультетскаго кандидата.

При Н. П. Боголѣповѣ же, въ томъ же 1899 г., совѣтъ Харьковскаго университета обсуждалъ мѣры, касающіяся развитія практическихъ занятій со студентами, установленія желательнаго общенія между студентами, профессорами и учебнымъ начальствомъ и проч.

Болѣе рѣшительные шаги на пути къ преобразованію университетскаго строя предприняты были въ министерство генер.-адъют. *П. С. Ванновскаго* (1901—1902). Строй этотъ самимъ правительствомъ признанъ ненормальнымъ. Въ Высочайшемъ рескриптѣ на имя П. С. Ванновскаго, при назначеніи его министромъ, отъ 24 марта 1901 года Государь Императоръ призналъ «благовременнымъ безотлагательно приступить къ коренному его пересмотру и исправленію». Министръ въ своемъ приказѣ (отъ 6 апр.) приглашалъ всѣхъ служащихъ по ввѣренному ему

министерству къ совмѣстной дружной и неустанной работѣ по пути осуществленія Высочайше указанной программы. Совѣтъ Харьковскаго университета поспѣшилъ откликнуться на этотъ призывъ и для составленія мотивированнаго отвѣта по вопросамъ, касающимся устройства университетовъ, избралъ коммиссію изъ 12 профессоровъ, по 3 отъ каждаго факультета (Д. И. Багалѣй, В. П. Бузескулъ, Л. Л. Гиршманъ, В. Ф. Левитскій, А. М. Ляпуновъ, И. Н. Миклашевскій, Н. А. Соколовъ, В. А. Стекловъ, П. Т. Степановъ, И. П. Скворцовъ, Г. Ѳ. Шульцъ, К. Н. Ярошъ)[1]. Между тѣмъ министръ обратился въ университеты съ цѣлымъ рядомъ (18) вопросовъ, касавшихся желательнаго измѣненія дѣйствующаго устава. Тогда совѣтъ поручилъ (7 мая) той же коммиссіи, пополнивъ ее еще 4 членами (Д. Н. Овсянико-Куликовскій, М. А. Тихомандрицкій, Н. Ф. Толочиновъ, В. А. Уляницкій, при чемъ взамѣнъ выбывшаго К. Н. Ярошa избранъ былъ М. А. Остроумовъ), выработать проектъ мотивированнаго отвѣта и на эти вопросы. Коммиссія, подъ предсѣдательствомъ проф. Л. Л. Гиршмана и при секретаряхъ Д. И. Багалѣѣ, И. Н. Миклашевскомъ и Д. Н. Овсянико-Куликовскомъ, съ 8 мая по 2 іюня имѣла 13 засѣданій, на которыхъ выработаны были основныя положенія и отвѣты. Въ теченіе лѣтнихъ каникулъ составленъ былъ и самый докладъ (редакціоннымъ комитетомъ изъ профессоровъ Д. И. Багалѣя, В. П. Бузескула, И. Н. Миклашевскаго и Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, при чемъ окончательная редакція и заботы по печатанію поручены были Д. И. Багалѣю). Обсужденію его совѣтъ посвятилъ въ сентябрѣ 15 экстренныхъ засѣданій и внесъ въ него нѣкоторыя поправки, измѣненія и дополненія.

Въ окончательной редакціи «Отвѣтъ совѣта Императорскаго Харьковскаго университета на вопросы, предложенные министерствомъ народнаго просвѣщенія объ измѣненіи устава 1884 года», напечатанный на правахъ рукописи (Харьк. 1901), представляетъ собою цѣлую книгу въ 140 стр. Въ началѣ ея предпосылается общая часть, въ которой высказывается взглядъ совѣта «на основную причину недостатковъ современнаго университетскаго строя и на тотъ основной принципъ, на которомъ его слѣдуетъ построить». Мы считаемъ необходимымъ привести нѣкоторыя выдержки, чтобы характеризовать дѣйствіе устава 1884 г. и воззрѣнія профессорской коллегіи.

«Настоящій, чисто бюрократическій строй университетовъ является ненормальнымъ», говорится здѣсь. «Университетскіе безпорядки, принявшіе въ послѣдніе годы столь печальныя формы и сдѣлавшіеся какъ бы

[1] См. печатный «Рапортъ» предсѣдателя коммиссіи Л. Л. Гиршмана, представленный въ совѣтъ.

хроническимъ явленіемъ, представляются только однимъ изъ наиболѣе рѣзкихъ, но далеко не единственнымъ симптомомъ болѣзненнаго состоянія нашихъ университетовъ. Мы, профессоры, непосредственно руководящіе образованіемъ студентовъ, знаемъ и многія другія болѣзненныя явленія, но намъ не только нельзя было врачевать ихъ, но трудно было даже указывать на нихъ. Главнымъ зломъ мы, по внутреннему самосознанію, признаемъ духъ равнодушія, который явился необходимымъ результатомъ *недовѣрія* министерства къ университетамъ и, какъ естественнаго послѣдствія его, суровой и излишней регламентаціи. Уставъ 1884 года, позаимствовавшій механически многія черты строя нѣмецкихъ университетовъ, но не усвоившій ихъ основы и сущности—академической свободы, не находился въ соотвѣтствіи ни съ началами русской жизни, ни съ потребностями времени. Не имѣя у насъ той исторической основы, какая у него была на Западѣ, онъ совершенно не привился къ намъ и, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, очень скоро сдѣлался причиною застоя и регресса. Вмѣсто живой дѣятельности, при немъ развился формализмъ и излишняя централизація: университеты превратились въ канцеляріи; дѣятельность совѣтовъ была до такой степени съужена, что они своею властью не могли рѣшить, напр., вопроса о перенесеніи профессорскихъ лекцій съ однихъ часовъ на другіе; лишенныя права самопополненія, эти ученыя коллегіи сдѣлались поневолѣ равнодушными къ тому, что̀ составляетъ живую душу университета; разобщенные другъ съ другомъ и со своими слушателями, лишенные довѣрія и связаннаго съ нимъ самоуправленія, профессоры потеряли свой нравственный престижъ въ глазахъ молодежи и не могли уже оказывать того благотворнаго вліянія, какое, при коллегіальномъ строѣ академической жизни, обыкновенно имѣютъ наставники на своихъ питомцевъ; студенты, на которыхъ установленъ былъ взглядъ, какъ на отдѣльныхъ посѣтителей университета, представляли дезорганизованную массу, въ которой хозяевами положенія сдѣлались крайніе элементы;—болѣе благоразумная и умѣренная часть студенчества, дорожившая университетомъ и его наукой, должна была оставаться въ сторонѣ, не имѣя никакихъ законныхъ формъ для проявленія своихъ чисто студенческихъ, академическихъ интересовъ. Спрашивается: развѣ мыслимо было живое общеніе профессоровъ со студентами и сердечное попеченіе первыхъ о вторыхъ, когда между ними воздвигнута была столь высокая стѣна? И только коллегіальное начало съ автономіей могутъ разрушить эту вредную, искусственную преграду, поднять научный уровень университетовъ и нравственный авторитетъ профессоровъ, оздоровить, наконецъ, въ значительной степени и учащуюся среду. Говоримъ

«въ значительной степени», потому что никакой уставъ самъ по себѣ не можетъ гарантировать полнаго отсутствія безпорядковъ. Университеты не имѣютъ возможности совершенно оградить своихъ питомцевъ отъ внѣшнихъ общественныхъ и политическихъ вліяній. Нужно однако стремиться, по крайней мѣрѣ, къ тому, чтобы учащаяся молодежь, во время прохожденія университетскаго курса, не оставалась безъ добраго нравственнаго воздѣйствія своихъ наставниковъ. Но для нравственнаго престижа этихъ послѣднихъ необходимо поднять значеніе университетовъ, какъ научныхъ центровъ, а это немыслимо безъ свободы научнаго изслѣдованія. Эта послѣдняя составляетъ живую душу, источникъ силы, крѣпости и естественнаго роста нѣмецкихъ университетовъ, залогъ культуры народа и государства.... Наука же безъ свободнаго изслѣдованія невозможна, а при свободѣ изслѣдованія непремѣнно будутъ разныя мнѣнія и взгляды на одинъ и тотъ же предметъ. Довѣріе къ университетамъ прежде всего должно выразиться въ замѣнѣ бюрократическаго надзора свободой научнаго изслѣдованія и преподаванія.... Необходимость самоуправленія вытекаетъ изъ того, что университеты, въ противоположность другимъ государственнымъ учрежденіямъ, являются учрежденіями sui generis; ихъ дѣятельность посвящена наукѣ и преподаванію ея, а потому цѣлесообразно управлять ими *могутъ* только тѣ же люди науки.... Между тѣмъ въ основу устава 1884 г. былъ положенъ ложный взглядъ, что университеты суть такія же административныя мѣста или учрежденія, какъ и всѣ другія, и что профессора суть не что иное, какъ чиновники вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.... Какъ системѣ чиновниковъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, свойственно опредѣленное іерархическое подчиненіе, обусловливающее успѣхъ управленія и обезпечивающее населеніе отъ произвола отдѣльныхъ лицъ, такъ совершенно неприложимо это іерархическое подчиненіе къ области науки и къ служителямъ ея—профессорамъ и ученымъ; для самой возможности существованія и развитія ученаго мышленія и творчества необходимо широкое право свободнаго изслѣдованія. Ученая мысль никоимъ образомъ не можетъ, безъ ущерба для дѣла, быть связанной велѣніями чужой воли, быть насильственно направляемой ею въ ту или другую сторону. Всегда и всюду только при условіи свободы изслѣдованія, она давала плодотворные результаты, снискавшіе ей авторитетъ и уваженіе не только учащихся, но и широкихъ круговъ общества. Если всякій чиновникъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, долженъ для пользы дѣла въ большой мѣрѣ поступиться своею индивидуальностью, исполняя разумно и сознательно велѣнія воли, надъ нимъ стоящей, то возможно широкое развитіе индивидуальности въ профессорѣ

и ученомъ есть вѣрный залогъ движенія впередъ науки. А только эта послѣдняя и создаетъ тотъ нравственный авторитетъ профессора, въ силу котораго онъ пріобрѣтаетъ вліяніе надъ своими слушателями, не только благодаря сообщенію имъ результатовъ своихъ ученыхъ работъ, но и *своею личностью*. Оттого и университеты не могутъ быть разсматриваемы какъ «административныя мѣста». Это учрежденія совершенно особаго рода, такъ какъ существуютъ они не только для выполненія тѣхъ или иныхъ житейскихъ практическихъ задачъ, но и для культивированія науки, для пріобщенія къ сокровищницѣ ея молодыхъ поколѣній, приходящихъ въ университеты для обогащенія себя знаніями для пользы всеобщей.... Въ уставѣ объ учрежденіи академіи Петръ Великій говоритъ: «науки принужденія и насилія терпѣть не могутъ», а относительно академіи прибавляетъ: «чтобы сіе зданіе непремѣнно и полезно было, то имѣетъ оное только подъ вѣдѣніемъ Императора, яко протектора своего, быть и само себя править». Согласно съ этими словами Великаго Петра, совѣтъ считаетъ необходимымъ положить въ основаніе устава принципы свободы преподаванія, свободы слушанія и коллегіальнаго самоуправленія. А правильной, узаконенной, основанной на самодѣятельности организаціей учащейся въ университетѣ молодежи,— и только этой организаціей, а не полицейскими мѣрами,—можетъ быть дана возможность болѣе спокойной части студентовъ, ищущихъ въ университетѣ глубокихъ знаній и смотрящихъ на университетъ, какъ на святыню, бороться противъ ненормальныхъ и вредныхъ для университета теченій (стр. 2—8).

За «общею частью» слѣдуютъ отвѣты на предложенные вопросы, съ подробнымъ изложеніемъ мотивовъ. Не имѣя возможности, за недостаткомъ мѣста, останавливаться здѣсь на мотивахъ, мы приведемъ самые отвѣты, по крайней мѣрѣ, на важнѣйшіе вопросы.

1. «Въ основу всей университетской организаціи должно быть положено выборное начало: факультеты и совѣты должны выбирать профессоровъ и преподавателей, которые могутъ быть удаляемы отъ службы не иначе, какъ по постановленію совѣта; совѣты избираютъ ректоровъ на 3 года, факультеты—деканов на 2 года. Избраніе ректора профессорскою коллегіею 1) вытекаетъ изъ самаго принципа коллегіальнаго самоуправленія, долженствующаго быть основою университетскаго устройства; 2) наиболѣе соотвѣтствуетъ нормальнымъ условіямъ университетской жизни; 3) согласуется съ историческою традиціею. Только выборный ректоръ можетъ быть представителемъ живой и сильной коллегіи. Ректоръ же назначенный, въ глазахъ общества, профессоровъ и студентовъ, явится не авторитетнымъ представителемъ науки и ученой

профессорской коллегіи, а лицомъ, какъ-бы чуждымъ остальному профессорскому персоналу, естественнымъ результатомъ чего могутъ явиться коллизіи между нимъ и остальной коллегіею. Назначенный ректоръ не можетъ имѣть той нравственной опоры въ не избиравшей его профессорской коллегіи, которая необходима для надлежащаго вліянія на студентовъ, и вообще онъ будетъ лишенъ того высокаго нравственнаго престижа, какимъ пользовался бы выборный ректоръ. Такой ректоръ будетъ занимать изолированное положеніе и, слѣдовательно, явится безсильнымъ или же будетъ оказывать такое давленіе на коллегію, которое совершенно несовмѣстимо съ принципомъ университетскаго самоуправленія. — Нынѣшнее «двоевластіе» въ университетахъ — попечителя и ректора—должно быть уничтожено». 2. «Желательно усиленіе власти совѣта, поднятіе научнаго значенія факультетовъ и раздѣленіе функцій правленія между новыми учрежденіями, которыя его могутъ замѣнить,— коллегіей деканов, хозяйственнымъ комитетомъ и университетскимъ судомъ. Факультетамъ, кромѣ функцій, дарованныхъ уставомъ 1884 г., должно быть предоставлено болѣе иниціативы и простора, особенно въ ученой и учебной сферахъ дѣятельности. Ихъ компетенціи нужно предоставить всѣ вопросы, связанные съ программами, распредѣленіемъ предметовъ, дѣятельностью научныхъ студенческихъ кружковъ, окончательное назначеніе стипендій и пособій и ходатайство объ освобожденіи отъ платы, и печатаніе ученыхъ сочиненій, предназначенныхъ къ изданію на счетъ или отъ имени университета и т. п.». 3. Особая плата въ пользу отдѣльныхъ преподавателей «должна быть вообще отмѣнена и оставлена только для приватъ-доцентовъ, читающихъ частные курсы». По 8-му вопросу совѣтъ высказался за возстановленіе института штатныхъ доцентовъ. 10. «Необходимо устраненіе излишняго формализма и регламентаціи въ дѣлѣ преподаванія и предоставленіе большей свободы совѣтамъ и факультетамъ въ распредѣленіи предметовъ и измѣненіи программъ; необходимы улучшеніе средней школы и установленіе связи между нею и университетами, улучшеніе матеріальнаго положенія студентовъ, расширеніе и улучшеніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій». 11. «Желательно учрежденіе не курсовыхъ, а предметныхъ экзаменовъ въ извѣстной послѣдовательности и порядкѣ, съ возстановленіемъ кандидатской степени. Должна быть допущена свобода слушанія лекцій. По мнѣнію большинства членовъ совѣта, студентъ, желающій получить дипломъ, обязанъ выдержать въ извѣстной послѣдовательности и опредѣленномъ размѣрѣ, устанавливаемыхъ факультетами, рядъ практическихъ и теоретическихъ испытаній. Для слушанія лекцій и практическихъ занятій факультетъ вырабатываетъ къ руководству студентовъ

особые учебные планы, которые однако только рекомендуются для пользы студентовъ, но слѣдованіе которымъ для нихъ не обязательно. Меньшинство членовъ совѣта высказалось за такую формулу: студенты, желающіе получить дипломъ, обязаны прослушать извѣстное минимальное число предметовъ факультетскаго преподаванія и выполнить относящіяся къ нимъ практическія занятія, исполнивъ это въ той послѣдовательности, которая устанавливается обязательными факультетскими планами. Совѣтъ высказался за допущеніе къ университетскимъ экзаменамъ на ученыя степени, начиная съ кандидатской, экстерновъ, съ разрѣшенія факультета и совѣта». По 12-му вопросу совѣтъ высказался за предоставленіе служебныхъ правъ оканчивающимъ университетскій курсъ: университетскій дипломъ долженъ, по мнѣнію совѣта, сохранить свое важное значеніе, какъ гарантія того, что къ прохожденію государственной службы, по крайней мѣрѣ, начиная съ извѣстныхъ, опредѣленныхъ въ законѣ должностей, будутъ допускаться только лица, получившія болѣе или менѣе основательное теоретическое научное образованіе. 13. «Государственные экзамены, въ томъ ихъ видѣ, въ каковомъ они учреждены уставомъ 1884 г., должны быть отмѣнены», и возстановлены вмѣсто нихъ университетскіе экзамены, а, кромѣ того, если то будетъ признано нужнымъ различными вѣдомствами, то пусть будутъ введены для лицъ, получившихъ университетскіе дипломы, еще особыя испытанія—*настоящіе государственные экзамены*—для полученія правъ на занятія тѣхъ или иныхъ должностей на государственной службѣ». 14. Для сближенія профессоровъ и студентовъ и для усиленія воспитательнаго вліянія первыхъ на послѣднихъ единственною мѣрою можетъ служить «возстановленіе довѣрія къ профессорамъ со стороны правительства и поднятіе ихъ значенія въ университетскомъ самоуправленіи; никакія же искусственныя и частныя мѣры не приведутъ къ цѣли. Автономія, способствуя развитію науки въ университетѣ, тѣмъ самымъ подниметъ и нравственное воздѣйствіе профессоровъ, ибо вліять на своихъ слушателей профессора могутъ только на почвѣ болѣе широкаго и свободнаго научнаго общенія». По 15-му вопросу совѣтъ высказался за допущеніе студенческихъ организацій и собраній для обсужденія студенческихъ дѣлъ. «Не предрѣшая подробностей организаціи студентовъ и считая необходимымъ предоставить ихъ выработку самой жизни, совѣтъ признаетъ безусловно необходимымъ разрѣшать студенческія организаціи, имѣющія въ виду матеріальную взаимопомощь, научно-литературныя и другія цѣли, не выходящія изъ круга чисто студенческихъ потребностей и интересовъ, такъ напр.: кассы взаимопомощи, столовыя, библіотеки, научно-литературные кружки, земля-

чества, курсовыя и факультетскія собранія и т. д. Инициатива въ дѣлѣ устройства студенческихъ организацій должна принадлежать самимъ студентамъ. Разсмотрѣніе и утвержденіе ихъ организацій должно принадлежать совѣту; руководительство и участіе въ этихъ организаціяхъ преподавательскаго персонала желательно, по выбору студентовъ и съ согласія совѣта. Курсовые старосты или другія подобныя лица признаются совѣтомъ полезными, какъ посредники между студентами, профессорами и университетской администраціей». 16. «Университетскій судъ по дѣламъ о проступкахъ студентовъ долженъ быть возстановленъ». 17. «Совѣтъ высказался за введеніе особаго студенческаго суда, который долженъ быть устроенъ по обычному образцу «товарищескихъ судовъ чести», съ тѣмъ, чтобы недовольные его рѣшеніемъ могли апеллировать къ университетскому суду». 18. «Инспекцію въ ея нынѣшнемъ видѣ необходимо упразднить и учредить должность товарища ректора, избираемаго совѣтомъ изъ числа профессоровъ, въ помощь ректору по дѣламъ студенческимъ».

Давъ мотивированные отвѣты на всѣ вопросы, предложенные министерствомъ касательно измѣненія устава 1884 года, совѣтъ присоединилъ къ нимъ еще заключенія на пять дополнительныхъ вопросовъ, возбужденныхъ имъ самимъ согласно разрѣшенію г. министра, не стѣснявшаго совѣтовъ какими-либо рамками и ожидавшаго ихъ мнѣній по всѣмъ вопросамъ, которымъ въ интересахъ дѣла они придаютъ значеніе.

На первомъ планѣ здѣсь стоялъ вопросъ объ улучшеніи и расширеніи учебно-вспомогательныхъ учрежденій Харьковскаго университета,—издавна больной вопросъ, на которомъ намъ придется еще остановиться впереди по поводу преподаванія. Изъ остальныхъ вопросовъ обращаетъ на себя вниманіе 5-й — касательно допущенія женщинъ къ прохожденію университетскихъ курсовъ. «Совѣтъ единогласно постановилъ возбудить ходатайство о допущеніи женщинъ на всѣ факультеты на равныхъ со студентами правахъ».

Какъ бы въ дополненіе къ этому, въ концѣ 1901 г. представлены были соображенія факультетовъ по поводу возбужденнаго министерствомъ вопроса о новыхъ штатахъ и новыхъ каѳедрахъ и предметахъ.

Всѣ мнѣнія и желанія, высказанныя въ «Отвѣтѣ» Харьковскаго университета (да и другихъ), въ то время остались, можно сказать, безъ результата: они не были осуществлены, по крайней мѣрѣ въ томъ духѣ и видѣ, какъ предполагалъ совѣтъ. Правда, въ декабрѣ 1901 г. еще министромъ П. С. Ванновскимъ утверждены были «временныя правила организаціи студенческихъ учрежденій», а въ августѣ 1902 г., уже при его

преемникѣ *Г. Э. Зенгеръ* (1902—1904), введены были, съ Высочайшаго соизволенія, профессорскій судъ, вѣдѣнію котораго подлежали дѣла о нарушеніи учащимися въ зданіи университета порядка, о столкновеніяхъ между ними и преподавателями или должностными лицами и о проступкахъ предосудительнаго характера, и «кураторы» изъ числа преподавателей для руководства студентами извѣстнаго курса, при чемъ куратору предоставлялось устраивать собесѣдованія съ курсомъ. Но эти нововведенія не согласовались съ общимъ университетскимъ строемъ, остававшимся не измѣненнымъ, и въ дѣйствительности не имѣли значенія. Совѣтъ долженъ былъ представить свои предположенія о редакціи текста правилъ относительно студенческихъ учрежденій и выработать инструкцію для кураторовъ, что̀ и было исполнено; въ 1902—1904 годахъ совѣтъ избиралъ кураторовъ [1]); два раза, въ 1902 и 1903 г., избиралъ судей [2]). Но институтъ кураторовъ оказался мало жизненнымъ; что же касается профессорскаго суда, то въ теченіе перваго года онъ не функціонировалъ за неимѣніемъ къ тому поводовъ. Но въ мартѣ 1904 г. произошли въ университетѣ событія, по поводу которыхъ, согласно Высочайше утвержденнымъ правиламъ, суду надлежало высказать свое мнѣніе. «Однако», говоря словами одного изъ профессоровъ-судей [3]), «при первомъ же представившемся его компетенціи дѣлѣ, профессорскій судъ былъ устраненъ; оффиціально онъ находился въ полномъ невѣдѣніи

---

[1]) На $190^2/_3$ г. въ кураторы были избраны: по историко-филолог. фак.— проф. И. В. Нетушилъ (одинъ для всего факультета, въ виду его малочисленности); по физико-матем.—проф. А. Г. Зайкевичъ, приватъ-доценты: Н. Ѳ. Бѣлоусовъ, А. П. Грузинцевъ, Н. Н. Евдокимовъ; по юридич.—проф. Н. А. Максимейко, прив.-доценты: А. Н. Фатѣевъ, А. Д. Киселевъ, В. А. Ястржембскій; по медиц.—профессора: А. К. Бѣлоусовъ, Н. К. Кульчицкій, В. П. Крыловъ, М. Д. Пономаревъ. На $190^3/_4$ г. по истор.-фил. фак.—проф. Я. А. Денисовъ, по физ.-матем.—профессора: А. Г. Зайкевичъ, А. В. Гуровъ, А. Ѳ. Брандтъ, прив.-доц. Н. Ѳ. Бѣлоусовъ; по юрид.—профессора: С. П. Никоновъ, В. Ф. Левитскій, П. П. Мигулинъ, прив.-доц. А. Н. Фатѣевъ; по медиц.—профессора: А. К. Бѣлоусовъ, Н. К. Кульчицкій, А. В. Репревъ, И. П. Скворцовъ, М. Д. Пономаревъ. На $190^4/_5$ г. избраны тѣ же, что и въ предыдущемъ году, за исключеніемъ отказавшагося А. В. Репрева, на мѣсто котораго избранъ проф. Н. Ѳ. Мельниковъ-Разведенковъ.

[2]) На $190^2/_3$ г. Л. Л. Гиршмана, Н. А. Гредескула, В. Ф. Левитскаго, М. А. Остроумова, В. А. Стеклова (изъ нихъ Л. Л. Гиршманъ—предсѣдатель); кандидатами къ судьямъ—Д. И. Багалѣя, А. Х. Кузнецова, П. П. Мигулина, И. П. Осипова, Г. Ѳ. Шульца. На $190^3/_4$ г. избраны судьями: Л. Л. Гиршманъ, Н. А. Гредескулъ, Д. Н. Овсянико-Куликовскій, В. А. Стекловъ, М. П. Чубинскій, (предсѣдатель—Л. Л. Гиршманъ); кандидатами къ судьямъ—Я. А. Анфимовъ; Д. И. Багалѣй, В. П. Крыловъ, И. П. Осиповъ, Г. Ѳ. Шульцъ.

[3]) См. протоколы засѣд. совѣта 7 окт. 1904 г.

относительно всего, что въ это время происходило въ университетѣ, и не могъ оказать никакого вліянія на ходъ событій, а между тѣмъ и общество, и студенты, и самъ совѣтъ, поручившій и довѣрившій намъ щекотливыя и отвѣтственныя обязанности университетскихъ судей, смотрѣли на судей и ждали отъ нихъ авторитетнаго разрѣшенія возникшихъ недоразумѣній. Создалось весьма непріятное и двусмысленное положеніе членовъ суда». Тогда они, каждый въ отдѣльности, подали въ совѣтъ заявленіе съ мотивированнымъ отказомъ отъ званія судей. Въ совѣтъ заявленіе ихъ тогда не было внесено, а въ концѣ концовъ каждый изъ судей получилъ бумагу, въ которой значилось, что г. министръ (генер.-лейт. В. Г. Глазовъ) призналъ, что подавшій заявленіе нарушилъ законы и постановленія, опредѣляющіе не только обязанности члена университетскаго суда, но и профессора [1]). Въ октябрѣ 1904 г. въ совѣтѣ громаднымъ большинствомъ голосовъ въ судьи были предложены (по запискамъ) тѣ же лица; всѣ они отказались отъ баллотировки, другія также, и выборы не состоялись.

17 января 1905 г. исполнялось 100 лѣтъ со времени основанія Харьковскаго университета. Въ виду этого въ 1902 г. избрана была совѣтомъ коммиссія для редактированія намѣченныхъ юбилейныхъ изданій, по одному профессору отъ факультета (М. Е. Халанскій, И. П. Осиповъ, М. А. Остроумовъ, котораго вскорѣ замѣнилъ М. П. Чубинскій, и И. П. Скворцовъ). Главнымъ редакторомъ избранъ Д. И. Багалѣй. Кромѣ того, составлена была коммиссія для разсмотрѣнія вопросовъ, связанныхъ съ устройствомъ предстоявшаго юбилейнаго торжества [2]). Но въ виду тяжелыхъ испытаній, переживаемыхъ Россіей, самое торжество, назначенное на сентябрь 1905 г., отложено на неопредѣленное время.

Если мы ко всему этому прибавимъ избраніе совѣтомъ почетныхъ членовъ [3]), то исчерпаемъ въ сущности циклъ почти всѣхъ болѣе выдающихся дѣлъ, коими совѣту приходилось заниматься при дѣйствіи устава 1884 г., до 1905 г.

---

[1]) См. тотъ же протоколъ.

[2]) Изъ 12 членовъ, по 3 отъ каждаго факультета (Е. К. Рѣдинъ, Н. Ѳ. Сумцовъ, Г. Ѳ. Шульцъ; А. П. Грузинцевъ, И. П. Осиповъ, В. А. Стекловъ; А. Д. Киселевъ, С. П. Никоновъ, А. Н. Фатѣевъ; Л. Л. Гиршманъ, А. Х. Кузнецовъ, М. М. Ломиковскій).

[3]) Иностранныхъ ученыхъ въ теченіе 1884—1904 г.г. въ почетные члены избрано лишь нѣсколько лицъ, среди нихъ, напр., Э. Геккель, виконтъ де Вогюэ, И. В. Ягичъ; громадное большинство—русскихъ: А. О. Ковалевскій, Ѳ. И. Буслаевъ, Н. Я. Бунге, К. М. Ѳеофилактовъ, Е. Е. Голубинскій, Н. П. Кондаковъ, Ѳ. Е. Коршъ, И. В. Помяловскій, К. А. Тимирязевъ, А. Н. Веселовскій (акад.),

Если сфера дѣятельности совѣта при дѣйствіи устава 1884 г. съузилась, то функціи и дѣятельность правленія за разсматриваемый періодъ чрезвычайно расширились, особенно на практикѣ: можно сказать, что руководящее центральное значеніе перешло при дѣйствіи устава 1884 г. отъ совѣта къ правленію [1]). Правленіе—хозяйственно-административный органъ, а такъ какъ рѣдко въ какомъ учебномъ дѣлѣ, особенно если это касается учебно-вспомогательныхъ учрежденій, нѣтъ стороны матеріальной, то правленіе оказывало вліяніе почти на всю жизнь университета, рѣшая даже дѣла, относящіяся скорѣе къ компетенціи совѣта или факультета. Такъ, напр., оно предпринимало постройку новаго библіотечнаго зданія, а также помѣщенія для поликлиникъ дѣтскихъ, душевныхъ и накожныхъ болѣзней, безъ участія совѣта или (во второмъ случаѣ) факультета; отъ него—по крайней мѣрѣ, до послѣдняго времени—зависѣло назначить или не назначить субсидію на командировку того или другого лица и т. п. По самому уставу, правленію принадлежало разбирательство по студенческимъ дѣламъ и т. д. [2]).

Въ жизни университета въ этотъ періодъ, особенно въ послѣдніе годы, *инспекція* играла такую видную, вліятельную роль, что ея нельзя обойти молчаніемъ. Времена прежней, такъ сказать, патріархальной инспекціи, представителемъ которой являлся Ѳ. Ф. Рогожинъ, этотъ «отецъ студентовъ» [3]), миновали. «Цѣль, сущность и смыслъ инспекціи, по уставу 1884 года и инструкціи», говорится въ «Отвѣтѣ совѣта» на предложенные въ 1901 году министерствомъ вопросы (стр. 115), «заключаются въ надзорѣ за поведеніемъ студентовъ какъ въ стѣнахъ университета, такъ, по мѣрѣ возможности, и внѣ его. Инспекторъ долженъ наблюдать за порядкомъ и благочиніемъ и принимать всѣ зависящія отъ него мѣры къ *предупрежденію и пресѣченію* ихъ нарушенія; онъ и его помощники должны знать въ лицо всѣхъ студентовъ,

---

В. Я. Цингеръ, А. С. Фаминцынъ, М. С. Воронинъ, В. В. Марковниковъ, В. И. Ламанскій и друг. Среди нихъ видное мѣсто занимаютъ имена бывшихъ харьковскихъ профессоровъ: Н. Н. Бекетова, В. Г. Имшенецкаго, И. Ѳ. Леваковскаго, Н. А. Лавровскаго, И. П. Щелкова, М. И. Сухомлинова. Въ числѣ лицъ, возведенныхъ въ почетные доктора по представленію Харьковскаго университета за этотъ періодъ, мы встрѣчаемъ: А. Ѳ. Кони, П. Д. Хрущева (въ то время прив.-доц. Харьковскаго универс.) и К. Д. Хрущева, А. С. Лебедева (проф. Харьк. унив.), Г. В. Левицкаго (бывшаго проф. Харьк. унив.).

[1]) «Отвѣтъ», стр. 36.

[2]) О факультетахъ не говоримъ здѣсь, такъ какъ ихъ исторіи посвящены особые отдѣльные обзоры.

[3]) См. предыдущій періодъ, стр. 238.

слѣдить за посѣщеніемъ ими лекцій, ознакомиться съ ходомъ занятій и обстановкой стипендіатовъ и освобожденныхъ отъ платы; отъ инспектора» главнымъ образомъ «зависитъ выдача студентамъ стипендій и пособій. Онъ въ одно и то же время и слѣдователь, и прокуроръ, и судья по проступкамъ студентовъ». Онъ, какъ мы видѣли (стр. 245),— по уставу 1884 г. полноправный членъ правленія по всѣмъ вопросамъ. Но «основная функція инспекціи», по выраженію того же «Отвѣта»,— «ничѣмъ не ограниченный надзоръ, доходящій до чтенія въ мысляхъ и намѣреніяхъ» (стр. 117). Кромѣ того, въ министерство Н. П. Боголѣпова (циркуляромъ отъ 27 іюня 1899 г.) на инспекцію возложена новая обязанность—«благожелательное попеченіе» о нуждахъ учащихся, а личный составъ ея еще болѣе усиленъ. Въ первое время послѣ введенія устава инспекторомъ студентовъ былъ назначенъ *В. О. Вольнеръ*, бывшій дотолѣ помощникомъ инспектора и затѣмъ проректора, — человѣкъ мягкій, но безхарактерный и не пользовавшійся авторитетомъ; онъ вскорѣ долженъ былъ выйти въ отставку; преемникъ его, *А. К. Реснициій*, пробылъ въ Харьковѣ недолго. Въ 1887 г. назначенъ инспекторомъ *Н. И. Алякритскій* (кандидатъ Московскаго университета, бывшій преподаватель русскаго языка и затѣмъ директоръ реальнаго училища), 18 лѣтъ несшій эту обязанность и весьма вліявшій на университетскія дѣла.

2-я глава.

Преподаваніе и преподаватели.

Каково было положеніе преподавателей въ университетѣ при дѣйствіи устава 1884 г., ясно уже изъ предыдущаго. На ходъ университетскихъ дѣлъ и управленія по самому уставу они вліянія не имѣли: они стояли какъ бы въ сторонѣ, словно чужіе. Они стояли вдали и отъ студентовъ. Сближеніе съ учащеюся молодежью для профессора было даже не безопасно, какъ показываетъ примѣръ И. И. Дитятина, которому, между прочимъ, ставились въ вину его близкія отношенія къ студентамъ, то, что онъ съ ними бесѣдуетъ, обѣдаетъ, принимаетъ ихъ у себя на дому. Печальныя послѣдствія такого положенія профессоровъ въ университетѣ сказались ясно къ концу 90-хъ годовъ. Тогда одною изъ главныхъ причинъ, содѣйствовавшихъ возникновенію

и распространенію студенческихъ безпорядковъ, была признана «разобщенность студентовъ между собой, съ профессорами и съ учебнымъ начальствомъ». Тогда сочли необходимымъ снова обратиться къ профессорскому вліянію и авторитету. Приняты были и нѣкоторыя мѣры для установленія желательнаго болѣе тѣснаго общенія между профессорами и студентами, какъ-то: болѣе широкая организація практическихъ занятій, учрежденіе научныхъ и литературныхъ студенческихъ кружковъ, устройство студенческихъ общежитій; но эти мѣры, о которыхъ мы еще будемъ говорить, оказались лишь палліативами, не приводящими къ цѣли... «Такое явленіе, какъ разобщенность студентовъ между собою, съ профессорами и учебнымъ начальствомъ», по словамъ коммиссіи, назначенной физико-математическимъ факультетомъ для обсужденія упомянутыхъ мѣръ[1]), «служитъ только внѣшнимъ проявленіемъ причинъ того разлада, который гнѣздится въ глубинѣ организмовъ нашихъ высшихъ просвѣтительныхъ учрежденій». Общая атмосфера, среди которой жилъ преподаватель университета, была тяжелая и не могла особенно способствовать подъему его духа и энергіи. «Профессора», говоритъ та же коммиссія, «призваны работать при самыхъ неблагопріятныхъ для этого условіяхъ. Факультетъ, который является отвѣтственнымъ за успѣшность научно-педагогической дѣятельности, лишенъ возможности оказывать на нее соотвѣтствующее воздѣйствіе: полная регламентація всѣхъ ея подробностей ставитъ преграду проявленію иниціативы со стороны факультета. Такимъ путемъ въ живое дѣло высшаго образованія вносится сухой формализмъ, подавляющій энергію и отзывчивость преподавателей и отнимающій у молодыхъ людей интересъ къ серьезнымъ научнымъ занятіямъ».

Тѣмъ не менѣе, и среди этихъ неблагопріятныхъ условій, преподаватели Харьковскаго университета въ общемъ, по мѣрѣ силъ и возможности, исполняли свой долгъ, а научная производительность ихъ развивалась, какъ показываетъ ежегодный длинный списокъ ихъ работъ[2]), среди которыхъ не мало выдающихся трудовъ. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и ихъ дѣятельности интересующіеся могутъ найти въ «Біографическомъ Словарѣ», который печатается отдѣльными томами, по факультетамъ, и въ которомъ біографіи расположены по каѳедрамъ, въ хронологическомъ порядкѣ. Здѣсь же достаточно сказать, что и за разсматриваемый періодъ въ числѣ профессоровъ Харьковскаго университета встрѣчается не мало именъ, которыми, по справедливости, можетъ гордиться

---

[1]) См. ея докладъ.

[2]) См. «Отчеты».

русская наука. Многіе изъ нихъ занимаютъ почетное мѣсто между современными учеными; нѣкоторыя имена хорошо извѣстны не только въ Россіи, но и въ Западной Европѣ. Мы не беремъ на себя смѣлости выдѣлять изъ нынѣшняго состава отдѣльныя имена, какъ наиболѣе достойныхъ университетскихъ преподавателей и представителей науки. Но мы можемъ назвать изъ тѣхъ, кто уже оставилъ Харьковскій университетъ, напр. химика *Н. Н. Бекетова*, перешедшаго изъ Харькова въ Академію Наукъ, и извѣстнаго далеко за предѣлами нашего края окулиста *Л. Л. Гиршмана*, это дорогое для харьковцевъ имя, а изъ прежнихъ дѣятелей, уже покойныхъ, мы должны вспомнить такія имена, какъ *А. А. Потебня* на историко-филологическомъ факультетѣ, *Л. С. Ценковскій*, *В. Г. Имшенецкій* (впослѣдствіи академикъ), *И. Ѳ. Леваковскій* на физико-математическомъ, *И. И. Дитятинъ*, *К. К. Гаттенбергеръ*, *Г. М. Цыхановецкій* (мало печатавшій, но широко образованный и необыкновенно начитанный въ разныхъ областяхъ знанія ученый) на юридическомъ и клиницисты *В. Г. Лашкевичъ*, *В. Г. Грубе*, *И. К. Зарубинъ* на медицинскомъ факультетѣ. Начало и расцвѣтъ дѣятельности въ Харьковскомъ университетѣ почти всѣхъ ихъ принадлежитъ скорѣе предшествующему времени. Изъ тѣхъ же профессоровъ, преподавательская дѣятельность которыхъ совпала какъ разъ съ разсматриваемымъ періодомъ и которые оставили Харьковъ, назовемъ, напр., проф. механики, достойнаго преемника *В. Г. Имшенецкаго*, *А. М. Ляпунова*, избраннаго въ Академію Наукъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и проф. сравнительнаго языкознанія *Д. Н. Овсянико-Куликовскаго*, пріобрѣвшаго широкую извѣстность своими работами по теоріи поэтическаго творчества и критическими этюдами о русскихъ писателяхъ и пользовавшагося большими симпатіями слушателей.

Уставъ 1884 года увеличилъ число *профессоровъ*. По штатамъ 1884 года въ Харьковскомъ университетѣ полагалось ординарныхъ профессоровъ 50 (вмѣсто 40, положенныхъ по уставу 1863 года), экстраординарныхъ 23 (вмѣсто 18), лекторовъ 4 (какъ и прежде). Въ моментъ введенія устава преподавательскій персоналъ Харьковскаго университета состоялъ изъ 40 ординарныхъ профессоровъ, 10 экстраординарныхъ, 22 штатныхъ доцентовъ, нѣсколькихъ приватъ-доцентовъ, 3 лекторовъ. Черезъ 10 лѣтъ, къ концу 1894 года, состояло: ординарныхъ профессоровъ 59 (изъ нихъ 15 вышедшихъ изъ штата), экстраординарныхъ 7, исправляющихъ должность экстраординарнаго профессора 9, приватъ-доцентовъ 50, лекторовъ 4, а къ концу 1904 г.—ординарныхъ 57 (въ томъ числѣ вышедшихъ изъ штата 22 и сверхштатныхъ 1), 1 исправляющій должность ординарнаго профессора, 11 экстраорди-

нарныхъ (въ томъ числѣ 1 сверхштатный), 16 и. д. экстраординарнаго проф., 56 приватъ-доцентовъ и 3 лектора. Такимъ образомъ, общее число преподавателей въ Харьковскомъ университетѣ къ концу разсматриваемаго періода=144. Но уставъ 1884 г. упразднилъ должность штатнаго доцента, а такихъ штатныхъ доцентовъ по штатамъ 1863 г. полагалось 31, и въ моментъ введенія новаго устава ихъ было въ Харьковскомъ университетѣ, какъ мы только-что видѣли, 22. Для полученія званія профессора требуется высшая ученая степень—доктора. Между тѣмъ русскіе университеты не такъ богаты учеными силами, чтобы можно было замѣстить всѣ каѳедры лицами, имѣющими высшую степень. Поэтому преподаваніе по многимъ, даже основнымъ, каѳедрамъ (напр. по классической филологіи, русской и всеобщей исторіи—на историко-филологическомъ факультетѣ или по уголовному, гражданскому, финансовому и торговому праву—на юридическомъ) приходилось часто поручать временно исправляющимъ обязанности профессора (бывшимъ доцентамъ) или приватъ-доцентамъ (по 64 ст. устава), въ большинствѣ случаевъ даже не магистрамъ, а магистрантамъ, или же профессорамъ, занимающимъ близкія по спеціальности каѳедры, и затѣмъ такія порученія возобновлять изъ года въ годъ, иногда въ теченіе 14-ти лѣтъ, какъ это было, напр., на историко-филологическомъ факультетѣ по нѣкоторымъ отдѣламъ всеобщей исторіи. Трудность замѣщенія каѳедръ лицами, имѣющими высшую ученую степень—съ одной стороны, желаніе обезпечить положеніе молодыхъ ученыхъ, уже болѣе или менѣе извѣстныхъ своими трудами или преподавательскою дѣятельностью,—съ другой, по необходимости повели къ отступленіямъ отъ устава, съ Высочайшаго разрѣшенія. Такъ, уже въ 1888 г. въ Харьковскомъ университетѣ одинъ магистръ назначенъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ, а съ 1889 года слѣдуетъ рядъ назначеній магистровъ въ исправляющіе должность экстраординарнаго профессора; въ 1890 г. число таковыхъ въ Харьковскомъ университетѣ уже достигаетъ 7, а къ концу 1904 г.—16.

Зато уставъ 1884 года стремился дать широкое развитіе институту приватъ-доцентовъ. И, дѣйствительно, съ его введеніемъ число приватъ-доцентовъ быстро возрастаетъ: передъ введеніемъ устава, къ 1 января 1884 года ихъ было 4, къ концу 1884 года—уже 8, въ 1885 году—17, въ 1886 году—28; затѣмъ въ 1887—1892 году число приватъ-доцентовъ немного уменьшилось и потомъ снова увеличилось, дойдя въ 1894 году до 50, а въ 1904 г.—до 56 (изъ нихъ бо́льшая часть приходится, конечно, на медицинскій факультетъ). Дальнѣйшему развитію и процвѣтанію этого института препятство-

вали тяжелыя матеріальныя условія, въ которыя поставлены были приватъ-доценты. Вслѣдствіе упраздненія штатной доцентуры молодымъ ученымъ, нерѣдко магистрамъ, пріобрѣвшимъ даже извѣстность своими научными трудами, приходилось тратить много лѣтъ и силъ, прежде чѣмъ они получали профессуру, а до тѣхъ поръ они находились въ крайне неопредѣленномъ, необезпеченномъ положеніи. Правда, большинство приватъ-доцентовъ въ Харьковскомъ университетѣ на всѣхъ факультетахъ, кромѣ медицинскаго, фактически замѣняли профессоровъ и читали обязательные курсы по порученію министра, съ вознагражденіемъ, равнымъ жалованью прежнихъ штатныхъ доцентовъ,—1200 руб. въ годъ. Но, не говоря уже объ ограниченности вознагражденія, подобныя порученія, въ силу устава, давались лишь на годъ и должны были быть возобновляемы, и лица, коимъ поручалось преподаваніе, могли каждый разъ опасаться, что по истеченіи срока не послѣдуетъ вновь порученія. Слѣдовательно, даже и такіе приватъ-доценты не могли быть увѣрены въ завтрашнемъ днѣ. «На всякомъ другомъ поприщѣ», читаемъ мы въ запискѣ одного изъ приватъ-доцентовъ Харьковскаго университета, по поводу пересмотра гонорарной системы, «лицо, работающее въ качествѣ слуги государства, по крайней мѣрѣ, спокойно за то, что̀ имъ уже пріобрѣтено: онъ знаетъ, что и завтра онъ и его семья будутъ имѣть то же, что̀ сегодня. Только приватъ-доцентъ, читающій обязательный предметъ, т. е. выполняющій обязанность, требующуюся государствомъ, находится въ положеніи вольнонаемнаго, котораго каждый годъ можно безъ всякихъ разговоровъ и поводовъ удалить за ненадобностью... Привилегированные приватъ-доценты, такимъ образомъ, на самомъ дѣлѣ угнетены и нравственно, и умственно и, прежде чѣмъ добиться каѳедры и штатнаго мѣста, проходятъ такую школу, которая не можетъ быть признана для нихъ благотворною»[1]). Еще въ худшемъ положеніи находились приватъ-доценты, читавшіе необязательные курсы и не получавшіе, слѣдовательно, опредѣленнаго вознагражденія. Вознагражденіе, которое выдавалось изъ суммъ министерства, ассигнуемыхъ на этотъ предметъ по 112 ст. устава, бывало обыкновенно недостаточно и носило притомъ случайный характеръ; конкурренціи съ штатными профессорами, которую имѣлъ въ виду уставъ, предоставляя студентамъ свободу выбора преподавателя, если одинъ и тотъ же предметъ читается нѣсколькими,—въ Харьковскомъ университетѣ мы почти не видимъ (за исключеніемъ нѣсколькихъ случаевъ на

[1]) «Докладъ коммиссіи... о системѣ вознагражденія преподавателей университета» (стр. 29—30).

медицинскомъ факультетѣ); а гонораръ, особенно на факультетахъ малолюдныхъ, не могъ служить достаточнымъ обезпеченіемъ для приватъ-доцента.

Вообще, свобода выбора предмета и преподавателя, при существованіи обязательныхъ учебныхъ плановъ и экзаменныхъ требованій и при соблюденіи извѣстной послѣдовательности преподаванія, въ дѣйствительности почти не имѣла мѣста. Параллельные курсы въ Харьковскомъ университетѣ тоже не развились, отчасти по малочисленности слушателей на нѣкоторыхъ факультетахъ, отчасти вслѣдствіе недостаточнаго количества преподавателей, а отчасти и по нежеланію профессоровъ вступать въ личную конкурренцію другъ съ другомъ, которая могла имѣть скорѣе неблагопріятное вліяніе въ моральномъ отношеніи и которую они поэтому не считали полезною и удобною въ дѣлѣ университетскаго преподаванія. Въ теченіе перваго десятилѣтія, съ 1884 по 1894 г., въ Харьковскомъ университетѣ (если оставить въ сторонѣ медицинскій факультетъ, какъ находящійся въ нѣсколько иныхъ условіяхъ) былъ въ сущности только одинъ примѣръ настоящаго параллельнаго курса въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (на юридическомъ факультетѣ—по уголовному праву), да и то его вели не приватъ-доценты, а профессора, занимавшіе разныя каѳедры.

Замѣщеніе каѳедръ уставъ 1884 г. предоставлялъ министру, который при открывшейся вакансіи могъ или замѣщать ее по собственному усмотрѣнію, или предоставить университету избрать кандидата и представить его на утвержденіе. Долгое время послѣ введенія устава по отношенію къ Харьковскому университету преобладалъ первый способъ замѣщенія. Случалось, что министерство прямо присылало въ Харьковъ назначеннаго имъ профессора, безъ предварительнаго запроса и сношенія съ мѣстнымъ учебнымъ начальствомъ, не говоря уже о совѣтѣ или факультетѣ. Иногда министерство, прежде чѣмъ назначить, предварительно запрашивало. Чаще же всего въ Харьковскомъ университетѣ практиковался такой способъ: преподаватель начиналъ свою дѣятельность въ качествѣ приватъ-доцента; по пріобрѣтеніи имъ степени магистра или доктора деканъ—иногда по частному соглашенію съ факультетомъ, а иногда и безъ такового — дѣлалъ представленіе о назначеніи этого преподавателя профессоромъ (если дѣло шло о магистрѣ, то и. д. экстраординарнаго профессора); представленіе черезъ ректора и попечителя, съ ихъ заключеніями, шло въ министерство[1]). Подобные способы устраняли борьбу партій въ факультетѣ и совѣтѣ, чѣмъ

[1]) Изрѣдка такія представленія, да и то лишь въ послѣдніе годы, исходили отъ факультета.

сопровождались нерѣдко выборы при дѣйствіи устава 1863 года, но, разумѣется, они не исключали вліянія случайности, пристрастія или протекціи; наоборотъ, имъ открывался широкій просторъ. Къ тому же назначеніе профессоровъ самимъ министромъ, въ связи съ другими обстоятельствами, напр. предварительными замѣчаніями къ экзаменнымъ требованіямъ, напередъ опредѣлявшими направленіе и характеръ обязательныхъ для студентовъ курсовъ, содѣйствовало упадку нравственнаго вліянія и авторитета профессоровъ въ глазахъ молодыхъ людей, видѣвшихъ въ нихъ не независимыхъ и убѣжденныхъ служителей науки, а простыхъ «чиновниковъ».

Недостатки подобнаго способа замѣщенія каѳедръ, какъ уже сказано (стр. 259), были сознаны и министерствомъ, которое въ послѣднее время предпочитало поэтому прибѣгать къ системѣ конкурсовъ, имѣвшей, впрочемъ, свои неудобства. Такимъ образомъ, съ 1899 г. въ Харьковскомъ университетѣ каѳедры, преимущественно по медицинскому факультету, начали замѣщаться большею частью по конкурсу. Къ конкурсу (по другимъ факультетамъ), съ особаго каждый разъ разрѣшенія, допускались и магистры. Впрочемъ, на ряду съ системой конкурсовъ не была совершенно оставлена и система назначеній (въ Харьковскомъ университетѣ былъ даже случай назначенія на каѳедру кандидата, котораго передъ тѣмъ факультетъ не призналъ возможнымъ допустить къ конкурсу, за неимѣніемъ у него трудовъ по данной спеціальности).

Разсадникомъ профессоровъ служилъ институтъ приватъ-доцентовъ и стипендіатовъ для приготовленія къ профессорскому званію. Ни тотъ, ни другой не былъ новъ. Но уставъ 1884 г. имѣлъ въ виду развить еще болѣе приватъ-доцентуру, а что касается стипендіатовъ, то незадолго до введенія этого устава были изданы правила о лицахъ, оставляемыхъ при университетахъ и командируемыхъ за границу для приготовленія къ профессорскому званію (21 мая 1884), коими вводилась болѣе точная регламентація и устанавливался опредѣленный порядокъ оставленія при университетахъ или командированія за границу молодыхъ людей. Съ этихъ поръ само уже министерство, на основаніи всѣхъ представленныхъ ему данныхъ, опредѣляло, должно ли оставить рекомендуемаго кандидата и при какомъ университетѣ. Каковы были результаты этой мѣры по отношенію къ Харьковскому университету, показываютъ слѣдующія цифры: за первое десятилѣтіе всѣхъ оставленныхъ при Харьковскомъ университетѣ или командированныхъ за границу для приготовленія къ профессорскому званію на основаніи новыхъ правилъ, съ 1884 по 1894 г., было 33 (по историко-филологическому факуль-

тету—4, физико-математическому—11, юридическому—10, медицинскому—8); изъ нихъ достигли приватъ-доцентуры или профессуры (частью въ Харьковскомъ, частью въ другихъ университетахъ)—24 (по историко-филологическому факультету—3, физико-математическому—8, юридическому—5, медицинскому—8); изъ остальныхъ 1 умеръ, прочіе 8 покинули ученое поприще (по историко-филологическому факультету—1, физико-математическому—2, юридическому—5). Приблизительно половина преподавателей Харьковскаго университета за разсматриваемый періодъ—питомцы этого же университета; большая часть ихъ вышла изъ стипендіатовъ для приготовленія къ профессорскому званію, и почти всѣ они прошли чрезъ приватъ-доцентуру.

Въ теченіе послѣдняго двадцатилѣтія составъ преподавателей по каѳедрамъ былъ слѣдующій. Богословіе до 1894 г. продолжалъ читать заслуж. проф. В. И. Добротворскій. Послѣ его смерти каѳедра эта перешла къ Т. И. Буткевичу. На историко-филологическомъ факультетѣ по каѳедрѣ философіи читали Ѳ. А. Зеленогорскій и П. Э. Лейкфельдъ, первый преимущественно исторію философіи и (въ послѣднее время) курсы педагогики, а второй логику, психологію, Платона и Аристотеля. По каѳедрѣ классической филологіи въ теченіе всего этого періода состояли Г. Ѳ. Шульцъ, Р. И. Шерцль и И. В. Нетушилъ, первый—эллинистъ, а два послѣдніе—латинисты (Р. И. Шерцль, впрочемъ, читалъ и греческихъ авторовъ). Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ велъ преподаваніе А. Н. Деревицкій (по греческимъ реаліямъ и исторіи литературы); послѣ перехода его въ Одессу (1893) въ Харьковъ назначенъ прив.-доц. Моск. универ. Я. А. Денисовъ. Кромѣ того, по этой каѳедрѣ состоитъ прив.-доц. М. А. Масловъ (лат. яз.), который читаетъ иногда и курсы по педагогикѣ. По сравнительному языковѣдѣнію и санскриту послѣ В. И. Шерцля (старшаго) недолго были преподавателями Э. М. Дилленъ (теперь извѣстный англійскій журналистъ) и затѣмъ А. И. Александровъ, перешедшій вскорѣ въ Казань (на каѳ. славянск. филологіи). Въ 1888 г. каѳедру занялъ Д. Н. Овсянико-Куликовскій. Преподаваніе по санскриту въ теченіе послѣднихъ лѣтъ велъ, кромѣ того, прив.-доц. П. Г. Риттеръ. По русскому языку Харьковскій университетъ имѣлъ такого спеціалиста, какъ А. А. Потебня. Послѣ его смерти (1891) предметъ этотъ перешелъ къ М. Е. Халанскому, а исторію русской литературы читали Н. Ѳ. Сумцовъ (въ теченіе всего періода) и, кромѣ того, прив.-доц. А. С. Кадлубовскій (въ послѣдніе годы, читалъ курсы спеціальные). По славянской филологіи преподаваніе велось профессорами М. С. Дриновымъ (въ теченіе всего этого періода) и П. А. Безсоновымъ (умеръ въ 1898 г.) и при нихъ нѣкоторое время—прив.-доцентами Б. М. Ляпу-

новымъ и Н. К. Грунскимъ. Профессоръ всеобщей исторіи М. Н. Петровъ въ 1886 г. вышелъ въ отставку; читавшіеся имъ отдѣлы перешли къ В. П. Бузескулу (греческая и новая исторія) и прив.-доц. В. В. Лапину (Востокъ и Римъ); В. К. Надлеръ въ 1891 г. перешелъ въ Одессу и черезъ нѣсколько времени его замѣнилъ А. С. Вязигинъ (по средней исторіи), который съ уходомъ В. В. Лапина (1900) сталъ читать и римскую исторію (исторію Востока недолго читалъ еще А. Н. Гренъ и въ послѣднее время—В. П. Бузескулъ). По русской исторіи въ теченіе всего разсматриваемаго періода преподавателями были Д. И. Багалѣй и П. Н. Буцинскій (первый читаетъ исторію до-петровскаго времени, второй—императорскаго періода); кромѣ того, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ были и прив.-доценты—В. И. Савва, Е. П. Трифильевъ, В. Е. Данилевичъ, читавшіе спеціальные курсы. Церковную исторію все время преподавалъ А. С. Лебедевъ; недавно назначенъ І. А. Бродовичъ и началъ читать прив.-доц. о. І. І. Филевскій. Каѳедру исторіи западно-европ. лит.—послѣ перехода А. И. Кирпичникова въ Одессу—занималъ недолгое время Л. З. Колмачевскій; послѣ его смерти преподаваніе перешло къ Л. Ю. Шепелевичу и С. В. Соловьеву. По исторіи и теоріи искусствъ читалъ лекціи нѣкоторое время А. Н. Деревицкій; съ 1893 г. впервые является у насъ спеціальный преподаватель этого предмета въ лицѣ Е. К. Рѣдина. Лекторами были: по нѣмецк. языку Труартъ, а послѣ него—Г. Ю. Ирмеръ; по французскому—преемникъ Мало, С. В. Соловьевъ; англійскій языкъ послѣ Даунса преподавалъ проф. Р. И. Шерцль, пока не былъ избранъ нынѣшній лекторъ Ю. А. Ферберъ, а итальянскій языкъ—проф. П. А. Безсоновъ, затѣмъ лекторъ Лоренцони и, наконецъ, П. Г. Риттеръ.

На физико-математическомъ фак. чистую математику преподавали М. Ѳ. Ковальскій (ум. въ 1900 г.), М. А. Тихомандрицкій (съ небольшимъ перерывомъ); затѣмъ В. П. Алексѣевскій, А. П. Пшеборскій, прив.-доц. М. Н. Лагутинскій; въ частности, аналитическую геометрію преподавалъ К. А. Андреевъ (до перехода въ Москву, 1898 г.), послѣ него недолго Д. А. Граве и въ послѣднее время Д. М. Синцовъ, избранный по конкурсу. Каѳедра механики имѣла своими представителями А. М. Ляпунова (до 1902 г., когда онъ избранъ въ Академію Наукъ) и его ученика В. А. Стеклова; по астрономіи профессоромъ былъ Г. В. Левицкій (до перехода въ Юрьевъ въ 1894 г.), послѣ него—Л. О. Струве; астрономомъ-наблюдателемъ состоялъ прив.-доц. Н. Н. Евдокимовъ. Физику читалъ А. П. Шимковъ (до перехода его на службу въ министерство земледѣлія, 1899 г.) и, кромѣ того, нѣсколько прив.-доц.: А. К. Погорѣлко (нынѣ городской голова), нѣкоторое время Н. Д. Пиль-

чиковъ, А. П. Грузинцевъ, впослѣдствіи и занявшій эту каѳедру. Метеорологію долгое время преподавалъ Ю. И. Морозовъ (ум. въ 1900 г.), а послѣ него—недолго—прив.-доц. Косачъ (ум. въ 1903 г.), затѣмъ—Е. А. Роговскій. По химіи Н. Н. Бекетовъ послѣ 1884 г. недолго оставался въ Харьковѣ, такъ какъ избранъ былъ въ академики; неорганическая химія перешла къ И. П. Осипову; органическую преподавалъ Г. И. Лагермаркъ (до оставленія имъ университета въ 1902 г.), а затѣмъ избранъ А. А. Альбицкій. Кромѣ того, химію нѣкоторое время читали А. П. Эльтековъ, прив.-доц. П. Д. Хрущовъ, Д. П. Турбаба и другъ. Каѳедру технической химіи занималъ Н. Н. Яцуковичъ, а послѣ выхода его въ отставку—В. Ѳ. Тимоѳеевъ, перешедшій въ Кіевскій политехникумъ; въ послѣднее время преподаваніе по этому предмету вели прив.-доц. И. А. Красускій, К. В. Харичковъ, В. А. Дыбскій. По геологіи преемникомъ И. Ѳ. Леваковскаго былъ А. В. Гуровъ; минералогію читали А. С. Бріо (въ теченіе всего періода) и П. И. Пятницкій. Каѳедру ботаники послѣ Л. С. Ценковскаго и А. С. Питры занимали Л. В. Рейнгардъ, читавшій систематику и морфологію, В. И. Палладинъ, по физіологіи растеній, бывшій въ Харьковѣ профессоромъ недолго, В. А. Ротертъ (тоже недолго), В. К. Залѣсскій и В. М. Арнольди (послѣдніе оба избраны по конкурсу); были и прив.-доц. (В. И. Таліевъ, Н. Е. Дорофеевъ, А. А. Потебня). По каѳедрѣ зоологіи состоитъ П. Т. Степановъ (въ послѣдніе годы, впрочемъ, лекцій не читавшій), А. Ѳ. Брандтъ, А. М. Никольскій, недавно избранный, и прив.-доц. Т. Е. Тимофеевъ; сравнительную анатомію животныхъ преподавалъ В. В. Рейнгардъ, а физіологію одно время В. Я. Данилевскій, потомъ Н. Н. Бѣлоусовъ. Агрономію читалъ А. Г. Зайкевичъ, а географію—А. Н. Красновъ; кромѣ того, по антропологіи и этнографіи въ послѣдніе годы читались курсы прив.-доц. А. М. Покровскимъ.

На юридическомъ фак. римское право (преимущественно догму) читалъ Л. Н. Загурскій, а исторію римскаго права—А. Н. Стояновъ, перешедшій на эту каѳедру съ каѳедры энциклопедіи права, которую онъ было занялъ послѣ упраздненія каѳедры исторіи важнѣйшихъ законодательствъ. Въ послѣдніе годы Стояновъ фактически уже не преподавалъ. Этотъ предметъ перешелъ къ С. П. Никонову. Нѣкоторое время римское право преподавалъ также В. Ф. Зелеръ, воспитанникъ Берлинской семинаріи (перешедшій потомъ въ Кіевъ, а оттуда—въ Берлинъ). Каѳедру гражданскаго права занималъ А. И. Загоровскій до 1892 г.; послѣ перехода его въ Одессу временно преподавалъ Л. Н. Загурскій; былъ нѣкоторое время на этой каѳедрѣ Л. А. Кассо (перешедшій вскорѣ въ Москву); послѣдніе годы преподаваніе вели проф.

Н. А. Гредескулъ и прив.-доц. Б. В. Поповъ (одинъ читалъ право, другой—судопроизводство). Каѳедра торговаго права все время была вакантна; преподаваніе велось А. И. Загоровскимъ, И. П. Сокальскимъ, затѣмъ П. П. Мигулинымъ и В. И. Катковымъ. Курсы уголовнаго права читались параллельно представителемъ каѳедры Л. Е. Владиміровымъ и проф. международнаго права В. П. Даневскимъ, который послѣ выхода Л. Е. Владимірова въ отставку и перешелъ формально на каѳедру уголовнаго права. Послѣ смерти В. П. Даневскаго (1898) преподаваніе велось А. Д. Киселевымъ, затѣмъ, кромѣ него (угол. судопроизводство), М. П. Чубинскимъ (угол. право) и прив.-доц. Л. Я. Таубером. Исторія русскаго права читалась И. П. Дитятинымъ, потомъ И. М. Собѣстіанскимъ (безвременно умершимъ въ 1896 г.), а послѣ него—Н. А. Максимейко. Каѳедру государственнаго права занималъ Н. О. Куплеваскій; послѣдніе годы читали, кромѣ того, спеціальные курсы прив.-доценты В. М. Устиновъ и А. А. Алексѣевъ. Международное право читалъ В. П. Даневскій; послѣ него и до настоящаго времени (съ нѣкоторымъ перерывомъ)—прив.-доц. В. А. Ястржембскій; кромѣ того, этотъ предметъ преподавали неподолгу, одинъ за другимъ, М. И. Догель (теперь проф. въ Казани), М. А. Таубе (проф. Петерб. унив.), В. А. Улянициій (проф. въ Томскѣ). Каѳедру полицейскаго права занимали сначала К. К. Гаттенбергеръ, потомъ В. Ф. Левитскій и, наконецъ, А. А. Раевскій; финансоваго права—М. М. Алексѣенко (бывшій долгое время ректоромъ; нынѣ попечитель округа) и послѣ него П. П. Мигулинъ; политической экономіи—Г. М. Цѣхановецкій (умершій въ 1898 г.), И. Н. Миклашевскій (недолго, такъ какъ въ 1901 г. онъ уже скончался) и В. Ф. Левитскій, перешедшій на эту каѳедру (съ каѳедры полиц. права) послѣ смерти И. Н. Миклашевскаго, и прив.-доц. А. Н. Анцыферовъ, который велъ практическія занятія. Статистику читали: И. П. Сокальскій; послѣ его смерти (1896 г.)—только-что упомянутый проф. И. Н. Миклашевскій, а потомъ прив.-доц. Л. Н. Яснопольскій, вынужденный вскорѣ прекратить чтеніе лекцій. Каѳедру энциклопедіи и исторіи философіи права занималъ К. Н. Ярошъ (до выхода въ отставку въ 1902 г.) и нѣкоторое время—очень недолго—А. Н. Стояновъ послѣ перехода съ упраздненной каѳедры исторіи законодательствъ. Въ послѣднее время предметъ этотъ читался прив.-доц. А. Н. Фатѣевымъ. Наконецъ, церковное право преподавалъ М. А. Остроумовъ, читавшій, кромѣ того, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ необязательный курсъ логики. Для желающихъ преподавалась судебная медицина (сначала прив.-доц. Э. Ѳ. Беллинымъ, потомъ проф. А. К. Бѣлоусовымъ) и психіатрія (проф. Я. А. Анфимовымъ, прив.-доц. Я. Я. Трутовскимъ, прив.-доц.

А. О. Поповымъ). Слѣдуетъ отмѣтить также, что, кромѣ профессоровъ и прив.-доцентовъ, практическія занятія со студентами-юристами вели также члены судебной палаты г. Крюковъ и г. Тютрюмовъ и членъ окружнаго суда г. Затворницкій.

На медицинскомъ фак. каѳедру анатоміи занималъ И. К. Вагнеръ, а послѣ него М. А. Поповъ и А. К. Бѣлоусовъ; физіологіи—П. П. Щелковъ (ректоръ) и затѣмъ В. Я. Данилевскій; гистологіи—К. З. Кучинъ и потомъ Н. К. Кульчицкій; медицинской химіи—А. Я. Данилевскій до 1892, когда онъ перешелъ въ военно-медицинскую академію; послѣ него слѣдуютъ одинъ за другимъ: Т. И. Богомоловъ (черезъ нѣсколько лѣтъ умершій), В. С. Гулевичъ, избранный по конкурсу и вскорѣ перешедшій въ Москву, Д. И. Кураевъ (также избранный по конкурсу). Фармакогнозію и фармацію преподавалъ А. Д. Чириковъ, фармакологію Н. Л. Залѣсскій, потомъ—Д. К. Радзаевскій, бывшій въ Харьковѣ профессоромъ очень недолго и рано умершій, а послѣ него С. А. Поповъ. Общую патологію одно время читалъ И. Н. Оболенскій, затѣмъ—С. Д. Костюринъ, а послѣднія 10 лѣтъ—А. В. Репревъ; патологическую анатомію—В. П. Крыловъ и послѣдніе годы Н. Ф. Мельниковъ-Разведенковъ, избранный по конкурсу. Каѳедру врачебной діагностики послѣ Д. И. Киселева занялъ М. М. Ломиковскій; частную патологію читали И. Н. Оболенскій, затѣмъ А. М. Шилтовъ и А. В. Богдановъ, а въ послѣднее время проф. Георгіевскій (избранъ по конкурсу). Каѳедру нервныхъ и душевныхъ болѣзней занималъ П. И. Ковалевскій (до 1894), а послѣ него—Я. А. Анфимовъ и И. Г. Оршанскій. По накожнымъ и сифилитическимъ болѣзнямъ читалъ прив.-доц. Порай-Кошицъ, которому факультетъ желалъ предоставить каѳедру; но министерствомъ назначенъ былъ А. Я. Бруевъ, послѣ смерти котораго эта каѳедра перешла къ И. Ф. Зеленеву. Терапевтическую факультетскую клинику вели В. Г. Лашкевичъ, а послѣ его смерти—И. Н. Оболенскій и, наконецъ, Ѳ. М. Опенховскій; терапевтическую госпитальную клинику—А. Х. Кузнецовъ и Ѳ. М. Опенховскій. Каѳедру оперативной хирургіи занималъ А. И. Дудукаловъ, одно время—С. Н. Делицынъ (перешедшій въ военно-медиц. акад.) и, наконецъ, Ю. Р. Пенскій; по этой каѳедрѣ читалъ нѣкоторое время и П. И. Морозовъ (перешедшій потомъ въ Кіевъ). По хирургической патологіи быстро мѣнялись профессора: М. С. Субботинъ (перешедшій вскорѣ въ военно-медиц. акад.), А. Г. Подрезъ, Л. В. Орловъ, Н. А. Соколовъ, избранный по конкурсу (всѣ трое перешли на другія каѳедры), А. В. Мартыновъ (теперь уже перешедшій въ Москву). Хирургическую факультетскую клинику продолжалъ вести В. Ѳ. Грубе до самой своей смерти (1898); на его

мѣсто назначенъ Л. В. Орловъ, проф. хирургической патологіи. Хирургическую госпитальную клинику велъ И. К. Зарубинъ до 1894 г., когда онъ вышелъ въ отставку; его преемникомъ былъ А. Г. Подрезъ, послѣ смерти котораго назначенъ Н. А. Соколовъ. Каѳедру офтальмологіи продолжалъ занимать Л. Л. Гиршманъ; кромѣ того, по этой каѳедрѣ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ состоялъ проф. П. Н. Барабашевъ. Акушерство и женскія болѣзни послѣ И. П. Лазаревича почти въ теченіе всего разсматриваемаго періода читалъ Н. Ф. Толочиновъ, который велъ и клинику до послѣдняго времени; его преемникомъ избранъ П. В. Михинъ. Кромѣ того, по этой каѳедрѣ были проф. П. А. Ясинскій и проф. Н. Д. Гавронскій (сверхштатный). Каѳедру дѣтскихъ болѣзней занималъ М. Д. Пономаревъ, а въ послѣднее время И. В. Троицкій (избранъ по конкурсу); судебной медицины—В. К. Анрепъ и послѣ него Ѳ. А. Патенко; гигіены—И. П. Скворцовъ. Каѳедра исторіи медицины оставалась вакантною (въ 1887-8 г. временно В. П. Крыловъ читалъ по этой каѳедрѣ). Что касается приватъ-доцентовъ медиц. фак., то ихъ было много, и мы тутъ отмѣтимъ только тѣхъ изъ нихъ, которые читали или обязательные курсы, замѣняя временно профессора, или общіе параллельные, или вообще преподавали въ теченіе многихъ лѣтъ, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ получили каѳедры въ другихъ университетахъ. Таковы прив.-доц.: Н. И. Васильевъ (по медиц. химіи), И. А. Чуевскій (по физіологіи), А. М. Черевковъ (тоже), В. А. Павловъ (по гистологіи), В. К. Высоковичъ (общая патологія; теперь проф. въ Кіевѣ), М. И. Свѣтухинъ (по діагностикѣ), В. Ф. Воскресенскій (по операт. хирургіи), М. М. Кузнецовъ (хирургъ, теперь проф. въ Варшавѣ), Н. И. Тринклеръ (тоже хирургъ, теперь проф. въ Харьковѣ), Н. Н. Филипповъ (хирургъ), П. П. Прокопенко (окулистъ), О. П. Браунштейнъ (тоже), Л. І. Бергъ, И. М. Колпакчи, И. А. Баранниковъ (всѣ трое—по дѣтскимъ болѣзнямъ), Э. Ф. Беллинъ (суд. мед.), П. Н. Лащенковъ (по гигіенѣ; теперь проф. въ Томскѣ) и друг. Ботанику медикамъ читалъ прив.-доц. В. И. Таліевъ.

Въ распредѣленіе наукъ по факультетамъ и каѳедрамъ уставъ 1884 г. внесъ сравнительно немного измѣненій. На историко-филологическомъ факультетѣ прежде отдѣльныя каѳедры греческой и римской словесности соединены были въ одну—классической филологіи; учреждена была новая каѳедра—географіи и этнографіи, которая въ 1888 г. съ историко-филологическаго факультета перенесена на физико-математическій. На послѣднемъ физическая географія соединена въ одну каѳедру съ физикой, а геогнозія и палеонтологія—съ минералогіей (подъ именемъ минералогіи и геологіи). Когда на этотъ факультетъ

была перенесена каѳедра географіи, Харьковскій университетъ ходатайствовалъ о причисленіи физической географіи къ каѳедрѣ географіи (съ тѣмъ, чтобы метеорологія оставлена была при каѳедрѣ физики). На юридическомъ факультетѣ упразднены каѳедры исторіи важнѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ и исторіи славянскихъ законодательствъ, зато учреждена каѳедра торговаго права и торговаго судопроизводства. На медицинскомъ фак. нѣкоторые предметы выдѣлены въ самостоятельныя каѳедры, именно: ученіе о нервныхъ и душевныхъ болѣзняхъ, ученіе о накожныхъ и сифилитическихъ болѣзняхъ, офтальмологія съ клиникою, гигіена; вмѣсто одной каѳедры теоретической хирургіи установлено двѣ: оперативной хирургіи съ топографической анатоміей и хирургической патологіи съ десмургіей; учреждена новая каѳедра исторіи и энциклопедіи медицины, остававшаяся въ Харьковскомъ университетѣ, впрочемъ, въ теченіе всего этого періода, какъ мы видѣли, не занятою. Въ 1891 г. Харьковскимъ университетомъ возбуждено было ходатайство объ учрежденіи особой каѳедры дѣтскихъ болѣзней, съ отдѣленіемъ ея отъ каѳедры акушерства, что и было разрѣшено (въ 1892 году).

Зато учебные планы и экзаменныя требованія 1885 г. отмѣнили существовавшія до того на историко-филологическомъ фак. три отдѣленія (классическое, историческое и славяно-русское) и выдвинули на первое мѣсто классическую филологію, какъ обязательный и основной предметъ для всѣхъ студентовъ этого факультета, безъ различія спеціальности, т. е. какъ для исторической группы, такъ и для славяно-русской, и тѣмъ на время лишили историко-филологическій факультетъ его прежняго общеобразовательнаго характера. Уже тогда факультетъ высказывался за образованіе особой группы классической филологіи, но министерство не дозволяло «ни въ какомъ случаѣ» возобновлять вышеупомянутое дѣленіе. Въ 1889 г. три отдѣленія были возстановлены самимъ министерствомъ. Въ 1901 г. историко-филологическій факультетъ, въ виду предположенной тогда реформы средней школы, идя на встрѣчу потребности въ хорошо подготовленныхъ преподавателяхъ новыхъ языковъ и въ интересахъ полноты факультетскаго преподаванія, выработалъ подробный планъ романо-германскаго отдѣленія и ходатайствовалъ объ его учрежденіи. Насколько ощущалась потребность въ такомъ отдѣленіи, показываетъ фактъ, что одновременно, но совершенно независимо, съ подобнымъ же ходатайствомъ обратился въ министерство и историко-филологическій факультетъ Новороссійскаго университета. Но ходатайство не имѣло результата. Что касается физико-математическаго факультета, то на немъ было упразднено физико-химическое

отдѣленіе. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ Харьковскій университетъ ходатайствовалъ о его возстановленіи, но безуспѣшно.

По нѣкоторымъ каѳедрамъ, хотя онѣ существовали и раньше, преподаваніе въ Харьковскомъ университетѣ стало вестись лишь въ разсматриваемый періодъ, напр. по исторіи и теоріи искусствъ (съ 1889 г.; особый преподаватель по этой каѳедрѣ—съ 1893 г.) и церковному праву (съ 1887 г.).

Повидимому, уставъ 1884 г. проводилъ принципъ «свободы слушанія и преподаванія». Но эта свобода оказывалась номинальною. Во 1-хъ, существовали *обязательные* учебные планы. Какъ было упомянуто [1]), Харьковскій университетъ въ 1885 г. выработалъ учебные планы, но министръ не призналъ возможнымъ утвердить ихъ и препроводилъ составленные въ министерствѣ примѣрные учебные планы съ тѣмъ, чтобы начальство Харьковскаго университета, примѣнивъ ихъ въ первое полугодіе 1885/6 г., представило въ министерство тѣ измѣненія, какія подлежащій факультетъ признаетъ нужнымъ въ нихъ сдѣлать, или вновь составленные каждымъ факультетомъ учебные планы. Препровождены были также правила объ испытаніяхъ и зачетѣ полугодій и «экзаменныя требованія».

Въ этихъ «экзаменныхъ требованіяхъ» 3-го августа 1885 г. [2]) не только излагались основные пункты программы, но давались и руководящія указанія. «Основаніемъ филологическаго образованія» поставлены оба классическіе языка; всѣ остальные предметы тутъ являются лишь дополнительными (впрочемъ, съ 1889 г., какъ мы видѣли, это нѣсколько измѣнилось). На юридическомъ факультетѣ на первый планъ выдвинуто римское право (вспомнимъ, что въ 1886 г. при Берлинскомъ университетѣ учреждена была даже семинарія для русскихъ молодыхъ ученыхъ, изучающихъ римское право). Мало того: предварительныя замѣчанія къ нѣкоторымъ экзаменнымъ требованіямъ напередъ опредѣляли, въ какомъ духѣ и направленіи читать курсы. Въ особенности характерны замѣчанія по юридическому факультету, и мы приведемъ изъ нихъ выдержки, чтобы освѣтить тогдашнее положеніе преподавателей и науки въ университетѣ. Въ началѣ тутъ заявлялось, что экзаменныя требованія ограничиваются общими указаніями, «не вдаваясь въ подробныя и систематическія программы, которыя могли бы стѣснить безъ надобности преподавателей и лишить ихъ столь дорогой въ дѣлѣ науки самостоятельности въ разработкѣ и изложеніи ея матеріала». Но «требуется, главнымъ образомъ, опредѣлить съ нѣкоторою подробностью, по отно-

[1]) См. 1-ю главу, стр. 256.

[2]) Они напечатаны, между проч., въ «циркулярахъ» по округу.

шенію къ преподавателямъ и слушателямъ, направленіе и характеръ обязательныхъ для студента факультетскихъ занятій». Юридическій факультетъ долженъ обладать предметомъ, «столь же всеобщимъ и обязательнымъ для всякаго просвѣщеннаго юриста», «какъ математика для математиковъ, древніе языки съ ихъ дисциплинами для филологовъ и проч.». Такимъ предметомъ не можетъ быть, напр., философія права. Слѣдуетъ пространная критика «философовъ», «именующихъ себя позитивными», и другихъ «всеобщихъ теоретиковъ и доктринеровъ». «Вмѣсто разныхъ доктринъ и теорій, претендующихъ на всеобщее значеніе и именующихъ себя философскими», рекомендуется руководствоваться «логикой здраваго смысла, рѣшенія которой столь же обязательны, какъ и очевидность факта. Что не выдерживаетъ ея окончательнаго суда, то не можетъ быть не только понимаемо, но и терпимо ни въ какомъ дѣлѣ. Испытательныя коммиссіи будутъ отъ испытуемыхъ прежде всего требовать, при положительномъ знаніи, доказательствъ здравомыслія въ сужденіяхъ о предметахъ, входящихъ въ кругъ ихъ изученія». Соединяющая умы въ положительномъ знаніи наука должна имѣть опредѣленный и данный въ дѣйствительности предметъ. Такимъ предметомъ является римское право. Слѣдуютъ доказательства важнаго значенія римскаго права. По поводу же государственнаго права дѣлаются такія, напр., замѣчанія: «Верховная власть есть принципъ государственнаго права... Раскрытіе существа ея въ данномъ государствѣ есть истинный предметъ науки о государствѣ, которая, нуждаясь въ достойномъ предметѣ, нерѣдко ищетъ его въ чужихъ, не помнящихъ объема своего примѣненія абстракціяхъ, въ произвольныхъ разсужденіяхъ и въ порожденныхъ недомысліемъ гипотезахъ, выдаваемыхъ за философію. У нѣмцевъ есть изобиліе философскихъ ученій; у французовъ, англичанъ и другихъ народовъ есть также свои воззрѣнія на міръ. Почему бы не взглянуть на міръ и съ точки зрѣнія русскаго народа? Вмѣсто абстракціи всеобщаго государственнаго права, почему бы въ наукѣ русскаго государственнаго права, которая обрекаетъ себя на перечень департаментовъ и канцелярій, не представить въ доказательномъ, достойномъ предмета и оживленномъ мыслью ученіи существо русскаго монархическаго начала? Вотъ философія не фиктивная, но дѣйствительная, выходящая изъ самой реальности предмета. Русская монархія есть нѣчто sui generis и можетъ быть изучаема лишь въ своей индивидуальности», и т. д.—Вообще «испытательныя коммиссіи будутъ руководствоваться правиломъ non multa, sed multum. Голословныя характеристики и бездоказательныя положенія не будутъ имѣть никакой цѣны при испытаніяхъ... Иные думаютъ, что теоріями можно предохранить

молодые умы отъ увлеченій. Большая ошибка! Обобщенія навязанныя, и притомъ преждевременно, оставляютъ въ умѣ легковѣсныя представленія, которыя безъ труда приводятся въ произвольныя сочетанія и порождаютъ мнѣніе, что такъ же легко можно обращаться и съ самыми предметами. Университетъ долженъ давать государству не верхоглядовъ, не фанатиковъ чужой мысли, но умы дѣльные, зрячіе, дѣйствительно знающіе и проникнутые чувствомъ реальности властвующихъ въ нравственномъ мірѣ силъ»... Далѣе опять слѣдуетъ полемика противъ «позитивныхъ философовъ», «создающихъ свою метафизику изъ біологическихъ абстракцій и мнящихъ, что достигаютъ положительнаго знанія посредствомъ всерѣшающихъ словъ.... Юридической наукѣ не приходится, бросивъ свой предметъ, пускаться безъ руля и компаса отыскивать начало своего начала, и притомъ предъ слушателями, которые стеклись для пріобрѣтенія знанія, а не для слушанія безсмысленныхъ обрывковъ разныхъ мнѣній и произвольныхъ, не выдерживающихъ критики здраваго смысла, разсужденій»,

Самый порядокъ составленія обозрѣнія преподаванія и распредѣленія лекцій былъ точно регламентированъ. Университетъ самъ не имѣлъ права ихъ составить и утвердить: составленные факультетами, на основаніи рапортовъ преподавателей о предполагаемыхъ ими чтеніяхъ и практическихъ занятіяхъ, проекты обозрѣнія преподаванія по семестрамъ съ распредѣленіемъ лекцій по днямъ и часамъ, по разсмотрѣніи ихъ совѣтомъ, должны были представляться на утвержденіе въ министерство. При этомъ, въ силу особаго распоряженія, должны были препровождаться каждый разъ и подлинные рапорты преподавателей. Разъ обозрѣніе и распредѣленіе были утверждены, какія-либо измѣненія въ нихъ, хотя бы они состояли только въ перенесеніи лекціи съ одного дня или часа на другой, по правиламъ могли быть дѣлаемы лишь съ разрѣшенія министерства. А такого рода измѣненія часто вызывались необходимостью (напр. недостаткомъ свободныхъ аудиторій, совпаденіемъ съ другими лекціями, перемѣнами въ преподавательскомъ персоналѣ и проч.) или интересами преподаванія и студентовъ. Случалось нерѣдко, что, пока дѣло о перенесеніи какой-либо лекціи съ одного дня или часа на другой проходило всѣ инстанціи, вплоть до министерства, и получалось надлежащее разрѣшеніе, семестръ приближался къ концу. Поэтому вскорѣ попечителю округа предоставлено было «въ особо уважительныхъ случаяхъ» разрѣшать подобныя измѣненія (съ донесеніемъ объ этомъ министерству), но потомъ опять подтверждено, что для всякаго рода измѣненій въ обозрѣніи преподаванія необходимо разрѣшеніе министерства. Не разъ утвержденіе обозрѣнія преподаванія и распредѣленія лекцій по

тому или иному факультету сопровождалось замѣчаніями со стороны министерства, причемъ случалось, что замѣчанія эти вызывались соблюденіемъ со стороны факультета указаній, сдѣланныхъ въ предшествующіе годы.

Установленіе обязательной для профессоровъ 6-часовой нормы—съ одной стороны и примѣрные планы, обязательность гонорара (отъ котораго отдѣльный профессоръ не имѣетъ права отказываться)—съ другой давали поводъ къ недоумѣніямъ и вызывали затрудненія, особенно на первыхъ порахъ: интересы преподаванія, требовавшіе иногда увеличенія числа лекцій, приходили въ столкновеніе съ матеріальными интересами студентовъ, такъ какъ увеличеніе числа лекцій влекло за собою увеличеніе гонорара. Между прочимъ, юридическій факультетъ дѣлалъ неоднократныя попытки выйти изъ такихъ затрудненій. Еще въ декабрѣ 1885 г. онъ возбуждалъ вопросъ, «не слѣдовало ли бы дозволить профессору, если онъ будетъ убѣжденъ опытомъ въ недостаточности числа часовъ по примѣрному плану для полноты преподаванія, назначить добавочные часы, за которые студенты не должны быть привлекаемы къ уплатѣ гонорара?» и въ октябрѣ слѣдующаго года снова говоритъ о томъ, что онъ, факультетъ, въ попыткахъ усилить преподаваніе по отдѣльнымъ предметамъ былъ затрудненъ нормами примѣрнаго учебнаго плана и размѣромъ платы за слушаніе лекцій.

Съ 1884 г. практическія занятія, существовавшія въ Харьковскомъ университетѣ и раньше, притомъ не только на медицинскомъ, но и на другихъ факультетахъ [1]), пріобрѣли особенно видное мѣсто въ системѣ преподаванія: они получили большое развитіе и сдѣлались однимъ изъ главныхъ средствъ усвоенія изучаемыхъ предметовъ и знакомства съ методами и пріемами изслѣдованія. Самый уставъ и правила имѣли въ виду развить эти занятія, при чемъ преслѣдовались однако не однѣ научныя цѣли: министерство видѣло въ нихъ одно изъ средствъ борьбы съ студенческими движеніями и безпорядками. По поводу безпорядковъ 1887 г. министръ напоминалъ, что «при устроеніи университетскаго быта на основаніи устава 1884 г. министерство народнаго просвѣщенія руководилось тѣмъ убѣжденіемъ, что между преподавателями университетовъ и студентами должна существовать крѣпкая нравственная связь и постоянное общеніе. Съ этою цѣлью въ уставѣ и въ сдѣланныхъ министерствомъ въ развитіе его распоряженіяхъ были приняты особыя мѣры для возможнаго расширенія практическихъ занятій, ставящихъ

[1]) См. предыдущій періодъ.

учащихъ и учащихся въ ближайшее взаимное соприкосновеніе, и введены совѣщательные часы, дающіе возможность студентамъ обращаться съ своими недоумѣніями и вопросами къ преподавателю». Если цѣль эта не была достигнута, то, кромѣ общихъ причинъ, тутъ вліяли и условія университетскаго строя, созданныя уставомъ 1884 г., въ силу коихъ университетскіе преподаватели стояли какъ бы въ сторонѣ отъ того, что происходитъ въ университетѣ, и нерѣдко оставались въ невѣдѣніи или узнавали слишкомъ поздно о томъ, какъ и изъ-за чего возникли волненія и какія мѣры приняты къ прекращенію ихъ. Кромѣ того, преподаватели на практическихъ занятіяхъ, посвященныхъ чисто научнымъ вопросамъ, напр. изъ области математики или медицины, не считали возможнымъ касаться вопросовъ не научнаго характера или политики. При преемникѣ гр. И. Д. Делянова, Н. П. Боголѣповѣ, на практическія занятія было обращено еще большее вниманіе. Послѣ безпорядковъ 1899 г. изданъ былъ циркуляръ объ ихъ широкой организаціи (21 іюля 1899), какъ средствѣ общенія между профессорами и студентами; на организацію этихъ занятій по историко-филологическому и юридическому факультетамъ ежегодно ассигновывалось съ тѣхъ поръ Харьковскому университету 3500 р. (изъ нихъ 1000 р. на долю перваго и 2500 на долю второго).

Въ предыдущіе періоды въ Харьковскомъ университетѣ нерѣдко читались спеціальные курсы; на нѣкоторыхъ факультетахъ они даже иногда преобладали, такъ-что такъ назыв. общіе курсы составляли скорѣе исключеніе. Но они большею частью носили обязательный характеръ. Съ 1884 г. въ Харьковскомъ университетѣ развиваются курсы необязательные, читаемые для желающихъ преимущественно приватъ-доцентами. Однако дальнѣйшему всестороннему развитію какъ практическихъ занятій, такъ и необязательныхъ, спеціальныхъ, курсовъ въ Харьковскомъ университетѣ, кромѣ другихъ причинъ, препятствіемъ служила недостаточность помѣщеній и средствъ, отпускаемыхъ на учебно-вспомогательныя учрежденія.

Дѣленіе на курсы было замѣнено дѣленіемъ на семестры (первое время послѣ обнародованія устава 1884 г. даже запрещалось употреблять наименованіе «курсы» въ оффиціальныхъ бумагахъ); переходные экзамены уничтожены (за исключеніемъ медицинскаго факультета); въ университетѣ существовали лишь испытанія состязательныя для полученія стипендій и повѣрочныя для зачета полугодія. Но съ 1889 г. и тутъ замѣтенъ поворотъ къ прежнему порядку: въ видахъ установленія большаго контроля надъ занятіями студентовъ, введены обязательныя полукурсовыя испытанія, раздѣленныя на двѣ части (на 2-мъ и 4-мъ семестрѣ),

т. е. возстановлены, въ сущности, прежніе переходные экзамены (за исключеніемъ 6-го семестра [= 3-му курсу], на которомъ экзамены введены потомъ, да и то на одномъ юридическомъ факультетѣ). Тогда же послѣдовало раздѣленіе преподаванія на историко-филологическомъ факультетѣ на общія и спеціальныя занятія по семестрамъ и на послѣднихъ 4 семестрахъ введены три спеціальныя группы—классическая, историческая и словесная, а крайности классическаго направленія смягчены. Такимъ образомъ возстановлено подраздѣленіе историко-филологическаго факультета на 3 отдѣленія, что̀ соотвѣтствовало, какъ мы видѣли, и желанію университета, высказанному еще въ 1885 г. Факультеты—сначала историко-филологическій, затѣмъ и физико-математическій и юридическій,—согласно предложенію министра о раздѣленіи полукурсовыхъ испытаній на двѣ части, выработали проекты полукурсовыхъ испытаній и учебныхъ плановъ.

Тотъ же 1889 годъ былъ первымъ годомъ дѣйствій испытательныхъ коммиссій (кромѣ медицинской) для производства экзамена лицамъ, получившимъ выпускныя свидѣтельства. Предсѣдателями этихъ коммиссій были проф. И. В. Помяловскій (истор.-фил.), бывшій проф. Харьковскаго университета акад. В. Г. Имшенецкій (физ.-матем.) и проф. П. П. Цитовичъ (юридич., тоже одно время бывшій преподавателемъ Харьковскаго университета); членами же и экзаменаторами были профессора и приватъ-доценты университета. Коммиссіи дѣйствовали въ два періода, весною и осенью, и первые опыты экзаменовъ въ коммиссіяхъ, благодаря мягкости и снисходительности требованій, прошли безъ особыхъ затрудненій или недоразумѣній. Опытъ двухъ лѣтъ однако выяснилъ серьезныя неудобства производства экзаменовъ въ два періода, весною и осенью; поэтому въ 1890 г. осеннія коммиссіи были отмѣнены, и на будущее время экзамены въ историко-филологической, физико-математической и юридической коммиссіяхъ должны были происходить только въ маѣ[1]).

Какъ вліяли эти нововведенія на успѣшность занятій, объ этомъ свидѣтельствуетъ «отвѣтъ совѣта» Харьковскаго университета на 13-й вопросъ (одинъ изъ числа тѣхъ, которые предложены были министерствомъ въ 1901 г.). «Государственные экзамены, введенные уставомъ 1884 г.», говорится здѣсь (стр. 88 сл.), «отразились самымъ неблагопріятнымъ образомъ на общемъ ходѣ университетской жизни. По идеѣ устава, экзамены эти должны были происходить въ особыхъ коммиссіяхъ,

[1]) Лишь по отношенію къ юридической коммиссіи 1891 г. сдѣлано исключеніе въ виду большого числа лицъ, подлежавшихъ испытанію, и ея дѣйствія продлены на осень.

подъ предсѣдательствомъ лица, назначаемаго каждый разъ министромъ, причемъ коммиссіи эти были поставлены какъ бы внѣ университета, такъ какъ экзаменаторами въ нихъ назначались лица по усмотрѣнію министра народнаго просвѣщенія, причемъ лица эти должны были производить экзамены по программамъ, составленнымъ для этой цѣли въ министерствѣ... Опытъ перваго же года этихъ экзаменовъ показалъ, что отдѣлить ихъ отъ университетовъ, при настоящемъ положеніи ученыхъ силъ въ Россіи, нельзя. Экзаменаторами оказались тѣ же профессора, которые экзаменовали и прежде, но только нѣкоторые изъ нихъ стали называться «членами экзаменаціонныхъ коммиссій», а другіе—просто «экзаменаторами»; профессора начали получать особое вознагражденіе за производство государственныхъ экзаменовъ, а предсѣдателями назначались по большей части профессора другихъ университетовъ, или вообще лица, состоящія на службѣ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, или, въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ,—бывшіе профессора, состоящіе нынѣ на службѣ въ другихъ вѣдомствахъ... Опытъ первыхъ годовъ введенія такъ называемыхъ «зачетовъ полугодій», а также обязанности студентовъ подвергаться экзамену по всѣмъ предметамъ въ одинъ экзаменаціонный срокъ показалъ все неудобство этихъ мѣръ. «Зачетъ полугодій», въ особенности на многолюдныхъ курсахъ и въ многолюдныхъ университетахъ, превратился въ пустую формальность и по большей части не производился совсѣмъ, такъ какъ преподаватели не могли очень скоро не разочароваться въ этомъ способѣ удостовѣренія студенческихъ знаній, отнимавшемъ у нихъ массу времени изъ назначеннаго для чтенія лекцій и веденія практическихъ занятій; студенты же относились къ этимъ зачетамъ прямо недоброжелательно, видя въ нихъ излишнюю формальность, подвергаться которой, въ виду предстоящихъ государственныхъ экзаменовъ, производимыхъ тѣми же профессорами, имъ, конечно, не хотѣлось... Вскорѣ обнаружились также неудобства производства экзаменовъ по всѣмъ предметамъ единовременно, т. е. въ одинъ экзаменаціонный періодъ, по историко-филологическому, юридическому и физико-математическому факультетамъ и въ два—по медицинскому. Это неудобство выразилось прежде всего въ значительномъ пониженіи уровня знаній студентовъ на государственныхъ экзаменахъ сравнительно съ уровнемъ, обнаруживаемымъ ими во время бывшихъ университетскихъ экзаменовъ, производившихся постепенно, изъ года въ годъ, по мѣрѣ прохожденія курса. Оказалось, что студенты очень мало занимались для «зачетовъ полугодій» и начинали заниматься только передъ самымъ экзаменомъ и, въ лучшихъ случаяхъ,—въ продолженіе 7-го и 8-го семестровъ. Пониженіе уровня не только знаній студентовъ на государ-

ственныхъ экзаменахъ, не только ихъ развитія, но и общаго уровня научныхъ требованій отъ нихъ вызвано было еще и другой причиной, зависящей отъ системы государственныхъ экзаменовъ. Для этихъ послѣднихъ были выработаны особыя программы, которыя сдѣлались вмѣстѣ съ тѣмъ и программами преподаванія... Эти программы вызвали къ жизни цѣлую литературу учебниковъ, конспектовъ и тому подобныхъ пособій, въ которыхъ наука излагалась «примѣнительно къ экзаменаціоннымъ требованіямъ». Интересъ къ слушанію лекцій у студентовъ почти исчезъ: да и какой, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть интересъ въ слушаніи лекцій, излагаемыхъ примѣнительно къ разъ навсегда составленной программѣ, когда имѣлись конспекты, даже цѣлые курсы, изложенные «примѣнительно» къ этимъ же программамъ, съ помощью которыхъ можно было выдержать совершенно удовлетворительно государственный экзаменъ. Въ большой мѣрѣ понизился также интересъ чтенія лекцій и у профессоровъ. Они лишены были права, благодаря этимъ программамъ, излагать науку въ той системѣ, какую они себѣ выработали сами; они лишились возможности дѣлиться со своими слушателями тѣми учеными работами, которыя производили или изучали въ данное время,— и тѣмъ самымъ стѣна, поставленная уставомъ 1884 года между преподавательскимъ персоналомъ и учащимися, росла все больше и больше... Справедливость требуетъ, однако, замѣтить, что министерскія программы, хотя и признанныя обязательными для профессоровъ, фактически въ очень большомъ числѣ случаевъ не выполнялись, тѣмъ болѣе, что слова «читать лекціи примѣнительно къ министерскимъ программамъ» давали законный поводъ къ весьма существеннымъ уклоненіямъ отъ нихъ; министерство вполнѣ примирилось съ этимъ фактомъ, потребовавъ лишь, чтобы профессора, черезъ декановъ, сообщали предсѣдателямъ экзаменаціонныхъ коммиссій о тѣхъ отступленіяхъ, которыя ими были допущены въ изложеніи предметовъ. Но сами предсѣдатели экзаменаціонныхъ коммиссій, въ качествѣ профессоровъ, сознавали неудовлетворительность и устарѣлость программъ и во время экзаменовъ совершенно спокойно выслушивали тѣ отвѣты, которые давали студенты не по министерской программѣ, а по программѣ профессора-экзаменатора, своевременно утвержденной министерствомъ въ видѣ обязательно представляемаго каждымъ профессоромъ въ началѣ семестра обозрѣнія преподаванія. Такимъ образомъ, государственные экзамены превратились въ самые обыкновенные университетскіе экзамены, но только съ пониженными спеціально «экзаменаціонными» требованіями и съ присланнымъ со стороны предсѣдателемъ, не имѣвшимъ никакого вліянія ни на ходъ преподаванія въ университетѣ, ни на поднятіе уровня знаній студентовъ

во время экзаменовъ. Предсѣдатель видѣлъ послѣднихъ только во время экзаменовъ, не былъ знакомъ ни съ характеромъ, ни съ индивидуальными качествами каждаго изъ нихъ и, какъ лицо постороннее данному университету, заботился лишь о томъ, чтобы экзамены проходили безъ всякихъ инцидентовъ. Молодые люди, «коимъ зачтено было 8 полугодій», очень часто подносили предсѣдателямъ благодарственные адресы за ихъ сердечное отношеніе, сказавшееся въ весьма значительномъ процентѣ лицъ, оканчивавшихъ курсъ съ дипломомъ 1-й степени, но... съ очень низкимъ уровнемъ знаній. Само министерство видѣло, что дѣло не стоитъ такъ хорошо, какъ это казалось съ перваго взгляда. Мало-помалу были возстановлены бывшіе прежде университетскіе экзамены, подъ названіемъ полукурсовыхъ, а безъ нихъ студентовъ не допускали къ государственнымъ экзаменамъ; при этомъ студенты освобождались отъ экзаменовъ въ государственныхъ коммиссіяхъ по тѣмъ предметамъ, для которыхъ установлены были полукурсовые. На юридическомъ, напр., факультетѣ полукурсовые экзамены производятся въ настоящее время [1]) по всѣмъ предметамъ, читаемымъ на 1-мъ, 2-мъ и 3-мъ курсахъ, а государственные—только по предметамъ, читаемымъ на 4-мъ курсѣ (гражданское и торговое право и судопроизводство, международное право, уголовное право и судопроизводство) и по римскому праву! Это привело къ раздѣленію предметовъ университетскаго преподаванія на главные и второстепенные, при чемъ главными въ глазахъ студентовъ оказались тѣ, по которымъ удержаны были государственные экзамены, а второстепенными тѣ, по которымъ установлены были полукурсовые. Этотъ крайне вредный для всего хода университетскаго преподаванія взглядъ находилъ себѣ, однако, подтвержденіе въ нѣкоторыхъ распоряженіяхъ министерства. Такъ, одно время было установлено, что студенты имѣютъ право представлять въ экзаменаціонныя коммиссіи сочиненія только по «главнымъ» предметамъ, т. е. по тѣмъ, экзаменъ по которымъ производится въ государственныхъ коммиссіяхъ. Правда, распоряженіе это было вскорѣ, по ходатайству факультетовъ, отмѣнено, но самый фактъ его появленія не могъ не оказать своего вліянія. Студенты, кромѣ того, не могли не придавать значенія тому обстоятельству, что профессора однихъ предметовъ производятся одинъ разъ въ году въ члены экзаменаціонныхъ коммиссій; что за свое участіе въ нихъ они получаютъ особое вознагражденіе,—тогда какъ профессора другихъ предметовъ, по которымъ экзамены производятся въ концѣ каждаго учебнаго года, не имѣютъ ни особаго такого званія, ни осо-

[1]) Напомнимъ, что это писалось въ 1901 г.

баго вознагражденія за свой трудъ, хотя онъ бываетъ гораздо болѣе тяжелымъ, чѣмъ у ихъ товарищей по преподаванію—членовъ экзаменаціонныхъ коммиссій, просто потому, что число экзаменующихся на первыхъ курсахъ всегда больше экзаменующихся въ государственныхъ коммиссіяхъ. Но дѣленіе предметовъ на главные и второстепенные имѣло своимъ послѣдствіемъ еще и пониженіе интереса студентовъ къ болѣе спеціальному изученію «второстепенныхъ» предметовъ, къ числу которыхъ, напр., на юридическомъ факультетѣ относятся такія важныя дисциплины, какъ государственное право, исторія философіи права, политическая экономія и статистика, финансовое и полицейское право, церковное право и проч....».

Хроническимъ недугомъ Харьковскаго университета, весьма затруднявшимъ при преподаваніи, была, какъ извѣстно, крайняя, «вопіющая» тѣснота помѣщеній. Еще 40 лѣтъ тому назадъ совѣтъ изыскивалъ средства для расширенія университетскихъ помѣщеній; неоднократно представлялись докладныя записки, ходатайства и т. д., и только въ разсматриваемый періодъ въ этомъ отношеніи наступило значительное улучшеніе. Прежде всего настоятельная нужда сказывалась въ двухъ зданіяхъ: 1) для кабинетовъ и лабораторій медицинскаго факультета и 2) для клиникъ. Эта насущная необходимость была, наконецъ, удовлетворена.

Въ 1884 г. извѣстный общественный дѣятель И. Г. Харитоненко пожертвовалъ для потребностей университета трехъэтажное зданіе, предназначавшееся имъ первоначально для устройства студенческаго общежитія, и 50000 р. съ тѣмъ, чтобы изъ суммъ государственнаго казначейства ежегодно выдавалось по 6000 р. на содержаніе при Харьковскомъ университетѣ 20-ти стипендіатовъ (1 имени императора Александра II, 1 имени императора Александра III и 18 имени жертвователя). Высочайше разрѣшено было принять это пожертвованіе, и такимъ образомъ Харьковскій университетъ пріобрѣлъ помѣщеніе, въ которое перенесена была большая часть учрежденій медицинскаго факультета. А въ 1886 г. приступлено было къ постройкѣ отдѣльнаго зданія для анатомическаго театра, на что Высочайше разрѣшенъ былъ кредитъ въ 83963 р. 80 к. Въ 1887 г. утверждено «Положеніе о клиническихъ отдѣленіяхъ Императорскаго Харьковскаго университета при Харьковскомъ военномъ госпиталѣ». Въ одномъ изъ отдѣленій этого госпиталя, предназначенномъ для преподаванія діагностики, устроена пропедевтическая терапевтическая клиника, съ 2 палатами, и учреждена должность сверхштатнаго ассистента по каѳедрѣ врачебной діагностики (съ содержаніемъ изъ спеціальныхъ средствъ).

Еще важнѣе для Харьковскаго университета была постройка клиникъ. Вспомнимъ, что до того харьковскія клиники, собственно говоря, не имѣли спеціально предназначеннаго для этой цѣли помѣщенія: онѣ ютились то въ небольшомъ флигелѣ во дворѣ стараго университета (съ 1814 г.), то въ пріобрѣтенномъ у частнаго лица деревянномъ строеніи, весною заливаемомъ водою (съ 1819), то, наконецъ, въ помѣщеніи, которое прежде служило частью квартирой ректора и его помощника, частью типографіей (съ 1829 г.). Акушерская клиника впослѣдствіи (1867) была выведена изъ университетскаго зданія и устраивалась въ частныхъ наемныхъ домахъ, равно какъ и глазная (съ 1871 года). Въ какихъ неблагопріятныхъ условіяхъ находились клиники, видно, напр., изъ извѣстнаго[1]) указанія отчета за 1880 г. на то, что одною изъ причинъ значительной смертности въ хирургической клиникѣ является помѣщеніе этой послѣдней, перестающее удовлетворять самымъ скромнымъ требованіямъ гигіены. Университетъ хлопоталъ объ улучшеніи клиникъ; проектировалось то расширить и надстроить ихъ, то пріобрѣсти новыя зданія и т. под. Но недоставало денежныхъ средствъ[2]). Во время посѣщенія находившихся въ университетской клиникѣ раненыхъ при крушеніи императорскаго поѣзда близъ Борокъ (17 окт. 1888 г.) императоръ Александръ III лично видѣлъ, какъ неудовлетворительны помѣщенія этого столь важнаго университетскаго учрежденія. 7 іюня 1890 г. Высочайше утверждено было мнѣніе Государственнаго Совѣта, вслѣдствіе доклада министра народнаго просвѣщенія, объ отпускѣ на улучшеніе и расширеніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій шести университетовъ 1500000 р., изъ коихъ на долю Харьковскаго университета предоставлялось 400000 р., т. е. болѣе четверти всей суммы (хотя по первоначально составленному проекту новыхъ харьковскихъ клиникъ требовалось болѣе 1000000 р.). Въ 1894 году приступлено было къ постройкѣ клиникъ, которыя разсчитаны были на 155 кроватей (вмѣсто прежнихъ 75); открытіе же ихъ послѣдовало въ 1896 г. Недавно выстроены городомъ при Александровской больницѣ новыя помѣщенія и для госпитальныхъ клиникъ, хирургической и терапевтической. Обставлены онѣ при содѣйствіи университета, ходатайствовавшаго объ ассигнованіи министерствомъ народнаго просвѣщенія соотвѣтствующей суммы. Число больныхъ, принимаемыхъ въ новыхъ клиникахъ, въ общемъ весьма возросло сравнительно съ прежнимъ. Такъ, въ терапевтической факультетской клиникѣ въ 1904 г. больныхъ

[1]) См. предыдущій періодъ.

[2]) Рѣчь ректора (М. М. Алексѣенко) при освященіи клиникъ, 26 сентября 1896 года.

было стаціонарныхъ 156 и амбулаторныхъ 2955 (тогда какъ въ 1883 г., какъ мы видѣли[1]), первыхъ было 119, а вторыхъ—789); въ офталмологической, которою продолжалъ завѣдывать проф. Л. Л. Гиршманъ,—стаціонарныхъ было 1134, коимъ сдѣлано 1129 операцій, и амбулаторныхъ 11146 съ 22063 заболѣваній (въ 1883 г. первыхъ было только 287, а вторыхъ—4326 съ 6556 болѣзнями глазъ); въ акушерской клиникѣ стаціонарныхъ—541, амбулаторныхъ—1388 (въ 1883 г.—177 и 750), число роженицъ въ этой клиникѣ, которою въ теченіе всего этого періода завѣдывалъ проф. Н. Ф. Толочиновъ, возросло при немъ до 400, а большихъ операцій производилось до 100 въ годъ; что касается хирургической факультетской клиники, то стаціонарныхъ больныхъ въ 1904 г. было 139 и амбулаторныхъ—3993 (въ 1883 г. всѣхъ 4866, изъ коихъ 126 стаціонарныхъ); въ госпитальной хирургической клиникѣ—290 больныхъ, изъ нихъ операцій произведено 172; въ госпитальной терапевтической—156 стаціонарныхъ и 2955 амбулаторныхъ.

Въ то же время значительно улучшены и расширены помѣщенія и учебно-вспомогательныхъ учрежденій физико-математическаго факультета, отчасти на государственныя средства, отчасти же на спеціальныя или на пожертвованія.

Особенно ощущалась неудовлетворительность Харьковской астрономической обсерваторіи, находившейся на неудачно выбранномъ мѣстѣ; въ этомъ отношеніи она «могла служить лишь хорошимъ указаніемъ того, гдѣ не нужно строить обсерваторію»[2]). Еще въ 40-хъ годахъ составленъ былъ проектъ новой обсерваторіи, но, по представленію тогдашняго генералъ-губернатора и вмѣстѣ попечителя учебнаго округа С. А. Кокошкина, вмѣсто нея, какъ извѣстно, устроенъ былъ ветеринарный институтъ, на который затрачены были и экономическія суммы университета; другая сумма—въ 150000 р.—взята была для постройки астрономической обсерваторіи въ Казанскомъ университетѣ. Только въ началѣ 80-хъ годовъ, на спеціальныя средства университета, приступлено было, наконецъ, къ постройкѣ новой обсерваторіи въ Университетскомъ саду, законченной въ главныхъ частяхъ въ 1884 году. Затѣмъ въ теченіе слѣдующихъ годовъ шло приспособленіе ея для научныхъ и учебныхъ цѣлей. На все это много положилъ труда и времени тогдашній представитель каѳедры астрономіи въ Харьковскомъ университетѣ, Г. В. Левицкій. Между прочимъ, благодаря пожертвованію А. Н. Эдельберга (6000 р.) и назначенной совѣтомъ университета суммѣ (4000 руб.), явилась возможность пріобрѣсти меридіанный кругъ, по

[1]) См. стр. 210.

[2]) Докладъ доцента Г. В. Левицкаго.

оптической силѣ бо́льшій, нежели въ Пулковѣ. Въ 1892 году, на пожертвованіе того же А. Н. Эдельберга и на средства, полученныя отъ города и отъ университета, устроена была вращающаяся башня для переносныхъ инструментовъ. Благодаря всему этому новая Харьковская обсерваторія вскорѣ заняла видное мѣсто въ ряду другихъ русскихъ обсерваторій. Она способствовала начатію въ Россіи интересныхъ и важныхъ наблюденій надъ горизонтальнымъ маятникомъ; наблюденія надъ лунным затменіемъ въ 1891 г. на ней были сдѣланы гораздо полнѣе, чѣмъ то удалось на большинствѣ европейскихъ обсерваторій. При новой обсерваторіи необходимъ былъ астрономъ-наблюдатель,—должность, не внесенная въ штатъ Харьковскаго университета, и еще въ 1891 году возбуждено было ходатайство объ учрежденіи таковой должности,—ходатайство, увѣнчавшееся успѣхомъ лишь черезъ нѣсколько лѣтъ.

Въ 1889 г. признана была неотложная необходимость улучшить учебно-впомогательныя учрежденія, о чемъ давно уже ходатайствовалъ университетъ, и отпущена сумма въ 50000 р., на которую переустроена химическая лабораторія, выстроено особое зданіе для геологическаго и палеонтологическаго кабинетовъ и закончено устройство незадолго передъ тѣмъ воздвигнутаго анатомическаго театра. Въ 1891 г. возбуждено было ходатайство объ учрежденіи при Харьковскомъ университетѣ метеорологической станціи второго разряда и о назначеніи постоянной суммы на ея содержаніе. Министерство разрѣшило учредить такую станцію, но на спеціальныя средства университета. Такимъ образомъ, въ 1892 г. возникло магнито-метеорологическое отдѣленіе физическаго кабинета—правда, очень тѣсное,—и при немъ метеорологическая станція, сначала временно помѣщавшаяся въ зданіи астрономической обсерваторіи, а потомъ перешедшая въ отдѣльный павильонъ, выстроенный на пожертвованіе г-жи Головковой. Въ то же время въ помѣщеніи физической лабораторіи сдѣланы нѣкоторыя улучшенія, а помѣщеніе зоологическаго музея нѣсколько расширено (все это—на спеціальныя университетскія средства). Въ 1894 г. возникъ вопросъ объ устройствѣ физической обсерваторіи, на постройку которой испрашивалось 35000 руб.; но ходатайство это не имѣло благопріятнаго результата.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ правленіемъ Харьковскаго университета выстроено зданіе, въ которомъ теперь помѣщаются поликлиники душевныхъ, дѣтскихъ и накожныхъ болѣзней. Кромѣ обширнаго зданія общежитія, о которомъ еще придется упомянуть, Харьковскій университетъ въ послѣдніе годы обогатился новымъ библіотечнымъ помѣщеніемъ и помѣщеніемъ для историческаго архива, этнографическаго отдѣла

и кабинета при историко-филологическомъ факультететѣ, предназначеннаго для практическихъ занятій со студентами. Оба эти помѣщенія выстроены почти заново, на спеціальныя средства (на сбереженія изъ арендной суммы за домъ на Московской ул.) на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде была хирургическая клиника. Новое библіотечное зданіе, стоящее около 85000 р., состоитъ изъ прекрасной залы, нѣсколькихъ комнатъ для канцеляріи библіотеки и выдачи книгъ и 3-этажнаго книгохранилища, съ желѣзными полками и вообще безопаснаго въ пожарномъ отношеніи. Лишь небольшая часть книгъ осталась въ прежнемъ книгохранилищѣ; остальныя перенесены въ новое и разставлены по иной системѣ, что потребовало, конечно, большой работы. Для выясненія вопросовъ, касающихся библіотечнаго дѣла и переноса книгъ, совѣтомъ была избрана коммиссія (проф. П. Н. Барабашевъ, Н. А. Максимейко, П. П. Пятницкій и приватъ-доцентъ А. П. Кадлубовскій). Библіотека пополнялась не только путемъ выписки книгъ (частью на штатныя суммы, а частью на спеціальныя), но и путемъ пожертвованій. Такъ, въ 1883 г. г-жа Сомова пожертвовала университету библіотеку, находившуюся въ проданномъ ею имѣніи Козырщинѣ; въ 1886 г. пожертвована библіотека А. М. Матушинскаго, до 2000 томовъ роскошныхъ изданій, преимущественно по исторіи искусствъ, съ коллекціями рисунковъ и гравюръ, составившая особое отдѣленіе фундаментальной библіотеки; пожертвованы, кромѣ того, библіотеки покойныхъ проф. Л. З. Колмачевскаго, И. П. Сокальскаго, И. К. Зарубина, акад. и бывшаго проф. Харьковскаго университета М. И. Сухомлинова и друг. Къ концу 1904 г. въ фундаментальной библіотекѣ числилось книгъ 81428 названій въ 149669 томахъ, періодическихъ изданій—965 въ 28208 волюмахъ, рукописей 368, атласовъ, рисунковъ, чертежей и проч. 3195 названій, всего 85956 названій въ 182277 волюмахъ. Такимъ образомъ, фундаментальная библіотека за послѣднія 20 лѣтъ увеличилась приблизительно на четверть. Бывшій долгое время библіотекаремъ Я. О. Балясный вышелъ въ отставку и его мѣсто занялъ К. И. Рубинскій.

Состоящее съ 1879 г. при университетской библіотекѣ студенческое отдѣленіе (для выдачи книгъ преимущественно студентамъ), содержимое на спеціальныя средства университета и насчитывающее теперь 9475 названій книгъ въ 12904 томахъ, по-прежнему оставалось въ одной изъ аудиторій.

Въ 1885 г. при юридическомъ факультететѣ возникъ *юридическій кабинетъ*, располагающій особою библіотекою, преимущественно справочныхъ пособій. Въ 1900 г. при историко-филологическомъ факультетѣ возникъ кабинетъ для практическихъ занятій со студентами; при немъ также имѣется небольшая библіотека.

Историческій архивъ, образовавшійся въ 1879-80 г.[1]) и состоящій собственно при Историко-Филологическомъ Обществѣ, пополнился въ разсматриваемый періодъ многочисленными вновь поступившими документами[2]). Къ его главной основѣ—Черниговскому архиву—прибавились дѣла Полтавскаго губернскаго правленія, документы, хранившіеся въ Харьковскомъ губернскомъ правленіи и содержащіе дѣла нынѣ упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ и т. под. Такимъ образомъ, образовалось два главныхъ его отдѣленія—Малороссійское (Чернигово-Полтавское) и Слободско-Украинское (Харьковское). При архивѣ основанъ также отдѣлъ для бумагъ профессоровъ и вообще мѣстныхъ дѣятелей. По своему значенію Харьковскій историческій архивъ, въ которомъ до 60000 зарегистрированныхъ дѣлъ и огромное число еще не зарегистрированныхъ, приближается къ областнымъ центральнымъ архивамъ—Кіевскому и Виленскому: это—единственное провинціальное собраніе, на основаніи котораго можетъ быть возсоздана прошлая жизнь территоріи, занятой въ настоящее время Харьковской, Черниговской и отчасти Курской, Воронежской и Екатеринославской губ. Первоначально документы 3-го года лежали въ тюкахъ на хорахъ актоваго зала и въ библіотечномъ корридорѣ, за неимѣніемъ помѣщенія. Затѣмъ архивъ ютился въ 2 небольшихъ комнатахъ за актовымъ заломъ и только почти черезъ 20 лѣтъ послѣ своего возникновенія получилъ болѣе просторное помѣщеніе въ зданіи прежней хирургической клиники, теперь заново перестроенномъ. Завѣдуетъ Историческимъ архивомъ проф. Д. И. Багалѣй; при немъ имѣется и архиваріусъ, который однако до сихъ поръ въ штатъ не введенъ, и лишь благодаря счастливой случайности удавалось для этой должности находить лицъ, живо интересующихся архивнымъ дѣломъ и большею частью съ университетскимъ образованіемъ (А. Д. Твердохлѣбовъ, Н. Н. Бакай, М. М. Плохинскій, Е. М. Ивановъ).

Музей изящныхъ искусствъ при Харьковскомъ университетѣ превратился теперь въ музей изящныхъ искусствъ и *древностей*[3]): такъ возросъ въ немъ отдѣлъ древностей. Не говоря уже объ отдѣльныхъ предметахъ, въ него поступила коллекція древностей, добытыхъ свящ. Спѣсивцевымъ въ с. Райгородкѣ (Изюмскаго уѣзда). Но еще болѣе обогатился музей за послѣдніе годы. Благодаря XII археологическому

---

[1]) См. выше, стр. 216.

[2]) *Е. М. Ивановъ*, Харьк. Истор. архивъ. 1904 (отд. отт. изъ XIV т. Сборн. Харьк. Историч.-Филол. Общества).

[3]) См. *Е. К. Рѣдинъ*, Музей изящн. иск. и древ. Имп. Харьк. унив. 1904, (изъ Зап. Импер. Харьк. Унив.).

съѣзду въ Харьковѣ и энергичной дѣятельности предварительнаго комитета (проф. Д. И. Багалѣя, Е. К. Рѣдина и друг.) при немъ, можно сказать, вновь возникъ отдѣлъ древностей первобытныхъ, мѣстныхъ, среди нихъ и церковныхъ, такъ какъ добытые подготовительными работами къ съѣзду, путемъ раскопокъ и экскурсій, памятники, почти всѣ, за немногими исключеніями, поступили въ собственность музея, благодаря содѣйствію предсѣдателя Императорскаго Московскаго Общества, графини П. С. Уваровой. Къ сожалѣнію, музей, по-прежнему, находится въ «невозможномъ» помѣщеніи... По матеріальной книгѣ музея въ немъ значится 3497 нумеровъ, но эта цифра гораздо ниже дѣйствительной, такъ какъ подъ отдѣльнымъ нумеромъ должно разумѣть часто цѣлые десятки, сотни предметовъ. Послѣ проф. А. А. Потебни, съ 1884 г., завѣдующими музеемъ были Н. Ѳ. Сумцовъ и Г. О. Шульцъ, а съ 1893 г. состоитъ проф. Е. К. Рѣдинъ, первый представитель каѳедры теоріи искусствъ въ Харьковскомъ университетѣ. Благодаря тому же археологическому съѣзду и трудамъ проф. Н. Ѳ. Сумцова, А. Н. Краснова и друг. возникъ *этнографическій отдѣлъ*, помѣщающійся теперь въ томъ же зданіи, гдѣ историческій архивъ.

Нумизматическій кабинетъ, въ которомъ теперь числится 8647 нумеровъ въ 18167 экземплярахъ, среди коихъ обращаетъ на себя вниманіе весьма интересное собраніе медалей, приведенъ въ надлежащій порядокъ нынѣшнимъ завѣдующимъ проф. Р. И. Шерцлемъ, печатающимъ обширный каталогъ его. Но, къ сожалѣнію, и этотъ кабинетъ находится въ помѣщеніи «невозможномъ»[1]).

Вообще, не смотря на всѣ перечисленныя выше расширенія и улучшенія помѣщеній, Харьковскій университетъ всеже продолжаетъ еще страдать отъ тѣсноты; такъ, напр., число аудиторій недостаточно и при распредѣленіи лекцій постоянно возникаютъ затрудненія; бываютъ случаи, что лекціи читаются въ профессорской комнатѣ или даже въ университетскомъ дворѣ, въ бесѣдкѣ (случай съ однимъ изъ преподавателей юридическаго факультета нѣсколько лѣтъ тому назадъ). Въ виду тѣсноты помѣщеній, для практическихъ занятій поневолѣ приходится устраивать смѣны. Нѣкоторыя лабораторіи такъ тѣсны, что не вмѣщаютъ и трети слушателей, а воздухъ въ нихъ такой, что студенты заболѣваютъ[2]). Каково состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій Харьковскаго университета, не

---

[1]) Для полноты сообщаемъ слѣдующія цифры, касающіяся другихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій: за 1904 г. въ физическомъ кабинетѣ значилось 1178 нумеровъ, въ геологическомъ—9542 (въ 27435 экземплярахъ), въ зоотомическомъ—3436 (въ 24553 экз.), въ зоологическомъ—7847 (въ 47914 экз.) и проч.

[2]) Засвидѣтельствовано университетскимъ врачемъ.

смотря на всѣ его старанія улучшить ихъ, показываетъ «Отвѣтъ» совѣта на первый дополнительный вопросъ, который онъ присоединилъ къ извѣстнымъ 18 вопросамъ министерства въ 1901 г.[1]). «Состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій Харьковскаго университета», говорится здѣсь (стр. 122 сл.), «далеко не удовлетворительное, можно сказать даже—плачевное. Ютясь большею частью въ тѣсныхъ, плохо приспособленныхъ помѣщеніяхъ, не имѣя достаточныхъ средствъ, учрежденія эти далеко не соотвѣтствуютъ современному состоянію науки, не отвѣчаютъ своей задачѣ и не могутъ, какъ слѣдуетъ, выполнять своего назначенія, и это въ то время, когда возникаютъ прекрасно и богато обставленныя спеціальныя высшія учебныя заведенія—политехникумы и технологическіе институты...». (Писано въ 1901 г.). «Медицинскій факультетъ Харьковскаго университета не имѣетъ вовсе такихъ важныхъ учрежденій, какъ напр. клиники душевныхъ и нервныхъ болѣзней, дѣтскихъ болѣзней, кожныхъ и сифилиса. Каѳедры общей патологіи, фармакологіи и гигіены до сихъ поръ не имѣютъ штатныхъ помощниковъ профессора; помѣщенія для кабинетовъ и лабораторій этихъ каѳедръ совершенно не приспособлены для потребностей строго научнаго преподаванія, экспериментальнаго по преимуществу; всѣ каѳедры медицинскаго факультета не обезпечены достаточнымъ количествомъ инвентаря и не имѣютъ низшаго служебнаго персонала. На физико-математическомъ факультетѣ есть кабинеты и лабораторіи, вовсе не имѣющіе лаборантовъ, а многіе не имѣютъ лаборантовъ штатныхъ. Музей изящныхъ искусствъ ютится въ совершенно непригодномъ помѣщеніи, грозящемъ порчею и гибелью коллекціи картинъ». Нумизматическій кабинетъ имѣетъ тѣсное и совершенно неудовлетворительное помѣщеніе. «Историческій архивъ», имѣющій огромное научное значеніе и могущій служить полезнымъ учебно-вспомогательнымъ учрежденіемъ для историко-филологическаго и юридическаго факультетовъ, находится *внѣ штата 20 лѣтъ* и проч.

«Средства, отпускаемыя на содержаніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій при Харьковскомъ университетѣ, совершенно недостаточны. Насколько они скудны, показываетъ, между прочимъ, положеніе фундаментальной библіотеки» (стр. 121—123). «На выписку книгъ на нѣкоторыхъ факультетахъ приходится около 26 руб. на каѳедру въ годъ». Въ 1896 г. дѣло дошло до того, что физико-математическій факультетъ долженъ былъ отказаться отъ пріобрѣтенія книгъ, такъ какъ по раздѣленіи штатной суммы поровну между факультетами на его долю

---

[1]) См. выше.

пришлось 1365 р., между тѣмъ однихъ періодическихъ изданій факультетъ предположилъ выписать на 1448 р. Самое помѣщеніе библіотеки было настолько ветхо и опасно въ пожарномъ отношеніи, что правленіе университета, видя безуспѣшность прежнихъ ходатайствъ объ улучшеніи учебно-вспомогательныхъ учрежденій, въ теченіе многихъ лѣтъ должно было дѣлать сбереженія изъ спеціальныхъ средствъ, отказывая всѣмъ членамъ совѣта часто въ удовлетвореніи самыхъ основательныхъ ихъ ходатайствъ и научныхъ нуждъ, чтобы составить сумму, достаточную для осуществленія проекта зданія новаго книгохранилища, и такимъ образомъ предохранило отъ опасности библіотеку,—это наиболѣе цѣнное имущество университета. «Для многихъ учрежденій вовсе не имѣется штатныхъ суммъ, и они содержатся на скудныя спеціальныя средства университета...».

Возбуждались подробно мотивированныя ходатайства о постройкѣ соотвѣтствующихъ зданій для химическихъ лабораторій, физическаго института, музея изящныхъ искусствъ и древностей, трехъ клиникъ (душевныхъ болѣзней, накожныхъ и пропедевтической), служительскаго корпуса и проч. Въ общемъ оказывалось, что для надлежащаго благоустройства учебно-вспомогательныхъ и административныхъ учрежденій Харьковскаго университета необходима сумма болѣе 2 милліоновъ. Была надежда на удовлетвореніе, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ ходатайствъ, но тутъ наступила тяжелая война на Дальнемъ Востокѣ...

По штатамъ 1884 года на содержаніе Харьковскаго университета полагалось 327190 р., не считая, кромѣ того, суммъ, отпускаемыхъ на стипендіи и пособія студентамъ, на вознагражденіе приватъ-доцентовъ, добавочныхъ на инспекцію и проч. Тѣмъ не менѣе финансовое положеніе Харьковскаго университета долгое время было затруднительно; въ этомъ отношеніи онъ былъ поставленъ въ худшія условія, нежели другіе русскіе университеты. Какъ извѣстно, до 1884 года на него ассигновывалось по статьямъ меньше, чѣмъ не только на Петербургскій или Московскій, но и на Кіевскій и даже Казанскій университетъ. Извѣстно также, что однажды (1880 года) совѣтъ университета, истощивъ всѣ средства, вынужденъ былъ за недостаткомъ клинической суммы сдѣлать распоряженіе о выпискѣ больныхъ раньше срока изъ клиническихъ учрежденій. По штатамъ же 1884 года клиническая сумма еще уменьшилась (10000 р. вмѣсто 10125 р.). Учебно-вспомогательныя учрежденія физико-математическаго факультета до 1884 г. получали 12400 р., что̀ оказывалось недостаточнымъ, и недостатокъ пополнялся тоже изъ спеціальныхъ средствъ. Въ штатахъ 1884 года, при перечисленіи учебно-вспомогательныхъ учрежденій, нѣ-

которыя изъ существовавшихъ въ Харьковскомъ университетѣ учрежденій не были поименованы вовсе, а на содержаніе всѣхъ перечисленныхъ кабинетовъ и лабораторій назначено 13000 р., т. е. только на 600 р. больше по сравненію съ прежнимъ. Но такъ какъ спеціальныя средства, изъ которыхъ прежде выдавались субсидіи нѣкоторымъ учрежденіямъ, должны были уменьшиться въ силу 129 ст. устава, устанавливавшей плату въ пользу университета въ размѣрѣ 5 р. въ полугодіе (въ первое полугодіе 1885 г. плата за слушаніе лекцій дала 23290 р., а во второе полугодіе, съ введеніемъ новыхъ правилъ,—только 7210 р.), то прибавка въ 600 р. не могла улучшить положенія дѣла. Далѣе, на лаборантовъ, ихъ помощниковъ, хранителей кабинетовъ и проч. назначено 7500 руб., что̀ сравнительно съ прежнимъ составляло прибавку въ 1200 р.; но ни число ихъ, ни размѣры окладовъ не были обозначены, и они не были распредѣлены между физико-математическимъ и медицинскимъ факультетомъ. Отсюда возникло затрудненіе, тѣмъ болѣе, что уменьшить расходы на учебно-вспомогательныя учрежденія и ихъ персоналъ по физико-математическому факультету не представлялось возможнымъ. На нужды, напр., технической лабораторіи отпускалось такъ мало, что не хватало даже на матеріалъ при практическихъ занятіяхъ, и нѣкоторыя изъ этихъ занятій пришлось пока прекратить. Между тѣмъ министръ народнаго просвѣщенія еще въ 1884 г. призналъ необходимымъ (предложеніемъ отъ 16 сентября), чтобы факультетъ озаботился «пріисканіемъ способовъ къ возможно лучшему выполненію требованій устава относительно полноты, послѣдовательности и правильности преподаванія факультетскихъ предметовъ, а равно научныхъ по нимъ упражненій студентовъ»; упражненія же эти стояли въ зависимости отъ матеріальныхъ средствъ. Поэтому совѣтъ Харьковскаго университета ходатайствовалъ о включеніи въ списокъ штатныхъ учрежденій тѣхъ изъ нихъ, которыя фактически уже существовали, но поименованы въ штатахъ не были, и о прибавкѣ на содержаніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій и ихъ персонала 8400 руб. Министерство въ то время не нашло возможнымъ удовлетворить это ходатайство и предлагало отнести прибавку на счетъ спеціальныхъ средствъ университета. Въ 1886 году совѣтъ снова хлопочетъ объ увеличеніи кредитовъ на содержаніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій, да и само министерство, «усматривая изъ поступающихъ донесеній начальствъ различныхъ округовъ, что кредиты эти недостаточны, и предполагая возбудить, въ установленномъ порядкѣ, ходатайство о пересмотрѣ временныхъ штатовъ Императорскихъ университетовъ», обращалось въ Харьковскій университетъ за свѣдѣніями о томъ, какіе именно кредиты и по какимъ

соображеніямъ должны быть увеличены по этому университету. Въ 1887 г. отпущено было университетамъ на усиленіе преподаванія и установленіе контроля за занятіями студентовъ 100000. Когда выстроены были новыя клиники, для содержанія ихъ и персонала служащихъ необходимы были новыя средства. Съ тѣхъ поръ Харьковскому университету для этой цѣли отпускается 107213 р. 80 к. въ годъ (изъ нихъ 28725 руб. 80 коп. на содержаніе личнаго состава и 78488—на содержаніе клиникъ). Въ послѣднее время на содержаніе Харьковскаго университета изъ государственнаго казначейства всего ассигновывалось болѣе 500 тыс. въ годъ.[1]). Что касается спеціальныхъ средствъ университета, то въ 1904 г. они выразились въ слѣдующихъ цифрахъ: платы за слушаніе лекцій 66225 р., за печатаніе дипломовъ 853 р. 40 к., аренды университетскаго имущества—1301 р. 70 к. (не считая арендной суммы въ 16000 р. за домъ на Московской ул.: эта сумма всецѣло предназначается на строительныя надобности).

3-я глава.

Студенты.

По отношенію къ студентамъ въ разсматриваемый періодъ мы видимъ тоже крайнюю регламентацію. На другой же годъ по обнародованіи устава 1884 года введена форменная одежда для студентовъ и изданы правила: 1) о пріемѣ студентовъ въ университетъ; 2) о допущеніи постороннихъ слушателей; 3) о платѣ за слушаніе лекцій, при чемъ устанавливалось, что общее число освобождаемыхъ отъ платы не должно превышать 15% общаго числа студентовъ даннаго университета; 4) о стипендіяхъ и пособіяхъ; 5) объ обязанностяхъ студентовъ при посѣщеніи университета; 6) о взысканіяхъ и порядкѣ ихъ наложенія; 7) о подвергающихся аресту въ карцерѣ лицахъ. Высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета министровъ 5 декабря 1886 г. и 26 іюня 1887 г. министру народнаго просвѣщенія предоставлялось право принять мѣры къ ограниченію числа евреевъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Для каждаго округа установленъ былъ извѣстный %. Для Харьковскаго университета максимумъ опредѣленъ былъ въ 5% общаго

[1]) Въ 1904 году ассигновано было на содержаніе личнаго состава, на научныя пособія и хозяйственныя надобности 448724 руб. 35 коп., а по всѣмъ статьямъ 526190 р.; изъ нихъ израсходовано 499674 р. 87 к.

числа поступающихъ. Впослѣдствіи, въ министерство Н. П. Боголѣпова, онъ былъ пониженъ до 3%, но затѣмъ при Г. Э. Зенгерѣ возстановлена 5%-ная норма. Тѣмъ же положеніемъ комитета министровъ отъ 26 іюня 1887 года плата за слушаніе лекцій въ пользу университета, вмѣсто положенныхъ по уставу 5 руб., повышена до 25 руб. за каждое полугодіе. Положеніе спеціальныхъ средствъ университетовъ, въ особенности Харьковскаго, при 5-рублевой платѣ оказывалось весьма плачевнымъ. Упомянутое повышеніе должно было помочь этому; но тутъ имѣлась въ виду и другая общая цѣль—отвлечь отъ университетовъ лицъ низшихъ и неимущихъ классовъ[1]), что̀ высказывалось тогда съ полною откровенностью (извѣстный циркуляръ о «кухаркиныхъ дѣтяхъ»). Если въ началѣ 80-хъ годовъ общій размѣръ платы за слушаніе лекцій равнялся 20 р. въ полугодіе, то теперь, когда, кромѣ платы въ пользу университета, студенту приходилось вносить введенный уставомъ 1884 г. еще такъ назыв. «гонораръ» въ пользу преподавателей, онъ увеличился приблизительно вдвое (обыкновенно—43-50 р.). Еще въ 1885 г. совѣтъ Харьковскаго университета указывалъ на обременительность платы, въ особенности для студентовъ медицинскаго факультета, и проектировалъ уменьшить ее, назначивъ гонораръ за часовую лекцію не въ 1 р., а въ 50 к., при чемъ указывалось и на недостаточность установленнаго процента (15%) лицъ, могущихъ быть освобожденными отъ платы. Съ увеличеніемъ взноса въ пользу университета съ 5 до 25 руб., плата для студентовъ стала, конечно, еще обременительнѣе.

Увеличеніе платы, ограниченіе пріема евреевъ, а также стремленіе молодыхъ людей въ высшія техническія учебныя заведенія и открытіе въ Харьковѣ технологическаго института (Высочайшее повелѣніе 1884 г., положеніе и штаты—1885 г.) не могли не отразиться на числѣ студентовъ въ Харьковскомъ университетѣ. Въ годъ введенія устава, т. е. въ $188^4/_5$ акад. году, ихъ было въ немъ 1227. Въ слѣдующіе два года число это возрастаетъ и доходитъ въ $188^6/_7$ г. до 1520 (а съ посторонними слушателями—до 1573), въ теченіе 7 лѣтъ увеличившись болѣе, чѣмъ вдвое (въ $188^0/_1$ г. студентовъ было только 667). Но съ 1886 г. число вновь поступающихъ въ Харьковскій университетъ замѣтно уменьшается: въ 1884 г. поступило 388 (не считая постороннихъ слушателей), въ 1885 г.—377, въ 1886—только 315, въ 1888—239 и т. д. Соотвѣтственно съ 1887 г. уменьшается и общее число студентовъ въ Харьковскомъ университетѣ: къ январю 1892 г. оно нисходитъ до

[1]) *С. И. Рождественскій*, стр. 619.

977 (съ посторонними слушателями—до 1010). Особенно рѣзко было замѣтно уменьшеніе числа студентовъ на историко-филологическомъ факультетѣ: въ 1885 году на этотъ факультетъ поступило 26 (всѣхъ было 95); но уже въ 1886—только 18, въ 1887—10, а въ 1888—даже 7. Съ тѣхъ поръ въ теченіе ряда лѣтъ до 90-хъ годовъ, когда оно стало нѣсколько возрастать, число поступавшихъ на этотъ факультетъ въ Харьковскомъ университетѣ рѣдко превышало цифру 10. Кромѣ общихъ причинъ и неприглядной будущности, которая ожидала на педагогическомъ поприщѣ большинство оканчивающихъ историковъ и филологовъ, здѣсь, несомнѣнно, оказали вліяніе учебные планы и экзаменныя требованія 1885 года, выдвинувшія на первое мѣсто классическую филологію и лишившія историко-филологическій факультетъ на нѣкоторое время его прежняго общеобразовательнаго характера. Снова начинаетъ увеличиваться число поступающихъ въ Харьковскій университетъ съ 1890 г., а общее число студентовъ въ немъ—съ 1892 г. Въ 1904 г. поступило 644 студ. и 64 постороннихъ слушателя (въ томъ числѣ фармацевтовъ 47), и къ 1 января 1905 года состояло студентовъ 1660, наибольшая цифра за столѣтнее существованіе Харьковскаго университета; кромѣ того, было постороннихъ слушателей 132 (въ томъ числѣ фармацевтовъ 101) и ученицъ повивальнаго института 68 (44—на 1-мъ курсѣ и 24—на 2-мъ). Особенно замѣтно увеличеніе числа студентовъ сначала на юридическомъ и медицинскомъ факультетахъ, а потомъ—на юридическомъ и естественномъ отдѣленіи физико-математическаго. Даже на историко-филологическомъ факультетѣ за послѣдніе два года число поступившихъ увеличилось въ нѣсколько разъ: въ 1903 году поступило 25, а въ 1904—даже 50 (вмѣсто прежнихъ обычныхъ 10—15). Къ концу 1904 года студенты Харьковскаго университета по факультетамъ распредѣлялись такъ: на историко-филологическомъ—89, физико-математическомъ 393, юридическомъ—643, медицинскомъ—535. Окончило курсъ (т. е. получили выпускное свидѣтельство) въ 1904 году на историко-филологическомъ фак.—10, физико-математическомъ—42, юридическомъ—114, медицинскомъ—106.

Многіе студенты и въ этотъ періодъ, не ограничиваясь слушаніемъ лекцій, работали въ клиникахъ и лабораторіяхъ, изучая спеціально тотъ или другой вопросъ, писали рефераты и сочиненія на заданныя темы или на темы по собственному избранію. Нѣкоторыя изъ такихъ работъ являлись уже учеными, болѣе или менѣе самостоятельными, изслѣдованіями и печатались преимущественно въ университетскомъ органѣ («Зап. Импер. Харьк. Унив.»), иногда въ другихъ

спеціальныхъ или общихъ изданіяхъ. Такъ, по ходатайству соотвѣтствующихъ факультетовъ, рѣшено было напечатать частью цѣликомъ, частью въ извлеченіи слѣдующія представленныя на медаль или на премію работы студентовъ: Костина и Будзинскаго (Изслѣдованія надъ вліяніемъ мускульной дѣятельности и механическихъ условій кровеобращенія на содержаніе гемоглобина и красныхъ тѣлецъ въ крови), Тарасова (О дѣйствіяхъ электрическихъ раздраженій большой частоты на мускулы и нервы), Глейзера (О трахомѣ), Гальперина (О терапевтическомъ достоинствѣ различныхъ видовъ шва желудочно-кишечнаго канала), Серковскаго (Опредѣленіе значенія для распознаванія различныхъ формъ микробовъ морфологическаго вида (строенія) ихъ колоній на твердыхъ средахъ), Гольдина (Аѳинскій совѣтъ, Βουλή; его исторія, организація и значеніе), Тихоновича (О способахъ резекціи ganglii Gasseri), Воробьева («Сосуды и нервы сухожилій стопы», «Къ сравнит. анатоміи воротъ печени», «Вывихи костей запястья»), Миротворцева (на ту же тему, что и первая работа г. Воробьева), Жмайловича (О микробныхъ ферментахъ и о дѣйствіи ихъ по сравненію съ ферментами животныхъ), Нюренберга (Графическое измѣненіе пульса при раннихъ стадіяхъ заболѣванія аорты), Лукьянченка (Къ вопросу о клиническомъ достоинствѣ реакціи Vidal'я), Ѳедоровскаго (Переводы и передѣлки стихотвореній Гете въ русской литературѣ), Идельсона (Договоръ страхованія по русскому праву), Сагателова (Вліяніе минимальныхъ колебаній электрическаго тока на нервы), Смирнова (на ту же тему), Лившица (О вліяніи горечей на желудочное пищевареніе при различныхъ заболѣваніяхъ желудка), Болтина (Циголидины и цитокоагулины изъ кровяныхъ железъ), Ясинскаго (О гигантскихъ клѣткахъ вокругъ инородныхъ тѣлъ), Береславскаго (Объ эмболіи тканевыми клѣтками), Лезина (О кн. В. Ѳ. Одоевскомъ), Рѣзниченка (на ту же тему), Тихаго (О В. Н. Каразинѣ)[1]), Берестовскаго (О гемолизинахъ), Дейча (Объ эмболіи тканевыми клѣтками), Фурсова (О состояніи периферическихъ сосудовъ и артеріальнаго давленія у неврастениковъ), Черноволота (Описаніе коллекціи Алферова, находящейся въ Музеѣ изящн. иск. Харьк. унив.), Чадова (Понятіе соціальнаго преступника). Рефератъ того же г. Чадова, читанный въ кружкѣ для изученія государственныхъ наукъ («Воззрѣнія на право и государство старшихъ славянофиловъ»), напечатанъ въ журн. «Образованіе», а рефератъ студента Раздольскаго о древностяхъ Путивля, читанный въ кружкѣ для изученія литературъ, напечатанъ въ «Истор.

---

[1]) Печатается въ «Кіевск. Старинѣ»; статья того же автора по поводу памфлета г. И—ва о Каразинѣ—въ «Зап. Харьк. Ун.» 1905.

Вѣстникѣ». Одно изъ названныхъ выше сочиненій студ. Воробьева опредѣлено было напечатать въ «Извѣстіяхъ Академіи Наукъ».

Группы студентовъ предпринимали научныя экскурсіи подъ руководствомъ преподавателей, напр. географическую экскурсію на Кавказъ подъ руководствомъ проф. А. Н. Краснова (при чемъ собраны были коллекціи), нѣсколько геологическихъ экскурсій подъ руководствомъ проф. А. В. Гурова и П. П. Пятницкаго—на Днѣпровскіе пороги, въ Кривой-Рогъ, въ Донецкій бассейнъ.

Въ послѣдніе годы, когда явилась возможность учреждать научные студенческіе кружки, студенты Харьковскаго университета мало-по-малу образовали 4 кружка: 1) кружокъ для изученія экономическихъ наукъ, подъ руководствомъ профессора В. Ф. Левитскаго; 2) кружокъ для занятій по исторіи русской и запад.-европейск. литературъ или историко-филологическій, подъ руководствомъ проф. М. Е. Халанскаго; при этомъ кружкѣ имѣется небольшая библіотека-читальня, помѣщающаяся въ историко-филологическомъ кабинетѣ для практическихъ занятій; 3) кружокъ для изученія богословскихъ наукъ, подъ руководствомъ проф. Т. И. Буткевича, и 4) кружокъ для изученія государственныхъ наукъ, подъ руководствомъ прив.-доц. А. Н. Фатѣева. Въ этихъ кружкахъ студенты читали и обсуждали рефераты, въ числѣ которыхъ были выдающіеся. Такъ, кромѣ раньше уже названныхъ и напечатанныхъ, изъ рефератовъ послѣдняго года (1904) обратилъ на себя вниманіе «превосходный въ научномъ отношеніи докладъ» студ. Маклецова о формахъ общиннаго землевладѣнія въ Россіи; въ историко-филологическомъ кружкѣ слѣдуетъ отмѣтить рефераты студ. Окунева о «демонѣ» Сократа и студ. Бѣлецкаго о Марціалѣ и т. д. Кружокъ этотъ, въ которомъ членами состояли и нѣкоторые студенты-юристы, принималъ участіе въ торжественномъ чествованіи университетомъ памяти Жуковскаго (22 апр. 1902), при чемъ студ. Веретенниковъ произнесъ рѣчь о педагогическомъ значеніи сочиненій этого поэта. Въ 1891 г. въ средѣ студентовъ Харьковскаго университета возникла мысль о составленіи и изданіи «Сборника» въ пользу голодающихъ; но такъ какъ печатаніе его затянулось, то назначеніе этого сборника было измѣнено: рѣшено было предоставить выручку отъ его продажи въ пользу Общества пособія нуждающимся студентамъ. Въ сборникъ вошли стихотворенія, очерки, беллетристическія произведенія и проч. (студентовъ Дубяги, Головкова, Контрольскаго и друг.). Одному изъ участвовавшихъ въ этомъ изданіи, студ. Головкову, принадлежитъ, кромѣ того, особый сборникъ стихотвореній.

Отмѣтимъ здѣсь еще, въ теченіе разсматриваемаго періода, задолго до циркуляра Н. П. Боголѣпова о развитіи кружковъ, въ томъ

числѣ и музыкальныхъ, при Харьковскомъ университетѣ образовался студенческій оркестръ и хоръ. Первымъ дирижировалъ сначала г. Гленъ (теперь профессоръ въ Московской консерваторіи), а потомъ г. Дочевскій, преподаватель Харьковскаго музыкальнаго училища. Во главѣ же хора, въ качествѣ регента, сталъ И. М. Туровѣровъ, бывшій студентъ Харьковскаго университета, получившій выпускное свидѣтельство по историко-филологическому факультету.

Не мало питомцевъ Харьковскаго университета избрало ученое поприще и заняло каѳедры въ родномъ университетѣ или въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ общемъ однако, какъ мы уже отчасти видѣли [1]), уровень знаній студентовъ, равно какъ и требованій, скорѣе понизился въ разсматриваемый періодъ, нежели повысился. «Отвѣтъ совѣта Императорскаго Харьковскаго университета» на вопросъ о мѣрахъ къ повышенію этого уровня констатируетъ, между прочимъ, «полную несостоятельность гимназическаго режима по отношенію къ университету» (стр. 73), благодаря чему юноши, вступающіе въ университетъ, оказывались въ большинствѣ не подготовленными къ самодѣятельности. По словамъ «Отвѣта», недостатокъ этой самодѣятельности «у поступающей въ университетъ молодежи обнаруживается уже на первыхъ порахъ полной растерянностью относительно своихъ занятій»; «Отвѣтъ» отмѣчаетъ «отсутствіе внутренняго интереса къ этимъ занятіямъ и необходимаго навыка къ настойчивой работѣ», «узко утилитарное направленіе въ занятіяхъ, которое овладѣло въ послѣднее время значительною частью нашей учащейся молодежи» (стр. 74). Помимо другихъ причинъ, тутъ вліяли общая духовная атмосфера въ университетѣ и тотъ излишній формализмъ и регламентація, «которые», по словамъ «Отвѣта», «такъ мѣшаютъ живому дѣлу университетскаго преподаванія» (стр. 69).

Не малымъ тормазомъ въ дѣлѣ занятій для студентовъ служила также матеріальная необезпеченность большинства ихъ. Матеріальное положеніе многихъ студентовъ Харьковскаго университета было тяжелое. Иные испытывали большую крайность; были такіе, которые не каждый день обѣдали... Приходилось искать занятій или уроковъ; но они нерѣдко отымали много времени и плохо оплачивались. При томъ въ разсматриваемый періодъ все труднѣе и труднѣе становилось студенту пріискать урокъ. Правительство, университетъ, общество и отдѣльныя лица приходили на помощь студентамъ, во-1-хъ, учрежденіемъ стипендій и выдачей пособій. Такъ, въ 1904 г. изъ 1660 студентовъ Харьковскаго университета стипендіатами состояло 202, изъ коихъ 49

[1]) См. стр. 290.

обязательныхъ и 153 необязательныхъ. Въ теченіе года первымъ выдано было 12559 р. 32 k., вторымъ—44181 р. 79 k., а всего стипендій—56741 р. 11 k. Пособіями въ 1904 г. пользовалось 541 студ.; изъ нихъ 105—ежемѣсячнымъ пособіемъ (обыкновенно 15 р. въ мѣсяцъ), на сумму 12020 р., и 436 студ.—единовременнымъ, на сумму 10918 р. 15 k. Такимъ образомъ, въ теченіе года на стипендіи и пособія студентамъ издержано 79679 р. 26 k. Освобожденныхъ отъ платы въ весеннемъ полугодіи 1904 г. было 331, а въ осеннемъ—326. Кромѣ того, продолжало дѣйствовать Общество пособія нуждающимся студентамъ; въ 1904 г. имъ было выдано долгосрочныхъ ссудъ 8057 р., краткосрочныхъ—26301 р. 2 k. Существовала, по крайней мѣрѣ въ послѣдніе годы, и «студенческая столовая» (ею завѣдывали, впрочемъ, не сами студенты), имѣвшая своимъ назначеніемъ давать студентамъ дешевый и доброкачественный обѣдъ. Въ видахъ улучшенія матеріальнаго положенія нуждающихся студентовъ, въ концѣ 1899 г. при Харьковскомъ университетѣ открылось «Справочное бюро для содѣйствія студентамъ въ пріисканіи частныхъ занятій», помѣщавшееся въ канцеляріи по студенческимъ дѣламъ и состоявшее въ завѣдываніи одного изъ помощниковъ инспектора. Бюро должно было служить посредникомъ между студентами, ищущими разныхъ частныхъ занятій, и тѣми учрежденіями и лицами, которыя предлагаютъ какую-либо работу. Въ теченіе перваго года его существованія заявленій отъ студентовъ поступило 515, а со стороны публики—отъ 233 лицъ; состоялось соглашеній 117, съ 122 студентами.

Отчасти въ видахъ улучшенія быта и обстановки студентовъ, отчасти же какъ одна изъ мѣръ къ предотвращенію студенческихъ безпорядковъ, въ министерство Н. П. Боголѣпова предпринята была постройка общежитій. На студенческое общежитіе въ Харьковѣ ассигновано было, считая съ оборудованіемъ, болѣе 200000 р. Начата была постройка въ 1900 г. и къ концу 1901 закончена. Тѣмъ временемъ Н. П. Боголѣповъ сошелъ въ могилу, а при его преемникахъ возникли даже сомнѣнія въ цѣлесообразности подобныхъ учрежденій. Была мысль построенное въ Харьковѣ общежитіе, сдѣлавъ въ немъ необходимыя передѣлки и приспособленія, превратить въ клиники, которыхъ недоставало университету (для нервныхъ, для дѣтскихъ и для накожныхъ болѣзней). Наконецъ, въ ноябрѣ 1903 г. общежитіе было открыто. Оно представляетъ собою большое 3-этажное зданіе съ 80 комнатами для 150 студ., съ залой, съ столовой, съ квартирой для завѣдующаго и проч. Содержится оно на счетъ платы, получаемой съ живущихъ въ немъ студентовъ, съ ежегоднымъ пособіемъ отъ казны въ 6000 р.

Плата за помѣщеніе съ мебелью и бѣльемъ, съ электрическимъ освѣщеніемъ и продовольствіемъ—26 р. въ мѣсяцъ за отдѣльную комнату, 21 р. (съ каждаго) за комнату для двоихъ, 19 р.—за комнату для троихъ. При общежитіи имѣется читальня. Въ осеннемъ полугодіи 1904 г. въ немъ было 109 студентовъ; изъ нихъ половина (54)—первокурсники, которымъ, естественно, труднѣе всего бываетъ на первыхъ порахъ устроиться иногда въ незнакомомъ городѣ.

Извѣстно, что при составленіи устава 1884 г. и при устроеніи университетскаго быта на основаніи его имѣлось въ виду, главнымъ образомъ, предотвратить на будущее время студенческіе безпорядки, столь частые при существованіи устава 1863 г. Введенъ былъ строгій надзоръ за поведеніемъ студентовъ со стороны инспекціи какъ въ стѣнахъ университета, такъ, по возможности, и внѣ его,—надзоръ, доходившій, по выраженію «Отвѣта»[1]), до «чтенія въ мысляхъ и намѣреніяхъ» со стороны инспекціи, вліяніе которой въ университетѣ вообще непомѣрно усилилось. Но это не предотвратило безпорядковъ. По свидѣтельству того же «Отвѣта» (стр. 116), такой надзоръ сильно раздражалъ и вооружалъ учащуюся молодежь; полицейскія же формы, въ какія выливался онъ, совершенно исключали возможность нравственнаго вліянія, сердечнаго отношенія къ молодежи. «Молодежь», говорится въ «Отвѣтѣ», «чувствуетъ себя заподозрѣнной, отданной какъ бы подъ строгій полицейскій надзоръ инспекціи. Вынужденная этимъ держаться настороже, оскорбляемая этимъ безпрерывнымъ надзоромъ и сыскомъ, она начинаетъ смотрѣть на представителей инспекціи, какъ на враговъ,—съ недовѣріемъ, неуваженіемъ, боязнью и въ то же время съ ненавистью; она сама невольно усваиваетъ въ этой глухой борьбѣ привычки, не соотвѣтствующія добрымъ нравамъ», и какъ до 1884 г., такъ и послѣ 1884 г.—и даже еще въ бо́льшей степени,—теченіе университетской жизни не разъ нарушалось студенческими волненіями, а въ послѣдніе годы эти волненія стали обычнымъ явленіемъ.

Въ Харьковскомъ университетѣ волненія обнаружились уже черезъ полтора года послѣ введенія устава 1884 г.: 18 и 19 февраля 1886 г. группою студентовъ произведены были безпорядки въ зданіи университета. Болѣе широкіе размѣры приняли волненія 1887 г., вспыхнувшія прежде всего въ Москвѣ по поводу извѣстной «Брызгаловской исторіи»[2]) и быстро охватившія почти всѣ русскіе университеты. Въ Харьковѣ 3 декабря группа студентовъ университета, правда немногочисленная, соединившись съ группой студентовъ технологическаго и ветеринарнаго

[1]) Стр. 115. См. выше, стр. 270.

[2]) О ней см. между проч. въ ст. кн. *Б. А. Щетинина* въ «Ист. Вѣстн.», 1905, февр.

институтовъ, произвела безпорядокъ въ сборномъ залѣ и на улицѣ, передъ университетомъ, при чемъ были разбиты стекла въ окнахъ помѣщенія инспекціи. Занятія въ Харьковскомъ университетѣ были прекращены съ 4 декабря; зачетъ полугодій не могъ быть произведенъ своевременно, годовщина основанія университета (17 янв.) не была отпразднована обычнымъ актомъ и 42 студента уволены безъ права обратнаго поступленія. Затѣмъ волненія, по крайней мѣрѣ въ Харьковскомъ университетѣ, улеглись на 12 лѣтъ. Но съ 1899 г. они вспыхиваютъ съ еще большею силою и упорствомъ и принимаютъ форму такъ назыв. «забастовокъ» и «обструкцій». Событія эти еще такъ близки, еще такъ въ памяти всѣхъ, что мы коснемся ихъ лишь вкратцѣ. На этотъ разъ, т. е. въ 1899 г., началось съ Петербурга, съ извѣстнаго избіенія студентовъ и вызваннаго имъ волненія, что̀ сейчасъ же отразилось и въ другихъ университетахъ, въ томъ числѣ и Харьковскомъ. Здѣсь студенты также «забастовали», прекратили посѣщеніе лекцій и постановленіемъ правленія (24 февр. 1899 г.) признаны были всѣ поголовно уволившимися, но затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ дней, всѣ были приняты обратно (послѣ того, какъ подали соотвѣтствующія прошенія). Тѣмъ не менѣе волненія продолжались, и послѣдовалъ рядъ увольненій и исключеній: 31 марта уволено 84, 2 апрѣля—54, 3 апрѣля—14, 26 апрѣля исключено 23, 28 апрѣля исключено 31; всего весною 1899 г. за участіе въ безпорядкахъ удалено изъ Харьковскаго университета 206; изъ нихъ 15 человѣкъ приняты обратно въ томъ же году, а 185—въ разные сроки въ теченіе 1900 г. (изъ остальныхъ 5 совсѣмъ не подавали прошеній, а 1 хотя и подавалъ, но не былъ принятъ). Уже въ 1899 г. дѣло дошло до обструкціи; многіе студенты не экзаменовались, и самые экзамены происходили не въ обычной обстановкѣ—среди безпорядковъ и подъ охраной полиціи и вооруженной силы. 1900 годъ прошелъ спокойно; но въ весеннее полугодіе 1901 г. безпорядки возобновились, хотя въ меньшей степени. Въ теченіе февраля и марта уволено было 95 чел. (изъ нихъ 29 по прошенію, по предложенію ректора); но вскорѣ, въ апрѣлѣ того же года, всѣ они были приняты обратно. Осенью 1901 г. волненія повторились уже въ бо́льшихъ размѣрахъ. Поводомъ послужилъ инцидентъ въ ветеринарномъ институтѣ, гдѣ студенты I курса выразили порицаніе одному профессору за то, что онъ требуетъ отъ нихъ усвоенія не соотвѣтствующаго будто бы современному состоянію науки руководства, и подверглись наказанію въ видѣ увольненія и проч. На этотъ разъ въ университетѣ на сходкахъ постановлена была «обструкція», принявшая рѣзкую форму; обструкціонеры прерывали чтеніе лекцій насильствен-

нымъ путемъ; они прибѣгали даже къ такъ назыв. «химической обструкціи», такъ что изъ аудиторіи № 3 нѣсколько студентовъ и профессоръ были вынесены въ обморочномъ состояніи. Постановленіемъ правленія отъ 30 ноября и 3 декабря частью уволено, частью исключено было 115 чел., изъ коихъ въ разное время было принято обратно 59. Кромѣ того, нѣкоторые изъ уволенныхъ поступили въ другіе университеты. Не прошло и $2^1/_2$ лѣтъ, какъ снова обнаружились волненія по слѣдующему поводу. Одинъ изъ приватъ-доцентовъ Харьковскаго университета въ своей лекціи коснулся только-что начавшейся тогда русско-японской войны и ея возможныхъ послѣдствій, послѣ чего вынужденъ былъ прекратить чтеніе лекцій. Студенты заподозрѣли товарищей, принадлежащихъ къ такъ называемому обществу русскихъ студентовъ, въ доносѣ; начались сходки, и въ результатѣ властью ректора, на основаніи ст. 17 устава, исключено или уволено было (въ мартѣ) 56 чел.; нѣкоторымъ же сдѣланъ выговоръ. Наконецъ, извѣстно, какіе размѣры приняла «забастовка» въ началѣ 1905 г., лежащая уже внѣ того періода, за который мы обозрѣваемъ исторію Харьковскаго университета.

Въ настоящее время совершенно ясны основной характеръ студенческихъ забастовокъ и истинныя причины студенческихъ безпорядковъ. Коммиссія, избранная совѣтомъ Харьковскаго университета 21 января 1905 года [1]) для опредѣленія условій, при которыхъ возможно было бы достиженіе нормальнаго теченія университетской жизни, въ своей запискѣ, принятой и совѣтомъ, становится на ту точку зрѣнія, которую проводилъ еще Н. И. Пироговъ и по которой университетъ выражаетъ современное общество и есть лучшій его барометръ. Студенческія волненія, говоритъ эта записка, служатъ яркимъ доказательствомъ тѣсной, непосредственной зависимости университета отъ политическихъ условій нашей жизни. «Возникая на почвѣ внутреннихъ неурядицъ и несовершенствъ уставовъ, волненія эти, въ теченіе своего развитія, почти всегда получали нѣкоторую политическую окраску. Администрація же и даже учебное начальство слишкомъ уже просто объясняли причину волненій, приписывая ее проникновенію въ среду студенчества «злонамѣренныхъ» людей, которые возбуждали молодежь ради своихъ чисто политическихъ цѣлей. Но

[1]) Изъ проф. Д. И. Багалѣя, В. П. Бузескула, Н. А. Гредескула, А. П. Грузинцева, А. Д. Киселева, В. Ф. Левитскаго, Н. Ф. Мельникова-Разведенкова, С. П. Никонова, И. Г. Оршанскаго, П. П. Пятницкаго, Л. В. Рейнгарда, Н. А. Соколова, В. А. Стеклова, Н. Ѳ. Сумцова, Г. Ѳ. Шульца, подъ предсѣдательствомъ Л. Л. Гиршмана.

такіе дальновидные педагоги, какъ Н. И. Пироговъ, рано уразумѣли основную причину волненій молодежи и высказывали теперь уже не подлежащую никакому сомнѣнію мысль, что не одни несовершенства устава, но, главнымъ образомъ, можетъ быть, недостатки всего политическаго и гражданскаго строя вызываютъ ихъ. Правительство же, по-прежнему полагая, что все дѣло въ преступной дѣятельности подстрекателей, по-прежнему старалось водворить миръ, согласіе и спокойствіе среди молодежи крутыми репрессивными мѣрами, начиная отъ увольненія, исключенія, восходя до административной высылки и кончая лишеніемъ свободы и отдачей въ солдаты, упуская изъ виду, что такимъ образомъ создаются быстро растущіе кадры недовольныхъ, часто лишенныхъ всякихъ средствъ существованія и потому на все готовыхъ. Не смотря на всѣ эти мѣры, интенсивность, количество и размѣры волненій все росли и увеличивались. Это убѣдительно доказываетъ, что ихъ корень и источникъ лежатъ внѣ университета и молодежи... Единственнымъ, безспорнымъ результатомъ этихъ мѣръ нужно признать систематическое выбрасываніе за бортъ извѣстной части учащейся молодежи. Ни одного волненія не обходилось безъ того, чтобы значительный процентъ учащихся не подвергался удаленію или исключенію изъ университета. Одни изъ удаленныхъ черезъ нѣкоторое время снова попадали въ университетъ, иногда для того, чтобы вторично быть уволенными изъ него, другіе уже не возвращались обратно... А въ концѣ концовъ отъ этого больше всего страдаетъ страна, крайне нуждающаяся въ образованныхъ дѣятеляхъ, тѣмъ болѣе, что всегда почти выбрасываются за бортъ во время безпорядковъ и очень талантливые молодые люди; относясь съ увлеченіемъ къ научнымъ занятіямъ, они не могутъ атрофировать въ себѣ отзывчивости на явленія окружающей жизни»...

По поводу репрессивныхъ мѣръ по отношенію къ студентамъ и вліянія этихъ мѣръ неразъ уже цитированный «Отвѣтъ» еще въ 1901 г. говорилъ: «Чѣмъ суровѣе подавлялись сходки, союзы, землячества и т. д., тѣмъ больше поводовъ являлось къ производству студентами такъ назыв. безпорядковъ, и тѣмъ чаще студенчество обращалось къ тайной организаціи, въ которой видѣло единственный выходъ изъ своего, дѣйствительно, затруднительнаго положенія. Озлобленные, благодаря внѣшнимъ тяжелымъ условіямъ, ихъ окружающимъ, молодые люди переставали внимать голосу авторитетовъ, собственному своему разуму и цѣликомъ поддавались охватившему ихъ чувству раздраженія. Находясь въ такомъ душевномъ состояніи, часто подвергаясь карѣ, далеко не соотвѣтствовавшей, по ихъ внутреннему самосознанію, винѣ, молодежь изъ тайныхъ студенческихъ организацій переходила въ таковыя же

политическія. Болѣе или менѣе организованная среда, въ которую они въ такихъ случаяхъ попадали, являлась для нихъ привлекательной, въ особенности потому, что удовлетворяла ихъ чувству товарищества, соединяла на общее дѣло, преступное съ точки зрѣнія закона, но представлявшее ихъ заблуждавшемуся уму и возбужденному чувству благороднымъ подвигомъ... Полувѣковой опытъ жизни университетовъ съ совершенною ясностью доказываетъ, что всѣ стремленія сдѣлать изъ студентовъ «отдѣльныхъ посѣтителей» университета, съ цѣлью предотвращенія безпорядковъ, не достигаютъ цѣли, и разрозненная въ повседневной жизни молодежь легко объединяется путемъ тайныхъ организацій для производства такихъ глубокопечальныхъ для академической жизни явленій, какъ забастовки во всѣхъ университетахъ имперіи»... (стр. 100). «Русская молодежь» продолжаетъ «Отвѣтъ», «какъ и всякая другая, очень чувствительна къ явной несправедливости, легко реагируетъ на всевозможныя явленія общественной и государственной жизни, даже на поступки и дѣйствія отдѣльныхъ лицъ и потому легко и сильно возбуждается» (стр. 102). Не говоримъ уже о политической агитаціи и революціонныхъ элементахъ, дѣйствовавшихъ, въ свою очередь, въ средѣ студенчества. Въ числѣ репрессивныхъ мѣръ, примѣнявшихся въ широкихъ размѣрахъ въ Харьковѣ по отношенію къ студентамъ, видное мѣсто занимала административная высылка: обыкновенно документы уволеннаго препровождались въ полицію, а его самого, хотя бы на нѣкоторое время, высылали изъ города, дабы онъ не могъ оказать воздѣйствія на товарищей. Но эта мѣра, въ свою очередь, способствовала возбужденію: напр., высылаемымъ изъ Харькова въ 1899 г. студентамъ устраивались торжественные проводы, произносились соотвѣтственныя случаю рѣчи, происходили демонстраціи на вокзалѣ и на улицахъ города; въ высылаемыхъ видѣли борцовъ и мучениковъ, а въ административной высылкѣ—жестокій произволъ и беззаконіе, при чемъ обвиненіе въ глазахъ студенчества падало не столько на администрацію, сколько на университетскія власти.

Само правительство сознавало, что однѣхъ репрессивныхъ мѣръ для устраненія студенческихъ безпорядковъ недостаточно, и наряду съ ними прибѣгало и къ другимъ средствамъ. Въ іюнѣ 1899 г. Н. П. Боголѣповъ образовалъ совѣщаніе изъ попечителей учебныхъ округовъ и начальниковъ высшихъ учебныхъ заведеній для обсужденія мѣръ въ цѣляхъ водворенія спокойствія. Циркуляромъ 27 іюня 1899 г. измѣнено положеніе инспекціи въ томъ смыслѣ, что ей вмѣнено въ обязанность благожелательное попеченіе о нуждахъ учащихся, а личный составъ ея еще болѣе усиленъ. 5-го іюля того же года послѣдовало распоря-

женіе о «способѣ къ болѣе равномѣрному распредѣленію студентовъ между отдѣльными университетами» и о прикрѣпленіи ихъ къ округамъ «въ устраненіе на будущее время переполненія нѣкоторыхъ университетовъ», при чемъ въ Харьковскій университетъ должны были поступать окончившіе курсъ въ гимназіяхъ Харьковскаго и Кавказскаго учебныхъ округовъ. Установлены были и высшія нормы того числа студентовъ, которое можетъ быть принято на первый курсъ; нормы эти были разныя по университетамъ и факультетамъ. Въ Харьковскомъ университетѣ максимальная норма на юрид. фак. была 200, на физ.-матем. по математическому отдѣленію—100, а естественному—75, на медиц.—175.—29 іюля 1899 г. установлено отбываніе воинской повинности, въ видѣ наказанія, для воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, исключаемыхъ за коллективные безпорядки. Слѣдуетъ однако отмѣтить, что въ Харьковскомъ университетѣ не было случаевъ примѣненія этой мѣры.

Университетскій строй на началахъ устава 1884 года подрывалъ авторитетъ профессоровъ: онъ устранялъ вліяніе ихъ коллегіи на студентовъ; на сближеніе между послѣдними и профессорами, какъ мы видѣли, власти смотрѣли сначала даже подозрительно; сами студенты по уставу и правиламъ разсматривались, какъ «отдѣльные посѣтители» университета. Опытъ показалъ, къ какимъ послѣдствіямъ это ведетъ. Уже правительственное сообщеніе отъ 24 мая 1899 г. въ числѣ главныхъ причинъ, содѣйствовавшихъ возникновенію и распространенію безпорядковъ, называетъ «разобщенность студентовъ между собой, съ профессорами и съ учебнымъ начальствомъ». А 21 іюля того же года послѣдовалъ циркуляръ, въ которомъ министръ (Н. П. Боголѣповъ) для установленія желательнаго общенія между студентами, профессорами и учебнымъ начальствомъ указываетъ на слѣдующія мѣры: 1) широкая организація практическихъ занятій, 2) учрежденіе научныхъ и литературныхъ студенческихъ кружковъ и 3) устройство правильно поставленныхъ студенческихъ общежитій. Но устройство кружковъ обставлено было на первыхъ порахъ большими ограниченіями и формальностями, что мѣшало ихъ развитію. Такъ, напр., въ Харьковскомъ университетѣ осенью 1899 г. студенты историко-филологическаго факультета, преимущественно историки, съ увлеченіемъ взялись за мысль основать кружокъ для собесѣдованія и занятій по предметамъ историко-филологическаго факультета; на частныхъ совѣщаніяхъ съ профессорами выработанъ былъ проектъ правилъ или устава этого кружка. Но прошло много мѣсяцевъ, прежде чѣмъ послѣдовало надлежащее разрѣшеніе. Большинство, отъ долгаго ожиданія, успѣло уже къ тому времени охла-

дѣть; другіе, въ виду приближенія экзаменовъ, должны были больше думать о послѣднихъ, чѣмъ о кружкѣ. Да и самый проектъ подвергся измѣненіямъ: вмѣсто общаго историко-филологическаго кружка разрѣшенъ былъ лишь кружокъ для занятій исторіею литературы и число участниковъ въ немъ было заранѣе ограничено извѣстною цифрою (не болѣе 50 чел.). Такъ кружокъ этотъ тогда и не возникъ. Онъ образовался лишь черезъ два года, осенью 1901 г. Число участниковъ кружка для занятій экономическими науками ограничено было 30.

При Харьковскомъ университетѣ, какъ мы видѣли, существовало въ послѣднее время всего 4 научныхъ студенческихъ кружка; но изъ нихъ кружокъ для изученія государственныхъ наукъ во второй половинѣ 1904 г. не функціонировалъ и руководившій имъ преподаватель, въ виду инсинуацій со стороны «охранителей», принужденъ былъ отказаться отъ руководительства. Въ концѣ 1901 года, уже въ министерство П. С. Ванновскаго, утверждены «Временныя правила организаціи студенческихъ учрежденій», предоставлявшія начальству высшихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія разрѣшать, по ходатайству студентовъ, открытіе студенческихъ кружковъ для научно-литературныхъ занятій, кружковъ для занятій искусствами, ремеслами и разнаго рода физическими упражненіями, а равно студенческихъ столовыхъ, чайныхъ, кассъ (взаимопомощи, ссудо-сберегательныхъ, вспомоществованія), попечительствъ для пріисканія занятій для недостаточныхъ студентовъ, библіотекъ и читаленъ; для обсужденія же вопросовъ, касающихся поименованныхъ учрежденій и кружковъ, и для выбора студентовъ для участія въ коммиссіяхъ этихъ учрежденій, а также для выбора курсовыхъ старостъ,—разрѣшались студенческія собранія съ соблюденіемъ подробно изложенныхъ правилъ.

Объ организаціяхъ студентовъ подъ руководствомъ кураторовъ,—института, оказавшагося столь мало жизненнымъ,—и о профессорскомъ дисциплинарномъ судѣ, вовсе не функціонировавшемъ, мы уже упоминали раньше (стр. 267—8).

4-я глава.

Университетъ и общество.

Не смотря на тяжелыя условія, при которыхъ приходилось дѣйствовать университету въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ, онъ продолжалъ по-прежнему служить государству и обществу не только тѣмъ, что

въ немъ получали высшее образованіе сотни молодыхъ людей: и въ разсматриваемый періодъ научное, просвѣтительное и общественное вліяніе Харьковскаго университета распространялось широко.

Его учебно-вспомогательными пособіями—библіотекой, клиниками, кабинетами, лабораторіями, коллекціями и проч.—пользовались не одни преподаватели и студенты, но и лица, не причастныя къ университету. Напр., Музей изящныхъ искусствъ и древностей по воскресеньямъ охотно и въ большомъ количествѣ посѣщается учащимися, публикой, среди которой много и представителей бѣдныхъ классовъ населенія г. Харькова, въ будни же въ немъ занимаются часто художники, любители, ученики школы рисованія (прежде М. Д. Раевской, Е. Е. Шрейдера, а теперь—городской), копированіемъ картинъ, акварелей, рисованіемъ съ гипсовъ и т. д. Утилизируется иногда и спеціальная библіотека Музея не только учащимися, но и членами мѣстнаго общества[1]). Въ Историческомъ архивѣ, состоящемъ при Историко-Филологическомъ Обществѣ, работали какъ мѣстные ученые, не принадлежащіе къ составу университетскихъ преподавателей, такъ и пріѣзжіе: профессоръ Мякотинъ, Н. П. Василенко, П. П. Короленко, профессоръ Лилеевъ, Е. А. Альбовскій, А. Я. Ефименко, Д. П. Миллеръ, М. М. Плохинскій, Е. П. Радакова, А. Д. Твердохлѣбовъ и друг. Многія мѣстныя силы, благодаря этому архиву, энергично начали разрабатывать мѣстную исторію и исторію Малороссіи, и такимъ образомъ для нѣкоторыхъ молодыхъ работниковъ Историческій архивъ сыгралъ роль какъ бы школы, въ которой воспитались, развились и окрѣпли ихъ склонности къ научнымъ занятіямъ[2]). Въ университетскихъ клиникахъ перебывали тысячи страждущихъ. Не говоря уже о проф. Л. Л. Гиршманѣ, имена большинства Харьковскихъ клиницистовъ—В. Ѳ. Грубе, И. К. Зарубина, В. Г. Лашкевича, Н. Ф. Толочинова (называю только тѣхъ, кого въ настоящій моментъ нѣтъ уже въ университетѣ)—извѣстны были далеко за предѣлами Харькова.

Наука сообщалась не только студентамъ и не только посредствомъ читаемыхъ имъ лекцій и практическихъ занятій. Съ 1893 г. возобновленъ былъ общеуниверситетскій органъ. Дѣло въ томъ, что въ 1884 г. печатаніе существовавшихъ раньше «Записокъ», содержавшихъ протоколы совѣтскихъ засѣданій и ученыя изслѣдованія, рѣшено было прекратить, и такимъ образомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ университетъ не имѣлъ своего органа. Въ 1891 г. рѣшено было «установить съ 1892 г. для приготовленія актовыхъ рѣчей очередь между факуль-

[1]) *Е. К. Рѣдинъ*, Муз. из. иск. и древн. Имп. Харьк. унив., стр. 52.

[2]) *Е. М. Ивановъ*, Харьк. Истор. архивъ, стр. 29.

тетами» и «печатать актовыя рѣчи и извлеченія изъ отчетовъ». Тогда же ректоромъ М. М. Алексѣенко возбужденъ былъ вопросъ о возобновленіи университетскихъ «Записокъ»; совѣтомъ избрана была коммиссія (проф. К. А. Андреевъ, Д. И. Багалѣй, В. П. Бузескулъ, В. Я. Данилевскій, Н. О. Куплеваскій, И. П. Скворцовъ, А. Н. Стояновъ, А. П. Шимковъ), которая и выработала программу изданія. Послѣ двукратнаго ходатайства, въ 1892 г., наконецъ, послѣдовало разрѣшеніе (сначала министерство затруднялось дать его въ виду ограниченности денежныхъ средствъ Харьковскаго университета), и съ начала 1893 г. «Записки Импер. Харьк. Унив.» стали выходить въ свѣтъ, по 4 книжки въ годъ, не считая, сверхъ того, приложеній. Въ виду приближавшагося юбилея въ нихъ видное мѣсто отведено было «Харьковской университетской лѣтописи». Въ «Запискахъ» печатались и студенческія работы (по представленію соотвѣтствующаго факультета). Во главѣ стоитъ редакторъ; кромѣ того, имѣется редакціонный комитетъ изъ 8 членовъ (по 2 отъ факультета). Редакторомъ «Записокъ» все время, до 1905 г., былъ Д. Н. Овсянико-Куликовскій.

Средствомъ общенія между лицами, интересующимися тою или другою отраслью наукъ, какъ принадлежащими къ составу университета, такъ и находящимися внѣ его, служили *ученыя общества*. Такихъ обществъ при Харьковскомъ университетѣ въ 1884 г. было 4: 1) Общество испытателей природы; 2) Общество опытныхъ наукъ, подраздѣлявшееся на 2 секціи—физико-химическую и медицинскую; 3) Математическое и 4) Историко-Филологическое. Въ 1887 г. выработанъ и утвержденъ новый уставъ Математическаго Общества. Въ 1894 г. Медицинская секція Общества опытныхъ наукъ выдѣлилась въ самостоятельное Общество научной медицины и гигіены, а другая секція переименована въ Общество физико-химическихъ наукъ. При Историко-Филологическомъ Обществѣ въ 1892 г. учрежденъ Педагогическій отдѣлъ, а въ послѣднее время утвержденъ новый уставъ Общества, дающій ему болѣе широкія рамки. Наконецъ, недавно (1901) возникло Юридическое Общество. Такимъ образомъ, къ концу разсматриваемаго періода при Харьковскомъ университетѣ существовало 6 ученыхъ обществъ (не считая Педагогическаго отдѣла) [1]. Общества эти устраивали засѣданія, иногда публичныя; на нихъ читались рефераты, доклады, сообщалось о новыхъ открытіяхъ, происходили пренія, поминались прежніе дѣятели. Общества издавали свои «Труды», «Сборники» и т. п. (напр. Общество испытателей природы издало уже 39 т., Физико-Химическое—16 вып.

[1] Года 2 тому назадъ возбуждено ходатайство объ утвержденіи устава Общества психологіи и антропологіи, но до сихъ поръ результатъ не извѣстенъ.

«Приложеній» къ отчетамъ и юбилейный сборникъ по поводу 50-лѣтія дѣятельности акад. Н. Н. Бекетова; Историко-Филологическое—14 т. и т. д.), входили въ сношенія и въ обмѣнъ съ различными учрежденіями и лицами (напр. Математическое Общество обмѣнивалось изданіями съ 58 учрежденіями, изъ нихъ съ 23 иностранными). Доклады дѣлались не только мѣстными учеными, но и пріѣзжими, иногда выдающимися спеціалистами, напр. въ Историко-Филологическомъ Обществѣ—В. В. Латышевымъ, Ѳ. Е. Коршемъ, въ Математическомъ—проф. Бугаевымъ и друг. Все это способствовало научному движенію и въ то же время взаимодѣйствію дѣятелей университета съ интеллигентными силами изъ мѣстнаго общества. Въ частности слѣдуетъ еще отмѣтить, что, напр., Историко-Филологическое Общество имѣетъ цѣлью способствовать посильными трудами, собраніями и изданіями развитію и распространенію историческихъ и филологическихъ знаній. Оно и состоящій при немъ Педагогическій отдѣлъ устраивали, какъ увидимъ, публичные курсы и лекціи. Общество это содѣйствовало въ особенности изученію мѣстной старины и исторіи. При немъ, какъ извѣстно[1]), существуетъ Историческій архивъ, Этнографическій музей и библіотека. Основаніемъ Историческаго архива Историко-Филологическое Общество спасло огромное количество цѣнныхъ матеріаловъ, остававшихся до того времени почти безъ призора или, напр., похороненныхъ «въ темныхъ трущобахъ нижняго этажа губернскаго архивохранилища», и уже этимъ однимъ оказало важную услугу исторической наукѣ[2]). Оно много поработало надъ подготовкой Археологическаго съѣзда въ Харьковѣ, о чемъ рѣчь впереди. Общество испытателей природы содѣйствовало изученію края въ естественно-научномъ отношеніи. На вопросы общественной и государственной жизни послѣдняго времени Юридическое Общество отозвалось рядомъ рефератовъ, и т. д. Всѣмъ этимъ Обществамъ университетъ давалъ помѣщеніе, ежегодную субсидію (за исключеніемъ Общества испытателей природы, получающаго изъ государственнаго казначейства 2500 р. въ годъ), а именно въ 1904 г. Математическое Общество получало 450 р., Историко-Филологическое 400 (и 600 архиваріусу), Физико-Химическое 250, Научной медицины и гигіены, а равно и Юридическое,—по 300 р. Главными дѣятелями въ этихъ Обществахъ являлись преподаватели университета, а во главѣ ихъ, въ качествѣ предсѣдателей, стояли выдающіеся ученые, напр. И. Ѳ. Леваковскій (Общ. испыт. прир.), К. А. Андреевъ, А. М. Ляпуновъ (Матем. Общ.), Н. Н. Бекетовъ (физ.-химич. секц.), А. А. Потебня, М. С. Дриновъ (Истор.-Филолог. Общ.). Въ послѣднее время

[1]) См. выше, стр. 298.

[2]) *Е. М. Ивановъ*, Харьк. Истор. арх., стр. 2, 15.

предсѣдателемъ Общества испытателей природы состоитъ Л. В. Рейнгардъ, Общества физико-химическихъ наукъ—И. П. Осиповъ, Научной медицины и гигіены—Я. А. Анфимовъ, Историко-Филологическаго—Н. Ѳ. Сумцовъ, Математическаго—В. А. Стекловъ и Юридическаго—Н. А. Гредескулъ.—Харьковскій университетъ далъ помѣщеніе для XII Археологическаго съѣзда, бывшаго въ Харьковѣ, и для его выставокъ; въ лицѣ своихъ преподавателей и членовъ ученыхъ Обществъ онъ принялъ самое дѣятельное участіе въ подготовительныхъ работахъ къ этому съѣзду и въ самыхъ его занятіяхъ, о чемъ мы скажемъ еще подробнѣе впереди.

Многіе преподаватели Харьковскаго университета не ограничивались чтеніемъ университетскихъ курсовъ и выступали съ публичными лекціями въ просвѣтительныхъ и благотворительныхъ цѣляхъ. Читались не только отдѣльныя лекціи, но и устраивались цѣлыя серіи ихъ. Такъ, при университетѣ, по-прежнему, еженедѣльно по вечерамъ читались публичныя общедоступныя лекціи по химіи и технологіи. Въ 1891 г. нѣсколько профессоровъ въ теченіе поста по воскресеньямъ въ думскомъ залѣ прочли лекціи въ пользу Общественной библіотеки, именно для образованія фонда на постройку дома. Въ теченіе многихъ лѣтъ существовали такъ называемые «ферейны», во главѣ которыхъ стоялъ А. П. Шимковъ и Г. И. Лагермаркъ: въ одной изъ аудиторій (химической) время отъ времени происходили чтенія, на которыя приглашалась публика. Лекторами были не только профессора. Такъ напр., въ одномъ изъ такихъ собраній читалъ А. Ѳ. Кони свою извѣстную лекцію о докторѣ Гаазѣ. Въ 1895 и 1896 г.г. Историко-Филологическимъ Обществомъ, по иниціативѣ правленія Харьковскаго Общества взаимнаго вспоможенія учительницъ, открыты были (въ помѣщеніи Маріинской женской гимназіи) вечернія научныя чтенія для женщинъ; число подписавшихся слушательницъ было около 200. Позже М. А. Шимковой, предсѣдательницею названнаго Общества взаимнаго вспоможенія учительницъ, устроены были курсы, собственно для женщинъ, сначала по естественнымъ наукамъ, а потомъ преимущественно по историческимъ и юридическимъ. Читались лекціи преподавателями университета въ физической аудиторіи тоже по вечерамъ. Педагогическій отдѣлъ Историко-Филологическаго Общества въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ устраивалъ въ торжественной залѣ университета общедоступныя чтенія съ туманными картинами по разнымъ отраслямъ знанія,—чтенія, въ которыхъ участвовали какъ профессора, такъ и другія лица. Наконецъ, въ курсахъ для рабочихъ, которые ведутся въ послѣдніе годы, лекторами выступаютъ тоже преимущественно преподаватели университета.

Профессора и приватъ-доценты Харьковскаго университета выступали въ качествѣ популяризаторовъ науки, какъ съ живымъ, устнымъ словомъ, такъ и съ перомъ въ рукѣ, въ научно-популярныхъ статьяхъ, въ разныхъ журналахъ и газетахъ или въ отдѣльныхъ брошюрахъ, и имена нѣкоторыхъ профессоровъ хорошо извѣстны даже въ широкихъ кругахъ публики. Но профессора, по мѣрѣ силъ и возможности, не только распространяли свѣтъ науки: они, въ лицѣ представителей медицины, оказывали помощь страждущему населенію г. Харькова и даже обширнаго края. Мы упоминали уже о тѣхъ тысячахъ больныхъ, которые пользовались въ клиникахъ. Здѣсь скажемъ только, что харьковцы хорошо знаютъ, напр., сколько, преимущественно простого, бѣднаго люда, ежедневно до поздней ночи толпится въ пріемной одного изъ харьковскихъ профессоровъ, котораго, по справедливости, можно назвать «другомъ людей» и которому А. Ѳ. Кони посвятилъ свою статью о Гаазѣ,—и встрѣчаетъ со стороны его и ласковое слово, и облегченіе своимъ болѣзнямъ. 17 октября 1888 г. произошло крушеніе Императорскаго поѣзда близъ Борокъ и спасеніе Государя Александра III, Государыни Маріи Ѳеодоровны и Царской семьи отъ угрожавшей при этомъ опасности. Въ дѣлѣ оказанія медицинской помощи раненымъ при этой катастрофѣ на долю Харьковскаго университета выпала чрезвычайно видная роль. На мѣсто крушенія съ экстреннымъ поѣздомъ выѣхалъ проф. В. Ѳ. Грубе съ нѣсколькими врачами и студентами 4-го курса, на пути въ Боркахъ встрѣтилъ санитарный поѣздъ съ пострадавшими и, перейдя въ него, сопровождалъ раненыхъ, осматривая ихъ и руководя оказаніемъ имъ медицинской помощи. Наиболѣе тяжело раненые въ числѣ 9 человѣкъ помѣщены были въ университетскую клинику подъ наблюденіе проф. В. Ѳ. Грубе, а 16—въ Александровскую больницу (при которой находится и госпитальная хирургическая клиника университета), подъ наблюденіе проф. И. К. Зарубина. Къ этому моменту въ исторіи Харьковскаго университета мы еще вернемся.

Когда, въ 1892 г., распространилась эпидемія холеры, то на борьбу съ нею не мало отправилось студентовъ-медиковъ. Наконецъ, когда вспыхнула война съ Японіей, то на Дальній Востокъ, кромѣ нѣкоторыхъ ординаторовъ, отправились, въ качествѣ санитаровъ, помощниковъ и сотрудниковъ врачей, и нѣкоторые студенты Харьковскаго университета, и извѣстно, съ какою энергіей, мужествомъ и самоотверженіемъ работали они тамъ.

Многіе профессора Харьковскаго университета этого періода являлись видными общественными дѣятелями, принимали самое живое

участіе въ общественныхъ и просвѣтительныхъ учрежденіяхъ. Развитіе и процвѣтаніе Общества грамотности, Общественной библіотеки, Пушкинскаго училища, курсовъ для рабочихъ неразрывно связано съ именами профессоровъ Харьковскаго университета. Предсѣдателями Общества грамотности были проф. А. П. Шимковъ, П. Т. Степановъ, В. Я. Данилевскій, М. П. Чубинскій, а предсѣдателемъ состоящаго при этомъ Обществѣ комитета по изданію книгъ для народа—проф. Д. И. Багалѣй; предсѣдателемъ правленія Общественной библіотеки—тоже Д. И. Багалѣй, при которомъ библіотека обогатилась собственнымъ домомъ; дѣятельными и, можно сказать, постоянными членами правленія Общественной библіотеки—прив.-доц. (нынѣ профессоръ) А. П. Грузинцевъ и прив.-доц. М. А. Масловъ, не говоря уже о другихъ (Н. Ѳ. Сумцовѣ, Е. К. Рѣдинѣ, А. П. Кадлубовскомъ, В. И. Саввѣ, Н. А. Гредескулѣ и проч.); попечитель Пушкинскаго училища—проф. Н. Ѳ. Сумцовъ; завѣдующій курсами для рабочихъ—проф. А. Н. Красновъ; предсѣдатель правленія Общества попеченія о нуждающихся учащихся въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ—проф. Е. К. Рѣдинъ. Въ думѣ, въ качествѣ гласныхъ, профессора Харьковскаго университета не рѣдко играли видную роль. Предсѣдательствующимъ въ думѣ долгое время состоялъ проф. И. К. Зарубинъ (теперь—Д. И. Багалѣй); городской голова—А. К. Погорѣлко—прив.-доц. университета и т. д. Но историкъ Харьковскаго университета не можетъ обойти молчаніемъ также и того факта, что въ образованіи и дѣятельности мѣстнаго отдѣла «Русскаго Собранія» и въ изданіи журнала «Мирный Трудъ» иниціаторами и главными дѣятелями явились тоже профессора (А. С. Вязигинъ, Я. А. Денисовъ, П. Н. Буцинскій и нѣкоторые друг.)[1]).

Харьковскій университетъ, возникшій благодаря сочувствію и поддержкѣ общества, продолжалъ и въ послѣдній періодъ своего столѣтняго существованія получать поддержку со стороны отдѣльныхъ лицъ и учрежденій въ видѣ различныхъ пожертвованій, премій, стипендій и т. п. О нѣкоторыхъ пожертвованіяхъ уже было упомянуто—напр. о пожертвованіи г. Эдельберга на астрономическую библіотеку, о библіотекахъ Сомовой, Матушинскаго, Джунковскаго, проф. Колмачевскаго, Сокальскаго, Зарубина. Были также пожертвованы книги профессора В. Ѳ. Грубе, Е. И. ф. Бейера, Н. А. Лавровскаго, М. Ѳ. Ковальскаго, Г. И. Лагермарка (для химической лабораторіи), бывшаго директора 2-й Харьковской гимназіи Н. Е. Скворцова (пожертвованы его вдо-

[1]) Нужно замѣтить, что большинство изъ тѣхъ профессоровъ, которые согласились было участвовать въ названномъ журналѣ, потомъ, когда обнаружились его характеръ и направленіе, отказалось отъ сотрудничества.

вою); получены книги тоже отъ бывшаго прив.-доц. В. В. Лапина, П. А. Малиновскаго (до 1500 книгъ и брошюръ), не говоря уже о пожертвованіяхъ преподавателями университета по одному или нѣсколько экземпляровъ изъ вновь выходящихъ сочиненій. Тутъ же слѣдуетъ отмѣтить также дары Великаго Князя Георгія Михаиловича, приславшаго мюнцъ-кабинету свои труды и изданія, и гр. И. Д. Делянова (экземпляръ полнаго Собранія Законовъ—для Юридическаго кабинета). Поступали въ даръ университету и разнаго рода коллекціи (напр.—древностей отъ свящ. Спѣсивцева, не говоря уже о тѣхъ древностяхъ, которыя достались университету послѣ XII Археологическаго съѣзда; коллекціи монетъ отъ Императорской Археологической Коммиссіи и отъ вдовы покойнаго проф. Ю. И. Морозова, бабочекъ—отъ вдовы лаборанта г. Ярошевскаго, шкуръ птицъ—отъ проф. А. М. Никольскаго, горныхъ породъ и окаменѣлостей—отъ проф. А. В. Гурова и проч.). Покойный проф. А. Г. Подрезъ завѣщалъ свой домъ университету. И. Г. Харитоненко, пожертвовавшій, какъ упомянуто, на потребности университета зданіе и на стипендіи 50000 р. [1]), предоставилъ, кромѣ того, 2000 р. въ распоряженіе директора Археологическаго института, сенатора Н. В. Калачова, на описаніе Историческаго архива, состоящаго при Харьковскомъ Историко-Филологическомъ Обществѣ; г. Федоровскій пожертвовалъ 3000 р. на учрежденіе стипендій, Ѳ. А Павловскій—2500, В. И. Левковичъ—5200р. на учрежденіе стипендій имени императора Александра III въ память событія 17 октября 1888 г.; Г. И. Ткачевъ—75000 р. на преміи и стипендіи; дворянство Войска Донского—7000 р. на стипендіи имени ген.-майора Д. И. Орлова; А. Г. Бѣлокопытовъ—27000 р. на 4 стипендіи его имени; присяжный повѣренный Н. И. Богомоловъ, бывшій воспитанникъ Харьковскаго университета,—11000 р. для учрежденія преміи его имени за лучшее сочиненіе по уголовному или гражданскому праву, написанное окончившимъ курсъ въ Харьковскомъ университетѣ, и на уплату за слушаніе лекцій за 4 студентовъ; А. А. Бантышъ—50000 р. для учрежденія 5 стипендій; М. Х. Гельферихъ—12000 р.; М. К. Есикорская 6000 р. (то и другое завѣщано на стипендіи на физ.-матем. фак.); М. И. Шедеви—9500 р. на нужды недостаточныхъ студентовъ; Н. А. Хрущова—12000 (7000—на стипендіи, а 5000—на освобожденіе отъ платы за слушаніе лекцій); 8000—отъ М. С. Косенко для учрежденія преміи имени Лелюка; 5000—отъ И. О. Рубинштейна на стипендіи; отъ Е. П. Абрамовой—3000; Е. И. Марковской—5000 на стипендіи имени М. И. Марковскаго. На собранную по

[1]) См. выше, стр. 293.

подпискѣ сумму при Историко-Филологическомъ Обществѣ учреждена премія имени бывшаго профессора и предсѣдателя Общества, А. А. Потебни, выдаваемая студентамъ за лучшія сочиненія на данныя темы изъ области спеціальныхъ занятій покойнаго ученаго. Въ 1899 г. сослуживцами и почитателями бывшаго профессора и ректора Харьковскаго университета М. М. Алексѣенка собрано 2073 р. для учрежденія преміи его имени и пр. Полтавское земство дало Историко-Филологическому Обществу субсидію въ 300 р. на изданіе сборника пѣсенъ Лубенскаго уѣзда, составленнаго г. Милорадовичемъ. Въ день годовщины основанія университета, 17 января, обыкновенно замѣчается особенный притокъ пожертвованій: въ пользу недостаточныхъ студентовъ изъ разныхъ городовъ отъ лицъ и учрежденій присылаются болѣе или менѣе значительныя суммы, собираемыя отъ концертовъ и вечеровъ или просто жертвуемыя; напр., въ 1903 г. такихъ суммъ поступило 16052 р. 85 к. Недавно Луговской завѣщалъ большую часть своего состоянія, оцѣниваемаго въ 80—100 т., въ пользу Общества пособія нуждающимся студентамъ.

Въ заключеніе этого обзора необходимо упомянуть о моментахъ, которые выходили изъ сферы обыденной университетской жизни, на которые университетъ отзывался или въ которыхъ онъ игралъ видную роль.

Въ ряду ихъ особенно памятнымъ является 17 и 19 октября 1888 г. 17 октября названнаго года, какъ извѣстно, произошло крушеніе Императорскаго поѣзда близъ Борокъ и спасеніе Государя и Его семьи отъ угрожавшей опасности. Въ дѣлѣ оказанія медицинской помощи пострадавшимъ при этомъ Харьковскій университетъ, какъ мы видѣли, принялъ самое дѣятельное участіе.

19 октября Императоръ Александръ III и Императрица Марія Ѳеодоровна съ Наслѣдникомъ, нынѣ царствующимъ Императоромъ Николаемъ Александровичемъ, и Великимъ Княземъ Георгіемъ Александровичемъ посѣтили университетскую хирургическую клинику, гдѣ находились раненые при катастрофѣ, затѣмъ университетскую церковь и госпитальную клинику при Александровской больницѣ, въ которой также помѣщены были раненые. Въ хирургической университетской клиникѣ, при обходѣ раненыхъ, необходимыя объясненія давалъ проф. В. Ѳ. Грубе вмѣстѣ съ ординаторами, а въ Александровской больницѣ—проф. И. К. Зарубинъ. Объ этомъ посѣщеніи имѣются подробныя воспоминанія очевидца—проф. В. Ѳ. Грубе[1]). До нѣкоторой степени 19 октября

[1]) См. его «Врачебн. помощь при крушеніи Императорскаго поѣзда 17 окт. 1888 г.» Харьк. 1889 г., перепеч. во II т. «Старины и Новизны», стр. 339 сл.

1888 г.—посѣщенію хирургической клиники Императоромъ Александромъ III—Харьковъ, какъ уже упомянуто[1]), обязанъ постройкой новыхъ университетскихъ клиникъ.

Не разъ въ Харьковскомъ университетѣ происходили торжественныя собранія и публичныя засѣданія совѣта или состоящихъ при университетѣ Обществъ, по поводу чествованія выдающихся дѣятелей, при чемъ произносились и соотвѣтствующія рѣчи: такъ, чествовалась память апостола славянъ Меѳодія, Сергія Радонежскаго, В. Н. Каразина[2]) (Истор.-Филол. Обществомъ), знаменитаго геометра Н. И. Лобачевскаго (Математ. Обществомъ), мѣстнаго философа Г. С. Сковороды (Историко-Филологическимъ Обществомъ, которое, не ограничившись устройствомъ публичнаго засѣданія и произнесенными въ немъ рѣчами, издало собраніе сочиненій Сковороды, первое полное, на основаніи всѣхъ извѣстныхъ рукописей, съ біографіей философа, составленной его другомъ Ковалинскимъ и со статьями Д. И. Багалѣя, А. С. Лебедева, Ѳ. А. Зеленогорскаго), А. С. Пушкина (при чемъ по постановленію совѣта изданъ Сборникъ статей и изслѣдованій о Пушкинѣ, съ присоединеніемъ неизданныхъ, хранящихся въ рукописномъ отдѣленіи университетской библіотеки матеріаловъ), Жуковскаго, Гоголя и друг. Чествовалась память и мѣстныхъ профессоровъ, въ особенности, напр., А. А. Потебни (Историко-Филологич. Обществомъ), Д. И. Каченовскаго (Юридич. Обществомъ), К. К. Гаттенбергера (тоже), А. И. Кирпичникова (Историко-Филологич. Обществомъ).

По поводу исполнявшихся 25-лѣтій, 30-лѣтій дѣятельности и т. под. привѣтствовались дѣятели университета. По широкому участію не только университетской молодежи, но и населенія гор. Харькова особенно выдавалось чествованіе нашего извѣстнаго окулиста Л. Л. Гиршмана (въ сент. 1895 г.), которому устроенъ былъ дотолѣ невиданный въ Харьковѣ факельцугъ.

Въ августѣ 1897 года Харьковскій университетъ посѣтили члены VII Международнаго Геологическаго конгресса, въ числѣ 92 лицъ. Сначала они прибыли въ торжественный залъ университета, гдѣ ихъ привѣтствовалъ ректоръ М. М. Алексѣенко рѣчью на французскомъ языкѣ; потомъ они посѣтили минералогическій и геологическій кабинеты, гдѣ они были привѣтствованы проф. А. С. Бріо и А. В. Гуровымъ.

А въ августѣ (съ 15 по 27) 1902 г. въ стѣнахъ университета происходилъ XII-й Археологическій съѣздъ, *первый ученый съѣздъ въ*

[1]) См. выше, стр. 294.

[2]) Въ настоящее время печатается собраніе писемъ, сочиненій и проектовъ В. Н. Каразина.

Харьковъ. Университетъ и состоящее при немъ Историко-Филологическое Общество, какъ уже извѣстно [1]), приняли самое дѣятельное участіе въ его организаціи. Образовано было мѣстное отдѣленіе Предварительнаго комитета по устройству съѣзда, подъ предсѣдательствомъ проф. Д. И. Багалѣя и при секретарѣ проф. Е. К. Рѣдинѣ. Въ составъ его вошли почти всѣ преподаватели историко-филологическаго факультета и большинство членовъ Историко-Филологическаго Общества. Образованная послѣднимъ этнографическая коммиссія вошла потомъ въ составъ Предварительнаго комитета. Общее число членовъ мѣстнаго отдѣла было 62; изъ нихъ больше половины (38)—преподаватели Харьковскаго университета. Задача была не легка. Вообще, тяжелыя подготовительныя къ съѣздамъ работы въ данномъ случаѣ усложнялись тѣмъ, что Харьковъ не имѣлъ почти никакихъ коллекцій древностей и Харьковская губернія въ археологическомъ отношеніи представляла terra incognita [2]). Къ работѣ необходимо было привлечь всѣ живыя научныя общественныя силы мѣстнаго района. Эту задачу могъ выполнить только Харьковскій университетъ съ учеными силами всѣхъ его факультетовъ и съ состоящими при немъ учеными обществами. «Только подъ авторитетной эгидой университета, Харьковскій Предварительный комитетъ, состоявшій, главнымъ образомъ, изъ его преподавателей, и могъ выполнить свою нелегкую задачу». Комитетъ, выработавъ программу по собранію древностей и свѣдѣній о нихъ, озаботился широкимъ ея распространеніемъ и получилъ болѣе 1000 отвѣтовъ; онъ вошелъ въ сношенія съ комитетами и коммиссіями, образованными въ другихъ городахъ, и устроилъ рядъ экскурсій для собиранія матеріаловъ и производства раскопокъ, напр. для изслѣдованія первобытныхъ древностей, для собиранія этнографическихъ коллекцій, для собиранія церковныхъ древностей и памятниковъ письменности. Изъ преподавателей Харьковскаго университета раскопки вели: Д. И. Багалѣй, В. Е. Данилевичъ, А. М. Покровскій, Е. П. Трифильевъ, Л. Ю. Шепелевичъ (послѣдній — въ Витебск. губ.); экскурсіи по собиранію этнографическихъ матеріаловъ совершали: Н. Ѳ. Сумцовъ, А. Н. Красновъ, М. Е. Халанскій, церковныхъ древностей — Е. К. Рѣдинъ; а по собиранію документовъ—служащій въ библіотекѣ Д. П. Миллеръ и архиваріусъ Е. М. Ивановъ. На призывъ комитета относительно присылки предметовъ на выставки откликнулись всѣ слои общества; особенно много предметовъ поступило отъ духовенства на выставку церковныхъ древностей. Этнографическій отдѣлъ явился впервые на Харьковскомъ съѣздѣ; онъ устроенъ былъ на средства южныхъ земствъ. Вообще

[1]) См. стр. 320.

[2]) Изъ Отчета комитета. См. Извѣстія XII Арх. съѣзда, стр. 21 сл.

съѣзду оказана была и значительная матеріальная поддержка университетомъ, общественными учрежденіями и отдѣльными лицами [1]). Разнообразная научная дѣятельность комитета нашла себѣ выраженіе въ печатныхъ его трудахъ, изданныхъ къ съѣзду, каковы каталогъ всѣхъ отдѣловъ выставки, 2 т. «Трудовъ Харьковскаго Предварит. Комитета»; Историко-Филологич. Общество посвятило XIII-й томъ своего «Сборника» археологическимъ и археографическимъ изслѣдованіямъ и матеріаламъ и, кромѣ того, издало 2 выпуска «Южно-русскаго орнамента» г-жи *Литвиновой*. Харьковскій университетъ гостепріимно предоставилъ съѣзду свои помѣщенія. Засѣданія съѣзда происходили въ торжественной залѣ или въ аудиторіи № 1; выставки церковныхъ древностей и первобытныхъ устроены были въ аудиторіяхъ, а этнографическая—въ залахъ новаго зданія библіотеки. Гостямъ—депутатамъ на съѣздѣ—предоставлено было помѣщеніе въ только-что отстроенномъ тогда зданіи студенческаго общежитія.

Вообще при устройствѣ съѣзда въ Харьковѣ сказалась дружная работа университета и общества. «Только благодаря этому всеобщему сочувствію, мы и могли сдѣлать то, что̀ сдѣлали», говорилъ проф. Д. И. Багалѣй въ заключеніе прочитаннаго при открытіи съѣзда отчета мѣстнаго Предварительнаго комитета. «Сочувствіе мѣстнаго общества къ Харьковскому университету не является чѣмъ-то случайнымъ: нашъ университетъ возникъ благодаря матеріальнымъ пожертвованіямъ, сдѣланнымъ всѣми слоями общества, подвинутаго къ тому незабвеннымъ В. Н. Каразинымъ. И съ того момента почти цѣлое столѣтіе связь университета съ обществомъ не прерывалась: она пріобрѣла характеръ устойчивой традиціи, усиливавшейся въ одни моменты, нѣсколько ослабѣвавшей въ другіе. На нынѣшнюю помощь и содѣйствіе общества мы позволяемъ себѣ смотрѣть, какъ на интенсивное проявленіе этой традиціи, вызванное потребностью даннаго момента. Харьковскій университетъ до сихъ поръ сравнительно мало занимался археологическими и этнографическими изслѣдованіями края, хотя и здѣсь нѣкоторая преемственность существовала: В. Н. Каразинъ, ректоръ Рижскій, проф. Успенскій, Аристовъ, Морозовъ, знаменитый лингвистъ и этнографъ А. А. Потебня—поддерживали эту нить,—и вотъ теперь, когда, благодаря устройству съѣзда въ Харьковѣ, явилась возможность произвести эти изслѣдованія въ широкихъ размѣрахъ, оказались на лицо и ученыя силы, и матеріальныя средства, и поддержка общества»[2]). Отчетъ

[1]) Отъ университета получено до 3000, отъ Историко-Филологическаго Общества болѣе 1200 р.

[2]) Извѣстія XII Арх. съѣзда, стр. 23—24.

Московскаго Предварительнаго комитета, прочитанный предсѣдателемъ съѣзда, граф. П. С. Уваровой, констатируетъ «крайне благопріятную особенность съѣзда» въ Харьковѣ, «чуждую доселѣ чисто русскимъ городамъ,—именно горячее участіе городского управленія»[1]).

Въ самыхъ занятіяхъ съѣзда, число членовъ котораго доходило до 400, преподаватели Харьковскаго университета принимали самое дѣятельное участіе. Предсѣдателемъ ученаго комитета съѣзда избранъ былъ проф. Д. И. Багалѣй; проф. Н. Ѳ. Сумцовъ, Е. К. Рѣдинъ, А. Н. Красновъ были избраны предсѣдателями соотвѣтствующихъ секцій; прив.-доц. В. И. Савва, А. П. Кадлубовскій, Е. П. Трифильевъ, В. Е. Данилевичъ избраны были учеными секретарями или секретарями секцій. Многіе профессора Харьковскаго университета избирались въ почетные предсѣдатели на отдѣльныя засѣданія. Преподавателями университета прочитаны многочисленные доклады и т. д.

По общему признанію, съѣздъ въ Харьковѣ удался и превзошелъ всѣ ожиданія. По словамъ предсѣдателя съѣзда, гр. П. С. Уваровой, сказаннымъ предъ прочтеніемъ отчета въ послѣднемъ засѣданіи, «занятія съѣзда окончены, но воспоминанія о немъ останутся самыя пріятныя». XII Археологическій съѣздъ можетъ считаться вполнѣ удавшимся, говорится далѣе въ отчетѣ[2]). Онъ положилъ начало изслѣдованію «Половецкой степи»; онъ привлекъ новыхъ работниковъ по археологіи[3]); благодаря ему, положено начало археологическому и этнографическому музеямъ при Харьковскомъ университетѣ. Съѣздъ былъ обставленъ такъ, что не остается желать ничего лучшаго: наблюдалось любезное отношеніе университетскаго начальства, дружная работа всѣхъ участниковъ, подъемъ духа въ городѣ, выразившійся, между прочимъ, въ посѣщеніи организованной при съѣздѣ выставки. Съ 16 по 24 августа ее посѣтили 55236 чел. безплатно; кромѣ того, 602 учащихся и 921 платныхъ посѣтителей. Посѣщали выставку и интеллигентныя лица, и простой народъ,—фактъ необычный[4]). Словомъ, не говоря уже о спеціальныхъ изслѣдованіяхъ и научныхъ результатахъ, съѣздъ вызвалъ интересъ къ старинѣ въ самомъ обществѣ, въ народной даже массѣ.

Въ подготовительныхъ работахъ къ слѣдующему Археологическому съѣзду, назначенному въ Екатеринославѣ, многіе преподаватели Харь-

---

[1]) См. Изв. XII Арх. Съѣзда, стр. 19.

[2]) Тамъ же, стр. 223 сл.

[3]) Одну изъ самыхъ важныхъ и интересныхъ раскопокъ (въ Салтовскомъ городищѣ) произвелъ народный учитель г. Бабенко; дѣятельное участіе въ нѣкоторыхъ раскопкахъ принимали гимназисты г.г. Ефименко и Воронецъ.

[4]) Тамъ же, стр. 235.

ковскаго университета и Историко-Филологическое Общество приняли также болѣе или менѣе дѣятельное участіе, производили раскопки (Д. И. Багалѣй, В. И. Данилевичъ, Е. П. Трифильевъ, Е. К. Рѣдинъ, Е. М. Ивановъ) и т. д.

Въ послѣдній періодъ, т. е. въ теченіе двадцатилѣтія, съ 1884 по янв. 1905 г., происходитъ, какъ мы видѣли, замѣтный *внѣшній* ростъ Харьковскаго университета—увеличеніе его преподавательскаго персонала и числа студентовъ, хотя не безъ колебаній, расширеніе его помѣщеній и улучшеніе нѣкоторыхъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій. Для внутренней же жизни университета въ этотъ періодъ условія были вообще неблагопріятны. Тѣмъ не менѣе и въ эти тяжелые годы Харьковскій университетъ сдѣлалъ не мало для развитія науки и просвѣщенія; а если мы вспомнимъ, при какихъ условіяхъ ему приходилось выполнять свою миссію, то мы еще болѣе должны будемъ оцѣнить его заслуги, какъ очага просвѣщенія и разсадника науки въ «полуденномъ» краѣ Россіи.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

УКАЗАТЕЛЬ.

Абрамова Е. П. 323.
Авиловъ, ст. 159.
Автономія у-та (см. Самоуправленіе).
Адамовичъ Д. Г., ад. 51, 60—1, 168.
Аделунгъ, акад. 7, 75.
Адъюнкты 10, 16, 32, 38—9, 40, 55, 57, 124, 174, 179.
Академія наукъ 152.
Акерсданкъ, поч. чл. 132.
Александровъ А. И., пр.-доц. 277.
Александръ I, Имп. 7, 10, 16, 18, 20, 27, 29, 35, 102, 108, 117.
Александръ II, Имп. 52, 120, 121, 129, 130, 134, 147, 163, 164, 172, 188, 231, 293.
Александръ III, Имп. 243, 235, 293—4, 321, 323—4.
Алексѣевъ В. 213.
Алексѣевъ А. А., пр.-доц. 280.
Алексѣенко М. М., пр. и попеч. 234, 236, 248, 254—5, 280, 294, 318, 324—5.
Алексѣевскій В. П., пр.-доц. 278.
Алферовъ 5, 216, 306.
Альбицкій А. А., проф. 279.
Альбовскій Е. А. 217, 317.
Альбрехтъ Ф. К., проф. 133, 142—3, 169, 187, 193.
Альманахи 101, 111.
Альфонскій, поч. чл. 132.
Алякритскій Н. И., инсп. 270.
Андре 74.
Андреевъ А. К., проф. 194, 257, 278, 318—19.
Андріевскій, маг. 53.
Аникѣевъ, куп. 6.
Анрепъ В. К., проф. и поп. 254, 282.
Ансильонъ, поч. чл. 38.
Анфимовъ Я. А., проф. 267, 280—1, 320.
Анциферовъ А. Н., пр.-доц. 280.
Аракчеевъ 18, 38.
Арендтъ Н. Ѳ., поч. чл. 132.
Аристовъ Н. Я., проф. 197, 337.
Арнольди В. М., проф. 279.
Артемовскій-Гулакъ П. П., проф. 21, 40, 61, 70, 93, 104, 109, 111—113, 130—133, 137, 150, 168, 170.
Архангельскій Н. М., проф. 40, 51, 65—6, 71, 80, 84, 93, 123, 167.
Архивъ Историческій 216—17, 228, 296, 298, 300, 317, 319, 323.
Аудиторіи 189, 192, 236, 299.
Бабенко, уч. 328.
Бабичевъ А. К., ад. 36, 63, 71—2, 168.
Багалѣй Д. И., проф. 116, 172, 188, 217, 243, 257, 260, 267—8, 278, 298—299, 312, 318, 322, 325—329.
Байковъ М. А., проф. 21, 35, 40, 53, 65—6, 96, 98—9, 168.
Бакай Н. Н. 298.
Балашовъ, уч. 69.
Балашовъ, поч. чл. 38.
Балясный Я. О. 168, 297.
Бантышъ А. А. 323.
Барабашевъ П. Н., проф. 282, 297.
Баранниковъ И. А., пр.-доц. 282.
Баренлтъ, ад. 10, 60.
Барятинскій, поч. чл. 132.
Бахтинъ, вице-дир. деп. 167.
Бахтинъ, губ. и поч. чл. 37, 42, 83.
Безбородко, поч. чл. 37, 103.
Безсоновъ П. А., проф. 251, 277—8.
Бейеръ Е. И., проф. 133, 138, 163, 206, 211, 322.
Бекетовъ Н. Н., проф. 139, 149, 153, 193, 198, 201, 204—5, 211, 215, 220, 223, 269, 272, 279, 319.
Бекетовъ А. Н., проф. 133, 139, 155.
Беленъ-де-Баллю Я. Н., проф. 9, 11, 31, 37, 39, 41, 43, 49, 59, 60, 68—70, 77—9, 81, 98.
Беллинъ Э. Ѳ., прив.-доц. 280, 282.
Бенкендорфъ, поч. чл. 38.
Бергъ Л. І., прив.-доц. 282.
Береславскій, ст. 306.
Берестовскій, ст. 306.
Бецкій И. Е. 170—1, 216.
Биберштейнъ, поч. чл. 37.
Библіотека у-та 8, 16, 44, 72, 73—4, 113, 174, 179, 183, 204—5, 207, 209, 217, 228, 234, 269, 296—7, 301, 322.
Библіотека общественная 228, 320, 322.
Блюменталь А. И., проф. 36, 67, 81.
Богдановъ А. В., проф. 281.
Боголѣповъ Н. П., мин. 259, 270, 286, 304, 307, 309, 314—315.

Богомоловъ М., ст. 160.
Богомоловъ Т. И., проф. 168, 281.
Богомоловъ Н. И. 323.
Богородицкій О. П., проф. 35, 67.
Бодуэнъ-де-Куртене 195, 197.
Болгаревскій М. П., ад. 44, 50, 67.
Болтинъ, ст. 306.
Больница студенческая 73.
Больница Александровская 294.
Борзенковъ Д. С., проф. 51, 59, 71, 84, 106, 168.
Борисякъ Н. Д., проф. 133—4, 139, 143, 149, 151—4, 159, 168—9, 212, 215, 217.
Боткинъ, поч. чл. 193.
Бразоль, маг. 81.
Брандейсъ Г. Ф., проф. 36, 66, 70—1.
Брандтъ Ѳ., поч. чл. 132, 150, 152.
Брандтъ А. Ѳ., проф. 267, 279.
Брауштейнъ О. П., пр.-доц. 282.
Бріо А. С., проф. 248, 279, 325.
Бродовичъ І. А., проф. 278.
Брозинъ, поч. чл. 38.
Бруевъ А. Я., проф. 248, 281, 319.
Будзинскій, ст. 306.
Бузескулъ В. П., проф. 243, 248, 260, 278, 312, 318.
Булгаковъ, поч. чл. 38.
Буле 200.
Бунге Н. Я., поч. чл. 268.
Бурдахъ 33.
Буслаевъ Ѳ. И., поч. чл. 227, 268.
Буткевичъ Т. И., проф. 277, 307.
Бутковскій П. А., проф. 66—8, 133, 141, 149, 158.
Бутурлинъ, поч. чл. 37.
Буцинскій П. Н., проф. 278, 322.
Бушъ, поч. чл. 37.
Буяльскій, поч. чл. 132.
Бычковъ А. Ѳ. 251.
Вѣгичевъ, поч. чл. 38.
Вѣлецкій М., ст. 182.
Вѣлецкій, ст. 307.
Вѣлокопытовъ А. Г. 323.
Вѣлоусовъ А. К., проф. 267, 280—1.
Вѣлоусовъ Н. Ѳ., проф. 267, 279.
Бэръ, поч. чл. 150, 193.
Вагнеръ И. К., проф. 168, 223, 281.
Валицкій А. О., проф. 53, 123, 126, 133, 136, 143—6.
Валуевъ, мин. 221.
Ванновскій П. С., мин. 259, 266, 316.
Ванноти Л. О., проф. 41—2, 66—8.
Ванцетти Т. Л., проф. 132—4, 142, 149—150, 169.
Вапеусъ, поч. чл. 133.
Варвинскій 167.
Василенко Н. П. 317.
Васильевъ Е. А., проф. 10, 24, 28, 42, 44, 46, 65—6, 68, 72, 104, 105.
Васильевъ Н. И., пр.-доц. 282.
Вейнбергъ П. И. 159, 160, 168.
Венедиктовъ А. С., проф. 24, 27, 40, 44—5, 52, 66, 70—1, 83, 89, 96, 99, 100, 167.
Вербицкій 111.
Веретенниковъ, ст. 307.
Вернадскій 153.
Веселовскій А. Н., поч. чл. 268.
Визитаторы, визитаціи 15, 55, 102, 104—5.
Вилкомирскій И. О., проз. 133, 141.
Вилье, поч. чл. 38.
Вилькенъ 33.
Вирховъ, поч. чл. 154, 220.
Витковскій, уч. 10, 69, 115.
Вишневскій К. Ф., проф. 142.
Віельгорскій, поч. чл. 38.
Владиміровъ Л. Е., проф. 214, 230, 280.
Вліяніе у-та на общество 101—115, 165—171, 213, 317—20.
Вогюэ, поч. чл. 268.
Волконскій, поч. чл. 38.
Вольнеръ В. О., инсп. 270.
Вольфъ 33.
Воробьевъ, ст. 306—7.
Воронецъ 328.
Воронинъ М. С., поч. чл. 269.
Воронцовъ-Вельяминовъ Н. П., поп. 191, 253—4.
Воскресенскій В. Ф., поп. 230, 282.
Востоковъ А. Х., поч. чл. 132.
Врееде, поч. чл. 132.
Высоковичъ В. К., проф. 282.
Вязигинъ А. С., проф. 278, 322.
Гавронскій Н. Д., проф. 282.
Газеты 109—110, 214.
Гайне, поч. чл. 37.
Галицкій Н. Д., проф. 142.
Гальперинъ, ст. 306.
Гамперле, ад. 10, 41, 62—3.
Ганка Вяч. 151.
Ганнотъ Я. Н., доц. 168.
Ганъ Ф. И., проф. 67, 133, 142, 169.
Гарничъ-Гарницкій Ф. М., проф. 134, 154—5, 168, 201, 205, 213, 223.
Гаттенбергеръ К. К., проф. 205, 234, 236, 272, 280, 325.
Гауффъ 33.
Гвоздевъ 167.
Гевличъ 53, 167.
Геевскій 69.
Гежелинскій, вице-губ. 100.
Геймъ, поч. чл. 37.
Гейне 48.
Гейнрихъ 33.
Геккель Э., поч. чл, 268.
Гельмгольцъ, поч. чл. 193.
Гельмерсенъ, поч. чл. 132, 150, 152.

Гельферихъ М. Х. 323.
Георгіевскій А. И. 249, 254, 281.
Георгъ 33.
Гесъ-де-Кальве 35, 43, 53, 81, 115.
Гете, поч. чл. 33, 38.
Гизе Ф. И., проф. 10, 31, 42—3, 49, 64, 70, 80, 83, 85, 104.
Гильбертъ, поч. чл. 37.
Гильдебрандтъ 33.
Гимназіи 4, 15, 24, 55, 87, 103, 106, 113, 145, 157, 165, 211—12, 222.
Гиршманъ Л. Л., проф. 260, 267—8, 272, 282, 295, 312, 317, 325.
Гладстонъ, поч. чл. 132.
Глазовъ В. Г., мин. 268.
Глейзеръ, 306.
Гленъ, уч. 308.
Гнѣдичъ И. О., ад. 52, 66.
Говоруха-Отрокъ 206, 232.
Гоголь 195—7.
Голенищевъ-Кутузовъ, поч. чл. 38.
Голицынъ А. Н., мин. 17—20, 35, 37, 43, 47, 79, 94—5, 97, 110, 146.
Головкинъ Ю. А., поп. 25—27, 30, 36, 38, 44, 57, 100, 116, 121—3, 125—6, 128, 131, 151.
Головкова 296.
Головковъ, ст. 307.
Головнинъ А. В., мин. 221—2.
Голубинскій Е. Е., поч. чл. 268.
Гольдинъ, ст. 306.
Гонораръ, г. система 246, 257—9, 264, 274—5, 287, 304.
Гонорскій Р. Т., ад. 60—1, 68, 81, 93, 109—112, 168.
Горголи, сенат. 44.
Гордѣенко Е. С. 36, 67, 70, 123, 132, 133, 139, 141, 149—50, 169, 193, 215.
Гордѣенко Г. С. 63, 70—1, 133, 140, 145, 151, 167—8.
Госпиталь военный 293.
Грабовскій, губ. 38, 167.
Граве Д. А., проф. 278.
Градовскій А. Д. 159, 168.
Грановскій 143.
Гребенка 111.
Гредескулъ Н. А., проф. 267, 280, 312, 320, 322.
Гренбергъ О. И., ад. 36, 61—2, 68.
Гренъ А. Н., пр.-доц. 278.
Грефе, поч. чл. 38.
Гречановскій, ст. 94.
Гречина Г. В., проф. 133, 138.
Грибовскій 53.
Григоровичъ 168.
Гриневичъ 43, 53, 81.
Громовъ Я. Н., проф. 51, 64—5, 67, 81, 83—4, 123, 167.
Гротъ, поч. чл. 132.
Грубе В. Ѳ., проф. 133, 142, 154, 193, 194, 204, 220, 223, 272, 281, 317, 321—2, 324.
Грузинцевъ А. П., проф. 267—8, 279, 312, 322.
Грунскій Н. К., пр.-доц. 278.
Губе, поч. чл. 132.
Гулевичъ В. С., проф. 281.
Гумбольдтъ Ал., поч. чл. 38.
Гумбольдтъ В., поч. чл. 38.
Гуровъ А. В., проф. 215, 267, 279, 307. 323, 325.
Гутъ И. И., проф. 33, 37, 43, 49, 65—6, 74, 81, 83.
Дабеловъ Р. Х., проф. 133, 141—2.
Давыдовъ И. И., поч. чл. 132.
Даневскій В. П., проф. 220, 232, 280.
Данилевичъ В. Е., пр.-доц. 278, 326, 328—9.
Данилевскій А. Я., проф. 168, 281.
Данилевскій В. Я., проф. 279, 281, 318, 322.
Даниловичъ И. Н., проф. 36, 63, 70—1.
Даунсъ, лект. 278.
Двигубскій 42, 65.
Дегай 43, 53, 81, 167.
Дегуровъ А. А., проф. 31, 33, 41, 43, 49, 53, 60—1, 65, 68, 81, 104—5.
Дейчъ, ст. 306.
Деканы 14, 31—2, 46, 120—1, 126, 147, 187, 234, 242, 245, 248—9, 263.
Деларю Д. М., проф. 134, 154—5, 168, 174.
Деларю Е. М., 168, 174.
Делленъ А. К., проф. 223.
Делицынъ С. Н., проф. 281.
Деляви́нь Ф. А., проф. 9, 34, 42, 64, 83, 104.
Деляновъ И. Д., мин. 189, 191, 229, 242, 244, 255, 257, 259, 286, 323.
Демидовъ, поч. чл. 38, 132.
Демонси К. А., проф. 133, 142, 153, 154—5, 169.
Денисовъ Я. А., проф. 267, 277, 322.
Де-Пуле 122, 128, 143—5, 148, 159, 168.
Деревицкій А. Н., проф. 277—8.
Джунковскій В. Я., проф. 21, 29, 31—2, 34, 50, 59, 65, 94, 96, 105, 111, 322.
Дилленъ Э. М., проф. 277.
Дипломы (торговля ими) 43, 53.
Диссертаціи 53, 76—7, 81, 126—8, 134, 198—9, 218—19, 251.
Дитятинъ И. И., проф. 233—4, 252, 270, 272, 280.
Дмитріевъ, мин. 37.
Добровскій, поч. чл. 37.
Добротворскій В. И., проф. 129, 133, 136, 141, 155, 172, 201, 213, 277.
Догель М. И., пр.-доц. 280.

Доктора почетные 194, 269.
Долгоруковъ Н. А., поп. 122, 126, 128, 131.
Долгорукій, кн. 188.
Донецъ-Захаржевскій В. М. 5—6.
Донецъ-Захаржевскій Д. А., поч. чл. 132, 164, 216.
Доносы 29, 41, 43—4, 53, 181, 185.
Дорнъ И. А., проф. 36, 49, 60, 68, 72, 77—8.
Дорофеевъ Н. Е., пр.-доц. 279.
Доценты 119, 174, 195, 199—200, 207—8, 246, 248—50, 264, 272—3.
Дочевскій С. И., дириж. 308.
Древности 83, 105, 323, 326—7.
Дрейсигъ В. Ф., проф. 33, 42, 49, 66, 68.
Дриновъ М. С., проф. 214, 220, 228, 277, 314.
Дубовицкій, поч. чл. 132.
Дубяга, ст. 307.
Дударевъ, проз. 133, 141.
Дудровичъ А. И., проф. 21, 29, 30, 34, 39, 43, 61—2, 70, 81, 91, 94, 96.
Дудукаловъ А. И., проф. 168, 281.
Дурново, губ. 230.
Духовный Вѣстникъ 155, 213—14.
Дыбскій В. А., пр.-доц. 279.
Дьяченко Н. А., проф. 65—6, 81, 133, 138, 167.
Дьячковъ, лект. 64—5.
Дюкъ-де-Ришелье, поч. чл. 37.
Евгеній, митр. 38, 128.
Евдокимовъ Н. Н., пр.-доц. 267, 278.
Еженедѣльникъ, газета 109.
Еллинскій Н. И., проф. 30, 35, 46, 66—7, 70—1, 80, 85, 167.
Енохинъ И. В., поч. чл. 132.
Епопкинъ, уч. 69.
Ерофеевъ 81.
Есикорская М. К. 323.
Ефименко П. С. 216—17.
Ефименко А. Я. 317.
Ефименко П. П. 328.
Жерве, поп. 231, 238.
Жиле 53, 81.
Житецкій П. И. 152.
Жмайловичъ, ст. 306.
Жуковскій В. А. 93, 113, 188, 307, 325.
Журавскій 231.
Журналы, журналистика 109—113, 213—14.
Завадовскій, мин., поч. чл. 10, 37.
Завадскій, ст. 160.
Загоровскій А. И., проф. 279, 280.
Загорскій, акад. 38.
Загурскій Л. Н., проф. 248, 279.
Зайкевичъ А. Г., проф. 267, 279.
Заксъ, ст. 182.
Заленскій, ст. 182.
Залѣсскій Н. Л., проф. 168, 219, 220, 281.
Залѣсскій В. К., проф. 279.
Запара 168.
Записки Харьковскаго у-та 192, 305—6, 317—18.
Зарубинъ И. К., проф. 134, 154—5, 174, 194, 228, 234, 248, 272, 282, 297, 317, 321, 322, 324.
Зарудный С. И. 167.
Засѣдатель непремѣнный правленія 14, 46, 116.
Затворницкій, чл. окр. с. 281.
Затеплинскій Т. М., проф. 35, 40, 51—2, 66, 167.
Захарашевичъ-Капустянскій 6.
Зачеты полугодій 290.
Зданія у-та (см. помѣщенія у-та).
Зейлеръ 32.
Зеленевъ И. Ф., проф. 281.
Зеленогорскій Ѳ. А., проф. 207, 277, 325.
Зелеръ В. Ф., пр.-доц. 279.
Зенгеръ Г. Э., мин. 267, 304.
Зернинъ А. П., проф. 133, 137.
Зиминъ І. А., проф. 133.
Зиновьевъ П. В., поп. 122, 126, 129, 163—4.
Золотаревъ И. Я., уч. 35, 40, 59, 93, 96, 168.
Ивановъ, уч. 65.
Ивановъ Е. М. 298, 326, 329.
Идельсонъ, ст. 306.
Изслѣдованія Харьк. края 9, 83, 326—8.
Иконниковъ В. С., проф. 198.
Иллинскій Т. С., проф. 133, 141, 153—5.
Имшенецкій В. Г., проф. 174, 205, 234, 269, 272, 289.
Иннокентій, еп., поч. чл. 127, 132.
Иноземцевъ Ѳ. И., поч. чл. 52, 90, 132, 167.
Инспекторы, инспекція 20—1, 99—100, 116, 118, 125, 129—30, 161—3, 175, 177, 180, 229, 233—39, 245, 256, 266, 269—70, 310, 314.
Институтъ для гражд. чиновн. 57, 69.
Институтъ педагогическій въ Харьковѣ 26, 55, 69, 136, 143, 156.
Институтъ педагогическій въ Дерптѣ 52—3, 134.
Институтъ профессорскій въ Дерптѣ 90, 119, 176.
Институтъ археологическій 323.
Институтъ гистологическій 198.
Институтъ медицинскій 156.
Институтъ технологическій 192.
Институтъ физическій 301.
Ирмеръ Г. Ю., лект. 278.
Испытанія дополнительныя 222.
Кабинеты 73—5, 114, 179—80, 188—9, 192, 204, 207—10, 234, 293, 302.

Кабинетъ агрономическій 179, 207, 209.
Кабинетъ акушерскій 207, 210.
Кабинетъ анатомическій 75, 179.
Кабинетъ архитектурный 179.
Кабинетъ астрономическій 74, 114, 179, 207, 210.
Кабинетъ геологическій и палеонтологическій 188, 207, 209—10, 296, 299.
Кабинетъ гигіены 209.
Кабинетъ гистологическій и эмбріологическій 188, 207, 210.
Кабинетъ зоологическій 74, 114, 179, 207, 209, 299.
Кабинетъ зоотомическій съ лабораторіей 188, 207, 299.
Кабинетъ естественной исторіи 72.
Кабинетъ минералогическій 73—4, 114, 207, 209.
Кабинетъ нумизматическій (минцъ-каб.) 75, 114, 299, 300, 323.
Кабинетъ общей патологіи 207, 210.
Кабинетъ офтальмологическій 207, 209.
Кабинетъ патологической анатоміи 209.
Кабинетъ практическихъ занятій при и.-ф. ф-тѣ 297, 307.
Кабинетъ практической механики 188, 209.
Кабинетъ рѣдкостей 74, 114.
Кабинетъ сравнительной анатоміи 180.
Кабинетъ судебной медицины 188—9, 207, 210.
Кабинетъ технологическій 74, 114, 179, 207.
Кабинетъ фармацевтическій 180.
Кабинетъ физическій 72, 74, 114, 179, 207, 209, 296, 299.
Кабинетъ физической географіи 188, 207, 209.
Кабинетъ физіологическій 188.
Кабинетъ химическій 179.
Кабинетъ электролечебный (Маньковскій) 207, 209.
Кабинетъ юридическій 299, 323.
Кадлубовскій А. П., пр.-доц. 277, 297, 322, 328.
Калачовъ Н. В. 323.
Калениченко И. О., проф. 85, 133, 139, 141, 149—51, 154, 167, 169, 193, 217.
Калькау А. Я., проф. 10, 50, 67—8, 80.
Каменевъ, куп. 6.
Каменскій, поч. чл. 38.
Каменскій И. П., проф. 50, 67, 81, 84, 98, 104—6.
Капустинъ 153.
Каразинъ В. Н. 1, 3—12, 21, 37, 75, 92, 103, 114, 190, 325, 327.
Карамзинъ Н. М. 33, 37, 78, 93, 113, 198.
Карасевъ, ст. 95.
Каретниковъ Я. Л., ад. 10, 64, 83.
Карнѣевъ З. Я., поп. 20—22, 28—9, 32, 35, 36, 84, 91, 94, 96, 97, 99, 111.
Карнѣевъ Е. В., поп. 21—3, 29, 38, 84, 89, 97.
Карповъ Г. Ф., проф. 198.
Кассо Л. А., проф. 279.
Катакази, поп. 122, 126, 129.
Катковъ 253.
Катковъ В. П., пр.-доц. 280.
Каховскій, поч. чл. 38.
Качеповскій Д. И., проф. 107, 130, 132—3, 141, 147—9, 153—5, 159, 165, 168, 172, 186, 197, 200—203, 212—14, 218—19, 222—4, 229, 325.
Каѳедры: число ихъ 54—6, 134—5, 173—4, 208; вакантность каѳедръ 36, 57—9, 124, 179, 195, 198—9, 200—2, 207—8; замѣщеніе каѳедръ 24, 36, 59—69, 195—99, 200—2, 273, 275, 282; раздѣленіе и соединеніе каѳедръ 134—5, 282—3; упраздненіе каѳедръ 56.
Квитка 3, 5, 6.
Квитка-Основьяненко Г. Ѳ. 93, 109—11, 170, 194.
Кенигъ І. І., проф. 133, 140.
Кеппенъ, поч. чл. 53, 83, 132, 167.
Кетле, поч. чл. 132.
Кирилловъ П. А., ад. 133, 139, 151, 168.
Кирпичниковъ А. И., проф. 188, 190, 194, 214, 228, 251, 278, 325.
Киселевъ А. Д., пр.-доц. 267—8, 280, 312.
Киселевъ Д. И., пр.-доц. 281.
Классъ приготовительный 9, 57, 69.
Классы своб. искусствъ 75, 114.
Клиники 56, 73, 75, 115, 188—9, 192, 204, 255, 257, 293—5, 300—1, 317, 325.
Клиника акушерская 75, 180, 207, 210, 294—5.
Клиника душевныхъ и нервныхъ бол. 300—1.
Клиника дѣтскихъ болѣзней 300—1.
Клиника кожныхъ и венер. болѣзней 300—1.
Клиника офтальмологическая 207, 209, 295.
Клиника терапевтическая 75, 169, 180, 294.
Клиника хирургическая 75, 180, 191, 207—9, 294, 321, 324—5.
Клобуцкій М. П., проф. 133, 140—1, 168.
Книгинъ И. Д., проф. 31, 42, 46, 50, 66, 70—1, 84, 104.
Кобденъ, поч. чл. 132.

Ковалевскій П. А. 3, 5.
Ковалевскій, канд. 43, 53, 81.
Ковалевскій А. О., поч. чл. 268.
Ковалевскій Е. П., мин. 120, 130.
Ковалевскій М. Ѳ. 322.
Ковалевскій П. И., проф. 248, 281.
Ковалевскій О. М., поч. чл. 132.
Ковалинскій 3.
Ковальскій М. Ф., проф. 168, 278.
Кованько С. И. 122.
Кожедубовъ, ст. 159.
Козодавлевъ, мин., поч. чл. 37.
Кокошкинъ С. А., поп. 122, 126, 128—132, 295.
Коллегіумъ Харьковскій 2—3, 87, 92.
Колмачевскій Л. З., проф. 278, 297, 322.
Колпакчи И. М., прив.-доц. 282.
Колумна-Вигура С. Г., ад. 66.
Кольбъ, поч. чл. 133.
Кольмейро, поч. чл. 132.
Колядинъ, маг. 53.
Командировки 9, 51—3, 83, 119—20, 126, 134, 149—155, 174, 194, 213, 276.
Коммиссіи испытательныя 246, 285, 289.
Коммиссія Императ. Археологическая 323.
Комитетъ по устройству у-та 9, 11.
Комитетъ по устройству XII Археол. Съѣзда 326—7.
Комитетъ училищный 15, 31, 46, 101—105, 118.
Комитетъ цензурный 15, 16, 47, 109, 118.
Комитетъ экзаменаціонный 57.
Комлишинскій В. С., проф. 51, 63—4, 71, 80—1, 84, 105, 123, 130, 167.
Конгрессъ международный геологическій 325.
Кондаковъ Н. П., поч. чл. 268.
Кондратьевъ, ст. 94.
Конкурсы 259, 276.
Кони А. Ѳ., поч. д-ръ 269, 320—1.
Константинъ Николаевичъ, В. Кн., поч. чл. 132.
Контрольскій, ст. 307.
Коритари Г. Г., проф. 33, 67, 81—2.
Кореницкій 171.
Короленко П. И. 317.
Корпусъ кадетскій 4.
Корсунъ Н., маг. 53, 81, 170—1.
Корфъ М. А., поч. чл. 132.
Коршъ Ѳ. Е., поч. чл. 268, 319.
Косачъ М. П., пр.-доц. 279.
Косенко М. С. 323.
Коссовичъ, поч. д-ръ 194.
Коссовъ И. К., проф. 133, 140, 143, 153—5, 163, 179, 204, 212—13, 215.
Костинъ, ст. 306.
Костомаровъ Н. И. 69, 90, 95, 121, 126—8, 143, 168, 170—1, 195—6.
Костырь Н. Т., проф. 135, 149, 152—3.
Костюринъ С. Д., проф. 281.
Котляревскій 93, 111—113, 171.
Котляровъ, канд. 138, 168.
Котельниковъ П. 167.
Кочетовъ В. А., проф. 130, 133—4, 140, 152, 154, 175, 181, 184, 187, 223.
Кочубей, мин., поч. чл. 7—8, 37.
Красновъ А. Н., проф. 279, 299, 307, 322, 326, 328.
Красовскій 5.
Красускій И. А., пр.-доц. 279.
Кремянскій Я. С., проф. 204, 219, 223, 228, 250.
Криворотовъ А. Г., ад. 62, 168.
Кригеръ В. Х., ад. 66—7, 123, 167.
Кригеръ М. И., ад. 63—4.
Криницкій И. А., проф. 36, 40, 64, 73—4, 85, 123, 125, 149—50.
Кронебергъ И. Я., проф. 23, 25, 26, 29—30, 35, 46, 60, 68—70, 77—8, 85, 98—9, 131, 133, 136, 148.
Кружокъ литературн. Палицына 3—4.
Крыловъ В. П., проф. 215, 234, 267, 281—2.
Крюковъ, чл. суд. пал. 281.
Кудрявцевъ 153.
Кузнецовъ А. Х., проф. 168, 205, 267—268, 281.
Кузнецовъ М. М., пр.-доц. 282.
Куколевичъ-Сакцинскій, поч. чл. 133.
Кульчицкій Н. К., проф. 248, 267, 281.
Куницкій П. А., проф. 31, 35, 40, 59, 71.
Куницынъ А. В., проф. 123, 130—1, 133, 140—1, 146, 149, 193.
Куплеваскій Н. О., проф. 256—7, 280, 318.
Купферъ А. Я., поч. чл. 132.
Кураевъ Д. И., проф. 281.
Кураторы 267.
Курсы, читанные въ у-тѣ 59—69, 135—143, 277—82, 288.
Курсы публичные 168, 319.
Курсы для женщинъ 320.
Курсы для рабочихъ 320.
Кутейниковъ, поч. чл. 38.
Кучеровъ, ст. 159.
Кучинъ К. З., проф. 281.
Кушелевъ-Безбородко, поч. чл. 132.
Лаборанты 174, 300, 302.
Лабораторіи 189, 192, 204, 234, 293, 299, 300.
Лабораторія зоотомическая 207.
Лабораторія техническая 207, 209, 210, 302.
Лабораторія фармацевтическая 75, 207, 209.

Лабораторія физіологическая 207.
Лабораторія физическая 296.
Лабораторія химическая 72, 74—5, 114, 207, 209, 296, 301.
Лабулэ, поч. чл. 132.
Лаваль, поч. чл. 38.
Лавровскій Н. А., проф. 107, 133, 135—6, 138, 149, 154, 160, 163, 165, 172, 180, 186—7, 194, 198, 200, 211, 213—14, 218—19, 269, 322.
Лавровскій П. А., проф. 133, 149, 153—5, 163, 196—8, 202—3, 218—219, 223, 228.
Лагермаркъ Г. И., проф. 193, 243, 256, 279, 320, 322.
Лагутинскій М. Н., пр.-доц. 278.
Ладыгинъ, поч. чл. 132.
Лазаревичъ И. П., проф. 220, 223, 282.
Ламанскій, поч. чл. 269.
Лангнеръ, книгопрод. 109.
Лангъ І. М., проф. 10, 34, 42, 61—3, 79, 81, 104.
Лапинъ В. В., пр.-доц. 278, 323.
Лапшинъ В. И., проф. 53, 139, 143, 149, 152—5, 158, 169, 172.
Латышевъ В. В., пр.-доц. 319.
Лашкевичъ В. Г., проф. 220, 223, 272, 281, 317.
Лащенковъ П. Н., пр.-доц. 282.
Лебедевъ А. С., проф. 201, 214, 223, 248, 269, 278, 325.
Лебедевъ П. И., проф. 129, 133, 136, 141.
Леваковскій Н. Ѳ., проф. 154, 159.
Леваковскій Ив. Ѳ., проф. 149, 160, 168, 215, 248, 269, 272, 279, 319.
Левандовскій А. Г., пр.-доц. 160, 168.
Левитскій В. Ф., проф. 260, 267, 280, 307, 312.
Левицкій, студ. 95.
Левицкій Г. В., проф. 269, 278, 295.
Левковичъ В. И. 323.
Левшинъ, ст. 94, 167.
Левшинъ Д. С., поп. 122, 129, 130, 193, 221.
Левшинъ А. И., поч. чл. 132.
Левшинъ, маг. 53.
Ледюкъ, уч. 69.
Лезинъ, ст. 306.
Лейкфельдъ П. Э., проф. 277.
Лекторы 10, 38, 54, 57—8, 68—9, 124, 174, 179, 207, 234, 272—3.
Лекціи публичныя 125, 177, 194, 212—213, 319, 320.
Лелюкъ 323.
Леляковъ 167.
Леоновъ И. Ф., ад. 66, 123, 167.
Ленцъ Э. А., поч. чл. 132.
Ливенъ, мин. 19, 53.
Ливскій Э. О., проф. 133, 137, 159.
Ливщицъ, ст. 306.
Лилеевъ, проф. 317.
Линде, поч. чл. 38.
Линкъ А. В., проф. 133, 142, 167.
Лобановъ-Ростовскій, поч. чл. 37.
Лобачевскій Н. И., 325.
Лобойко 168.
Ломиковскій М. М., проф. 248, 268, 281.
Лонгиновъ, губ. 167.
Лоранъ, поч. чл. 132.
Лоренцони, лект. 278.
Луговской 324.
Лукьяновичъ С. С., проф. 133, 136, 159.
Лукьянченко, ст. 306.
Лунинъ М. М., проф. 53, 123, 133, 136, 143—5, 148.
Любарскій, ст. 182.
Любовскій П. 43, 167.
Людвигъ, поч. чл. 193.
Лямбль Д. Ф., проф. 149, 154, 204, 223.
Ляпуновъ А. М., проф. 260, 272, 278, 319.
Ляпуновъ.Б М., пр.-доц. 277.
Львовъ М. П., проф. 140, 153.
Льюисъ, поч. чл. 132.
Магазины книжные 104, 114.
Магазинъ музык. 115.
Магистры магистран. 43, 53, 81, 273—4.
Магницкій 17—18, 21—3, 38.
Майковъ Л. Н. 251.
Майстеренко, маг. 53, 81.
Макарій, поч. чл. 132.
Маколей, поч. чл. 132.
Максимейко Н. А., проф. 267, 280, 297.
Максимовскій М. С., поп. 189—191, 219, 232—6, 248—9, 253.
Максимовъ Н. И., проф. 133, 140.
Макушевъ 196—7.
Мало, лект. 278.
Малиновскій П. А. 323.
Мамонтовъ 164.
Мандтъ М. М., поч. чл. 132.
Марковниковъ В. В., поч. чл. 269.
Марковская Е. И. 323.
Марковскій М. И. 323.
Марковъ Евг., ст. 159, 168.
Маркусъ М. А., поч. чл. 132.
Мартыновъ, поч. чл. 37.
Мартыновъ А. В., поч. чл. 281.
Масловичъ, д-ръ 53, 81, 109, 111—12.
Масловскій А. Ф., проф. 133, 139, 153—5, 223.
Масловскій, ст. 159.
Масловъ М. А., пр.-доц. 277, 322.
Матесъ, уч. 10, 69.
Матушинскій А. М. 168, 297, 322.

Мауреръ Э. К., проф. 36, 59, 71, 123, 136.
Мацѣевскій, поч. чл. 132.
Мейнерсъ, поч. чл. 33, 37, 59.
Мельниковъ-Разведенковъ Н. Ф., проф. 267, 281, 312.
Менделѣевъ, поч. чл. 193.
Метлинскій А. Л., проф. 95, 133, 135, 145, 149, 153, 158—9, 168, 170.
Мечниковъ И. 160, 182.
Мещерскій В. Ю., поч. чл. 132.
Мигулинъ П. П., проф. 267, 280.
Мизкъ 43.
Миклашевскій И. Н., проф. 257, 260, 280.
Миклошичъ, поч. чл. 133.
Миллеръ Д. П. 317, 326.
Милиновичъ С. П., ад. 59.
Милорадовичъ, этн. 324.
Милюковъ, поч. чл. 38.
Министры, министерство народнаго просвѣщенія 8, 16—22, 24—6, 31, 37, 40—3, 45, 53, 57, 99, 101, 119—120, 123, 125—128, 130, 146, 174—175, 181, 191—2, 195, 199, 211—12, 221—8, 231, 235, 242, 244, 249—252, 255, 257, 259—261, 266—268, 270, 274—6, 286—8, 290—2, 302, 304, 314.
Мирный Трудъ 322.
Миротворцевъ, ст. 306.
Миръ 214.
Мистики, мистицизмъ 21, 29, 94—5, 97, 99.
Михайловскій К. Ф., ад. 35, 63.
Михинъ П. В., проф. 282.
Мицкевичъ А. Н., проф. 133, 140—1, 158—9.
Мишуковъ, куп. 6.
Могилевскій А., проф. 36, 61, 71, 84, 123.
Молодыкъ 171.
Моль Р., поч. чл. 132.
Мордвиновъ, поч. чл. 37.
Моро-де-Жаннесъ, поч. чл. 133.
Морозовъ Ю. И. 134, 139, 154—5, 160, 168, 205, 213—14, 279, 323, 327.
Морозовъ П. И., проф. 281.
Музей изящныхъ искусствъ 171, 179, 190, 207, 209, 216, 298—301, 317.
Музей зоологическій 296.
Музей патологической анатоміи 188, 207, 209.
Музей физіологической анатоміи 207, 209.
Музей этнографическій (см. этнографія).
Мурчиссонъ, поч. чл. 132.
Мухинъ, поч. чл. 37.
Мякотинъ 317.
Наблюденія астрономическія 83, 85, 296.
Надлеръ В. К., проф. 160, 168, 203, 213—14, 218—220, 223, 248, 278.
Нарановичъ П. А., проф. 132, 133, 141—2, 149, 153, 169.
Нартовъ, поч. чл. 37.
Нахимовъ Ап. 94—5, 111—12.
Неволинъ К. А., поч. чл. 132.
Неклюдовъ 5.
Нелидовъ, поч. чл. 38.
Нельговскій, ст. 159.
Нельдехенъ К. К., проф. 33, 34, 42, 44, 49, 64—5, 104.
Нетолинскій, маг. 81.
Нетушилъ И. В., проф. 267, 277.
Никитенко 19, 120.
Никитинъ, поч. чл. 38.
Николаи, мин. 175, 235, 252.
Николай I, Имп. 19, 24—5, 27, 44—5, 90, 101, 117, 119, 122.
Никольскій А. М., проф. 279, 323.
Никоновъ С. П., проф. 267—8, 279, 312.
Новосильцевъ Н. Н., поп. 7, 10, 37.
Норовъ А. С., мин. 120, 132.
Нюренбергъ, ст. 306.
Обозрѣнія преподаванія 286—7.
Оболенскій И. Н., проф. 281.
Оболенскій кн., поч. чл. 38.
Обсерваторія астрономическая 72, 74, 188, 295—6.
Обсерваторія метеорологическая 188, 207.
Обсерваторія физическая 296.
Общежитіе 189, 271, 293, 296, 309—10, 315.
Общество Библейское 17, 20—1, 40, 96—7, 110.
Общество Вольное Экономическое 152.
Общество грамотности 322.
Общество испытателей природы 215, 318—20.
Общество историко-филологическое 215—16, 228, 317—20, 323—27, 329.
Общество любителей наукъ, философскій ф-тъ составляющихъ 96.
Общество любит. отечеств. словесн. 96.
Общество математическое 215, 318—320, 325.
Общество наукъ 84.
Общество научной медиц. и гигіены 318—320.
Общество опытныхъ наукъ 215, 318.
Общество пособія нуждающ. студ. 215, 238, 307, 309, 322, 324.
Общество ученое 110.
Общество физико-химическихъ наукъ 318—320.
Общество филотехническое 110.
Общество эпидеміологическое 215—16.
Общество юридическое 318—20, 325.

Оверъ А. И., поч. чл. 132.
Овсянико-Куликовскій Д. Н., проф. 260, 267, 272, 277, 318.
Одинецъ-Заставскій, канд. 94.
Ожигина, уч-ца 130.
Озерскій А. Ф., уч. 133, 140.
Озерецковскій, акад. 37.
Окуневъ, ст. 307.
Опенховскій Ѳ. М., проф. 281.
„Опыты въ сочиненіяхъ студ. И. Харьк. у-та“ 161.
Орловъ Л. В., проф. 281—2.
Орловъ, поч. чл. 38.
Орловъ Д. И., ген.-м. 323.
Орнатскій, проф. 133, 141.
Оршанскій И. Г., проф. 281, 312.
Осиповскій Т. Ѳ., проф. 9, 22, 28—9, 32, 34, 39, 42, 44, 46, 49, 65—6, 70, 79—82, 84—5, 91, 104, 110, 164, 176.
Осиповъ И. П., проф. 257, 267—8, 279, 320.
Остроградскій, поч. чл., 91, 132, 167.
Остроумовъ М. А., проф. 260, 267—8, 280.
Отвѣтъ Совѣта на вопросы объ измѣненіи устава 1884 г. 260—6, 269—270, 289—93, 300—1, 308, 310, 313—314.
Отдѣлъ педагогич. Ист.-фил. Общества 318.
Отношеніе у-та къ среднему и низшему образованію 101—107, 211—12.
Павелъ, еп. поч. чл. 36, 38, 97.
Павловы 6.
Павловъ В. А., пр.-доц. 282.
Павловскій А. Ѳ., проф. 51, 65, 70—1, 80, 105, 130—3, 167.
Павловскій Ѳ. А., 323.
Павловичъ Л. О., проф. 168.
Паки-де-Совиньи Н. Н., проф. 10, 34, 39, 59—60, 68, 71, 79, 81, 123—4.
Палладинъ В. И., проф. 279.
Палласъ, акад. 37.
Палацкій, поч. чл. 132.
Палицынъ 3—5, 37, 112.
Палюмбецкій А. И., проф. 130, 133, 140—1, 145, 187, 204, 214, 223.
Памфлеты 129.
Панинъ, пом. поп. 26, 84—5, 122.
Пансіоны 88, 157.
Пармантье, 33.
Парпура, ст. 94.
Парпура 164.
Парротъ 18.
Пасквили 100.
Пасси, поч. чл. 132.
Патенко Ѳ. А., проф. 282.
Пауловичъ К. П., проф. 30, 34, 36, 39, 62, 71, 99.
Пахманъ С. В., проф. 133, 140, 154, 174, 186, 206.
Пашковъ В. 144.
Пеликанъ, поч. чл. 132.
Пенскій Ю. Р., пр.-доц. 281.
Переверзевъ 167.
Період. сочин. объ успѣхахъ народ. просв. 17, 93.
Перовскій А. А., поп. 23, 29—30, 36, 38—40, 44, 52, 84, 99, 100, 188—90.
Петренко, пис. 171.
Петровъ М. Н., проф. 111, 133, 137, 153, 155, 159, 168, 196, 203, 211, 214, 218, 219, 278.
Пильгеръ Ѳ. В. проф., 31, 33—4, 45, 49, 67, 83, 111.
Пильчиковъ Н. Д., проф. 278.
Пироговъ Н. И., поч. чл. 132, 175—6, 194, 312—13.
Питомцы Харьков. у-та (выдающіеся) 167—8, 182.
Питра I, Альб. Сам. 142—3, 153, 155, 168, 220.
Питра П. Ад. С. 133, 139, 153, 168, 223, 228, 231, 234, 244, 279.
Піэтизмъ 16, 20, 109, 146—7.
Планы учебные 256, 265, 275, 283—4, 287, 289.
Платоновъ И. В., проф. 123, 133, 137, 140—141, 146, 158, 185, 193.
Плетневъ П. А., поч. чл. 132.
Плохинскій М. М. 217, 298, 317.
Погорѣлко А. К., пр.-доц. 191—2, 278, 322.
Подгоричани 6.
Подрезъ А. Г., проф. 281—2, 323.
Пожертвованія 1, 3—7, 10—11, 103, 189, 216, 293, 295—7, 322—4.
Покровскій А. М., пр.-доц. 279, 326.
Поликлиники душев., дѣтск. и накож. бол. 296.
Положеніе объ учебн. округахъ 117.
Положеніе о студентахъ и посторонних слушателяхъ 180.
Положеніе финансовое у-та (см. средства матеріальныя у-та).
Помяловскій И. В., поч. чл. 268, 289.
Помѣщенія у-та 5, 8, 9, 73—4, 128—9, 187—192, 224—5, 236, 269, 288, 293—299, 300—1, 305, 325.
Пономаревъ М. Д., проф. 267, 282.
Попечители 19—27, 36, 117—18, 121—3, 125—8, 129—131, 163, 177—8, 180—185, 188—191, 205, 212, 221, 229—236, 242, 245, 248—250, 253—4, 264, 286, 314.
Поповъ А. О., пр.-доц. 281.
Поповъ Б. В., пр.-доц. 280.
Поповъ М. А., проф. 248, 281.
Поповъ Н., ст. 182.

Поповъ С. А., проф. 281.
Поповъ, дир. уч. 104.
Поповъ, поч. ч. 38.
Порай-Кошицъ В. И., пр.-доц. 281.
Посѣщенія у-та Высочайшими Особами 129, 185—7, 255, 294, 324—5.
Потебня А. А., проф. 133—4, 136, 138, 149, 154—5, 160, 168, 174, 193—4, 205, 214, 216, 219, 272, 277, 279, 299, 319, 324—5, 327.
Потоцкій С. О., поп. 7—11, 19—20, 26, 33, 37—9, 56, 74—5, 100, 106, 114.
Правиковъ, ст. 159.
Правицкій Ѳ. М., проф. 35, 63—4, 168.
Правленіе у-та 14—15, 45—6, 245, 269.
Правленіе училищъ (главное) 7, 16, 17, 130.
Предначертаніе о Харьк. у-тѣ 5.
Предсѣдатели испытательныхъ коммиссій 289, 291—2.
Прейсъ, 151.
Преміи 323—4.
Прокопенко П. П., пр.-доц. 282.
Прокоповичъ, 11.
Протопоповъ М. Н., проф. 62, 95, 97, 123, 133, 138, 168.
Приватъ-доценты 195, 198, 208, 247, 264, 272—82, 288—9, 312.
Прозекторы 174.
Профессоры и преподаватели: личный составъ 9—10, 58—69, 133, 200—1, 277—282; число ихъ 57—8, 173—4, 179, 195, 202—4, 207, 272—3; научная подготовка 48—53, 134; выборы профессоровъ 32—6, 39—40, 195—8, 259; преподавательская дѣятельность 54—5, 59—72, 135—148, 184, 198, 200—4, 271, 273—5, 277—82, 288, 291; научно-литературная дѣятельность 41, 49, 76—81, 83—5, 92—3, 110—113, 148—155, 169—170, 213—14, 271; ученыя экспедиціи 149—154, 169 (см. командировки); просвѣтительная дѣятельность 107, 168—9, 213, 319—322; общественная дѣятельность 83—4, 169, 215, 321—2; отношеніе профессоровъ къ среднему образованію 211—212 (см. визитаторы); партійная борьба въ профессорской средѣ 41—5, 217—220; дѣятельность профессоровъ въ совѣтѣ (см. совѣтъ); выдающіяся имена профессоровъ 48—49, 51, 143—5, 148, 272; отзывы о профессорахъ современниковъ 69—72, 143—6, 148.
Промоціи ученыя, 53.
Пузановъ, ст. 160.
Пушкинъ А. С. 93, 113, 145, 194—5, 325.
Пшеборскій А. П., проф. 278.
Пятницкій П. П., проф. 279, 297, 307, 312.
Раздольскій, ст. 306.
Разумовскій А. К., мин. 17, 35, 38, 42.
Радакова Е. П. 217, 317.
Раевская М. Д. 317.
Раевскій А. А., проф. 280.
Раевскій, ст. 159.
Райдаровскій 111.
Раскопки 326, 329.
Реакція 17—19, 37, 121, 128.
Редакторы юбил. унив. изданій 268
Рейнботъ, канд. 232.
Рейнгардъ В. В., проф. 279.
Рейнгардъ Л. В., проф. 279, 320, 312.
Рейнишъ А. Г., ад. 60—1, 98.
Рейнольскій И. Н., проф. 66, 72, 123, 126.
Рейтъ Б. О., проф. 10, 33—4, 43, 60—2, 68, 105.
Рейцъ А. Ѳ., поч. чл. 132.
Ректоры у-та 27—31, 46, 120—1, 130—1, 177, 184, 206, 229, 231, 239, 241—2, 245, 248—9, 252, 255—6, 263—4.
Репревъ А. В., проф. 257, 267, 281.
Ресницкій А. К., инсп. 270.
Ржевскій, ст. 159.
Рижскій И. С., проф. 9, 11, 27—8, 39, 46, 49, 59, 70, 77—8, 81, 85, 92—3, 98, 104—6, 109, 112, 327.
Рикордъ, поч. чл. 38.
Риттеръ П. Г., пр.-доц. 277—8.
Рихтеръ, поч. чл. 37.
Робинзонъ А. П., проф. 133, 141.
Робушъ М. К., проф. 40, 51, 65, 168.
Роговскій Е. А., проф. 279.
Рогожинъ Ѳ. Ф., инсп. 236—9, 269.
Родзаевскій Д. К., проф. 281.
Розальонъ-Сошальскій, помѣщ. 3, 12.
Розальонъ-Сошальскій 43, 69, 93, 98.
Романовичъ-Славатинскій 196—7.
Роммель Х., проф. 33, 41—3, 48, 60, 69, 70, 77—8, 81, 83—4, 92, 98, 104, 106.
Рославскій-Петровскій А. П., проф. 125, 130, 133, 137, 149, 159, 167—8, 172, 175—7, 193, 199—200, 217—18.
Ротертъ В. А., проф. 279.
Рощупкинъ, ст. 160.
Рубинскій К. И. 297.
Рубинштейнъ И. О. 323.
Румянцевъ Н. П., поч. чл. 37.
Руничъ 17, 21, 38.
Русское Собраніе 322.
Рындовскій Г. С., проф. 133, 141—2, 167, 169.

Рѣдинъ Е. К., проф. 216, 268, 278, 299, 317, 322, 326, 328—9.
Рѣзниченко, ст. 306.
Рѣчи актовыя 11, 77, 81—2, 85, 108—9, 175, 317—18.
Сабуровъ, мин. 191, 235.
Савва В. И., проф. 278, 322, 328.
Савицкій 81.
Сагателовъ, ст. 306.
Садъ ботаническій 72, 74—5, 114, 169, 207, 210.
Садъ университетскій 9.
Салтыковъ, поч. чл. 193.
Самоуправленіе унив. 12, 16, 27, 47, 116—117, 244, 261—3, 265.
Сарторіусъ 33.
Сарычевъ, поч. чл. 38.
Сборники студенч. сочиненій 94—5, 161, 307.
Сборникъ ученич. стихотв. 104.
Сборникъ статей и изслѣдованій о Пушкинѣ 325.
Сборникъ Истор.-Филол. Общ. 327.
Свиридовъ И. А., проф. 133—4, 141—2, 154, 164, 167, 217.
Свѣтухинъ М. И., пр.-доц. 282.
Севастьяновичъ, врач. инсп. 168.
Секретари ф-товъ 15.
Селастенниковъ, ст. 182.
Селивановъ 69, 159.
Семинаріи 87, 113, 157.
Семинарій педагогич. 160.
Сенюткинъ, ст. 159.
Серафимъ, митр. 18, 38, 97.
Сергіевскій, проф. м. у. 201.
Серковскій, ст. 306.
Сиверсъ, губ. 181—2.
Сивоктъ, уч. 10, 69.
Сильвестръ, арх. 35.
Симоновъ, поч. чл. 132.
Синдикъ у-та 15, 116—17, 125, 237.
Синцовъ Д. М., проф. 278.
Скворцовъ И. П., проф. 257, 260, 267—8, 282, 318.
Скворцовъ Н. Е. 322.
Склабовскій А. В., проф. 30, 59, 93—6, 104, 109, 111—12, 168.
Сковорода Г. С., 3, 112, 325.
Сливицкій И. А., проф. 133, 137, 168.
Слушатели посторонніе 87, 130, 179. 180, 183, 207, 210—211, 304—5.
Смарагдъ, еп. 122.
Смирновъ, ст. 306.
„Сніп“, малор. литер. сборникъ 171.
Собѣстіанскій И. М., проф. 280.
Совѣтъ у-та 13—14, 27—35, 37—41, 129—133, 178—180, 182—5, 187, 190, 193—7, 200—206, 211—12, 216—220, 222—4, 226—8, 231—235, 244—5, 256—269, 293, 302, 312, 318.
Сокальскій П. И., проф. 35, 40, 60, 123, 133, 136—7, 154—5.
Сокальскій П. П., проф. 130, 133, 138, 159, 168, 191, 200, 202—3, 211, 214, 220, 222, 233, 280, 297, 322.
Соколовскій, ст. 95.
Соколовъ Н. Д., проф. 133, 138, 140, 149, 152, 154, 163, 206.
Соколовъ Н. А., проф. 260, 281—2, 312.
Соловьевъ С. В., проф. 278.
Сомова 297, 322.
„Соображенія о приведеніи въ дѣйствіе новаго устава“ (1884 г.) 246—7.
Сообщенія ученыя въ совѣтѣ 40—1.
Сорочинскій, ст. 96.
Сочиненія медальныя 89, 160, 305—307.
Спасскій Н. Т., ад. 36, 52.
Спасскій, куп. 6.
Сперанскій, поч. чл. 38.
Спѣсивцевъ, свящ. 298, 323.
Средства матеріальныя у-та 72—3, 192, 204, 207, 210, 288, 294—6, 300—303.
Срезневскій И. Е., проф. 46, 50, 59, 93, 104, 109, 111—12.
Срезневскій П. И., проф. 95—6, 107, 111, 133—4, 137—8, 144, 150—1, 159, 165, 168, 170, 193.
Сталинскій 214.
Станиславскій А. Г., проф. 133, 140, 143, 186.
Станкевичъ И. Н., проф. 215, 223.
Станція метеорологическая 296.
Статистическій Листокъ 214.
Стевенсонъ 32.
Стекловъ В. А., проф. 260, 267—8, 278, 312, 320.
Стельмаховичъ М., проф. 160, 168.
Степановъ Т. Ѳ., проф. 36, 53, 63, 71, 109, 130—1, 133, 141, 145—8, 154—5.
Степановъ П. Т., проф. 134, 168, 174, 205, 223, 248, 260, 279, 322.
Степени ученыя 39—40, 53—4, 119, 123, 265.
Стипендіи 164, 186, 189, 206—207, 216, 238—9, 293, 308—9, 323.
Стипендіаты для приготовленія къ профессорскому званію 34, 232, 234, 276—7.
Стойковичъ А. И., проф. 9, 27—8, 31, 34, 37, 41—3, 46, 49, 63, 65, 70, 74, 80—2, 84, 104, 107.
Стояновъ А. Н., проф. 168, 174, 214, 222—3, 228, 248, 279—80, 318.
Страховъ, поч. чл. 37.
Строгановъ А. Г., поч. чл. 132.

Строгановъ С. Г. 186.
Струве, поч. чл. 132, 152, 193.
Струве А. К., проф. 133, 142.
Струве Л. О., проф. 278.
Студенты 9, 86—101, 155—165, 220—242, 303—316. Статистическія данныя о нихъ (число студентовъ, число окончившихъ курсъ) 87—8, 90—1, 155—8, 179, 207, 210—11, 304—5; правила для студентовъ 98—9, 161—2, 229, 256, 303; отношеніе студентовъ къ лекціямъ и наукѣ 89—90, 181—4, 223, 236; практическія занятія 69, 224—8, 259, 264, 271, 287—8, 299, 302, 315; экскурсіи научныя 307; научно-литературная дѣятельность 92—5, 158—161, 307; студ. хозяйственная организація 97—8; студенческія организаціи (кружки, кассы, читальни и пр.) 96—7, 221—2, 225, 264—6, 271, 307, 315—16; студ. судъ 266; студ. отд. библіотеки 207, 228, 297, студенческія волненія 163—4, 226, 229—232, 244, 253—5, 260—1, 271, 310—315.
Субботинъ М. С., проф. 281.
Судіенко 103.
Судъ университетскій 14—15, 46, 119, 174, 177, 180, 204, 206, 266—8.
Сумцовъ Н. Ѳ., проф. 172, 250—1, 257, 268, 277, 299, 312, 320, 322, 326, 328.
Суровцевъ 6.
Сухомлиновъ И. И., проф. 35, 64, 84, 99.
Сухомлиновъ М. И., поч. чл. 159, 168, 269, 297.
Съѣзды археологическіе 250, 299, 319—20, 325—9.
Таліевъ В. И., пр.-доц. 279, 282.
Тарасовъ, ст. 306.
Таубе М. А., пр.-доц. 280.
Тауберъ А. М., проф. 64, 83.
Тауберъ Л. Я., пр.-доц. 280.
Твердохлѣбовъ А. Д., 298, 317.
Театръ анатомическій 56, 72, 75, 293, 296.
Театры 96, 100.
Тебеньковъ М. Д., поч. чл. 132.
Темы медальныхъ сочиненій 89, 160—1, 306.
Терновскій Ф. А. 195—6.
Терещенко, поч. чл. 133.
Тимирязевъ К. А., поч. чл. 268.
Тимковскій И. Ѳ., проф. 2, 7—10, 31, 39, 46, 49, 63, 70, 79, 81, 103—4.
Тимофей, архим. 97.
Тимофеевъ Т. Е., пр.-доц. 279.
Тимоѳеевъ В. Ѳ., проф. 279.
Типографія у-та 8, 9, 47, 73, 109, 114, 170, 180, 214, 210, 294.
Титаревъ, маг. 53, 81.
Титовъ В. П., поч. чл. 132.
Тихій, ст. 306.
Тихомандрицкій М. А., проф. 260, 278.
Тихоновичъ П. В., проф. 133, 136, 154—5, 168, 223.
Тихоновичъ, Ѳ. В., проф. 134, 168, 174.
Тихоновичъ, ст. 306.
Ткачевъ Г. И. 323.
Толочиновъ Н. Ф., проф. 260, 282, 295, 317.
Толстой Д. А., мин. 191, 211, 244.
Тонъ А. А., проф. 133, 140.
Торбеке, поч. чл. 132.
Тринклеръ Н. П., проф. 282.
Трифильевъ Е. П., пр.-доц. 278, 326, 328—9.
Троицкій И. В., проф. 282.
Трощинскій, ст. 95.
Труартъ, лект. 278.
Трубецкой, поч. чл. 38.
Труды Харьков. предварит. комитета по устройству XII Археол. Съѣзда 327.
Трутовскій Я. Я., пр.-доц. 280.
Турбаба Д. П., пр.-доц. 279.
Туровѣровъ И. М., рег. 308.
Турчаниновъ Н. С., поч. чл. 194.
Тюринъ 168.
Тютрюмовъ, чл. суд. пал. 281.
Тютчевъ, ст. 159.
Уварова П. С., 299, 328.
Уваровъ С. С., мин. 19, 24—5, 27, 45, 53, 101, 117, 119—122, 126—8, 132.
Украинскій Альманахъ 111.
Украинскій Домоводъ 111.
Украинскій Вѣстникъ 47, 110, 111.
Украинскій Журналъ 95, 111.
Уляницкій В. А., пр.-доц. 260, 280.
Умлауфъ Л. А., проф. 9, 59, 60, 68, 104.
Урюпинъ Е. Е. 3, 6.
Успенскій Г. П., проф. 31, 35, 46, 49, 61, 63, 70, 77—8, 83—5, 96, 98—100, 104, 107, 327.
Уставъ 1804 г. 12—16, 47, 85—6, 117, 177.
Уставъ 1835 г. 47, 101, 116—17, 134, 155—6, 161, 165, 174, 177.
Уставъ 1863 г. 172—7, 180, 183, 195, 199, 205, 220—1, 224, 229, 235, 239.
Уставъ 1884 г. 228, 241, 243—8, 251—6, 259—62, 264, 266, 269, 273, 275—7, 282, 284, 287, 291, 303—4.
Устиновъ В. М., пр.-доц. 280.
Утренняя Звѣзда 111.
Ученыя Зап. Харьк. У-та 111.
Училища 15, 83, 101—107, 110—111, 117, 118.

Училище главн. народ. 87.
Училище казенное 2—3.
Училище Пушкинское 322.
Учителя свободныхъ искусствъ 10, 54, 69.
Ушинскій М. Г. 4.
Факультеты: раздѣленіе ихъ на отдѣленія 26, 173, 180, 200, 283—4, 289; засѣданія и дѣятельность ихъ 45, 196—199.
Факультетъ историко-филологическій (словесное отд. или 1-е отд. философ. ф-та) 13, 54, 58—61, 75, 77—9, 88—9, 91, 124, 128, 133—8, 149, 156, 158—9, 161, 173, 176, 179—180, 196—204, 206—208, 210—211, 218, 226—7, 248, 258, 273—4, 276—8, 282—4, 288—290, 297, 300, 305—308, 315.
Ф. физико-матем. (математ. отд. или 2-е отд. философ. ф-та) 13, 26, 54—58, 63—6, 79—80, 82—3, 88—9, 91, 124, 133—4, 138—140, 156—8, 161, 168, 173—4, 179, 203, 207—8, 210—211, 232, 248, 258, 271, 277—9, 282—4, 289—90, 295, 300—302, 305, 315.
Ф. юридическій (этико-полит. отд.) 13, 36, 54, 58, 88—9, 91, 128, 133—4, 140—1, 149, 157—8, 173—6, 179—180, 199—202, 207—208, 210—212, 226, 248, 258, 273—4, 277, 279—281, 283—5, 287—8, 289—290, 292—3, 297, 305, 315.
Ф. медицинскій (врачебное отд.) 13, 40, 45, 56, 58, 66—8, 75, 80—1, 83, 88, 90—1, 115, 123, 126, 130, 133, 135, 141—3, 156—8, 161, 173—4, 179, 189, 198, 204, 207—8, 210—211, 219—220, 226—7, 234, 248, 250, 258—9, 273—5, 277, 281—3, 287—290, 293, 300, 304—5, 315.
Фаминцынъ А. С., поч. чл. 269.
Фатѣевъ А. Н., пр.-доц. 267—8, 280, 307.
Федоренко И. И., проф. 133, 139, 223.
Федоровскій 323.
Ферберъ Ю. А., лект. 278.
Ферейны 320.
Феслеръ 35.
Филаретъ, поч. чл. 132.
Филатьевъ В. И., поп. 23—4, 26, 30, 36, 39, 44, 52—3, 100.
Филевскій І. І., пр.-доц. 278.
Филимоновъ Ю. Ю., 238—9.
Филиморъ, поч. чл. 132.
Филипповичъ Ф. И., ад. 10, 62.
Филипповъ Н. Н., пр.-доц. 282.
Филомафитскій Е. М., проф. 40, 60—1, 99, 105, 109—10, 112, 168.
Филомафитскій А. М., 167.
Филоновъ Б. Г., 168.
Фихте 49.
Фишеръ, поч. чл. 37, 51.
Фойгтъ К. К., поп. 129, 130—1, 153, 177—186, 193, 229.
Фотіевъ, свящ. 4, 11, 12.
Фотій, архим. 18.
Франкъ, поч. чл. 37.
Фурсовъ, ст. 306.
Фусъ, поч. чл. 22, 37.
Халанскій М. Е., проф. 167, 268, 277, 307, 326.
Халанскій 167.
Харитоненко И. Г. 189, 191, 293, 323.
Харичковъ К. В., пр.-доц. 279.
Харьковскія Губ. Вѣдомости 160, 175, 214, 230.
Харьковскій Демокритъ 110—111.
Харьковскій Домоводъ 110.
Харьковскія Извѣстія 110—111.
Харьковская Муза 110.
Харьковскій Статистическій Листокъ 191.
Харьковъ, газ. 214.
Хвостовъ 37.
Хлапонинъ 43, 53, 81.
Хлоповъ, ст. 159.
Ходаковскій 83.
Ходневъ А. И., проф. 139, 143, 149, 153, 169.
Хорватъ, ген. 6.
Христофоръ Сулима, арх. 11, 87.
Хрощевскій Н. А., проф. 198, 201, 220.
Хрущовъ Д. 69, 90.
Хрущовъ И. П., поп. 254.
Хрущовъ К. Д., поч. д-ръ 269.
Хрущовъ Н. А. 323.
Хрущовъ П. Д., пр.-доц. 269, 279.
Хуторъ земледѣльческій 125.
Цахъ, поч. чл. 37.
Цезарія 33.
Ценковскій Л. С., проф. 272, 279.
Церковь университетская 324.
Цертелевъ Н. А., пом. поп. 122, 126—7, 131—2, 158.
Цертелевъ, кн., нит. х. у. 168.
Цингеръ В. Я., поч. чл. 269, 289.
Цыхъ В. Ф., проф. 36, 60—1, 70, 167.
Цыцуринъ 167.
Цѣхановецкій Г. М., проф. 214, 234, 241—2, 272, 280.
Чановъ Ѳ. Ѳ., проф. 24, 36, 50, 61—2.
Чадовъ, ст. 306.
Чевкинъ К. В., поч. чл. 132.
Чепелкинъ 164.
Черевковъ А. М., 282.
Чернай А. В., проф. 133, 139, 141, 143, 149, 151—3, 187, 223.
Черноволотъ, ст. 306.

Черняевъ В. М., проф. 35, 40, 51—2, 64, 72—3, 75, 85, 125, 139, 143, 149, 150, 152, 168, 217.
Чествованія университетомъ выдающихся дѣятелей 194, 307, 325.
Чириковъ Г. С. 168, 216.
Чирпковъ А. Д., проф. 281.
Члены-корреспонденты 13, 179, 193.
Члены почетные 13, 36—7, 38, 132—3, 179, 185—7, 193—4, 268—9.
Чичаговъ, поч. чл. 37, 75.
Чубинскій М. П., проф. 267—8, 280, 322.
Чуевскій И. А., пр.-доц. 282.
Шагинъ А. Ф., проф. 66, 85, 133, 138.
Шадъ И. Е., проф. 9, 31, 33—4, 37, 41—4, 46, 49, 53, 60—2, 65, 68, 70, 79, 81—2, 85, 110, 176, 200.
Шауфусъ, поч. чл. 38.
Швейкартъ Ф. Л., проф. 33, 43, 49, 62, 70, 81.
Шедеви М. И. 323.
Шепелевичъ Л. Ю., проф. 278, 326.
Шепфлинъ, уч. 10, 69.
Шереметевъ, поч. чл. 38.
Шереръ, поч. чл. 37.
Шерцль В. И., проф. 197, 222, 277.
Шерцль Р. И., проф. 222, 277—8, 299.
Шіялоя, поч. чл. 132.
Шидловскій Гр. 4—5.
Шидловскій А. П., проф. 133, 139, 152, 167.
Шилтовъ А. М., проф. 168, 281.
Шимановъ 160, 168.
Шимковъ А. П., проф. 168, 197, 205, 214, 222—3, 228, 278, 318, 320, 322.
Шимкова М. А. 320.
Ширинскій-Шихматовъ, мин. и поч. чл. 38, 119, 120, 127—8.
Шишковъ, мин. 17—18, 21, 23, 37, 95, 113.
Школа ветеринарная при у-тѣ 168.
Школа ланкастерская 106.
Школы XVIII в. 2.
Школы 13, 101—103, 105—6, 108.
Шкляревичъ 53, 167.
Шлецеръ, поч. чл. 37.
Шмерфельдъ Д. И., ад. 10, 64, 68.
Шнаубертъ И. А., проф. 10, 33, 41, 64, 83.
Шпитали 2.
Шпревитцъ 75.
Шпренгель, поч. чл. 37.
Шредеръ, поч. чл. 38.
Шрейберъ, поч. чл. 37.
Шрейдеръ, Е. Е., худ. 317.
Штейнъ 115.
Шторхъ, поч. чл. 37.
Шульцъ Г. Ф., проф. 260, 267—8, 277, 299, 312.
Шуманъ, маг. 53, 81.
Шуманъ 115.
Шумлянскій И. М., проф. 31. 46, 50. 66, 72, 83, 104.
Щеглеевъ С. С., ад. 133, 139, 153, 155.
Щелковъ, И. П., проф. 153, 155, 168, 192, 223, 232, 248, 255, 269, 281.
Щербининъ 3.
Щоголевъ Я. И. 171.
Эдельбергъ А. Н. 295—6, 322.
Эйнбродтъ П. П., проф. 139, 169.
Экзамены 57, 177, 246, 264—5, 289—293; экзаменаціонныя коммиссіи 291—3; экзаменныя требованія и программы 283—5, 291.
Экебладъ Х. А., проф. 35, 67, 70—1.
Эльтековъ А. П., проф. 279.
Эпидемія холерная 169.
Эрбенъ, поч. чл. 132.
Эстампы 8, 75.
Этнографія, этнографич. работы, коллекціи 170, 299, 326—7; этнографич. музей 296, 319, 328.
Южный Край, газ. 214.
Юргевичъ В. Н., проф. 133, 136.
Юшковъ 6.
Ягичъ, поч. чл. 204, 268.
Языковъ, поч. чл. 38.
Якимовъ, проф. 36, 52, 59, 93, 123, 133, 135, 158—9, 168.
Якобій В. А., проф. 104—5, 236.
Якоби Б. С., поч. чл. 132.
Якобъ Л. К., проф. 33, 37, 40, 43, 49, 63, 68, 79, 81—2, 98, 104, 107—8.
Ярошевскій, лабор. 323.
Ярошъ К. Н., проф. 232, 260, 280.
Ясинскій П. А., проф. 168, 282, 306.
Яснопольскій Л. Н., пр.-доц. 280.
Ястржембскій В. А., пр.-доц. 267, 280.
Яхимовичъ, д-ръ 53.
Яцуковичъ Н. Н., проф. 193, 213, 279.
Ѳедоровскій, ст. 306.
Ѳедотовъ А. А., проф. 123, 133.
Ѳеофилактовъ К. М., поч. чл. 268.